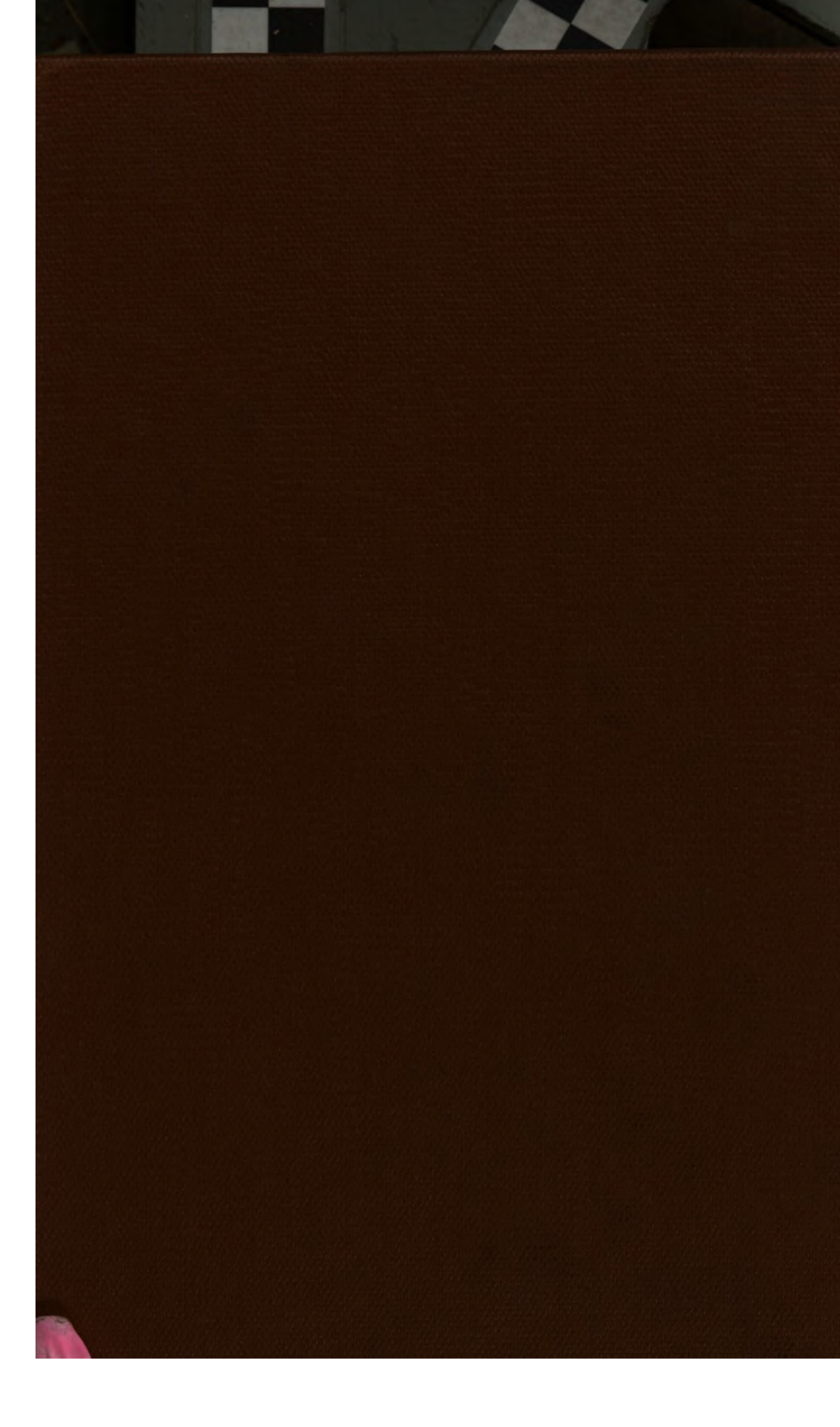


МАРТЪ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 марта 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **Омутъ**. Повѣсть. *А. Погорѣлова*. I—XI . . . . . 3— 50
2. *** Стихотвореніе *Н. Шрейтера*. 50
3. **Изъ записокъ декабриста** (Записки моего времени, воспоминаніе о прошломъ). *Н. И. Лорера*. . . . 51— 92
4. *** Стихотвореніе *Г. Галиной*. 92
5. **На камнѣ**. Акварель. *Мих. Коцюбинскаго*. Переводъ съ малорусскаго. Я. Ш. . . . . 93—106.
6. **Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.** *А. А. Корнилова*. Продолженіе. . . . . 107—140
7. **Темный островъ**. Изъ заграничныхъ воспоминаній. *С. Елпатьевскаго*. . . . . 141—160
8. **Сотрудница**. Романъ *Л. Мюльфельда*. Переводъ съ франц. В. Кошевичъ. Продолженіе . . . . . . 161—196
9. **Радость** (Изъ дамскаго дневника). *О. Н. Ольнемъ*. . . . . 197—231
10. *** Стихотвореніе *В. Ка—зневъ*. 232
11. **Пасторъ Клинггаммеръ**. Романъ *Гегелера*. Переводъ съ нѣмецкаго I. Я. Продолженіе. (Въ приложеніи). 65— 98

12. **Памяти Николая Константиновича Михайловскаго**. *Н. Карышева*. . . . . 1— 15
13. **Новыя книги:**
И. Раковичъ. Любовь побѣдила.—Сергѣй Рафаловичъ. Противорѣчія.—О. Н. Ольнемъ. Очерки и разсказы.—Маркъ Криницкій. Чающіе движенія воды.—Гр. Левъ Толстой. Составили П. Н. Красновъ и Л. М. Вольфъ.—Проф. Г. Гефдингъ. Философія религіи.—Альберъ Метенъ. Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи.—Уго Раббено. Аграрный вопросъ въ Австралійскихъ колоніяхъ.—Францъ фонъ-Листъ. Учебникъ уголовнаго права. — Шульце, Э., д-ръ. Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни.—И. Г. Алибеговъ. Народное образованіе на Кавказѣ.—По Екатерининской желѣзной дорогѣ.—Дигамма. Зло всей прессы. Газетное ростов-

См. на оборотѣ).

СТРАН.

щичество.—Селивановскій, И. Какъ выбиться изъ нужды къ достатку.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . 16— 45

14. **Н. К. Михайловскій и западная наука.** *П. Мокіевскаго.* . . . . 45— 50

15. **Изъ Англіи.** *Діонео*. . . . . 50— 71

16. **Буреносцы** (Письмо изъ Германіи). *Реуса*. . . . . 72— 96

17. **Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.** III. Поль Бурже. *Н. Е. Кудрина*. . . . . . . 96—125

18, **Политика.** О причинахъ войны. *С. Н. Южакова* . 125—136

19. **Памяти Н. К. Михайловскаго, какъ соціолога.** *Н. И. Карѣева.* . . . . 137—149

20. **Хроника внутренней жизни:** I. Впечатлѣнія текущаго дня и ихъ отраженія въ печати.—Первыя послѣдствія войны для внутренней жизни Россіи.—Извѣстія изъ неурожайныхъ мѣстностей.—Земскія пожертвованія на флотъ и ихъ оцѣнка въ печати.—Надежды на благотворное вліяніе войны.—Г. Меньшиковъ и его послѣдніе подвиги.—Случай вліянія печати на жизнь. — II. Правительственныя распоряженія и сообщенія. — Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи. — III. Административныя распоряженія по дѣламъ печати. *В. А. Мякотина.* . . . . . 150—183

21. **Телеграммы и письма,** полученныя послѣ кончины Н. К. Михайловскаго его семьей и редакціей „Русскаго Богатства“ . . . . 183—193

22. **Отъ редакціи.**

23. **Отчетъ конторы редакціи.**

24. **Объявленія.**

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ОМУТЪ.

Повѣсть.

I.

На каланчѣ медленно пробило два удара, когда Пахомъ Саввичъ Бутылинъ подъѣхалъ къ дому и позвонилъ у крыльца. Ночь была темная и бурная. Сильный вѣтеръ поднималъ по дорогѣ снѣжные вихри и больно рѣзалъ лицо. Улица была пустынна, только на перекресткѣ, гдѣ сквозь снѣжную пыль тускло мерцали два фонаря, порою выступала изъ мрака темная фигура ночнаго сторожа.

Когда сани безшумно отъѣхали отъ мраморнаго подъѣзда съ колоннами и скрылись за угломъ, Бутылинъ остался одинъ. Ему вдругъ стало холодно и жутко, и онъ боязливо оглянулся, подозрительно покосившись въ глухой переулокъ, гдѣ вѣтеръ крутилъ сильнѣе. Уткнувъ голову въ воротникъ шубы, съежившись и согнувъ колѣни, онъ еще разъ порывисто позвонилъ. Вѣтеръ кругомъ его ахалъ, стоналъ и вылъ, мчась откуда-то издалека, дулъ въ уши, сыпалъ колючею пылью... Вдругъ снѣжный вихрь, вырвавшись изъ-подъ ногъ Бутылина и поднявшись вверхъ, превратился въ длинную, тонкую, странную фигуру и съ дикимъ смѣхомъ разсыпался посреди улицы. Нервный холодъ пробѣжалъ у Бутылина по спинѣ, отъ страха онъ зажмурилъ глаза.

„Надо бы хоть пріятеля какого пригласить къ себѣ ночевать—все веселѣе",—подумалъ онъ, представляя себѣ эти слова и звукъ своего голоса такими, какъ-будто онъ съ безпечнымъ видомъ говорилъ это кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Съ закрытыми глазами онъ торопливо нащупалъ кнопку звонка и надавилъ ее изо всѣхъ силъ. Въ отвѣтъ не слышно было изнутри ни малѣйшаго звука. Огромный двухэтажный домъ стоялъ весь погруженный въ темноту.

„Дрыхнутъ всѣ, не слышать", — въ безсильномъ гнѣвѣ думалъ Бутылинъ,—„швейцара прогоню непремѣнно... Зажи-

рѣлъ... А что, если не услышатъ и не отворятъ?“—Онъ не смѣлъ открыть глаза и чувствовалъ, что не двинется съ мѣста и простоитъ тутъ до утра. Наконецъ, внутри дома послышались шаги и стукъ отворяемой двери. Бутылинъ раскрылъ глаза, и опять ему показалось, что снѣжный вихрь, вырвавшись изъ-подъ ногъ, скрутился въ такую же длинную, тонкую, лихо изогнувшуюся фигуру и, поднявшись кверху, исчезъ... И опять среди воя вѣтра ему послышался дикій, насмѣшливый хохотъ.

Въ это время отворилась наружная дверь, блеснулъ свѣтъ, и онъ увидалъ заспаннаго швейцара—босикомъ, въ розовыхъ тиковыхъ штанахъ, въ накинутомъ на плечи ливрейномъ балахонѣ, красный коверъ и стеариновую свѣчу на мраморной лѣстницѣ. Когда онъ входилъ, порывомъ вѣтра свѣчу задуло, и снова все погрузилось въ темноту.

— Мать честная!—проворчалъ швейцаръ и ушелъ въ свою каморку за спичками.

Бутылинъ, словно парализованный, остался недвижимъ, какъ застала его темнота, не смѣя пошевелиться. Когда блеснулъ огонь и на площадкѣ лѣстницы показалась горничная, онъ такъ обрадовался свѣту и живымъ людямъ, которыхъ опять увидѣлъ около себя, что позабылъ обругать швейцара и только сказалъ:

— Однако, ты спишь... Звонилъ, звонилъ...

— Извините: задремалъ, должно быть.

Бутылинъ, снявъ шубу, тяжело поднялся по лѣстницѣ и въ сопровожденіи горничной прошелъ черезъ огромную, темную залу, гдѣ, при слабомъ мерцаніи свѣчки, странно и мрачно блестѣла на стѣнахъ и на мебели позолота.

— Ляжете въ кабинетѣ?—спросила горничная.

— Да, да,—отвѣчалъ онъ.

Горничная стала зажигать свѣчи на письменномъ столѣ.

„Мнѣ иначе нельзя“,—сказалъ про себя Бутылинъ и почему-то странно покосился на телефонъ.

— А Пантелеичъ гдѣ?—спросилъ онъ.

— Вонъ, Пантелеичъ. Спитъ, не слышитъ.

— Не тронь, пусть спитъ.

Въ углу, подъ часами, на войлочномъ тюфякѣ, свернувшись калачикомъ, спалъ сѣденькій старичокъ, ночевавшій здѣсь уже третью ночь по приказанію хозяина.

Мелькомъ взглянувъ на него, Бутылинъ сѣлъ въ кресло передъ каминомъ и отпустилъ горничную. Не смотря на страшное утомленіе, онъ зналъ, что не заснетъ до утра. Оставшись одинъ, онъ сгорбился, согнулся, лицо его осунулось, а въ глазахъ показалась дикая тоска, тоска затравленнаго звѣря.

Полчаса тому назадъ, въ клубѣ, онъ былъ другимъ человѣкомъ. Тамъ онъ былъ тѣмъ, чѣмъ всѣ его знали: милліонеромъ, баловнемъ слѣпого счастія, грубымъ, избалованнымъ, зазнавшимся самодуромъ. Онъ, какъ всегда, грубо и цинично шутилъ, разговаривая съ горными генералами, которыхъ презиралъ за продажность, пилъ вино и поилъ другихъ, разсказывалъ грязные анекдоты и хохоталъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ... Онъ пересидѣлъ всѣхъ, потому что ему было страшно вернуться домой, и, когда уѣхали послѣдніе гости, онъ еще съ полчаса болталъ съ соннымъ, натянуто улыбавшимся буфетчикомъ, чувствуя, какъ надвигается на него тяжелымъ кошмаромъ тоска. У буфетчика слипались глаза. Холодъ и скука заползали во всѣ щели клуба и заполняли собою опустѣвшія комнаты. Оставаться долѣе было безполезно, и онъ уѣхалъ.

„Все мнѣ опротивило",—думалъ онъ:—„все, все... но пуще всего люди... вся эта дрянь и мелочь... нагайкой бы ихъ всѣхъ или хорошей плетью!.. да"...

Замѣтилъ, что двери кабинета остались непритворенными и черезъ нихъ не столько виднѣлось, сколько угадывалось пространство темной, неосвѣщенной залы, Бутылинъ вздрогнулъ, поспѣшно всталъ и, боясь заглянуть въ темноту, притворилъ ихъ. Кабинетъ показался ему непомѣрно огромнымъ, и онъ уже не въ первый разъ пожалѣлъ, что у него такія хоромы. Ему представлялось, что гдѣ-нибудь въ лачугѣ, въ тѣсной крестьянской избѣ, густо наполненной людьми, онъ былъ бы счастливъ и спокоенъ, потому что тамъ нѣтъ ни страха, ни угрузеній совѣсти, ни смертельной тоски, и онъ могъ бы уснуть.

Сквозь каменныя стѣны и толстыя двойныя оконныя рамы глухо доносился шумъ бури, и что-то бѣлое мелькало и билось за зеркальными стеклами во тьмѣ ночи. Зажмуривъ глаза и вздрагивая отъ нервнаго холода, Бутылинъ ощупью спустилъ шторы на всѣхъ четырехъ окнахъ и сѣлъ въ кресло нѣсколько успокоенный. Въ это время пронзительно затрещалъ звонокъ телефона. Бутылинъ поблѣднѣлъ, глаза его округлились отъ ужаса, приняли дикое, безумное выраженіе; онъ вскочилъ и схватился руками за голову.

„Опять",—прошепталъ онъ:—„опять!"...

И какъ-будто не по своей волѣ, а влекомый невѣдомой силой, подошелъ къ телефону и взялъ слуховую трубку. Долго онъ не слышалъ ничего, кромѣ шипѣнія и какъ-будто отдаленнаго хриплаго смѣха, наконецъ, громко и отчетливо страшно знакомый, веселый голосъ проговорилъ:

— Здравствуй!..

— Здравствуй, Иванъ Ивановичъ!—отвѣчалъ Бутылинъ

приниженнымъ голосомъ. Блѣдное и страшное лицо его заискивающе улыбалось.

— Узнаёшь?—спрашивалъ тотъ же голосъ.

— Узналъ-съ... какъ-же-съ...

— Ха, ха!.. еще бы!.. старые друзья... Что мое, то твое, такъ что ли? а?.. ха, ха!..

— Такъ, такъ...

— То-то... Стало быть, я могу распорядиться вполнѣ... а?.. деньги-то вѣдь мои... а?..

— Не всѣ, Иванъ Иванычъ... твоихъ-то сто двадцать тысячъ, не болѣ...

— Врешь, врешь! всѣ мои, всѣ, всѣ... Я умеръ изъ-за нихъ, изъ-за проклятыхъ, такъ онѣ мои... всѣ, всѣ!..

Казалось, говорившій сердился, захлебываясь отъ волненія.

— Я не спорю, Иванъ Иванычъ.

— То-то,—продолжалъ голосъ, успокоившись:—ты не можешь спорить, не смѣешь... Построена монастырская стѣна съ башнями, воздвигнутъ монументъ генералу Глинкѣ, отлитъ колоколъ въ тысячу пудовъ, куполъ у Покрова позолоченъ—и все это пустяки! Пожертвовали мы съ тобой пять тысячъ на Крутогорскій монастырь—и это пустяки!.. мало, мало... Надо еще, еще... ты ничего не придумалъ? Нѣтъ?.. А я придумалъ: каменную каланчу въ Красномъ селѣ...

Бутылина уже нѣсколько дней преслѣдовала странная, неотвязная и совершенно нелѣпая мысль о каменной каланчѣ, и теперь это совпаденіе привело его въ ужасъ.

— Эдакъ тысячъ въ двадцать... въ двадцать пять... понимаешь?..

— Но къ чему, къ чему?..

— Не разсуждай. Грѣховъ у насъ много, очень много... вотъ къ чему. И чтобъ съ фонарями... слышишь?

— Съ какими фонарями?

— Какіе на каланчахъ фонари бываютъ!.. чудакъ!.. Къ имянинамъ моимъ непремѣнно...

— Но вѣдь теперь зима...

— Это ничего, строятъ и зимой. Такъ или не такъ?

— Положимъ, что...

— И еще тебѣ скажу: Чувашевскаго пріиска не покупай...

— Неустойкой оговорено, Иванъ Иванычъ...

— Заплати неустойку... Да смотри, берегись ты этого... этого... этого...

— Чего? чего, Иванъ Иванычъ?

Но въ отвѣтъ опять послышалось только хриплое шипѣніе и глухой, какъ будто удаляющійся смѣхъ. Когда Бутылинъ отошелъ отъ телефона, лицо его было страшно, зубы

стучали, онъ весь дрожалъ. Проснувшійся Пантелеичъ смотрѣлъ на него съ тревогой и удивленіемъ.

— Батюшка, Пахомъ Саввичъ! вамъ опять не здоровится?— спросилъ онъ, поднимаясь съ полу.

— А?.. это ты?..—коснѣющимъ языкомъ отвѣчалъ Бутылинъ съ выраженіемъ застывшаго ужаса на лицѣ.—Это ничего, ничего... это, видишь ли, такъ... Ты спи, спи, Пантелеичъ... ты ничего не слыхалъ?..

— Слышалъ, какъ вы по телефону разговаривали...

— Да, да... разговаривалъ... видишь ли: у меня безсонница... и мнѣ холодно, страшно холодно... Я пить хочу... чего бы испыть?.. а?..

Пантелеичъ подалъ графинъ съ клюквеннымъ квасомъ, но Бутылинъ оттолкнулъ его и налилъ себѣ полстакана коньяку изъ бутылки, стоявшей на подоконникѣ, и выпилъ за одинъ духъ. Потомъ онъ отеръ съ лица холодный потъ, глубоко вздохнулъ и сталъ какъ-будто приходить въ себя.

— О, Господи!—произнесъ онъ и сѣлъ въ кресло, опустивъ голову.

— Ложитесь спать, Пахомъ Саввичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я посижу... Ты спи, а я посижу... О, Господи Боже мой!..

Часы мѣрно и внушительно, густымъ мелодическимъ звономъ пробили три удара. Имъ отвѣтили торопливо другіе часы изъ дальнихъ комнатъ, потомъ гдѣ-то внизу. Бутылинъ, опустивъ руки и склонивъ голову, казалось, задремалъ въ креслѣ. Пантелеичъ постоялъ съ минуту надъ нимъ, потомъ на цыпочкахъ пробрался къ своей постели и сталъ укладываться.

— Ай!!.—вдругъ дико вскрикнулъ Бутылинъ и, вскочивъ съ кресла, обхватилъ голову руками.

Пантелеичъ подбѣжалъ къ нему.

— Что вы, батюшка Пахомъ Саввичъ? больно вамъ?..

— Развѣ ты не слышишь? развѣ ты не слышишь?.. — хриплымъ голосомъ говорилъ Бутылинъ, страшно округливъ глаза. — Опять онъ!.. опять звонитъ!.. опять... слышишь? слышишь?

— Кто звонитъ? Никого нѣтъ. Это вамъ все представляется. Перекреститесь, сотворите молитву... вотъ такъ.

Бутылинъ перекрестился и сѣлъ.

— О, Господи!..—простоналъ онъ.—Неужели ты не слыхалъ?.. Онъ звонилъ опять... У меня уши болятъ отъ этого звона... какъ же ты не слыхалъ?..

— Засыпать стали, вамъ и приснилось.

— О, Боже мой! Боже мой!.. Ты знаешь, онъ хочетъ раззорить меня, Пантелеичъ...

Пантелеичъ молча слушалъ этотъ бредъ и жалостно смотрѣлъ на хозяина.

— Я тебѣ скажу вотъ что,—шепотомъ продолжалъ Бутылинъ: — никто этого не знаетъ... въ полгода сто двадцать тысячъ на вѣтеръ... вотъ оно какъ... вѣдь это бѣда!..

— О комъ вы говорите, Пахомъ Саввичъ?

— О комъ?.. какъ о комъ?.. развѣ ты не слыхалъ?.. А этотъ... который разговаривалъ... Ванька Сальниковъ...

Пантелеичъ набожно перекрестился, на лицѣ его изобразился испугъ.

— Господи Исусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ! — пробормоталъ онъ. — Иванъ Иванычъ Сальниковъ! Да вѣдь онъ въ могилѣ давно!..

— Онъ хочетъ меня раззорить, я знаю,—не слушая, продолжалъ Бутылинъ, — я знаю... Это онъ наслалъ на меня тоску... тоску, да... Тоска у меня здѣсь на сердцѣ, и сна не стало... Я ужъ недѣлю не сплю, Пантелеичъ, цѣлую недѣлю... охъ, спать бы мнѣ, спать... но спать мнѣ нельзя...

— Стало быть, поминъ души своей требуетъ... видно, на томъ свѣтѣ душа его неспокойна,—сказалъ Пантелеичъ.

— Пятнадцать лѣтъ во всѣхъ церквахъ поминаютъ... да... съ тѣхъ самыхъ поръ... Не знаю, чего ему надо... Нагрѣшилъ много, разгульный былъ человѣкъ, не тѣмъ будь помянутъ... Я Сухринскаго старца спрашивалъ: какъ, говорю, отогнать навожденіе? „Послушаніемъ, говоритъ, и молитвою“... Послушаніемъ... вотъ то-то и оно... Нѣтъ, видно, бѣда пришла, Пантелеичъ, бѣда!..

Бутылинъ опять задремалъ.

— Ложитесь-ка, батюшка, въ постельку,—наклоняясь надъ нимъ, вполголоса ласково сказалъ Пантелеичъ.

— А?..—переспросилъ Бутылинъ, раскрывая глаза:—Что ты говоришь? на постелю?.. Нѣтъ, нѣтъ... Я тебѣ скажу вотъ что: я боюсь,—онъ мнѣ во снѣ привидится...

— Я съ вами посижу. Благословясь да перекрестясь, — ничего!.. Пожалуйте, я васъ раздѣну.

— Ну, ладно,—согласился Бутылинъ, поднимаясь.—Только ты не отходи отъ меня... ни на одинъ шагъ... потрудись... за твою службу я тебя не оставлю...

— Ладно, ладно, не бойтесь ничего.

Бутылинъ сталъ въ передній уголъ передъ иконой и началъ молиться.

„Господи! милостивъ буди мнѣ грѣшному“, — шепталъ онъ, кланяясь въ землю, — „Господи, создавый мя, и помилуй“... „Господи, прости и благослови!“—заключилъ онъ и сталъ раздѣваться.

Когда онъ раздѣлся и легъ, Пантелеичъ помѣстился подлѣ него на стулѣ.

— Грѣшимъ много, вотъ отчего,—заговорилъ Бутылинъ, судорожно зѣвая.—Постовъ не блюдемъ, не молимся, старые завѣты забыли... роскошь, объяденіе, чревоугодіе, все грѣхъ, все грѣхъ!.. Грѣшенъ я, охъ, какъ грѣшенъ!.. двумъ господамъ служу: и на скиты, и на православные храмы жертвую... Мамыньку свою забросилъ... Можетъ быть, отъ этого все и есть, можетъ, за нее Господь наказуетъ... Ты не уходи, Пантелеичъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, будьте въ спокоѣ.

— А все гордость,—продолжалъ Бутылинъ,—изъ-за гордости вся погибель... Кто одѣнется хорошо, а другому надо лучше того... вотъ отчего... Охъ-хо-хо-о!.. Смиренія не стало, перестали уважать стариковъ... парижскія да нѣмецкія моды завели... театры, балы, танцы, маскарады... бѣса тѣшимъ... и все это тлѣнъ... да!.. тлѣнъ и суета... Старину позабыли, отъ этого и тоска завелась... да, да...

Бутылинъ закрылъ глаза и сталъ засыпать. Повременамъ онъ вздрагивалъ и стоналъ, но вскорѣ глубоко вздохнулъ, дыханіе его сдѣлалось ровнымъ, и онъ погрузился въ крѣпкій и спокойный сонъ.

Пантелеичъ неподвижно сидѣлъ, склонившись надъ нимъ, смотрѣлъ въ его измученное лицо и вспоминалъ старую, почти позабытую исторію.

II.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Бутылинъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ мелкихъ золотоискателей, которые, не вылѣзая изъ долговъ, годами бьются, какъ рыба объ ледъ, порой доходя до совершенной нищеты, но никогда не теряя надежды на слѣпое счастье, которое вдругъ, въ одну минуту можетъ вывести изъ темныхъ дебрей на широкій просторъ и вознаградить сторицею за годы труда и лишеній.

Дѣла его были совсѣмъ плохи, когда онъ случайно встрѣтился съ другомъ своего дѣтства, такимъ же золотоискателемъ, какъ и самъ, Ваней Сальниковымъ, съ которымъ не видался около десяти лѣтъ. Сальниковъ только-что напалъ на „золотишко“ и по этому случаю находился въ восторженно ликующемъ настроеніи. Онъ обрадовался старому пріятелю и съ первыхъ же словъ сталъ звать его въ компаніоны. Пріятели зашли въ трактиръ, гдѣ основательно выпили, вспоминая старину, а вечеромъ отправились въ садъ „Идеалъ“ и прокутили тамъ до утра. Сальниковъ хвастался привалив-

шимъ къ нему счастьемъ и все упрашивалъ Бутылина вступить въ компанію. Поломавшись изъ приличія, Бутылинъ согласился и черезъ недѣлю совсѣмъ перебрался на пріискъ Сальникова. Лѣнивый, добродушный и легкомысленный гуляка, Сальниковъ былъ въ восторгѣ отъ своего компаніона, который и въ самомъ дѣлѣ оказался сущей находкой. Предпріимчивый, суровый и энергичный Бутылинъ круто принялся за работу, и на пріискѣ сразу всѣ почувствовали, что дѣло перешло въ умѣлыя и крѣпкія руки. Сальниковъ могъ теперь съ спокойною совѣстью по цѣлымъ недѣлямъ пропадать въ Нижне - Айскомъ заводѣ или разъѣзжать по сосѣднимъ пріискамъ, ни о чемъ не заботясь. Мало по малу онъ совершенно устранился отъ всякихъ дѣлъ, положившись во всемъ на компаніона, и сталъ все больше и больше запивать. Между тѣмъ дѣла пошли шибко въ гору. Черезъ пять лѣтъ они оба были уже богачами, имѣли нѣсколько богатыхъ пріисковъ, десятки служащихъ и тысячи рабочихъ...

И вдругъ разразилась катастрофа: Сальниковъ раззорился и умеръ. Виновникомъ его раззоренія былъ другъ его дѣтства, теперешній компаніонъ Бутылинъ. Катастрофа подготовлялась съ дьявольской настойчивостью и терпѣніемъ. Бутылинъ постепенно и осторожно, шагъ за шагомъ переводилъ имущество и капиталы на себя, заставляя безпечнаго и довѣрчиваго друга подписывать какія-то обязательства, бумаги и векселя. Когда разразилась бѣда, Сальниковъ, вопреки очевидности, долго не хотѣлъ признать своего несчастія, долго не хотѣлъ вѣрить предательству друга и съ шутовскимъ видомъ говорилъ о своемъ раззореніи, но, наконецъ, понялъ и испугался. Онъ сталъ просить Бутылина не губить семью, унижался передъ нимъ, плакалъ, валялся у него въ ногахъ, рвалъ на себѣ волосы, грозилъ судомъ, но все было напрасно. „Не будь дуракомъ",—говорилъ ему въ утѣшеніе другъ дѣтства и остался до конца непреклоненъ. У Сальникова описали и продали съ молотка все имущество, самъ онъ умеръ отъ паралича сердца, семья пошла по міру...

Можно съ увѣренностью сказать, что Бутылинъ ни прежде, ни послѣ не страдалъ угрызеніями совѣсти, а вскорѣ и совсѣмъ позабылъ объ этой исторіи. Со стороны общественнаго мнѣнія онъ также не испытывалъ никакихъ неудобствъ. Исторію его обогащенія знали всѣ, въ свое время о ней много говорили, но никто ни словомъ, ни дѣломъ не выразилъ ему своего осужденія. Напротивъ, съ необыкновенною предупредительностью всѣ спѣшили уничтожить въ немъ даже самую тѣнь предположенія о возможности какого-либо осужденія. За то къ несчастному Сальникову общественное мнѣніе отнеслось весьма строго. „Самъ виноватъ", говорили

о немъ: „подписывать ни вѣсть чего — развѣ это мыслимо въ торговомъ дѣлѣ! Въ коммерціи отцу родному вѣрить нельзя".

Бутылинъ быстро пошелъ въ гору и черезъ семь лѣтъ считался уже въ милліонахъ. Онъ занялъ видное мѣсто въ промышленномъ мірѣ и сталъ крупной общественной силой. Въ семейной жизни онъ, впрочемъ, не былъ счастливъ. Его жена, неграмотная и недалекая женщина, разжирѣвшая отъ хорошаго житья, съ нѣкотораго времени находилась въ состояніи полнаго отупѣнія, близкаго къ идіотизму, много ѣла, почти не двигалась и все ждала какой-то бѣды. Сынъ Петръ, на котораго онъ возлагалъ большія надежды, за какую-то исторію былъ исключенъ изъ Горнаго института, сбился съ пути, сталъ пить и женился на арфисткѣ. Отецъ послалъ ему заочное проклятіе и не велѣлъ показываться на глаза. Черезъ годъ, однако, Петръ пріѣхалъ съ женой, испитой, голодный и нищій. Произошла ужасная семейная сцена, отецъ еще разъ проклялъ сына и выгналъ его изъ дому. Петръ запилъ мертвую, жена отъ него вскорѣ ушла, и онъ какъ-то чрезвычайно быстро превратился въ форменнаго золоторотца. Иногда украдкой, съ чернаго крыльца, онъ приходилъ къ матери, и та, какъ нищаго, принимала его въ кухнѣ, плакала, кормила объѣдками, снабжала старыми вещами и провизіей, но денегъ никогда не давала. Можетъ быть, поэтому сынъ появлялся у матери очень рѣдко, только въ случаяхъ крайней нужды. Отецъ никогда о немъ не справлялся, даже запретилъ говорить о немъ въ своемъ присутствіи.

Дочь, горбатая и кривобокая, съ лицомъ испорченнымъ оспой, была безобразна; Бутылинъ стыдился показывать ее въ люди и вмѣстѣ съ женой держалъ въ заточеніи. Была у него мать, восьмидесятилѣтняя старуха, которая, осудивъ его за „мірское прельщеніе", ушла отъ него и поселилась въ скитахъ, въ лѣсныхъ дебряхъ Корчевской заводской дачи. Она пользовалась большимъ почетомъ со стороны окрестнаго населенія за свою строгую жизнь и, вмѣстѣ съ другими скитскими отшельницами, питалась приношеніями добрыхъ людей.

„Охъ, грѣхи, грѣхи!.." вздыхая, шепталъ Пантелеичъ.

Подъ утро, склонивъ голову и опершись локтями въ колѣни, онъ задремалъ. Въ восемь часовъ, когда начало свѣтать, онъ съ трудомъ разогнулъ свою старую спину, посмотрѣлъ на спящаго съ открытымъ ртомъ Бутылина и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

III.

Около полудня Бутылинъ, хмурый и пасмурный, спустился въ контору, которая помѣщалась внизу, въ лѣвой половинѣ дома. При его появленіи испуганно вскочили съ мѣстъ щегольски одѣтые, подстриженные, чистенькіе молодые люди, усердно писавшіе и щелкавшіе на счетахъ.

Бутылинъ, не отвѣчая на поклоны и не измѣняя сердитаго выраженія лица, грузнымъ и тяжелымъ шагомъ прошелъ въ кабинетъ управляющаго конторой, Степана Ильича Полѣнова. Управляющій, видный мужчина съ великолѣпными бакенбардами, въ золотыхъ очкахъ, также испуганно поднялся ему на встрѣчу.

— Милости просимъ!—съ ненатуральной развязностью воскликнулъ онъ, привѣтливо улыбаясь:—пожаловали, наконецъ... и, какъ всегда, очень кстати...

Бутылинъ хмуро, не подавая руки и не отвѣчая на привѣтствіе, грузно опустился въ кресло передъ столомъ.

— Весьма кстати,—путаясь, продолжалъ управляющій,—есть кое-что эдакое... требующее личныхъ указаній... Какъ ваше драгоцѣнное здоровье, многоуважаемый Пахомъ Саввичъ?

— Вотъ что,—сказалъ Бутылинъ, упорно и хмуро глядя въ окно:—Чувашевскій пріискъ не покупайте, не нужно.

На лицѣ управляющаго выразилось удивленіе и тревога.

— Почему же, Пахомъ Саввичъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Такъ... я раздумалъ.

— Но вѣдь удобно ли теперь...

— Все равно, я раздумалъ.

— А неустойка?

— Неустойку заплатимъ.

— Но почему же, почему, многоуважаемый Пахомъ Саввичъ?

— Такъ нужно.

— Позвольте вамъ доложить, Пахомъ Саввичъ: во-первыхъ, по развѣдкамъ дѣло вполнѣ надежное... во-вторыхъ, Косулинская жила, сами знаете, пошла къ Чушкиной гари... Инженеръ говоритъ, что, если взять вправо и ударить вдоль по долинѣ...

— Ты поговори у меня!.. ну!..—вдругъ страшно побагровѣвъ, вскричалъ Бутылинъ и ударилъ кулакомъ по столу.—Безъ тебя знаю!.. Косулинская жила!.. все знаю... жила... чортъ тутъ, а не жила!.. Молчи, умолкни!.. Всѣ вы только языкомъ болтать...

— Ваше дѣло, конечно,—промолвилъ управляющій, блѣднѣя отъ оскорбленія.

— Ну да, и не разсуждать!.. Я говорю: не надо. Понятнымъ языкомъ я говорю или нѣтъ?

— Какъ вамъ угодно.

Съ минуту длилось тягостное молчаніе. Бутылинъ нахмурился еще больше и, отдуваясь, тяжело дышалъ. Въ немъ, видимо, происходила борьба, лицо постепенно багровѣло, а правая рука выбивала по столу мелкую дробь.

— Да,—проговорилъ онъ, наконецъ,—моя во всемъ воля: что хочу, то и дѣлаю... Дѣло мое, я всему хозяинъ.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ управляющій.

Бутылинъ замолчалъ, барабаня пальцами по столу. Такъ прошло минуты двѣ. Вдругъ онъ густо покраснѣлъ и проговорилъ съ видимымъ усиліемъ:

— Еще вотъ что: прикажите архитектору составить проектъ и смѣту каменной пожарной каланчи стоимостью тысячъ въ двадцать или двадцать пять... не больше двадцати пяти тысячъ никоимъ образомъ... Строить теперь же, зимой... въ Красномъ селѣ... Въ половинѣ февраля должно быть готово.

— Осмѣлюсь спросить...—началъ было удивленный управляющій, но Бутылинъ сталъ красенъ, какъ свекла, и съ чрезвычайнымъ раздраженіемъ перебилъ его:

— Молчите!.. дайте сказать!.. что у васъ языкъ, какъ у худой бабы!.. Отправляйтесь сегодня же сами или пошлите кого-нибудь въ Красное село,—продолжалъ онъ болѣе спокойно,— взять приговоръ у мужиковъ и прочее... словомъ, устройте все, что требуется... Помните: каменная каланча съ фонарями стоимостью до двадцати пяти тысячъ... Если мужики заартачатся, дайте имъ, подлецамъ, или выставьте вина...

Управляющій поспѣшилъ скрыть свое изумленіе и только промолвилъ:

— Эти канальи, конечно, не преминутъ воспользоваться: сдерутъ дикую пошлину.

— Ну, и дайте имъ!.. не торгуйтесь, ну ихъ къ шуту... Ассигнуется на все до двадцати пяти тысячъ... Поняли?

— Совершенно.

Окончивъ съ этимъ дѣломъ, Бутылинъ повеселѣлъ.

— А ну-те, Степанъ Ильичъ,—дружески сказалъ онъ управляющему,—узнайте, готова ли лошадь.

— Сейчасъ,—сказалъ тотъ и вышелъ.

Оставшись одинъ, Бутылинъ засмѣялся.

— Погоди, я еще не поддамся,—проговорилъ онъ и погрозилъ кому-то кулакомъ,—пусть и каланча, и Чувашевскій пріискъ—все это вздоръ, пустяки... не въ томъ дѣло... это мы все наверстаемъ...

— Лошадь у подъѣзда,—сказалъ, входя, управляющій и распахнулъ передъ Бутылинымъ двери.—Дѣла кой-какія есть, но я вижу вамъ некогда...

— Къ главному начальнику,—промолвилъ Бутылинъ, садясь въ сани, и тысячный конь, взрывая снѣгъ и разсѣкая широкою грудью воздухъ, могучей рысью помчался по широкимъ, прямымъ улицамъ города. Минутъ черезъ десять сани остановились передъ дворцомъ главнаго начальника. Бутылинъ, выйдя изъ саней, поднялся по ступенькамъ крыльца на площадку, по бокамъ которой лежали большіе чугунные львы, выкрашенные въ желтую краску, и хотѣлъ позвонить; но двери сами собой широко передъ нимъ растворились, и сѣденькій старичокъ съ благодушнымъ, улыбающимся румянымъ лицемъ, одѣтый въ ливрею, закивалъ ему головой съ фамильярной привѣтливостью.

— Пожалуйте, дома, принимаютъ,—радостно улыбаясь, говорилъ онъ, снимая съ Бутылина шубу.

— Здравствуй, здравствуй, Иванъ Ипполитычъ,—также улыбаясь, отвѣчалъ Бутылинъ.—У генерала кто-нибудь есть?

— Какой-то проситель... такъ, изъ неправскихъ... Да вы пожалуйте сперва къ генеральшѣ. Ждутъ, не дождутся. У нихъ дамы сегодня комитетскія. Вотъ онъ васъ проводитъ.

Бутылинъ въ сопровожденіи молодого лакея сталъ подниматься по лѣстницѣ.

IV.

На половинѣ генеральши происходило засѣданіе комитета дамскаго благотворительнаго общества. Засѣданіе, какъ всегда, было шумное и оживленное. Десятка полтора дамъ, старыхъ и молодыхъ, столпившись въ гостиной передъ сдвинутыми вмѣстѣ столами, на которыхъ въ безпорядкѣ разбросано было что-то яркое и пестрое, горячо спорили звонкими голосами.

Сама хозяйка, маленькая миловидная старушка, имѣла усталый, измученный видъ. У ней, какъ у предсѣдательницы, было столько заботъ и хлопотъ, что она приходила въ отчаяніе. Во-первыхъ, черезъ двѣ недѣли имѣлъ быть торжественный актъ въ дѣтскомъ пріютѣ и годичное собраніе членовъ общества, слѣдовательно, надо было приготовить подарки и все необходимое для выставки пріютскихъ издѣлій, украсить залу, поторопить секретаря съ составленіемъ отчета, разослать приглашенія и прочее; во-вторыхъ, около этого же времени устраивался ежегодно костюмированный балъ и благотворительный базаръ въ пользу пріюта, а съ этимъ хлопотъ было еще больше.

Пересмотрѣвъ разбросанныя на столахъ и диванахъ вещи, заглянувъ въ какой-то списокъ, задавши какой-то вопросъ сидѣвшей рядомъ дамѣ и получивъ, повидимому, не совсѣмъ удовлетворительный отвѣтъ, хозяйка подняла глаза, какъ-бы ввѣряя себя провидѣнію, и, безнадежно сложивъ руки, опустилась въ кресло въ полнѣйшемъ изнеможеніи.

— Ахъ, но ничего, то-есть, рѣшительно ничего не выйдетъ!—воскликнула она плачевнымъ голосомъ.

— Но почему же? почему?—возразила стоявшая рядомъ съ ней дама.—Выйдетъ и очень хорошо, вотъ увидите. Вы посмотрите: архіерейская подушка уже готова и, по моему, прелесть, прелесть! Я не понимаю, отчего вамъ не нравится. Немного дорого, но за то изъ лучшей мастерской и какой матеріалъ!.. Ахъ, да!—вдругъ перебивая себя, спохватилась она:—а рѣчь-то, рѣчь, какъ же рѣчь?.. Владиміръ Ивановичъ, какъ же рѣчь? вы еще не написали?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, эта рѣчь!.. я совсѣмъ о ней позабыла,—всполошилась генеральша:—у меня голова кругомъ... Владиміръ Иванычъ, вы, конечно, написали, написали? неужели не написали?

— Написалъ,—спокойно улыбаясь, отвѣчалъ высокій молодой человѣкъ, поднимаясь изъ угла, гдѣ онъ сидѣлъ за небольшимъ столикомъ. Его гладко остриженная, словно выточенная голова, тонкіе съ приподнятыми кверху концами усики, тщательно выбритый подбородокъ, преувеличенно модный полужокейскій костюмъ съ какими-то особенными манжетами и воротничками, манеры шпюта и вся вообще неправдоподобная, каррикатурная наружность странно противорѣчили умному и холодному стальному взгляду его сѣрыхъ глазъ.

— Написать-то написалъ,—продолжалъ онъ, принимая комически наивное выраженіе,—только меня смущаетъ одно обстоятельство... Будетъ сказано: наши труды, искусство, преподанное намъ, и прочее... а между тѣмъ подушка-то вѣдь изъ магазина мадамъ Теодоръ... ловко ли?

— Ну, вотъ!.. что вы!.. ахъ, какой онъ!.. вотъ смѣшной!..—заговорили дамы.—Нѣтъ, какъ это вы не понимаете: но если у насъ изящному рукодѣлью не обучаютъ... вѣдь сами же вы говорили, что дѣвушкамъ простого званія оно совсѣмъ не нужно...

— Тогда и подносить не надо... не надо обманывать публику и преосвященнаго.

— Ну, перестаньте... что вы говорите!.. Ужъ архіерею непремѣнно надо подушку... это всегда такъ, каждый годъ... ужъ это вы оставьте!.. Читайте, что вы тамъ написали.

— Да и дѣтей пріучать къ обману... я думаю, тоже не того...

— Ну, ужъ будетъ, будетъ! Вотъ тоже... проповѣдникъ!.. Какой тутъ обманъ? Просто подарокъ... Все вы вздоръ говорите. Читайте, читайте.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами, взялъ изъ портфеля лоскутокъ бумаги и, посадивъ на носъ пенснэ, болтавшееся на широкой черной лентѣ, съ серьезнымъ видомъ сталъ читать сочиненную имъ рѣчь, которую одна изъ воспитанницъ должна была произнести на актѣ, при поднесеніи подушки преосвященному.

— Не коротка ли? какъ будто коротка?—озабоченно спрашивала генеральша.

— Нѣтъ, это ничего, легче выучить... Но у васъ нѣтъ о „благословеніи труда"... это непремѣнно надо. Благословеніе труда... въ прошломъ году это было... Непремѣнно, непремѣнно надо.

— Да, да, конечно... нужно это, непремѣнно... благословеніе труда... какъ же безъ благословенія труда?.. вы вставьте...—защебетали дамы.

— Ну, хорошо,—согласился молодой человѣкъ, отмѣчая что-то карандашемъ.—Еще что?

— А еще... и благодарность за посѣщеніе... вы и это пропустили, какой же вы секретарь?.. „И въ благодарность за посѣщеніе нашего скромнаго празднества"... какъ же, это непремѣнно надо... Это всегда говорятъ...

— Но вѣдь благодарить будутъ предсѣдательница и попечитель ..

— То другое... то совсѣмъ не то, что вы!.. То отъ взрослыхъ, а это отъ дѣтей... Непремѣнно надо... Mesdames! онъ не хочетъ писать благодарности за посѣщеніе, что жъ это?.. вѣдь надо? непремѣнно надо?

— Какъ? не хочетъ писать благодарности за посѣщеніе?.. Но это непремѣнно, непремѣнно надо... надо написать...

— Ну, хорошо, — опять серьезно согласился молодой человѣкъ и снова отмѣтилъ на листкѣ карандашемъ.

Въ это время, пронзительно вскрикнувъ, одна изъ молоденькихъ дамъ обняла приготовленную для архіерея подушку и, припавъ къ ней лицомъ, залилась неудержимымъ смѣхомъ.

— Что такое? что такое? — раздались кругомъ любопытные и недоумѣвающіе возгласы.

— Ахъ!.. ахъ!.. мадамъ Теодоръ... ахъ!.. ахъ!..—только и могла та выговорить среди взрывовъ смѣха.

Оказалось, что на подушкѣ гдѣ-то въ углу прикрѣпленъ былъ маленькій изящный шелковый ярлычекъ, на которомъ малиновыми буквами была вышита надпись: „Мастерская m-me Теодоръ".

— Ахъ, вотъ бы скандалъ!.. вотъ бы!.. И какъ это Анна Павловна разглядѣла?.. Душенька! какъ вы разглядѣли?..

Ярлычекъ былъ отпоротъ, но дамы долго еще ахали и тараторили по этому поводу.

— А какъ же базаръ? какъ базаръ? вѣдь главное базаръ?—говорила хозяйка:—что же мы съ базаромъ?

— Прежде всего надо въ газетахъ напечатать: пожертвованія вещами и деньгами принимаются съ благодарностью.

— Я не знаю, надо ли деньгами?.. Какъ въ прошломъ году?

— Господа, позвольте! а выставка? выставка пріютскихъ работъ? вѣдь ничего еще не готово?..

— Ахъ, да, да... въ самомъ дѣлѣ...

— Все надо еще заказывать... но что заказывать? что именно?.. Какъ въ прошломъ году?.. какія у насъ ремесла преподаются?

— Ну, сапожное.

— А еще?

— Чулочное.

— Еще, кажется, переплетное?..

— И столярное...

— Столярнаго нѣту.

— Какъ нѣту? а какъ же на прошлогодней выставкѣ?.. помните, была рѣзная шкатулка, рабочій столикъ и еще что-то... прелесть, прелесть!.. Я отлично помню.

— Ну, это ужъ такъ...

— Ну, хорошо, значитъ, столярнаго не надо. Но что же и кому заказывать?

— Вотъ Владиміръ Иванычъ... Надо его просить, онъ все устроитъ...

— Да, но мнѣ право же совѣстно: мы такъ часто безпокоимъ бѣднаго Владиміра Иваныча, — ласково и застѣнчиво проговорила генеральша, смотря на молодого человѣка просительными глазами; но тотъ молчалъ и, наклонивъ голову, рисовалъ китайскій домикъ на поляхъ чьего-то прошенія.

— Ничего, онъ сдѣлаетъ, онъ милый... Владиміръ Иванычъ, къ вамъ неидетъ, когда вы дуетесь...

— Что же, ужъ будемъ просить Владиміра Иваныча... Владиміръ Иванычъ, не откажите...

— Хорошо, но что именно я буду заказывать?.. Я ничего не знаю.

— Неправда, вы все знаете,—не представляйтесь, пожалуйста,—все, все!.. вы хитрый... все знаете и можете устроить отлично.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—сказала генеральша:—ужъ вы

сами, пожалуйста, все... вы такой способный, талантливый, и вы прекрасно все устроите, я знаю...

— По крайней мѣрѣ, опредѣлите сумму, которой мнѣ можно располагать.

— Сумму, да... какую же сумму?.. Ну, сколько нужно... смотря по надобности, конечно... ну, хоть двадцать рублей...

— Если купить пару вышитыхъ туфель, пару башмаковъ и сапоги, да золотообрѣзное евангеліе — вотъ вамъ и двадцать рублей... Но какая же это выставка?

— Ну, такъ вы сами тамъ, какъ хотите... Сколько истрачено было въ прошломъ году?

— Въ прошломъ году на устройство выставки израсходовано 257 рублей 31 копѣйка,—заглянувъ въ отчетъ, сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

— О-о? такъ много?.. Но это слишкомъ много! Это ужасно много... Но ужъ пусть такъ же и нынче... ужъ все равно, когда это нужно!..

V.

— Ахъ, Пахомъ Саввичъ! вотъ кстати!—вдругъ радостно воскликнула генеральша, замѣтивъ въ дверяхъ массивную фигуру входившаго Бутылина.—Здравствуйте, здравствуйте. Вы очень кстати, очень кстати. Вы знакомы? со всѣми знакомы? А это вотъ, позвольте вамъ представить, Владиміръ Ивановичъ Сольскій.

— Знаю, знаю, — отвѣтилъ Бутылинъ и брезгливо посмотрѣлъ на обточенную голову Сольскаго.—Онъ у васъ секретаремъ?—спросилъ онъ, небрежно протягивая Сольскому руку.

— Да, да, и онъ намъ такъ полезенъ, такъ полезенъ...

— Человѣкъ полезный вполнѣ, что говорить.

— И мы ему такъ благодарны...

— А это что у васъ?—спросилъ Бутылинъ, усаживаясь въ кресло и указывая глазами на разложенныя по столамъ вещи.

Дамы, боявшіяся грубой безцеремонности Бутылина, притихли. Бутылинъ искалъ кого-то глазами, и лицо его просіяло, когда онъ замѣтилъ въ толпѣ дамъ маленькую граціозную Анну Павловну Высоцкую, ту самую, которая открыла на архіерейской подушкѣ предательскій ярлычекъ.

— А, милая барынька! — радостно закричалъ онъ, вставая,—пожалуйте ручку.

Анна Павловна, подобно увѣренной въ себѣ ученицѣ, краснѣя, подошла къ Бутылину и смѣло подала ему руку, которую тотъ съ нѣжной осторожностью поцѣловалъ. Буты-

линъ поздоровался и съ другими дамами и снова обратился къ Аннѣ Павловнѣ.

— Что же это у васъ, милая барынька, затѣвается?—спросилъ онъ, опять оглядываясь на пестрыя груды матерій. Онъ говорилъ нѣжно и осторожно, затрудняясь въ словахъ.

— Благотворительный базаръ, — бойко отвѣчала Анна Павловна.—Пожертвованія принимаются съ благодарностью,— прибавила она, густо покраснѣвъ.

— Гмъ! понимаемъ-съ. Поэтому не угодно ли принять и отъ меня лепту...

И Бутылинъ подалъ Аннѣ Павловнѣ пять радужныхъ ассигнацій.

— А теперь позвольте получить благодарность... хе, хе, хе!.. ручку пожалуйте.

— Господь васъ благословитъ, — съ набожнымъ видомъ промолвила генеральша, когда онъ опять сѣлъ рядомъ съ ней.

Въ это время дамы, которыя были увѣрены, что Бутылинъ влюбленъ въ Анну Павловну, стали что-то шепотомъ говорить ей, смѣяться и подталкивать ее впередъ. Анна Павловна отбивалась, хмурилась, дѣлала гримасы, качала головой, наконецъ, сдалась и смѣло подошла къ Бутылину.

— Мы къ вамъ съ просьбой, Пахомъ Саввичъ,—сказала она, опять густо покраснѣвъ.

— Весь къ услугамъ вашимъ.

— Вотъ видите, въ чемъ дѣло. На вашемъ заводѣ весьма много уродовъ, калѣкъ... и они обращаются къ намъ...

— Уродовъ? какихъ уродовъ?—переспросилъ Бутылинъ.

— Машинами ихъ и огнемъ, я не знаю, какъ... или вообще...

— Ну-съ?

— И этотъ несчастный Ремешковъ тоже... Подумайте, ему раздавило ноги. Полгода лежалъ въ больницѣ, ноги отпилили, теперь онъ выписался. Пятеро ребятъ, малъ мала меньше... Мы были съ Маріей Ивановной—ужасъ, ужасъ!.. Они получаютъ отъ насъ три рубля въ мѣсяцъ, но этого очень, очень мало. Ноги онъ потерялъ у васъ на фабрикѣ... и говорятъ, что если бы подать прошеніе, то ему присудили бы пенсію, но жаловаться онъ не смѣетъ и не знаетъ какъ... Мы хотѣли вамъ написать бумагу, но ужъ теперь лучше на словахъ... Вы добрый, и навѣрное вамъ неизвѣстно... и чѣмъ судиться, то лучше такъ... Вы назначьте ему пенсію... потому что все равно, вонъ и Владиміръ Ивановичъ говоритъ, что ему присудятъ...

Бутылинъ слушалъ, улыбаясь. Онъ видимо наслаждался богатыми интонаціями свѣжаго молодого голоса, любуясь ми-

ловиднымъ измѣнчивымъ лицомъ и наивными голубыми глазами Анны Павловны.

— Какую же пенсію прикажете назначить этому Ремешкову или какъ его?...

— Ахъ, я не знаю... Сколько слѣдуетъ по вашему?

— Да по моему нисколько не слѣдуетъ. Ужъ если этотъ болванъ обломалъ себѣ ноги, то будте увѣрены, что отъ собственной своей неосторожности, и я тутъ ни при чемъ.

— Ахъ, да!.. ну, конечно... конечно, вы ни при чемъ... но вѣдь и онъ не виноватъ... развѣ не можетъ быть такого случая, что онъ не виноватъ?

— Не можетъ быть, милая барынька. И при томъ, если одному лодырю выдать за увѣчье, то другіе нарочно переломаютъ себѣ руки и ноги: оно чѣмъ работать, гораздо пріятнѣе пьянствовать и такъ, дурòмъ, деньги получать.

— Ахъ, но это неправда, неправда!..

Анна Павловна ужасно взволновалась и даже покраснѣла вся. Бутылинъ съ прискорбіемъ покачалъ головой.

— Эхъ, милая Анна Павловна, къ сожалѣнію, это такъ, я лучше васъ знаю эти дѣла...

— Но увѣряю васъ, что Ремешковъ не пьетъ... никогда, никогда!..

— Ну, еще бы! только что изъ больницы выписался да и не на что, вѣроятно... А вы погодите эдакъ съ полгодика, тогда посмотримъ... И вообще я вамъ вотъ что скажу. Вы даете этимъ дармоѣдамъ по 3 рубля въ мѣсяцъ, и отлично: хорошее, доброе дѣло! Даже по пяти рублей давайте, и это невредно, — все это ваше благотворительное дамское дѣло. Но дальше сего совѣтую вамъ не касаться, потому что дальше матерія пойдетъ уже не по дамской части и не дамскаго ума-разума...

— Ну, Пахомъ Саввичъ!.. какъ не стыдно!.. какія допотопныя разсужденія!.. Кто же теперь о женщинахъ такъ понимаетъ!.. теперь женскій вопросъ и все... — запальчиво заговорили дамы, но Бутылинъ, не отвѣчая имъ, продолжалъ:

— Сами посудите: если я одному дураку пенсію дамъ, такъ они всѣ ко мнѣ полѣзутъ, а ихъ тысячи!.. Да и слово-то какое: пенсія!.. ха, ха!.. что они чиновники, что ли?.. Да ежели бы—чего Боже сохрани!—я и послушался васъ, такъ вѣдь меня проклянутъ на всѣхъ семи вселенскихъ соборахъ своя же братія, заводчики и фабриканты... Я вотъ сейчасъ такъ, ни за что, ни про что пожертвовалъ на разныхъ оборванцевъ полтыщи, потому какъ богоугодное дѣло... и всегда готовъ по первому вашему требованію, потому что на алтарь красоты-съ... да-съ, а пенсію не могу... не дамъ ни копѣйки! И не только не дамъ, а даже не посовѣтую разсуждать объ

этомъ, потому что смущеніе рабочаго класса и тому подобное-съ... да-съ... ха, ха!..

Генеральша стала показывать Бутылину вещи для базара. Бутылинъ покорно перебиралъ цвѣтную рухлядь, обходя столы, и дѣлалъ видъ, что слушаетъ говорившую безъ умолка хозяйку. Когда ее увлекли зачѣмъ-то въ другой конецъ комнаты, къ Бутылину подошелъ Сольскій и, пристально глядя ему въ лицо холодными стальными глазами, сказалъ вполголоса:

— Аренда Аксайскаго завода разрѣшена и условія одобрены.

Бутылинъ удивленно приподнялъ брови, и лицо его просіяло.

— Въ самомъ дѣлѣ?—живо переспросилъ онъ,—когда?

— На дняхъ.

— Наконецъ-то! ха! Это очень хорошо.

— Но совѣтую поторопиться. Возможны задержки, придирки и разныя осложненія. Надо теперь же переговорить съ генераломъ и повидаться съ Иваномъ Абрамовичемъ. Не торгуйтесь, постарайтесь поскорѣе кончить дѣло: можетъ произойти неожиданный поворотъ. Кажется, есть и еще претендентъ. Старикъ по обыкновенію напуталъ и кому-то что-то наобѣщалъ. Мнѣ нужно, Пахомъ Саввичъ, до зарѣзу тысячу рублей.

— Еще?—воскликнулъ Бутылинъ:—не жирно ли будетъ?

Сольскій комически приподнялъ плечи.

— Не до жиру, быть бы живу,—сказалъ онъ жалобнымъ голосомъ.

Бутылинъ посмотрѣлъ на него съ тяжелой подозрительностью и медленно произнесъ:

— Хорошо, но не теперь.

— Когда же?

— Потомъ, когда подтвердится ваше сообщеніе.

— Фи! Пахомъ Саввичъ! Какъ вамъ не стыдно! Но когда же? завтра?

— Не знаю, хоть завтра... все равно.

— Будь по вашему! — съ беззаботнымъ видомъ воскликнулъ Сольскій.

„Прожженный мерзавецъ“,—подумалъ о немъ Бутылинъ. Но мало по малу имъ овладѣла безумная радость. „Выгорѣло!—мысленно восклицалъ онъ: — ха! это хорошо!.. наконецъ-то!.. Теперь крѣпче держись, Пахомъ Саввичъ, не упусти своего счастья!..“

Онъ побѣдоносно обвелъ залу взглядомъ и, увидѣвъ Анну Павловну, развязно подошелъ къ ней.

— Вы разсердились на меня, моя прекрасная барынька,—началъ онъ съ шутливою нѣжностью:—но я готовъ загладить

свою вину. Ваше желаніе для меня законъ—вы это знаете, Позвольте же вручить вамъ еще такую же скудную лепту въ пятьсотъ рублей. Употребите ихъ, какъ вамъ будетъ угодно, хоть на того же безногого дармоѣда, за котораго вы просили.

Анна Павловна, вся вспыхнувъ, красная, какъ піонъ, взволнованная и смущенная, съ испуганными глазами восторженно протянула ему обѣ руки, которыя онъ почтительно поцѣловалъ. Дамы окружили ихъ говорливой толпой и шумно благодарили Бутылина. Генеральша прослезилась, сжимая въ своихъ маленькихъ ручкахъ его большую волосатую руку.

VI.

Горный инженеръ, тайный совѣтникъ Анатолій Павловичъ Угаринъ, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ, былъ еще очень живой и бодрый старикъ, держался прямо, ходилъ бойко, говорилъ громко. Высокій ростъ, длинные висячіе усы, сѣдые же коротко остриженные волосы, густыя нависшія брови, выразительные, еще не утратившіе блеска глаза—придавали ему суровый, внушительный видъ. Однако, не смотря на свою воинственную внѣшность, онъ имѣлъ нѣжную душу и чувствительное сердце. Въ молодости онъ пѣлъ, сочинялъ стихи, игралъ на віолончели и до сѣдыхъ волосъ сберегъ въ себѣ юношескій пылъ и любовь къ изящному. Онъ покровительствовалъ заѣзжимъ артистамъ, поощрялъ мѣстные таланты, съ незапамятныхъ временъ состоялъ президентомъ общества изящныхъ искусствъ. На лицѣ его сохранилось еще и теперь то пріятное выраженіе простодушной наивности, съ которымъ онъ вышелъ полвѣка тому назадъ изъ корпуса горныхъ инженеровъ и которое всегда такъ располагало къ нему людей. Жизнь его прошла весело и легко, какъ безпрерывный праздникъ, и онъ все еще не вѣрилъ давно наступившей старости. Онъ до ребячества любилъ всякія торжества, парады, пышныя встрѣчи, привѣтствія, торжественные обѣды, балы, рѣчи, подношенія хлѣба-соли, вообще все то, что составляло казовую сторону его служебнаго положенія. Серьезности въ дѣлахъ и оффиціальной скуки онъ не переносилъ и всякое дѣло стремился свести на что-нибудь легкое и пріятное. Строжайшая ревизія превращалась у него въ граціозную увеселительную экскурсію, дѣловая поѣздка—въ веселый пикникъ. Тѣмъ не менѣе, его считали свѣдующимъ инженеромъ и искуснымъ администраторомъ.

Въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ искони процвѣтало неискоренимое казнокрадство и темное взяточничество. Освященныя давностью и обычаемъ, они существовали

открыто, у всѣхъ на глазахъ, не вызывая ни въ комъ ни осужденія, ни протеста. Практика выработала стойкія формы мздоимства и освѣщенные обычаемъ пріемы вымогательства, установила негласные тарифы и таксы поборовъ, ревниво оберегаемые обѣими сторонами. Самъ старикъ ежегодно получалъ до сорока тысячъ такъ называемыхъ безгрѣшныхъ доходовъ и за время своей полувѣковой службы скопилъ себѣ милліонное состояніе. Впрочемъ, взятки онъ считалъ анахронизмомъ и полагалъ, что этотъ архаическій обычай сохранился еще только въ средѣ полицескихъ чиновниковъ. Онъ любилъ говорить высокимъ слогомъ о святости служебнаго долга, о чести и совѣсти, о присягѣ, объ отвѣтственности передъ Богомъ и государемъ, о неподкупной честности и о томъ, что казенные интересы должны стоять выше всего.

Старикъ не любилъ кляузъ и держался того золотого правила, чтобы соръ ни въ какомъ случаѣ не выносить изъ избы. Онъ всегда и со всѣми былъ неизмѣнно привѣтливъ и обходителенъ; бесѣдуя съ посѣтителями о разныхъ пріятныхъ пустякахъ съ видомъ дружеской откровенности, онъ былъ такъ милъ, что очаровывалъ самыхъ неподатливыхъ на ласку людей. Если случалось, что кто-нибудь жаловался или выражалъ недовольство, говорилъ о злоупотребленіяхъ и о другихъ непріятныхъ вещахъ, старикъ обиженно замолкалъ, становился разсѣянъ и скученъ и старался замять непріятный разговоръ или дать ему другое направленіе.

— Да, да, — внезапно оживляясь, перебивалъ онъ просителя:—все это очень грустно, я понимаю... понимаю и вполнѣ сочувствую... но зачѣмъ же намъ входить въ эти подробности?.. не правда ли?.. Я вѣрю и вполнѣ вамъ сочувствую, вполнѣ...

Затѣмъ онъ всегда дружелюбно совѣтовалъ обратиться къ Ивану Абрамычу.

— Знаете, онъ разъяснитъ, укажетъ... и я увѣренъ, что разсѣются всѣ эти недоразумѣнія... да, да... и я буду очень радъ, очень радъ...

Если проситель сконфуженно говорилъ, что главнымъ виновникомъ своихъ злоключеній онъ считаетъ именно Ивана Абрамыча, къ которому его отсылаютъ, на лицѣ старика появлялись явные признаки разсѣянности и утомленія.

— Да?.. въ самомъ дѣлѣ?.. неужели?..—съ вялымъ недоумѣніемъ переспрашивалъ онъ.—Представьте, я не зналъ... Если такъ, то конечно... да, да... тогда въ чемъ же дѣло?...

По мѣрѣ того, какъ омущенный проситель продолжалъ излагать свои обиды, старикъ все больше и больше приходилъ въ состояніе растерянности и тревоги.

— Надо слово держать! разумѣется!—наконецъ, говорилъ

онъ, вдругъ опять оживляясь:—это не хорошо—не держать слова... да, да, не хорошо...

И, ухватившись за какое-нибудь совершенно несущественное обстоятельство, онъ съ дѣтскимъ упрямствомъ старался свести къ нему весь разговоръ.

— Слово надо держать, — съ горячей убѣжденностью твердилъ онъ: — какже! непремѣнно! это же самое главное!.. Если обѣщалъ, то ужъ держись... И пословица говорится: давши слово, крѣпись... Непремѣнно, непремѣнно... Вы бы такъ и сказали ему...

— Помилуйте, ваше превосходительство, я говорилъ, да вѣдь не въ этомъ же дѣло,—безпомощно возражалъ проситель:—дѣло въ томъ, что я разоренъ и, какъ маленькій человѣкъ, нигдѣ не могу найти защиты...

— Это вы напрасно,—строго перебивалъ генералъ: — въ нашемъ православномъ отечествѣ законную защиту всегда можно найти, и если вы не нашли, то найдете, а если не найдете, то, стало быть, вы не правы... да, да... А Иванъ Абрамовичъ, я вамъ скажу, милѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, я его цѣню и уважаю. Положимъ, что и у него есть свои слабости, но у кого же ихъ нѣтъ? Вотъ вы говорите, что онъ слова не держитъ, и это не хорошо... Но человѣкъ онъ милѣйшій и доброжелательный... Если попросить, онъ сдѣлаетъ... И мой совѣтъ: обратиться именно къ нему, поговорить искренно, по душѣ, миркомъ да ладкомъ... Повѣрьте мнѣ, старику, что худой миръ лучше доброй ссоры. Вотъ вамъ мой совѣтъ отъ всего сердца... Весьма радъ васъ видѣть. До свиданія, до свиданія.

Но иногда старикъ бывалъ и грозенъ, и строгъ. Онъ могъ нашумѣть и нагнать страху, когда нужно было распечь, напримѣръ, вольнодумствующаго землемѣра, потворствующаго мастеровымъ, неподатливаго лѣсничаго или черезъ чуръ заворовавшагося инженера. Нисколько не думая о томъ, что сказать, онъ приходилъ въ состояніе гнѣва и выкрикивалъ первыя подвернувшіяся слова, въ полной увѣренности, что выйдетъ то самое, что нужно. Ему рѣдко приходилось сталкиваться съ чернымъ народомъ, но если случалось, что какіе-нибудь назойливые ходоки „достигали“ главнаго начальника, онъ являлъ себя въ полномъ блескѣ. Будучи убѣжденъ, что для невѣжественнаго рабочаго люда нужна одна только строгость безъ малѣйшаго послабленія и что всякія поблажки для него пагубны, онъ при мужикахъ какъ-будто мутился въ умѣ, въ немъ вдругъ закипала кровь и просыпались инстикты стараго заводскаго крѣпостника.

— Вамъ что?—уже заранѣе гнѣвный и раздраженный, строго спрашивалъ онъ ходоковъ.

Мужики униженно кланялись и начинали пространно и невразумительно говорить.

— Врете все!.. вздоръ!.. не можетъ быть!..—не слушая, прерывалъ онъ ихъ и вдругъ по какому-нибудь совершенно ничтожному поводу вспыхивалъ, какъ порохъ, приходилъ въ изступленіе, кричалъ, визжалъ, таращилъ глаза, топалъ ногами.

— Зазнались!.. забылись!..—выкрикивалъ онъ безсмысленныя слова вмѣстѣ съ такими же безсмысленными ругательствами:—я вамъ покажу!.. я васъ научу!.. Забыли, какъ васъ въ три кнута драли? а? забыли?.. Зазнались, бунтовщики! каторжная порода!.. взять ихъ!.. заковать!..

Послѣ каждаго такого сеанса онъ хворалъ, лѣчился, жалѣлъ себя и думалъ о мужикахъ, какъ объ особой грубой и неблагодарной породѣ людей.

Бутылинъ засталъ генерала сидящимъ въ креслѣ у письменнаго стола и разсматривающимъ только-что принесенную отъ ювелира брошь изъ алмазовъ и корундовъ, предназначавшуюся для поднесенія артисткѣ Ландышевой. Старикъ съ ребяческой радостью любовался игрою камней, чмокалъ губами и задумчиво нюхалъ табакъ изъ золотой табакерки.

— Здравствуйте, многоуважаемый,—сказалъ онъ, протягивая Бутылину руку.—А ну-те, понравится ли вамъ? не правда ли? а! прелестно?.. Это Ландышевой.

— По заслугамъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Бутылинъ, едва взглянувъ на блестящую вещицу.

— Варваръ!—шутливо и ласково погрозилъ ему генералъ:—для васъ не существуетъ прекраснаго. Такой талантъ! такая артистическая игра!..

— Да и рожица, и тѣлеса...

— Тсс... несчастный! во всемъ видѣть матеріальную сторону—это ужасно! Но вы извѣстный циникъ... милый, остроумный, великодушный, но всетаки циникъ. Кстати, вотъ подпишите на бенефисъ.

Бутылинъ подписалъ сто рублей и отдалъ деньги.

— Я къ вамъ по дѣлу, ваше превосходительство,—началъ онъ, садясь противъ генерала.

Генералъ поднялъ брови, потомъ опустилъ ихъ, шевельнулъ усами, и лицо его приняло такое выраженіе, какъ будто у него неожиданно заболѣли зубы.

— Да? ну-съ... что же?—пробормоталъ онъ, отодвигая отъ себя футляръ съ брошью:—чѣмъ могу служить?

— Объ Аксайскомъ заводѣ, я слышалъ, будто условія утверждены?

Генералъ притворился изумленнымъ

— Развѣ? въ самомъ дѣлѣ? когда же?—спросилъ онъ, не глядя на Бутылина.

— Не знаю, но мнѣ говорили, что на дняхъ.

— Мнѣ ничего не извѣстно, рѣшительно ничего, въ первый разъ слышу... откуда вы взяли?..

„Хитритъ старая лисица или въ самомъ дѣлѣ изъ ума выжилъ?"—подумалъ Бутылинъ и сказалъ вслухъ:

— Тогда, пожалуйста, узнайте.

— Сейчасъ.

Генералъ позвонилъ и приказалъ вошедшему чиновнику позвать Ивана Абрамовича. Минутъ черезъ пять въ комнату входилъ человѣкъ въ засаленномъ вицъ-мундирѣ, совершенно лысый, съ сѣдыми бакенбардами, безъ усовъ. Голова его, голая, какъ колѣно, блестѣла, точно была отполирована, широкое лицо ухмылялось, плутоватые, насмѣшливо прищуренные глазки сверкали весельемъ. Онъ развалистой походкой приблизился къ генералу, шаркнулъ ножкой и, согнувъ свою широкую спину, приложился къ протянутымъ ему тремъ пальцамъ, раскланялся съ Бутылинымъ и, отступивъ на шагъ, устремилъ на генерала свой свѣтлый взоръ.

— Сядьте, милѣйшій,—сказалъ генералъ,—и скажите намъ, въ какомъ положеніи дѣло объ Аксайскомъ заводѣ.

Взглянувъ на Бутылина и что-то быстро сообразивъ, Иванъ Абрамовичъ отрапортовалъ низкимъ, очень пріятнымъ басомъ:

— Кондиціи утверждены, ваше превосходительство.

Генералъ, повидимому, не ожидавшій этого отвѣта, испуганно посмотрѣлъ на Ивана Абрамовича, но у того на лицѣ не выражалось ничего, кромѣ откровеннаго добродушія.

— А-а! въ самомъ дѣлѣ?—смущенно переспросилъ генералъ,—когда же?

— На дняхъ, ваше превосходительство.

— Не помню. Развѣ вы не докладывали мнѣ?..

— Докладывалъ, ваше превосходительство.

— Когда же?

— Не очень давно, на дняхъ.

— Забылъ, представьте, совершенно забылъ. Ну, очень радъ, очень радъ и отъ души поздравляю... давай Богъ... Остается, слѣдовательно, заключить формальный договоръ, но это уже пустяки... Ну, что же? съ Богомъ! обсудите съ Иваномъ Абрамычемъ и дѣло съ концомъ... Да, да... очень радъ, очень радъ...

„Кажется, оба что-то хитрятъ, но, впрочемъ, чортъ съ ними",—подумалъ Бутылинъ, на котораго вдругъ нашло глупое равнодушіе. Эта внезапная перемѣна въ настроеніи случалась съ нимъ уже не въ первый разъ и, какъ онъ

зналъ по опыту, не предвѣщала ничего хорошаго. Онъ уже и теперь ощущалъ стѣсненіе въ груди и металлическій вкусъ во рту, за которыми всегда слѣдовалъ припадокъ мучительной тоски, отъ которой онъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Порывисто поднявшись съ кресла и отойдя въ другой конецъ комнаты, онъ сталъ смотрѣть въ окно, за которымъ лѣниво падали на землю пушистые снѣжные хлопья и сквозь мутную пелену виднѣлись трубы и крыши домовъ, колокольни церквей, площадь съ идущими и ѣдущими по ней людьми. „Наплевать на все!—думалъ Бутылинъ, не слушая генерала:—на какой мнѣ шутъ этотъ заводъ! одни хлопоты и суета, а милліоны-то еще на водѣ вилами писаны... вздоръ и чепуха...“ И, невѣжливо остановивъ генерала на какой-то недоговоренной фразѣ, онъ сталъ прощаться.

Когда онъ ушелъ, генералъ быстро обернулся къ Ивану Абрамовичу и сказалъ съ неудовольствіемъ:

— Это вы зачѣмъ же? вѣдь я просилъ пока не разглашать?

Иванъ Абрамовичъ, простодушно улыбаясь, развелъ руками.

— Вы спросили, я отвѣтилъ, какъ же иначе? Я полагалъ, что ваше превосходительство уже разрѣшили этотъ вопросъ...

— Да, да, вы полагали... что вы полагали?—началъ пѣтушиться генералъ:—надо не полагать, надо соображать... Напрасно вы полагали... вы не маленькій младенецъ, чтобъ полагать... не полагать, а исполнять... да, исполнять, да...

— Но Бутылину все извѣстно, и незачѣмъ скрывать.

— Какимъ образомъ? какимъ образомъ?

— У него свои агенты. Сольскій, напримѣръ.

— Не можетъ быть! что вы говорите? Это не правда.

— Сущая правда: этотъ молодчикъ что-то ужъ очень суетъ свой носъ и можетъ много повредить, помяните мое слово. Слѣдовало бы отъ него отдѣлаться.

— Какъ отдѣлаться? что вы говорите? Это невозможно. Онъ необходимый человѣкъ. Вы знаете, онъ рекомендованъ изъ Петербурга... Да и совсѣмъ не въ это дѣло,—все это пустяки, а какъ быть теперь съ Потеряевымъ? Я ему обѣщалъ, т. е. почти обѣщалъ...

— Но Бутылину, ваше превосходительство, было обѣщано еще раньше. Вѣдь онъ же и уладилъ этомъ дѣло въ Петербургѣ. Вообще вопросъ этотъ, мнѣ кажется, совершенно рѣшенный.

Генералъ сморщился, сдвинулъ брови и сталъ дергать себя за усъ.

— Да!—озабоченно произнесъ онъ:—эта моя непрактич-

ность... Идеализмъ и эстетика,—въ практическихъ дѣлахъ они неудобны... да, неудобны...

— Но вѣдь, ваше превосходительство,—снова заговорилъ Иванъ Абрамовичъ,—на сколько я знаю, никакихъ обѣщаній не было дано, а просто происходилъ разговоръ, при чемъ были высказаны нѣкоторыя предположенія.

— Все такъ, все такъ, но онъ сдѣлалъ пожертвованія... кажется, въ капиталъ рудокоповъ или на инвалидовъ труда... не помню хорошенько...

— Это пустяки, это зачтется на будущее. Не помните сколько?

— Кажется, двѣ или три тысячи рублей.

— Пустяки, пустяки!

— Ну, если такъ, то какъ знаете,—махнувъ рукой, согласился генералъ:—строго говоря, я долженъ быть безпристрастнымъ и нелицепріятнымъ, и для меня должны быть всѣ равны...

— Совершенно справедливо.

Генералъ повеселѣлъ и сталъ показывать Ивану Абрамовичу золотую брошь.

— Очарованіе! — сладкимъ голосомъ говорилъ Иванъ Абрамовичъ.

— Да?—радостно переспрашивалъ генералъ:—не правда ли? такъ изящно и вмѣстѣ съ тѣмъ... какъ это сказать?..

— И такъ просто, ваше превосходительство.

— Да, да, именно: изящно и просто.

VII.

Когда Бутылинъ, нахмуренный и злой, съ сурово сдвинутыми бровями, садился въ сани, его томило одно безпокойное желаніе: какъ можно скорѣе уѣхать куда-нибудь, бѣжать отъ самого себя. Онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ крикнулъ кучеру: „пошшелъ!“ и, когда тотъ, обернувшись, спросилъ что-то, Бутылинъ вдругъ разсвирѣпѣлъ и обругалъ кучера площадной бранью.

„Видно не пофартило у генерала“, думалъ швейцаръ, кланяясь вслѣдъ отъѣзжавшему экипажу. Сани неслись по улицамъ, какъ вѣтеръ, взрывая снѣгъ. Проѣхавши нѣсколько кварталовъ, Бутылинъ злымъ голосомъ приказалъ ѣхать на биржу, но едва сани повернули въ ту сторону, какъ онъ звѣрски закричалъ:—Не надо!.. пошелъ прямо!..

Кучеръ, изучившій причуды хозяина, сталъ опасаться подзатыльниковъ.

„Куда бы уѣхать? куда дѣть себя, куда?“—съ тоскою спраши-

валъ себя Бутылинъ, и сердце его билось, точно за нимъ гнался врагъ и грозила опасность. Впереди, за линіей городскихъ построекъ мягкими сѣровато лиловыми контурами выступала изъ снѣжной мглы вершина Сокольей горы. Она ласково манила къ себѣ и, казалось, сулила такой тихій и радостный покой, что у Бутылина навертывались слезы.

— Пошелъ прямо, за городъ!—услышалъ кучеръ за своей спиной смягченный голосъ хозяина.

Бутылинъ, не сводя глазъ, любовался смѣлымъ, почти отвѣснымъ изгибомъ горной вершины, точно видѣлъ ее въ первый разъ, и что-то отрадное коснулось его ущемленнаго сердца.—„А вѣдь это Атаманскій камень отсюда такъ показываетъ", — вдругъ сообразилъ онъ и вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ случалось ему подниматься на самую вершину, съ которой открывалась кругомъ широчайшая панорама и откуда городъ казался кучей известковыхъ камней.

Когда миновали торговую площадь и спустились въ низину, гора скрылась, точно погрузилась въ землю, исчезъ весь дальній горизонтъ, по сторонамъ потянулись безконечныя кузницы, механическія заведенія, слесарныя, мѣдныя и лудильныя мастерскія, закопченныя, убогія лачужки, грязныя лавки съ облупившимися вывѣсками... на встрѣчу стала попадаться мастеровщина съ черными и желтыми испитыми лицами, въ засаленныхъ картузахъ и шапкахъ, въ лоснящихся отъ грязи шубахъ и полушубкахъ, молодыя и некрасивыя и дурно одѣтыя женщины, иногда съ подбитыми, опухшими глазами, солдаты въ шинеляхъ... Запахло дымомъ, смазочнымъ масломъ, скипидаромъ, керосиновой копотью, испорченнымъ саломъ и помоями... Бутылину казалось, что онъ опускается на дно скверной вонючей ямы.

— Пошелъ живѣе!—закричалъ онъ нетерпѣливо.

Кучеръ, осторожно пробиравшійся черезъ ухабы по изрытой дорогѣ, пошевелилъ возжами, и тысячный жеребецъ помчался полной рысью; сани, какъ въ волнахъ, заныряли въ ухабахъ, поднимая снѣжную пыль. Черезъ пять минутъ были за городомъ, среди снѣжнаго поля, разстилавшагося далеко вплоть до синихъ горъ, надъ которыми возвышалась Сокольья гора. На дорогу лѣниво падалъ рѣдкій, пухлый снѣгъ. Было тепло. По сторонамъ тянулись черныя, занесенныя снѣгомъ изгороди съ торчащими изъ подъ сугробовъ кольями, чернѣлъ въ полверстѣ отъ дороги заброшенный и занесенный снѣгомъ кирпичный сарай, на изгородяхъ, нахохлившись, сидѣли вороны; впереди, ныряя въ ухабахъ, тянулся обозъ, шли какіе-то подозрительные пѣшеходы въ лохмотьяхъ... Все это было такъ скучно, буднично и тоскливо, что у Бутылина заныло сердце, и онъ велѣлъ воротить назадъ.

— Шагомъ, шагомъ,—прибавилъ онъ жалобно:—ты мнѣ всѣ внутренности сболталъ.

Когда сани подъѣзжали къ заставѣ, которою кончалось предмѣстье и начиналась лучшая часть города, онъ замѣтилъ впереди себя человѣка, въ которомъ показалось ему что-то странно знакомое. Всмотрѣвшись пристальнѣе, онъ убѣдился, что это его сынъ. На немъ было узкое рыжее пальто съ короткими рукавами и большой заплатой назади, лѣтнія, свѣтлыя, точно изгрызенныя снизу панталоны, остроконечная киргизская шапка изъ рыжей овчины. Шелъ онъ нетвердой походкой, съежившись, засунувъ руки въ карманы пальто и спотыкаясь. Что-то острымъ ножемъ кольнуло Бутылина въ сердце. „Вѣдь это Петрушка!"—прошепталъ онъ:— „онъ, мерзавецъ, негодяй!" Но эта безсмысленная брань совсѣмъ не выражала того, что онъ чувствовалъ. Жалость къ этому, очевидно, несчастному существу вдругъ, какъ клещами, ущемила его сердце. „До чего довелъ себя, дуралей",— продолжалъ думать онъ привычными фразами:—„потому что не слушался отца-матери... свои не научали, чужіе люди научатъ"...

Вдругъ онъ испугался, что сынъ оглянется и узнаетъ его.

— Гони во весь духъ! — прошипѣлъ онъ кучеру, поднимая воротникъ шубы.

Сани дернули и почти въ то же мгновеніе сравнялись съ пѣшеходомъ. Отъ толчка Бутылина качнуло впередъ, но онъ всетаки успѣлъ разсмотрѣть, что оборванецъ оглянулся, обернувъ къ нему свое молодое, истощенное, посинѣвшее отъ холода лицо, и, очевидно узнавъ его, остановился.

„Болванъ, голоштанникъ!—шепталъ Бутылинъ, все кутаясь въ воротникъ.—Срамота... ишь, шапка-то и штаны... тьфу!.. Нищій, пропоица... до чего доводитъ Господь за непочтеніе родителей... Во всемъ мнѣ счастье, а въ дѣтяхъ нѣту... Одинъ дуракъ, другой уродъ... парочка, нечего сказать"...

Онъ продолжалъ фыркать и бормотать про себя ругательства, но щемящее чувство жалости не проходило, и нищенская фигура оборванца-сына и его молодое, посинѣвшее отъ холода лицо съ добрыми, грустными глазами неотступно стояли передъ нимъ.

„Два года прошло... цѣлыхъ два года,—размышлялъ онъ:— и не пришелъ, не покорился... Гордыня какая, весь въ бабушку... Приди да пади въ ноги, вѣдь простилъ бы... всю подлость его, всю глупость и непочтеніе простилъ бы... Нѣтъ, гордость сатанинская!.."

— Куда ѣхать-то?—прервалъ его размышленія кучеръ.

„Куда же въ самомъ дѣлѣ?"—спросилъ себя Бутылинъ и

велѣлъ ѣхать въ коммерческій банкъ. Но, когда сани остановились передъ банкомъ и изъ стеклянной двери, подобострастно улыбаясь, выбѣжалъ навстрѣчу швейцаръ, онъ вдругъ злобно и раздраженно закричалъ на кучера:

— Ты чего? что я тебѣ сказалъ? Пошелъ въ клубъ, болванъ!

Въ клубѣ было пустынно. Бутылинъ непріязненно и брезгливо оглядѣлъ стѣны, и ему въ первый разъ бросилась въ глаза безвкусица и убожество роскошной клубной обстановки. Искусственные цвѣты въ столовой, яркіе, кричащіе обои, позолота, сальныя пятна на скатерти, пикейные сомнительной чистоты жилеты лакеевъ, пыль на карнизахъ колоннъ, швабра, забытая подъ лѣстницей на хоры, — все вызывало въ немъ чувство брезгливаго озлобленія. За однимъ изъ столовъ какой-то рыжій мужчина въ пиджакѣ угощалъ двухъ незначительныхъ горныхъ чиновниковъ. Чиновники были пьяны, кричали, ломались, громко смѣялись и хлопали рыжаго по животу. Увидѣвъ Бутылина, они испуганно примолкли и начали кланяться.

Бутылинъ съ отвращеніемъ выпилъ въ буфетѣ рюмку водки и велѣлъ подать завтракъ, но ѣсть не могъ.

— Убери эту мерзость!—закричалъ онъ лакею и всталъ изъ-за стола. Передъ нимъ все еще стояла неотступно оборванная фигура сына, какъ онъ ни старался отогнать ее.

„Забыться бы, развлечься... но какъ?"—думалъ онъ, перебирая въ умѣ своемъ все, на чемъ съ отрадой могло бы остановиться его вялое, измученное воображеніе. Но развлечься было нечѣмъ: все, о чемъ онъ ни думалъ, представлялось ему одинаково ничтожнымъ и постылымъ. Но всего омерзительнѣе было оставаться здѣсь: казалось, что самыя стѣны пропахли какой-то приторной гнилью и изнывали отъ усталости и затхлой скуки. Бутылинъ поспѣшилъ выйти на воздухъ, сѣлъ въ сани и велѣлъ ѣхать куда глаза глядятъ. „Не я же ему кланяться буду,—думалъ онъ,—странное дѣло! онъ долженъ придти и поклониться... А впрочемъ, наплевать!.."

Когда проѣзжали мимо городской управы, у которой стояли экипажи и толпился народъ, онъ вспомнилъ, что сегодня засѣданіе думы по вопросу о пожертвованіи купца Лопатина. Вспомнивъ объ этомъ, онъ встрепенулся и ожилъ, точно его спрыснули живой водой.

„Изъ головы вонъ! совсѣмъ позабылъ,—соображалъ онъ, бодро поднимаясь по лѣстницѣ:—а, должно быть, будетъ потѣха!"

VIII.

Купецъ Николай Николаевичъ Лопатинъ, владѣлецъ механической фабрики, еще мѣсяцъ тому назадъ былъ самымъ популярнымъ въ городѣ человѣкомъ. Онъ былъ гласнымъ въ думѣ и въ земствѣ, участвовалъ въ разныхъ обществахъ, коммиссіяхъ, попечительствахъ, совѣтахъ, комитетахъ и вездѣ что-нибудь жертвовалъ и что-нибудь предпринималъ. Но на него нежданно-негаданно свалилась крупная непріятность. Въ одну ночь къ нему нагрянули съ обыскомъ, перевернули вверхъ ногами домъ и контору, самого же его арестовали и посадили въ тюрьму. Правда, черезъ день его выпустили, разсыпаясь въ извиненіяхъ по поводу прискорбной ошибки, но съ этого времени популярность Лопатина быстро пошла на ущербъ. Какъ изъ рога изобилія, посыпались на него все новыя и новыя непріятности. Повидимому, онъ переносилъ всѣ эти невзгоды спокойно и даже нѣсколько иронически, но всѣ были убѣждены, что это только наружность, что въ глубинѣ души онъ ошеломленъ, испуганъ, что его грызетъ тоска и что его пѣсенка спѣта. Знакомые стали отъ него сторониться и при встрѣчахъ проявляли какую-то подлую суетливость. Друзья съежились и притихли, точно виноватые, и въ ихъ преувеличенно негодующихъ рѣчахъ слышалось что-то фальшивое, вынужденное и жалкое. Бутылинъ, всегда считавшій Лопатина въ числѣ своихъ враговъ, злорадствовалъ больше всѣхъ и, вмѣстѣ съ другими его недоброжелателями, распускалъ о немъ злобныя сплетни. Всякая новая непріятность, валившаяся на голову Лопатина, доставляла Бутылину наслажденіе.

Въ шинельной, куда вошелъ Бутылинъ, были навалены цѣлыя груды верхняго платья, поэтому казалось страннымъ господствовавшее кругомъ безмолвіе, нарушаемое только доносившимся изъ залы черезъ корридоръ монотоннымъ чтеніемъ да осторожнымъ шарканьемъ ногъ ходившихъ по корридору управскихъ писцовъ.

Бутылинъ, скрипя сапогами и заглушая чтеніе секретаря, вошелъ въ залу, кивнулъ городскому головѣ и сѣлъ на свое обычное мѣсто, рядомъ съ адвокатомъ Мелехенымъ.

— Читали?—шепотомъ спросилъ тотъ, подвигая къ нему номеръ мѣстной газеты „Меркурій", гдѣ краснымъ карандашемъ была отмѣчена его, Мелехина, статья подъ названіемъ: „Сомнительный даръ". Онъ, видимо, былъ взволнованъ и безпокойно ерзалъ на мѣстѣ.

Бутылинъ, не читая, отодвинулъ газету и сталъ слушать чтеца. Читалось заявленіе Лопатина о желаніи его пожерт-

вовать Пушкинской общественной библіотекѣ принадлежавшій ему домъ на Колокольной улицѣ и капиталъ въ двадцать пять тысячъ рублей и о тѣхъ сомнѣніяхъ, какія возникли у него при этомъ, въ виду совершенной необезпеченности библіотечнаго общества въ будущемъ. „Общество и библіотека могутъ быть закрыты,—писалъ Лопатинъ,—и тогда по уставу все имущество библіотеки (значитъ и жертвуемый домъ) поступаетъ въ распоряженіе мѣстной администраціи на благотворительныя цѣли, по ея усмотрѣнію". Чтобъ оградить свое пожертвованіе отъ всякихъ случайностей, Лопатинъ просилъ думу принять отъ него домъ и капиталъ въ собственность города, съ тѣмъ, чтобы они находились въ распоряженіи библіотечнаго общества, пока оно существуетъ, а по закрытіи его получили другое назначеніе, по усмотрѣнію думы.

Когда чтеніе окончилось, наступила мертвая тишина. Большинству гласныхъ заявленіе Лопатина показалось почему-то слишкомъ смѣлымъ, почти дерзкимъ, и они чувствовали себя смущенными.

Голова, волнуясь, нетвердымъ голосомъ просилъ высказаться, но всѣ молчали. Публика, переполнявшая пространство за перегородкой, напряженно ждала рѣчей. Молчаніе казалось безконечнымъ. Кто-то сорвался со скамьи, и происшедшій оттого переполохъ на минуту разсѣялъ напряженность молчанія. Оглянувшись на шумъ, Бутылинъ увидѣлъ въ публикѣ Лопатина, который стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и смотрѣлъ на гласныхъ. Его веселые, живые глаза смотрѣли теперь тоскливо и сурово, и самъ онъ показался Бутылину изможденнымъ и похудѣвшимъ. Молчаніе было слишкомъ продолжительно и становилось невыносимымъ. Наконецъ, послѣ долгаго колебанія, поерзавъ на мѣстѣ и привставъ какъ-то бокомъ, адвокатъ Мелехинъ попросилъ слова, но его предупредилъ купецъ Гвоздарниковъ.

— Николай Николаевичъ жертвуетъ домъ и сумму,—заговорилъ онъ, кашляя и прикрывая ротъ рукой:—чего жъ? надо благодарить и все тутъ. Сумма не маленькая—двадцать пять тысячъ, да домъ тысячъ шестнадцать стоитъ...

— Конечно... разумѣется... само собой,—поддержали его робкіе и какъ-будто чѣмъ-то обрадованные голоса.

— Слава Богу,—продолжалъ ободренный Гвоздарниковъ,—не на трактиръ, напримѣръ, или другой предметъ, а на благополезное дѣло... Пущай же лучше книжку читаетъ который, нежели пировать... Николай Николаичъ не проситъ съ насъ ни копѣйки, а самъ жертвуетъ...

— Принять, благодарить, чего жъ еще!—блеснувъ золотыми очками, рѣшительно проговорилъ торговецъ Иголкинъ.

Эти разговоры, повидимому, были для Мелехина тѣмъ же,

чѣмъ шпоры для коня. Опять привставъ какъ-то бокомъ, онъ рѣшительно и громко, какъ-бы угрожая кому-то, попросилъ слова, затѣмъ выпрямился, вызывающе оглядѣлъ залу и, заложивъ лѣвую руку за бортъ сюртука, сталъ говорить. Онъ съ величайшею готовностью присоединялся къ только-что высказанному мнѣнію: да, конечно, дѣло полезное, и надо благодарить... Все это просто, ясно, очевидно и даже, можно сказать, элементарно, и не стоило бы возражать, но...

Здѣсь ораторъ, употребивъ фигуру умолчанія, остановился, многозначительно приподнялъ плечи, какъ-бы выражая сожалѣніе по поводу того, что, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ не можетъ высказаться вполнѣ, и затѣмъ продолжалъ:

— Къ сожалѣнію, существуютъ нѣкоторыя особыя, такъ сказать, условія... Дѣло осложняется, господа, извѣстными вамъ деликатнаго свойства обстоятельствами, которыя сопутствовали или, вѣрнѣе, предшествовали этому дару... Я, конечно, не позволю себѣ распространяться на эту щекотливую тему, но думаю, что и безъ того всякій пойметъ, о чемъ я говорю... Обстоятельства эти таковы, что обязываютъ насъ къ исключительной осторожности. Я воздержусь отъ намековъ, и скажу только, что дыму безъ огня не бываетъ. Я укажу на одну сторону заявленія почтеннѣйшаго Николая Николаича, на его тонъ. Тонъ, говорятъ, дѣлаетъ музыку. А въ данномъ случаѣ тонъ безусловно протестующій, и я ни малѣйше не сомнѣваюсь, что заявленіе Николая Николаича такъ и будетъ истолковано, какъ замаскированный протестъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ никакого протеста нѣтъ, но онъ можетъ быть усмотрѣнъ. А разъ онъ будетъ усмотрѣнъ, то тѣнь ляжетъ и на жертвователя, и на библіотеку, и на общество, и на думу, и на каждаго изъ насъ, господа. Лично я, можетъ быть, не имѣлъ бы ничего противъ протеста вообще, т. е. въ смыслѣ указанія кому слѣдуетъ слишкомъ узкихъ рамокъ, потому что извѣстная доля свободы въ выраженіи своихъ мнѣній является необходимымъ условіемъ всякой гражданственности... Это такъ, говоря вообще... Но, господа, только не въ настоящій моментъ, только не со стороны общественныхъ учрежденій, не въ такой формѣ и не по такому поводу... Для насъ, господа, также поставлены извѣстныя рамки, изъ которыхъ мы не должны выходить, и не потому только, что это не выгодно или опасно, а и потому, что мы обязаны оправдать оказанное намъ довѣріе... Хотя все это между прочимъ, и не въ этомъ суть... Суть въ томъ, что и Пушкинское общество, и пожертвованія на библіотеку—дѣло для насъ въ высокой степени постороннее, и впутываться въ эту

исторію, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно. Потому я полагалъ бы, отклонивъ предложеніе почтеннѣйшаго Николая Николаевича, рекомендовать ему направить свое пожертвованіе непосредственно по адресу, т. е. въ Пушкинское общество, или же пріискать себѣ другихъ посредниковъ.

— Ловко!—сказалъ Бутылинъ адвокату, когда тотъ, взволнованный, сѣлъ на мѣсто. Но адвокатъ сердито, какъ-бы говоря: „всѣ вы дураки, и съ вами не стоитъ связываться!“, ничего не отвѣтилъ и сталъ платкомъ протирать очки.

„А что если ударитъ его по лицу“?—въ ту же минуту подумалъ Бутылинъ, и эта нелѣпая мысль показалась ему чрезвычайно соблазнительной. „Если всѣмъ кулачищемъ въ зубы? въ морду? чтобы видѣли, какъ бьютъ подлецовъ, а? Потому что вѣдь подлецъ онъ, и слова его подлыя“...

Глядя на поблѣднѣвшее, взволнованное, преступное лицо Мелехина, Бутылинъ чувствовалъ, что у него чешутся руки, и поспѣшно отвернулся.

Послѣ Мелехина говорилъ мукомолъ Пустовъ. Тонкимъ бабьимъ голосомъ, который странно противорѣчилъ его массовой фигурѣ, онъ жаловался, что Лопатинъ съ господиномъ Пушкинымъ впутываютъ гласныхъ въ не хорошее дѣло, и что надо вопросъ отклонить. Въ публикѣ послышался смѣхъ. Чувствуя, что смѣются надъ нимъ, Пустовъ, озираясь, началъ оторопѣло въ чемъ-то оправдываться, но смѣхъ все усиливался. Тогда, не прерывая рѣчи и все такъ-же озираясь, онъ началъ объяснять что-то своему сосѣду, потомъ сѣлъ.

Голова, схвативъ звонокъ, сердито позвонилъ. Когда шумъ смолкъ и публика успокоилась, попросилъ слова директоръ гимназіи Панкратовъ. Онъ говорилъ ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ, заискивающе улыбаясь и какъ-бы стараясь улыбкой смягчить жестокое значеніе своихъ словъ.

Но Бутылинъ уже не слышалъ его рѣчи: онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на стоявшаго въ публикѣ человѣка. Человѣкъ этотъ былъ покойный Сальниковъ. Бутылинъ видѣлъ его такъ же ясно, какъ и стоявшаго рядомъ съ нимъ Лопатина. Въ немъ все было страшно знакомо: и румяное лицо, и черные большіе глаза, и русая борода, пологія плечи... Онъ не казался опустившимся и обрюзгшимъ, какимъ былъ въ годъ смерти, а былъ такимъ, какъ въ лучшее свое время, когда нашелъ золото и великодушно пригласилъ Бутылина въ компаніоны. Повидимому, онъ также весело и беззаботно смотрѣлъ на людей и былъ полонъ радости жизни и веселья. У Бутылина замерло сердце не отъ одного только страха, но и отъ какихъ-то смутныхъ воспоминаній. Ощущеніе холодной стали прошло отъ поясницы къ затылку, и ему показалось, что волосы на головѣ у него поднялись, какъ

щетина... Къ ужасу, который овладѣлъ имъ, страннымъ образомъ присоединялась тревога, что Сальникова узнаютъ, и тогда наступитъ какая-то ужасная бѣда... Бутылинъ не понималъ, какъ не видитъ и не узнаетъ Сальникова стоящій почти рядомъ съ нимъ Лопатинъ. „Не надо смотрѣть", мелькнуло у него въ головѣ, и онъ закрылъ глаза...

Въ публикѣ опять поднялся шумъ,—должно быть, рѣчь директора не понравилась, потому что ему стали шикать, но уже безъ смѣху, а озлобленно и негодующе. Голова долго звонилъ. Бутылинъ былъ блѣденъ и страшенъ, но въ суматохѣ на него никто не обращалъ вниманія. Когда онъ открылъ глаза и взглянулъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ Сальниковъ, его тамъ уже не было.

Должно быть, засѣданіе кончилось, потому что гласные стали шумно подниматься съ мѣстъ, а публика хлынула къ выходу. Бутылинъ тоже всталъ, но пошатнулся и едва справился съ овладѣвшею имъ слабостью; однако вмѣстѣ съ другими гласными пошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ помѣщалось присутствіе городской управы.

— Что съ вами? вы очень блѣдны,—мелькомъ посмотрѣвъ на него, сказалъ голова.

— Нѣтъ, ничего,—высохшими, склеившимися губами съ усиліемъ отвѣчалъ Бутылинъ.

Голова, не замѣчая больше ни мертвенной блѣдности Бутылина, ни страннаго выраженія его глазъ, оживленно заговорилъ о только-что состоявшемся постановленіи думы. Онъ не одобрялъ его.

— Не ладно, не ладно сдѣлали,—говорилъ онъ съ жаромъ, котораго совсѣмъ не проявлялъ во время преній:—человѣкъ къ намъ съ добромъ, а мы съ коломъ. Однимъ словомъ, не хорошо!

Гласные здоровались и заговаривали съ Бутылинымъ. Онъ машинально отвѣчалъ и даже смѣялся, но отъ перенесеннаго нервнаго потрясенія весь дрожалъ, и у него мутилось въ глазахъ. Слѣдовало ѣхать домой, но было страшно выйти въ корридоръ, и онъ, пересиливая свою слабость, оставался... Когда онъ хотѣлъ сѣсть на свободный стулъ, у него вдругъ „обнесло" голову, онъ зашатался, схватился за оконную портьеру и оборвалъ ее.

— Не здоровится мнѣ,—пробормоталъ онъ, отвѣчая думскому секретарю, который его поддержалъ: — будьте добры, велите проводить меня до экипажа.

Бутылинъ, въ сопровожденіи секретаря, въ полусознательномъ состояніи вышелъ въ прихожую, машинально одѣлся и сталъ спускаться съ лѣстницы. До него, какъ сквозь сонъ, доносился шумъ и говоръ шедшихъ по лѣстницѣ и обгоняв-

шихъ его людей. Передъ нимъ, точно въ бреду, мелькали старыя и молодыя лица. Въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился, ему нисколько не показалось страннымъ, что въ трехъ шагахъ отъ него садился на извозчика Сальниковъ вмѣстѣ съ какимъ-то черномазымъ человѣкомъ. „Ужъ теперь все равно",—думалъ онъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ въ саняхъ секретарь и обнималъ его.

„Этотъ зачѣмъ здѣсь? ему чего надо?—соображалъ Бутылинъ:—куда, зачѣмъ онъ ѣдетъ со мной?.. А впрочемъ, все равно, пусть... Но о чемъ я думалъ?.. И кажется, со мной случилось что-то непріятное?.. Да, это все тотъ... *онъ*, котораго я видѣлъ въ думѣ... но я одинъ видѣлъ его, другіе, слава Богу, не видали... Онъ не смотрѣлъ на меня, но это одна хитрость... я знаю, и я не поддамся... Вотъ ѣдетъ извозчикъ, тотъ самый, который увезъ его съ чернымъ человѣкомъ"...

IX.

Думая, что Бутылинъ пьянъ, его, по установившемуся обычаю, провели не наверхъ, гдѣ находились его апартаменты, а внизъ, въ лѣвую половину нижняго этажа, гдѣ жила семья. Здѣсь было жарко и глухо, пахло смѣсью ладана, деревяннаго масла, желтаго воска, кипариса и праха старо-печатныхъ книгъ, какъ пахнетъ только въ старинныхъ богатыхъ раскольничьихъ домахъ. Полы были сплошь устланы коврами, въ переднихъ углахъ вездѣ висѣли стариннаго письма иконы въ кіотахъ съ лампадками и подсвѣчниками. Громоздились одинъ на другомъ подъ самый потолокъ обитые мороженной жестью „живописные" сундуки; по стѣнамъ красовались пузатые рѣзные комоды и шкафы съ откосными досками и стеклянными дверцами, за которыми виднѣлась разставленная горкой фарфоровая и серебрянная посуда; по угламъ и въ простѣнкахъ стояли небольшіе столики, покрытые вязаными въ тамбуръ скатертями; на стѣнахъ висѣли старыя раскрашенныя литографіи, подъ стекломъ въ рамкахъ изъ золотаго бордюра.

На шумъ, испуганно охая и тяжело переваливаясь на ходу, выбѣжала толстая, рыхлая женщина лѣтъ пятидесяти, Марья Игнатьевна, жена Бутылина, и сейчасъ же набросилась на мужа, за его безпутное поведеніе.

— Измотался, какъ прокаженный... Еретикъ! ни стыда въ тебѣ, ни совѣсти...—бранилась она, нисколько не стѣсняясь посторонняго человѣка.

— Имъ не здоровится, — сказалъ секретарь, съ удивле-

ніемъ и любопытствомъ осматривая странную домашнюю обстановку милліонера.

Бутылина посадили въ чайной на диванъ, но онъ всталъ и, пошатываясь, побрелъ въ спальню. Тамъ его раздѣли и положили на огромную кровать, подъ синимъ тяжелымъ пологомъ съ пуховиками, и накрыли стеганнымъ шелковымъ, жесткимъ, какъ лубокъ, одѣяломъ.

— Царица небесная, мать пресвятая Богородица!—вдругъ запричитала Марья Игнатьевна, и все тѣло ея, рыхлое и дряблое, какъ жидкій студень, трепетало при каждомъ движеніи.

— Голова-то болитъ?—спрашивала она мужа.

— Болитъ,—нехотя отвѣчалъ тотъ.

— Стало быть, простылъ: надо пятки и грудь регальнымъ масломъ намазать, горчичникъ на спину поставить.

Изъ дверей выглянула горбатая дочь Бутылина, но, увидѣвъ незнакомаго мужчину, поспѣшно скрылась.

— Надо послать за докторомъ,—посовѣтовалъ секретарь.

— Докторовъ-то у насъ, батюшка, отродясь не бывало,—съ укоромъ возразила Марья Игнатьевна. — Какъ за нимъ пошлешь? Пошлешь, а онъ, можетъ быть, не то лѣкарство пропишетъ... тогда какъ?.. Бывали случаи...

— Не нужно, не нужно, идите, спасибо,—говорилъ Бутылинъ, съ трудомъ произнося слова.—Отдохну, полежу, пройдетъ все. Кланяйтесь Павлу Иванычу.

Секретарь ушелъ. Марья Игнатьевна растерла мужу пятки, животъ и поясницу, поила его малиной, укрыла шубами, затѣмъ, сообразивъ, что надо еще поставить піявки на грудь, послала за знакомой татаркой-піявочницей. Замѣтивъ, что мужъ закрылъ глаза, и думая, что онъ спитъ, она на цыпочкахъ вышла изъ комнаты.

Но Бутылинъ не спалъ. Не смотря на выпитую малину, на пуховики и шубы, которыя горой лежали на немъ, онъ испытывалъ ознобъ во всемъ тѣлѣ и чувствовалъ себя огромной чужой остывшей массой, въ которой боязливо трепетала его маленькая, ничтожная душа.

Надвигались сумерки. Въ окно глядѣла багровая заря и поднимавшіеся по ней столбы дыма. Бутылину вспомнилось, какъ въ дѣтствѣ мать въ такіе багряные вечера пугала его свѣто-представленіемъ, припомнился и тотъ непобѣдимый ужасъ, который овладѣвалъ имъ тогда въ ожиданіи, что вотъ-вотъ затрубитъ труба, разверзется преисподняя и поглотитъ всѣхъ, кто не соблюдалъ постовъ, ронялъ на полъ хлѣбныя крошки, не молился Богу, не слушался старшихъ... „Да вѣдь и теперь никто не знаетъ ни дня, ни часа,—подумалъ онъ,—когда архангелъ вострубитъ въ трубу“...

Въ тяжеломъ багрянцѣ зари, въ самомъ дѣлѣ, было что-то мрачное и зловѣщее, какъ-будто вся тяжесть людскихъ грѣховъ, сгустившись, висѣла надъ землей... Да, грѣховъ накопилось много, пора судить живыхъ и мертвыхъ... пора, пора! Одинъ сплошной грѣхъ, смрадъ и мерзость...

Но заря скоро потухла. Вмѣстѣ съ наступившей темнотой измѣнилось и настроеніе. Уже не величественная картина кончины міра и страшнаго суда рисовалась воображенію, а смерть, тьма, червь неусыпающій, холодъ и сырость могилы... Бутылину представилось, что онъ въ гробу, и надъ нимъ тяжелымъ пластомъ лежитъ сырая земля... Ему стало душно и тѣсно, его стало тошнить, и кто-то сдавилъ его мозгъ... Онъ закричалъ и не узналъ своего голоса: до того онъ былъ страненъ и не похожъ на человѣческій, и въ иступленіи началъ метаться... Когда на крикъ прибѣжали семейные, онъ, разбросавъ подушки, шубы и одѣяла, сидѣлъ на кровати, тяжело дышалъ и дико озирался. Высказавъ предположеніе, что ему приснился нехорошій сонъ, его опять уложили и спрыснули какой-то водой...

— Дайте огня,—сказалъ онъ хрипло.

Принесли большую лампу и поставили на столъ.

— О, Боже мой!—простоналъ Бутылинъ.

Вспомнивъ, что ровно въ девять часовъ, какъ заведенные часы, рядомъ съ нимъ уляжется жена, что она долго будетъ стонать, вздыхать и жаловаться на удушье, потомъ захрапитъ на весь домъ и что тогда уже ничѣмъ ее не разбудишь, онъ позвалъ Пантелеича и велѣлъ перенести свою постель въ диванную.

— Кверху?—спросилъ Пантелеичъ.

— Нѣтъ, здѣсь, внизу.

— Слушаю-съ.

— И ты со мной ляжешь. Больше никого не нужно.

— Слушаю-съ.

— Вверху въ кабинетѣ у телефона положи Николку. Если позвонятъ, меня разбудить. Слышишь?

— Слушаю-съ. Только одинъ Николка забоится, пожалуй.

— Пусть возьметъ кого-нибудь, хоть Езопку-гармонщика.

— Слушаю-съ.

— На сонъ грядущій почитай мнѣ четьи-минеи.

— Съ удовольствіемъ, готовъ завсегда.

Бутылинъ до двѣнадцати часовъ ночи слушалъ сказанія о волхвѣ Іустинѣ и объ Іоаннѣ Іерусалимскомъ, который на дьяволѣ въ одну ночь съѣздилъ въ Іерусалимъ къ свѣтлой заутренѣ... Сказанія показались ему странными и неправдоподобными, но онъ сокрушенными вздохами и молитвенными

восклицаніями старался заглушить въ себѣ грѣшныя сомнѣнія. Послѣ двѣнадцати часовъ онъ заснулъ.

X.

Былъ еще только девятый часъ утра, а огромный штатъ служащихъ горнаго управленія уже весь находился въ сборѣ.

Старинное зданіе управленія, украшенное снаружи колоннами и фронтономъ, внутри напоминало грязную, загаженную казарму. Голыя, давно не бѣленыя стѣны, закоптѣлые потолки, окна съ почернѣвшими рамами и тусклыми стеклами, скупо пропускающими свѣтъ, вытертые полы, тяжелыя неуклюжія двери, гулкіе, мрачные корридоры и какой-то противный, приторный архивный запахъ, которымъ пропахли здѣсь и стѣны, и люди, — все это производило на свѣжаго человѣка впечатлѣніе чего-то мертваго, отжившаго, безнадежно унылаго, точно онъ входилъ въ склепъ. Часть зданія занималъ такъ называемый Глинкинскій музей, складочное мѣсто всякаго хлама. Здѣсь хранились разсыпавшіяся въ прахъ старинныя модели доменныхъ печей, кричныхъ горновъ, воздуходувныхъ машинъ, соляныхъ варницъ, куски стали и чугуна, двѣ пушки, будто бы оставленныя Пугачевымъ, столъ изъ красной мѣди, какія-то знамена, совершенно истлѣвшія, кандалы, въ которые былъ закованъ знаменитый разбойникъ Аликай, старинные изразцы съ рисунками не скромнаго содержанія, минералогическія коллекціи, китайскія зеркала, кости мамонта и т. п. Двѣ комнаты, никогда почти не отпиравшіяся, были заняты кучами изъ обломковъ какихъ-то странныхъ приборовъ и машинъ. Говорили, что здѣсь въ теченіе почти двухъ столѣтій погребались всякія усовершенствованія и изобрѣтенія, въ то время какъ сами изобрѣтатели ходили по мытарствамъ приказной волокиты.

За исключеніемъ полутемной пріемной и нѣсколькихъ кабинетовъ, гдѣ засѣдали правленскіе тузы, всѣ комнаты сплошь были заняты столами, за которыми тѣсно сидѣли писцы, точно прикованные къ мѣсту. Было тѣсно и душно, но порядокъ былъ образцовый, сохранившійся вмѣстѣ съ безнадежною канцелярщиной еще отъ крѣпостной эпохи. Говорили шепотомъ, точно боялись кого-то разбудить. Тишина нарушалась только щелканьемъ счетовъ изъ дальней комнаты, гдѣ помѣщалась бухгалтерія, да скрипомъ перьевъ и шуршаньемъ бумагъ. Вдоль стѣнъ стояли желтые деревянные шкафы. Горы аккуратно подшитыхъ дѣлъ, не помѣщавшіяся въ шкафахъ, лежали на полу, на окнахъ, подъ столами.

Иванъ Абрамовичъ, по обыкновенію, незамѣтно пробрался

въ свою комнату съ задняго крыльца, набожно помолился на икону, усѣлся въ кожаное кресло передъ письменнымъ столомъ, понюхалъ табаку и спросилъ у вошедшаго вслѣдъ за нимъ дряхлаго старика въ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами, какіе въ пріемной посѣтители.

— Кутиловъ да еще двое какихъ-то,—отвѣчалъ старикъ, моргая слезящимися, подслѣповатыми глазами.

— Пусти Кутилова.

Вошелъ человѣкъ съ краснымъ шадровитымъ лицомъ и раскосыми, безпокойно бѣгавшими глазами. Въ рукахъ у него была книга въ плохомъ переплетѣ, напоминавшая учебникъ. Онъ былъ, видимо, сильно взволнованъ, хотя старался казаться спокойнымъ.

— Кутиловъ Александръ Яковлевичъ, по своему дѣлу,—отрекомендовался онъ, кланяясь и густо краснѣя.

— Садитесь,—коротко и сухо привѣтствовалъ его Иванъ Абрамовичъ.—Чѣмъ могу служить?

Кутиловъ оглянулся на дверь, высморкался и, откашлявшись, посмотрѣлъ на голыя стѣны.

— Изволите видѣть...—началъ онъ, осторожно садясь на стулъ:—хотя, собственно, ничего особеннаго, но всетаки дѣло до нѣкоторой степени неудобное...

Затѣмъ онъ остановился. Иванъ Абрамовичъ, уставившись на него своими ясными глазами, спокойно ждалъ продолженія.

— Такое дѣло,—продолжалъ Кутиловъ, — что довольно мозговитое... Потому что господинъ инженеръ взглянули весьма серьезно... конечно, напрасно погорячились... потому что дома меня въ ту пору не было — вотъ причина! Вслѣдствіе чего ни угожденія, ни благодарности... и даже такое оказали свое невѣжество, что не подали лошадей...

— Но въ чемъ же суть?

— Суть, положимъ что, въ пустякахъ: ошибочка вышла... ну, и больше ничего... и вышла-то не болѣе, какъ черезъ свою глупость.

Изъ неяснаго, сбивчиваго объясненія, продолжавшагося довольно долго, можно было, наконецъ, заключить, что отъ неумѣлаго веденія работъ и непримѣненія необходимыхъ предосторожностей у него на пріискѣ произошло несчастье: обвалилась шахта, при чемъ задавило пятерыхъ рабочихъ. Въ этомъ ничего не было особеннаго: по словамъ Кутилова, дѣло было улажено въ пять минутъ и „никакого уголовства“ не вышло, но бѣда оказывалась въ томъ, что окружной инженеръ, которому не угодили, составилъ протоколъ о нарушеніи правилъ.

— Дома меня не было—вотъ бѣда! отъ этого и ошибочка

вышла... былъ приказчикъ одинъ... Конечно, онъ не посмѣлъ безъ меня поблагодарить ихъ высокородіе... Понятно, они разсердились на наше невѣжество и остались весьма недовольны... А мнѣ, сами знаете, если все заводить по правиламъ, то, прямо сказать, одно раззореніе!.. Теперь они, пожалуй, и сами жалѣютъ за свою горячность, потому что былъ я у нихъ нѣсколько разъ, но, говорятъ, въ настоящее время сдѣлать уже ничего нельзя... Хлопочите, говоритъ, тамъ... теперь, говоритъ, отъ нихъ все зависитъ... А дѣло наше темное: живемъ въ лѣсу, хорошихъ людей не видимъ...

— Да, да, — задумчиво отозвался Иванъ Абрамовичъ,— но что же, собственно, вамъ отъ насъ нужно?

— Сами знаете, Иванъ Абрамычъ: все въ вашихъ рукахъ,—со вздохомъ отвѣчалъ Кутиловъ и слегка выставилъ впередъ книгу.

Иванъ Абрамовичъ разсѣянно посмотрѣлъ на него и протянулъ руку.

— Позвольте-съ,—произнесъ онъ.

Кутиловъ, обрадовавшись, стремительно подалъ книгу, держа ее корешкомъ внизъ, и снова суетливо заговорилъ.

— Виноватъ, сію минуту,—перебилъ его Иванъ Абрамовичъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Здѣсь онъ вынулъ изъ книги конвертъ, въ которомъ была вложена 25 рублевая ассигнація. Иванъ Абрамовичъ вспыхнулъ и, сердито сунувъ ассигнаціи въ жилетный карманъ, вышелъ къ просителю. Лицо его было холодно и строго.

— Къ сожалѣнію, я ничего не могу,—сказалъ онъ, возвращая книгу.

Кутиловъ торопливо сталъ разстегивать пуговицы сюртука. Иванъ Абрамовичъ, посвистывая, отвернулся къ окну и потому не могъ видѣть, какъ проситель трясущимися руками вытащилъ изъ бокового кармана другой конвертъ и, боязливо оглядываясь, вложилъ его въ книгу.

— На васъ вся надежда,—застегиваясь и утирая съ лица потъ, говорилъ Кутиловъ.

Иванъ Абрамовичъ обернулся, молча взялъ книгу и опять вышелъ изъ комнаты.

Кутиловъ набожно перекрестился на образъ и ощупалъ карманы, гдѣ у него было припрятано еще нѣсколько конвертовъ по 50 и по 100 рублей.

„Неужели еще мало?—шепталъ онъ въ сильномъ безпокойствѣ.—Ужъ надо бы сразу сотнягу... Мать Пресвятая Богородица, помоги“!..

Въ дверяхъ показался Иванъ Абрамовичъ. Лицо его было еще надменнѣе и строже.

— Получите! — небрежно промолвилъ онъ, возвращая

книгу, и прибавилъ: — сдѣлать ничего нельзя! — И позвонилъ.

Кутиловъ поблѣднѣлъ, потомъ сталъ красенъ, какъ ракъ, и волчкомъ закрутился на мѣстѣ.

— Ахъ, что вы!.. нѣтъ, позвольте!.. — суетливо, весь въ движеніи, заговорилъ онъ, разстегивая сюртукъ и залѣзая въ карманы уже на виду, не скрываясь.—Помилуйте!.. позвольте!.. Это недоразумѣніе... Сейчасъ... сію минуту...

Иванъ Абрамовичъ съ равнодушнымъ видомъ сталъ барабанить пальцами по стеклу. Кутиловъ, торопясь, точно боясь опоздать и упустить моментъ, вытаскивалъ изъ кармановъ, совалъ, бралъ обратно и снова совалъ въ книгу конверты. Съ перепугу онъ положилъ два конверта по сту рублей. Иванъ Абрамовичъ опять также молча взялъ книгу и вышелъ.

„Неужели и этого мало? неужто дѣло не выгоритъ? Господи, помоги! Господи, не оставь!.. Пресвятая Богородица, Симеонъ праведный, Верхотурскій чудотворецъ!..“—шепталъ Кутиловъ, глядя на икону и обливаясь потомъ. Онъ дрожалъ мелкой дрожью, какъ осиновый листъ, и, чтобъ успокоиться, теръ себѣ грудь и задерживалъ дыханіе.

Иванъ Абрамовичъ вернулся на этотъ разъ веселый и радостный. Голая голова его, казалось, издавала благосклонное сіяніе, глазки замаслились и улыбались.

— Ну-съ,—весело началъ онъ, садясь въ кресло и указывая взглядомъ на другое.

Кутиловъ сѣлъ, все еще недовѣрчиво осматриваясь.

— Ну-съ,—повторилъ Иванъ Абрамовичъ и, весь сіяя доброжелательствомъ, заговорилъ съ такой милою простотой и задушевностью, точно повѣрялъ лучшему другу свои завѣтныя мечты. Кутиловъ слушалъ, и съ лица его не сходила подлая, идіотски угодливая улыбка.

— Понимаете?—спрашивалъ Иванъ Абрамовичъ.

— Какже-съ, помилуйте! — отвѣчалъ Кутиловъ, весь трепеща отъ переполнявшаго его чувства восторженной благодарности.

— Стало быть, я могу быть въ надеждѣ? — спрашивалъ онъ, уже уходя и прощаясь.

Иванъ Абрамовичъ только кивнулъ головой и благосклонно протянулъ ему руку.

— Очень, очень вами благодаренъ,—съ необыкновеннымъ чувствомъ говорилъ Кутиловъ, и на лицѣ его, дѣйствительно, было столько преданности и глубокой, располагающей къ себѣ благодарности, что только такой скептикъ, какимъ былъ Иванъ Абрамовичъ, могъ заподозрить ихъ искренность и по уходѣ гостя сказать: „этакая скаредная свинья!“

Послѣ Кутилова перебывало еще нѣсколько просителей. Всѣ они почему-то испуганно оглядывались на дверь, очень подробно, но запутанно, съ оттѣнкомъ таинственности, говорили о своихъ дѣлахъ, и всѣ старались незамѣтно отъ Ивана Абрамовича засунуть куда-нибудь подъ книгу или прессъ-бюваръ заранѣе припасенные конверты или же прямо совали ему въ руку, но такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ. И онъ, въ самомъ дѣлѣ, не замѣчалъ, свободно и просто опуская руку въ карманъ панталонъ.

Смотря по надобности, Иванъ Абрамовичъ былъ то холоденъ, то привѣтливъ, то ласковъ, то суровъ, то задумчивъ и серьезенъ, то игриво любезенъ. Однако, не смотря на свою огромную выдержку, онъ былъ сегодня нѣсколько разсѣянъ и безпокойно посматривалъ на часы. Онъ ждалъ къ себѣ двухъ тузовъ: управляющаго Курьинскими горными заводами инженера Квасницкаго, и Бутылина, обоихъ по очень важному дѣлу.

Дѣло Квасницкаго заключалось въ томъ, что онъ попалъ въ большую непріятность съ постройкой заводской желѣзной дороги. Дорога проведена была частью по собственной, частью по казенной дачѣ и по надѣламъ мастеровыхъ. Подъ дорогу ушло много усадебной, сѣнокосной и пахотной земли крестьянъ, при чемъ нѣсколько крестьянскихъ домовъ было сломано безъ вѣдома и даже предупрежденія домохозяевъ. Въ Салминскомъ заводѣ были снесены торговыя лавки, зданіе волостнаго правленія и пожарный сарай, а самая площадь обращена въ дровяной дворъ. Все сдѣлалось въ разсчетѣ на полную беззащитность населенія. Дорога была благополучно доведена до конца, подъ глухой ропотъ обиженныхъ и раззоренныхъ людей. Мастеровые не посмѣли заводить кляузъ даже и тогда, когда поѣзда, двигаясь по улицамъ, стали калѣчить людей и животныхъ. Послѣ первыхъ несчастій, большею частью съ дѣтьми, Квасницкій распорядился поставить на перекресткахъ улицъ, гдѣ проходила дорога, столбы съ надписью: „берегись поѣзда!“—чѣмъ ограничились всѣ предосторожности. Дорогой пользовались только заводы, чиновники и должностныя лица. Населеніе продолжало ѣздить по старымъ дорогамъ, которыя вскорѣ стали непроѣзжими. Мастеровые пробовали ихъ чинить, но заводоуправленіе воспретило брать для ремонта лѣсъ и щебень, и попытки эти больше не повторялись.

Населеніе перенесло эту обиду, какъ тысячи другихъ, въ угрюмомъ молчаніи. Кляуза пришла оттуда, откуда ее меньше всего ожидали. Дѣло началось съ того, что Квасницкій поссорился въ клубѣ въ земскимъ начальникомъ и, какъ неограниченный самодуръ въ своемъ муравейникѣ, прика-

залъ его вывести. Тотъ рѣшился мстить и на другой же день послалъ куда слѣдуетъ донесеніе о дорогѣ. Началась весьма непріятная для всѣхъ переписка. Желѣзная дорога не булавка, которую можно спрятать; однако оказалось, что рѣшительно никто изъ властей не зналъ о ея существованіи, и только путемъ продолжительной переписки было установлено, во 1-хъ, что дорога, дѣйствительно, существуетъ, во 2-хъ, что она построена безъ надлежащаго разрѣшенія, въ 3-хъ, что на протяженіи 12 верстъ она идетъ черезъ казенную дачу, въ 4-хъ, что при постройкѣ ея производилось принудительное отчужденіе крестьянскихъ земель безъ всякаго вознагражденія. Выходила прескверная исторія, предстояли большія хлопоты, и требовалось много мудрости, чтобы уладить это дѣло хоть сколько нибудь прилично.

XI.

Увидѣвъ въ окно подъѣхавшій къ дому экипажъ Кваснинскаго, Иванъ Абрамовичъ поспѣшно выпроводилъ отъ себя какого-то неважнаго посѣтителя и приготовился къ встрѣчѣ, но онъ напрасно торопился: Квасницкій прослѣдовалъ къ главному начальнику. Это было очень непріятно Ивану Абрамовичу: во-первыхъ, Квасницкій этимъ выказывалъ ему нѣкоторое пренебреженіе, во-вторыхъ, старикъ могъ что-нибудь напутать. У генерала Квасницкій пробылъ довольно долго. Иванъ Абрамовичъ ходилъ по комнатѣ въ ожиданіи, что его позовутъ, но его не позвали.

Наконецъ, въ корридорѣ послышались частые и мелкіе, шмыгающіе, какъ-будто крадущіеся шаги Квасницкаго. Иванъ Абрамовичъ сѣлъ за столъ, притворившись углубленнымъ въ занятіе.

Квасницкій вошелъ съ беззаботнымъ видомъ, громко смѣясь, и сразу заговорилъ о чемъ-то веселомъ и забавномъ. Его широкое и румяное лицо, съ черною, какъ смоль, бородою и такими же волосами, морщилось отъ смѣха, маленькіе живые глазки щурились, бойко выглядывая изъ-подъ нависшихъ бровей. Этотъ человѣкъ, извѣстный своею чрезвычайною жестокостью, былъ, однако, всегда веселъ и не испытывалъ никогда ни чувства стыда, ни угрызеній совѣсти. Его сутулая медвѣжья фигура говорила о несокрушимомъ здоровьѣ. Чрезвычайно характерная циничная улыбка не сходила съ его губъ, и было въ этой улыбкѣ что-то въ высшей степени фальшивое, наигранное, чувственное, плотоядное и вмѣстѣ съ тѣмъ наглое, откровенно безстыдное, почти кощунственное. Его маленькіе, блестящіе, острые глаза со

взглядомъ ехидны и странная улыбка производили жуткое впечатлѣніе: всякій смутно чувствовалъ, что передъ нимъ человѣкъ отпѣтый, развращенный до послѣднихъ предѣловъ, свободный отъ всякихъ моральныхъ стѣсненій, для котораго нѣтъ ничего неприкосновеннаго и святого. Даже видавшій виды Иванъ Абрамовичъ робѣлъ въ его присутствіи и терялъ свою обычную самоувѣренность.

Квасницкій развязно усѣлся въ кресло и протянулъ ноги, не переставая говорить. Онъ разсказывалъ какую-то скандальную исторію, не то анекдотъ, не то истинное происшествіе, но съ такими подробностями, что Иванъ Абрамовичъ краснѣлъ, какъ дѣвица. Квасницкій громко хохоталъ, прищелкивалъ языкомъ и подмигивалъ, какъ-будто намекая еще на что-то, чего нельзя сказать, но что касается уже самого Ивана Абрамовича. Иванъ Абрамовичъ улыбался, циническія выраженія коробили его непривычный слухъ.

— Старикъ совсѣмъ изъ ума выжилъ,—безъ всякаго перерыва продолжалъ Квасницкій:—я ему о дѣлѣ, а онъ объ Ландышевой. Подписку устраиваетъ, шутъ гороховый. Я было и то, и се, но ему хоть колъ на головѣ теши. Стара стала, глупа стала... да, да... А вотъ это вамъ на пряники.

И Квасницкій небрежно бросилъ на диванъ пачку, перевязанную шнуркомъ.

— Сверхъ обычнаго здѣсь и чрезвычайное.

— Сколько?—спросилъ Иванъ Абрамовичъ.

— Двѣ тысячи.

Иванъ Абрамовичъ помолчалъ и сказалъ:

— Мало.

— Неужели?

— Могу васъ увѣрить.

— А, по моему, предовольно. Вы человѣкъ умный, я буду прямо говорить. Подсчитайте-ка, милѣйшій, во что намъ обойдется эта ошибочка, а? За земскаго начальника шесть тысячъ, ей-ей, не вру! Главному лѣсничему четыре тысячи, окружному инженеру тысячу, старичку на благотворительность пятнадцать тысячъ, вамъ на извѣстныя дѣла (Квасницкій подмигнулъ) двѣ тысячи... итого двадцать восемь тысячъ! А конца еще не видно... да-съ... Вѣдь еще и тамъ съ насъ шкуру сдерутъ, какъ вы думаете, а?..

— Все это пустяки. Дѣло не двадцать восемь тысячъ стоитъ, многоуважаемый Николай Андреичъ, и при томъ рискъ...

— Не спорю, не смѣю спорить, милѣйшій... но нельзя же съ живого человѣка шкуру драть. Какую именно цифру считали бы вы нормальной?

— Десять тысячъ.

— Гмъ! это много, милѣйшій. Пять, грѣхъ пополамъ, а?

— Не торгуйтесь, многоуважаемый Николай Андреевичъ. Мнѣ, право, совѣстно говорить объ этомъ. Восемь тысячъ—больше я не уступлю ни копѣйки.

— Да будетъ такъ, душа моя. Говоря откровенно, вы самый полезный человѣкъ. Пусть такъ,—соблаговолите дополучить. Итакъ, съ этимъ мы покончили, но еще есть кой-какіе пустячки. Верхне-Курьинскій земскій начальникъ продолжаетъ оправдывать мужиковъ за лѣсныя порубки. Я писалъ губернатору, но просилъ бы и васъ написать.

— Да вѣдь и мы писали, но тотъ представилъ объясненіе, что изъ тысячи восьмисотъ дѣлъ имъ оправданы только семьдесятъ два.

— Да, но и этого не должно быть. А главное, что онъ допускаетъ вредную для заводовъ мотивировку своихъ рѣшеній, ссылается на сомнительныя статьи. Вотъ я захватилъ для образца.

— Хорошо, мы напишемъ еще разъ.

— Благодарю. Скажите: а правда ли, что Бутылину разрѣшена аренда Аксайскаго завода?

— Не знаю, не слыхалъ, — не сморгнувъ глазомъ, отвѣчалъ Иванъ Абрамовичъ.

Кваснинскій захохоталъ и, ощупавъ Ивана Абрамовича, сказалъ какую-то сальность.

Выходя, онъ столкнулся въ корридорѣ съ Сольскимъ, который очевидно его поджидалъ. Кваснинскій дружески обнялъ его за талію, и они вмѣстѣ пошли по корридору.

— Я хотѣлъ показать вамъ статейку, которую я приготовилъ для печати,—началъ Сольскій,—нѣчто въ родѣ историческаго очерка... Можетъ быть, въ ней что-нибудь не такъ...

— Да вѣдь не напечатаютъ, милѣйшій, — перебилъ его Кваснинскій.

— Почему?

— Вы сами говорили, что отдано строжайшее распоряженіе не пропускать никакихъ статей, если онѣ не будутъ одобрены главнымъ начальникомъ. Но ваша, можетъ быть, получила одобреніе?

— Положимъ, нѣтъ.

— Тогда изъ за чего же вы старались, любезнѣйшій?

— Пошлю въ столичную прессу.

— Что же, это хорошо.

— У меня факты изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, какъ вы знаете.

— Знаю, знаю. Но почему это можетъ меня интересовать?

— Потому что отчасти дѣло касается васъ.

— Ну, и что же?

— Можетъ быть, вы просмотрите статью?

— То-есть, по просту говоря, вы хотите содрать съ меня малую толику, милѣйшій?

Они посмотрѣли другъ на друга, и оба засмѣялись.

— Это о желѣзной дорогѣ?—спросилъ Квасининскій, мѣняя тонъ:—сколько вамъ надо?

— Статья около печатнаго листа. Обыкновенный гонораръ составилъ бы сто рублей, но, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, я возьму въ десять разъ больше, т. е. тысячу рублей.

Квасининскій захохоталъ.

— За прочтеніе?

— Нѣтъ, я продаю вамъ статью.

— Вотъ что, милѣйшій: берите сто рублей и убирайтесь вонъ. И то потому только, что вы мнѣ еще пригодитесь.

— Дайте хоть двѣсти.

— Ну, пусть. Теперь скажите: разрѣшена Бутылину аренда Аксайскаго завода?

— Разрѣшена.

— На тѣхъ самыхъ условіяхъ?

— Да.

— Когда?

— Только что.

— Отлично. Получайте свой гонораръ. Очень хорошо. Это для меня большой козырь. Сегодня вы будете тамъ, душа моя?

— Гдѣ?

— Въ дѣтской.

— Вѣроятно.

— Стало быть, до свиданія.

И, слегка пощекотавъ Сольскаго, Квасининскій удалился своей крадущейся походкой.

Бутылинъ почему-то сильно опоздалъ и пріѣхалъ въ управленіе только въ половинѣ третьяго. Ивану Абрамовичу онъ показался страннымъ, неестественно возбужденнымъ и какъ-будто встревоженнымъ. Онъ разсѣянно пробѣжалъ проектъ договора, составленный Иваномъ Абрамовичемъ, и сказалъ:

— Все равно, я согласенъ.

Когда Иванъ Абрамовичъ спросилъ, что онъ намѣренъ предпринять съ арендованнымъ заводомъ, Бутылинъ какъ-то странно и подозрительно посмотрѣлъ на него.

— Не знаю, — помолчавъ, отвѣчалъ онъ, нахмурясь: — можетъ быть, такъ оставлю: пусть стоитъ и гніетъ, а, можетъ быть, стану наживать милліоны.

— Лучше ужъ милліоны, — улыбаясь, возразилъ Иванъ Абрамовичъ.

— Вы думаете?
— Кажется, это ясно, какъ день.
— Не знаю, для меня теперь ничего не ясно. Туманъ передъ глазами. Много хлопотъ, а къ чему? на какой дьяволъ? Усталъ я, а грѣховъ тьма.
— Какихъ грѣховъ?
— Какихъ?—Бутылинъ усмѣхнулся.—Всякихъ. Ихъ тьма темъ. Всѣ мы въ грѣхѣ живемъ, а къ чему—не знаю. Вы не видали Лопатина? Мнѣ почему-то все лицо его представляется... жалкое такое... А этотъ Мелехинъ... почему никто не дастъ ему въ морду?
— Развѣ вы разошлись съ Мелехинымъ?—съ удивленіемъ спросилъ Иванъ Абрамовичъ.
— Нѣтъ, а что?
— Вы такъ о немъ говорите.
— Да, онъ мой повѣренный по дѣламъ... но я не объ этомъ, я объ Лопатинѣ. Знаете, я чуть не ударилъ его тогда въ думѣ, то-есть, не Лопатина, а Мелехина, и напрасно удержался.
Бутылинъ засмѣялся, и смѣхъ его показался Ивану Абрамовичу такимъ страннымъ, что онъ не рѣшился разспрашивать.
— Вы знаете, что у меня сынъ есть? — спросилъ Бутылинъ:—сынъ... золоторотецъ?
Иванъ Абрамовичъ не сразу отвѣтилъ.
— Знаю,—наконецъ, проговорилъ онъ.
— Пьяница, пропащій человѣкъ... Я выгналъ его изъ дому, знаете?
— Да, слышалъ что-то въ этомъ родѣ.
— Затѣмъ есть дочь... горбатая, некрасивая дѣвушка-вѣковушка... калѣка убогая... знаете?
— Да, да...
— И жена... квашня, которая прокисла. Вотъ всѣ мои наслѣдники. Выходитъ, что я изъ-за нихъ стараюсь. Мнѣ пятьдесятъ пять лѣтъ, старость подходитъ, а тамъ смерть. Стало быть, все ни къ чему.
— Боже мой! да вы проживете еще столько же, — возразилъ Иванъ Абрамовичъ:—у васъ даже сѣдыхъ волосъ нѣту, кровь съ молокомъ! На видъ вамъ еще и сорока дать нельзя.
— Положимъ, я здоровъ и еще въ силѣ, но на долго ли?.. Мнѣ мысли разныя приходятъ... Если бы не одно обстоятельство... Конечно, я еще могу постоять за себя... Да, да... Хотятъ меня раззорить, но я милліоны приложу къ милліонамъ.
— Кто васъ хочетъ раззорить?
— Такъ... одинъ человѣкъ... онъ ходу мнѣ не даетъ. Это я такъ... это я къ тому, что я еще не старъ и могу дѣла

дѣлать. Однако, до свиданія. Значитъ, завтра у нотаріуса. Благодарность вы получите тоже завтра... сколько слѣдуетъ... я знаю, помню...

Иванъ Абрамовичъ проводилъ Бутылина до самой передней.

А. Погорѣловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

* * *

И голубая ночь пришла, —
И море въ блёсткахъ серебрится...
Но все тоскѣ моей не спится,
И все лежитъ надъ сердцемъ мгла.
А ночь торжественна, свѣтла
И красотою блещетъ вѣчной,
Не зная жизни мрачной зла
И нашей скорби безконечной!
Тиха природа, какъ любовь
Души, не знающей сомнѣній...
А тамъ теперь, въ дыму сраженій,
Потокомъ алымъ льется кровь!
Быть можетъ, ночь и тамъ прекрасна,
Или встаетъ румяный день, —
Горитъ заря свѣтло и ясно
И голубую гонитъ тѣнь...
И, можетъ быть, проснувшись рано,
Шумитъ пѣвучій океанъ,
И рвутся волны изъ тумана
И убѣгаютъ вновь въ туманъ...
Бѣгутъ, окрашенныя кровью,
Прочь отъ земли,—съ ея тоской,
Съ ея безсильною любовью
И дикой злобою людской!..

Н. Шрейтеръ.

Изъ записокъ декабриста.

(Записки моего времени, воспоминаніе о прошломъ).

Il faut écrire avec sa consciènce, en prèsence de Dieu, dans l'interêt de l'humanité.

1812 года 23 января, ровно 50 лѣтъ тому назадъ, я оставилъ благословенную Малороссію, простился съ родною кровлею, подъ которой счастливо и безпечно провелъ первые годы моего дѣтства. Мнѣ было 18 лѣтъ, когда судьба бросила меня, неопытнаго юношу, въ бурное житейское море... Я отправился на службу, напутствованный благословеніемъ близкихъ моему сердцу, съ небольшими денежными средствами, но полный юношескихъ надеждъ. Я ѣхалъ въ Москву! Надобно знать, что я былъ принятъ, какъ сынъ, въ домѣ П. В. Капн. (брата нашего поэта В. В. К.), который давно уже философомъ жилъ въ своемъ помѣстьи въ Малороссіи, послѣ долгихъ путешествій по Европѣ. Въ Англіи онъ женился на англичанкѣ и, возвратясь съ нею послѣ этого брака, онъ поселился въ своей деревнѣ Т., гдѣ и прожилъ безвыѣздно 30 лѣтъ, расточая благодѣянія на всѣхъ его окружавшихъ и не щадя своего большого состоянія. Послѣ 15-ти лѣтняго безплоднаго брака, Богъ наградилъ его сыномъ, который, бывъ моимъ однолѣткомъ, сдѣлался товарищемъ по воспитанію и другомъ на всю жизнь.

Связанный тѣсною дружбой съ моимъ покойнымъ отцомъ въ продолженіи 40 лѣтъ и желая помочь матери моей, обремененной большимъ семействомъ, онъ вскорѣ послѣ смерти батюшки предложилъ отдать ему на воспитаніе одного изъ сыновей ея, и жребій палъ на меня. Такъ я сдѣлался товарищемъ и другомъ перваго его сына. Вскорѣ намъ съ юнымъ К. выписали гувернера изъ Общества братьевъ Моравіи (гернгутера), человѣка высоко моральнаго, добраго и кроткаго, къ тому же славнаго математика, преподававшаго намъ науки на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ впослѣдствіи сдѣлался другомъ дома и, доживъ до маститой старости, провелъ съ нами всё время до той минуты, какъ судьба и служба насъ съ нимъ разлучили. Мнѣ пріятно почтить память этого че-

4*

ловѣка, который много передалъ намъ хорошаго и котораго совѣты, правила и примѣръ собственной нравственной религіозной жизни сдѣлали и насъ, можетъ быть, людьми хорошими.

Домашнее воспитаніе и первыя семейныя впечатлѣнія были, однако, таковы, что я всю жизнь мою придаю имъ большое значеніе. Если я чего нибудь стою, этимъ я обязанъ прежде всего моему воспитанію и тѣмъ примѣрамъ правды, простоты и чести, которыми я былъ окруженъ съ моего появленія въ міръ до моего вступленія въ свѣтъ. Я обязанъ моимъ благодѣтелямъ болѣе, чѣмъ существованіемъ.

Пріѣхавъ въ Москву, я остановился у своего дяди по матери, князя Д. Е. Ц-и. Онъ былъ извѣстенъ въ то время своею роскошью и въ особенности обѣдами, за которыми угощалъ тогдашнихъ знаменитостей большого свѣта, и кончилъ впослѣдствіи тѣмъ, что проѣлъ свои 6 тысячъ душъ... Я засталъ Москву въ веселостяхъ и удовольствіяхъ. Тогда наша старушка не предвидѣла, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ обращена въ пепелъ... да и кому могла придти въ голову мысль, что непріятельская армія будетъ гостить въ ея стѣнахъ. А. Л. Нарышкинъ, оберъ-камергеръ, только что пріѣхалъ въ первопрестольную съ многочисленною свитою молодыхъ людей... Помню красавицу трагическую актрису M-lle George, которая играла и въ домѣ моего дяди. Обѣды, балы, вечера не прекращались, но мнѣ все это казалось страннымъ. Я былъ застѣнчивъ, даже черезчуръ, можетъ быть, скроменъ, а петербургская молодежь, камеръ-юнкера, смотрѣли на меня, какъ на провинціала, и еще болѣе удаляли меня отъ своего общества... Тутъ-то я увидалъ въ первый разъ многихъ отличныхъ офицеровъ, которые такъ рѣзко отличались въ царствованіе императора Александра: молодого свѣтлѣйшаго князя Лопухина, свѣтлѣйшаго Меньшикова и другихъ. Послѣдній былъ тогда лѣтъ 20-ти капитаномъ артиллеріи и флигель-адъютантомъ... Наконецъ, начали разъѣзжаться, и я былъ отправленъ въ Петербургъ, чтобы поступить на службу. Въ то время старшій братъ мой, А. И. Лореръ, проживалъ въ Петербургѣ, и подъ его крылышко торопился я. Не отъ того, что онъ приходился мнѣ братомъ, а по всей справедливости я долженъ сказать, что онъ въ то время пользовался репутаціей ловкаго, образованнаго человѣка и отличнаго штабъ-офицера, служившаго съ большимъ отличіемъ кампанію 1805 года, гдѣ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ со многими другими офицерами лейбъ-уланскаго полка подъ Аустерлицемъ, когда, какъ извѣстно, полкъ этотъ былъ почти уничтоженъ, даже съ полковымъ командиромъ своимъ Меллеръ-Закомельскимъ. Изъ г. Брина, гдѣ плѣнные содержались, они были возвращены только по заключеніи мира. Потомъ братъ участвовалъ въ битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау и, наконецъ, сдѣлалъ шведскую кампанію 1809 г. По болѣзни онъ долженъ былъ выдти въ отставку, женился и

проживалъ въ Петербургѣ. Послѣ его смерти уже товарищъ его по службѣ Булгаринъ, бывшій у брата въ эскадронѣ корнетомъ, написалъ его некрологъ, который можно найти въ первомъ изданіи его сочиненій 1824 года.

Явившись въ домъ брата на Садовой, я у него поселился, и тутъ только, попавъ въ тихій родственный кругъ, отдохнулъ послѣ шумной Москвы. Тогда-то начались хлопоты о поступленіи моемъ на службу. Такъ какъ первые шаги неопытнаго юноши всегда играютъ главную роль въ будущей его жизни, то объ этомъ надобно было подумать. Хотя гвардія была тогда уже въ походѣ, но братъ мой, служа прежде въ ней подъ начальствомъ в. к. Константина Павловича и пользуясь его благоволеніемъ, основалъ на этомъ старинномъ знакомствѣ мысль опредѣлить меня въ одинъ изъ полковъ гвардіи. Къ тому же братъ мой имѣлъ много знакомыхъ и пріятелей между адъютантами его высочества, онъ былъ коротокъ съ Кудашевымъ, убитымъ впослѣдствіи подъ Лейпцигомъ; онъ зналъ Сталя, Потапова, Лагоду, Куруту, Шперберга и на ихъ ходатайство надѣялся... Я же съ дѣтства моего наслышался о цесаревичѣ, какъ о человѣкѣ страшно строгомъ и суровомъ, и потому мысль поступить подъ его начальство меня пугала, но дѣлать нечего, я повиновался и, скрѣпя сердце, вошелъ въ роковой моментъ въ карету за своимъ братомъ. Съ страшнымъ замираніемъ сердца подъѣзжалъ я къ Мраморному дворцу. По большой лѣстницѣ, показавшейся мнѣ грязною, не бывъ встрѣчены ни швейцаромъ, ни даже лакеемъ, взошли мы въ огромную залу. Тутъ мы нашли уже многихъ адъютантовъ великаго князя, знакомыхъ брата, которые всѣ обступили насъ, и помню, что Кудашевъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: „Я знаю, что ты знакомъ со многими иностранными языками, но ежели его высочество спроситъ тебя, чему ты учился, то скажи: „русскому“. Вскорѣ всѣ засуетились, водворилась тишина, и великій князь вошелъ... Онъ прямо подошелъ къ брату, хриплымъ, но отрывистымъ голосомъ поздоровался съ нимъ, сказалъ, что давно съ нимъ не видался, взглянулъ на меня, наморщилъ свои огромныя брови и спросилъ: „Это братъ твой?“ Тогда братъ мой представилъ меня его высочеству и изложилъ свое желаніе и просьбу. Великій князь, окинувъ меня своимъ быстрымъ взоромъ, тотчасъ-же рѣшилъ: „въ конную гвардію... Дмитрій Дмитріевичъ Курута, посадить его на барабанъ и обстричь эти бѣлокурыя кудри“... и пошелъ... Скоро вернувшись, однако, в. к. примолвилъ: „Я раздумалъ: полкъ въ походѣ, на него надѣнутъ кирасу, каску... переходы большіе, онъ пропадетъ... наживетъ себѣ чахотку... потому что, кажется, вскормленъ на молокѣ... Я опредѣлю его въ Дворянскій полкъ къ полковнику Энгельгарду и даю слово,—сказалъ онъ, взявъ брата за руку,—черезъ 5 или 6 мѣсяцевъ, когда онъ втянется немного, произведу его въ офицеры гвардіи“.

Братъ мой благодарилъ его высочество и поцѣловалъ его въ плечо. Великій князь тогда спросилъ меня: „Чему ты учился"? и я, помня наставленіе Кудашева, скромно началъ: „Русскому"... „Довольно", сказалъ в. к., поклонился и удалился въ свои аппартаменты... И вотъ какъ рѣшилась моя будущая судьба. Никогда мнѣ не забыть этого перваго свиданія съ человѣкомъ, который, бывъ наслѣдникомъ русскаго престола, отказался впослѣдствіи отъ него, чтобы жениться на полькѣ-дворянкѣ, и былъ невольной причиной бѣдствій Россіи, заблудшихъ моихъ товарищей и меня самого. Цесаревичъ былъ средняго роста, немного сутуловатъ, но строенъ, лицо имѣлъ некрасивое, брови густыя, рыжія и носъ чрезвычайно малый. Носилъ постоянно конно-гвардейскій мундиръ, какъ шефъ этого полка. Главными его качествами и недостатками были: вспыльчивость, непомѣрная строгость, а часто и грубость въ обращеніи съ подчиненными. Но сердце онъ имѣлъ доброе, какъ воспитанникъ Лагарпа. Многія науки зналъ онъ отлично, но, къ сожалѣнію, все это пропало даромъ, а служба и фронтъ поглотили всѣ его хорошія качества и доброе направленіе, такъ что онъ ни о чемъ не могъ говорить, какъ о службѣ... Впослѣдствіи онъ сдѣлался деспотомъ, какихъ мало, но рыцаремъ, по тогдашнимъ понятіямъ, остался навсегда. Имѣя честь служить подъ его начальствомъ въ Варшавѣ въ продолженіи 6-ти лѣтъ, я узналъ его коротко, и буду современемъ говорить о немъ очень часто, а теперь стану продолжать мои воспоминанія.

На другой день моего представленія великому князю, меня отвезли на Петербургскую сторону, въ домъ полковника Энгельгарда, который содержалъ 8 молодыхъ людей, такъ называемыхъ пансіонеровъ, и я съ самаго начала моего военнаго поприща былъ, къ счастью, окруженъ его семействомъ, а корпуса не зналъ. Дворянскій полкъ (что нынѣ Константиновское училище) былъ тогда составленъ изъ двухъ батальоновъ. Первымъ командовалъ полковникъ Гольтееръ, вторымъ Энгельгардъ. Дворянскій полкъ въ то время состоялъ изъ разнаго сброда людей уже взрослыхъ... Помню, тутъ были и шляхта, и бѣдные дворяне разныхъ губерній, даже въ одно время находились въ немъ отецъ съ сыномъ и служили въ одномъ батальонѣ. Образованія молодые люди никакого не получали, многіе даже не умѣли читать, но за то маршировка, ружистика, военныя эволюціи процвѣтали, и кадеты на смотрахъ равнялись въ выправкѣ съ гвардіей, а цесаревичъ забавлялся нами, часто пріѣзжалъ къ намъ, выводилъ на площадь, нерѣдко въ ненастную погоду, и училъ насъ, училъ, училъ, приправляя все это бранью. Такъ текли нѣсколько мѣсяцевъ моей службы... По воскресеніямъ насъ отпускали по домамъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ всегда этой минуты, такъ какъ меня крѣпко возмущала наша однообразная, скучная, грустная жизнь.

Помню, что въ одинъ изъ воскресныхъ дней, я посѣтилъ ста-

рика Гавріила Романовича Державина, съ домомъ котораго семейство наше было давно знакомо. Гостей никого не было, какъ вдругъ въ комнату вбѣгаетъ какой-то напудренный старичокъ со звѣздою и, задыхаясь отъ волненія, говоритъ: „Гавріилъ Романовичъ, соберитесь съ духомъ... Москва отдана... и третій день пылаетъ въ огнѣ“... Державинъ, какъ услыхалъ это роковое извѣстіе, закрылъ обѣими руками лицо свое... и въ комнатѣ сдѣлалась тишина... Мы не смѣли прерывать безмолвной горести старца... Наконецъ, онъ отнялъ свои руки отъ лица, омоченнаго слезами, и просилъ меня сходить къ Дашенькѣ (супругѣ его) и велѣть приготовить ему одѣться: „Я ѣду во дворецъ къ императрицѣ Марьѣ Ѳеодоровнѣ“—промолвилъ онъ. Вскорѣ и я поспѣшилъ домой къ брату, предполагая, что онъ не знаетъ еще этого прискорбнаго для всякаго русскаго извѣстія, но засталъ уже весь нашъ домъ въ большомъ горѣ и смущеніи... Страшная вѣсть быстро облетѣла Петербургъ, и онъ казался мнѣ тогда въ какомъ-то туманѣ... Кого ни встрѣтишь, всѣ съ потупленными глазами, съ поникшими головами. Страшная пустота какая-то сдѣлалась въ городѣ! А между тѣмъ, моя жизнь текла по прежнему однообразно. Но вотъ въ одно утро нашъ почтенный полковникъ собралъ насъ всѣхъ въ залъ и объявилъ, что наканунѣ получено приказаніе его высочества, по недостатку офицеровъ въ полкахъ гвардіи, назначить изъ насъ достойнѣйшихъ къ производству... „Я, прибавилъ онъ, представлю къ производству васъ всѣхъ, исключая г. Лорера, для котораго не могу этого сдѣлать потому, что онъ еще не унтеръ-офицеръ, всего только пять мѣсяцевъ въ корпусѣ“... Обратившись ко мнѣ, онъ въ мое утѣшеніе прибавилъ: „но такъ какъ вы и опредѣлены въ корпусъ по особенной милости великаго князя, то совѣтую вамъ похлопотать у вашихъ покровителей въ семъ важномъ случаѣ, авось вамъ и это удастся“.

Я побѣжалъ къ брату, разсказалъ, въ чемъ дѣло; сѣли въ карету и поскакали къ полковнику Лагодѣ, управляющему канцеляріей великаго князя, и сообщили ему наше затруднительное обстоятельство. Выслушавъ насъ, Лагода улыбнулся и сказалъ: „передайте Александру Николаевичу (такъ звали Энгельгарда), чтобы непремѣнно въ спискѣ представленныхъ къ производству помѣстилъ и васъ, и увѣрьте его, что за успѣшныя послѣдствія я отвѣчаю!“ Обнадеженный словами этого почтеннаго человѣка, я поскакалъ въ корпусъ и сообщилъ милостивое рѣшеніе Энгельгарду, который вскорѣ помѣстилъ, такимъ образомъ, и меня въ списокъ счастливцевъ.

Однажды, рано утромъ, выпускныхъ изъ всѣхъ корпусовъ собрали въ залы І-го кадетскаго корпуса и построили въ шеренгу. Вскорѣ пріѣхалъ великій князь, ему подали мѣлъ, и онъ, проходя по шеренгѣ, сталъ насъ таврить разными гіероглифами, которыхъ мы, конечно, тогда не нонимали. Кому поставитъ крестъ,

кому кругъ, кому четыреугольникъ, и укажетъ особое мѣсто, гдѣ стать. Я съ трепетомъ ждалъ своей очереди, какъ вдругъ в. к., дойдя до меня, остановился и, спросивъ мою фамилію, вскричалъ: „рано, еще не унтеръ-офицеръ“, но благодѣтельный Лагода что-то шепнулъ ему на ухо, и тогда его высочество, шутя уже, спросилъ меня: „Знаешь ли службу?“ „Знаю в. в.“. „Можешь ли командовать батальономъ?“ „Могу в. в.“, смѣло отвѣчалъ я. Тогда и на моей груди появился какой-то мѣломъ начерченный крестикъ, и я присоединился къ другимъ такимъ же знакомъ отмѣченнымъ счастливцамъ. Наконецъ, таинственное распредѣленіе кончилось, и в. к. громко произнесъ: „Дѣти мои, подойдите ко мнѣ поближе“, и когда мы, тѣснясь, окружили его, онъ продолжалъ: „Государю императору угодно было назначить изъ трехъ кадетскихъ корпусовъ лучшихъ по своему поведенію и знанію службы кадетъ на мѣста товарищей офицеровъ, павшихъ за отечество. Я избралъ васъ и надѣюсь, что вы оправдаете мой выборъ, мои ожиданія. Завтра же я васъ представлю государю во дворецъ въ 6 часовъ утра. Прощайте, дѣти“. Тутъ онъ уѣхалъ, а мы возвратились по корпусамъ. Цѣлый день и ночь, конечно, провели мы въ приготовленіяхъ, стриглись, мылись, чистились, прихорашивались. На другой день, при восемнадцати-градусномъ морозѣ, въ однихъ мундирчикахъ, въ 6 часовъ утра, бѣжали мы черезъ Неву во дворецъ, а вѣтеръ холодный продувалъ насъ насквозь... Но при такихъ обстоятельствахъ и въ такихъ лѣтахъ, кровь грѣетъ какъ-то особенно, и я не ощущалъ особеннаго холода. Во дворцѣ почти все еще спало, когда мы вошли въ залы, и при тусклыхъ нѣскольких свѣчахъ стали у камина ожидать дальнѣйшихъ съ нами распоряженій. День только начиналъ прокрадываться въ огромныя окна... Петропавловскій шпицъ сталъ обозначаться на небѣ, какъ в. к. уже пріѣхалъ и сталъ разставлять насъ по корпусамъ. Вскорѣ вышелъ и государь, котораго здѣсь я въ первый разъ имѣлъ счастіе видѣть, разглядѣть. Онъ былъ въ мундирѣ Семеновскаго полка, столь имъ любимомъ, и показался мнѣ грустнымъ, печальнымъ... Да и было отчего, ибо въ то время Наполеонъ гостилъ уже въ Москвѣ, будущность была неизвѣстна, а государь уже сказалъ себѣ: to be or not to be (быть или не быть). Государь осмотрѣлъ насъ и тихо, своимъ пріятнымъ голосомъ, поздравилъ насъ офицерами, прибавивъ: „Вы замѣстите вашихъ павшихъ братій, служите же мнѣ такъ же ревностно, съ тѣмъ же неукоризненнымъ отличіемъ, какъ и они служили“. Послѣ этого насъ распустили по домамъ, для предстоящей обмундировки.

Въ моей семьѣ, конечно, очень радовались моему скорому производству, осыпали меня поздравленіями, за обѣдомъ въ этотъ день пили шампанское за здоровье новоиспеченнаго прапорщика. Тогда же, въ домѣ у брата, я познакомился съ внучкой свѣтлѣйшаго князя Кутузова, Яхонтовой. Она была очень мила и дружна

съ моей невѣсткой, а мнѣ, я помню, было ужасно совѣстно представиться ей съ коротко выстриженной головой. Благосклонный читатель проститъ мнѣ мою болтовню, но мнѣ она дорога по воспоминаніямъ, да къ тому же и нужна будетъ впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи моихъ приключеній. Скажу вкратцѣ, что всѣхъ насъ, новопроизведенныхъ, на первыхъ порахъ распредѣлили по полкамъ резервной дивизіи, составленной изъ рекрутъ, и мы ревностно принялись передавать имъ наши фронтовыя и служебныя знанія. Прапорщики командовали ротами, поручики батальонами. Вскорѣ пошли мы въ походъ на укомплектованіе гвардіи, узнавъ, что французы оставили Москву. Россія и Петербургъ оживились и ликовали! Я видѣлъ, какъ свѣтлѣйшій Кутузовъ, отъѣзжая въ армію прямо отъ государя (который жилъ тогда на Каменномъ Острову) съ дочерью своею Опочининой, подъѣхалъ къ Казанскому собору и служилъ тамъ молебенъ. При выходѣ его изъ собора, безчисленная толпа народа его окружила, и неистово гремѣло „ура"! Маститый старецъ съ непокрытою головою громко сказалъ народу: „Даю вамъ слово, я выгоню непріятеля изъ Россіи, будьте покойны!" Народъ долго провожалъ его огромную коляску, увѣренный въ немъ; и не прошло года, какъ князь выполнилъ свое предсказаніе...

Вскорѣ государь уѣхалъ въ армію, и мы, какъ я уже сказалъ, потянулись на соединеніе съ гвардіей подъ командою г. Башуцкаго, С.-Петербургскаго коменданта, который лишь по недостатку тогда генераловъ былъ назначенъ нашимъ командиромъ, но скоро сдалъ команду полковнику Траскину. Не стану описывать достопамятной войны и случаевъ со мною въ это время, потому что описалъ уже это время въ моихъ „Воспоминаніяхъ русскаго офицера" въ „Русской Бесѣдѣ", а скажу только, что послѣ Бауценскаго дѣла, при Рейхенбахѣ, мы вошли въ составъ гвардейскаго корпуса. Послѣ трехмѣсячнаго квартированія въ Парижѣ, мы выступили обратно въ Россію. Гвардейская первая дивизія отправилась моремъ въ Кронштадтъ, вторая и кавалерія сухимъ путемъ на Берлинъ, гдѣ прусскій король собирался достойно угостить своихъ вѣрныхъ союзниковъ, и мы уже разсчитывали на всевозможныя веселости, какъ вдругъ нашему батальону Литовскаго полка, впослѣдствіи переименованному изъ Московскаго, въ которомъ я имѣлъ честь служить, приказано было, не доходя 20 миль до Берлина, идти прямо въ Варшаву. Съ нами потянулся одинъ батальонъ Финляндскаго полка, одинъ эскадронъ Лейбъ-Уланскаго и батарея конной артиллеріи. Такимъ образомъ, намъ не удалось принять участіе въ развлеченіяхъ нашихъ товарищей, и мы, простившись съ ними, тянулись въ Варшаву въ неизвѣстности, что насъ тамъ ожидаетъ. Парадомъ вступили мы въ Варшаву. Великій князь Константинъ Павловичъ встрѣтилъ насъ съ огромною свитой польскихъ генераловъ. Тутъ

я видѣлъ старика генерала Домбровскаго, князя Сулковскаго, генерала Красинскаго, который во всѣхъ кампаніяхъ Наполеона командовалъ отрядомъ его тѣлохранителей (les guides). Участь Польши еще не была рѣшена окончательно, объ ней трактовали на Вѣнскомъ конгрессѣ, а великій князь уже старался окружать себя польскими войсками и набиралъ полки изъ разнаго сброда; къ нему стекались толпы изъ Испаніи, Италіи и даже изъ Америки. На формированіе полковъ в. к. былъ мастеръ, и въ короткое время, въ самомъ дѣлѣ, съ помощью русскихъ офицеровъ, распредѣленныхъ по польскимъ полкамъ, сумѣлъ составить отличную польскую армію. Одному изъ моихъ товарищей досталось быть инструкторомъ въ дивизіи Хлопицкаго, всегдашняго спутника Наполеона въ Египтѣ.

Итакъ, время наше текло однообразно въ караулахъ, ученьяхъ, разводахъ, въ коихъ великій князь былъ въ своемъ элементѣ. Польскіе генералы держали себя очень скромно, но съ достоинствомъ, противъ великаго князи, какъ брата своего будущаго короля и благодѣтеля, какимъ считали императора Александра. Они всѣ носили польскіе мундиры, а адъютанты Наполеона (officiers d'ordonances) всѣ сдѣланы были флигель-адъютантами. Адъютантъ князя Понятовскаго сдѣланъ былъ адъютантомъ великаго князя. Все смотрѣло весело, бодро, все надѣялось. Великій князь ласкалъ поляковъ... Тогда онъ сдерживалъ свою страсть къ тому военному педантизму, который впослѣдствіи такъ вооружилъ всѣхъ противъ него, стоивъ намъ много крови, и былъ пагубенъ столько же для Россіи, какъ и для самой Польши—въ 1830 году.

Наконецъ, возвѣстили скорый пріѣздъ государя въ Варшаву. Все пришло въ движеніе, все засуетилось, на всѣхъ лицахъ показалась радость и надежда, нашъ батальонъ готовился дать разводъ и занятъ былъ безпрестанными репетиціями. Въ одно пасмурное утро пушечные выстрѣлы дали знать о въѣздѣ государя. Войска стояли фронтомъ по улицамъ отъ Краковскаго предмѣстья до Саксонской площади. Государь былъ верхомъ, ѣхалъ задумчиво, въ польскомъ мундирѣ, съ лентой Бѣлаго Орла. Высшіе польскіе сановники встрѣтили государя у заставы и поднесли ему ключи отъ г. Варшавы на малиноваго бархата подушкѣ. Пройдя мимо него церемоніальнымъ маршемъ, войска разошлись по домамъ, а государь, у котораго Богъ вѣсть что было на душѣ, грустный отправился во дворецъ.

Въ 1818 году уже возвѣщено было Польское Королевство, и въ Варшавѣ открытъ Сеймъ необычайною рѣчью государя. Я не могъ не протѣсниться въ залу, гдѣ засѣдали сенаторы, польскіе представители и русскій генералитетъ. На особенныхъ креслахъ возсѣдалъ дипломатическій корпусъ всѣхъ европейскихъ державъ. Помню — Несельроде, Каподистрія, Алопеуса. Напротивъ сидѣли

русскіе сановники: С. П. Ланской, Н. Н. Новосильцевъ. Галлерея кругомъ тронной залы была занята дамами и представляла подобіе прелестнаго богатаго цвѣточнаго вѣнка. Старуха Чарторижская съ своей внучкой сидѣла впереди всѣхъ, всѣ ждали торжественной минуты. Но вотъ изъ нарочно продѣланныхъ дверей показался государь безъ царской мантіи, въ польскомъ мундирѣ... Онъ тихо всходитъ по бархату на ступени трона, кланяется представителямъ, народу и твердымъ, хотя еще непривычнымъ голосомъ говоритъ: Representants du Royaume de Pologne! У меня захватило духъ, и слезы навернулись на глаза. Обращеніе это, конечно, было ново для всѣхъ насъ, подданныхъ государя самодержавнаго, отократа...

Въ рѣчи своей государь сказалъ, что назначаетъ генерала Заіончека вице-королемъ и намѣстникомъ, и тогда Чарторижскій, исправлявшій эту должность до сего, всталъ съ своихъ креселъ и уступилъ ихъ приблизившемуся въ сопровожденіи двухъ флигель-адъютантовъ безногому Заіончеку. Помню, что старуха Чарторижская тотчасъ же удалилась съ галлереи, не дождавшись конца. Кто знаетъ, не это ли обстоятельство было главною причиной революціи 1830 года, когда, какъ извѣстно, Адамъ Чарторижскій принималъ живое участіе. Можетъ быть, возстановленіе прежняго личнаго величія было существеннымъ его побужденіемъ войти въ революцію!

Ночью открылась палата представителей, и пренія продолжались до утра. Многіе изъ моихъ знакомыхъ и товарищей принимали участіе въ этихъ преніяхъ, и я помню въ особенности отличавшагося своимъ краснорѣчіемъ Бонавенту-Нѣмовскаго. Всѣ пренія и рѣчи печатались ежедневно, трактиры наполнены были любопытными, мѣшавшимися съ депутатами всѣхъ уѣздовъ, и всякій хотѣлъ помѣстить и свое словцо въ пользу согражданъ.

Прослуживъ 6 лѣтъ въ Варшавѣ, я рѣшился оставить тягостную службу и перейти въ одинъ изъ полковъ, въ Россіи расположенныхъ. Въ войскахъ, подъ начальствомъ великаго князя, перемѣщенія не допускались по желанію, а потому надобно было сначала выйти въ отставку, что я и сдѣлалъ. Прибывъ въ Петербургъ, я сошелся опять съ прежними однополчанами, съ которыми дѣлалъ кампанію 1814 г. Они встрѣтили меня братски и упросили вступить въ тотъ самый полкъ, въ которомъ я началъ свое военное поприще, т. е. въ Московскій. Конечно, такое лестное приглашеніе очень льстило моему самолюбію, я согласился, подалъ просьбу и былъ принятъ снова на службу въ Петербургѣ. Съ 1821 года служба моя была самая пріятная послѣ всѣхъ непомѣрныхъ строгостей Варшавы. Тогда гвардейскій корпусъ былъ во всемъ своемъ блескѣ. Полки наполнены молодежью. По возвращеніи изъ Парижа, увидѣли въ рядахъ своихъ новое поколѣніе офицеровъ, которое начинало уже углубляться въ свое на-

значеніе, стало понимать, что не для того только носятъ они мундиръ, чтобы обучать солдатъ маршировкѣ да выправкѣ. Всѣ стали стремиться къ чему-то высшему, достойному, благородному.

Молодежь много читала, стали въ полкахъ заводить библіотеки, появились книги—„La Philosophie de Weiss", сочиненія Франклина, Филанджіери, политическая экономія Сея. Жадное до образованія, юношество толпилось въ залахъ на публичныхъ курсахъ, въ особенности у Г. Р. Державина, гдѣ происходили чтенія любителей русской словесности, и гдѣ читали Крыловъ, Гнѣдичъ, Лобановъ. Съ трудомъ доставались билеты, а въ охотникахъ просвѣщенія недостатка не было. Я тогда зналъ многихъ образованныхъ людей между офицерами гвардейскихъ полковъ, въ особенности же много ихъ было въ Семеновскомъ, Измайловскомъ и нашемъ Московскомъ. Симъ послѣднимъ командовалъ въ то время Потемкинъ, Преображенскимъ баронъ Розенъ, Семеновскимъ Храповицкій, Егерскимъ Бистромъ. Полки, очевидцы доблестныхъ подвиговъ своихъ начальниковъ, стяжавшихъ себѣ безсмертную славу на поляхъ Бородина, Кульма и многихъ другихъ, гдѣ дралась гвардія, любили и уважали своихъ командировъ. Служба мирнаго времени шла своимъ порядкомъ безъ излишняго педантизма, но, къ сожалѣнію, этотъ порядокъ вещей скоро сталъ измѣняться. Оба великіе князя, Николай и Михаилъ, получили бригады и тутъ же стали прилагать къ дѣлу вошедшій въ моду педантизмъ... Военное званіе начало утрачивать свое обаяніе, былыя воспоминанія не мирили насъ съ казарменнымъ педантизмомъ диллетантовъ, даже удовольствія досуга и столичной жизни были отравлены, и служба всѣмъ намъ стала дѣлаться невыносимою. По цѣлымъ днямъ по всему Петербургу шагали полки то на ученье, то съ ученья, барабанный бой раздавался съ ранняго утра до поздней ночи. Манежи были переполнены, и начальники часто спорили между собою, кому изъ нихъ первому владѣть ими, такъ что принуждены были составить правильную очередь. Оба великіе князя другъ передъ другомъ соперничали въ ученьи солдатъ. Великій князь Николай даже по вечерамъ требовалъ къ себѣ во дворецъ команды человѣкъ по 40 старыхъ ефрейторовъ; тамъ зажигались свѣчи, люстры, лампы, и его высочество изволилъ заниматься ружейными пріемами и маршировкой по гладко натертому паркету. Не разъ случалось, что великая княгиня Александра Ѳедоровна, тогда еще въ цвѣтѣ лѣтъ, въ угоду своему супругу, становилась на правый флангъ, съ боку какого-нибудь 13-вершковаго усача-гренадера, и маршировала, вытягивая носки. Старые полковые командиры получили новыя назначенія, а съ ними корпусъ офицеровъ потерялъ своихъ защитниковъ, потому что они изрѣдка успѣвали сдерживать ретивость великихъ князей, представляя имъ, какъ вредно для духа корпуса подобное обращеніе съ служащимъ людомъ. Моло-

дые полковые командиры, дѣйствуя въ духѣ великихъ князей, напротивъ, лѣзли изъ кожи, чтобы имъ угодить, и, такимъ образомъ, мало-по-малу довели до того, что большое число офицеровъ стало переходить въ армію, и, наконецъ, духъ нетерпимости, непокорности, неповиновенія явно сталъ проявляться въ Семеновскомъ полку. Я тогда зналъ этотъ полкъ очень хорошо, имѣя тамъ много знакомыхъ и друзей, и, какъ очевидецъ происшествій, разскажу, какъ это было. Я говорилъ уже, что Семеновскій полкъ былъ любимымъ полкомъ государя, который постоянно носилъ мундиръ полка, зналъ большую часть солдатъ по имени, и вообще баловалъ полкъ. И я зналъ одного солдата, который вязалъ государю султаны, бѣлые и черные, и обыкновенно получалъ за каждый по 100 рубл. ассигнаціями. Да позволено мнѣ будетъ припомнить тутъ тогдашнихъ моихъ пріятелей. Первымъ батальономъ командовалъ Вадковскій; я зналъ С. Муравьева-Апостола, князя Щербатова и многихъ другихъ. Тогда полкомъ командовалъ генералъ Шварцъ, человѣкъ безъ всякаго образованія, типъ Скалозуба въ „Горе отъ ума". До той же поры онъ командовалъ армейскимъ полкомъ и отличался своею строгостью, формалистикой, ни о чемъ больше не умѣлъ говорить, какъ о ремешкахъ, пригонкѣ аммуниціи, выправкѣ и проч. Такъ говорили о немъ всѣ знавшіе его, а по пословицѣ: гласъ народа, гласъ Божій, оно такъ и должно быть; впрочемъ, за вѣрность сего показанія не ручаюсь. Я тогда же слышалъ, что въ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ съ армейскимъ полкомъ, указывали на могилу, гдѣ погребаемы были засѣченные имъ солдаты и рекруты, такъ что будто бы и могила сохранила за собой названіе „Шварцовой". И этотъ-то человѣкъ, по настоянію великаго князя Николая Павловича и рекомендаціи педанта генерала, былъ назначенъ командовать первымъ полкомъ въ имперіи. Съ перваго же шага, при представленіи ему офицеровъ, они увидѣли, съ какимъ человѣкомъ имъ приходится дѣлить свои обязанности. Въ прежнее время, генералъ-адъютанта Потемкина, были заведены кровати у нижнихъ чиновъ, почти каждый изъ нихъ имѣлъ по самовару,—признакъ довольства у солдатика. Все это очень не нравилось новому полковому командиру. Нары снова были введены въ полку; обращеніе сдѣлалось невыносимо, генералъ часто издѣвался надъ старыми служивыми, рвалъ имъ усы и бакенбарды, плевалъ въ лицо, часто у себя на квартирѣ обучалъ по одиночкѣ солдатъ, велѣвъ предварительно разуться, чтобы лучше оцѣнить вытягиваніе носка... Эти и подобныя обращенія выводили людей изъ терпѣнія, такъ что однажды, когда полку слѣдовало идти въ караулъ и разбирать ружья, гренадерская рота не тронулась. Офицеры употребляли всевозможныя просьбы и увѣщанія, но тщетно. Тогда пріѣхалъ въ полкъ корпусный командиръ, князь Васильчиковъ (при императорѣ Николаѣ предсѣдатель государ-

ственнаго совѣта). Знаменитый воинъ, съ прекрасной душой, онъ ошибся на этотъ разъ и, вмѣсто того, чтобы говорить съ солдатами по человѣчески и мѣрами кротости возвратить ихъ къ повиновенію, онъ началъ ихъ ругать, назвалъ измѣнниками, бунтовщиками. Тогда весь полкъ ему отвѣтилъ, что всѣ готовы умереть за царя, готовы идти въ огонь и въ воду по единому мановенію его; но не желаютъ имѣть начальникомъ г. Шварца, который послѣ неуспѣшныхъ разговоровъ своихъ съ полкомъ, давно выскочилъ въ окно и укрылся въ домѣ генералъ-губернатора Милорадовича. Генералъ Васильчиковъ, по старой привычкѣ видѣть въ солдатахъ машины, а не людей, въ которыхъ есть души, чувства, приказалъ первой ротѣ отправиться въ Петропавловскую крѣпость, думая тѣмъ прекратить мятежъ. Но не такъ случилось! Другія роты, увидѣвъ, что ихъ разлучаютъ съ ротой его величества, крикнули: „Ребята, гдѣ голова, тамъ и ноги", и весь полкъ вышелъ на Семеновскую площадь въ фуражкахъ, но безъ ружей, и тамъ стоялъ толпами. Императрица Марія Ѳедоровна въ каретѣ подъѣхала къ толпамъ и сама увѣщевала ихъ покориться и исполнить волю начальства; солдаты сняли фуражки и крикнули „ура"! Великіе князья также подъѣзжали, но солдаты никого не послушали. Офицеры полка съ горестью видѣли дальнѣйшую будущность непокорныхъ, и всѣ предались своему жребію... Краса гвардіи погибла! Рѣшились пожертвовать всѣмъ полкомъ. Въ началѣ возмущенія Орловъ, командовавшій тогда конногвардіей, двинулся было съ своимъ полкомъ на Семеновскую площадь, готовый всегда исполнить роль палача во всѣхъ случаяхъ; но его вернули. Полкъ въ полномъ составѣ со всѣми офицерами двинулся къ крѣпости, гдѣ первому батальону присуждено было оставаться, а остальные два посажены была на суда и отправлены такъ съ офицерами въ финляндскія крѣпости. Государь находился тогда на конгрессѣ въ Тропау, а вся Европа волновалась; въ Неаполѣ вспыхнула революція (карбонаріумъ), Испанія требовала конституціи, въ Германіи были безпорядки, молодой Зандъ убилъ Коцебу, мстя за честь университета и Германіи. Метернихъ создавалъ свою систему и безпрестанно напѣвалъ государю Александру, что надобно принимать рѣшительныя мѣры и что безъ нихъ tous les trones seront ébranlés. Впрочемъ, я не пишу политической исторіи, и ограничусь тѣмъ только, что дѣлалось передъ моими глазами.

Васильчиковъ послалъ своего адъютанта Чеадаева съ донесеніемъ къ государю, о чрезвычайномъ происшествіи, но Чеадаевъ сибаритомъ сдѣлалъ это путешествіе, и Метернихъ черезъ своего посланника успѣлъ узнать о семеновской исторіи 2 часами ранѣе государя.

Когда Чеадаевъ явился къ государю и подалъ донесеніе, то тотъ грозно сказалъ ему, что уже все знаетъ; очень сердился и

выразилъ Чеадаеву весь гнѣвъ свой за либеральныя пагубныя идеи, которыя будто бы проникли даже въ самое сердце его доселѣ вѣрной гвардіи. Но въ этомъ государь ошибался, и ежели даже Метернихъ для своихъ видовъ и успѣлъ убѣдить государя въ этомъ мнѣніи, то да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь, что офицеры Семеновскаго полка, бывъ слишкомъ благородными, конечно, не употребляли никакихъ средствъ, чтобы взбунтовать полкъ безъ пользы и погубить его напрасно. Легко можетъ быть, что начальство, чтобы загладить свои безразсудныя дѣла, взваливало всю вину на корпусъ офицеровъ и втихомолку старалось распространить этотъ слухъ. Но въ Петербургѣ ему не вѣрили, молодежь другихъ полковъ громко обвиняла Васильчикова и командировъ, не умѣвшихъ взяться за дѣло. Васильчиковъ собралъ совѣтъ и пригласилъ въ оный графа Кочубея, а забылъ пригласить героя 1812 года П. П. Коновницына, бывшаго военнаго министра и тогда начальника всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Они знали очень хорошо, что сей ветеранъ не раздѣлитъ ихъ мнѣній и, конечно, возьметъ сторону своего стараго полка, въ которомъ служилъ въ молодости и считался, когда еще былъ адъютантомъ Суворова.

Генералъ Васильчиковъ, узнавъ, что офицеры гвардіи обвиняютъ начальника, и въ особенности его во всемъ этомъ дѣлѣ, ѣздилъ по полкамъ и говорилъ: „Дошло до моего свѣдѣнія, что господа офицеры позволяютъ себѣ судить о бунтѣ Семеновскаго полка, обвиняютъ высшее начальство, и тѣмъ вредятъ тѣмъ болѣе преступникамъ. Предупреждаю васъ и совѣтую прекратить эти толки до рѣшенія государя императора, а ежели узнаю того, кто позволитъ себѣ упорствовать, то не поцеремонюсь и отправлю его подальше“.

Тѣ же рѣчи были повторены и въ другихъ полкахъ. Наконецъ, фельдъегерь привезъ государево печальное рѣшеніе. Его величество приказалъ гренадерскую роту судить военнымъ судомъ въ крѣпости, презусомъ назначилъ генералъ-адъютанта Левашева. Прочіе батальоны велѣлъ раскассировать по армейскимъ полкамъ и гарнизонамъ и офицеровъ также. Знамена и музыканты остаются въ кадрѣ полка, и новый Семеновскій полкъ формируется изъ гренадерскихъ ротъ прочихъ гвардейскихъ полковъ. Генералъ Удомъ назначается полковымъ командиромъ новаго полка. И вотъ похороны стараго Семеновскаго полка, просуществовавшаго 150 лѣтъ!

Государь, встревоженный исторіею Семеновскаго полка, вознамѣрился вывести гвардію и поразвлечь ее немного, и вотъ въ 1821 году, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, во дворцѣ, у заутрени, куда собралась вся гвардія, Васильчикова вызвали изъ церкви, и курьеръ изъ Лаубаха вручилъ ему приказаніе выступить со всей гвардіей въ походъ. Въ одну минуту распростра-

нился слухъ этотъ по дворцу, всѣ въ недоумѣніи повторяли: походъ, походъ! Всѣ засуетились и на другой день всѣ стали быстро готовиться; кто устраивалъ свои дѣла, кто занималъ деньги, кто закупалъ лошадей и проч. Черезъ недѣлю, послѣ молебствія, корпусъ выступилъ къ западнымъ границамъ; и мы еще не знали настоящей мысли государя двинуть такъ неожиданно всю гвардію. Неужели движеніе наше дѣлается противъ итальянскихъ карбонаріевъ и тайныхъ обществъ? Однако, мы всѣ были рады подышать чистымъ воздухомъ и на время забыть о мрачныхъ сырыхъ манежахъ, и бодро подвигались впередъ. Послѣ уже многимъ изъ насъ стало вѣроятно, что въ нашемъ походѣ скрывалась задняя мысль, какъ я уже сказалъ, провѣтрить гвардейскій душокъ и не дать повториться семеновской исторіи. Генералъ Ермоловъ былъ выписанъ нарочно изъ Тифлиса, чтобы командовать нашимъ корпусомъ. Такъ мы шли на Вильну; но не доходя до нея, въ имѣніи графа Хребтовича, въ Бѣшенковичахъ, корпусъ остановился... Вскорѣ прибылъ государь изъ за границы и остановился въ домѣ гр. Хребтовича.

Домъ стоялъ на горѣ, окруженный садомъ, оранжереями и всѣми возможными затѣями богатаго помѣщика. Огромная равнина стлалась на необозримое пространство, и по деревнямъ расположился гвардейскій корпусъ. Генералъ Сакенъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ—побѣдитель подъ Бріеномъ) замѣнилъ генерала Ермолова и принялъ начальство надъ арміей, въ составъ которой и мы вошли. Въ одинъ день назначенъ былъ парадъ, и несмѣтные полки покрыли стройными рядами поля Бѣшенковичъ. Государь сталъ объѣзжать фронтъ и подъѣхалъ къ новосформированному Семеновскому полку. Всѣмъ замѣтно было, что ему тяжело и грустно не видѣть въ рядахъ его тѣхъ солдатъ, которыхъ онъ почти всѣхъ зналъ лично. Погода была сырая, взводы какъ-то уныло прошли мимо государя, и я не помню никогда такого неоживленнаго смотра. Генералъ Сакенъ и Васильчиковъ, видя, что государь недоволенъ гвардіею, возымѣли счастливую идею помирить его съ нею, а для того предложили устроить великолѣпный праздникъ на поляхъ Бѣшенковичъ, и всякій офицеръ долженъ былъ пожертвовать по полуимперіалу. Государь принялъ приглашеніе, и вскорѣ въ верстѣ отъ дома, занимаемаго императоромъ, былъ сооруженъ изъ соломы и ельнику великолѣпный залъ, могущій вмѣстить въ себя до 1500 человѣкъ приглашенныхъ. Убранствомъ его занимались свитскіе офицеры, курьеры поскакали въ Ригу за винами, за капельмейстеромъ въ Петербургъ. Залъ убирался оружіемъ, цвѣтами и вскорѣ насталъ вожделѣнный день. Вся гвардія встрѣтила государя, который прибылъ на праздникъ верхомъ и, подъ руку съ Сакеномъ, вошелъ въ приготовленный залъ. Онъ былъ веселъ и дарилъ всѣхъ той прекрасной улыбкой, которой я не видалъ у него во время па-

рада. Государь со многими милостиво разговаривалъ и о прошедшемъ ни слова...

За обѣдомъ, въ смежной залѣ, накрытомъ на 1500 кувертовъ, при звукахъ нѣсколькихъ сотъ музыкантовъ, управляемыхъ Дерфельдомъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ и батальоннаго огня пѣхоты, государь первый тостъ изволилъ пить за благоденствіе Россіи; второй за здоровье храброй россійской гвардіи. Потрясающее ура гремѣло въ залѣ и окрестностяхъ, всѣ были довольны и веселы, и такъ примирился государь со своими воинами. Не знаю для чего, а гвардія осталась еще на нѣсколько времени при Бешенковичахъ, и я скучалъ въ одной изъ деревушекъ на большой дорогѣ, ведущей въ Петербургъ, съ моею ротою. Однажды въ обычной моей прогулкѣ я достигъ почтовой станціи, какъ вдругъ вижу—несется коляска, останавливается у почтоваго двора, и я узнаю моего хорошаго пріятеля А. Ш., командовавшаго государевой ротой въ Семеновскомъ раскассированномъ старомъ полку, въ сопровожденіи фельдъегеря.

— Что это значитъ? Куда тебя везутъ, или куда ты ѣдешь?— спросилъ я его съ удивленіемъ. „А вотъ, какъ видишь, меня взяли изъ Москвы, привезли въ Петербургъ, посадили подъ строгій караулъ, не давали ни ножей, ни вилокъ, ни бритвъ, почему я и обросъ бородой, и теперь везутъ въ Витебскъ на слѣдствіе, котораго предсѣдателемъ Орловъ, и я думаю, что вся эта кутерьма упала на меня оттого, что я когда-то имѣлъ счастье командовать ротою его величества въ Семеновскомъ полку“. — Квартира моя не далеко, время обѣда, пойдемъ ко мнѣ. — „Съ удовольствіемъ, ежели дядя позволитъ“, сказалъ онъ мнѣ, называя дядей своего тучнаго аргуса.

Тотъ согласился, и у меня на квартирѣ вскорѣ собрались и остальные знакомые А. Щ. Мы весело обѣдали и пожелали ему здоровья и счастливаго окончанія дѣла. Послѣ обѣда явилась мысль уговорить нашихъ путешественниковъ переночевать у меня, а вечеромъ распарить русскія косточки въ топившейся у меня на дворѣ банѣ. Дядя согласился и на это, и все было устроено. Избравъ свободную минуту, я обратился къ фельдъегерю съ вопросомъ:—„Скажите, пожалуйста, что побудило васъ быть снисходительнымъ къ вашему арестанту и нашимъ просьбамъ, вопреки общаго всей вашей братіи правила быть неумолимымъ мучителемъ жертвъ, попавшихся однажды въ ваши лапы? „Несчастіе, отвѣчалъ онъ мнѣ, дѣлаетъ человѣка добрѣе, а я самъ бывалъ въ подобныхъ положеніяхъ, какъ мой арестантъ. Я самъ сидѣлъ въ Петропавловскомъ казематѣ“.—За что?—„Въ 1812 году, я былъ тѣмъ же фельдъегеремъ, что и теперь, и состоялъ при квартирѣ свѣтлѣйшаго Кутузова. Однажды меня отправили къ государю съ пакетомъ и непріятельскими знаменами. На одной изъ станцій въ Бѣлоруссіи я не засталъ въ почтовомъ домѣ ни души, прилегъ

отдохнуть въ ожиданіи появленія кого нибудь. Послѣ кратковременнаго отдыха, когда я открылъ глаза, то замѣтилъ съ ужасомъ, что ни сумки съ пакетомъ, ни ящика съ знаменами не было при мнѣ. Хотя я былъ въ шубѣ, но у меня морозъ по кожѣ подиралъ при воспоминаніи о послѣдствіяхъ потери, мною сдѣланной. Ночь была мѣсячная, кругомъ тишина мертвая, единственная тройка, понуря головы, стояла въ конюшнѣ, а людей все еще никого не было. Въ отчаяніи, почти въ забытьи я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ рѣчкѣ, вижу прорубь... перекрестился и бухъ въ воду. Ежели бъ не сложеніе мое, какъ видите, довольно объемистое, то и поминай, какъ звали, но на бѣду я погрузился въ прорубь только до живота, и застрялъ. Дѣлаю усиліе... не могу да и только утонуть. Окоченѣлый вылѣзъ я изъ проруби, да и думаю себѣ: видно, не суждено мнѣ умирать, пусть будетъ, что будетъ. На счастье, вскорѣ пришли два ямщика изъ сосѣдней деревни, куда они ходили погрѣться, такъ какъ почтовый домъ былъ безъ печей и оконъ. Заложили мнѣ тройку, и я продолжалъ свой путь съ увѣренностью, что погибну безвозвратно. Курьеры изъ арміи привозили всѣ донесенія прямо къ Аракчееву, и я въ 8 часовъ вечера былъ введенъ къ нему въ кабинетъ. Вошелъ съ рѣшимостью предать судьбу свою въ его руки. А вы, вѣроятно, знаете, каковъ былъ тогда могущественный Аракчеевъ. „Съ чемъ пріѣхалъ“? спросилъ онъ меня. „Привезъ пакетъ на имя его величества и знамена французскія. „Гдѣ же они“? Я упалъ въ ноги и разсказалъ ему несчастный со мной случай. Аракчеевъ, къ удивленію моему, погрозилъ мнѣ только пальцемъ, и закричалъ: „Сани“. Мигомъ они были заложены, поданы, и Аракчеевъ повезъ меня во дворецъ. Тамъ самъ государь заставилъ меня повторить происшествіе, спросилъ, отъ кого былъ пакетъ. Отъ свѣтлѣйшаго Кутузова, отвѣчалъ я. Государь задумался и велѣлъ мнѣ выйти. Вскорѣ и Аракчеевъ вышелъ отъ государя и сказалъ мнѣ: „тебя государь велѣлъ посадить въ казематъ на два мѣсяца“. Я внутренно благословлялъ такое счастливое окончаніе моего проступка, но въ казематѣ высидѣлъ не 2 мѣсяца, а четыре, потому, вѣроятно, что при тогдашнихъ важныхъ политическихъ происшествіяхъ меня забыли... Испыталъ и я эту муку, и вотъ почему готовъ облегчать участь всякаго несчастнаго, ежели это только можетъ отъ меня зависѣть“.

На другое утро, отдохнувши, обмывшись, гости мои уѣхали. Думалъ ли я тогда, что свиданіе мое съ А. Ш. было послѣднимъ въ этомъ мірѣ. Воображалъ ли я, что и со мной произойдутъ дѣла и случаи, какихъ силы человѣческія едва ли могутъ вынести. А вынесъ... остался живъ и пишу эти строки.

Тогда въ Витебскъ собраны были уже нѣсколько семеновскихъ офицеровъ: Вадковскій, Щербатовъ, А. Ш. Ихъ содержали подъ арестомъ, за строгимъ карауломъ, но не знаю, судили ли ихъ.

Только съ воцареніемъ Николая, то есть послѣ 5 лѣтъ, ихъ освободили, и А. Ш. командовалъ полкомъ на Кавказѣ. Изъ всего этого видно, что императоръ Александръ не кинулъ своей идеи, что будто бы именно въ кругу семеновскихъ офицеровъ таился зародышъ либерализма, вольнодумства и идей, противныхъ правительству. Но государь ошибался, ибо зло уже было общее, и самъ какъ бы его приготовилъ своею рѣчью на польскомъ сеймѣ, обѣщавъ дать конституцію. Людей, сочувствующихъ этой мысли, нашлось въ Россіи, конечно, много, но государь хотя и зналъ объ этомъ, но пренебрегалъ опасностью, считая толки бреднями малочисленныхъ юношей...

Послѣ виленскихъ маневровъ мы возвратились въ Петербургъ. Дѣла Италіи устроились, водворился страшный абсолютизмъ, страшныя преслѣдованія и гоненія обрушились на голову бѣднаго народа; тюрьмы были переполнены, и вотъ тотъ священный союзъ, которымъ надѣялись облегчить участь человѣчества! Какъ непрочны дѣла человѣческія! А. П. Ермоловъ съ досадою возвратился въ Тифлисъ, сожалѣя, что дѣла Италіи кончились, и ему не удалось во всемъ блескѣ показать своихъ военныхъ способностей въ командованіи арміей. Послѣ Васильчикова командовать корпусомъ гвардіи назначенъ былъ Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ. Это былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ людей, приближенныхъ къ государю. Всегда учтивъ, добръ, врагъ мелочной службы, онъ снисходительно допускалъ къ себѣ всякаго офицера, имѣвшаго до него какое либо дѣло. Своему государю Уваровъ говорилъ всегда „ты“, и до конца своей жизни не имѣлъ другой квартиры, какъ въ Зимнемъ дворцѣ. Великихъ князей часто останавливалъ онъ отъ неумѣренной взыскательности, за что всѣ, кромѣ ихъ, его любили. Со смертью его, гвардейскій корпусъ потерялъ единственнаго своего защитника и благодѣтеля.

До сей поры я былъ сколько возможно счастливъ, уважаемъ начальствомъ, любимъ товарищами, кажется—чего бы и желать. Но счастье не прочно. Въ 1824 году, я имѣлъ несчастье потерять старшаго брата моего, который заступалъ мнѣ мѣсто отца, былъ моимъ благодѣтелемъ и содержалъ меня своими средствами, чтобы не озабочивать старушку, 70-лѣтнюю мать нашу. Съ кончиной брата прекратилась мнѣ матеріальная поддержка; я стѣснялся содержать себя въ гвардіи и тогда же задумалъ перейти въ армію. Для здоровья я хотѣлъ служить въ одномъ изъ полковъ, на югѣ Россіи расположенныхъ, и кромѣ того искалъ себѣ полка, коего бы командиръ прежде всего былъ человѣкъ. Къ людямъ, подобнымъ Скалозубу, носившимъ у насъ названіе Бурбоновъ, я не имѣлъ ни какой симпатіи. Развѣдыванія мои увѣнчались успѣхомъ, и я былъ переведенъ маіоромъ во 2-ю армію, въ 18 дивизію корпуса г. Рудзевича, въ полкъ Вятскій, которымъ командовалъ Пестель. Я не зналъ еще тогда о существованіи въ Россіи тай-

наго общества, и вотъ судьба какъ бы сама привела меня къ той исходной точкѣ, которая должна была привести меня къ тяжкому испытанію, страданіямъ, лишеніямъ и перевороту всей моей остальной жизни. Я говорилъ выше о составѣ гвардейскаго корпуса, о духѣ, тамъ преобладавшемъ, и о моихъ связяхъ, дружескихъ, можно сказать, со многими изъ сослуживцевъ. Часто мы собирались въ Измайловскомъ полку на квартирѣ Капниста, гдѣ говорили, разсуждали о современныхъ вопросахъ, читали стихи молодого Пушкина, едва выпущеннаго изъ лицея, „Полярную Звѣзду“ Бестужева, которая была видима на всѣхъ столахъ кабинетовъ столицы. Тогда же вышелъ 9-й томъ „Исторіи государства россійскаго“, и его жадно читали, такъ что, по замѣчанію одного изъ товарищей, въ Петербургѣ отъ того только такая пустота на улицахъ, что всѣ углублены въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Болѣе всего воспламенило молодежь извѣстіе о возстаніи Греціи. Всѣ были увѣрены, что государь подастъ руку помощи единовѣрцамъ, и что двинутъ наши арміи въ Молдавію. Но политика Метерниха, преобладая въ европейскихъ кабинетахъ, молчала, а общество между тѣмъ не переставало высказывать свое сочувствіе къ несчастнымъ угнетеннымъ. Многіе офицеры гвардіи стали проситься въ полки арміи, думая тѣмъ приблизиться къ имѣющемуся въ виду походу на помощь грекамъ. Но правительство, не сочувствуя идеямъ всякаго, хотя бы и законнаго возстанія, не дозволяло этой военной эмиграціи изъ гвардіи. И я помню одного поручика нашей артиллеріи, Райко, который, не спрашивая даже разрѣшенія, по собственному убѣжденію отправился въ Аѳины и долго старался быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ. Въ Греціи онъ былъ назначенъ генералъ фельдцихмейстеромъ, сдѣлался другомъ Байрона и помогалъ много успѣху возстанія. По окончаніи дѣлъ Греціи, Каподистрія далъ ему рекомендательныя письма къ Несельроде и, кажется, писалъ даже къ государю, рекомендуя этого человѣка, какъ отличнаго дипломата и офицера, и просилъ наградить его чиномъ полковника русской службы. Однако Бенкендорфъ, по приказанію государя, отправилъ бѣднаго Райко на Кавказъ тѣмъ же чиномъ. Къ счастью, онъ не долго тамъ служилъ, ему позволено было выдти въ отставку, онъ женился и поселился въ Одессѣ, гдѣ я съ нимъ и познакомился. Часто для шутки, приходя ко мнѣ и не заставая дома, онъ оставлялъ свою визитную карточку, на коей красовалось: „Райко, генералъ-фельдцехмейстеръ Заморскаго края“.

Тогда же, въ одно утро, мы узнали, что Пушкина услали въ Кишиневъ, что за немножко вольные стишки и мысли ему грозила ссылка въ Сибирь или заключеніе въ монастырь, и что только ходатайства Энгельгарда и Карамзина изгнаніе перемѣнили на Бессарабію. Во время моего колебанія въ выборѣ полка, товарищи много упрашивали меня оставить эту мысль, но я оставался

непреклоненъ. Меня такъ и тянуло на югъ, въ мѣста, гдѣ провелъ я свое дѣтство, юность. Я говорилъ уже о дружескихъ моихъ отношеніяхъ со многими сослуживцами, но, до этой рѣшимости моей перейти во 2-ю армію, я ничего не зналъ о существованіи тайнаго общества въ Россіи, хотя мои знакомые, люди большею частью либеральные, не стѣсняясь, очень часто говорили о значеніи 2-ой арміи, объ М. Орловѣ и проч.

Въ одно утро я посѣтилъ Е. К. Оболенскаго, который былъ дивизіоннымъ адъютантомъ. Всѣ, кто зналъ его, не могли не любить и не уважать этого прекраснаго, милаго молодого человѣка; онъ былъ душою нашего кружка, хотя служба его часто затрудняла ему частыя отлучки. Такъ какъ Е. К. Оболенскій, по мѣсту имъ занимаемому, могъ мнѣ сообщить тѣ данныя на счетъ полковыхъ командировъ арміи, которыя меня интересовали, то я въ этотъ разъ и просилъ его, послѣ краткаго посторонняго разговора, посовѣтовать мнѣ и указать полкъ, въ который бы мнѣ было выгодно перейти. Помню, что онъ, не долго подумавъ, сказалъ мнѣ: „Зная твой характеръ, нравъ, мысли, любезный другъ, я могу тебѣ смѣло посовѣтовать двухъ отличныхъ полковыхъ командировъ и достойныхъ людей—это Пестеля и Бурцева, выбирай любого“. „Но я обоихъ не знаю, отвѣчалъ я, про Бурцева еще слышалъ, что онъ очень друженъ съ М. М. Нар., а этого достаточно уже въ моихъ глазахъ на полную мою симпатію, потому что недостойный человѣкъ не можетъ быть другомъ Нар. Пестель, говорятъ, человѣкъ съ большими дарованіями и совершенно образованный человѣкъ“. Отвѣчая такимъ образомъ, могъ ли я вообразить себѣ тогда, что жребій мой былъ уже брошенъ, и мечъ Демоклеса виситъ уже надъ моей головой. Отъ какихъ бездѣлицъ иногда можетъ исказиться вся судьба человѣка! Ну. чтобы было войти кому нибудь постороннему и помѣшать нашему дальнѣйшему разговору. Провидѣнію видно было угодно еще съ колыбели моей назначить мнѣ то, что впослѣдствіи со мной случилось. Сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, и я смѣло скажу, что ни одной минуты, и ни разу, я не сожалѣлъ, что случилось такъ, а не иначе. Оболенскій рѣшилъ, что мнѣ слѣдуетъ перейти въ Вятскій полкъ къ Пестелю, завѣрилъ меня, что я буду доволенъ начальникомъ, а онъ во мнѣ найдетъ человѣка, котораго ему нужно. Тутъ же было написана и просьба моя о переводѣ моемъ въ Вятскій пѣхотный полкъ маіоромъ.

Не забуду я никогда, какъ Е. К. Оболенскій, по исполненіи всей этой процедуры, сталъ ходить по комнатѣ въ задумчивости, и я спросилъ, о чемъ это онъ думаетъ. Остановившись и пристально взглянувъ на меня, онъ отвѣчалъ: „Знаешь-ли, любезный другъ, что многіе изъ нашихъ общихъ знакомыхъ давно желаютъ имѣть тебя товарищемъ въ одномъ важномъ и великомъ дѣлѣ и упрекаютъ себя въ томъ, что ты до сихъ поръ не нашъ... Скажу же тебѣ

я, что въ Россіи давно существуетъ тайное общество, стремящееся ко благу ея... Покуда тебѣ довольно знать... желаешь ли вступить въ число насъ?“ Хотя я былъ пораженъ важностью извѣстія, но чувствовалъ тогда-же, что не могу отказать человѣку, котораго уважалъ и любилъ безъ мѣры. Однако я не сейчасъ же отвѣчалъ... а спросилъ: „изъ кого состоитъ ваше общество, и какая его цѣль?“. „Покуда я не могу и не въ правѣ ничего сообщить, но скажу только, что цѣль нашего общества есть распространеніе просвѣщенія, искорененіе зла, пожертвованіе своими личными выгодами для счастья человѣчества; замѣщеніе нами мѣстъ самыхъ невидныхъ, опять таки для проведенія идеи правды, истины, безкорыстія, нелицепріятія“. „Почему же, любезный другъ, ежели это такое благодѣтельное и филантропическое общество, почему, спрашиваю я, оно тайное? Благой цѣли нечего скрываться и прекрасное не должно быть скрываемо; его же такъ мало на самомъ свѣтѣ“. Оболенскій мнѣ отвѣтилъ на это, что покуда только оно тайное, чтобы избѣжать насмѣшекъ и пересудовъ большинства, которое, не понявъ всей высоты намѣреній, можетъ, однако, мѣшать ему на первыхъ порахъ въ дальнѣйшемъ развитіи. „Итакъ, другъ мой, ты колеблешься подать намъ братскую руку твою“, заключилъ Оболенскій. Смутно понимая важность шага, который я готовъ былъ сдѣлать, я и на это не сейчасъ отвѣчалъ, но тутъ, какъ нарочно, вдругъ солнечный лучъ весело освѣтилъ довольно мрачную квартиру, а онъ посылается вѣдь отъ Бога. Я всталъ и только освѣдомился о трехъ лицахъ дорогихъ, близкихъ моему сердцу: съ нами ли они? „Съ нами“, отвѣчалъ Оболенскій. „Я вашъ“, проговорилъ я: И мы братски, горячо обнялись. Вошли писаря и помѣшали нашему дальнѣйшему разговору. Я ушелъ домой полный разныхъ думъ; вечеромъ же того дня, многіе изъ товарищей узнали о моемъ посвященіи, поздравляли меня, обнимали, цѣловали. Мнѣ было тогда 28 лѣтъ отъ роду. Жребій былъ брошенъ...

Не прошло и трехъ дней, какъ я получилъ записку отъ Е. К. Оболенскаго, въ которой онъ меня увѣдомлялъ, что П. И. Пестель въ Петербургѣ, и совѣтывалъ мнѣ къ нему представиться, вызываясь самъ это сдѣлать на другой день. Я согласился и утромъ отправился въ кавалергардскія казармы, гдѣ Пестель остановился у своего брата, тогда ротмистра этого полка. Оболенскій, тутъ же находившійся, прямо, назвавъ меня, прибавилъ: „Изъ нашихъ“. И вотъ, гдѣ я въ первый разъ увидалъ человѣка умнаго, оригинальнаго, игравшаго тогда и впослѣдствіи большую роль въ нашемъ тайномъ обществѣ и бывшаго однимъ изъ главныхъ дѣятелей его. Пестель былъ небольшого роста, брюнетъ, съ черными, бѣглыми, но пріятными глазами. Онъ и тогда, и теперь при воспоминаніи о немъ, очень много напоминаетъ мнѣ Наполеона I. На немъ былъ длинный, широкій армейскій

сюртукъ съ краснымъ воротникомъ, штабъ-офицерскими почернѣвшими эполетами, лежавшими на плечахъ болѣе назадъ, нежели впередъ. Сначала онъ принялъ меня холодно, но при извѣстіи, что я уже членъ общества, Пестель улыбнулся, и подалъ мнѣ руку и тутъ же, какъ бы кстати, сказалъ Оболенскому: „У васъ въ Петербургѣ, ничего не дѣлается, всѣ сидятъ сложа руки. Chez nous au midi les affaires vont mieux. А объ васъ я давно уже слышалъ, и много хорошаго, а вы теперь только приняты... Это непростительно Сѣверному обществу... Я думаю, продолжалъ онъ, скоро можно будетъ начать дѣло"... Бывъ новичкомъ еще, о многомъ я догадывался только, не зная вполнѣ, что это за дѣло; помню, что слова его меня тогда и удивили, и навели какую-то робость... Мы разстались съ тѣмъ, чтобы свидѣться уже въ полку, какъ сослуживцы. Вскорѣ вышелъ мой переводъ, товарищи однополчане проводили меня, и такимъ образомъ кончилось мое служеніе въ гвардіи съ 1812 года по 1823.

Путь мой лежалъ въ Кіевъ. Былъ май мѣсяцъ, весна смѣняла зиму, и чѣмъ далѣе удалялся я отъ Петербурга, тѣмъ легче, теплѣе, отраднѣе становилось мнѣ на сердцѣ. Рощицы, темные лѣса, нивы встрѣчались съ каждымъ шагомъ и запахъ свѣже скошеннаго сѣна и полевыхъ цвѣтовъ, которыми Малороссія изобилуетъ, очаровывали меня и наполняли мою душу какимъ-то необъяснимымъ наслажденіемъ... Въ Кіевѣ я остановился въ Зеленомъ трактирѣ и посѣтилъ двухъ пріятелей, Капниста и Муханова, адьютантовъ Н. Н. Раевскаго, командовавшаго корпусомъ и имѣвшаго въ Кіевѣ свою корпусную квартиру. Капнистъ прежде служилъ въ Измайловскомъ полку и былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ, могущихъ всегда принести честь полку; онъ вышелъ изъ гвардіи, только по мстительности и преслѣдованіямъ бригаднаго начальника... Онъ долженъ былъ перейти въ армію, гдѣ его, однако жъ, отличилъ знаменитый защитникъ Смоленска, Раевскій, взявъ къ себѣ въ адъютанты. Послѣ смерти Александра Павловича, Н. Н., не знаю почему, впалъ въ немилость, вышелъ въ отставку и дожилъ свой вѣкъ въ кругу своего семейства въ деревнѣ. Тогда мнѣ хотѣлось посѣтить героя, коего высокія качества и добродѣтель намъ славно изобразилъ Д. В. Давыдовъ, и я явился къ нему. Помню, что я засталъ генерала въ билліардной съ кіемъ въ рукахъ. Открылось, что фамилія моя ему извѣстна, что онъ очень хорошо знаетъ матушку, и всякій разъ, что ѣдетъ въ Крымъ, гдѣ у него помѣстья, заѣзжаетъ къ ней. „Снимай шарфъ, клади киверъ, и пойдемъ обѣдать", сказалъ онъ мнѣ.

Дня черезъ три я скакалъ въ полкъ, гдѣ вскорѣ должна была разыграться и наша катастрофа. Квартира Вятскаго полка была въ Линцахъ, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ кн. Сангушкѣ, о которомъ я со временемъ скажу нѣсколько словъ. Пріѣхавъ въ Линцы,

покуда мнѣ еще не отвели казенной квартиры, я остановился у еврея и тотчасъ же послалъ узнать, дома ли полковникъ Пестель. Меня велѣли просить обѣдать. У Пестеля я засталъ много людей, мнѣ вовсе незнакомыхъ, какъ-то: В. Л. Давыдова, полковника въ отставкѣ, Лихарева, генеральнаго штаба, Полтавскаго пѣхотнаго полка поручика Бестужева-Рюмина, и нѣсколько офицеровъ Вятскаго полка. Пестель, послѣ форменнаго представленія, назвалъ меня членомъ общества, и всѣ со мною стали гораздо откровеннѣе. Съ перваго же раза В. Л. Давыдовъ очаровалъ меня своею любезностью и веселостью. Узнавъ его послѣ короче, я убѣдился, что онъ былъ представителемъ тогдашняго comme il faut, богатъ, образованъ, начитанъ, весь вѣкъ свой провелъ въ высшемъ обществѣ, былъ адьютантомъ князя Багратіона. Лихаревъ также мнѣ понравился, но Бестужевъ произвелъ на меня какое-то странное впечатлѣніе и показался мнѣ какимъ-то восторженнымъ фанатикомъ, ибо много говорилъ, безъ связи, безъ плана... Я оставался съ нимъ холоденъ. И такъ мы провели первый вечеръ у Пестеля. Тутъ-то я узналъ, что общество раздѣлялось тогда на три Управы: Сѣверную, подъ управленіемъ Никиты Муравьева, Южную, подъ управленіемъ Пестеля, и Васильковскую, подъ управленіемъ Сергѣя Муравьева-Апостола. Южное общество было довольно многочисленно и существовало уже десять лѣтъ... Я не стану описывать его начала, его цѣли и проч., потому что кто объ этомъ не писалъ. Но лучше всѣхъ и вѣрнѣе изобразилъ намъ картину всего этого кн. П. Долгоруковъ. Онъ отдалъ въ своемъ описаніи полную справедливость этимъ жертвамъ за свободу своего отечества, этимъ людямъ, которые въ цвѣтущихъ лѣтахъ своихъ (какими были почти всѣ члены общества) не убоялись пренебречь всѣмъ, что обыкновенно льститъ намъ въ молодости, карьерой, службой, богатствомъ, чтобы улучшить судьбы отечества своего.

Про себя скажу откровенно, что я не былъ ни якобинцемъ, ни республиканцемъ, это не въ моемъ характерѣ, но съ самой юности я ненавидѣлъ всѣ строгія начальственныя мѣры. Я мечталъ часто о монархической конституціи и былъ преданъ императору Александру, какъ человѣку; хотя многіе изъ членовъ, также какъ и я, негодовали на него за то, что онъ въ послѣднее время, усталый отъ дѣлъ государственныхъ, передалъ почти все управленіе Аракчееву, этому деспоту необузданному. Исторія еще не разъяснила намъ причинъ, которыя понудили Александра, европейца XIX столѣтія, человѣка образованнаго, съ изящными манерами, добраго, великодушнаго, отдаться или, лучше сказать, такъ сильно привязаться къ капралу павловскаго времени, человѣку грубому, необразованному. Говорятъ, что лицо есть зеркало души, и это зеркало было у Аракчеева отвратительно. Я помню время, когда Н. И. Гречъ перевелъ съ латин-

скаго: „Временщика временъ Рима“. Мы съ жадностью читали эти стихи и узнавали нашего русскаго временщика. Дошли они и до Аракчеева, и онъ себя узналъ, потому что тотчасъ же послалъ за Гречемъ. Вообразите себѣ, какъ испугался этотъ писатель, когда его схватили и мчали на Литейную, гдѣ жилъ страшный человѣкъ. Но Гречъ дорогой утѣшалъ еще себя тѣмъ, что можетъ быть Алексѣй Андреевичъ, очарованный его слогомъ, поручитъ ему написать что нибудь о Грузинѣ или о военныхъ поселеніяхъ. Но представьте себѣ его положеніе, когда, представъ предъ очи Аракчеева, онъ услыхалъ гнусавый вопросъ: „Ты надворный совѣтникъ Гречъ?“ „Я, ваше сіятельство“. „Знаешь-ли ты наши русскіе законы?“ „Знаю в. с.“. „У насъ одинъ законъ для такихъ вольнодумцевъ, какъ ты. Кнутъ, батюшка, кнутъ... слышишь. Чтобъ завтра въ Петербургѣ не было этой брошюры, ступай и собирай вездѣ, какъ знаешь, а не то я тебя сошлю туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ“. Передаю этотъ анекдотъ за то, что купилъ.

Освоившись, обжившись въ полку и проведя съ Пестелемъ почти неразлучно два года, до минуты; когда насъ судьба такъ жестоко и навсегда разлучила, я узналъ его коротко и могу сказать про него, что онъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Онъ жилъ открыто, я и штабные полка всегда у него обѣдали. Квартиру онъ занималъ очень простую, на площади, противъ экзерцихгауза. Во всю длину его немногихъ комнатъ тянулись полки съ книгами, болѣе политическими, экономическими, вообще ученаго содержанія и излагающими всевозможныя конституціи. Не знаю, чего этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку на многихъ иностранныхъ языкахъ; 12 лѣтъ писалъ онъ свою Русскую Правду. Къ тому же Пестель имѣлъ громадную память. Эта Русская Правда часто хранилась у меня, когда Пестель долженъ былъ отлучаться изъ дому на продолжительное время: такъ берегъ онъ до поры до времени свое дѣтище. Я нѣсколько разъ прочитывалъ эту конституцію для Россіи и помню, что вступленіе было написано увлекательно, мастерски, да и вообще чего, кажется, не сообразилъ этотъ человѣкъ, приноравливаясь къ русскимъ правиламъ! Не разъ бесѣдуя съ Пестелемъ съ глазу на глазъ въ длинные зимніе вечера, я спрашивалъ его: „Какъ это вы, П. И., геніальный человѣкъ, а, не шутя, полагаете возможнымъ водворить въ Россіи республику“. „А Соединенные Штаты чѣмъ-же лучше насъ“? отвѣчалъ онъ мнѣ. „Но тамъ другіе элементы“, возражалъ я. „Помилуйте, Соединенные Штаты долго были колоніей Англіи, платили ей дань, и только, когда почувствовали свою мощь и у нихъ явился Вашингтонъ, рѣшились отдѣлиться“. „Положимъ и у насъ найдутся Вашингтоны, Франклины, но общество наше еще къ этому перевороту не готово, и признаюсь вамъ, что я, по крайней мѣрѣ, не

вижу хорошаго исхода. Не безпокойтесь, вступивъ въ общество, я не измѣню вашимъ цѣлямъ, но чувствую, что мы играемъ опасную игру. Я не вижу никакого приготовленія... Этого мало, что ежедневно принимаютъ тамъ и сямъ одного, другого члена“... „Ваша правда, сказалъ мнѣ Пестель, но въ Васильковѣ дѣла идутъ лучше. С. Муравьева-Апостола полкъ любитъ и, я увѣренъ, всюду за нимъ пойдетъ“. „Ну позвольте же вамъ сказать теперь, что ваша систета командованія полкомъ ужъ ни какъ не приведетъ къ тѣмъ-же результатамъ. Солдаты васъ не знаютъ, можетъ быть, и не любятъ, офицеры боятся... Будьте-же сами популярнѣе“.

Такъ коротали мы наше время, и разъ онъ мнѣ разсказалъ, что, бывши адъютантомъ у графа Витгенштейна, стояли они съ корпусомъ въ Митавѣ, гдѣ Пестель познакомился съ 80-лѣтнимъ Паленомъ. Полюбивъ Пестеля, старикъ бывалъ съ нимъ откровененъ и, замѣтя у него еще тогда зародыши революціонныхъ идей, однажды ему сказалъ: „Ecoutez jeune homme! Si Vous voulez faire quelque chose par une société secrètte, c'est une bêtise; car, si vous êtes douze, le douzième sera invariablement un traître, j'ai de l'éxperienée, et je connais le monde et les hommes“! Какая истина! Зловѣщее пророчество сбылось. Павла Ивановича пріятно было слушать, онъ мастерски говорилъ и всегда умѣлъ убѣждать, но часто проглядывало въ его словахъ непомѣрное честолюбіе и тщеславіе. И самъ онъ однажды сознался, что многіе уже ему это замѣчали, на что онъ имъ обыкновенно отвѣчалъ: „На наше дѣло, надобно имѣть поболѣе честолюбія. Оно можетъ и васъ подвинуть къ скорѣйшему начатію. А за себя, даю вамъ слово, когда русскій народъ будетъ счастливъ, принявъ Русскую Правду, я удалюсь въ кіевскій какой нибудь монастырь и буду доживать свой вѣкъ монахомъ“. „Да, отвѣтилъ я ему, улыбнувшись, чтобы васъ и оттуда вынесли на рукахъ съ торжествомъ“. „Впрочемъ, прервалъ онъ меня, — кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ. — А со мной послѣдняго не случилось, ибо въ дѣтствѣ моемъ, когда отецъ мой отправлялъ меня съ старшимъ братомъ въ Дрезденъ, для нашего воспитанія, то нанялъ для насъ мѣсто на одномъ купеческомъ суднѣ въ Кронштадтѣ. Все было уже готово къ отъѣзду, мы уже простились съ отцомъ, какъ вдругъ онъ вздумалъ не отпускать насъ на этомъ суднѣ, велѣлъ забрать наши вещи и приказалъ пересѣсть на другое... Мы тогда, исполнивъ его волю, только удивлялись причудамъ старика, но каково-же было наше удивленіе, когда, прибывъ благополучно въ Дрезденъ, мы узнали, что оставленное нами судно не дошло до своего назначенія и съ пассажирами и грузомъ потонуло... безъ слѣда. Сердце старика моего, вѣрно, чуяло бѣду, готовившуюся разразиться надъ головами его чадъ. И вотъ я остался живъ, какъ видите“.

Въ одно раннее утро Пестель прислалъ за мною, чтобы сообщить мнѣ важную новость, которую онъ самъ одинъ не берется разрѣшить. Важное извѣстіе это состояло въ томъ, что графъ Виттъ прислалъ Пестелю объявить, что онъ знаетъ о тайномъ обществѣ, предлагаетъ свои услуги и проситъ принять и его самого въ члены общества, намекая о своей полезности, такъ какъ подъ его командою состоитъ 40.000 войска. Затѣмъ г. Виттъ предупреждаетъ Пестеля быть осторожнымъ и остерегаетъ его противъ человѣка, ему близкаго и уже предателя. Легко себѣ представить, въ какомъ мы были положеніи въ ту минуту. Кто-бы могъ быть этотъ Іуда? Долго думали, совѣщались, и Пестель рѣшилъ отправить меня въ Тульчинъ, гдѣ была главная квартира, съ письмомъ къ П. А. Юшневскому, и просить его совѣта. Исполняя это порученіе П. И., я поѣхалъ въ штабъ квартиру будто-бы по своимъ дѣламъ и остановился у адъютанта главнокомандующаго кн. Барятинскаго, которому, какъ и другимъ членамъ, Пестель просилъ меня ни слова не говорить о моемъ порученіи. Юшневскій былъ тогда генералъ-интендантомъ 2-ой арміи и пользовался отличной репутаціей человѣка съ большими свѣдѣніями, серьезнаго, безкорыстнаго, практическаго. Онъ былъ, можно сказать, въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ граф. Витгенштейномъ и любимъ начальникомъ штаба, Киселевымъ. При моемъ появленіи съ письмомъ Пестеля, Юшневскій заперъ дверь на ключъ за мной и углубился въ чтеніе. Я старался заранѣе прочесть отвѣтъ на его лицѣ... Но оно ничего не выражало, и Юшневскій только пожалъ плечами и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Можно-ли довѣриться Витту? Кто не знаетъ этого извѣстнаго шарлатана. Мнѣ извѣстно, что въ настоящую минуту Виттъ не знаетъ, какъ отдать отчетъ въ нѣсколькихъ милліонахъ рублей, имъ истраченныхъ, и думаетъ поддѣлаться правительству, продавъ насъ связанными по рукамъ и ногамъ, какъ куропатокъ. Я не буду писать П. И., потрудитесь передать ему словесно то, что вы отъ меня слышали о графѣ Виттъ и посовѣтуйте съ нимъ не сближаться“. Я тотчасъ же поспѣшилъ обратно въ Линцы и передалъ Пестелю нашъ разговоръ съ Юшневскимъ. Пестель задумался, но видно было, что идея сближенія съ гр. Виттомъ его сильно занимала, ибо онъ мнѣ тогда-же сказалъ: „Ну, а ежели мы ошибаемся? Какъ много мы потеряемъ!“ Этимъ и кончилось тогда это загадочное происшествіе.

Впослѣдствіи я очень коротко сошелся съ Юшневскимъ и всегда его уважалъ. Онъ былъ, по моему мнѣнію, добродѣтельнѣйшій республиканецъ, никогда не измѣнявшій своихъ мнѣній, убѣжденій, призванія. Онъ много способствовалъ своими совѣтами Пестелю къ составленію Русской Правды. Я забылъ сказать, что, пріѣхавъ въ полкъ, Пестель хотѣлъ было дать мнѣ батальонъ, отнявъ его у младшаго меня маіора, уже пожилого че-

ловѣка, но я отклонилъ отъ себя эту обязанность болѣе для того, чтобы не лишить моего бѣднаго предмѣстника сопряженныхъ съ званіемъ батальоннаго командира 1000 рублей столовыхъ, и рѣшился ждать болѣе безобидной для другихъ вакансіи. Такъ протекли два года моей службы въ арміи и членомъ Южнаго Общества. Меня часто удивляла память Пестеля и способность его заниматься постоянно важными дѣлами, которыхъ онъ былъ главой, и полкомъ, которымъ онъ командовалъ отлично и чрезвычайно легко, какъ бы спустя рукава, такъ что однажды корпусный командиръ Рудзевичъ про него сказалъ: „Удивляюсь, какъ Пестель занимается шагистикой, тогда какъ этой умной головѣ только и быть министромъ-посланникомъ“.

Во время греческаго возстанія, когда Ипсилантій, бывъ на службѣ нашимъ генераломъ и приближеннымъ лицомъ къ государю императору Александру Павловичу, не зная, подготовлены ли его земляки, бросился необдуманно, подъ влеченіемъ своихъ благородныхъ чувствъ, въ открытую борьбу и палъ, вовлекши многихъ своихъ товарищей въ погибель, государь нашъ, державшійся священнаго союза и строгаго non intervention, спросилъ у Витгенштейна, коего армія была расположена на границахъ волновавшейся Молдавіи и Валахіи, какъ единовѣрцевъ Греціи и подданныхъ той-же Турціи: нѣтъ ли въ арміи человѣка, способнаго разъяснить и представить вѣрно положеніе христіанскаго населенія Молдавіи и Валахіи. Графъ Витгенштейнъ указалъ на Пестеля, который и былъ отправленъ для этой цѣли. Онъ исполнилъ добросовѣстно это порученіе и писалъ прямо въ собственныя руки государю на французскомъ языкѣ. Говорили, что когда государь прочиталъ это ясное изложеніе дѣла и передалъ Несельроде, то сей послѣдній будто-бы просилъ государя назвать ему дипломата, который такъ красно, умно, вѣрно съумѣлъ описать настоящее положеніе Греціи и христіанъ на Востокѣ, и будто бы государь, улыбнувшись, сказалъ: „Не болѣе и не менѣе, какъ армейскій полковникъ. Да, вотъ какіе у меня служатъ въ арміи полковники“!

Въ Тульчинѣ, при штабѣ 2-ой арміи, въ мое время служило много замѣчательныхъ людей, въ особенности офицеровъ генеральнаго штаба, и можно по справедливости сказать, что армія доведена была до такой степени совершенства, что превосходила своей организаціей, устройствомъ всѣ остальные корпуса русскіе. Эту должную справедливость самъ государь на высочайшемъ смотру 1823 года ей отдалъ. Главнокомандующій, котораго армія обожала, по преклоннымъ лѣтамъ своимъ, предоставилъ все управленіе дѣлами арміи своимъ достойнымъ помощникамъ, и само собою разумѣется большею частью своему начальнику штаба Киселеву. Я съ уваженіемъ произношу это имя, оставившее, вѣроятно, не у одного меня подобныя теплыя чувства. П. Д. Ки-

селевъ былъ тогда лѣтъ 37 и во все время исправленія должности, столь важной, былъ добръ, доступенъ, любезенъ, снисходителенъ и при томъ очень красивъ собой. Въ ту пору онъ только что женился на красавицѣ полькѣ, Софіи Потоцкой. Не смотря на свои многотрудныя занятія, онъ постоянно находилъ довольно свободныхъ минутъ, чтобы обогащать память свою новыми знаніями, а потому окружалъ себя людьми учеными и любилъ съ ними проводить время. Проводя свою идею образованія, честности, безкорыстія, онъ мало-по-малу замѣстилъ закоренѣлыхъ отсталыхъ полковыхъ командировъ своими адъютантами, изъ коихъ назову двоихъ: Абрамова и Бурцева. Сей послѣдній, бывъ замѣшанъ, впослѣдствіи, по дѣлу тайнаго общества, счастливо выпутался, не смотря на то, что Чернышевъ всячески старался его погубить. Бурцева сослали только на Кавказъ, гдѣ онъ служилъ съ такимъ отличіемъ, что при Паскевичѣ вскорѣ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и Чернышеву, какъ военному министру, не разъ приходилось въ полной формѣ приносить Господу Богу благодаренія о ниспосланной побѣдѣ, за человѣка, котораго онъ ненавидѣлъ.

Бурцевъ всегда самъ лично и прямо набѣло писалъ свои реляціи государю Николаю Павловичу, и Паскевичъ, цѣня его и чувствуя, что онъ необходимъ въ войскахъ кавказскаго корпуса, питалъ къ нему особенную любовь. Къ сожалѣнію, Бурцевъ не дожилъ до апогея своей славы. Не зная страха, часто въ запальчивости, онъ впереди всѣхъ бросался въ самыя опасныя мѣста, и однажды роковая пуля сразила его смертельно. Умирая, онъ написалъ письма къ государю, женѣ и дочери.

Однажды, придя къ Пестелю вечеромъ по обыкновенію, я засталъ его лежащимъ. При моемъ входѣ онъ приподнялся и, послѣ краткаго молчанія, съ челомъ сумрачнымъ и озабоченнымъ, сказалъ мнѣ какъ-то таинственно:

„Николай Ивановичъ, все, что я вамъ скажу, пусть останется тайной между нами. Я не сплю уже нѣсколько ночей, все обдумывая важный шагъ, на который рѣшаюсь... Получая чаще и чаще неблагопріятныя свѣдѣнія отъ управъ, убѣждаясь, что члены нашего общества охладѣваютъ все болѣе и болѣе къ notre bonne cause, что никто ничего не дѣлаетъ въ преуспѣяніи ея...... что государь извѣщенъ даже о существованіи общества и ждетъ благовиднаго предлога, чтобы насъ всѣхъ схватить, я рѣшился дождаться 26 года (мы были въ ноябрѣ 1825), отправиться въ Таганрогъ и принести государю свою повинную голову, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ внялъ настоятельной необходимости разрушить общество, предупредивъ его развитіе дарованіемъ Россіи тѣхъ уложеній и правъ, какихъ мы добиваемся. Недавно я ѣздилъ въ Бердичевъ, въ Житоміръ, чтобы переговорить съ польскими членами, но у нихъ не нашелъ ничего радостнаго. Они и

слышать не хотятъ намъ помочь, и желаютъ избрать себѣ „своего короля“ въ случаѣ нашего возстанія. Самъ же государь Александръ съ 1817 года видимо измѣнилъ свое либеральное направленіе, поддавшись совершенно Метерниху, который напѣваетъ ему, что добротою, снисходительностью можно только потрясти троны и разрушить ихъ... Прусскій король, много обѣщавшій и ничего не исполнившій, небось, когда ему приходилось плохо, самъ былъ главою въ 13 и 14 году своего Tugend-Bund... а теперь и онъ охладѣлъ. Что скажете вы на мое намѣреніе“.

„Признаюсь вамъ, Павелъ Ивановичъ, что вы подымаетесь на рискованное дѣло. Хорошо, ежели государь снисходительно приметъ ваше извѣщеніе и убѣдится вашими доводами, ну, а ежели нѣтъ? Вѣдь дѣло идетъ о спокойствіи и счастіи цѣлой страны, а какъ интересы государствъ, связанныхъ принципомъ макіавеллизма, перетянутъ на свою сторону императора Александра? Что тогда будетъ? По моему, вамъ однимъ не слѣдуетъ рѣшаться на такой важный шагъ и нужно непремѣнно сообщить вашъ планъ хоть нѣкоторымъ членамъ общества, какъ напримѣръ: Юшневскому, Муравьеву, хоть для того только, чтобы никто не могъ васъ заподозрить, что вы ищете спасенія личнаго, дѣлаясь доносчикомъ дѣла общаго, въ которомъ отчаиваетесь“. Пестель пожалъ мнѣ руку и замолчалъ.

Вскорѣ послѣ этого вечера еще одно обстоятельство приблизило роковую минуту раскрытія нашей тайны. Разъ утромъ Пестель мнѣ сказалъ: „Сегодня я отдалъ приказъ о принятіи вами 1-го батальона на законномъ основаніи... Вашъ предмѣстникъ просится въ отпускъ и, кажется, не вернется въ полкъ. Квартира батальона въ Данковѣ, въ 15 верстахъ отъ Линца, а потому вы можете, не медля, вступить въ должность... Впрочемъ, вечеромъ мы еще увидимся и поговоримъ кой о чемъ“.

Дѣйствительно, вечеромъ онъ продолжалъ: „У васъ будетъ славный батальонъ, въ особенности 2-ая гренадерская рота, настоящая гвардія, и съ этими людьми можно будетъ много сдѣлать pour notre bonne cause... остальныя роты легко пойдутъ за головой; а я надѣюсь, что вы, съ вашимъ умѣньемъ привязывать къ себѣ сердца людей, легко достигнете нашей цѣли, ежели-бъ она когда нибудь понадобилась... Чтобъ облегчить вамъ нѣсколько ваши обязанности служебныя, я переведу къ вамъ въ батальонъ капитана Майбороду, а для большей связи въ нашихъ дѣйствіяхъ, приму его и въ члены общества“...

Послѣдней фразы ужъ я совсѣмъ не ожидалъ, и она на меня сдѣлала непріятное впечатлѣніе. Я всегда питалъ какую-то антипатію къ этому человѣку и былъ съ нимъ всегда на сторожѣ, а потому я тогда же отвѣтилъ Пестелю. „Не торопитесь, Павелъ Ивановичъ, дайте мнѣ его покороче узнать... До сихъ поръ мнѣ кажется, что онъ ничтожный, низенькій человѣчекъ; да и прежде

я слышалъ про него много нехорошаго... Вы этого не знаете развѣ, что Московскій полкъ, въ которомъ онъ прежде служилъ, заставилъ его выдти изъ полка за штуку, которую онъ сыгралъ съ однимъ изъ товарищей. Тотъ далъ ему 1000 рублей на покупку лошади, Майборода, возвратившись изъ отпуска, увѣрилъ, что лошадь была куплена, но пала, и денегъ не возвратилъ, хотя все это было выдумано... Къ тому же и по службѣ онъ мнѣ не товарищъ, потому что очень строгъ съ людьми, а я ему, какъ батальонный командиръ, этого не позволю безъ моего вѣдома". Пестелю не понравились мои возраженія; однако я возражалъ все сильнѣе и сильнѣе и настаивалъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не открывать Майбородѣ всѣхъ нашихъ тайнъ, и даже сказалъ: „А какъ вы думаете, Павелъ Ивановичъ, не онъ ли тотъ предатель, отъ котораго графъ Виттъ васъ предостерегалъ?" Но Пестель отбросилъ совершенно эту мысль и по своему упрямству кончилъ тѣмъ, что повѣрилъ Майбородѣ все наше положеніе, а тотъ такъ умѣлъ вкраться въ его довѣренность, что Пестель отдался ему совершенно... Немного прошло времени, а измѣнникъ, записывая у себя дома все, что услышитъ по вечерамъ у Павла Ивановича, для большей вѣроятности передъ нами въ искренности своихъ сочувствій къ нашему общему дѣлу, принялъ даже одного члена, Старосельскаго. Тотъ же предатель, только вполовину! Вечеромъ пріѣхали два офицера генеральнаго штаба изъ Тульчина: Крюковъ и Черкасскій съ извѣстіемъ, что туда пріѣхалъ Чернышевъ... Наканунѣ у насъ евреи расказывали, что государь будто бы скончался въ Таганрогѣ. Никто этому не вѣрилъ, но чувствовалъ всякій, что должно что нибудь происходить необыкновенное, ибо не проходило дня, чтобы три-четыре фельдъегеря не проскакали въ Варшаву и обратно... Пестель черезъ одного офицера успѣлъ, однако, чуть ли не отъ шестого курьера узнать о дѣйствительно послѣдовавшей кончинѣ государя... Ко тому же нечаянный пріѣздъ Чернышева, грустное, озабоченное лицо Киселева и вся тайна, которой мы были окружены, озабочивала насъ не мало. Послѣ долгаго вечерняго совѣщанія, что предпринять, на что рѣшиться въ случаѣ открытія общества, положили Русскую Правду припрятать подальше, закопавъ въ землю, а для сего уложили ее въ крѣпкій ящикъ, запечатали, забили гвоздями и отдали на руки Крюкову и Черкасскому, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ исполнить надъ ней эти похороны на Тульчинскомъ кладбищѣ. Всю ночь мы жгли письма и бумаги Пестеля. Возвратившись къ себѣ, я занялся и у себя тѣмъ-же, и для вѣрности сжегъ все, что у меня было писаннаго. Хранители Русской Правды уѣхали, а мы стали ждать развязки...

Пришло повелѣніе 2-ой арміи присягнуть на вѣрность службы цесаревичу Константину Павловичу, что и было исполнено по

командѣ. Какъ теперь вижу Пестеля, мрачнаго, серьезнаго, со сложенными перстами поднятой руки... Могъ ли я предполагать тогда, что въ послѣдній разъ вижу его предъ фронтомъ, и что вскорѣ и совсѣмъ мы съ нимъ разстанемся... Въ этотъ день всѣ послѣ присяги обѣдали у Пестеля, и обѣдъ прошелъ грустно, молчаливо... Да и было отчего... На насъ тяготѣла страшная неизвѣстность... Вечеромъ, по обыкновенію, мы остались одни и сидѣли въ кабинетѣ, въ залѣ не было огня... Вдругъ вовсе неожиданно на порогѣ темной комнаты обрисовалась фигура военнаго штабъ-офицера, который подалъ Пестелю небольшую записочку, карандашемъ написанную: „La societé est découverte! Si un seul membre sera prie, je commence l'affaire! С. Муравьевъ-Апостолъ". Стало быть, дѣло наше начинало разыгрываться. Легко себѣ представить, какъ мы провели эту ночь. На другой день, мы узнали, что общество открыто черезъ доносъ Майбороды. Предчувствія мои сбылись. Говорили, что первый доносъ, который онъ доставилъ государю Александру, былъ имъ кинутъ въ каминъ недочитаннымъ, со словами: „Мерзавецъ, выслужится хочетъ"! Но когда графъ Виттъ являлся вскорѣ послѣ этого къ государю, то онъ строго встрѣтилъ его этими словами: „Что дѣлается у васъ? Около васъ? Вездѣ заговоры, тайныя общества, а вы и Киселевъ объ этомъ ничего не знаете! Ежели это все правда, то оба будете мнѣ крѣпко отвѣчать!" Виттъ тогда же отвѣчалъ, что онъ знаетъ о тайномъ обществѣ и съ тѣмъ именно явился къ государю, чтобы представить списокъ заговорщиковъ Южнаго общества, во главѣ коихъ стояло имя Пестеля. Тогда государь послалъ будто бы Чернышева поразвѣдать подробнѣе о дѣлѣ этомъ, а самъ, между тѣмъ, скончался отъ крымской лихорадки, простудившись на южномъ берегу. Говорили, что докторъ Вилье не такъ его лѣчилъ, не понявъ сначала болѣзни, которая, принявъ воспалительное свойство, свела государя въ могилу 19 ноября 1825.

Между тѣмъ, Чернышевъ, исполняя важное порученіе, пріѣхавъ въ Тульчинъ, явился къ главнокомандующему и съ свойственнымъ ему нахальствомъ объявилъ, что ѣдетъ по полкамъ арміи арестовывать по списку членовъ тайнаго общества. Маститый старецъ сказалъ ему, что онъ этого дозволить не можетъ, не имѣя на то именного повелѣнія, и опасается, чтобы самыя войска, парализованныя такимъ повальнымъ арестомъ своихъ ближайшихъ начальниковъ, которыхъ любятъ и уважаютъ, не вышли бы изъ повиновенія и самого Чернышева не арестовали. „Возьмите съ собой, по крайней мѣрѣ, начальника штаба моего... Его они знаютъ". На этомъ они и рѣшили, но потомъ передумали и приказали собрать полковыхъ командировъ въ Тульчинѣ. Такое приказаніе пришло и къ намъ въ полкъ. Нашъ бригадный командиръ, не подозрѣвая никакихъ обществъ, самъ намъ сообщилъ

волю главнокомандующаго и уговаривался ѣхать вмѣстѣ съ Пестелемъ, на что сей и согласился. Чуя приближающуюся грозу, но не бывъ увѣрены совершенно въ нашей гибели, мы долго доискивались въ этотъ вечеръ какой нибудь задней мысли, дурно скрытаго намека въ приказѣ по корпусу, но ничего не нашли особеннаго, развѣ то, что имя Пестеля было повторено въ немъ три раза. Въ недоумѣніи мы не знали, что предпринять, и Пестель рѣшился отдаться своему жребію. Я хотѣлъ было идти къ себѣ, но Пестель еще меня остановилъ и послалъ просить къ себѣ бригаднаго командира. Когда добрый старикъ, бывшій съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, пришелъ, то Пестель сказалъ ему: „Я не ѣду, я боленъ... Скажите Киселеву, что я очень нездоровъ и не могу явиться“. Не успѣлъ я возвратиться къ себѣ и лечь въ постель, какъ человѣкъ Пестеля снова прибѣгаетъ ко мнѣ съ просьбою пожаловать къ нему, и съ извѣстіемъ, что полковникъ сейчасъ ѣдетъ въ Тульчинъ. Не постигая такихъ быстрыхъ перемѣнъ, я наскоро одѣлся и побѣжалъ къ полковнику... Онъ былъ уже одѣтъ по дорожному, и коляска его стояла у крыльца...

„Я ѣду, что будетъ, то будетъ!“ встрѣтилъ онъ меня словами... „Я еще хотѣлъ васъ видѣть, Н. И., чтобы сказать вамъ, что, можетъ быть, мнѣ придется дать вамъ порученіе, маленькой записочкой, хотя бы карандашемъ написанной... Исполните безъ отлагательства то, что вы тамъ прочтете... хоть изъ любви къ намъ“... Съ этими словами мы обнялись, я проводилъ его до коляски и встревоженный возвратился въ комнату... Свѣчи еще горѣли... кругомъ была мертвая тишина, только гулъ колесъ отъѣхавшаго экипажа дрожалъ въ воздухѣ. Съ свинцовою тяжестью на душѣ я сѣлъ на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ Пестель... и, предчувствуя бѣду, невольно подумалъ и о самомъ себѣ... Что будетъ со мною завтра? Но судьбы своей не минешь, и я направился, усталый морально и физически, домой... Это было 14 декабря, въ самый тотъ день, когда было возмущеніе въ С.-Петербургѣ.

Утромъ рано мой слуга доложилъ мнѣ, что ночью привезли камердинера Пестеля закованнымъ и содержатъ подъ строгимъ присмотромъ. Подстрекаемый мыслью, что могу его какъ нибудь увидѣть, я живо одѣлся и направился ко временной тюрьмѣ несчастнаго. Мундиръ мой далъ мнѣ свободный пропускъ къ арестанту, закованному въ тяжелыя желѣза, котораго, увидѣвъ, я не могъ не спросить, что сдѣлали съ Павломъ Ивановичемъ. „Посадили подъ крѣпкій караулъ въ монастырѣ, ваше высокоблагородіе. Но вотъ въ чемъ бѣда. Ѣхавши съ бариномъ въ Тульчинъ, я издали увидалъ съ горы у заставы взводъ съ обнаженными саблями, и когда сказалъ объ этомъ полковнику, то онъ остановилъ коляску, скоро написалъ записочку какую - то и, спустивъ меня, велѣлъ вамъ ее непремѣнно доставить, а самъ поѣхалъ въ городъ.

Я, исполняя приказаніе барина, пустился бѣжать напрямки, но не отбѣжалъ и версты, былъ настигнутъ тройкой, на которой скакалъ какой-то чиновникъ, который, остановивъ меня, велѣлъ садиться съ собой и отвезъ въ Тульчинъ... Тамъ барина я не видалъ, а генералъ Чернышевъ отобралъ у меня записку, къ вамъ посланную, и допрашивалъ меня, чѣмъ баринъ мой занимался дома, много ли писалъ, кто къ намъ ходилъ чаще всѣхъ, кто бывалъ у насъ. Какъ мнѣ все это знать в. с., отвѣчалъ я... мое дѣло было ходить за бариномъ, чистить ему сапоги, да и все тутъ... Кто у насъ бывалъ? Да мало ли у насъ бывало господъ, всѣхъ не упомнишь".

Послѣ этого разговора моего съ вѣрнымъ и сметливымъ слугой, я болѣе его не видалъ... Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось. Въ этотъ день я отправился обѣдать къ женѣ моего бригаднаго командира и долженъ былъ вынести еще ужаснѣйшую пытку. Генералъ еще не возвращался, а слухи объ арестованіи Пестеля уже ходили по мѣстечку. Не мудрено, что бѣдная женщина безпокоилась о своемъ мужѣ. Едва я вошелъ, какъ она кинулась въ слезахъ и отчаяніи ко мнѣ съ вопросомъ: „Ради Бога, скажите, что сдѣлалось съ моимъ мужемъ?.. Вы должны знать!.. Павла Ивановича, говорятъ, посадили, какъ государственнаго преступника"! „Я самъ ничего вѣрнаго еще не знаю, отвѣчалъ я... но кажется, что мы дожили до такого времени, что многихъ будутъ брать изъ насъ... Что же касается до вашего мужа, то даю вамъ слово, что онъ внѣ всякихъ случайностей... Не отчаивайтесь и вѣрьте, что завтра же онъ будетъ съ вами обѣдать"...

Я старался утѣшить бѣдную женщину, какъ могъ; наступила пора обѣдать, мы пошли къ столу, но ни у кого аппетита не оказалось. Время провели въ воспоминаніяхъ о Павлѣ Ивановичѣ, который былъ друженъ съ этимъ домомъ. И генеральша, и сестра ея проплакали все обѣденное время. Послѣ стола, чтобы разсѣять немного дамъ, я просилъ сестру генеральши, большую музыкантшу, сыграть мнѣ на фортепьянахъ польскій Огинскаго. Она исполнила мою просьбу, но расплакалась еще больше и ушла скоро въ свою комнату.

Возвращаясь къ себѣ, я заходилъ къ нашему общему знакомому доктору Плесселю, служившему частнымъ медикомъ въ имѣніи Сангушки... Зная уже объ арествованіи Павла Ивановича, все семейство доктора сильно о немъ горевало, да къ тому же и самъ докторъ побаивался, ибо былъ предувѣдомленъ, что и за нимъ велѣно присматривать... Со временемъ я узналъ, что его дѣйствительно взяли, открывъ, что онъ членъ польскаго общества и повезли въ Кіевъ, не доѣзжая до котораго, докторъ себя отравилъ. На другой день было воскресенье, и я пошелъ въ костелъ, гдѣ обыкновенно играла наша музыка, но тамъ полковой адьютантъ въ большомъ замѣшательствѣ объявилъ мнѣ, что сейчасъ видѣлъ,

какъ къ дому Павла Ивановича подъѣхала коляска съ Чернышевымъ и Киселевымъ... Я домой, одѣлся въ полную форму, какъ командующій полкомъ, взялъ ординарца и вѣстового и побѣжалъ съ рапортомъ къ начальству. Я засталъ обоихъ генераловъ въ мундирахъ, при сабляхъ, расхаживающихъ по залѣ. Мнѣ показалось, что они пріѣхали на веселый пиръ какой нибудь: такъ праздничны были ихъ физіономіи. По исполненіи всѣхъ служебныхъ формальностей, Киселевъ приказалъ мнѣ собрать немедленно всѣхъ офицеровъ, находящихся при штабѣ, и представить Чернышеву. Черезъ часъ все было исполнено, и мы разошлись по домамъ, ожидая ежеминутно какого нибудь приказанія. Я не могъ отлучиться изъ своей квартиры, но вечеромъ узналъ, что генералы не теряли своего времени, перешарили всѣ комоды, шкатулки, ящики въ домѣ Пестеля, поднимали полы, побывали и въ банѣ, перерыли даже огородъ съ помощью прислуги, которая, конечно, недоумѣвала: что за кладъ отыскиваютъ эти господа?—но кладъ этотъ была Русская Правда. Она была въ надежныхъ рукахъ, и не удалось Чернышеву положить къ престолу своего новаго государя обвинительный актъ нашъ. Въ своемъ мѣстѣ я скажу, какъ и когда она была открыта впослѣдствіи.

Три дня жили генералъ-адъютанты въ домѣ Пестеля и, не раздѣваясь, усердно работали... Въ послѣднюю ночь я узналъ, что привезли Майбороду и заперли у себя, потому что сей послѣдній опасался за свою жизнь! Стоило ли? За постыдную жизнь! Какъ ни старался нашъ полковой адъютантъ проникнуть къ нему, но не успѣлъ. Остальная дворня Пестеля разсказывала, что генералы очень грубо съ Майбородой обращаются, даже кричатъ на него, и что онъ обѣдаетъ отдѣльно отъ нихъ. Сохрани меня Богъ отъ такого униженія, думалъ я тогда, ужъ лучше выпить чашу до дна, какъ бы она горька ни была, съ моими благородными товарищами, чѣмъ быть на его мѣстѣ.

Ночью меня тихонько кто-то будитъ... Открываю глаза и вижу офицера въ сѣромъ мундирѣ съ серебряными петлицами, въ капитанскихъ эполетахъ, со свѣчею въ рукахъ... „Г. маіоръ, васъ зовутъ генералы“... „Сейчасъ, позвольте мнѣ одѣться, а для этого прошу васъ разбудить и послать ко мнѣ моего слугу“. Мы пошли. Ночь была свѣтлая, тихая, мѣстечко спало и только генералы, да мы вдвоемъ, бдѣли... У Пестеля на квартирѣ, въ залѣ на каминѣ, стояла лампа, тускло освѣщавшая большую комнату. Ко мнѣ вышелъ Киселевъ и сурово сказалъ мнѣ: „Г. маіоръ! По всѣмъ даннымъ, которыя у насъ въ рукахъ, вы членъ тайнаго общества. Не запирайтесь...“ Тутъ вышелъ и Чернышевъ со словами: „Намъ извѣстно, что вы были довѣреннымъ лицомъ Пестеля, другомъ его... Я знаю, что вы отличный штабъ-офицеръ, что свидѣтельствовалъ и Павелъ Дмитріевичъ, такъ сознайтесь же, что принадлежите къ обществу и приняты еще на сѣверѣ. Вы такъ молоды,

что могли увлечься, и чѣмъ скорѣе и раньше сознаете свое заблужденіе, тѣмъ болѣе облегчите свою судьбу...“ Я молчалъ, догадываясь, что все они знаютъ черезъ Майбороду. Видя мое упорство, Киселевъ спросилъ Чернышева: „Прикажете арестовать?“ „Нѣтъ покуда, а вы, г. маіоръ, не выносите сора изъ избы“. Тѣмъ и кончилось наше полуночное свиданіе, и я мечталъ, что счастливо отдѣлался отъ страшнаго допроса.

На другой день былъ инспекторскій смотръ I-му батальону. Чернышевъ допрашивалъ людей, желая вывѣдать что-либо о Пестелѣ, но добрые солдатики ничего не показали, что могло повредить ихъ доброму полковнику. Наконецъ, генералы уѣхали въ Тульчинъ, разославъ множество гонцовъ по всѣмъ трактамъ. Казалось, буря миновала, для меня, по крайней мѣрѣ. Но не прошло и двухъ дней, какъ меня потребовали въ Тульчинъ. Я выѣхалъ вечеромъ въ въ своей коляскѣ. Ночь былъ морозная, но тихая и безъ снѣгу. Это было 22 декабря. Мѣстечко Линцъ окружено дубовымъ лѣсомъ, въ которомъ не однажды съ книгою въ рукахъ находилъ я въ уединеніи сладкое спокойствіе. Прощайте, милыя мѣста, я васъ болѣе не увижу! Прощай, бѣлая хатка съ старикомъ 80-лѣтнимъ, хозяиномъ черноморцемъ, съ которымъ я часто раздѣлялъ скромный ужинъ. Первый лучъ восходящаго солнца освѣтилъ какъ бы нарочно для меня въ послѣдній разъ и лѣсъ, и хижину съ синей струйкой дыма... Въ грустномъ расположеніи доѣхалъ я до предпослѣдней станціи, гдѣ узналъ отъ фельдъегеря о вступленіи на престолъ Николая Павловича, но о происшествіяхъ 14-го декабря мнѣ не было ничего извѣстно.

Въ Тульчинѣ, остановившись въ еврейской корчмѣ, потому что другихъ помѣщеній въ Тульчинѣ и не имѣлось, я узналъ, что многіе полковые командиры, долженствовавшіе помочь Муравьеву-Апостолу, арестованы, что самъ С.-Муравьевъ, Повало-Швейковскій, Тизенгаузенъ сидятъ уже подъ карауломъ. Утромъ я отправился въ домъ главнокомандующаго, гдѣ жилъ и начальникъ штаба Киселевъ и остановился Чернышевъ. Покуда обо мнѣ докладывали, я отъ усталости и волненій присѣлъ на диванъ и задремалъ... Просыпаюсь, и генералъ Киселевъ стоитъ предо мной. Отрапортовавши по формѣ, я получилъ приказаніе явиться къ Чернышеву. При этомъ свиданіи нашемъ я засталъ генерала за письменнымъ столомъ съ пачкою бумагъ, которыя онъ внимательно прочитывалъ, и тотчасъ-же обратился ко мнѣ съ словами: „Г. маіоръ, все болѣе и болѣе убѣждаюсь я, что вы членъ тайнаго общества... Чѣмъ долѣе будете запираться, тѣмъ для васъ хуже, и я принужденъ буду дать вамъ очную ставку съ капитаномъ Майбородой“... Этотъ послѣдній аргументъ меня сильно смутилъ, и я тотчасъ же просилъ генерала Чернишева позволить мнѣ обдумать съ нѣсколько минутъ и пошелъ къ благородному нашему начальнику штаба, рѣшившись прямо открыть ему все до меня касающееся, чтобъ только не видаться съ

мерзавцемъ Майбородой, котораго хотятъ поставить на одну доску съ честнымъ человѣкомъ. Когда Киселевъ меня внимательно выслушалъ, то пожалъ плечами и сказалъ, что „теперь онъ ничего, ничего не можетъ для меня сдѣлать, что Чернышевъ одинъ всѣмъ распоряжается. Если бы государь былъ живъ, я поѣхалъ бы самъ въ Таганрогъ, отдалъ бы самъ ему мою шпагу, подвергъ бы себя справедливому гнѣву его, но, можетъ быть, многихъ васъ спасъ... Пестель поступилъ со мною неблагодарно... Я ему доставилъ все, что можно только получить въ его званіи и чинѣ... А самъ за труды мои довести армію до блестящаго положенія, въ которомъ она находится, что я получилъ?.. Эти вензеля на эполетахъ... Да и они теперь лѣзутъ съ плечъ моихъ долой"... Я замѣтилъ, что Киселевъ былъ въ очень тревожномъ положеніи, а къ безпокойству о безпорядкахъ въ частяхъ его собственнаго управленія прибавилось еще извѣстіе о возмущеніи 14-го декабря въ С.-Петербургѣ. Я рѣшился и Чернышеву повторить все то самое, что говорилъ Киселеву. И отъ него немного успокоительнаго для себя услыхалъ я... Онъ подалъ мнѣ вопросные пункты и велѣлъ откровенно отвѣчать на нихъ въ смежной комнатѣ... И вотъ я предоставленъ своему жребію и самъ налагаю на себя руку... Со мной въ комнатѣ находился какой-то чиновникъ, видимо за мной слѣдившій, но съ которымъ мы ни слова не сказали. Кончивши свою работу, я просилъ его передать исписанный листъ генералу Чернышеву, который вскорѣ выслалъ ко мнѣ Киселева, со словами: „Вы ни въ чемъ не сознаетесь! Вездѣ вы написали: „не знаю, мнѣ не извѣстно". Это ли чистосердечіе?" „Ваше превосходительство, я сознался, что я членъ тайнаго общества, слѣдовательно, обвинилъ самого себя. Меня могутъ разстрѣлять по военному артикулу въ 24 часа, но болѣе я вамъ ничего не скажу, и напрасны будутъ всѣ ваши вопросы"... и слезы невольно потекли по моимъ щекамъ... Киселевъ пожалъ плечами и ушелъ. Было около 11-ти часовъ ночи. Усталый, изнеможенный, я просилъ, черезъ чиновника, моего аргуса, позволенія отправиться домой, и мнѣ это позволили. По дорогѣ я замѣтилъ у многихъ домовъ разставленныхъ часовыхъ. Вѣроятно, у временныхъ квартиръ моихъ несчастныхъ товарищей. У меня дома чиновникъ потребовалъ ключи отъ шкатулки моей, осмотрѣлъ ее, взялъ мою шпагу и унесъ ее вмѣстѣ съ моей свободой. Утромъ вбѣжалъ ко мнѣ молодой фельдъегерь, съ тѣмъ же чиновникомъ, который арестовалъ меня вчера, и приказалъ готовиться къ отъѣзду въ Петербургъ. „Надѣюсь, въ моей коляскѣ"? спросилъ я. „Нѣтъ, на перекладныхъ". „Помилуйте, вы меня не довезете живого по этой колоти." „Мнѣ приказано слѣдовать за генераломъ Чернышевымъ съ вами вмѣстѣ, а въ тяжеломъ экипажѣ мы этого не сдѣлаемъ." Я настаивалъ на своемъ желаніи и, видя несговорчивость моихъ стражей, написалъ письмо

къ Киселеву, въ которомъ изложилъ всю невозможность, по слабости здоровья, сдѣлать это путешествіе на перекладной.

Вскорѣ мнѣ принесли позволеніе ѣхать въ своей коляскѣ съ тѣмъ, чтобы я не отставалъ отъ Чернышева. Сборы мои были не долги. Я простился съ моимъ добрымъ слугою, вручивъ ему письмо къ брату, въ которомъ просилъ отпустить его на волю, а всѣ свои пожитки подарилъ ему... На первыхъ порахъ мы мчались за коляской Чернышева, но я тогда же узналъ, что намъ запрещено подъѣзжать къ станціямъ въ одно время съ нимъ. Частенько случалось намъ въ виду экипажа генерала останавливаться въ полѣ, покуда ему вздумается отобѣдать, а разъ насъ застигла даже страшная вьюга-мятель, а непонятная осторожность не была измѣнена. Въ Махновкѣ мы нашли зимній путь, и я оставилъ свою коляску трактирщику. Въ Житомірѣ я въ первый разъ спокойно отобѣдалъ на станціи, ибо Чернышевъ заѣзжалъ къ генералу Роту. Вскорѣ мы опять мчались за Чернышевымъ, который также оставилъ свой колесный экипажъ г. Роту и взялъ у него кибитку. На одной станціи кибитка его сломалась, мы невольно его догнали, и мой спутникъ получилъ приказаніе прислать со станціи для генерала двѣ перекладныхъ, что вскорѣ и было исполнено. На станціи я легъ отдохнуть за перегородкой, а когда Чернышевъ пріѣхалъ, то тотчасъ же спросилъ фельдъегеря: „Гдѣ маіоръ?“ „Здѣсь за перегородкой, отдыхаютъ“. И я слышалъ, какъ онъ, удостовѣрившись въ моемъ существованіе, заперъ дверь на крюкъ. Напрасныя предосторожности! Неужели онъ предполагалъ, что я могу или захочу бѣжать. Въ продолженіи дороги я узналъ отъ моего провожатаго о происшествіяхъ 14 декабря, о смерти Милорадовича и захватѣ многихъ лицъ на площади... Мнѣ сказывали, что Чернышевъ во всю дорогу былъ въ безпокойствѣ, разспрашивалъ всякаго проѣзжающаго о происшествіяхъ и много заботился знать, кто довѣренное лицо государя, кто къ нему ближе... онъ торопился замѣстить любимца Левашева. Пустое тщеславіе жалкаго интригана! На пятыя сутки мы приближались къ Петербургу. А въ новый годъ 1 января 1826 года, на одной станціи Чернышевъ потребовалъ меня къ себѣ... Я поздравилъ его съ новымъ годомъ, на что онъ сухо мнѣ поклонился. Въ комнатѣ оставались еще неприбранными серебрянныя вещи туалета его, множество гребней; помада, духи наполняли комнату своимъ ароматомъ. Генералъ былъ въ мундирѣ и парикѣ, тщательно завитомъ... У печки стоялъ его секретарь съ Анною на шеѣ. „Я желаю еще разъ, сказалъ мнѣ Чернышевъ, попытаться облегчить вашу судьбу, и представлю васъ государю, какъ человѣка, искренно раскаившагося, ежели вы мнѣ скажите, гдѣ Русская Правда“. „Генералъ, вы сами очень хорошо знаете, что если бы я даже зналъ, гдѣ хранится Русская Правда, то не могъ бы вамъ этого сообщить. Честь всякаго порядочнаго человѣка ему это за-

прещаетъ. А я уже показалъ въ своихъ отвѣтныхъ пунктахъ, что ничего объ этомъ не знаю. Впрочемъ, своего рока не избѣжишь, и напрасно вы стараетесь меня обнадежить прощеніемъ или облегченіемъ". „Ну, ваша философія не поведетъ васъ къ добру!" кончилъ генералъ Чернышевъ.

Въ часъ по полуночи мы подъѣхали къ петербургской заставѣ и, послѣ шептаній Чернышева съ караульнымъ офицеромъ, какъ мнѣ помнится лейбъ-егерскаго полка, мы въѣхали въ столицу. Городъ еще не спалъ, и встрѣчались экипажи, въ домахъ свѣтились еще огни. Не думалъ я никогда въѣзжать въ Петербургъ въ такомъ грустномъ настроеніи духа, въ особенности же стало мнѣ невыносимо тяжело, когда мы проѣзжали мимо дома моего дяди Д. Е. Циціянова, гдѣ я такъ весело проводилъ свое время и по четвергамъ объѣдался его гомерическими обѣдами. Какъ мнѣ кажется, Чернышевъ жилъ на Подъяческой, и я, пріѣхавъ, былъ введенъ по узкой, темной лѣстницѣ въ комнату, гдѣ мнѣ вскорѣ подали поужинать и позволили, наконецъ, уснуть на диванѣ, подъ присмотромъ откуда-то явившагося казачьяго офицера. На утро мнѣ не позволяли подойти къ окошку, ужъ не знаю почему. Фельдъегерь предложилъ мнѣ побриться, и когда я сказалъ ему, что не имѣю своихъ бритвъ, то онъ рекомендовалъ мнѣ цирульника, который и исполнилъ надо мною эту операцію. Я тогда же понялъ, что не держать мнѣ болѣе своихъ бритвъ въ своихъ рукахъ. Фельдъегерь разсказывалъ мнѣ, что Чернышевъ, возвратившись изъ дворца, былъ очень печаленъ и съ заплаканными глазами, вѣроятно, растроганный царскимъ трауромъ. Цѣлыя сутки я провелъ очень скучно и спалъ много. На другой день, когда еще было темно на улицѣ, мнѣ приказали слѣдовать за фельдъегеремъ. Провожатый мой былъ въ мундирѣ, бѣлыхъ перчаткахъ... Арестантъ въ сюртукѣ и фуражкѣ. У подъѣзда дома стояла городская карета Чернышева, и когда мы подошли къ дверцѣ, я изъ вѣжливости просилъ фельдъегеря войти прежде меня, но онъ пропустилъ меня впередъ, и я вспомнилъ о маршалѣ Неѣ. Когда его везли на мѣсто казни, то онъ также, указавъ на телѣжку провожавшему его патеру, сказалъ: „Садитесь! За то я раньше васъ буду тамъ"... и поднялъ глаза къ небу. Дорогой я спросилъ фельдъегеря: „скажите, везете вы меня въ крѣпость"? „Нѣтъ, во дворецъ, гдѣ государь императоръ хочетъ васъ видѣть". „Помилуйте, да теперь еще всѣ спятъ"... Тутъ же онъ мнѣ объявилъ, что завтра отправляется въ Москву за новымъ арестантомъ, а я его просилъ быть съ нимъ вѣжливымъ и добрымъ, какъ онъ былъ со мною.—„Вы молоды, прибавилъ я, и Богъ васъ не оставитъ, а если намъ не суждено ужъ болѣе свидѣться, то прошу васъ взять въ моихъ вещахъ серебряный стаканъ на память обо мнѣ". Меня привезли на главную гауптвахту въ Зимнемъ дворцѣ. На столѣ догорала свѣча, на диванѣ

спалъ арестованный офицеръ, не изъ нашихъ... Онъ очень вздыхалъ и стоналъ. Сколько разъ, служа въ гвардіи, стаивалъ я здѣсь въ караулѣ съ моею ротою. Тѣ же зелененькія стѣны, то же кресло и также дремлетъ на нихъ караульный офицеръ въ шарфѣ, застегнутый чешуями. Вскорѣ караульный офицеръ, выходившій при моемъ появленіи, вернулся съ 8 рядовыми въ сѣрыхъ мундирахъ, съ саблями на голо, и вся эта команда меня обступила... Я глядѣлъ съ удивленіемъ на эти маневры, когда караульный офицеръ Преображенскаго полка обратился ко мнѣ со словами: „Позвольте васъ обыскать". И я ему отдалъ табакерку, маленькій медальонъ моей любимой сестры и, кажется, 25 рублей мелочи, то есть все, что при мнѣ было. Въ это время вбѣжалъ фельдъегерь, небольшого роста, рыжій и, запыхавшись, возгласилъ: „Пожалуйте арестанта къ государю императору". Я хотѣлъ слѣдовать за нимъ, но видя, что меня собираются конвоировать эти 8 сѣрыхъ стражей, остановился и сказалъ караульному офицеру, что покуда я еще маіоръ русской службы и ношу мундиръ, который носитъ съ честью вся армія, а не преступникъ, осужденный закономъ, и съ конвоемъ не сдѣлаю шагу добровольно. Капитанъ извинился тѣмъ, что здѣсь такой порядокъ. „Вольно же вамъ изъ дворца дѣлать съѣзжую,—сказалъ я въ негодованіи... Кто дежурный генералъ-адъютантъ?" „Левашевъ". „Потрудитесь послать кого-нибудь, хоть г. фельдъегеря просить генерала дозволить мнѣ предстать предъ государемъ безъ конвоя"...

Вскорѣ посланный вернулся съ дозволеніемъ, и я пошелъ съ нимъ въ Эрмитажъ, освѣщенный, какъ для бала. За столомъ сидѣлъ Левашевъ. При моемъ входѣ, онъ всталъ, и мы раскланялись. Генералъ мнѣ сдѣлалъ замѣчаніе, почему я не хотѣлъ покориться общимъ порядкамъ караульнаго дома. Я повторилъ мои резоны и прибавилъ, что и отсюда не иначе выйду, какъ одинъ, покуда не буду осужденъ закономъ... Левашевъ улыбнулся и закрутилъ свой усъ. Я зналъ его, когда онъ командовалъ лейбъ-гусарскимъ полкомъ. Это былъ всегда одинъ изъ блестящихъ офицеровъ и считался однимъ изъ лучшихъ ѣздоковъ гвардіи. Генералъ меня узналъ и прибавилъ въ концѣ нашего разговора: „Я зналъ васъ за отличнаго офицера, и вы могли быть полезнымъ отечеству, а теперь только жалѣю, что нахожу васъ въ этомъ непріятномъ положеніи... Чернышевъ вами недоволенъ и жаловался государю на ваше нечистосердечное признаніе... Потрудитесь обождать прихода его величества здѣсь, за ширмами". И съ этими словами онъ дѣйствительно указалъ мнѣ однѣ, поставленныя въ углу. Я нашелъ тамъ кресло, присѣлъ и мысленно сталъ готовиться, чтобы сумѣть отвѣчать государю прилично, но съ чувствомъ собственнаго достоинства... Оправдываться я не хотѣлъ, да и не для чего... Недолго продолжались мои приго-

вленія, послышался шумъ, и Левашевъ, заглянувъ ко мнѣ за ширмы, просилъ меня пожаловать. Изъ другого конца длинной залы шелъ государь въ измайловскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ крючки и пуговицы. Лицо его было блѣдно, волосы взъерошены... Никогда не удавалось мнѣ его видѣть такимъ. Я твердыми шагами пошелъ было ему навстрѣчу, но онъ издали еще, движеніемъ руки, меня остановилъ, и самъ тихо подходилъ ко мнѣ, мѣряя меня глазами... Я почтительно поклонился. „Знаете ли вы наши законы"?—началъ онъ. „Знаю, ваше величество". „Знаете ли, какая участь васъ ожидаетъ? Смерть!" и онъ показалъ, проведя рукой по своей шеѣ. Я молчалъ.

„Чернышевъ васъ долго убѣждалъ сознаться во всемъ, что вы знаете, и должны знать, а вы все финтили. У васъ нѣтъ чести, милостивый государь". Тутъ я невольно вздрогнулъ, у меня захватило дыханіе, и я невольно проговорилъ: „Я въ первый разъ слышу это слово, государь"... Государь сейчасъ опомнился и ужъ гораздо мягче продолжалъ: „Са́ми виноваты, сами... Вашъ бывшій полковой командиръ погибъ; ему нѣтъ спасенія... А вы должны мнѣ все сказать... Вы пользовались его дружбой, и должны мнѣ все сказать, слышете ли... а не то, погибните, какъ и онъ"... „Ваше величество,—началъ я.—Я ничего болѣе не могу прибавить къ моимъ показаніямъ въ отвѣтныхъ моихъ пунктахъ... Я никогда не былъ заговорщикомъ, якобинцемъ, всегда былъ противникъ республики, любилъ покойнаго государя императора и только желалъ для блага моего отечества коренныхъ правдивыхъ законовъ. Можетъ быть, и заблуждался, но мыслилъ и дѣйствовалъ по своему убѣжденію"... Государь слушалъ меня внимательно и вдругъ, подойдя ко мнѣ быстро, взялъ меня за плечи, повернулъ къ свѣту лампы и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Тогда движеніе это и дѣйствіе меня удивило, но послѣ я догадался, что государь, по суевѣрію своему, искалъ у меня глазъ черныхъ, предполагая ихъ принадлежностью истыхъ карбонаріевъ и либераловъ. Но у меня онъ нашелъ глаза сѣрые и вовсе не страшные.

Государь сказалъ что-то на ухо Левашеву и ушелъ... Тѣмъ и кончилась моя аудіенція.

Когда государь вышелъ, Левашевъ торопился печатать и надписывать какой-то конвертъ и, между прочимъ, обратился ко мнѣ: „Государь вами очень недоволенъ, вы упрямы и нечистосердечны по прежнему... Вы, господа, поторопились, поспѣшили и предупредили ходъ вещей пятидесятью годами"... Тутъ онъ позвонилъ, и въ комнату влетѣлъ новый фельдъегерь...

Я такъ много говорилъ о фельдъегеряхъ потому, что со многими изъ нихъ имѣлъ дѣло, да и потому, что въ наше время они играли вообще большую роль, и для нихъ была порядочная жатва... Тутъ же кстати разскажу казусъ и еще про одного.

Когда меня везли въ Петербургъ, на одной изъ станцій мы съ моимъ провожатымъ застали трехъ ужинающихъ фельдъегерей. Само собою разумѣется, что мой тотчасъ же отправился къ товарищамъ. За смотрительскимъ столомъ сидѣлъ, задумавшись, станціонный смотритель, старикъ въ очкахъ. Я завелъ съ нимъ разговоръ, спросивъ, о чемъ задумались, почтеннѣйшій? „Охъ, охъ, охъ, настали крутыя времена... вонъ четверо ихъ сидятъ вмѣстѣ и весело попиваютъ, а по дорогѣ валяются загнанныя лошади... Взгляните... у насъ три императора! Кого же изъ нихъ признавать?“ И онъ дѣйствительно показалъ мнѣ три подорожныя съ тремя титулами Александра, Константина и Николая. „Да, старикъ, время трудное, но не разсуждай и прописывай всѣхъ трехъ, а не то тебя прибьютъ“... „Правда, правда, ваше благородіе“, сказалъ онъ, уже смѣясь, и прибавилъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы показать свою сметку: „А вы, вѣроятно, изъ числа преступниковъ, арестантовъ, ваше благородіе? многихъ уже повезли... важныхъ и хорошихъ людей“. „Готово“! закричалъ староста, всѣ вскочили, засуетились и поскакали на четыре разныя стороны.

Когда Левашевъ позвонилъ и влетѣлъ новый фельдъегерь, какъ я уже сказалъ, генералъ отдалъ ему пакетъ съ черною печатью и, показавъ на меня, промолвилъ: „въ крѣпость“. Свершилось! Мы сошли внизъ, тройка была готова, было 8 часовъ утра, когда мы спустились на Неву. Никогда мнѣ не случалось встрѣчать такого туманнаго, пасмурнаго, сѣраго, печальнаго дня. Глухое эхо раздалось подъ крѣпостными воротами, и сани наши остановились у комендантскаго дома. Въ залѣ у коменданта я нашелъ нѣсколькихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые при моемъ появленіи что-то перешептывались, искоса на меня поглядывая. Что за лица! Никогда, нигдѣ я ихъ не видывалъ во всю мою службу. Я присѣлъ на стулъ и горько задумался. У меня промелькнуло часто повторяемое моимъ бывшимъ наставникомъ изреченіе Лютера: „die feste Burg ist unser Gott!“ (Богъ, моя твердая, надежная крѣпость). Мимо меня шныряли плацъ-адъютанты съ оранжевыми воротниками (имъ уже успѣли перемѣнить форму) съ озабоченными лицами, и есть отчего: бѣдняжки, должны принимать такое количество и такихъ дорогихъ гостей. „Пожалуйте“, сказалъ одинъ изъ нихъ, и я направился черезъ нѣсколько комнатъ къ коменданту. Это былъ безногій Сукинъ (впослѣдствіи графъ). Когда я вошелъ, онъ съ важнымъ видомъ мнѣ сказалъ: „Вы маіоръ Лореръ?“ „Я“. „Я получилъ высочайшее повелѣніе содержать васъ въ крѣпости“ (и показалъ рукой на маленькаго толстенькаго человѣчка, котораго я не замѣтилъ прежде, потому что такіе господа обыкновенно къ случаю какъ будто изъ земли выростаютъ) „и плацъ-маіоръ Подушкинъ васъ проводитъ на вашу квартиру“. Плацъ-маіоръ Подушкинъ, съ провалившимся носомъ, вѣжливо пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы спустились съ

другого крыльца и сѣли въ сани въ одну лошадь. Не далеко мы ѣхали, и я замѣтилъ много маленькихъ окошечекъ, замазанныхъ... вѣроятно, такихъ же квартиръ, какъ та, которая меня ожидаетъ. У одной куртины мы остановились, и я вступилъ въ грязный, темный корридоръ, едва освѣщенный ночникомъ, который коптилъ и чадилъ невыносимо. Два сторожа подхватили меня подъ руки, чтобы помочь мнѣ въ этомъ лабиринтѣ. Унтеръ-офицеръ слѣдовалъ сзади, Подушкинъ открывалъ шествіе и у каждыхъ дверей съ часовымъ, спрашивалъ: „Занятъ?“ Вездѣ намъ отвѣчали „занятъ“, но вотъ еще нѣсколько шаговъ, и я слышу: „пусто“. Двери скрипятъ на ржавыхъ петляхъ. Темно. Является огарокъ свѣчи, мы всѣ входимъ. Г. Подушкинъ приглашаетъ меня раздѣться, и его помощники спѣшатъ меня разоблачить, а г. плацъ-маіоръ меня щупаетъ, и пальцы его ходятъ по всему моему тѣлу. Г. Подушкинъ извиняется тѣмъ, что это положеніе и порядокъ казематовъ. На меня надѣваютъ пестрый, вонючій халатъ и даютъ туфли. Во время раздѣванія я замѣтилъ, что у унтеръ-офицера навернулись слезы, когда онъ стаскивалъ съ меня мундиръ съ золотыми эполетами... Я улыбнулся... Добрая душа!

Когда вся эта операція кончилась, я почувствовалъ, что я голоденъ, и просилъ чего нибудь поѣсть. Мягкосердечный Подушкинъ отвѣчалъ, что еще рано, впрочемъ, онъ пришлетъ чего нибудь; и дѣйствительно прислалъ кувшинъ кислаго кваса и ломоть ржаного хлѣба, которыми я и утолилъ свой голодъ на первый разъ. Наконецъ, и сторожъ, засвѣтивъ глиняную плошку съ саломъ, ушелъ... Я слышалъ, какъ засунули огромный желѣзный болтъ, я помню звукъ ключа въ висящемъ замкѣ... и водворилась гробовая тишина. Наконецъ, я въ казематѣ! Я бросился на постель... Человѣкъ всегда остается человѣкомъ... Чувства взяли свое, и я заплакалъ... Облегчивъ слезами свое горе, я сталъ осматривать свое помѣщеніе. Квартира моя, какъ выразился г. Сукинъ, была квадратная: три шага длины и столько же ширины. По одной стѣнѣ стояла зеленая госпитальная кровать съ тюфякомъ, набитымъ соломою, и пестрядевой подушкой, до того грязной и замаранной, что я долго еще употреблялъ свой единственный батистовый платокъ, мнѣ второпяхъ оставленный, подкладывая его подъ щеку, которая прикасалась къ подушкѣ. Окошечко, довольно высоко продѣланное, было забѣлено мѣломъ. Вотъ и все... Мысли мои невольно обратились въ міръ, для меня не существующій больше. Я вспомнилъ свою престарѣлую 70-ти лѣтнюю матушку... Что будетъ съ нею, когда она узнаетъ о судьбѣ своего любимаго сына?.. Отъ изнеможенія физическаго и нравственнаго я уснулъ. И такъ все для меня кончилось на 32-мъ году моей жизни, 4 января 1826 года.

Какое грустное пробужденіе! А, впрочемъ, чего же я могъ ожидать лучшаго? Въ полдень темница моя едва освѣщалась

солнцемъ, которое для другихъ смертныхъ свершило уже половину своего обычнаго пути. Silvio Pelico, вѣроятно, было не лучше моего, въ Шпильбергѣ. О, Метернихъ, какой отвѣтъ дашь ты предъ престоломъ Предвѣчнаго за всѣ жертвы своего утонченнаго деспотизма и тираніи; за жертвы, которыя страдали и умирали съ голоду въ казематахъ по твоимъ повелѣніямъ! Францъ I-й былъ добрый государь, но ты сумѣлъ и его сдѣлать себѣ подобнымъ! Народная ненависть въ 1848 году заставила тебя бѣжать, какъ преступника. Но наказанія Божескія еще ждутъ тебя въ загробномъ мірѣ.

Н. И. Лореръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

* * *

Предо мною одинокій
Путь лежитъ...
Что-то звѣздочкой далекой
Въ темнотѣ блеститъ.
Огонекъ ли тò болотный?
Сквозь туманъ
Мàнитъ лживый, беззаботный
Золотой обманъ?..
Ближе, ближе ночь глухая,
Тьма и мгла...
Можетъ быть, рука родная
Этотъ лучъ зажгла?
Давитъ сумракъ, надвигаясь,
Путь далекъ...
Но горитъ, переливаясь,
Слабый огонекъ!

Г. Галина

НА КАМНѢ.

Акварель.

Михаила Коцюбинскаго.

Переводъ съ малорусскаго Я. Ш.

Изъ единственной въ цѣломъ татарскомъ селѣ кофейни очень хорошо было видно и море, и сѣрые пески берега. Въ открытыя окна и двери, на длинную съ колонками веранду такъ и тѣснилась ясная синева моря, продолженная голубымъ небомъ въ безконечность. Даже горячій воздухъ лѣтняго дня принималъ мягкіе голубые тона, въ которыхъ тонули и расплывались контуры далекихъ прибрежныхъ горъ. Съ моря дулъ вѣтеръ. Соленая прохлада манила гостей, и они, заказавши себѣ кофе, ютились у оконъ или садились на верандѣ. Даже хозяинъ кофейни, кривоногій Меметъ, внимательно слѣдя за требованіями гостей, бросалъ своему младшему брату: „Джепаръ! биръ кавэ... эки кавэ!..“ *), а самъ то и дѣло подходилъ къ двери, чтобы подышать влажной прохлодой и снять на время съ оголенной головы круглую, татарскую шапочку. Пока, раскраснѣвшійся отъ духоты, Джепаръ раздувалъ на шесткѣ жаръ, да постукивалъ кастрюлькой, чтобы вышелъ хорошій „каймакъ“, **) Меметъ всматривался въ море.

— Будетъ буря!—отозвался онъ, не оборачиваясь.—Вѣтеръ крѣпчаетъ: вонъ на лодкѣ собираютъ паруса...

Татары повернули головы къ морю. На большомъ черномъ баркасѣ, который, казалось, поворачивалъ къ берегу, дѣйствительно свертывали паруса. Вѣтеръ надувалъ ихъ, и они вырывались изъ рукъ, какъ большія бѣлыя птицы; черная лодка накренилась и легла бокомъ на голубыя волны.

---

*) Одна чашка!.. двѣ чашки!

**) Пѣна на кофе.

— Къ намъ поворачиваетъ,—отозвался Джепаръ.—Я даже узнаю лодку: это грекъ соль привезъ.

Меметъ также узналъ лодку грека. Для него это имѣло значеніе, такъ какъ, кромѣ кофейни, онъ держалъ лавочку, тоже единственную во всемъ селѣ, и былъ рѣзникомъ: слѣдовательно, соль ему была нужна.

Когда баркасъ приблизился, Меметъ оставилъ кофейню и направился къ берегу. Гости поспѣшили осушить свои чашки и двинулись за Меметомъ. Пройдя крутую, узкую улицу, они обогнули мечеть и спустились каменистой тропинкой къ морю.

Синее море волновалось и вскипало на берегу пѣной. Баркасъ подскакивалъ на мѣстѣ, плескался, какъ рыба, и не могъ причалить къ берегу. Сѣдоусый грекъ и молодой рабочій, „дангалакъ", *) стройный и длинноногій, выбивались изъ силъ, налегая на весла, но имъ не удавалось разогнать лодку на береговой песокъ. Тогда грекъ бросилъ въ море якорь, а дангалакъ началъ быстро разуваться и закатывать желтыя панталоны выше колѣнъ. Татары переговаривались съ берега съ грекомъ. Синяя волна закипала молокомъ у ихъ ногъ, таяла и шипѣла на пескѣ, убѣгая въ море.

— Ты уже готовъ, Али?—крикнулъ грекъ дангалаку.

Вмѣсто отвѣта, Али перебросилъ голыя ноги черезъ бортъ лодки и соскочилъ въ воду. Ловкимъ движеніемъ онъ подхватилъ у грека мѣшокъ съ солью, вскинулъ къ себѣ на плечо и поспѣшилъ на берегъ.

Его стройная фигура въ узкихъ желтыхъ панталонахъ и въ синей курткѣ; пышущее здоровьемъ, загорѣлое отъ морского вѣтра лицо и красный платокъ на головѣ красиво отражались на фонѣ голубого моря. Али сбросилъ на песокъ свою ношу и снова соскочилъ въ море, погружая мокрыя розовыя икры въ легкую и бѣлую, какъ взбитый бѣлокъ, пѣну, обмывая ихъ въ чистой синей волнѣ. Онъ подбѣгалъ къ греку и старался уловить моментъ, когда лодка опускалась въ уровень съ его плечомъ, чтобы удобнѣе было принять тяжелый мѣшокъ. Лодка билась на волнѣ и рвалась съ якоря, а Али все бѣгалъ отъ нея на берегъ и обратно. Волна догоняла его и бросала ему подъ ноги клубки бѣлой пѣны. Иногда Али пропускалъ удобный моментъ; тогда онъ хватался за бортъ баркаса и поднимался вмѣстѣ съ нимъ кверху, точно крабъ, прилѣпившійся къ корабельной обшивкѣ.

Татары сходились на берегъ. Даже въ селѣ, на плоскихъ

---

*) Анатолійскій турокъ.

крышахъ домовъ, не взирая на жару, появлялись татарки и казались издали группами цвѣтовъ.

Море все болѣе теряло спокойствіе. Чайки поднимались съ одинокихъ береговыхъ скалъ, припадали грудью къ волнамъ и плакали надъ моремъ. Море потемнѣло, окрѣпло Мелкія волны сливались въ одну массу и, точно глыбы зеленоватаго стекла, незамѣтно подкравшись къ берегу, падали на песокъ и разбивались, превращаясь въ бѣлую пѣну.

Подъ лодкой клокотало, кипѣло, шумѣло, а она подскакивала и прыгала, точно неслась куда-то на бѣлогривыхъ звѣряхъ.

Грекъ часто оглядывался и съ тревогою посматривалъ на море. Али все быстрѣе и быстрѣе бѣгалъ отъ лодки на берегъ, весь забрызганный пѣной. Вода у берега становилась мутной, желтой; вмѣстѣ съ пескомъ волна выбрасывала камни и, убѣгая назадъ, влекла ихъ по дну съ такимъ грохотомъ, будто тамъ скрежетало зубами и ворчало что-то большое. Прибой черезъ какіе-нибудь полчаса уже перескакивалъ черезъ камни, заливалъ береговую дорогу и добирался до мѣшковъ съ солью. Татарамъ приходилось отступать назадъ, чтобы не замочить туфлей.

— Меметъ! Нурла! помогите, люди, а то соль подмочитъ... Али! да иди же туда,—хрипѣлъ грекъ.

Татары зашевелились, и, пока грекъ танцовалъ въ своей лодкѣ на волнахъ, съ тоской всматриваясь въ море, соль очутилась въ безопасномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ море наступало. Монотонный, ритмичный говоръ волнъ перешелъ въ гулъ,—сначала глухой, какъ тяжелое дыханіе, а потомъ сильный и отрывистый, какъ далекіе пушечные выстрѣлы. На небѣ сѣрой паутиной сновали тучи. Всколыхавшееся море, уже грязное и темное, наскакивало на берегъ и покрывало скалы, по которымъ стекали ручьи грязной, пѣнистой воды.

— Ге-ге!.. будетъ буря!—кричалъ Меметъ греку.

— Вытаскивай лодку на берегъ!..

— А? что говоришь?—хрипѣлъ грекъ, силясь перекричать шумъ прибоя.

— Лодку на берегъ!—крикнулъ изо всей силы Нурла.

Грекъ безпокойно завертѣлся и среди брызгъ и рева волнъ началъ распутывать якорную цѣпь, увязывать снасти. Али кинулся къ цѣпи. Татары сбрасывали туфли, закатывали шаровары и становились помогать. Наконецъ, грекъ поднялъ якорь, и черный баркасъ, подхваченный грязной волной, съ ногъ до головы облившей татаръ, направился къ берегу. Кучка согнувшихся, мокрыхъ татаръ съ безпорядочнымъ

крикомъ вытаскивала изъ моря, среди клокотанія и пѣны, черный баркасъ, точно какое-то морское чудовище.

Но вотъ баркасъ легъ на песокъ. Его привязали къ столбу. Татары отряхивались и вѣшали съ грекомъ соль. Али помогалъ, но изрѣдка, когда хозяинъ заговаривалъ съ покупателями, посматривалъ на незнакомое село. Солнце стояло уже надъ горами. По голому, сѣрому выступу скалы лѣпились татарскія сакли, сложенныя изъ дикаго камня, съ плоскими земляными крышами, одна надъ другой, какъ домики изъ картъ, безъ плетней, безъ воротъ, безъ улицъ. Кривыя тропинки вились по каменистому уклону, исчезали на кровляхъ и появлялись снова гдѣ-то ниже, прямо отъ ступенекъ каменной лѣстницы. Черно и голо. Только на одной крышѣ росла какимъ-то чудомъ тонкая шелковица, а снизу казалось, что она разстилала темную крону на синевѣ неба.

За селомъ же, въ далекой перспективѣ, открывался таинственный свѣтъ. Въ глубокихъ долинахъ, зеленыхъ отъ винограда и полныхъ сизой мглы, тѣснились каменныя громады, то розовыя отъ вечерняго солнца, то синѣвшія отъ густого лѣса. Круглые „лысогоры“, *) точно шатры-великаны, бросали черныя тѣни, а далекія, сизо-голубыя, острыя вершины казались зубцами застывшихъ облаковъ. Солнце посылало иногда изъ-за тучъ во мглу, на дно долинъ, косыя пряди золотыхъ нитей, и онѣ прорѣзывали розовыя скалы, синіе лѣса, черныя, тяжелыя горы и зажигали огни на острыхъ вершинахъ. При этой сказочной панорамѣ татарское село казалось грудой дикаго камня, и только вереница стройныхъ дѣвушекъ, возвращавшихся отъ „чишме“, **) съ высокими кувшинами на плечахъ, оживляла каменную пустыню.

На краю села, въ глубокой долинѣ, бѣжалъ среди орѣховыхъ деревьевъ ручей. Морской прибой остановилъ его теченіе, и вода разлилась межъ деревьевъ, отражая на своей поверхности ихъ зелень, разноцвѣтные халаты татарокъ и голыя тѣла дѣтворы.

— Али!—позвалъ грекъ:—помоги ссыпать соль.

За ревомъ моря Али едва разслышалъ.

Надъ берегомъ висѣлъ соленый туманъ отъ мелкихъ брызгъ. Взбаламученное море бѣсновалось. Уже не волны, а буруны поднимались на морѣ, высокіе, сердитые съ бѣлыми гребнями, отъ которыхъ шумно отрывались длинные султаны пѣны и взлетали кверху. Буруны шли непрерывно, под-

---

*) Голыя горныя вершины.

*) Фонтанъ.

бирали подъ себя возвратныя волны, перескакивали черезъ нихъ и заливали берегъ, выбрасывая на него мелкій сѣрый песокъ. Вездѣ было мокро, залито, въ береговыхъ ямкахъ оставалась вода.

Вдругъ татары услыхали трескъ, и въ то же время вода полилась имъ въ туфли. То сильная волна подхватила лодку и ударила о столбъ. Грекъ подбѣжалъ и ахнулъ: въ лодкѣ оказалась пробоина. Онъ кричалъ отъ горя, ругался, плакалъ, но ревъ моря заглушалъ его голосъ. Пришлось вытащить судно далѣе и привязать снова. Грекъ былъ такъ печаленъ, что, хотя настала ночь и Меметъ звалъ его въ кофейню, онъ не пошелъ въ село, а остался на берегу.

Точно привидѣнія блуждали они съ Али среди водяной пыли, сердитаго гула волнъ и сильнаго запаха моря, который пронизывалъ ихъ на сквозь. Мѣсяцъ давно уже взошелъ и перескакивалъ съ тучи на тучу; при свѣтѣ его береговая полоса бѣлѣла отъ пѣны, какъ бы покрытая первымъ пушистымъ снѣгомъ. Вскорѣ Али, привлекаемый огнями въ селѣ, убѣдилъ грека зайти въ кофейню.

Грекъ развозилъ соль по прибрежнымъ крымскимъ селамъ разъ въ годъ и, какъ водится, давалъ въ долгъ. На другой день, чтобы не терять времени, онъ приказалъ Али чинить лодку, а самъ направился собирать по селамъ долги горной тропинкой: береговая дорога была залита, и со стороны моря село было отрѣзано отъ міра.

Съ полдня волна уже начала спадать, и Али взялся за работу. Вѣтеръ трепалъ красную повязку на головѣ дангалака, а онъ копошился около лодки и мурлыкалъ монотонную, какъ прибой моря, пѣсню. Въ извѣстный часъ, какъ истый мусульманинъ, онъ разостлалъ на пескѣ платокъ и сталъ на колѣни для правовѣрной молитвы. Вечеромъ онъ разложилъ у моря огонь, сварилъ себѣ пилавъ изъ подмоченнаго риса и уже приготовился ночевать у лодки, какъ Меметъ позвалъ его въ кофейню. Тамъ только однажды въ годъ, когда наѣзжали покупатели винограда, трудно было добыть мѣсто для ночлега, а теперь было свободно и просторно.

Въ кофейнѣ было уютно. Джепаръ дремалъ около печи, увѣшанной блестящей посудой, а въ печи, мерцая, тлѣлъ огонь. Когда Меметъ будилъ брата возгласомъ „кавэ!",—Джепаръ вздрагивалъ, вскакивалъ и брался за мѣхъ. Огонь въ печи разгорался, бросалъ искры и отражался на мѣдной посудѣ, а по избѣ распространялся ароматичный паръ свѣжаго кофе. Подъ потолкомъ жужжали мухи. За столами, на широкихъ, обитыхъ восточнымъ ситцемъ, скамьяхъ, сидѣли татары; въ одномъ мѣстѣ играли въ кости, въ другомъ—въ карты, и вездѣ стояли маленькія чашечки съ чернымъ кофе.

Кофейня была сердцемъ села, куда стекались всѣ интересы населенія — все то, чѣмъ жили люди на камнѣ. Тамъ засѣдали самые знатные гости: старый суровый мулла Асанъ, въ чалмѣ и длинномъ халатѣ, который мѣшкомъ висѣлъ на его костлявомъ, высохшемъ тѣлѣ. Это былъ невѣжда, упрямый, какъ оселъ, и за это всѣ его уважали. Былъ здѣсь и Нурла эфенди, считавшійся богачемъ, такъ какъ у него была рыжая корова, плетеная телѣга и пара буйволовъ, а также зажиточный „юзбашъ“ (сотникъ), обладатель единственнаго на цѣлое село коня. Всѣ они приходились другъ другу сродни, какъ и все населеніе небольшого, заброшеннаго села, что не мѣшало имъ, однако, дѣлиться на два враждебныхъ лагеря. Причина вражды таилась въ небольшомъ источникѣ, который билъ изъ-подъ скалы и стекалъ ручейкомъ какъ разъ по серединѣ деревушки, среди татарскихъ огородовъ. Только эта вода давала жизнь всему, что росло на камнѣ, и когда одна половина села спускала ее на свои огороды, другая съ болью въ сердцѣ смотрѣла, какъ солнце и камень сушатъ ихъ лукъ. Двѣ самыя богатыя и наиболѣе вліятельныя особы въ селѣ имѣли огороды на разныхъ берегахъ потока: Нурла на правомъ, юзбашъ на лѣвомъ. И когда послѣдній спускалъ воду на свою землю, Нурла запруживалъ потокъ выше, отводилъ его къ себѣ и давалъ воду своей сторонѣ. Это приводило въ ярость всѣхъ лѣвобережныхъ, и они, забывая родственныя связи, защищали право на существованіе своего лука и разбивали другъ другу головы. Нурла и юзбашъ стояли во главѣ враждующихъ партій, при чемъ партія юзбаша, казалось, пересиливала, потому что на ея сторонѣ былъ мулла Асанъ. Эта враждебность была замѣтна и въ кофейнѣ: когда сторонники Нурлы играли въ кости, сторонники сотника съ презрѣніемъ смотрѣли на нихъ и садились играть въ карты. Въ одномъ враги сходились: всѣ пили кофе. Меметъ, какъ не имѣвшій огорода и какъ коммерсантъ, стоялъ внѣ партійныхъ столкновеній: онъ все ковылялъ на кривыхъ ногахъ отъ Нурлы къ юзбашу, успокаивалъ ихъ и мирилъ. Его полное лицо и оголенная голова лоснились, какъ баранья туша послѣ снятія кожи, а въ хитрыхъ глазахъ, всегда красныхъ, блуждалъ безпокойный огонекъ. Онъ вѣчно былъ чѣмъ-то занятъ, вѣчно что-нибудь обсуждалъ, считалъ и время отъ времени бѣгалъ то въ лавочку, то въ погребъ, то снова къ гостямъ. Иногда онъ выбѣгалъ изъ кофейни, поднималъ голову кверху, смотрѣлъ на крышу и звалъ:

— Фатьмэ!

Тогда отъ стѣнъ его дома, возвышавшагося надъ кофейней, отдѣлялась, словно тѣнь, завернутая въ покрывало женщина и тихо подходила къ краю кровли.

Меметъ бросалъ ей наверхъ пустые мѣшки или что-нибудь приказывалъ рѣзкимъ, скрипучимъ голосомъ, кратко и властно, какъ господинъ служанкѣ, и тѣнь исчезала такъ же незамѣтно, какъ и появлялась.

Однажды Али увидѣлъ ее. Онъ стоялъ около кофейни, слѣдя, какъ тихо ступали желтыя туфли по каменнымъ ступенькамъ, соединявшимъ избу Мемета съ землей, а ярко-зеленое „фереджэ“ *) складками спадало по стройной фигурѣ отъ головы до самыхъ красныхъ шароваръ. Женщина спускалась плавно, медленно, неся въ одной рукѣ пустой кувшинъ, другой придерживая фереджэ такъ, что постороннему были видны только большіе, продолговатые глаза, выразительные, какъ у горной серны. Она остановила взглядъ на Али, затѣмъ опустила вѣки и прошла далѣе тихо и спокойно, точно египетская жрица.

Али казалось, что эти глаза проникли въ его сердце, и онъ понесъ ихъ съ собою.

У моря, починяя лодку да мурлыкая свои сонныя пѣсни, онъ все смотрѣлъ въ эти глаза. Онъ видѣлъ ихъ всюду: и въ прозрачной, звонкой волнѣ, и въ горячемъ блестящемъ на солнцѣ камнѣ. Они смотрѣли на него даже изъ чашки чернаго кофе.

Все чаще посматривалъ Али на село и не разъ видѣлъ на кофейнѣ, подъ одинокимъ деревомъ, неясную фигуру женщины, которая обращалась къ морю, словно искала тамъ своихъ очей.

Къ Али скоро привыкли въ селѣ. Дѣвушки, проходя отъ источника, будто невзначай открывали лица, когда встрѣчались съ красавцемъ-туркомъ, краснѣли, ускоряли шаги и шептались между собой. Мужской молодежи нравилась его веселая удачливость. Лѣтними вечерами, такими тихими и свѣжими, когда звѣзды висѣли надъ землей, а мѣсяцъ надъ моремъ, Али, бывало, вынималъ свою зурну, привезенную изъ-подъ Смирны, примащивался у кофейни или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и бесѣдовалъ съ роднымъ краемъ грустными, хватавшими за сердце, звуками. Зурна сзывала молодежь,—конечно, мужскую. Имъ понятна была пѣснь востока, и скоро въ голубой тѣни каменныхъ избъ начиналась забава: зурна повторяла одинъ и тотъ-же мотивъ, монотонный, неуловимый, безконечный, какъ пѣніе сверчка, начинало сосать подъ сердцемъ, и ошеломленные татары подхватывали въ тактъ пѣсни:

— О-ля-ля... о-на-на...

Съ одной стороны дремалъ таинственный свѣтъ черныхъ

*) Женскій плащъ.

великановъ-горъ, съ другой залегло внизу спокойное море и вздыхало сквозь сонъ, какъ грудной ребенокъ, и трепетало въ лучахъ мѣсяца золотой дорогой.

— О-ля-ля... о-на-на...

Смотрѣвшіе сверху, со своихъ каменныхъ гнѣздъ, видѣли иногда то протянутую руку, попадавшую подъ лучи мѣсяца, то дрожащія въ танцѣ плечи и слушали монотонный, докучный припѣвъ къ зурнѣ:

— О-ля-ля... о-на-на...

Фатьма также слушала.

Она была родомъ съ горъ, изъ далекаго горнаго села, гдѣ жили другіе люди, гдѣ были свои обычаи, остались подруги. Тамъ не было моря. Пришелъ рѣзникъ, заплатилъ отцу больше, чѣмъ могли дать свои парни, и забралъ ее къ себѣ. Противный, неласковый, чужой, какъ всѣ здѣсь, какъ весь этотъ край. Тутъ нѣтъ родныхъ, нѣтъ товарокъ, нѣтъ доброжелательныхъ людей: это край свѣта, отсюда нѣтъ даже дорогъ.

— О-ля-ля... о-на-на...

Нѣтъ даже дорогъ: когда море разсердится, то забираетъ единственную береговую тропу. Тутъ только море, всюду море. Раннимъ утромъ ослѣпляетъ глаза его синева, днемъ колышется зеленая волна, ночью оно дышетъ, какъ больной человѣкъ... Въ погожій день раздражаетъ покоемъ, въ непогоду плюетъ на берегъ и бьется, и реветъ, какъ звѣрь, и не даетъ спать... Даже въ избу залѣзаетъ его острый запахъ, отъ котораго дѣлается тошно. Отъ него не уйдешь, не спрячешься... оно наполняетъ все, оно смотритъ на нее... Иногда оно просто-напросто дразнится: укроется бѣлымъ, какъ снѣгъ, туманомъ; кажется, нѣтъ его, исчезло, а подъ туманомъ всетаки бьется, стонетъ, вздыхаетъ, вотъ какъ теперь—о!

— Бу—ухъ!.. бу—ухъ!.. бу—ухъ!..

— О-ля-ля... о-на-на...

Бьется подъ туманомъ, какъ ребенокъ въ пеленкахъ, а потомъ сбрасываетъ ихъ съ себя... Лѣзутъ кверху длинные, разорванные клочки тумана, цѣпляются за мечеть, окутываютъ село, залѣзаютъ въ избу, ложатся на сердце... Даже солнца не видно... Но вотъ теперь... вотъ теперь...

— О-ля-ля... о-на-на...

Теперь Фатьма часто выходитъ на крышу кофейни, прислоняется къ дереву и смотритъ на море... Нѣтъ, не моря она ищетъ, она слѣдитъ за красной повязкой на головѣ чужестранца, точно надѣется увидѣть его глаза, большіе, черные, горячіе, какіе ей снятся... Тамъ, на пескѣ, у моря зацвѣлъ теперь ея любимый цвѣтокъ—горный крокусъ...

— О-ля-ля... о-на-на...

Звѣзды висятъ надъ землей, мѣсяцъ надъ моремъ...

. . . .

— Ты издалека?

Али вздрогнулъ. Голосъ шелъ сверху, съ крыши, и Али поднялъ глаза.

Фатьма стояла подъ деревомъ, тѣнь отъ котораго покрывала Али. Онъ покраснѣлъ и заикнулся:

— Изъ п...подъ... Смирны... далеко отсюда...

— Я—съ горъ.

Кровь ударяла ему въ голову, какъ морская волна, а глаза не отрывались отъ татарки.

— Чего забился сюда? Тебѣ здѣсь грустно?

— Я бѣдный: „ни звѣздочки на небѣ, ни стебля на землѣ"... Зарабатываю...

—Я слышала, какъ ты играешь... Весело... У насъ въ горахъ также весело... музыка, дѣвушки веселыя... у насъ нѣтъ моря... А у васъ?

— Близко нѣтъ.

— Нѣтъ? И тебѣ не слышно въ избѣ, какъ оно дышетъ?

— Нѣтъ. У насъ, вмѣсто моря, песокъ... Вѣтеръ несетъ горячій песокъ и высятся горы, точно верблюжьи горбы... у насъ...

— Цсс!...

Она какъ-бы нечаянно открыла изъ-подъ фереджэ бѣлое, выхоленное лицо и положила палецъ съ накрашеннымъ ногтемъ на полныя, розовыя уста.

Вокругъ было безлюдно. Голубое, точно второе небо, смотрѣло на нихъ море, и лишь около мечети проскользнула какая-то женская фигура.

— Ты не боишься, ханымъ *), бесѣдовать со мной? что сдѣлаетъ Меметъ, когда увидитъ насъ?

— Что захочетъ...

— Онъ насъ убьетъ, если увидитъ.

— Какъ захочетъ.

Солнца еще не было видно, хотя кое-гдѣ уже розовѣли горныя вершины. Темныя скалы глядѣли понуро, а море лежало внизу подъ сѣрой поволокой сна. Нурла спускался съ Яйлы и почти бѣжалъ за своими буйволами. Онъ спѣшилъ, ему было такъ некогда, что онъ не замѣчалъ даже, какъ копна свѣжей травы сползала съ арбы на спины буйволамъ и разбрасывалась по дорогѣ всякій разъ, какъ высо-

*) Хозяйка.

кое колесо, зацѣпившись за камень, подбрасывало на бѣгу плетеную арбу. Черные коренастые буйволы, покручивая мохнатыми горбами и широколобыми головами, повернули въ селѣ къ своему двору. Нурла опомнился и остановился передъ кофейней. Онъ зналъ, что Меметъ тамъ ночуетъ, и толкнулъ двери.

— Меметъ, Меметъ, „кель мунда"! *)

Меметъ, заспанный, вскочилъ на ноги и протиралъ глаза.

— Меметъ! гдѣ Али?—спрашивалъ Нурла.

— Али... Али... тутъ гдѣ-то,—и онъ обвелъ взоромъ пустыя скамьи.

— Гдѣ Фатьма?

— Фатьма? Фатьма спитъ...

— Они въ горахъ.

Меметъ вытаращилъ на Нурлу глаза, спокойно перешелъ черезъ кофейню и выглянулъ во дворъ. На дорогѣ стояли буйволы, засыпанные травой, и первый лучъ солнца ложился на море.

Меметъ вернулся къ Нурлѣ.

— Что тебѣ нужно?

— Ты сумасшедшій!.. Я тебѣ говорю, что твоя жена убѣжала съ дангалакомъ, я ихъ видѣлъ въ горахъ, когда возвращался съ Яйлы.

Глаза Мемета, казалось, выскочатъ. Выслушавъ Нурлу, онъ отпихнулъ его, выскочилъ изъ избы и, переваливаясь на кривыхъ ногахъ, полѣзъ по ступенькамъ на верхъ. Онъ обѣжалъ свои покои и выскочилъ на крышу кофейни. Теперь онъ дѣйствительно былъ сумасшедшій.

— Осма-анъ!—крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ, приложивъ ладони ко рту. — Са-али!.. Джепаръ!.. Бекиръ!.. Кель мунда!.. — Онъ метался во всѣ стороны и сзывалъ, какъ на пожаръ:—Усе-инъ!.. Мустафа-а!..

Татары вскакивали съ постелей и появлялись на своихъ крышахъ. Въ то же время Нурла помогалъ снизу:

— Асанъ!.. Мамутъ!.. Зекерія-а-а!..—оралъ онъ не своимъ голосомъ.

Тревога носилась надъ селомъ, поднималась къ верхнимъ домамъ, скатывалась внизъ, перескакивала съ крыши на крышу и собирала народъ. Красныя фески появлялись всюду и кривыми, крутыми тропинками сбѣгались къ кофейнѣ.

Нурла объяснялъ, что случилось.

Меметъ, весь красный, безсознательно, молча, обводилъ

---

*) Иди сюда.

толпу блуждающимъ взоромъ. Вдругъ онъ подбѣжалъ къ краю крыши, соскочилъ внизъ ловко и легко, какъ кошка.

Татары гудѣли. Всѣхъ этихъ родичей, еще вчера разбивавшихъ другъ другу головы въ спорѣ за воду, сближало теперь чувство обиды. Какой-то несчастный, мерзкій дангалакъ, батракъ и бродяга!.. Дѣло неслыханное. И когда Меметъ вынесъ изъ избы ножъ, которымъ рѣзалъ овецъ, и, блеснувъ имъ на солнцѣ, рѣшительно воткнулъ за поясъ, всѣ были готовы.

— Веди!

Нурла двинулся впередъ; за нимъ, налегая на правую ногу, спѣшилъ рѣзникъ и велъ за собой длинную вереницу возмущенныхъ, мстительныхъ родичей.

Солнце уже показалось и грѣло камни. Татары лѣзли на гору, хорошо знакомой имъ тропой, вытянувшись въ линію, какъ колонна ползущихъ муравьевъ. Передніе молчали и только въ концѣ вереницы сосѣди перекидывались словами. Нурла шелъ, какъ гончій песъ, чующій звѣря. Меметъ, красный и понурый, замѣтнѣе хромалъ. Было еще рано, но сѣрыя массы камня уже нагрѣлись, какъ чело печи. По ихъ голымъ вздутымъ бокамъ, то круглымъ, какъ гигантскіе шатры, то острымъ, словно застывшіе гребни волнъ, стлался мясистыми листьями ядовитый молочай, а ниже, туда къ самому морю, сползалъ среди синѣющихъ грудъ камня ярко-зеленый капорецъ. Узенькая тропинка, чуть замѣтная, какъ слѣдъ дикаго звѣря, исчезала иногда среди каменной пустыни или пряталась подъ выступомъ скалы. Тамъ было влажно и прохладно, и татары снимали фески, чтобы освѣжить свои бритыя головы. Оттуда они снова вступали въ печь, раскаленную, душную, сѣрую и залитую ослѣпительнымъ солнцемъ. Они упрямо взбирались на горы, подавшись туловищами немного впередъ, слегка качаясь на выгнутыхъ дугою татарскихъ ногахъ, или огибали узкія и черныя разсѣлины, касаясь плечомъ острыхъ угловъ скалъ, и ступая по краю бездны съ увѣренностью горныхъ муловъ. Чѣмъ дальше шли татары, чѣмъ тяжелѣе имъ было избѣгать препятствій, чѣмъ, наконецъ, сильнѣе пекло ихъ сверху солнце, а снизу камень, тѣмъ больше упорства выражали ихъ красныя, вспотѣлыя лица, тѣмъ сильнѣе злоба выпячивала имъ на лобъ глаза. Духъ этихъ дикихъ, безплодныхъ, голыхъ скалъ, умирающихъ ночью, а днемъ теплыхъ, какъ тѣло, обуялъ сердца оскорбленныхъ, и они шли защищать свою честь и свое право съ непоколебимостью суровой Яйлы. Они спѣшили. Имъ нужно было перерѣзать путь бѣглецамъ, пока послѣдніе еще не добрались до сосѣдней деревушки Суаку и не уплыли. Правда, и Али, и Фатьма были здѣсь

люди чужіе, не знали тропинокъ и легко могли запутаться въ ихъ лабиринтѣ,—на это и разсчитывала погоня. Однако, хотя до Суаку осталось немного, нигдѣ никого не было видно. Становилось душно, такъ какъ сюда, въ горы, не долеталъ влажный морской вѣтеръ, къ которому они привыкли на берегу. Когда татары спускались въ провалы или взлѣзали на гору, мелкіе колючіе камешки сыпались изъ-подъ ногъ—и это раздражало ихъ, потныхъ, утомленныхъ и озлобленныхъ: они не находили того, чего искали, а между тѣмъ каждый ихъ нихъ оставилъ въ селѣ какую-нибудь работу. Задніе немного пріостановились. За то Меметъ рвался впередъ, съ отуманеннымъ взоромъ и съ головой, какъ у разсвирѣпѣвшаго козла; хромая на ходу, онъ то выросталъ, то опускался, какъ морская волна. Преслѣдовавшіе уже начали терять надежду. Нурла опоздалъ, это было очевидно. Однако шли. Нѣсколько разъ кривой берегъ Суаки блеснулъ имъ сверху сѣрымъ пескомъ и снова скрылся.

Вдругъ Зекерія, одинъ изъ находившихсяв впереди, „сыкнулъ“ и остановился. Всѣ насторожились, а онъ, не говоря ни слова, протянулъ руку впередъ и показалъ на высокій каменный рогъ, вдавшійся въ море.

Тамъ, изъ-за скалы, на одно мгновеніе мелькнула красная повязка на головѣ и исчезла. У всѣхъ усиленно забились сердца, а Меметъ тихо зарычалъ. Всѣ посмотрѣли другъ на друга,—имъ пришла въ голову одна мысль: если бы удалось загнать Али на выступъ скалы, то можно было-бы легко взять его. Нурла уже создалъ планъ; онъ положилъ палецъ на уста и, когда всѣ замолкли, раздѣлилъ толпу на три части, которыя могли бы окружить выступъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой скала круто обрывалась въ море.

Всѣ были насторожѣ, какъ на облавѣ, только Меметъ кипѣлъ и рвался впередъ, сверля скалу жаднымъ взоромъ. Но вотъ, показался изъ-за камня край зеленаго фереджэ, а за нимъ взлѣзалъ на гору, будто выросталъ изъ скалы, стройный дангалакъ. Фатьма шла впереди, зеленая, какъ весенній кустъ, а Али, на своихъ длинныхъ ногахъ, тѣсно обтянутыхъ желтыми панталонами, въ синей курткѣ и красной повязкѣ, высокій и гибкій, какъ молодой кипарисъ, казался на фонѣ неба великаномъ. Когда они остановились на вершинѣ, съ прибрежныхъ скалъ снялось стадо морскихъ птицъ, покрывъ синеву моря трепещущей сѣтью крыльевъ.

Али очевидно заблудился и совѣщался съ Фатьмой.

Они съ тревогой оглядывали обрывъ, отыскивая тропу.

Вдали виднѣлась спокойная бухта Суаку.

Вдругъ Фатьма испугалась и вскрикнула. Фереджэ съѣхало съ ея головы и упало на землю, она со страхомъ

устремила взоръ въ налитые кровью, бѣшеные глаза своего мужа, которые смотрѣли на нее изъ за камня. Али оглянулся— и въ тотъ же моментъ со всѣхъ сторонъ полѣзли на скалу, цѣпляясь руками и ногами за острые камни, и Зекерія, и Джепаръ, и Мустафа, всѣ тѣ, кто слушалъ его музыку, кто пилъ съ нимъ кофе. Они уже не молчали: изъ груди ихъ, вмѣстѣ съ горячимъ дыханіемъ, вылетала волна смѣшанныхъ звуковъ и шла на бѣглецовъ. Бѣжать было некуда. Али выпрямился, уперся ногой въ камень, положивъ руку на короткій ножъ, и ждалъ. Въ его красивомъ лицѣ, блѣдномъ и гордомъ, пылала отвага молодого орла.

Въ тоже время, за нимъ, надъ обрывомъ, металась, какъ чайка, Фатьма. Съ одной стороны было ненавистное ей море, съ другой—еще болѣе ненавистный рѣзникъ. Она видѣла его бараньи глаза, злыя синія губы, короткую ногу и острый ножъ мясника, которымъ онъ рѣзалъ овецъ. Ея душа перелетѣла горы. Родное село. Завязанные глаза. Играетъ музыка и рѣзникъ ведетъ ее оттуда къ морю, какъ овцу, чтобъ заколоть... Она съ движеніемъ, полнымъ отчаянія, закрыла глаза и потеряла равновѣсіе... Синій халатъ сверкнулъ на солнцѣ и исчезъ среди крика встревоженныхъ чаекъ...

Татары оцѣпенѣли: эта простая и неожиданная смерть отвлекла ихъ отъ Али. Али не видѣлъ, что случилось позади его. Какъ волкъ, водилъ онъ вокругъ глазами, удивляясь что противники ждутъ. Неужели боятся? Онъ видѣлъ передъ собой блескъ хищныхъ глазъ, красныя и мстительныя лица, расширенныя ноздри и бѣлые зубы,—и вся эта волна злобы мгновенно наскочила на него, какъ морской прибой. Али защищался. Онъ прокололъ руку Нурлѣ и задѣлъ Османа, но въ ту же минуту его сбили съ ногъ... Падая, онъ увидѣлъ, какъ Меметъ поднялъ надъ нимъ ножъ, который затѣмъ всадилъ ему межъ реберъ.

Меметъ кололъ куда попало, съ безсознательностью смертельно обиженнаго и съ безпечностью рѣзника, хотя грудь Али перестала уже дышать, а красивое лицо отражало полное спокойствіе.

Дѣло было кончено, честь рода возстановлена, поруганіе смыто. На камнѣ, подъ ногами, валялось тѣло дангалака, а около него—истоптанное и разодранное въ клочки фереджэ.

Меметъ опьянѣлъ. Онъ шатался на кривыхъ ногахъ и махалъ руками; его движенія были безсмысленны и безцѣльны. Растолкавъ любопытныхъ, толпившихся надъ трупомъ, Меметъ схватилъ Али за ногу и поволокъ. За нимъ двинулись всѣ. Когда они шли назадъ тѣми же самыми тропинками, то спускаясь внизъ, то взлѣзая на гору, роскошная голова Али, съ лицемъ Ганимеда, билась объ острые камни и обливалась

кровью. Иногда она подскакивала на неровныхъ мѣстахъ, и тогда казалось, будто Али съ чѣмъ то соглашался и говорилъ: „такъ, такъ".

Татары шли за нимъ и ругались.

Когда, наконецъ, процессія вступила въ село, всѣ плоскія крыши покрылись пестрыми массами женщинъ и дѣтей, подобно висячимъ садамъ Семирамиды.

Сотни любопытныхъ глазъ проводили процессію до самаго моря. Тамъ, на пескѣ, бѣломъ отъ полуденнаго солнца, стоялъ, слегка наклонившись, черный баркасъ, точно выброшенный въ бурю дельфинъ съ пробитымъ бокомъ. Нѣжная голубая волна, чистая и теплая, какъ грудь дѣвушки, бросала на берегъ тонкое кружево пѣны. Море сливалось съ солнцемъ въ радостную улыбку, которая перелетала черезъ татарскія селенія, черезъ сады, черные лѣса, до сѣрыхъ нагрѣтыхъ громадъ Яйлы.

Все улыбалось.

Безъ уговора, безъ словъ, татары подняли тѣло Али, положили его въ лодку и при тревожныхъ женскихъ возгласахъ, несшихся съ плоскихъ крышъ села, словно крикъ морскихъ чаекъ, дружно столкнули лодку въ море.

Зашуршала по камешкамъ лодка, плеснула волна, заколыхался на ней баркасъ и сталъ. Онъ стоялъ, а волна шалила вокругъ него, плескалась въ бока, брызгала пѣной и слегка, едва замѣтно уносила въ море.

Али плылъ на встрѣчу Фатьмѣ...

Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.

Вопросъ объ усадьбѣ и объ усадебной осѣдлости на первыхъ же порахъ возбудилъ большія пренія въ петербургскомъ губернскомъ комитетѣ. Здѣсь высказанъ былъ рѣшительный протестъ противъ выкупа усадебныхъ земель крестьянами въ собственность съ точки зрѣнія неприкосновенности вотчинныхъ правъ дворянства. Главнымъ запѣвалой явился А. П. Платоновъ, уѣздный предводитель того самаго царскосельскаго дворянства, по иниціативѣ котораго еще при Николаѣ Павловичѣ былъ поднятъ петербургскимъ дворянствомъ вопросъ объ устройствѣ крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землей на эмеритевтическомъ (вѣчно-наслѣдственномъ, чиншевомъ) правѣ. Петербургское дворянство твердо стояло на этой точкѣ зрѣнія и, предполагая сохранить крестьянамъ достаточный надѣлъ пахотными и луговыми землями, а также выгонами и приусадебной землей на правѣ вѣчно-наслѣдственной аренды, оно упорно отстаивало сохраненіе за дворянами правъ вотчинной собственности на всѣ земли, въ томъ числѣ и усадебныя. Въ комитетѣ происходили по этому поводу большія и страстныя пренія *).

Узнавъ объ этомъ, а также и о томъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ совѣщаніяхъ сдѣланы были постановленія отдать крестьянамъ однѣ лишь усадебныя постройки безъ земли, правительство признало необходимымъ дать по этому вопросу свои разъясненія, которыя и были изложены въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ петербургскому генералъ-губернатору отъ 17 февраля 1858 г. за № 104 (разосланномъ впослѣдствіи и другимъ губернаторамъ). Указавъ, что соображенія, выраженныя какъ въ этомъ, такъ и въ прежнихъ его отношеніяхъ, необязательны для комитетовъ, министръ подтвердилъ, что неукоснительно должны быть исполнены лишь главныя начала, изложенныя въ рескрип-

*) «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія въ Россіи», т. I, стр. 324.

тахъ и заключающіяся „въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей“. Министръ указалъ, что развитіе этихъ началъ поручалось самимъ губернскимъ комитетамъ и что правительство нарочно давало свои указанія лишь въ общихъ чертахъ, „дабы подробною программою не стѣснить разсужденій и собственныхъ предположеній губернскаго комитета“. Узнавъ, однако же, что нѣкоторые изъ дворянскихъ комитетовъ „встрѣчаютъ затрудненія въ своихъ сужденіяхъ“, не находя въ отношеніяхъ министра „подробнаго разрѣшенія всѣхъ представляющихся имъ вопросовъ“, министръ счелъ нужнымъ сообщить еще нѣкоторыя свои разъясненія. Ссылка на затрудненія, встрѣчаемыя комитетами, была лишь удобнымъ предлогомъ или простою фразою, такъ какъ въ то время (17 февраля 1858 г.) открылъ свои засѣданія одинъ только петербургскій комитетъ. Разъясненія же министра касались главнымъ образомъ *выкупа* усадебъ, относительно котораго было указано, что онъ можетъ быть совершаемъ разными средствами, при чемъ уплата денегъ можетъ быть разсрочена крестьянамъ и за предѣлы переходнаго періода. „Долговыя обязательства могутъ оставаться на крестьянахъ и по полученіи ими всѣхъ личныхъ правъ, съ тѣмъ только, что до окончательнаго за усадьбы платежа крестьяне сіи не будутъ полными ихъ владѣльцами“. Далѣе указывалось, что выкупленныя крестьянами усадьбы могутъ быть передаваемы лишь членамъ того же крестьянскаго общества или лицамъ, въ то общество принятымъ; что перенесеніе усадьбъ на другія мѣста въ томъ же имѣніи можетъ быть допущено лишь по обоюдному согласію помѣщика и крестьянъ, съ утвержденія мѣстнаго присутствія; наконецъ, что и въ отношеніи отводимыхъ въ пользованіе крестьянскаго общества полей и другихъ угодій замѣна ихъ другими и всякія въ нихъ перемѣны могутъ быть дозволяемы тоже по взаимному лишь соглашенію крестьянъ и помѣщика, а споры, могущіе при этомъ возникнуть, должны разрѣшаться также вышеуказаннымъ мѣстнымъ присутствіемъ *).

Такъ какъ министръ самъ подтверждалъ въ этомъ своемъ отношеніи необязательность сдѣланныхъ имъ указаній и разъясненій, то естественно въ разныхъ комитетахъ не прекращались и послѣ того толки о томъ, что понимать подъ усадебною осѣдлостью, пока, наконецъ, Государь не призналъ нужнымъ лично разъяснить въ рѣчи своей московскому дворянству (31 августа 1858 г.), что подъ усадебною осѣдлостью онъ понимаетъ „не одно строеніе, но и всю усадебную землю“ **).

---

*) Отношеніе 17 февраля 1858 г. № 104, «Сборникъ постановленій». вып. I, стр. 61—63.

**) Въ воспоминаніяхъ своихъ А. М. Унковскій разсказываетъ забавную сцену, характерную для высшихъ вліятельныхъ сферъ того времени: при

Вслѣдствіе предписанія рескриптовъ объ оставленіи крестьянамъ ихъ усадебной осѣдлости, во многихъ мѣстахъ помѣщики спѣшили переселять своихъ крестьянъ на новыя мѣста, отчего естественно происходили волненія и безпорядки. Во Владимірской губерніи возникло даже громкое дѣло по жалобѣ крестьянъ уѣзднаго предводителя дворянства Кошанскаго, который переселялъ ихъ на другія мѣста, а затѣмъ, за ослушаніе, всю деревню сослалъ въ Сибирь, разобравъ ихъ избы и засѣявъ самое мѣсто подъ деревней хлѣбомъ. Ланской доложилъ объ этомъ случаѣ Государю, и Государь, отрѣшивъ въ гнѣвѣ Кошанскаго отъ должности, повелѣлъ крестьянъ вернуть съ дороги и водворить ихъ на прежнихъ мѣстахъ на счетъ Кошанскаго, а поступокъ его отдать на судъ владимірскаго дворянства. Случай этотъ произвелъ большую сенсацію между помѣщиками; но любопытно, что дворянство не сдѣлало постановленія объ исключеніи Кошанскаго изъ своей среды, а постановило лишь 76 голосами противъ 74 произвести по этому дѣлу подробное разслѣдованіе, которое, однако, ни къ чему не привело*). Въ виду этого стремленія помѣщиковъ къ переселенію крестьянъ, Ланской счелъ нужнымъ дать секретный циркуляръ, въ которомъ онъ поручалъ губернаторамъ „внушать помѣщикамъ, безъ оффиціальной огласки, что для собственной ихъ пользы весьма желательно, дабы усадебная осѣдлость крестьянъ оставалась именно въ теперешнемъ положеніи, и переселеніе крестьянъ, даже въ одномъ и томъ же имѣніи, допускалось не иначе, какъ по очевидной въ томъ для хозяйственныхъ распоряженій надобности, безъ малѣйшаго обремененія крестьянъ и съ принятіемъ, когда нужно, нѣкоторыхъ предосторожностей“ (?) **).

Губернскіе комитеты, открывшіе свои засѣданія до апрѣля 1858 г. (петербургскій, нижегородскій, виленскій, гродненскій и ковенскій), приступили къ занятіямъ безъ подробной правительственной программы, получивъ на первыхъ порахъ въ руко-

---

встрѣчѣ Государя въ пріѣздъ его въ Тверь, Унковскаго кто то схватилъ на дебаркадерѣ за рукавъ. «Оглядываюсь—Долгорукій Вас. Анд. (шефъ жандармовъ). «Начали комитетъ? — онъ ко мнѣ—Коноплянники отдаете? Царь сердится, что коноплянниковъ не отдаютъ».—Я говорю: мы не о коноплянникахъ думы думаемъ, а о большемъ: у насъ даже такого слова нѣтъ, у насъ болѣе широкое понятіе—усадьба. Мы хотѣли усадьбою больше назвать, чѣмъ то, что въ программѣ стоитъ, да не знаемъ, какъ поступить. Вѣдь если писать по программѣ, выйдетъ несообразность. Мы же думаемъ усадьбою назвать просто весь надѣлъ, за исключеніемъ дальнихъ пустошей.—Долгорукій взъерошился.—«Ну какъ же? Вѣдь это... того... какъ посмотрятъ?.. Это не ладно... вѣдь предписано по программѣ писать»... Адлербергу, напротивъ, очень понравилась мысль—назвать усадьбою весь надѣлъ». (Джаншіевъ. А. М. Унковскій», стр. 80).

*) «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи», т. I, стр. 345. То же у Соловьева: «Русская старина», за 1882 г. № 4, стр. 143.

**) «Сборникъ постановленій», вып. I, стр. 67. Секретный циркуляръ отъ 20 марта 1858 г. № 44.

водство лишь „главныя основанія“, преподанныя въ высочайшихъ рескриптахъ, и указанія, сообщенныя имъ въ сопроводительныхъ отношеніяхъ министра. Эти указанія были дополнены въ циркулярѣ 17 февраля 1858 г. нѣкоторыми разъясненіями по вопросу о выкупѣ усадебъ, при чемъ министръ, какъ мы уже видѣли, заявилъ, что правительство намѣренно избѣгаетъ детальныхъ указаній, „*дабы подробною программою не стѣснить разсужденій и собственныхъ предположеній губернскихъ комитетовъ*“, и что мысли и соображенія, высказанныя имъ въ сопроводительныхъ отношеніяхъ, отнюдь не должны приниматься за предрѣшеніе вопросовъ, поставленныхъ на разсмотрѣніе комитетовъ *). Но министерство внутреннихъ дѣлъ, не установившее еще прочно своихъ собственныхъ взглядовъ на предстоявшую реформу и не имѣвшее тогда большого вліянія на ходъ дѣлъ, вскорѣ было вынуждено измѣнить таковыя свои намѣренія.

Главный комитетъ призналъ въ это время необходимымъ дать въ руководство губернскимъ комитетамъ подробную программу, при чемъ составить программу было поручено именно министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ. Въ исполненіе этого порученія А. И. Левшинъ составилъ въ мартѣ 1858 г. проектъ „плана работъ, предстоящихъ дворянскимъ губернскимъ комитетамъ“ **). Проектъ этотъ былъ тогда же разосланъ на заключеніе различныхъ свѣдущихъ лицъ, но не получилъ одобренія, и министерство, если вѣрить Позену, въ концѣ марта 1858 г. даже отбирало обратно разосланные имъ экземпляры ***). Случилось это потому, что въ это дѣло вмѣшался Ростовцевъ, выработавшій свой проектъ при содѣйствіи Позена и очень желавшій провести его въ главномъ комитетѣ. Во время этой работы Позенъ, вдохновлявшій тогда Ростовцева, чуть было съ нимъ не разсорился, но успѣлъ-таки настоять на осуществленіи выработаннаго имъ плана, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ ****). Позену во всякомъ случаѣ принадлежитъ идея раздѣлить работу губернскихъ комитетовъ на три періода и предоставить имъ въ первомъ періодѣ ихъ дѣятельности, который долженъ былъ, согласно уже объявленному высочайшему повелѣнію, длиться шесть мѣсяцевъ, выработать проектъ положенія лишь для *срочно-обязанныхъ крестьянъ*. Для Позена это было важно потому, что открывалась такимъ образомъ возможность пріурочить требованія высочайшихъ рескриптовъ относительно надѣленія

---

*) «Сборникъ постановленій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ», вып. I, стр. 61.

**) Планъ Левшина и возраженія на него Ю. С. Самарича напечатаны въ III томѣ сочиненій послѣдняго, стр. 56—71.

***) «Бумаги М. П. Позена», стр. 55.

****) Оправдательное письмо Я. И. Ростовцева къ кн. Евг. Петр. Оболенскому (декабристу). «Бумаги Позена», стр. 54—56.

крестьянъ землей къ одному лишь переходному, срочно-обязанному періоду, по истеченіи котораго *вся* земля могла быть снова возвращена въ полное распоряженіе помѣщиковъ. Эту свою мысль Позенъ въ то время не высказалъ прямо Ростовцеву; онъ, наоборотъ, выставлялъ себя даже сторонникомъ надѣленія крестьянъ землей и выкупа ея въ собственность, *но лишь по добровольнымъ соглашеніямъ съ каждымъ помѣщикомъ въ отдѣльности.* Впослѣдствіи мысль Позена нашла себѣ полное выраженіе въ постановленіяхъ *полтавскаго* губернскаго комитета, вліятельнымъ членомъ котораго онъ былъ, и въ засѣданіи общаго собранія редакціонныхъ коммиссій 12 августа 1859 г., гдѣ онъ настаивалъ, что „правительство, давая программу губернскимъ комитетамъ (будто-бы), намѣревалось обезпечить крестьянъ землей за опредѣленныя повинности, *только на 12-ти лѣтній періодъ* срочно-обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, т. е. на періодъ переходный", по истеченіи котораго полевая земля, „какъ неотъемлимая собственность помѣщика, должна возвратиться въ его свободное распоряженіе и можетъ быть имъ отдаваема и въ пользованіе крестьянъ, и на выкупъ, по его усмотрѣнію"... *).

Программа, составленная такимъ бразомъ по плану Позена Ростовцевымъ и обсужденная съ М. Н. Муравьевымъ и Ланскимъ, была внесена, послѣ нѣкоторыхъ возраженій Ланскаго, въ главный комитетъ и здѣсь утверждена въ присутствіи Государя. 21 апрѣля 1858 г. она была разослана по высочайшему повелѣнію въ руководство губернскимъ комитетамъ. Такъ какъ она подробно регламентировала весь ходъ дѣла и ставила дѣятельность комитетовъ въ довольно тѣсныя рамки, то среди членовъ губернскихъ комитетовъ она встрѣтила во многихъ мѣстахъ враждебное отношеніе, тѣмъ болѣе, что они не могли уже признавать ее для себя необязательной, такъ какъ она разослана была имъ въ руководство по *высочайшему повелѣнію* **).

Дѣятельность губернскихъ комитетовъ по программѣ раздѣлялась на три періода.

Въ первомъ періодѣ задача комитетовъ сводилась къ опредѣленію, въ особомъ проектѣ положенія, главныхъ началъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Во второмъ періодѣ на нихъ же предполагалось возложить „исполненіе, *по каждому имѣнію*, сего положенія, какъ оно удостоится высочайшаго утвержденія".

---

*) П. П. Семеновъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», т. I, стр. 542. Срав. «М. П. Позена», стр. 52 и слѣд. Въ своемъ «Планѣ» А. И. Левшинъ проектировалъ совершенно иныя указанія комитетамъ: по его плану полевая земля должна была отводиться крестьянамъ въ *безсрочное* пользованіе, отнюдь не ограничиваемое однимъ лишь переходнымъ періодомъ (Самаринъ. Сочиненія, т. III, стр. 59, прим.).

**) «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія», т. I, тр. 330; «Бумаги М. П. Позена». стр. 54—56.

Въ третьемъ—„начертаніе сельскаго устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или представленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ".

Занятія перваго періода раздѣлялись на *предварительныя и окончательныя*. Къ первымъ отнесены: собраніе свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ и уѣздныя совѣщанія (въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ послѣднія предназначены). Программу для собиранія свѣдѣній предоставлено было составить въ каждой губерніи губернскому предводителю, какъ предсѣдателю комитета; но тутъ же указаны были въ 16 пунктахъ тѣ свѣдѣнія, которыя представлялось полезнымъ собрать повсемѣстно *). Всѣ собранныя по имѣніямъ свѣдѣнія должны были быть соединены въ одинъ общій сводъ по каждому уѣзду и въ этомъ видѣ вноситься въ губернскіе комитеты.

Относительно уѣздныхъ совѣщаній было указано, что они „дѣлаются при самомъ выборѣ членовъ и касаются только способовъ исполненія основныхъ началъ, предначертанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, и указаній, содержащихся въ циркулярныхъ предписаніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, потребностями, промыслами и занятіями жителей уѣзда". Постановленія уѣздныхъ совѣщаній пред-

---

*) Свѣдѣнія эти были: 1) число душъ въ каждомъ имѣніи по ревизскимъ сказкамъ. 2) Раздѣленіе крестьянъ, относительно къ отправленію повинностей, на тягла и число тяголъ или работниковъ. 3) Усадебное устройство ихъ, число усадебъ, пространство земли подъ усадьбами. 4) Общее пространство земли въ каждомъ имѣніи: а) особо отмежеванныя земли, б) черезполосныя. 5) Распредѣленіе поземельныхъ угодій между помѣщикомъ и крестьянами. 6) Отношеніе общаго количества земли къ населенію по душамъ. 7) Отношеніе крестьянскаго надѣла къ массѣ населенія десятинами по тягламъ или работникамъ. 8) Цѣнность усадебъ: *строеній* и земли. 9) Цѣнность полевыхъ угодій разныхъ наименованій: а) ходячая цѣна, б) наемная плата съ десятины, в) стоимость обработки, г) средній валовой доходъ съ десятины. 10) Промышленность крестьянъ: а) земледѣльческая, б) ремесленная, в) заводская и фабричная и г) извозы и пр. 11) Повинности крестьянъ: а) подати и оброки; б) ихъ размѣръ и способы взиманія, в) натуральная повинность, число рабочихъ дней, урочныя работы, приблизительная оцѣнка рабочаго дня: мужского пѣшаго, мужского коннаго или воловьяго, женскаго; сгонные дни и уплата за нихъ. 12) Дворовые: а) приписанные къ домамъ и капиталамъ; б) причисленные къ населеннымъ имѣніямъ, в) раздѣленіе послѣднихъ на домашнюю прислугу и должностныхъ при хозяйствѣ. Число тѣхъ и другихъ по ревизіи и устройство экономическаго ихъ быта. 13) Изъ крестьянскаго населенія: писаря, конторщики, лѣсничіе, музыканты, пѣвчіе, фельдшера, ветеринары, винокуры, садовники, огородники, сахаровары, селитровары, мельники, пастухи и проч.; число ихъ и устройство экономическаго ихъ быта. 14) Число грамотныхъ крестьянъ въ имѣніи и способы распространенія грамотности, нынѣ существующіе. 15) Экономическія и благотворительныя заведенія: мірскіе капиталы, сельскіе банки, запасные магазины, богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты. 16) Банковые долги и податныя недоимки на имѣніяхъ; сумма тѣхъ и другихъ къ 1 января 1858 г.

ставляются губернскому комитету, кромѣ тѣхъ,—добавлялось въ примѣчаніи,—которые уже открыты и приступили къ работамъ.

Окончательныя занятія комитетовъ въ первомъ періодѣ состоятъ:

1) Въ составленіи общаго свода о положеніи дворянскихъ имѣній.

2) Въ составленіи общаго свода предметамъ, обратившимъ на себя вниманія дворянства на уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

3) Въ разсмотрѣніи и обсужденіи всѣхъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. „Предметы сіи, — сказано въ программѣ, — разсматриваются послѣдовательно *въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложены ниже*, и окончательное по каждому постановленіе вносится въ журналъ".

4) Въ начертаніи самаго проекта положенія. Трудъ этотъ поручался особой редакціонной коммиссіи, составленной изъ трехъ и не болѣе четырехъ членовъ комитета.

„Проектъ, для удобнѣйшаго разсмотрѣнія и соображенія въ главномъ комитетѣ, имѣетъ по всѣмъ губерніямъ одну общую форму, съ раздѣленіемъ на главы, отдѣленія и параграфы".

Къ нему прилагается „обзоръ основаній", съ краткимъ изложеніемъ причинъ и уваженій, содержащихся въ журналахъ. *„Всѣ работы перваго періода, и предварительныя и окончательныя, продолжаются не долѣе шести мѣсяцевъ"*.

Проектъ положенія долженъ былъ состоять изъ слѣдующихъ главъ:

I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные.
II. Сущность срочно-обязаннаго положенія.
III. Поземельныя права помѣщиковъ.
IV. Усадебное устройство крестьянъ.
V. Надѣлъ крестьянъ землей.
VI. Повинности крестьянъ.
VII. Устройство дворовыхъ людей.
VIII. Образованіе сельскихъ обществъ.
IX. Права и отношенія помѣщиковъ.
X. Порядокъ и способы исполненія.

Затѣмъ слѣдовалъ по главамъ довольно подробный перечень вопросовъ и предметовъ, которые должны были составить содержаніе каждой главы. Особенно характерными были главы: II—V и IX, а потому мы приведемъ здѣсь ихъ содержаніе:

Гл. II. Сущность срочно-обязаннаго положенія.

„Оставленіе крестьянъ, *временно*, крѣпкими землѣ.

„Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами и селеніями.

„Дозволеніе перехода въ другія сословія отдѣльному лицу или семейству.

„Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику.

„Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія (переходнаго состоянія), *независящій отъ выкупа усадьбъ*.

Гл. III. Поземельныя права помѣщиковъ.

„Неприкосновенность правъ собственности помѣщиковъ на *всю* землю.

„Хозяйственное устройство *по усмотрѣнію*.

„Право залога и продажи.

„Право помѣщика на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ его имѣнія, кромѣ выкупленныхъ усадьбъ.

Гл. IV. Усадебное устройство крестьянъ.

„Въ чемъ заключается усадьба: 1) усадебныя строенія, и 2) усадебныя земли.

„Оцѣнка усадьбы.

„Право крестьянъ на пріобрѣтеніе усадьбъ въ собственность черезъ выкупъ.

„Право крестьянъ пользоваться ими до выкупа.

„Выкупъ усадьбъ по утвержденной оцѣнкѣ *вдругъ* или *постепенно*, деньгами или работою.

„Удобнѣйшіе способы для выкупа усадьбъ.

„Пользованіе потомственно усадьбою, съ платежомъ опредѣленныхъ процентовъ съ оцѣночной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества.

Гл. V. Надѣлъ, въ пользованіе крестьянъ землею пахотною и другими угодьями.

„Основаніе надѣла по душамъ, тягламъ или работникамъ.

„Наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ.

„Какія имѣнія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаются малоземельными, какія среднеземельными и какія многоземельными.

„Опредѣленіе правъ крестьянскаго общества и членовъ его на пользованіе отведенною имъ землею.

„Право возведенія хозяйственныхъ строеній, съ согласія общества и помѣщика.

„Случаи перемѣны нарѣзанныхъ крестьянамъ земель и правила, для сего постановляемыя".

Гл. IX. Права и отношенія помѣщиковъ.

„Присвоеніе помѣщику званія начальника общества".

„Права и отношенія его къ обществу:

а) по сельскому благоустройству и порядку,

б) по внутреннему управленію,

в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами,

г) по отправленіи крестьянами повинностей,

д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ".

Составленный комитетомъ проектъ вмѣстѣ съ „обзоромъ основаній" и сводомъ предметовъ, обратившихъ вниманіе дворянства на уѣздныхъ совѣщаніяхъ, представляется губернаторомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ первый періодъ считается оконченнымъ, и комитетъ закрывается.

Относительно этой программы въ „Колоколѣ" Герцена была напечатана весьма нелестная для ея составителей критическая статья, по поводу которой Я. И. Ростовцевъ счелъ нужнымъ написать оправдательное письмо къ другу юности, декабристу кн. Евг. Петр. Оболенскому. Утверждая въ немъ, между прочимъ, что „программа далеко двинула вопросъ и была благодѣтельна для крестьянъ и удобна для комитетовъ", онъ указывалъ, что критикъ, разбиравшій эту программу въ „Колоколѣ", не замѣтилъ двухъ услугъ, оказанныхъ ею дѣлу освобожденія.

„1) Вслѣдствіе программы крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положеній, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы его освобожденіе на долгое время.

„2) Крестьянину предоставлено программою право безсрочнаго пользованія усадьбою, выкупъ ея поставленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ" *).

Пожалуй, можно признать, что обѣ эти услуги были дѣйствительно оказаны программой, хотя уже разъясненіе, сдѣланное министромъ въ циркулярѣ 17 февраля 1858 г. за № 104, значительно подготовило для нихъ почву, и во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ быть поставлены въ уровень съ той услугой врагамъ реформы, которую Позену удалось оказать здѣсь такъ ловко, что Ростовцевъ этого даже и не замѣтилъ **). Позднѣе Ростовцевъ самъ ясно увидѣлъ истинное значеніе этой программы,

*) Ростовцевъ имѣлъ здѣсь въ виду, очевидно, первую главу программы; «О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные». Содержаніе этой главы было слѣдующее: «прекращеніе *личнаго* крѣпостного права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ. Дарованіе помѣщичьимъ крестянамъ, лично и по имуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ. Исчисленіе этихъ правъ по своду законовъ. Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ срочно-обязанными». Этой главой Позенъ, повидимому, и загипнотизировалъ Ростовцева.

**) Не даромъ такъ цѣнилъ Позена М. Н Муравьевъ. Въ «Дневникѣ» Валуева подъ 10 мая 1859 г. записано: «Видѣлъ у него (у Муравьева) пріѣхавшаго въ качествѣ эксперта М. И. Позена. Министръ ему крайне обрадовался, лицо его просіяло истинной радостью. «Il donnera—сказалъ мнѣ потомъ Михаилъ Николаевичъ—un coup de poignard à Rostowtzeff». «Русск. Старина» за 1891 г. № 8, стр. 278.

когда при помощи Милютина и Соловьева, ему удалось, наконецъ, оцѣнить по достоинству стремленія главнаго ея творца, М. П. Позена, и когда постановленія цѣлаго ряда губернскихъ комитетовъ, съ другой стороны, воочію показали ему, какое употребленіе изъ этой программы могли сдѣлать лица, желавшія обезземелить крестьянъ. Въ губернскихъ комитетахъ программа эта признавалась стѣснительной главнымъ образомъ противниками срочно-обязаннаго положенія, т. е. людьми, желавшими полной и окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, которую они считали возможной осуществить лишь при помощи обязательнаго выкупа крестьянскихъ повинностей. Впрочемъ, рѣзко выразилъ свой протестъ противъ программы одинъ лишь тверской комитетъ, предводимый Унковскимъ. Въ менѣе рѣшительной формѣ высказывали свои затрудненія члены другихъ комитетовъ нечерноземныхъ губерній. Таково было ходатайство калужскаго комитета, поддержанное весьма энергично мѣстнымъ губернаторомъ, В. А. Арцимовичемъ. Напротивъ, тѣ изъ сторонниковъ реформы, которые признавали переходный періодъ неизбѣжнымъ,— считали необходимымъ, при всѣхъ отрицательныхъ сторонахъ программы, на нее главнымъ образомъ опираться, не допуская лишь такого ея толкованія, которое было направлено къ обезземеленью крестьянъ по истеченіи срочно обязаннаго періода. Такъ смотрѣли на дѣло Кошелевъ и Самаринъ. Князь Черкасскій въ началѣ колебался; „Мнѣ кажется,—писалъ онъ Кошелеву 29 юня 1858 г.,—что совершенно подчиниться программѣ невозможно и при томъ невыгодно для эмансипаторовъ тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ неудачи, всегда остается шансъ возвратиться къ ней, какъ pis aller; и тогда уже, опираясь на нее, какъ на minimum правительственныхъ требованій, сильно настаивать на легальномъ ея характерѣ и на ненарушимости ея“ *). Самъ Черкасскій намѣревался, какъ видно изъ этого же его письма, сперва поставить и разрѣшить въ комитетѣ нѣкоторые общіе принципіальные вопросы, наприм., о надѣленіи крестьянъ землей, нераздѣльно съ усадьбами. На это Кошелевъ отвѣчалъ: „я не думаю, чтобы слѣдовало отступать въ самомъ началѣ отъ программы. Какъ она ни дурна, но наши дворяне сто разъ хуже ея, а потому и намъ необходимо уцѣпиться за нее, особенно въ началѣ“ **). Выше мы уже привели то мѣсто изъ письма Самарина, гдѣ онъ говоритъ, что необходимо держаться программы, такъ какъ нельзя заразъ вести споръ и съ дворянствомъ, и съ правительствомъ***). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, говоря о правительственной программѣ, и Самаринъ, и Кошелевъ разумѣли не только программу занятій губернскихъ комитетовъ,

*) «Матеріалы для біографіи Черкасскаго». I, 115.

**) Тамъ-же, 117.

***) Тамъ-же, 119.

а весь планъ реформы и прежде всего рескрипты; поэтому они, конечно, и мысли не допускали о возможности обезземеленья крестьянъ по истеченіи переходного періода. Что касается плана реформы вообще, то они, какъ мы знаемъ, раздѣляли взглядъ правительства о необходимости переходнаго состоянія, и въ сущности единственнымъ недостаткомъ плана, выраженнаго въ рескриптахъ, признавали отдѣленіе усадебъ отъ остального крестьянскаго надѣла *).

Что же касается собственно программы занятій губернскихъ комитетовъ, то съ вопросомъ о ней у нихъ соединились разныя другіе вопросы парламентской тактики. Такъ Кошелевъ писалъ: „Думаю, что общіе споры (въ комитетахъ) неизбѣжны, но они должны имѣть одно благое дѣйствіе—утомить $^4/_5$ членовъ; пусть эти безплодные споры продолжаются даже два мѣсяца, за то послѣ двинемся скоро и успѣшно. Тогда мы *по необходимости* возьмемъ дѣло въ свои руки. Будьте увѣрены, что сперва всѣ на стѣны полезутъ, а потомъ поуймутся. Я нахожу, что первая глава Ростовцевской программы для насъ самое удобное и безвредное поле“ **).

Въ программѣ занятій, какъ мы видѣли, было опредѣлено, что для составленія журналовъ, а затѣмъ и проекта положенія слѣдуетъ выбрать изъ среды комитета особую редакціонную комиссію. Князь Черкасскій находилъ весьма важнымъ попасть въ эту комиссію ***). Но мнѣніе Самарина и Кошелева было совсѣмъ иное: „Это не только безполезно,—писалъ послѣдній Черкасскому,—но положительно вредно: много отниметъ времени, еще болѣе всѣхъ раздражитъ, а толку изъ этого не будетъ никакого“ ****). У Самарина за долго до открытія комитета составился свой, совершенно опредѣленный планъ дѣйствій: „я рѣшился—писалъ онъ еще 18 іюня—настаивать, чтобы въ порядкѣ засѣданій и въ самомъ существѣ дѣла комитетъ держался программы, по крайней мѣрѣ, сколько возможно. Мнѣ кажется, что, какова бы она ни была, въ рамки ея можно втиснуть если не все желанное, то, по крайней мѣрѣ, все необходимое на первое время и достаточное для опредѣленія дальнѣйшихъ мѣръ. По мѣрѣ разсмотрѣнія вопросовъ, я буду протестовать и подавать краткія мнѣнія, и къ концу, когда редакціоная коммисія (*въ которой я не буду участвовать*), представитъ свой проектъ, я внесу единовременно свой полный, обработанный проектъ и потребую, чтобы онъ былъ принятъ или

*) Лучше всего эта точка зрѣнія выражена въ статьяхъ Самарина «Объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ», въ №№ 2 и 4 «Сельск. Благоустройства» за 58 г. Сочинен. III, 19—55.

**) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», I, 117.

***) Тамъ-же, 123.

****) Тамъ-же, стр. 177. Письмо Кошелева къ кн. Черкасскому отъ 22 октября 1858 г.

представленъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ комитетскимъ. Онъ теперь у меня конченъ, и я занимаюсь окончательной его редакціей" *).

Вообще кн. Черкасскому хотѣлось занять вліятельное положеніе въ комитетѣ и подчинить себѣ направленіе въ немъ всего дѣла; Самаринъ, напротивъ, заранѣе предвидѣлъ невозможность какихъ-либо компромиссовъ съ большинствомъ и потому надѣялся лишь на то, что мнѣнія меньшинства также будутъ выслушаны въ Петербургѣ и не останутся втунѣ. Въ концѣ концовъ Черкасскому совсѣмъ не удался его планъ дѣйствій: онъ только понапрасну дразнилъ и раздражалъ противниковъ, такъ что Самаринъ рѣшился даже, наконецъ, ему это замѣтить **). Наоборотъ, Самарину, благодаря его необыкновенной находчивости, подготовленности и самообладанію, не только вполнѣ удалось дѣйствовать такъ, какъ онъ желалъ, но и гораздо болѣе того: ему удалось заставить и большинство своего комитета принять цѣлый рядъ выработанныхъ имъ положеній, не смотря на чрезвычайно враждебное отношеніе къ нему членовъ этого большинства. Его предложенія всегда бывали обоснованы не только замѣчательно логично и вѣско, но и съ удивительнымъ знаніемъ міросозерцанія, привычекъ и интересовъ той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ. Намѣреніе, выраженное Черкасскимъ,—вносить въ комитетъ и подвергать обсужденію не вопросы, а заготовленные проекты отвѣтовъ на вопросы—вызвало со стороны Самарина слѣдующій, несомнѣнно глубоко продуманный, отвѣтъ: „Мысль Черкасскаго...—писалъ онъ,—совершенно вѣрна, но опасно намъ брать это дѣло на себя. Наше положеніе будетъ невыгодно, свѣжія силы и благородный пылъ дворянства обратятся въ критику, и, разбивши насъ въ пухъ и прахъ, они de guerre lasse примутъ какой нибудь вздоръ,—я хочу имъ дать *выболтаться* и внести окончательно выработанный проектъ *къ концу,* когда они будутъ озабочены редакціей и увидятъ, что изъ всѣхъ ихъ постановленій нѣтъ возможности сдѣлать что либо путное. Тогда, какъ единственный грамотный человѣкъ въ комитетѣ, я буду имѣть большое преимущество" ***).

Занятія всѣхъ губернскихъ комитетовъ начинались съ выработки и утвержденія регламента или устава засѣданій. Задача

*) Тамъ-же, стр. 120.

**) Тамъ-же, стр. 253. «Знаете-ли что?—писалъ Самаринъ Черкасскому въ декабрѣ 1858 г.—Очень можетъ быть, что я ошибаюсь, но мнѣ сдается отсюда, что вы въ комитетѣ во зло употребляете фехтовальное искусство и дразните благородное дворянство. Я рѣшаюсь вамъ это высказать, потому что и самъ въ этомъ грѣшенъ, особенно былъ грѣшенъ въ первое время. Теперь я уходился и взялъ тѣмъ, что всю работу принялъ на себя».

***) Тамъ-же, стр. 121. Удачный примѣръ такой тактики Самаринъ могъ почерпнуть въ исторіи крестьянск. реформы въ Пруссіи у кн. Гарденберга. См. сочиненія Самарина, т. II, стр. 280.

эта выполнялась большею частью въ одно, два засѣданія, безъ большихъ преній. Но въ тульскомъ комитетѣ, вслѣдствіе принятой тульской крѣпостнической партіей системы обструкціи, споры о регламентѣ протянулись цѣлыхъ три мѣсяца, такъ что министерство сочло нужнымъ вмѣшаться и сдѣлать комитету черезъ губернатора внушеніе о необходимости болѣе продуктивной работы *). Замѣчательно, что въ регламентъ или уставъ комитетскихъ засѣданій здѣсь включены были статьи: 1) о томъ, что засѣданія комитета безусловно закрыты для всѣхъ постороннихъ лицъ, въ томъ числѣ и для мѣстныхъ дворянъ, и 2) что всѣ вопросы рѣшаются тайной подачей голосовъ. Во всѣхъ другихъ комитетахъ ничего подобнаго не было, и члены консервативной партіи вездѣ, наоборотъ, хлопотали о допущеніи въ залу засѣданій мѣстныхъ и пріѣзжихъ дворянъ, видя въ ихъ присутствіи поддержку своимъ крѣпостническимъ мнѣніямъ и надѣясь, не безъ основанія, и на то, что присутствующіе дворяне могутъ сдерживать и стѣснять либеральное меньшинство комитетовъ. Когда послѣдовалъ отказъ министерства на ходатайство калужскаго комитета о допущеніи въ его засѣданія мѣстныхъ дворянъ, то одинъ изъ вліятельныхъ чиновниковъ земскаго отдѣла, баронъ Штакельбергъ, въ письмѣ, находящемся въ архивѣ В. А. Арцимовича, доказывалъ, что министерство запретило допущеніе дворянъ въ засѣданія комитета *въ интересахъ либеральной партіи*, именно, чтобы не стѣснять свободу преній. Какъ увидимъ ниже, въ Нижнемъ Новгородѣ именно члены реакціонной партіи хотѣли *опубликовать* среди мѣстныхъ дворянъ постановленія комитета, чтобы вызвать среди нихъ возбужденіе противъ нѣкоторыхъ либеральныхъ рѣшеній. Въ Тулѣ же, наоборотъ, члены большинства считали для себя невыгодной даже такую ограниченную гласность. Повидимому, это можно объяснить только тѣмъ, что они всѣ свои усилія съ самаго начала сосредоточили на обструкціи, имѣвшей цѣлью затянуть пренія комитета до начала дворянскаго собранія, при помощи котораго они надѣялись освободиться отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ для большинства комитета членовъ, особенно отъ кн. Черкасскаго. Въ своей борьбѣ съ Черкасскимъ они зашли такъ далеко, что, находя подачу особыхъ мнѣній меньшинствомъ и отдѣльными лицами нарушеніемъ тайны голосованій, постановили запретить подачу отдѣльныхъ мнѣній **). Въ результатѣ министерство признало необходимымъ еще разъ вмѣшаться въ дѣла комитета, и наканунѣ открытія дворянскаго собранія (9 декабря) въ тульскомъ комитетѣ была получена бумага министра, въ которой велѣно было: 1) уничтожить тайную баллотировку

*) Сборникъ постановленій, вып. II, стр. 19 Предл. М. В. Д. отъ 30 дек. 1858 г. за № 1702.

**) Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкассаго, I, стр. 259 и прил. № 12.

шарами; 2) не противиться подачѣ отдѣльныхъ мнѣній; 3) признать присутствіе членовъ отъ правительства необходимымъ для состоятельности засѣданій, и 4) не передавать дѣлъ комитета на разсмотрѣніе дворянскаго собранія *).

Вопросъ о гласности въ засѣданіяхъ губернскихъ комитетовъ имѣлъ свою исторію. Въ началѣ правительство не сдѣлало по этому предмету никакихъ распоряженій, и многіе губернскіе комитеты начали литографировать, а иные даже печатать свои журналы и постановленія. Члены комитетовъ разныхъ губерній обмѣнивались между собою такими литографированными и печатными журналами своихъ комитетовъ. Въ засѣданія нѣкоторыхъ изъ нихъ допускалась и публика. Лишь въ январѣ 1859 г., когда дѣятельность многихъ комитетовъ уже приходила къ концу, до свѣдѣнія правительства дошло, что въ нѣкоторые комитеты допускается публика и что извлеченія изъ журналовъ одного комитета печатались въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ главномъ комитетѣ такое нарушеніе „канцелярской тайны" показалось неприличнымъ или опаснымъ, и Ланскому пришлось сдѣлать распоряженіе, чтобы въ засѣданія комитетовъ не допускались посторонніе посѣтители, кромѣ помѣщиковъ, спеціально приглашенныхъ для отобранія отъ нихъ нужныхъ комитету свѣдѣній и заключеній. Журналы губернскихъ комитетовъ запрещено было не только печатать въ газетахъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ, но даже печатать и литографировать ихъ для членовъ комитетовъ **). Нѣкоторые изъ комитетовъ протестовали противъ этого запрещенія. Въ адресѣ на высочайшее имя, составленномъ по этому поводу въ калужскомъ губернскомъ комитетѣ, было, между прочимъ, высказано, что „совершенное сохраненіе въ тайнѣ дѣйствій комитета можетъ породить общее недовѣріе дворянства къ комитету и, несомнѣнно, подастъ поводъ къ распространенію самыхъ ложныхъ толковъ. Толки эти будутъ имѣть слѣдствіемъ общее неудовольствіе". Съ другой стороны, въ этой мѣрѣ калужскій комитетъ увидѣлъ знакъ полнаго недовѣрія правительства къ себѣ и ко всему дворянскому сословію.

---

*) Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, т. I, стр. 262.

**) Циркуляры министра внутр. дѣлъ 5 и 21 января 1859 г. за №№ 1 и 18. Кн. Д. А. Оболенскій, близкій къ правительственнымъ кругамъ того времени человѣкъ, писалъ по этому поводу В. А. Арцимовичу (тогда калужскому губернатору): «Ланской не имѣетъ права написать ни одной бумаги безъ вѣдома центральнаго (главнаго) комитета, т. е. Буткова, и изъ сего ареопага вытекаютъ всѣ циркуляры, которые Ланской подписываетъ и въ которыхъ онъ не виновенъ.

«Запрещеніе гласности въ комитетѣ есть гнусная вещь, и воображаю, какъ она для тебя должна быть непріятна, и какъ она испортитъ все начатое дѣло. Я бы на твоемъ мѣстѣ продолжалъ печатать и пускать публику, хотя не въ большомъ числѣ (Письмо отъ 31 января 1859 г. Подлинникъ въ архивѣ В. А. Арцимовича).

Въ виду этихъ протестовъ, комитетамъ было разрѣшено (циркуляромъ 3 марта 1859 г. № 49) печатать и литографировать журналы засѣданій, только для употребленія самихъ членовъ и представленія въ министерство, „но никакъ не для раздачи или разсылки другимъ комитетамъ и постороннимъ лицамъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ было подтверждено запрещеніе печатать журналы и постановленія комитетовъ въ газетахъ.

Насколько члены губернскихъ комитетовъ и другіе дворяне были чутки и неравнодушны къ отзывамъ печати о трудахъ комитетовъ и вообще о дворянствѣ и его подвигахъ, видно изъ нѣсколькихъ характерныхъ инцидентовъ, разыгравшихся частью въ губернскихъ комитетахъ, частью въ тогдашней повременной печати. Такъ, изъ-за одной неосторожной фразы, употребленной И. С. Аксаковымъ въ замѣткѣ, направленной въ защиту кн. В. А. Черкасскаго и А. И. Кошелева по поводу статьи, напечатанной княземъ въ журналѣ, издаваемомъ Кошелевымъ, разыгралась цѣлая буря въ рязанскомъ и тульскомъ губернскихъ комитетахъ. Инцидентъ этотъ въ краткихъ словахъ заключался въ слѣдующемъ. Кн. Черкасскій, въ статьѣ о сельскомъ управленіи, надѣлавшей тогда много шуму, и отъ нѣкоторыхъ утвержденій которой онъ самъ счелъ за лучшее вскорѣ торжественно отказаться, упомянулъ, между прочимъ, о необходимости сохранить розги на время переходнаго состоянія. Это заявленіе вызвало, конечно, много нападокъ на князя и на Кошелева, какъ на редактора журнала, въ либеральной печати всѣхъ оттѣнковъ. Аксаковъ счелъ нужнымъ за нихъ вступиться и въ замѣткѣ, напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, упомянулъ, между прочимъ, о томъ, что и Черкасскій, и Кошелевъ оба состоятъ членами въ крестьянскихъ комитетахъ, „оба на дѣлѣ—не на словахъ только доказываютъ свою преданность великому дѣлу освобожденія, оба—въ ежедневной борьбѣ съ защитниками стараго порядка“... „Многое—пояснялъ онъ,—что кажется уступкою противъ нашихъ ожиданій и требованій, есть истинное завоеваніе, побѣда надъ *высокомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти!*“ *).

Послѣдняя фраза очень задѣла членовъ рязанскаго и тульскаго комитетовъ, въ средѣ которыхъ засѣдали Кошелевъ и Черкасскій. Кошелеву было предложено его сочленами по комитету подписать особое заявленіе, въ которомъ онъ отказывался бы отъ солидарности съ Аксаковымъ и, когда онъ не захотѣлъ это исполнить, то рязанскій комитетъ постановилъ просить его выбыть изъ комитета. Кошелевъ подалъ въ отставку, но министръ уговорилъ его остаться. Членамъ комитета объявленъ былъ высочайшій выговоръ, а членъ отъ правительства Масловъ, участвовавшій

---

*) Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», т. I, стр. 190.

въ походѣ противъ Кошелева, былъ уволенъ и замѣненъ другимъ лицомъ (Д. Ѳ. Самаринымъ). Члены большинства рязанскаго комитета послѣ того до конца засѣданій не раскланивались съ Кошелевымъ. Черкасскаго въ Тулѣ по этому дѣлу хотѣли судить въ дворянскомъ собраніи, и, лишь благодаря расколу, происшедшему здѣсь среди дворянъ, дѣло это кончилось ничѣмъ *).

Въ Калугѣ разыгрался въ это же время другой инцидентъ главнымъ образомъ въ сферѣ литературной; между калужанами двухъ разныхъ лагерей возникла страстная полемика по поводу замѣтки, помѣщенной въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ о пожертвованіяхъ, собранныхъ на устройство женской гимназіи, изъ-за того, что въ замѣткѣ этой содержался намекъ на равнодушіе дворянъ къ дѣлу народнаго образованія и, наоборотъ, оттѣнено было ревностное отношеніе къ удовлетворенію общественныхъ нуждъ мѣстнаго купечества. Война изъ-за этой замѣтки, перешедшая на страницы столичныхъ газетъ и журналовъ и вызвавшая цѣлый рядъ писемъ, протестовъ и коллективныхъ заявленій съ десятками подписей, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ **).

V.

Вопросъ о выкупѣ личности въ связи съ вопросомъ о выкупѣ усадебной осѣдлости въ губернскихъ комитетахъ.—Вопросъ этотъ въ рязанскомъ и тульскомъ комитетахъ.—Исторія, разыгравшаяся въ Нижнемъ-Новгородѣ изъ-за этого вопроса.—Тотъ же вопросъ въ калужскомъ комитетѣ.—Тактика Самарина и благополучное разрѣшеніе этого вопроса въ самарскомъ комитетѣ.—Рѣшенія прочихъ губернскихъ комитетовъ по вопросу объ оцѣнкѣ и выкупѣ усадебной осѣдлости.

Въ губернскихъ комитетахъ борьба сосредоточивалась главнымъ образомъ около слѣдующихъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ: *о выкупѣ и оцѣнкѣ усадебъ, о надѣленіи крестьянъ землей и о сохраненіи вотчинной власти помѣщиковъ.*

Съ вопросомъ о *выкупѣ усадебной осѣдлости* въ тѣсной связи находился другой вопросъ—о *выкупѣ личности.* Правительство признавало неудобнымъ, несправедливымъ и неприличнымъ открыто допустить выкупъ личности крѣпостныхъ людей.

Левшинъ, какъ мы видѣли, первый подалъ несчастную мысль, подъ видомъ повышеннаго выкупа усадебъ, дать возможность помѣщикамъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерній получить

---

*) «Записки А. И. Кошелева», стр. 97—103; «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», т. I, 130—143, 186—197 и 221 и слѣд.

**) Эта исторія, окончившаяся статьей Арсенія Глѣбова (А. М. Жемчужникова) въ «Русск. Вѣстн.» за 1858 г., подробно изложена мною въ статьѣ «Подготовленіе и введеніе крестьянской реформы въ Калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ 1858 — 1862 гг. (Сборникъ въ память Арцимовича).

въ скрытой формѣ вознагражденіе за потерю дохода отъ крѣпостного труда, который составлялъ безспорно главную часть стоимости ихъ имѣній. Эта мысль была усвоена членами главнаго комитета и не была оставлена правительствомъ въ моментъ составленія рескриптовъ 20 ноября и 5 декабря 1857 года. Слѣдъ этой мысли мы находимъ въ томъ пунктѣ (6) отношенія Ланского къ Игнатьеву, гдѣ указывалось, что усадьбы могутъ быть оцѣниваемы, при выкупѣ ихъ, въ зависимости не только отъ стоимости земли и построекъ, но и особыхъ промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ, подъ которыми разумѣлись оброки, получаемые съ промышленныхъ и торговыхъ крестьянъ и достигавшіе при крѣпостномъ правѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ высоты нѣсколькихъ сотенъ и даже тысячъ рублей въ годъ *). Этому соотвѣтствовалъ и другой пунктъ соображеній министра, включенный въ отношеніе его къ генералъ-губернатору литовскихъ губерній, гдѣ сказано было, что права свободнаго состоянія пріобрѣтаются крестьянами не иначе, какъ по взносѣ ими въ теченіе переходнаго состоянія выкупа за усадебную осѣдлость (п. 2 ст. II отнош. 21 ноября 1857 г.). Но виды правительства по этому предмету вскорѣ рѣшительно измѣнились, и разъясненіе, данное въ вышеприведенномъ отношеніи министра отъ 17 февраля 1858 г. за № 104 о томъ, что личныя права не пріостанавливаются разсрочкой выкупа усадьбъ и пріобрѣтаются крестьянами во всякомъ случаѣ по минованіи переходнаго періода, независимо отъ выкупа усадьбъ,—въ сущности уже разрушало уловку, придуманную Левшинымъ. Позднѣе это же разъясненіе было включено и въ программу, данную въ руководство губернскимъ комитетамъ. Однако, дворяне въ промышленныхъ нечерноземныхъ, а отчасти и въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ продолжали считать вопросъ о денежномъ вознагражденіи за утрату дохода отъ крѣпостного труда, однимъ изъ глав-

*) Кн. Черкасскій въ одной запискѣ, представленной имъ тотчасъ вслѣдъ за опубликованіемъ первыхъ рескриптовъ Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, отмѣтилъ разницу въ отношеніяхъ министра къ генералъ-губернаторамъ литовскому и петербургскому. Въ отношеніи министра къ Назимову сказано было во 2 п. II статьи, что «платежъ крестьянъ за усадьбу свою не долженъ превышать дѣйствительной цѣнности сихъ усадьбъ». Въ отношеніи же къ петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву высказано уже иное правило въ 6 п. II ст.: «размѣръ выкупа опредѣляется оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ». «Весьма знаменательно,—замѣчаетъ Черкасскій,—такое коренное разнорѣчіе въ положеніяхъ для двухъ мѣстностей, равно обиженныхъ природою въ отношеніи къ качеству почвы и, слѣдовательно, находящихся въ весьма сходныхъ экономическихъ условіяхъ; разнорѣчіе это невольно наводитъ на мысль, что, единожды пошедши по такому пути коренныхъ уступокъ, правительство легко можетъ быть заведено и дальше, къ крайнему ущербу первоначальной своей мысли и блага общественнаго» («Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго», I, приложеніе, стр. 72).

ныхъ вопросовъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Видя это изъ отчетныхъ вѣдомостей о ходѣ занятій губернскихъ комитетовъ, министерство признало, наконецъ, необходимымъ циркулярно сообщить всѣмъ комитетамъ категорическое запрещеніе Государя установлять какой-либо выкупъ за упраздненіе личнаго крѣпостного права [1]). Тогда комитеты, особенно промышленныхъ нечерноземныхъ и получерноземныхъ губерній [2]), стали естественно искать выхода въ уловкѣ, ранѣе указанной Левшинымъ; изъ разъясненій же министра они брали въ руководство главнымъ образомъ тѣ, которыя находили для себя удобнѣе, что облегчалось для нихъ разъясненіемъ самаго министра, что указанія его необязательны для комитетовъ. Кошелевъ о рязанскомъ комитетѣ писалъ въ серединѣ октября 1858 г.: „*единственное средство заставить дешево оцѣнить усадьбы—это дать имъ большинствомъ рѣшить въ пользу личнаго выкупа.* Знаете, противъ личнаго выкупа у насъ только четыре голоса" [3]). Предвидя возможность затрудненій по этому именно вопросу, тотъ же Кошелевъ еще въ іюлѣ писалъ Черкасскому: „Поднимать *въ началѣ* вопросъ о безвозмездномъ освобожденіи личности считаю я дѣломъ совершенно неудобнымъ и крайне неосторожнымъ—лучше оставить этотъ вопросъ до разсмотрѣнія главы о повинностяхъ" [4]). Черкасскій тогда отвѣчалъ, что онъ „почти увѣренъ, что въ Тульской губерніи противъ безвозмездной личной свободы крестьянъ („не дворовыхъ"—предусмотрительно прибавлялъ онъ) едва ли кто станетъ спорить" [5]). Впослѣдствіи оказалось, однако, что даже и въ Тульской губерніи, гдѣ пустопорожняя земля цѣнилась иногда выше населенной [6]), нашлись охотники получить выкупъ за крѣпостной трудъ, и Черкасскому пришлось потратить не мало краснорѣчія и желчи, чтобы заставить дворянъ отказаться отъ этого поползновенія,—въ данномъ случаѣ очевидно несправедливаго [7]).

Съ особеннымъ трескомъ разыгрался этотъ вопросъ въ нижегородскомъ губернскомъ комитетѣ. Комитетъ этотъ открылся 19 февраля 1858 г., и въ началѣ занятія его шли, не смотря на оппозицію вліятельныхъ крѣпостниковъ, довольно гладко. Между прочимъ, былъ поднятъ даже вопросъ о выкупѣ крестьянами части полевой земли и объ учрежденіи для этой операціи губернскаго банка.

---

1) Циркуляръ начальникамъ губерній по вопросу о выкупѣ личности крестьянъ. «Сборникъ», вып. II, стр. 18.

2) Нижегородской, Рязанской, Черниговской и др.

3) «Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго», т. I, стр. 205.

4) Тамъ же, стр. 117.

5) Тамъ же, стр. 123.

6) Срав. сочиненія Самарина, т. II, стр. 175, а также мнѣніе Кокорева у Барсукова: «Жизнь и труды Погодина», т. XV, стр. 488—490.

7) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», 284 и слѣд.

Но 1 марта рѣшено было разъѣхаться на 2 мѣсяца, „чтобы собрать точныя свѣдѣнія о положеніи помѣщичьихъ имѣній и войти въ ближайшія обсужденія и совѣщанія съ дворянами“. Когда 5 мая комитетъ возобновилъ свои засѣданія, то на первыхъ же порахъ въ немъ не оказалось уже того единодушія, съ какимъ дѣло было начато. Подкрѣпляемые слухами, распространявшимися въ это время нѣкоторыми представителями высшихъ сферъ (особенно М. Н. Муравьевымъ и В. Н. Бутковымъ), крѣпостники старались затормазить работы комитета. Между тѣмъ, ожидался пріѣздъ Государя въ Нижній на ярмарку, и губернатору А. Н. Муравьеву страстно хотѣлось, чтобы комитетъ кончилъ къ тому времени свой трудъ и поднесъ Государю готовый проектъ. 16 іюля онъ обратился въ комитетъ съ предложеніемъ ускорить занятія, при чемъ писалъ, между прочимъ, что Государю, „при встрѣчѣ его съ тѣми изъ Его подданныхъ, которые первые вызвались исполнить священную Его волю, ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть ихъ первыми и въ совершеніи ея“. Тогда предводитель образовавшагося уже къ этому времени консервативнаго большинства, Я. И. Пятовъ, подалъ отзывъ, подписанный двѣнадцатью членами, въ которомъ, между прочимъ, писалъ, что все сдѣланное до тѣхъ поръ комитетомъ, сдѣлано „*легкомысленно, вслѣдствіе какого-то чуждаго дворянскому дѣлу вліянія, какого-то ничѣмъ необъяснимаго недоброжелательства къ своему сословію нѣкоторыхъ членовъ*“... „Мы шли, — писалъ Пятовъ, — среди упорной борьбы двухъ началъ, взаимно непріязненныхъ, и изъ этого вышелъ горькій плодъ“. Поэтому онъ предлагалъ приняться за пересмотръ и передѣлку всего проекта (составленнаго уже на двѣ трети) съ самаго начала, „*принявъ за основаніе денежный выкупъ крѣпостной личности и обязательнаго труда*“.

Относительно усадебъ комитетъ еще ранѣе (26 іюня) постановилъ, что крестьяне могутъ пріобрѣтать усадебную землю *только цѣлымъ обществомъ, при согласіи помѣщика и по цѣнѣ, имъ назначенной*. Въ своемъ протестѣ противъ этого постановленія, принятаго по большинству голосовъ, губернаторъ писалъ, что оно противорѣчитъ рескрипту и, укоряя дворянство за измѣну своимъ собственнымъ благороднымъ намѣреніямъ, ставилъ членамъ комитета на видъ, что этимъ уклоненіемъ они подаютъ поводъ къ ропоту тому сословію, которому право выкупа усадебъ торжественно обѣщано Государемъ, что они, вмѣсто улучшенія быта, ставятъ преграды благосостоянію сословія крестьянъ и „лишая его возможности нѣкогда пріобрѣсти ту самостоятельность, которую даруютъ ему и судъ общественный, и правда царева, ввергаетъ его въ несмѣтное количество безземельныхъ пролетаріевъ!..“ „Страшно можетъ выразиться,—заключаетъ губернаторъ,—приговоръ и пробужденіе народа, признавшаго себя по одному произ-

волу дворянъ лишеннымъ права и надежды выкупомъ пріобрѣсть то, что ему всенародно обѣщано словомъ монаршимъ!“

Уже по выходѣ меньшинства изъ состава комитета остальные 13 членовъ отвѣчали губернатору на эту бумагу, что они свои дѣйствія основали не на произволѣ, а на многихъ статьяхъ свода законовъ, и что указанія министра внутреннихъ дѣлъ они не признаютъ для себя обязательными *).

Чтобы представить себѣ, насколько важно было для нѣкоторыхъ изъ вліятельнѣйшихъ помѣщиковъ промышленныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи установленіе выкупа крѣпостного труда, достаточно указать, что въ имѣніи одного изъ нихъ, С. В. Шереметева, весь огромный доходъ получался не отъ земли, а отъ оброковъ крестьянъ-промышленниковъ и торговцевъ. Въ статьѣ В. И. Снѣжневскаго, которой мы пользуемся, приведены изъ подлинныхъ окладныхъ книгъ Шереметевскаго имѣнія цифры окладовъ крестьянъ за 1858 г.: 9 человѣкъ изъ нихъ платили въ годъ отъ 500—1530 руб. каждый, а всего 7560 руб.; 24 человѣка—отъ 200 до 375 руб., всего 5707 руб.; 53 человѣка — отъ 100 до 195 рублей, всего 6971 руб.; 75 человѣкъ — отъ 50 до 95 рублей, всего 5126 руб. и т. д. Минимальная цифра оброка была у него 25 руб. съ души. Оброкъ собирался по третямъ, и недоимщики платили за каждый мѣсяцъ штрафъ въ размѣрѣ 4 коп. съ души. Сообразивъ, какіе убытки могло ему принести освобожденіе крестьянъ, Шереметевъ „склонялъ“ ихъ *при помощи жестокихъ наказаній* „добровольно“ выкупаться на волю до изданія Положенія, предлагая имъ уплатить ему единовременно за каждый оброчный рубль 25 рублей выкупа. Произошли безпорядки. Присылался для разслѣдованія флигель-адъютантъ изъ Петербурга, принявшій сторону Шереметева, и Муравьеву послѣ того стоило огромныхъ усилій добиться, чтобы имѣнія Шереметева были взяты въ опеку **). Ясно послѣ этого, насколько былъ важенъ для Шереметева вопросъ о выкупѣ крѣпостного труда, а Шереметевъ былъ въ Нижегородской губерніи среди помѣщиковъ, изъ которыхъ интересы многихъ совпадали съ его интересами, вліятельнѣйшимъ человѣкомъ.

Въ комитетѣ на сторонѣ Пятова и Шереметева оказалось 13 членовъ; въ меньшинствѣ осталось 12, въ томъ числѣ и губернскій предводитель Болтинъ, человѣкъ чрезвычайно нерѣшительный. Объ этомъ поворотѣ въ занятіяхъ комитета губернаторъ увѣдомилъ министерство и требовалъ, чтобы всѣ 13 членовъ, подписавшіе постановленія объ уничтоженіи прежнихъ трудовъ ко-

*) Сборникъ Нижегородской архивной коммиссіи, т. III. Статья В. И. Снѣжневскаго «Крестьяне и помѣщики наканунѣ крестьянской реформы», стр. 76—81.

**) «Сборникъ статей, сообщеній и проч.» Нижегородской архивн. коммиссіи, т. III; статья В. И. Снѣжневскаго, стр. 69-я и слѣд.

митета, были исключены и даже высланы изъ города на время пріѣзда Государя и чтобы остальнымъ 12-ти было предоставлено окончаніе дѣла.

„Если же признано будетъ,—добавлялъ онъ,—необходимымъ пополнить комитетъ членами, то это едва ли можно будетъ предоставить выборамъ: *въ этомъ случаѣ нельзя будетъ разсчитывать на успѣхъ*". На сторону реакціи перешли даже нѣкоторые изъ тѣхъ членовъ комитета, о которыхъ Муравьевъ сообщалъ раньше, что они оказали особенно живое содѣйствіе видамъ правительства. Между тѣмъ, Болтинъ отказался отъ званія предсѣдателя и передалъ предсѣдательство Пятову. Съ нимъ вмѣстѣ удалились еще 3 члена меньшинства; остальные протестовали противъ дѣйствій большинства и заявляли, что они ни въ какомъ случаѣ не намѣрены удалиться отъ возложенной на нихъ обязанности, которую они почитаютъ священною. Однако, черезъ нѣсколько дней вынуждены были удалиться и они. Оставшіеся постановили, между прочимъ, всѣ доселѣ бывшія мнѣнія и постановленія комитета сообщить всѣмъ помѣщикамъ губерніи. Тогда губернаторъ временно закрылъ комитетъ, запретивъ приводить въ исполненіе рѣшенія, состоявшіяся подъ предсѣдательствомъ Пятова.

Министерство сочло нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло. Въ Нижній для разслѣдованія пріѣхалъ товарищъ министра Левшинъ, который, желая во что бы то ни стало помирить дворянство съ губернаторомъ, до того запутался, что имѣлъ безтактность признать нѣкоторыя постановленія комитета черезчуръ либеральными. Такъ, между прочимъ, онъ указалъ дворянамъ, что уменьшеніе барщины до 80 дней въ году слишкомъ великодушно по его мнѣнію, и комитетъ тотчасъ-же воспользовался этимъ его указаніемъ, сдѣлавъ постановленіе объ увеличеніи барщины до 102 дней въ году. Понятно, что А. Н. Муравьевъ не могъ сочувствовать подобнымъ дѣйствіямъ Левшина, и между ними вскорѣ возникла рознь, еще усилившаяся, когда Левшинъ, въ личномъ докладѣ Государю, прибывшему въ Нижній, позволилъ себѣ объяснить все происшедшее „личностями" и безтактной торопливостью Муравьева *). Государь видимо принялъ во вниманіе это

*) Авторъ «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпост. права» называетъ эти дѣйствія Левшина «двусмысленными» (т. I, стр. 365), но Соловьевъ, близкій участникъ всего совершавшагося въ то время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, говоритъ, что Левшинъ дѣйствовалъ добросовѣстно и согласно съ своими убѣжденіями, но что у него просто не хватало такта и государственнаго смысла, чтобы стоять въ этомъ дѣлѣ на высотѣ положенія (Рус. Старина 1882 г. № 5, стр. 405). Ланской тогда же убѣдился въ необходимости замѣнить Левшина другимъ лицомъ... Замѣчательно, что, когда князь Черкасскій сообщалъ Кошелеву, еще въ іюнѣ 1858 г., о своей радости по поводу слуха, что Левшинъ хочетъ выбираться въ губернскіе предводители въ Тулѣ), то Кошелевъ отвѣчалъ на это: «не раздѣляю этой радости; онъ

объясненіе Левшина, и въ рѣчи своей дворянамъ не выразилъ имъ особеннаго неудовольствія, какъ можно было ожидать, а просилъ только устранить возникшія въ ихъ средѣ „личности“ *). Впрочемъ, комитетъ былъ возвращенъ на истинный путь еще до пріѣзда Государя. Ланской, подкрѣпляемый Соловьевымъ, проявилъ въ этомъ случаѣ необычную для него энергію. Онъ рѣшился провести это дѣло помимо главнаго комитета путемъ личнаго доклада Государю еще до поѣздки его въ Нижній. Это ему удалось. На основаніи этого своего доклада, утвержденнаго Государемъ, министръ сдѣлалъ слѣдующее предписаніе Муравьеву, полученное въ Нижнемъ 28 іюля:

1) Мнѣніе, подписанное тринадцатью членами нижегородскаго комитета, отвергнуть, ибо въ немъ выразилось явное побужденіе къ превратному толкованію высочайше одобренныхъ началъ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ.

2) Надворному совѣтнику Пятову, позволившему себѣ въ изложеніи своего отзыва выраженія, обидныя для другихъ членовъ комитета, сдѣлать по высочайшему Его Величества повелѣнію строгій выговоръ; *дворянамъ же, подписавшимъ ни съ чѣмъ не сообразное мнѣніе Пятова, сдѣлать строгое замѣчаніе* (послѣднія слова были собственноручно приписаны самимъ Государемъ).

3) Предсѣдателю и тѣмъ членамъ, которые въ мнѣніяхъ своихъ руководствовались началами человѣколюбія и государственной пользы, объявить благоволеніе Его Величества за ихъ труды и призвать къ продолженію занятій комитета“ **).

Членъ меньшинства нижегородскаго комитета, А. И. Эшманъ, въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину, описавъ всю эту исторію, прибавляетъ: „о Пятовѣ говорить нечего,—послѣ полученія высочайшаго выговора онъ нѣсколько дней былъ боленъ“ ***). На другой день выкупъ личности или крѣпостного труда былъ отвергнутъ единогласно. Но члены большинства сосредоточили тогда свои усилія на томъ, чтобы провести высокую оцѣнку усадебъ: пробовали даже назначить отдѣльно выкупъ за строенія, которыя раньше положено было отдать даромъ. Это не удалось, въ виду энергичнаго сопротивленія меньшинства, но за то усадебныя земли они оцѣнили по 20 коп. за кв. сажень, т. е. по 480 руб. за десятину.

будетъ больше всѣхъ мѣшать, потому, къ несчастью, прослылъ эмансипаторомъ, а въ сущности колпакъ» («Матеріалы для біографіи Черкасскаго», I, 116, письмо Черкасскаго 29 іюня 1858 г.).

*) «Я слышу съ сожалѣніемъ—сказалъ, между прочимъ, Государь,—что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль; устраните ихъ; я надѣюсь на васъ; надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ!..»

**) Сборникъ нижегор. арх. коммиссіи, III, стр. 81.

***) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», I, приложенія, стр. 105.

Въ письмѣ своемъ Эшманъ дѣлаетъ еще слѣдующее характерное сообщеніе: „Къ несчастью, въ главѣ о полицейскомъ устройствѣ, мы предоставили слишкомъ много власти помѣщику; *бороться было трудно, потому что это явное желаніе правительства*". Вѣроятно, и здѣсь сказался результатъ пребыванія Левшина въ Нижнемъ Новгородѣ *).

Въ другомъ мѣстѣ я изложилъ подробно, какъ разрѣшенъ былъ вопросъ о выкупѣ крѣпостного труда въ *калужскомъ* губернскомъ комитетѣ **). Этотъ комитетъ въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ обнаружилъ стремленіе идти по пути, указанному тверскимъ комитетомъ. Въ одномъ изъ первыхъ его засѣданій было постановлено 17 голосами противъ 6: 1) въ основаніе положенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ принять предоставленіе крестьянамъ въ собственность посредствомъ выкупа нетолько усадьбы, но и полевую землю, необходимую для обезпеченія ихъ быта; 2) выкупъ произвести посредствомъ финансовой, гарантированной правительствомъ мѣры, положительно и всесторонне разрѣшающей вопросъ. Мнѣніе либераловъ и умѣренныхъ консерваторовъ сошлись въ этомъ случаѣ, а въ меньшинствѣ остались лишь отъявленные крѣпостники, изъ которыхъ нѣкоторые желали обезземеленья крестьянъ, другіе мечтали изъ ликвидаціи крѣпостного права сдѣлать выгодную для дворянства аферу. Въ слѣдующемъ засѣданіи три члена консервативной партіи, Потуловъ, Чертковъ и Жилинъ предъявили подробно мотивированныя мнѣнія, при чемъ Потуловъ (одинъ изъ самыхъ жадныхъ и въ тоже время самыхъ ловкихъ и умныхъ представителей крѣпостнической партіи), путемъ весьма послѣдовательной и стройной аргументаціи доказывалъ необходимость особаго вознагражденія за личность крѣпостныхъ на томъ, въ сущности, безспорномъ основаніи, что „рабочая сила составляетъ часть цѣнности дворянскихъ имѣній", а Д. А. Чертковъ (плантаторъ съ идеями англійскаго тори) утверждалъ, что улучшеніе быта крѣпостныхъ крестьянъ можетъ быть достигнуто и безъ надѣленія ихъ землей, при чемъ старался освѣтить преимущества правильной арендной системы, основанной на добровольномъ соглашеніи между соб-

*) Происшедшая въ Нижнемъ Новгородѣ исторія изложена въ «Сборникѣ Нижегор. архив. коммиссіи», въ ст. В. И. Снѣжневскаго «Крестьяне и помѣщики наканунѣ реформы 19 февраля» (т. III, стр. 76-82); въ «Достопамятныхъ минутахъ моей жизни» А. И. Левшина (Русск. Архивъ 1885 г. № 8); въ запискахъ сенатора Я. А. Соловьева (Русск. Старина 1882 г. № 5), и въ письмѣ А. И. Эшмана къ Ю. Ѳ. Самарину (въ приложеніяхъ къ «Матеріаламъ для біографіи кн. Черкасскаго», стр. 105—106). Рѣчь Государя приведена въ «Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпост. права въ Россіи», т. I, стр. 372 и перепечатана у Иванюкова («Паденіе крѣпостн. права») и у Татищева («Имп. Алекс. II», т. I, стр. 336).

**) Сборникъ въ память В. А. Арцимовича. «Подготовленіе и введеніе крестьянской реформы въ Калужской губерніи».

ственникомъ-помѣщикомъ и арендаторами, безземельными крестьянами, а съ другой стороны, съ укоромъ указывалъ на „неосторожность", съ какой комитетъ принялъ выкупную систему, не имѣя никакихъ основаній разсчитывать на гарантію выкупа правительствомъ.

Въ подтвержденіе своего скептицизма въ этомъ отношеніи Чертковъ ссылался на слова товарища министра А. И. Левшина, который, въ пріѣздъ свой въ Калугу, указывалъ на неосновательность надеждъ на правительственное содѣйствіе даже при выкупѣ крестьянскихъ усадебъ. Поэтому Чертковъ грозилъ комитету перспективой—разсчитываться непосредственно съ самими крестьянами за предоставленныя имъ въ собственность земли. Рѣчь Черткова не произвела, однако, на членовъ комитета сильнаго впечатлѣнія; за то мнѣніе Потулова вызвало страстныя пренія, кончившіяся тѣмъ, что въ засѣданіи 15 января 1859 г. комитетъ принялъ, большинствомъ 19 голосовъ противъ 6, постановленіе объ отмѣнѣ навсегда личнаго крѣпостного права тотчасъ по высочайшемъ утвержденіи положенія калужскаго комитета. Но Потуловъ не унимался. Онъ протестовалъ противъ такого постановленія и требовалъ въ слѣдующемъ засѣданіи, 20 января, баллотировки другого своего предложенія, а именно: *„помѣщики должны получить полное вознагражденіе за все отъ нихъ отчуждаемое, въ томъ числѣ и цѣнность рабочей силы ихъ имѣній"*. Противъ этого предложенія выступилъ членъ отъ правительства, кн. А. В. Оболенскій съ такимъ контръ-предложеніемъ: „комитетъ при опредѣленіи вознагражденія, слѣдуемаго помѣщикамъ за усадебныя и полевыя земли, уступаемыя въ собственность крестьянамъ при ихъ освобожденіи, приметъ въ соображеніе нынѣ получаемый съ населенныхъ имѣній доходъ; личная же свобода крестьянъ даруется безвозмездно". Послѣдовали продолжительныя и страстныя пренія, въ результатѣ которыхъ предложеніе Потулова было принято, а формула кн. Оболенскаго отвергнута большинствомъ 13 голосовъ противъ 11. Однако въ слѣдующемъ засѣданіи пренія возбудились вновь, и комитетъ въ концѣ концовъ принялъ такую резолюцію: „по полученіи помѣщиками полнаго вознагражденія, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы потерѣ цѣнности имѣній и ихъ доходовъ, получаемыхъ нынѣ, дворянство *для сохраненія нравственнаго своего значенія* (*!*) отклоняетъ отъ себя всякую плату за личное крѣпостное право". Это постановленіе отнюдь не помѣшало впослѣдствіи большинству калужскаго комитета установить для выкупа усадебной земли цѣну, одинаковую съ нижегородской—по 20 коп. за квадратную сажень или по 480 р. за десятину. Эта оцѣнка, несомнѣнно принимавшая во вниманіе стоимость утрачиваемаго крѣпостного труда, была установлена лишь на случай принятія правительствомъ срочно-обязаннаго положенія съ отдѣльнымъ выкупомъ усадебъ. Впослѣдствіи калуж-

скій губернскій комитетъ, получивъ разрѣшеніе составить и выкупной проектъ, положилъ въ этомъ послѣднемъ въ основаніе выкупной цѣны ревизскую душу, которую оцѣнилъ въ 150 руб. Члены меньшинства не согласились съ этой оцѣнкой и, находя ее преувеличенной и для крестьянъ раззорительной, предложили свою, въ 120 руб. съ души. Напротивъ, Потуловъ требовалъ для различныхъ имѣній различной оцѣнки, которую онъ доводилъ для мелкопомѣстныхъ имѣній до 300 руб. за душу.

Невольно напрашивается сопоставленіе хода дѣлъ въ тверскомъ и калужскомъ губернскихъ комитетахъ. Въ обѣихъ губерніяхъ интересы помѣщиковъ и крестьянъ были приблизительно одинаковы. Но въ Тверской, гдѣ правильную и независимую отъ внѣшнихъ вліяній постановку вопроса взялъ на себя смѣлый и послѣдовательный либералъ Унковскій,—ему удалось побѣдоносно отстоять ее и отъ нападеній алчныхъ и неразумныхъ крѣпостниковъ, и отъ стѣсненій самого министерства. Въ Калугѣ же, гдѣ благонамѣренные люди признали для себя неизбѣжнымъ дѣйствовать согласно полученнымъ сверху указаніямъ, дѣло попало на ложный путь, и либеральнаго большинства, для котораго въ началѣ были на лицо всѣ элементы, не могло образоваться, а защита интересовъ помѣщиковъ попала въ нечистыя и корыстныя руки *).

*) Стѣснительность и неудобство для помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній основаній, данныхъ рескриптами, съ особенной ясностью выражены въ адресѣ, представленномъ Государю смоленскимъ дворянствомъ:

«Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ,—писали Государю смоляне,—одна земля составляетъ почти всю цѣнность помѣщичьихъ имѣній; слѣдовательно, при освобожденіи крестьянъ тамъ нѣтъ общихъ потерь для всѣхъ помѣщиковъ; у насъ же, съ потерею крѣпостныхъ правъ, неизбѣжна потеря значительной части собственности. Если въ большей части Россіи нѣтъ основанія давать вознагражденіе помѣщикамъ при освобожденіи крестьянъ, то этого нельзя сказать о Смоленской губерніи, въ которой, по свойству почвы, крѣпостной трудъ составляетъ главную цѣнность нашихъ имѣній. Оставить прежній размѣръ работъ, несоотвѣтственный количеству и цѣнности надѣляемой крестьянамъ земли, мы считаемъ невозможнымъ, потому что, въ такомъ случаѣ, безъ крѣпостныхъ правъ не было бы исполненія крѣпостныхъ работъ... Возложить на крестьянъ выкупъ крѣпостного и промышленнаго труда, посредствомъ преувеличенія цѣны усадебъ, было бы несправедливостью въ отношеніи къ крестьянамъ и дурнымъ разсчетомъ для помѣщиковъ, потому что крестьяне не могли бы выкупить усадебъ, и вознагражденіе помѣщикамъ было бы только номинальное.

«Мы не жалѣемъ крѣпостныхъ отношеній, мы не желаемъ и не можемъ желать удержанія ихъ на будущее время. Съ установленіемъ свободныхъ отношеній, мы предвидимъ лучшую будущность для насъ и для крестьянъ нашихъ. Но такое улучшеніе, такое безобидное для обѣихъ сторонъ разрѣшеніе вопроса возможны у насъ только при вознагражденіи помѣщиковъ безъ наложенія излишнихъ тягостей на крестьянъ. Крестьянинъ не долженъ и не имѣетъ средствъ заплатить за открѣпленіе его отъ земли; помѣщикъ же въ правѣ ожидать вознагражденія за потерю части собственности, необходимой для удовлетворенія общественныхъ потребностей.

«Такое вознагражденіе необходимо для насъ потому, что положеніе на-

Оригинальное рѣшеніе вопроса о вознагражденіи за потерю дохода отъ крѣпостного труда предложилъ Ю. Ѳ. Самаринъ.

Желая, чтобы крестьянамъ предоставлено было выкупить весь земельный надѣлъ въ собственность, Самаринъ полагалъ, что имъ слѣдуетъ расквитаться съ помѣщиками, „выкупивъ *не свою личность* и не землю (по ея торговой цѣнности), а *повинность*, которою обложены будутъ крестьяне за пользованіе землею. Повинность,—писалъ онъ въ письмѣ къ Кошелеву и Черкасскому,—представляетъ нѣчто среднее между личностью и землею, какъ предметами выкупа, и на этой данной легче примирить обѣ стороны; дальше, повинность легче оцѣнить, чѣмъ личность, и даже чѣмъ землю, ибо повинность будетъ опредѣлена въ точности и непремѣнно на деньги (оброкъ). Наконецъ, повинность *должна быть облегчена* для улучшенія быта крестьянъ, тогда какъ высокая цѣнность земли можетъ быть недоступна для крестьянъ. Поэтому я считаю, что выкупъ предварительно *пониженной и оцѣненной повинности* для крестьянъ выгоднѣе всего“ *). Прочтя

шихъ хозяйствъ поставляетъ насъ въ невозможность принести столь значительныя жертвы въ пользу государства, несоразмѣрныя съ пожертвованіями другихъ губерній и сословій. Лежащіе на насъ долги и предстоящія издержки для измѣненія системы хозяйства лишаютъ насъ возможности принести такія пожертвованія.

«Всемилостивѣйшій Государь! излагая все это, смоляне не обманываютъ Ваше Величество. Если нужны жертвы дворянъ для блага отечества, то жизнь и все достояніе наше повергаемъ къ стопамъ Вашимъ; но достояніе наше нынѣ болѣе принадлежитъ кредиторамъ нашимъ, чистаго разсчета съ которыми требуетъ честное имя дворянина и забота объ участи дѣтей нашихъ.

«Тяжелая почва нашей мѣстности, требуя для обработки усиленнаго труда, ставитъ насъ въ отношеніи къ другимъ губерніямъ въ исключительное положеніе. Душевно сочувствуя священной волѣ нашего Государя и стремясь исполнить ее согласно благимъ предначертаніямъ Вашего Императорскаго Величества, не можемъ не высказать этого и предвидимъ, что, безъ полнаго за отходящую отъ насъ собственность вознагражденія, шесть тысячъ дворянъ смоленскихъ, лишась честнаго имени, пріобрѣтеннаго службою Вашимъ предкамъ, подвергнутся нищетѣ неизбѣжной» (адресъ этотъ приведенъ въ журналахъ калужскаго губернскаго комитета).

Но адресъ смолянъ не вызвалъ никакого правительственнаго распоряженія. Поэтому они въ послѣдующихъ работахъ губернскаго комитета прибѣгли къ той мѣрѣ, которую сами же признавали несправедливой и неразумною,—къ повышенной оцѣнкѣ усадебъ, которыя они оцѣнили, назначивъ отъ 75—206 руб. (смотря по мѣстности) вознагражденія за постройки и по 15 к. за каждую квадратную сажень усадебной земли (по 360 руб. за десятину). Не ограничиваясь этимъ, они постановили, что никакой владѣлецъ усадьбы не имѣетъ права отказываться отъ слѣдуемаго ему надѣла полевой земли и связанныхъ съ нимъ повинностей, опасаясь, очевидно, что въ противномъ случаѣ многіе крестьяне могутъ бросить земледѣліе и такимъ образомъ оставить земли безъ обработки, а владѣльца имѣнія безъ дохода.

*) Письмо Самарина къ Кошелеву и Черкасскому отъ 18 іюля 1858 г. («Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», I, стр. 118, 119). Въ статьѣ объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, напечатанной въ «Сельскомъ Благо-

это мѣсто письма Самарина, Кошелевъ написалъ на поляхъ: „совершенно согласенъ“. Но самъ Самаринъ вскорѣ отказался отъ мысли настаивать въ комитетѣ на выкупѣ всей земли. Причины, почему онъ такъ поступилъ, чрезвычайно характерны: „во первыхъ,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ,—на четырехъ мною собранныхъ сходкахъ крестьяне обнаружили гораздо болѣе готовности выкупать свои усадьбы, чѣмъ я ожидалъ, а какъ скоро они не противъ этой мѣры, я не считаю себя въ правѣ отказывать имъ въ правѣ, которымъ они дорожатъ; во вторыхъ, на предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Самарѣ я убѣдился, что дворяне не столько опасаются неудобствъ, сопряженныхъ съ выкупомъ усадьбы, сколько оскорбляются мыслью, что крестьянинъ рядомъ съ ними сдѣлается равноправнымъ вотчинникомъ; слѣдовательно, проектъ о выкупѣ *всей* крестьянской земли встрѣтилъ бы несравненно большую оппозицію, чѣмъ самый выкупъ усадебъ. Въ третьихъ, наконецъ, я понялъ совершенно ясно, что, какъ ни слаба программа, но голосъ нашъ въ комитетѣ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только въ томъ случаѣ, когда мы будемъ крѣпко за нее держаться и какъ можно меньше отъ нея отступать. Вести единовременно споръ съ дворянствомъ и съ правительствомъ я считаю дѣломъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, въ самарскомъ комитетѣ, оно не по силамъ“...

Поэтому, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о выкупѣ надѣла, Самаринъ въ губернскомъ комитетѣ отстаивалъ безвозмездное освобожденіе личности крѣпостныхъ крестьянъ и дешевую оцѣнку усадебъ. Ему удалось и то, и другое, но не сразу, а лишь послѣ большихъ усилій и споровъ. Самарскій губернскій комитетъ согласился въ концѣ концовъ на безвозмездное личное освобожденіе не только крестьянъ, *но и дворовыхъ;* тогда какъ въ Тулѣ на безвозмездное освобожденіе дворовыхъ не соглашались не только крѣпостническое большинство, но и самъ кн. Черкасскій *).

Любопытна аргументація Самарина, пущенная имъ въ ходъ въ комитетѣ въ пользу дешевой оцѣнки усадебъ. „Предположимъ говорилъ онъ,—что крестьянинъ теперь исправляетъ на насъ барщины или платитъ оброка на 40 руб. серебр. (примѣрно).— Мы собрались, чтобы *улучшить его бытъ*. Улучшить можно: 1) прибавкою земли, 2) убавкою повинностей. О первомъ вы не

устройствѣ» за 1858 г. № 3 (Сочиненія Самарина, т. III, 45—55) Самаринъ доказывалъ, что усадьба въ крестьянскомъ хозяйствѣ есть «*не доходная статья, а необходимое условіе существованія*», и что поэтому отдѣльный выкупъ усадьбы есть непроизводительная затрата капитала, который крестьянину гораздо выгоднѣе употребить на наемъ земли, на покупку инвентаря и проч. Поэтому Самаринъ находилъ, что для крестьянъ выгоднѣе получить усадьбу вмѣстѣ съ остальной землей въ постоянное *пользованіе* и выкупить ее лишь вмѣстѣ со всѣмъ надѣломъ.

*) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», т. I, 162.

хотите слышать, и я съ вами. Остается второе. Итакъ, мы должны рѣшиться, положимъ, четверть пожертвовать. Выходитъ 40—10=30, вотъ высшая мѣра, maximum того, что мы можемъ взять. Больше нельзя, потому что дальше не хватитъ средствъ крестьянъ. Помните это!

„Теперь разсудимъ вотъ что. Изъ этихъ 30 рублей часть мы будемъ получать въ видѣ повинности за пашню и угодья, другую въ видѣ процента за пользованіе усадьбами, а потомъ въ видѣ процента съ капитала, внесеннаго за ихъ выкупъ. Намъ предоставлено опредѣлить отношеніе этихъ двухъ суммъ, *все таки не выходя изъ 30 рублей*. Мы можемъ положить: 1) 15 руб. за усадьбу+15 руб. за пашню и угодья=30 руб; 2) 10 руб. за усадьбу+20 р. за пашню и угодья=30 руб.; 3) 5 р. за усадьбу+25 р. за пашню и угодья=30 руб.—Что выгоднѣе? Если мы оцѣнимъ очень дорого усадьбу, выйдетъ вотъ что: 1) мы должны будемъ цѣнить низко пашню и угодья; 2) крестьяне въ 12 лѣтъ не успѣютъ выкупить усадьбы; можетъ быть, и не рѣшатся приступить къ выкупу; 3) правительство, которое сидитъ верхомъ на усадьбахъ и *непремѣнно*, *твердо* желаетъ ихъ выкупа, увидѣвши, по истеченіи 12 лѣтъ, что выкупъ не подвигается, обратится къ намъ съ слѣдующею рѣчью: „Благородное дворянство, вы, должно быть, надули меня, подвернувъ мнѣ къ подписи жидовскую оцѣнку усадебъ; благоволите-ка переоцѣнить ихъ и понизить цѣну".—Мы и должны будемъ сдѣлать новое пожертвованіе, ибо повинностей за пашню и угодья, *конечно, не прибавятъ*. — Наоборотъ, если мы оцѣнимъ, примѣрно, такъ: 2 руб. за усадьбу, 28 руб. за пашню и угодья, итого 30 руб.— произойдетъ вотъ что: 1) крестьяне выкупятъ усадьбы скоро, 2) насильственное прикрѣпленіе къ землѣ будетъ замѣнено добровольнымъ; 3) мы обезпечимъ себѣ рабочихъ и съемщиковъ земли, 4) правительство погладитъ насъ по головкѣ, и 5) удачный опытъ возбудитъ желаніе приступить къ выкупу повинностей. Что же лучше?"

Самъ Самаринъ, сообщая эту аргументацію Кошелеву и Черкасскому, писалъ (12 октября), что она была „*не безъ успѣха*", но Кошелевъ сдѣлалъ на письмѣ Самарина такую приписку: „нѣтъ, у насъ на эту штуку не возьмешь! Самаринъ сидитъ между дикарями, а у насъ въ противномъ стану писакъ довольно!.. *) Едва ли, однако, успѣхъ Самаринской аргументаціи объяснялся такъ просто. Дѣло тутъ заключалось въ томъ, что степнымъ помѣщикамъ малонаселенной Самарской губерніи было въ высшей степени важно путемъ всякихъ льготъ привлекать къ себѣ народъ. Нѣкоторые изъ этихъ помѣщиковъ, быть можетъ, согласились бы и даромъ надѣлять усадьбами крестьянъ, которые захотѣли

*) «Матеріалы для біографіи Черкасскаго», I, 203.

бы къ нимъ переселиться. Въ концѣ концовъ они рѣшили строенія отдать даромъ, а за землю назначить цѣну даже въ торговыхъ приволжскихъ селеніяхъ (пристаняхъ) не выше, чѣмъ втрое противъ оцѣнки десятины надѣла, за усадебную землю въ остальныхъ приволжскихъ селеніяхъ и въ подгородныхъ—не выше, чѣмъ вдвое, и, наконецъ, во всѣхъ остальныхъ не болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза противъ нормальной оцѣнки тяглового надѣла *). Впрочемъ, большинство комитета постановило, что помѣщикъ самъ можетъ назначить, какая часть цѣны всего надѣла упадетъ на усадебную осѣдлость, но съ тѣмъ, чтобы она во всякомъ случаѣ не превышала $^1/_5$ стоимости надѣла **). Самаринъ добивался, чтобы выкупъ „усадебной осѣдлости“ обходился крестьянину не дороже $33^1/_3$ рублей, ***) тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ комитетахъ стоимость крестьянской усадебной осѣдлости разсчитывалась въ 200— рублей и выше!

Вообще несчастная мысль Левшина о возможности получить хорошее вознагражденіе за потерю дохода отъ крѣпостного труда, подъ видомъ выкупа усадебъ по повышенной оцѣнкѣ, не смотря на то, что правительство впослѣдствіи старалось всячески отвратить комитеты отъ этой мысли, нашла себѣ въ проектахъ губернскихъ комитетовъ весьма широкое примѣненіе. Изъ 43 губернскихъ комитетовъ, проекты которыхъ вошли въ сводъ, составленный редакціонными коммиссіями ****), использованный г. Скребицкимъ въ его капитальномъ трудѣ *****), можно указать не болѣе 10 такихъ, которые не пытались устроить изъ этой статьи выгодную для дворянства аферу. Первый вопросъ, который пришлось разрѣшить комитетамъ при оцѣнкѣ усадебной осѣдлости,— былъ вопросъ о томъ, какъ быть съ постройками. Люди добросовѣстные въ большинствѣ комитетовъ указывали, что постройки почти всегда сооружены самими крестьянами, часто изъ купленнаго ими самими матеріала, а если помѣщики иногда и давали свой матеріалъ, то опредѣлить размѣръ и стоимость этого пособія въ высшей степени трудно. Однако въ 19 комитетахъ изъ 43 большинство членовъ не соглашались на безвозмездную отдачу крестьянамъ строеній. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ за строенія назначено было даже явно преувеличенное вознагражденіе. Такъ, въ *орловскомъ* губернскомъ комитетѣ постановлено было взять за исправныя строенія по 150, по 200 и по 250 руб. со двора, а за *неисправныя*—по 75, по 100 и по 120! Въ *смоленскомъ* комитетѣ строенія были оцѣнены по разрядамъ въ 75, 100, 150, 175

*) Мнѣніе Самарина по вопросу объ усадебной осѣдлости, принято комитетомъ (Сочиненія, III, 207).

**) Скребицкій, т. II, ч. II, стр. 800.

***) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», I, 250.

****) «Матеріалы редакц. коммиссій», томы I и VII (1-го изд.).

*****) *Скребицкій* «Крестьянское дѣло» т. II, ч. II стр. 794—814.

и 206 рублей съ усадьбы. Въ *рязанскомъ* комитетѣ бо́льшинствомъ было назначено за строенія по 150 р. со двора, при чемъ въ обзорѣ оснований было пояснено, что эта оцѣнка будто бы ниже дѣйствительной стоимости, а принята потому, *что, по разсчету членовъ комитета, помѣщикамъ при новомъ вольно-наемномъ хозяйствѣ придется обзаводиться инвентаремъ и строить помѣщеніе для вольно-наемныхъ рабочихъ, на что потребуется не менѣе 150 рубл. на каждаго рабочаго.* Болѣе умѣренная оцѣнка строеній была принята въ *Бѣлорусскихъ* губерніяхъ (58—60 руб. со двора) *) и въ *Курской* губерніи, гдѣ въ видѣ вознагражденія за строенія предположено было взять по 5 коп. съ сажени усадебной земли, что составляло для усадьбы обыкновеннаго размѣра до 40 рубл. со двора. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ рѣшено было взять вознагражденіе лишь за участіе помѣщика въ постройкахъ, соразмѣрно оказанной имъ помощи. 24 комитета изъ 43 постановили отдать крестьянскія строенія безвозмездно; но было бы очень ошибочно заключить отсюда, что всѣ эти комитеты были великодушнѣе или безкорыстнѣе остальныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ назначили за то такія цифры вознагражденія за усадебную землю, которыя далеко превосходили стоимость строеній по самой повышенной оцѣнкѣ. Такъ, напримѣръ, *московскій* губернскій комитетъ установилъ для различныхъ разрядовъ селеній Московской губерніи нормы оцѣнки усадебной земли въ 20, 30, 40 и 50 коп. за сажень, или въ 400, 720, 960 и 1200 р. за десятину, при чемъ допускалъ сверхъ того, по требованію помѣщика, и спеціальную оцѣнку въ случаѣ особыхъ промысловыхъ или торговыхъ выгодъ, присущихъ данной мѣстности. *Владимирскій* комитетъ назначилъ отъ 20—45 коп. за сажень и сверхъ того допускалъ спеціальную оцѣнку особыхъ выгодъ. *Вологодскій* комитетъ за малую усадьбу въ 500 саж. (обыкновенно размѣръ усадебной осѣдлости въ большей части губерній полагался въ 600—800 саж. на тягло, но въ каждомъ селеніи были и дворы многотягольные) назначилъ 200 р. и за каждую сажень, сверхъ того, по 20 коп., допуская при томъ и спеціальную оцѣнку промысловыхъ выгодъ. *Ярославскій* комитетъ положилъ за усадебную осѣдлость по 160 руб. съ души или 320 руб. съ тягла. Эта цифра выведена была слѣдующимъ образомъ: средній доходъ оброчныхъ имѣній въ Ярославской губерніи былъ выведенъ въ 13 р. 50 к. съ души, при надѣлѣ въ 5 десятинъ на душу, при чемъ стоимость земли (по статистическимъ даннымъ мин. госуд. имущ.) была опредѣлена 22 руб. за десятину или за 5 десятинъ 110 руб., 5% съ которыхъ принимались за нормальный доходъ съ земли, что составляло 5 р. 50 к. Эти 5 р. 50 к. вычитали изъ 13 р. 50 к. и остальные 8 руб. съ души

---

*) Могилевской, Минской и Бѣлорусскихъ уѣздахъ Витебской

раскладывали на усадьбы, капитализируя ихъ изъ 5%, что и давало въ результатѣ 160 руб. съ души *).

---

*) *Скребицкій*: «Крестьянское дѣло», т. II, ч. II, стр. 856. Депутаты ярославскаго губернскаго комитета впослѣдствіи въ редакціонныхъ коммиссіяхъ въ Петербургѣ представили подробную мотивировку этой повышенной оцѣнки усадебъ: «Ярославская губенія—говорили они—географическимъ своимъ положеніемъ и происходящими оттого мѣстными выгодами, находится въ исключительномъ положеніи противъ другихъ губерній.

«Находясь на водяномъ сообщеніи востока съ западомъ и сѣверомъ, она ежегодно принимаетъ къ себѣ всѣ товары, идущіе по Волгѣ; съ Каспійскаго прибрежья, Средней Азіи, Оренбургскаго края, Сибири, сѣверовосточныхъ и нижневолжскихъ губерній. Громадныя массы этихъ товаровъ или перегружаются, или складываются въ самомъ значительномъ торговомъ пунктѣ Россіи—Рыбинскѣ, находящемся почти въ центрѣ Ярославской губерніи; одно это служитъ неистощимымъ источникомъ для разнаго рода промышленности, выгодныхъ предпріятій и значительныхъ заработковъ жителей всей губерніи. Оттого здѣсь видно общее благосостояніе, легкое и скорое обогащеніе.

«Кромѣ промышленности торговой, связанной съ средоточіемъ большихъ оборотовъ товарами и капиталами, требованія на всякій трудъ неисчислимы: постройка судовъ по рѣкамъ Шекснѣ и Мологѣ; сплавъ и распиловка нужнаго для того лѣса; перегрузка и выгрузка на берегъ товаровъ; коноводныя доставки судовъ по водянымъ системамъ къ Петербургу и на сѣверъ; гужевыя перевозки товаровъ зимою изъ Рыбинска и приволжскхъ городовъ Ярославской губерніи въ разныя мѣста Россіи, и многія другія требованія труда, хорошо оплачиваемаго, составляютъ выгодные заработки крестьянъ. Это — говорили депутаты—выгоды одного только Рыбинска; а если принять въ соображеніе богатыя дѣятельностью и прибыльными промыслами города: Ростовъ, съ значительною ярмаркою и извѣстными по всей Россіи огородами; Ярославль, со своимъ торговымъ, фабричнымъ и заводскимъ производствомъ, постоянно требующимъ множество рабочихъ, подводъ для провоза и лошадей для проѣзда въ Москву и обратно; потомъ все побережье Волги, покрытое торговыми селами и деревнями, съ ежегодно устраивающимися фабриками и заводами; наконецъ, Романовское овцеводство и соединенные съ нимъ промыслы, значительное производство во всѣхъ сѣверныхъ уѣздахъ деревянной посуды, доставляющей въ одни зимніе мѣсяцы не менѣе 50 рублей чистой прибыли на каждаго рабочаго; ко всему этому присоединить усвоенные крестьянами Ярославской губерніи ремесла и мастерства: кирпичнаго, печного, штукатурнаго, малярнаго, портного и другихъ, на которыя преимущественно требуютъ ярославскихъ рабочихъ въ столицы и во всѣ концы Россіи, съ платою каждому до 150 руб. за одно лѣто, то нельзя на признать — заключали депутаты — Ярославскую губернію пользующеюся исключительными мѣстными выгодами. *Оттого имѣнія Ярославской губерніи покупались и цѣнились несравненно дороже другихъ губерній*».

«Какъ въ этой цѣнности имѣній главную часть ея составляютъ промысловыя выгоды и мѣстныя удобства; а земля полевая и другихъ угодій, *хотя повсюду производительна, а мѣстами и весьма плодородна*, но считается какъ бы придаточною и, сравнительно съ другими губерніями, мало цѣнится (за исключеніемъ части Ростовскаго, Мышкинскаго и Мологскаго уѣздовъ); оттого количество надѣла землею крестьянъ не имѣетъ вліячія на ихъ благосостояніе».

Изъ всего вышеизложеннаго депутаты выводили, что, съ продажею крестьянамъ ихъ усадебной осѣдлости, которая при томъ повсюду занимаетъ лучшія и удобнѣйшія мѣста, остальное, въ большей части имѣній, почти совершенно теряетъ цѣну.

Воронежскій комитетъ назначилъ по 25 коп. за сажень; *калужскій* — по 20 коп. за сажень, или — по 480 р. за десятину; *костромской, нижегородскій и симбирскій* назначили 20 к. за сажень, *какъ самую низкую норму*, и допустили спеціальную оцѣнку особыхъ промысловыхъ выгодъ. *Казанскій* губернскій комитетъ опредѣлилъ за усадьбу въ 600 саж. 200 руб. и за каждую сажень сверхъ того по 15 к., допуская, кромѣ того, спеціальную оцѣнку промысловыхъ выгодъ и исключая изъ состава усадебной осѣдлости, подлежащей выкупу, фруктовые сады. Въ доказательство умѣренности этой оцѣнки казанскій комитетъ привелъ курьезный доводъ,—что ни одно сословіе не платитъ за квартиру дешевле *).

Нѣкоторые комитеты не установили опредѣленныхъ нормъ оцѣнки усадебной осѣдлости, но указали, что при оцѣнкѣ слѣдуетъ принимать во вниманіе не только стоимость земли и строеній или матеріаловъ для нихъ, данныхъ помѣщикомъ, но и *потерю цѣнности имѣнія* отъ продажи крестьянамъ усадьбы **).

Болѣе совѣстливую оцѣнку усадебной осѣдлости назначили: *полтавскій* губернскій комитетъ и общая *кіевская* коммиссія (для губерній Кіевской, Подольской и Волынской). Первый назначилъ по 9 коп. за кв. сажень, второй—по 102 рубля за десятину; но за то полтавскій комитетъ ограничилъ выкупъ усадьбы 12 лѣтнимъ срокомъ переходнаго періода, а кіевская коммиссія постановила, что по истеченіи 9 лѣтняго переходного періода выкупъ усадебъ будетъ допускаться лишь для крестьянъ, держащихъ полные полевые надѣлы. Наконецъ, наиболѣе благопріятную для крестьянъ оцѣнку усадебной осѣдлости, безъ всякихъ при томъ стѣснительныхъ условій, установили комитеты юго-восточныхъ степныхъ губерній: Саратовской, Самарской и Оренбургской. Въ первой за землю и строенія вмѣстѣ назначено было по 10 коп. за сажень, о второй мы уже говорили подробно; въ третьей же, Оренбургской, назначено было по 60 руб. за усадьбу, размѣромъ въ $^1/_2$ десятины, и за каждую сажень сверхъ того лишь по 2 коп.; допускалась и возвышенная оцѣнка въ случаѣ особыхъ промысловыхъ выгодъ, но не свыше 150 руб. за усадьбу ***).

Чтобы судить о вышеприведенныхъ комитетскихъ оцѣнкахъ усадебной осѣдлости, небезполезно вспомнить, что А. И. Кошелевъ, хорошій знатокъ стоимости дворянскихъ имѣній и выкупныхъ средствъ крестьянскаго населенія разныхъ губерній, утвер-

---

*) Казанскій губернаторъ Козляниновъ находилъ, наоборотъ, эти цѣны до того возвышенными, что при нихъ выкупъ усадьбы становится невозможнымъ.

**) Петербургскій и псковскій комитеты.

***) Скребицкій, т. II, ч. II, стр. 791—804. «Матеріалы редакціонныхъ коммиссій», т. I, гл. IV, т. VII, гл. IV.

ждалъ въ одной изъ записокъ, составленныхъ имъ въ 1857 году, что при выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ съ усадебной осѣдлостью и земельнымъ надѣломъ не слѣдуетъ нигдѣ въ Россіи назначать выше 100 руб. съ души *), что тульскіе помѣщики предлагали въ 1847 г. за эту именно цѣну отпустить своихъ крестьянъ съ усадьбами и съ надѣломъ по 1 десятинѣ полевой земли на душу **). Членъ отъ правительства въ калужскомъ губернскомъ комитетѣ, кн. А. В. Оболенскій, доказывалъ, что нормальная цѣна населенныхъ имѣній въ Калужской губерніи была

*) Записки А. И. Кошелева, прилож., стр. 135.

**) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», стр. 23. Въ запискѣ, поданной в. кн. Еленѣ Павловнѣ тотчасъ послѣ опубликованія первыхъ рескриптовъ, кн. Черкасскій предостерегалъ, что комитеты навѣрно будутъ стремиться къ преувеличенной оцѣнкѣ усадебъ, и предлагалъ въ предупрежденіе этого преподать имъ такія ограничительныя правила оцѣнки: «1) нигдѣ не включать въ оцѣнку строеній, такъ какъ они вездѣ выстроены крестьянами на свой счетъ и справедливо считаются ими полной собственностью. 2) Въ губерніяхъ хлѣбородныхъ и черноземныхъ и преимущественно въ среднихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ самъ собою уже съ нѣкотораго времени, при продажахъ и покупкахъ нѣсколько крупныхъ имѣній, установился обычай оцѣнивать одни только земли, господскія строенія и лѣса, не обращая никакого вниманія на стоимость самихъ крестьянъ, какъ земледѣльческаго орудія, гдѣ при томъ *весьма часто* (вспомнимъ аналогичныя указанія Кокорева и Ю. Ѳ. Самарина) *пустопорожняя земля продается дороже населенной*, во всѣхъ сихъ губерніяхъ (сюда кн. Черкасскій особенно относилъ: Тульскую, Рязанскую и Орловскую) должна быть оцѣнена одна только усадьба или одинъ только грунтъ усадебный. Оцѣнка эта вообще никогда не можетъ превышать 150 р. с. за казенную десятину, такъ какъ это есть наивысшая цѣна, которой достигаютъ только отличные огороды и табачныя плантаціи. 3) Въ губерніяхъ оброчныхъ и промышленныхъ всего труднѣе опредѣлить составные элементы цѣнности имѣнія; вообще, дровяные лѣса и луга имѣютъ на образованіе оныхъ несравненно большее вліяніе, чѣмъ обыкновенно предполагается. Цѣнность самаго лица, крестьянина, какъ умнаго и дѣятельнаго промышленнаго орудія, естественно не можетъ быть принята и допущена правительствомъ въ число составныхъ элементовъ цѣнности имѣнія. Но за то усадебный грунтъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, высшую стоимость въ этихъ губерніяхъ, чѣмъ въ барщинскихъ, по той же самой простой причинѣ, которая возвышаетъ цѣнность земли городской сравнительно съ сельской». Поэтому князь признавалъ, что здѣсь усадьбы могутъ быть оцѣнены значительно выше; но рекомендовалъ и здѣсь «для обузданія всякаго своекорыстнаго произвола» постановить, «что эта оцѣнка усадебъ *ни въ какомъ случаѣ не должна превышать* $^1/_2$ *всей суммы, образуемой капитализаціей настоящаго крестьянскаго оброка по* 6% *разсчету*». Эта оцѣнка, допускаемая Черкасскимъ для наиболѣе благопріятныхъ въ промышленномъ отношеніи мѣстностей, основывалась на томъ соображеніи, что наемная цѣна всей прочей земли, владѣемой крестьянами міромъ (пашни, луговъ, дровяного лѣса), всегда и вездѣ представляетъ ежегодную ренту, превышающую хотя нѣсколько половину оброка»... Читатель, быть можетъ, вспомнитъ, что Кошелевъ считалъ среднимъ оброкомъ для всей Россіи 16 рублей въ годъ съ тягла; но, если мы даже примемъ его въ 20 рублей, то и тогда оцѣнка усадебъ, по разсчету Черкасскаго, не должна бы превосходить въ промысловыхъ мѣстностяхъ $20 \times 16^2/_3 = 334$ руб.: $2 = 167$ рублей на тягло или $83^1/_2$ руб. на душу, т. е. вдвое ниже оцѣнки, принятой ярославскимъ губернскимъ комитетомъ.

въ то время 120 р. за душу *). Другіе члены того же комитета считали ее нѣсколько выше, но не выше 150 рублей **). Наконецъ, въ статистикѣ Смоленской губерніи, изданной Я. А. Соловьевымъ въ 1855 г., была указана средняя покупная цѣна населенныхъ имѣній въСмоленской губерніи—117руб .съ души ***). Изъ этихъ данныхъ видно, насколько преувеличена была оцѣнка усадебной осѣдлости въ большей части губернскихъ комитетовъ. Многіе комитеты хотѣли, очевидно, за однѣ усадьбы получить столько, сколько стоили самыя имѣнія со всѣмъ крѣпостнымъ населеніемъ. Но нѣкоторые изъ нихъ не довольствовались и этимъ. Предвидя, что цѣнность земли вообще и усадебъ въ особенности черезъ 9—12 лѣтъ можетъ значительно возрасти, или опасаясь, что правительство не утвердитъ сдѣланной ими явно преувеличенной оцѣнки, или, наконецъ, вообще предпочитая имѣть дѣло съ безземельными и бездомными арендаторами и батраками, они постановляли, что право выкупа усадебной осѣдлости ограничивается 6, 8, 9 или 12 лѣтнимъ срочно-обязательнымъ періодомъ и что затѣмъ невыкупленныя усадьбы вмѣстѣ съ полевымъ надѣломъ поступаютъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ; сидящіе же въ нихъ крестьяне могутъ ихъ арендовать на основаніяхъ свободнаго срочнаго контракта. Такія постановленія сдѣлали комитеты: *московскій*, *псковскій*, *воронежскій*, *орловскій*, *рязанскій*, *тамбовскій*, *полтавскій*, *минскій*, *могилевскій*, *нижегородскій* и *симбирскій*.

Въ *казанскомъ* комитетѣ было постановлено, что, если усадьбы не будутъ выкуплены въ теченіе срочно-обязаннаго періода, то можетъ быть дана отсрочка на 24 года, послѣ чего не выкупленныя къ тому времени усадьбы становятся полной собственностью помѣщика.

Наоборотъ, комитеты малонаселенныхъ степныхъ губерній Оренбургской и Таврической желали сдѣлать выкупъ усадебной осѣдлости для крестьянъ *обязательнымъ*, чтобы фактически прикрѣпить ихъ къ землѣ.

Такъ сказался сословный помѣщичій интересъ въ первыхъ же засѣданіяхъ всѣхъ безъ исключенія дворянскихъ комитетовъ по вопросамъ о вознагражденіи за потерю дохода отъ крѣпостного труда и о выкупѣ усадебной осѣдлости.

А. А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Журналы калужскаго губернск. комитета, засѣданіе 16 марта 1859 г.

**) Тамъ же, докладъ А. А. Муромцева, приложенный къ журналу засѣданія 12 марта 1859 года,

***) Кавелинъ, сочиненія, т. II, стр. 50, прим.

Темный островъ.

Изъ заграничныхъ воспоминаній.

«Есть три части свѣта: Европа,
Африка и Корсика...» *)

Я подъѣзжалъ къ Бастіа въ пятомъ часу утра. На молу горѣли одинокіе желтые огни, за ними темнѣли какія-то тяжелыя, безформенныя массы, а еще выше, на блѣдноватомъ небѣ, смутно вырисовывалась извитая линія уходившихъ вдаль горъ. Островъ казался темнымъ, угрюмымъ и странно молчаливымъ. Не было обычной суеты на набережной, тихо отдавались приказанія съ парохода, безшумно исполнялись они, и кучка людей, дожидавшихся парохода, словно чего-то остерегаясь, пониженными голосами переговаривалась съ стоявшими на палубѣ людьми, которыхъ они ждали. Только волны, гнавшіяся за нами отъ Ниццы, угрюмо и глухо бились о стѣны мола, не пускавшаго ихъ. Я окликнулъ моего знакомаго, который долженъ былъ встрѣтить меня; онъ отвѣтилъ тѣмъ-же осторожнымъ полушепотомъ.

Чуть брезжило, медленно расползались и свѣтлѣли предразсвѣтные сумерки. Мы долго шли. Предъ нами тянулись неуклюжіе шестиэтажные дома, голые, безъ украшеній, какіе-то ободранные старые дома изъ сѣрыхъ и темныхъ камней, словно источенныхъ червями, изъѣденныхъ морскими брызгами... И былъ вырѣзанъ на одномъ изъ нихъ 1526-й годъ. Надъ ними высились такіе-же голые ободранные дома, и всѣ лѣзли въ гору, нагромождаясь другъ на друга, образуя безформенную массу старыхъ камней. Было холодно, сыро и темно въ узкихъ, высокихъ корридорахъ-улицахъ, и старые дома сумрачно слѣдили за нами окнами.

Мнѣ хотѣлось поскорѣе отправиться вглубь острова, и мы выѣхали изъ Бастіа съ первымъ утреннимъ поѣздомъ. Взошло

---

*) Такъ началъ свою лекцію корсиканскій крестьянинъ, пришедшій къ убѣжденію, что всѣ астрономы врутъ, утверждая, что земля кругла, и пріѣхавшій изъ своей деревни въ Бастіа, чтобы просвѣтить горожанъ насчетъ этой истины.

солнце на безоблачномъ небѣ, и все кругомъ стало свѣтло и красиво. Слѣва сверкало широкое море, справа крутыми склонами поднималась цѣпь горъ, покрытыхъ виноградниками, огородами, фруктовыми садами, изрѣдка—городками-деревнями, расположившимися высоко надъ моремъ, какъ кучки сгрудившихся сѣрыхъ камней.

Впереди горы сдвигались, громоздились выше и выше, и ослѣпительно блестѣлъ бѣлый снѣгъ на далекихъ вершинахъ... Воздухъ былъ удивительно чистъ и прозраченъ, даль казалась очень близка, и все выступало ярко и выпукло—голубое небо, бѣлый снѣгъ, сѣрыя скалы, одинокая зеленая сосна. Мы ѣхали широкими долинами, врѣзывались въ темныя горныя ущелья,—мимо насъ шли сѣрыя скалы, тянулись безконечные каштановые лѣса—и снова вырывались въ широкія долины, гдѣ сверкало широкое море, сіялъ бѣлый снѣгъ на голубомъ небѣ, гдѣ было свѣтло и красиво. Красота была холодная, дикая, безлюдная и безмолвная: долины были мало обработаны, не было человѣка въ каштановыхъ лѣсахъ. Люди были тамъ, въ сѣрыхъ камняхъ, высоко надъ долинами, откуда видно, не плывутъ-ли къ берегу вражьи лодки, не крадется-ли снизу врагъ между колючими кустарниками. И, повидимому, они все еще опасаются, все боятся спуститься въ широкія долины, въ каштановые лѣса. Желѣзнодорожныя станціи безлюдны и одиноки и не успѣли сдѣлаться маленькими центрами, стягивающими къ себѣ жизнь; жизнь еще тамъ, на высокихъ горахъ, откуда люди приходятъ, чтобы проѣхать въ другія горы, и снова возвращаются въ свои тѣсныя деревушки, въ свои темные, неуютные дома, которые, кажется, все такіе же, какъ 500 лѣтъ назадъ, когда люди забрались въ горы, отъ чужихъ людей, бродившихъ по морю, коробки-дома,—даже и тѣ, которые выстроены недавно—съ голыми фасадами, безъ украшеній, угрюмы и неуютны. Не вьются розы и глициніи по балконамъ, нѣтъ парка кругомъ дома, нѣтъ пальмъ и эвкалиптовъ, куртинъ цвѣтовъ,—только то, что полезно, что можно съѣсть, промѣнять, продать,—огородъ, виноградникъ, апельсины, цедра,—недавнее богатство Корсики. Нѣтъ красокъ, мало цвѣтовъ, нѣтъ той красоты, радости и жизни человѣческаго жилья, которыя видать рядомъ,—въ Италіи, горной Франціи. Все суровое, строгое, однотонное. И была зима. Трава была блеклая, каштаны стояли голые и были печальны, какъ всегда печальны зимой голыя деревья.

Долины встрѣчались все рѣже и были уже, горы сдвигались тѣснѣе, снѣжныя вершины вставали выше и подходили ближе,—исчезло широко-просторное море, и стало узко и тѣсно въ горахъ. Мы долго шли въ глубинѣ острова въ узкомъ ущельи къ тѣмъ, свѣтившимся бѣлымъ снѣгомъ, вершинамъ. Тамъ было совсѣмъ пустынно и безлюдно. Изрѣдка встрѣтится женщина въ темномъ платьѣ съ вязанкой дровъ на головѣ, старикъ съ сѣдѣющей

бородой, бредущій неизвѣстно откуда и неизвѣстно куда. За два часа ходьбы мы не встрѣтили ни одного дома, ни кусочка обработанной земли. Голые каштаны протягиваютъ свои озябшіе сучья, вверху тянутся сосны, темныя, густоиглыя, глубоко вонзившіяся крючковатыми корнями въ сѣрыя скалы; голубой потокъ съ бѣлыми брызгами рвался въ каменномъ ложѣ между нагроможденными обломками скалъ, и несся по ущелью глухой говоръ, тревожный и угрожающій.

Мы вернулись завтракать въ Кортэ. Скала—сѣрая и темная, на скалѣ крѣпость, словно продолженіе той-же скалы, тѣхъ-же камней; тамъ пропасть, обрывистая и страшная, на днѣ бьется сильный потокъ, за потокомъ тянутся высокія горы съ снѣговыми вершинами; а по другую сторону вплотную прижался къ скалѣ узенькими уличками маленькій городокъ,—все та-же куча камней, такой-же угрюмый и темный. Идетъ, извиваясь между уступами скалъ и прилѣпившимися къ скаламъ домиками, узенькая уличка; она скрывается подъ домомъ, выходитъ на свѣтъ, снова скрывается старыми ступенями, неровными, истертыми человѣческими ногами, спускается на городскую площадь величиной въ нашъ концертный залъ, гдѣ стоитъ старый ободранный домъ, изрѣшетенный пулями, въ которомъ двѣсти лѣтъ назадъ два дня оборонялась отъ нападенія жена предводителя одного изъ корсиканскихъ партій.

И опять нигдѣ нѣтъ садика, цвѣточка, красиваго дома, обвитыхъ балконовъ, какой нибудь попытки украсить свое жилище. И все угрюмо молчитъ. Ни пѣсенъ, ни музыки. Ни изъ одного дома не несется звукъ рояля, не звенитъ въ кафе мандолина, не мурлычетъ пѣсню человѣкъ за работой, не свиститъ по французски уличный фланеръ.

А потомъ солнце зашло за горы, темный покровъ нависъ надъ землей, и стало темно въ горахъ, дико и мрачно въ пустынныхъ долинахъ. И шелъ говоръ внизу, между скалами,—глухой и тревожный.

На станціяхъ входили и выходили люди. Предо мной сидѣлъ въ вагонѣ третьяго класса бандитъ. Онъ былъ такъ похожъ на только что купленную въ Бастіа carte-postale съ портретомъ бандита, что мнѣ только тутъ пришло въ голову, какъ-же это возможно снимать живого бандита въ полномъ вооруженіи въ бастіанской фотографіи, и я невольно подумалъ, что именно мой визави служилъ моделью для фотографа, выбравшаго лицо пострашнѣе, чтобы иностранцы охотнѣе покупали. „Бандитъ" былъ въ полномъ вооруженіи, съ ружьемъ въ рукахъ, съ патронташемъ на темномъ костюмѣ. У него была большая черная, начинавшая сѣдѣть съ краевъ, борода, выпуклыя надбровныя дуги и тяжелый упорный взглядъ глубоко посаженныхъ черныхъ глазъ.

Онъ любезно разговаривалъ съ моимъ спутникомъ, давно живущимъ на Корсикѣ и умѣющимъ говорить по корсикански, и тогда лицо не казалось страшнымъ; но, когда онъ замолчалъ, темная тѣнь легла на его лицо, глаза ушли глубже и тяжелыя брови сурово сдвинулись, и весь онъ сдѣлался суровый, важный и,—я не умѣю лучше выразиться,—величественный...

Я все разсматривалъ его и удивлялся, откуда могло явиться такое лицо тутъ, рядомъ съ Ниццой, на перекресткѣ большой средиземной дороги, такъ не похожее на итальянскія и французскія лица, и мнѣ вспомнился Кавказъ, какія-то древнія восточныя лица, видѣнный на какой-то картинѣ волхвъ, поклоняющійся Христу. Потомъ бандитъ ушелъ, и явились женщины въ темныхъ платьяхъ, съ молодыми глазами и старыми лицами, потомъ опять входили и выходили корсиканцы, важные, съ медлительными движеніями, съ короткими фразами. Слишкомъ часто попадаются ружья, и мнѣ начинаетъ думаться, что они берутся для важности и что они такая-же принадлежность корсиканца, какъ у насъ палка или зонтикъ.

Я встрѣтилъ веселыхъ смѣющихся людей. Это была компанія, очевидно, городскихъ бастіанскихъ жителей,—двое молодыхъ людей и двѣ дамы—одна, вѣроятно, дѣвушка съ краснымъ цвѣточкомъ въ золотисто-рыжихъ волосахъ — обѣ въ черныхъ платьяхъ, въ черныхъ мантильяхъ, въ черныхъ шляпкахъ. Компанія веселилась, смѣялась, въ особенности былъ веселъ и все время смѣшилъ дамъ, блестѣлъ глазами и сверкалъ бѣлыми зубами одинъ изъ молодыхъ людей, бритый, съ черненькими усиками, въ сѣромъ элегантномъ костюмѣ съ яркимъ галстухомъ. Но вотъ онъ откинулся въ уголъ и замолчалъ, и нельзя было узнать за минуту передъ тѣмъ смѣющагося, оживленнаго лица: рѣзко очерченныя брови сурово сдвинулись, строгой складкой сложились изогнутыя губы, темная тѣнь легла на лицо. Мой спутникъ отмѣчаетъ мнѣ наиболѣе характерныя корсиканскія лица, указываетъ французовъ, итальянцевъ. На какой-то станціи изъ другого отдѣленія къ намъ перешелъ итальянецъ-рабочій и тотчасъ же началъ жаловаться, что корсиканцы въ его отдѣленіи не хотѣли съ нимъ разговаривать, и сейчасъ же предъявилъ моему спутнику свой билетъ третьяго класса и рекомендательное письмо отъ своихъ родныхъ въ Аяччіо, куда онъ ѣхалъ искать земляной работы. Онъ былъ такой же, плохо одѣтый, грязный и жалкій, какъ русскій крестьянинъ, ѣдущій на косьбу; при каждой остановкѣ спрашивалъ, не Аяччіо-ли это, не пропустить бы ему; и въ довершеніе сходства вынулъ изъ грязнаго мѣшка запыленный кусокъ хлѣба и началъ ѣсть голодными зубами. Онъ былъ такъ жалокъ и такъ рѣзко выдѣлялся своими жалобами и говорливостью среди молчаливыхъ и важныхъ корсиканскихъ лицъ. А мой товарищъ разсказывалъ мнѣ, что они, итальянцы, обрабатываютъ

здѣсь землю корсиканскимъ мужикамъ, считающимъ работу въ полѣ не вполнѣ приличнымъ для себя дѣломъ, и привелъ одно мѣсто изъ vocero *), гдѣ врагу бросается въ лицо, какъ постыднѣйшее обвиненіе, то обстоятельство, что онъ работалъ „на чужомъ полѣ". Онъ сообщилъ мнѣ далѣе, что итальянецъ, этотъ разбойникъ и любитель поножовщины, оробѣлъ здѣсь въ Корсикѣ, и свои ножи, которые онъ такъ свободно пускаетъ въ обращеніе у себя дома, въ Швейцаріи, Франціи, не рискуетъ пробовать на корсиканцахъ, и когда однажды онъ спросилъ объ этомъ знакомаго корсиканца, тотъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и отвѣтилъ:

— Желалъ бы я видѣть, чтобы итальянецъ попробовалъ ударить ножомъ корсиканца!—и больше не сталъ разговаривать.

На обратномъ пути мнѣ уже не нужно было спрашивать моего спутника, кто корсиканецъ, кто французъ, кто итальянецъ,—такъ рѣзки и оригинальны, такъ не похожи на своихъ сосѣдей корсиканскія лица. И, подводя итоги пережитому дню въ угрюмомъ, молчаливомъ корсиканскомъ вагонѣ, я невольно вспоминалъ такой же третьеклассный французскій вагонъ и то французское острословіе, ту неудержимую потребность общенія, которыя чувствуются тамъ. Вспоминалъ я и итальянца, на его родинѣ,—говорящаго на сценѣ, на эстрадѣ, экспансивнаго, изящнаго, съ благородными манерами, пластичными жестами.

И чѣмъ больше всматриваюсь я въ корсиканскія лица, тѣмъ болѣе прихожу къ убѣжденію, что характерны они не тогда, когда говорятъ, а тогда, когда молчатъ, когда ложится на нихъ та темная и строгая тѣнь.

И одѣты они въ черное.—За цѣлый день я не видѣлъ ни одной женщины въ свѣтломъ платьѣ, въ свѣтлой шляпкѣ. Я видѣлъ молодыхъ и старыхъ, дѣвушекъ и женщинъ, блондинокъ и брюнетокъ—и всѣ онѣ были въ черномъ, и это темное однотоннымъ траурнымъ флеромъ ложится на женскія лица.

Мы пріѣхали въ Бастіа вечеромъ, когда начинаются дѣла и городскія улицы полны людьми. Ихъ много было и на улицахъ Бастіа, но улицы не сдѣлались веселѣе и оживленнѣе. Все темное и все молчитъ. Не слышно громкаго смѣха, веселыхъ разговоровъ, не звучитъ музыка, и въ молчащемъ городѣ было что-то жуткое и настороженное.

Я услыхалъ, наконецъ, музыку: изъ оконъ кабачка въ узенькой уличкѣ звучала мандолина.

— Здѣсь итальянцы собираются...—отвѣтилъ на мой безмолвный вопросъ мой спутникъ.

И дрожащіе звуки мандолины такъ рѣзко и неувѣренно неслись на угрюмую, безмолвную корсиканскую улицу.

---

*) Причитаніе.

II.

Я попалъ на засѣданіе окружнаго суда. Большая половина дѣлъ—были дѣла о бандитахъ. Былъ обыкновенный будничный случай. Дядя и племянникъ, оба землевладѣльцы, состоятельные люди, долго спорили съ своимъ сосѣдомъ о правѣ проѣзда черезъ его землю, и такъ какъ сосѣдъ упорно не пускалъ ихъ,—въ одно прекрасное утро застрѣлили его и бѣжали въ maquis—густыя горныя заросли, т. е. сдѣлались бандитами. Имъ надоѣло холодать и голодать, и черезъ два года они отдали себя въ руки правосудія.

Случай былъ, очевидно, обыкновенный, будничный, и въ публикѣ, наполнявшей залъ и корридоры окружнаго суда—и состоявшей, показалось мнѣ, все изъ бандитовъ,—равнодушно и увѣренно говорили:

— Ну, конечно, ихъ оправдаютъ.

Другое дѣло. Извѣстный бандитъ, долго оперировавшій въ горахъ, рѣшилъ, наконецъ, бѣжать въ Америку, и въ ночь передъ отъѣздомъ былъ убитъ, повидимому, тѣми-же людьми, которые взялись устроить ему побѣгъ. Третье дѣло было менѣе обыкновенно и менѣе буднично. Было двѣ шайки бандитовъ, враждовавшія другъ съ другомъ и приблизительно равныя силами—по тринадцати-пятнадцати человѣкъ въ каждой. Два года они охотились другъ за другомъ, перебили другъ друга и остались только два предводителя. И вотъ, прошлой зимой одинъ изъ нихъ захватилъ своего врага соннаго и всю ночь сдиралъ съ него живого кожу по кускамъ.

Кажется, именно за этимъ занятіемъ—повидимому, онъ увлекся и не принялъ обычныхъ мѣръ предосторожности—и захватили его жандармы.

Были другія дѣла. Мой спутникъ, четвертый годъ живущій на Корсикѣ, пояснилъ мнѣ, что такъ же много бандитскихъ дѣлъ было и въ предшествующемъ году, и два, и три года назадъ.

Это очень просто дѣлается на Корсикѣ. Человѣкъ охотится, ловитъ рыбу, занимается своимъ виноградникомъ и фруктовымъ садомъ. У него жена, дѣти, хозяйство... и старые счеты съ сосѣдомъ, съ жителемъ другой деревни, старые счеты, гдѣ расписывались кровью и гдѣ нельзя сосчитать, кто кому долженъ. Онъ ссорится на охотѣ, рыбной ловлѣ, на деревенскомъ праздникѣ, онъ просто подстерегаетъ въ укромномъ мѣстѣ своего врага и убиваетъ, а его убиваетъ сынъ, племянникъ, другъ убитаго. Не нужно быть непремѣнно сыномъ или братомъ для того, чтобы быть обязаннымъ мстить —дѣлать вендетту: обязанность лежитъ на всемъ родѣ, на всѣхъ родственникахъ, и не нужно быть убійцей или принимать хотя бы косвенное участіе въ убійствѣ для

того, чтобы быть убитымъ, чтобы сдѣлаться объектомъ вендетты,— нужно быть только родственникомъ, только состоять въ этой скованной страшными звеньями родовой цѣпи. У моего спутника есть знакомый. Онъ мирный учитель математики въ бастіанскомъ лицеѣ, онъ никого не убивалъ и сравнительно недавно, послѣ окончанія парижскаго университета, вернулся на островъ. Но онъ былъ корсиканецъ и былъ двоюроднымъ братомъ или племянникомъ другого корсиканца, который кого-то убилъ, — и ему была объявлена вендетта.

Онъ мирно занимался своей математикой, любилъ ѣздить по субботамъ на свою дачку, гдѣ у него былъ огородъ и фруктовый садикъ,—я видѣлъ бѣленькій домикъ его надъ Бастіа, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ города,—и вотъ *три года* онъ не смѣлъ выѣзжать изъ города на свою дачку, боялся выходить вечерами на улицу.

Онъ устроилъ перемиріе. Во всякія войны, даже въ корсиканскія, люди устаютъ воевать, и даже корсиканцы нуждаются въ перемиріи. Тогда сходятся враждующія стороны и заключаютъ договоръ, — настоящій писанный договоръ. Устроилъ это и учитель гимназіи съ бандитомъ, который долженъ былъ его убить... Но учитель зналъ цѣну корсиканскимъ договорамъ, иногда оканчивающимся тѣмъ и для того устраиваемымъ, что одна изъ воюющихъ сторонъ, послѣ заключенія договора, дожидается за угломъ или въ ближайшемъ перелѣскѣ, чтобы перестрѣлять собравшуюся для заключенія договора враждебную армію, — и учитель послѣ договора не ѣздилъ на свою дачу, пока не убили бандита. Это легко дѣлается на Корсикѣ, и вендетта, кровная месть, не отдѣльный случай, не дѣло исключительныхъ натуръ,—это правило, будни, обиходная вещь и обязанность пролить кровь за пролитую кровь такъ же необходима, священна, я бы сказалъ — требуется корсиканскими приличіями, какъ у насъ требуется приличіями, долгомъ живыхъ предъ мертвыми, не бросать умершаго въ оврагъ, а положить въ удобную яму и насыпать приличествующій могильный холмъ.

Не задолго до моего пріѣзда въ корсиканской деревнѣ выстрѣломъ изъ ружья убили молодого крестьянина. Когда извѣстили его жену, она схватила своего шестилѣтняго сына и побѣжала. Она застала уже мужа своего мертвымъ, но кровь текла еще изъ раны; и прежде всего она обмакнула платокъ въ кровь мужа, повязала его на шею ребенку, сказавши: „помни и отомсти!“—и потомъ уже стала плакать.

Потомъ уже стала плакать... То—первое и самое важное, то долгъ, приличіе, обычай, а это—второе и менѣе важное. И мальчикъ будетъ помнить и отмститъ, и это будетъ первое и самое важное въ его жизни, а остальное въ жизни будетъ менѣе важно

и менѣе значительно. И, мстя, онъ будетъ знать, что и ему отомстятъ. Такъ и идетъ жизнь на Корсикѣ.

И тѣ, которые, совершивши вендетту, дѣлаются бандитами, знаютъ, что они идутъ на горькую жизнь и сами называютъ себя несчастными.

Предо мной любопытный документъ—„Lamento", жалобный стихъ бандита Жана Камилла Николаи изъ Карбини, убитаго жандармами 15 лѣтъ назадъ. Ему было 20 лѣтъ, когда онъ сдѣлался бандитомъ и писалъ свой Lamento. Его братъ, Наполеонъ Николаи, похитилъ—Жанъ Камиллъ увѣряетъ, что съ согласія похищенной,—дѣвушку, дочь богатаго землевладѣльца. Отецъ дѣвушки подстерегъ похитителя, застрѣлилъ его и сжегъ на кострѣ. Три дня, почти безъ ѣды и питья, выслѣживалъ Жанъ Камиллъ убійцу и, когда тотъ показался, наконецъ, на улицу, застрѣлилъ его на глазахъ двухъ жандармовъ, вырвался изъ рукъ ихъ и скрылся въ naquis—тѣ густые заросли спутаннаго кустарника, куда можно проникнуть только ползкомъ, и гдѣ никакіе жандармы не отыщутъ скрывающихся тамъ бандитовъ. Жанъ Камиллъ былъ не совсѣмъ обычный бандитъ. Время отъ времени онъ появлялся въ Аяччіо, посѣщалъ самые лучшіе рестораны, познакомился и гулялъ по городу съ жандармскимъ офицеромъ и однажды имѣлъ дерзость обратиться на испанскомъ языкѣ къ префекту, съ просьбой познакомить его съ положеніемъ бандитства на Корсикѣ, которымъ-де онъ, испанецъ-путешественникъ, очень интересуется.

И вотъ что пишетъ о своемъ житьѣ этотъ, очевидно, очень ловкій и хорошо обставленный бандитъ **).

„Вѣдь я—несчастный, я живу въ лѣсу, мерзну зимой отъ холода, всегда блуждаю одинокимъ. Скажите мнѣ, развѣ это жизнь: спать ночью, подложивши камень подъ голову?

„Иззябшій, въ ту минуту, какъ засыпаю, я слышу голосъ, который говоритъ мнѣ: „Возьми свою двустволку, предъ тобою враги твои! Приближается дельбосъ (жандармъ); если ты не будешь на ногахъ, ты погибъ".

„Съ быстротою вѣтра я становлюсь на одно колѣно и чувствую, какъ сердце мое бьется. Я направляю въ темноту дуло моего ружья, я думаю, что настала минута показать свою храбрость,—вѣдь смерть ни мало не страшитъ меня.

„Я просыпаюсь и не испытываю никакого страха. Кустъ служитъ мнѣ кровлей, я лежу на голой землѣ, безъ постели, безъ огня, и крикъ филина—вотъ одна моя отрада!

---

*) «Lamento» и всѣ «voceri» заимствованы изъ книги «Marcaggi»: «Les chants de la mort et de la Vendetta de la Corse».

**) Приношу благодарность за переводъ, представлявшій большія трудности, С. В. Татариновой.

„Настаетъ утро среди криковъ радости: птицы поютъ. О, какая радостная гармонія! Она прогоняетъ мою грусть, моего единственнаго собесѣдника. Какъ счастлива судьба птичекъ, какъ горька моя!

„Часто безъ моихъ проводниковъ я лишенъ припасовъ, и силы мои слабѣютъ. Тогда я обращаюсь къ доброму владѣльцу или пастуху, и они оказываютъ мнѣ щедрое гостепріимство. Богъ ихъ вознаградитъ за это!

„Потомъ я иду утолять жажду къ ближайшему истоку, смотрю на прозрачную воду, въ которой рыбы рѣзвятся, не боясь сѣти. И вы тоже, о Боже мой!—говорю я имъ—и вы тоже счастливѣе меня!

„Я мало цѣню свою несчастную жизнь и не боюсь близкой смерти,—вѣдь я лѣсная птица, что скитается по горамъ и лѣсамъ. Пусть будетъ проклятъ день, въ который ты родилась, Катерина (возлюбленная брата)!

„Милый братъ, я отомщу за тебя. Я обѣщалъ это тебѣ на томъ утесѣ, гдѣ на землю тихо капала твоя кровь“.

И, тѣмъ не менѣе, онъ пошелъ, этотъ двадцатилѣтній мальчикъ, любующійся на играющихъ рыбокъ, восхищающійся пѣніемъ птицъ и съ грустной жалобой сочиняющій свой Lamento,—пошелъ въ бандиты, потому что на томъ утесѣ, гдѣ капала братняя кровь, обѣщалъ милому брату отмстить за него, потому что считалъ необходимымъ, священнымъ долгомъ отмстить за брата.

Братъ за брата, сынъ за отца, другъ за своего друга... Смерть вызываетъ другія смерти,—образуется мертвый замкнутый кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода, гдѣ всѣ субъекты и объекты вендетты.

III.

«О, смерть, будь ты проклята»!
(Vocero).

— „Я хочу покрыть себя чернымъ, — причитаетъ дѣвушка надъ двумя братьями, убитыми въ одинъ и тотъ же день, — никакое радостное украшеніе никогда не появится на мнѣ. Я хочу выкрасить себя въ черное, какъ крылья ворона“.

— „Вашей кровью, мой отецъ, — причитаетъ дочь надъ убитымъ отцомъ,—я хочу напитать мой платокъ и я буду класть его себѣ на шею, когда у меня явится желаніе засмѣяться“.

Такъ плакали съ давнихъ поръ, такъ плачутъ и понынѣ корсиканскія дѣвушки и женщины по своимъ роднымъ. Издавна мертвые опредѣляютъ жизнь живыхъ, и смерть является главнымъ содержаніемъ жизни. Не та естественная смерть,—должный и нужный конецъ всего сущаго,—медленно идущая къ человѣку

и тихо уносящая людскую душу среди вздоховъ и слезъ и прощальныхъ сожалѣній остающихся жить близкихъ, а та смерть „Violente“, что пишется съ большой буквы,—налетающая, какъ буря, настигающая человѣка внезапно, въ толпѣ, на улицѣ, въ чащѣ лѣса, въ свѣтѣ дня и тьмѣ ночи, мстящая, непримиримо злобная, жестокая, корсиканская смерть.

Она давно свила себѣ гнѣздо на этомъ темномъ, несчастномъ островѣ, — ее несли кареагеняне и римляне, сарацины и норманны,—всѣ тѣ, кто скитался по этому *Средиземному* морю и останавливался на этомъ постояломъ дворѣ, стоящемъ на большой дорогѣ между Африкой и Франціей, Испаніей и Италіей. Если бы собрать всю кровь, пролитую на этомъ островѣ за долгіе годы скитаній народовъ, хотя бы за время владычества жестокой Генуи,—горные потоки Корсики лились бы кровью и кровью окрасился бы снѣгъ Корсиканскихъ горъ. И теперь земля не просохла отъ пролитой и проливаемой крови, и корсиканская смерть Violente и теперь такъ же живуча и такъ же злобно мстительна и, какъ тотъ страшный вампиръ старыхъ сказокъ, присосалась къ сердцу Корсики. Она ходитъ по острову, она стоитъ за каждымъ выступомъ скалы, глядитъ изъ темной чащи лѣса, прячется у изголовья спящихъ людей,—она такъ прижилась къ этимъ людямъ, такъ интимно близка, что ее зовутъ человѣческими именами и, какъ крестьяне у насъ называютъ лихорадку: „тетка“, „сестрица“, „посусѣдница“, — такъ корсиканцы зовутъ свою смерть — „воровка“ и „Celle-an-pied-leger“. Она дѣйствительно легка на ногу, эта смерть Violente, она до такой степени часто и легко приходитъ, такъ сдѣлалась естественной, „настоящей“ корсиканской смертью, что можно понять извѣстное изреченіе корсиканца, огорчившагося, что другъ его умеръ просто отъ плеврита:

— „О, зачѣмъ ты не умеръ насильственной смертью! По крайней мѣрѣ, мы могли бы отмстить за тебя“!..

Смерть мѣшаетъ жизни и не даетъ развиваться молодымъросткамъ ея,—мертвые мѣшаютъ жить живымъ. Некогда и не къ чему разводить цвѣтники и парки, украшать жилища; не въ сторону радости бытія, красоты и веселья жизни направлена человѣческая мысль, и смерть цѣлыя столѣтія отравляетъ человѣческія души. Она, какъ зловѣщая птица съ черными крыльями, незримо витаетъ надъ людьми и окутала островъ тѣмъ темнымъ колоритомъ, однотоннымъ и однозвучнымъ; это она одѣла въ черное корсиканскихъ женщинъ, молодыхъ и старыхъ, дѣвушекъ и вдовъ.

Къ ихъ братьямъ и мужьямъ, отцамъ и сыновьямъ слишкомъ часто приходитъ легкая на ногу смерть Violente, слишкомъ часто приходится класть кровавый платокъ на свои шеи, и слишкомъ рѣдко является у нихъ желаніе смѣяться.

IV.

Корсиканская поэзія—vocerі, и поэты Корсики—женщины. Изъ двадцати четырехъ причитаній, приведенныхъ въ книгѣ Marcaggi, только одно приписывается монаху. Женщины по цѣлымъ ночамъ причитаютъ надъ мертвымъ, рвутъ на себѣ волосы, прощаются съ мертвымъ, шлютъ проклятія убійцамъ, перепѣваютъ старые мотивы и импровизируютъ новыя vocerі, а мужчины стоятъ кругомъ недвижимо, молчатъ и слушаютъ свирѣпые призывы къ мести и угрозы безчестія, которыя шлютъ имъ изступленныя женщины.

Онѣ, какъ древняя Кассандра, отзываются только на печальное, только темная смерть будитъ поэзію души ихъ. И не та простая, естественная смерть—тѣ vocerі нѣжны и скорбны, но часто условны и сантиментальны,—вдохновляетъ ихъ, поднимаетъ до высокой поэзіи той древней Кассандры, смерть Violente, злобная корсиканская смерть.

Для характеристики привожу это vocero полностью:

„Я хотѣла бы,—причитаетъ сестра надъ убитымъ братомъ своимъ, бандитомъ Канино,—чтобы голосъ мой гремѣлъ подобно грому, чтобы онъ могъ черезъ ущелье Сенъ-Пьера проникнуть до Виццавоны и всѣмъ разгласить про великую храбрость Галлони!

„Всѣ жители Лукко-ди-Нацци, всѣ собрались, стрѣлки соединились съ дикой толпой и бандитами, и вчера утромъ, въ бурю, всѣ ушли вмѣстѣ.

„Въ глубинѣ долины слышался ревъ вѣтра, злого вѣтра, что приносилъ изъ Гизони несчастье и ужасъ, и въ воздухѣ чудились разбои и измѣна.

„Они ушли внезапно, волки и ягнята, они ушли, сомкнувъ ряды подъ звуки волынки; и когда они дошли до вершины горы, ахъ! они перерѣзали тебѣ горло.

„Когда я услышала завыванія, я высунулась изъ окна и спросила: „Что новаго?"—Они убили твоего брата, они окружили его въ горномъ ущельи, они растерзали его!

„Напрасна была твоя храбрость, напрасны ножъ и кинжалъ, напрасны пистолетъ, талисманъ и освященная ладонка.

„Когда я вижу раны, печаль моя становится горче. Отчего ты не отвѣчаешь мнѣ? Не хватаетъ у тебя духу? О, Кани! любовь моя, ты поблѣднѣлъ.

„Въ странѣ Ноцца я хочу посадить черную колючую вѣтку, чтобъ никто изъ нашего племени не ходилъ туда,—такъ какъ ихъ было не двое, не трое, а пятеро противъ одного!

„Ты былъ широкоплечъ, узокъ въ поясѣ; не было тебѣ подоб-

наго, ты походилъ на цвѣтущую вѣтку, и теперь только память о тебѣ привязываетъ меня къ жизни.

„У подножья этого молодого каштана я постелю себѣ постель, такъ какъ здѣсь, о мой храбрый братъ, они поразили тебя въ самую грудь. Я сниму юбку, я вооружусь винтовкой и кинжаломъ.

„Я опояшу себя пороховницей, заткну за поясъ пистолетъ. О, Кани, моя любовь, я хочу отмстить за тебя"!..

— „Я размечу космы волосъ моихъ по плечамъ",—причитаетъ жена надъ тѣломъ мужа, убитаго бандитами,—я буду бѣгать по горамъ и долинамъ, преслѣдуя убійцъ, пока они не падутъ мертвыми подъ моими пулями *).

„Ахъ, если бы на мою долю выпалъ случай вырвать у нихъ сердце, какой доброй показалась бы мнѣ смерть, какъ горе мое стало бы сладко! Боже, прости меня, если я слишкомъ жестока!..

„А если бы я и не могла сама воздать имъ за тотъ вредъ, который они мнѣ нанесли,—скоро выростетъ мой мальчикъ Жанъ и отмститъ за кровь, какъ только ему минетъ двадцать лѣтъ.

„Окровавленная рубашка виситъ на пистолетѣ и не будетъ мыться она, пока не совершится кровная месть, пока не истребится проклятое племя".

„Твоя неутѣшная мать вскормила тебя, воспитала, — причитаетъ мать надъ трупомъ сына бандита,—а вчера она высосала кровь изъ твоихъ ранъ,—вотъ и все счастье, какое осталось ей отъ любимаго сына.

„О, моя гончая собака! ты былъ гордъ, какъ левъ! Ты бы не ограничился четырьмя убитыми, если бы у тебя были съ собой заряды: ты бы убилъ Матео, великаго вора.

„Гдѣ же отважный мой? Гдѣ мой богатырь? Ты еще ребенокъ, но ты бился за троихъ и, когда у тебя не хватило зарядовъ, ты самъ лишилъ себя жизни".

— „Что медлишь ты, Чокко-Акто? — кричитъ изступленная фурія. — Вырви внутренности у Purriommu и Mascarone! Брось ихъ тѣла птицамъ! Пусть стая вороновъ расклюетъ ихъ мясо и обнажитъ ихъ кости".

И много злобныхъ криковъ и призывовъ къ мести разсыпано въ причитаніяхъ, полно ими и vocero монаха, — только одна молодая вдова не зоветъ къ мести и не желаетъ рвать внутренности враговъ. Она молоденькая и нѣжная и прожила замужемъ только двадцать пять дней, и душа ея полна любовью и жалобой, только жалобой и любовью. Она называетъ мужа самымъ нѣжнымъ словомъ на Корсикѣ—братъ мой.

---

*) Это не пустая угроза. Извѣстенъ случай, когда мать, старая женщина, нѣсколько мѣсяцевъ съ ружьемъ въ рукахъ преслѣдовала бандитовъ, убившихъ ея сына, и держала ихъ въ осадѣ, пока не нашли ее убитой въ горахъ.

— „О, милый братъ мой, что вижу я сегодня утромъ? О, мой олень съ карей шерстью, о, мой соколъ, лишенный крыльевъ, я вижу тебя своими очами, я осязаю тебя своими руками! Я лобзаю твои раны, о, милый братъ мой!

„Ты былъ моей мраморной статуей, моимъ кораблемъ въ открытомъ морѣ! Ты былъ слаще меда, лучше хлѣба. . . . . .

„Ты былъ величавъ, какъ солнце, и великъ, какъ море.

„Я подошла къ твоей двери, но ты не встрѣтилъ меня ласково, ты не вышелъ на порогъ помочь мнѣ сойти съ лошади!

„Я не успѣла послать постели, я не замѣсила хлѣба, я только вчера вошла въ этотъ домъ, и сегодня должна уже выходить изъ него!

„Еще сегодня утромъ я украсила себя золотомъ, драгоцѣнными камнями и цвѣтами, но я должна снять ихъ, о, мой Жанъ! Наступаетъ время отъѣзда. Отнынѣ я всю жизнь буду одѣта въ черное съ головы до ногъ.

„Съ самой среды я ждала тебя, все глядѣла на дорогу, не ѣдешь-ли ты, и не думала я, что ты во власти убійцъ.

„Тебя боялись пуще огня, цѣнили дороже моря. Ахъ, если бы мой возлюбленный имѣлъ при себѣ оружіе, съ нимъ не случилось бы ничего дурного".

Единственное слово милосердія и прощенія я вычиталъ во всей книгѣ, въ причитаніи старухи надъ убитымъ врачомъ Маттео:

„Замолчите, сестры, перестаньте шумѣть!.. Не заставляйте людей истреблять другъ друга!.. Житейское море и безъ того уже бурно"...

И такимъ диссонансомъ звучитъ этотъ одинокій, старческій, кроткій и милосердный голосъ среди воплей мщенія и кровожадной ярости.

Есть и другіе образцы народной поэзіи, и отъ нихъ вѣетъ Корсикой.

Вотъ серенада юноши подъ окномъ его возлюбленной:

„Беатриче! Задумайся надъ моими жалобными стихами!

„Пять лѣтъ прошло, какъ я сталъ рабомъ твоимъ. Ты приворожила меня, ты свела меня съ ума.

„Я не могу больше разсуждать... А я слышу, какъ говорятъ, что у тебя есть другіе поклонники.

„Нѣтъ, не могу я вѣрить, чтобы ты любила кого другого. Тигрица и та сжалилась бы надо мной, мое сокровище! Ты не можешь съ спокойной совѣстью ограбить меня и отдать свою любовь другимъ.

„Если вы хотите мира, о, милые влюбленные, говорю вамъ, не дразните спящую собаку *). Кто хочетъ жать, тотъ пусть и сѣетъ,

---

*) Корсиканская пословица.

„Я не шучу по пусту, всякій понимаетъ меня. Прочь же, злые кони!

„Ты знаешь, что я обожаю тебя, и нѣтъ у меня на землѣ другого желанья. Но, если ты покинешь меня, моя милая, я знаю, что кто-то поплатится за это. Я хочу тебя мертвой, божество мое, если не могу обладать тобой живою!

„Одно меня утѣшаетъ, и я хвалюсь этимъ въ этой пѣснѣ: твоя брачная комната будетъ горѣть яркимъ пламенемъ, и твое счастье будетъ соткано изъ слезъ. Я покину родную землю, но я сдѣлаюсь бандитомъ.

„Если я рѣшусь на это, никто не будетъ спокойно проходить по дорогѣ... Пусть никто не выходитъ изъ дому! Всякій день утромъ и вечеромъ будетъ слышенъ плачъ и похоронный звонъ.

„Итакъ, милая и дорогая, будь счастлива и поступай благоразумно. Поступай такъ, чтобы не столкнуть меня въ пропасть".

Беатриче не была благоразумна и столнула его въ пропасть. Она погасила лампу въ своей комнатѣ, гнѣвно захлопнула окно и осмѣяла его. Вскорѣ онъ встрѣтилъ ее на площади и, поваливши на землю, кинжаломъ отрѣзалъ волосы, а самъ убѣжалъ въ горы и сдѣлался жестокимъ бандитомъ.

Вотъ колыбельная пѣсня, коротенькая, въ три строфы. Бабушка поетъ надъ внучкомъ:

„Когда ты будешь юношей, ты станешь носить оружіе, и ни стрѣлки, ни жандармы не испугаютъ тебя, а если тебя разгнѣваютъ, изъ тебя выйдетъ славный бандитъ.

„Всѣ предки твои были славны; они были ловки, сильны, кровожадны и смѣлы.

„Пятнадцать изъ нихъ повѣсили на площади. Это все были молодцы, цвѣтъ нашего племени. Быть можетъ, тебѣ, о, Сантони, выпало на долю совершить за нихъ кровную месть".

И опять таки во всей книгѣ я встрѣтилъ только одну колыбельную пѣсню, нѣжную и свѣтлую, не пахнущую кровью, не омраченную темнымъ крыломъ смерти,—пѣснь матери надъ ея дѣвочкой.

„Нинетта, милочка, Нинетта, надежда моя,—ты моя лодочка, что тихо колышется на волнахъ и не боится ни грозъ, ни бурь на морѣ.

Засни на минуточку, баюшки-баю!

„Она нагружена жемчугомъ и золотомъ, разными товарами и тканями, паруса у ней изъ заморскаго глазета, руль изъ чистаго золота, украшенъ рѣзьбой.

Засни на минуточку, баюшки-баю!

„Когда ты явилась на свѣтъ, тебя окрестили. Луна была крестной матерью, солнце крестнымъ отцомъ, всѣ звѣзды на небѣ на-

дѣли золотыя ожерелья, воздухъ сталъ прозраченъ, все заблистало вокругъ. Семь планетъ и тѣ принесли тебѣ дары, и восемь дней къ ряду пировали всѣ пастухи.

Засни на минуточку, баюшки-баю!

„Слышались отовсюду только веселые звуки, вездѣ плясали,— въ долинѣ Кошіоне и во всей округѣ И Бакконера и Фолькони (собаки) обѣ радовались по своему.

Засни на минуточку, баюшки-баю!

„Когда ты подростешь, ты пройдешь по долинамъ, дикія травы превратятся въ цвѣты, масло потечетъ изъ фонтановъ, и вода въ морѣ превратится въ драгоцѣнный бальзамъ.

Засни на минуточку, баюшки-баю!

„Всѣ наши горы покроются стадами. Олени и дикіе бараны будутъ тучными и ручными, а лисицы и хищныя птицы убѣгутъ изъ нашихъ мѣстъ.

Засни на минуточку, баюшки-баю!

„Ты моя пахучая травка, ты тминъ, что ростетъ на Бавеллѣ и на Кошіоне. Ты дикій жасминъ, на которомъ пасутся дикіе бараны. Ты пожирательница сердецъ дѣда и бабки.

Засни на минуточку, баюшки-баю!

V.

«Помни и отомсти!..»

Онъ будетъ помнить и отмститъ,—этотъ шестилѣтній мальчикъ, которому годъ назадъ въ это самое время, какъ пишу я эти строки, повязали на шею смоченный въ крови отца платокъ. Платокъ снимутъ, но окровавленная рубашка отца будетъ висѣть на ружьѣ и не будетъ мыться, пока этотъ мальчикъ не отмоетъ ее кровью другого человѣка. Онъ будетъ смотрѣть на эти кровавыя пятна рубашки отца и день, и ночь, и дѣтство, и юность, и будетъ помнить, что онъ обязанъ смыть кровь съ рубашки отца. Онъ корсиканецъ, но онъ ребенокъ, мальчикъ, юноша, ему захочется играть, смѣяться, веселиться, спѣть пѣсню, а кровавое пятно будетъ висѣть надъ его душой, и его мать, его сестра будутъ пѣть свои мстительныя пѣсни надъ другими мертвыми и будутъ напоминать ему о кровавомъ платкѣ на его шеѣ.

Онъ можетъ родиться слабымъ и нѣжнымъ, безъ злобы въ душѣ, у него можетъ не оказаться ни силы, ни желанія мстить, но мертвые предки заложили въ его душу неизсякаемыя залежи

злобы и мести, и онѣ проснутся когда нибудь. У Мопассана есть разсказъ о такомъ корсиканскомъ мальчикѣ, болѣзненномъ и робкомъ, который отказался мстить за отца—отказался, не смотря на вѣчные уговоры сестры, на требованія не разъ собиравшагося семейнаго совѣта. Онъ выросъ и жилъ одинокій, презираемый всѣми, безъ мысли о мщеніи. И вотъ однажды онъ увидѣлъ, какъ мимо его оконъ шелъ съ невѣстой вѣнчаться въ церковь убійца его отца. Тогда, безъ мысли, повинуясь чему-то, что лежало въ глубинѣ души и было сильнѣе его воли и мысли, онъ схватилъ ружье отца, убѣжалъ въ лѣсъ и, дождавшись возвращенія врага изъ церкви, вышелъ на дорогу и со словами: „Теперь пора!“—въ упоръ застрѣлилъ новобрачнаго. Съ того дня онъ сдѣлался жестокимъ бандитомъ.

Тотъ шестилѣтній мальчикъ будетъ помнить,—ему напомнятъ... И месть не будетъ только священнымъ долгомъ передъ отцомъ, она будетъ элементарной корсиканской порядочностью, хорошимъ корсиканскимъ *поведеніемъ*,—иначе общественное мнѣніе покроетъ его позоромъ и съ негодованіемъ отвернется дѣвушка, которая его полюбитъ. Къ двадцати годамъ (повидимому, совершеннолѣтіе для вендетты) онъ будетъ готовиться дѣлать вендетту, начинать войну. Это будетъ война, такъ какъ тотъ или, вѣрнѣе, тѣ, которымъ онъ будетъ дѣлать вендетту, знаютъ и ждутъ и въ тѣсной деревенской жизни, которой они живутъ бокъ о бокъ съ нимъ, изучаютъ его, принимаютъ свои мѣры, избѣгаютъ опаснаго момента. У него нѣтъ недостатка въ учителяхъ, за нимъ опытъ прошлаго, исторія, онъ выбираетъ моментъ и... дѣлается бандитомъ.

Теперь начинается настоящая война съ ея моралью, вѣрнѣе, съ ея логикой, война на два фланга—съ жандармами и съ тѣми, которые будутъ дѣлать вендетту. Ему нужно хорониться, нужно имѣть своихъ гидовъ, которые доставляли бы ему пищу и свѣдѣнія о намѣреніяхъ враговъ, нужно знать сыскъ и противъ сыска враговъ устроить свой сыскъ, заключать перемирія и нарушать ихъ, хорониться, какъ волкъ, за которымъ гонятся собаки, и быть готовымъ, какъ волкъ, хватать за горло собакъ... И все время имѣть напряженные нервы стоящаго на дощечкѣ надъ пропастью человѣка, быть равнодушнымъ къ крови и страданіямъ, равнодушнымъ къ смерти, которая смотритъ ему въ лицо изъ-за каждаго куста, изъ-за каждаго камня.

А вѣдь это весь корсиканскій народъ! Раньше, послѣ совершеннаго однимъ изъ членовъ рода убійства, весь родъ, всѣ родственники брались за оружіе, такъ какъ всѣ они дѣлались объектами вендетты. И теперь не можетъ чувствовать себя въ безопасности ничѣмъ неповинный учитель математики бастіанской гимназіи, и теперь въ отравѣ лжи, измѣны, предательства, злобы, жажды крови и... равнодушія къ крови и смерти воспитываются корсиканскія души.

Это ужасно! Ужасно рабство и, если взять его въ широкомъ масштабѣ, быть можетъ, главный ужасъ его будетъ не въ томъ горѣ и страданіяхъ, которыя переноситъ народъ въ рабствѣ, а въ той отравѣ, которая постепенно—и чѣмъ дольше и сильнѣе рабство, тѣмъ глубже—проникаетъ въ рабій народъ,—отрава души его, постепенное наростаніе и глубокое проникновеніе рабьей мысли, рабьихъ чувствъ.

Кончилось рабство, кончились горе и страданія, связанныя съ нимъ, а рабья душа—все рабья, и дѣти и внуки рабовъ такъ безконечно медленно освобождаются отъ рабьей отравы.

Давно кончились гражданскія войны на островѣ. Никогда не знавшій рабства, народъ теперь полноправный гражданинъ Франціи, посылаетъ депутатовъ, вотируетъ законы; давно у него печать, свободное слово, лицеи и школы, и судъ страны—ихъ собственный судъ... А трупный ядъ все не выходитъ изъ корсиканской души, и вендетта все дѣлаетъ свое мертвое дѣло.

Мертвое дѣло... То, что было раньше родовой самообороной и въ безсудное время корсиканской жизни—высшей инстанціей, въ чемъ былъ смыслъ жизни и, въ мѣру того смысла, нравственность и законность, что было живымъ необходимымъ дѣломъ, гдѣ жестокость была необходимой жестокостью,—то теперь сдѣлалось беззаконнымъ, безсмысленнымъ и безнравственнымъ, лишней жестокостью, лишнимъ дѣломъ, мертвымъ дѣломъ.

И рядомъ, всего въ одиннадцатичасахъ пути,—Франція, Европа, другая жизнь. Тамъ тоже есть своя Корсика, есть лишнее, мертвое и ненужно жестокое, есть утѣсненіе человѣкомъ человѣка, есть дуэли и войны, съ ихъ логикой и моралью, есть этика французскаго генеральнаго штаба, нѣмецкаго желѣзнаго кулака, есть всякаго рода кишиневскія этики. Старые трупы еще не сгнили, и все это мертвое и отживающее, какъ глыбы древнихъ термъ, вкрапленныя въ новыя зданія Рима, живетъ рядомъ съ новымъ, живымъ, не смѣшиваясь, образуя то черезполосное владѣніе, которое представляетъ изъ себя современная культурная человѣческая душа. Но тамъ жизнь расширилась, разлилась, какъ море, становится все сложнѣй и тоньше, и неуклонно идетъ въ сторону свѣта, правды и любви, отметая старое, гнилое, ненужное, распускаясь новыми яркими побѣгами. А тысячелѣтнее слово вендетта и по сіе время такъ-же громко и властно звучитъ на островѣ, и по сіе время корсиканецъ все бьется въ темныхъ ущельяхъ своего темнаго острова, въ кривыхъ закоулкахъ дѣдовскихъ завѣтовъ—великій и жестокій, герой и предатель, молчаливый, суровый, безъ красокъ жизни, безъ радости въ сердцѣ.

Ярмо натираетъ шею и сгибаетъ спину. Жизнь можетъ снять ярмо, упразднить извѣстный строй жизни, но строй души, строй мысли и чувства долго продолжаетъ жить, и медленно разгибается согнутая спина. Жизнь упраздняетъ рабство, но выработанная

рабствомъ техника остается, и долго народъ будетъ поставлять спеціалистовъ по рабству, лакеевъ, не имѣющихъ своей воли и своей чести и знающихъ только барскую волю и барскую честь, вѣрныхъ слугъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Корсиканская жизнь выработала другую технику и даетъ другихъ спеціалистовъ. Она не дала ни одного крупнаго поэта, мыслителя, ученаго, но она дала много знаменитыхъ генераловъ, начиная съ того огромнаго корсиканскаго человѣка—Наполеона, въ которомъ такъ много Корсики и котораго такъ много на Корсикѣ, дала ловкихъ дипломатовъ, и мой знакомый, прекрасно знающій современную Корсику, сообщилъ мнѣ, что огромное количество французскихъ жандармовъ, полицейскихъ и сыщиковъ рекрутируется изъ Корсики и, между прочимъ, этими корсиканцами полонъ Парижъ.

Жизнь упраздняетъ дѣло, но долго утилизируетъ выработанную имъ технику, иногда зло и каррикатурно утилизируетъ. Большіе и малые корсиканскіе Наполеоны идутъ въ жандармы и сыщики, наши кавказскіе Амалатъ-Беки нанимаются въ лѣсные сторожа и объѣздчики южно-русскихъ имѣній, а дагомейскимъ амазонкамъ и „Дикой Америкѣ“ только и осталось на свѣтѣ упражняться въ берлинскомъ циркѣ и на московскомъ Ходынскомъ полѣ.

VI.

А островъ такъ прекрасенъ. Ослѣпительно красивъ снѣгъ на высокихъ горахъ, голубая вода горныхъ источниковъ такъ чиста и прозрачна, и широко раскрывается грудь, глотая чистый воздухъ горъ и сосновыхъ лѣсовъ. Въ Ниццѣ было холодно, а въ Бастіи тепло. То, что въ Ниццѣ только что распускалось, въ Бастіи цвѣло, и лучше, чѣмъ въ Ниццѣ, растутъ дикія южныя растенія.

Островъ такъ уютенъ, такъ хорошо лежитъ. На перепутьи Франціи, Испаніи и Африки, окруженный моремъ, съ тихими плодородными долинами, съ кристальными ручьями, чистымъ цѣломудреннымъ воздухомъ, льющимся съ широкаго моря, съ высокихъ вѣчно снѣжныхъ горъ, островъ уготованъ природой, какъ мѣсто дружескаго свиданія народовъ Средиземнаго моря, какъ мѣсто отдыха и успокоенія для тѣхъ, чья грудь надышалась испорченнымъ воздухомъ, чья душа измучилась отъ грохота и сутолоки большихъ людныхъ улицъ, отъ напряженной жизни большихъ городовъ.

На островѣ живутъ люди, о которыхъ еще древній римскій писатель сказалъ, что они не переносятъ жизни въ рабствѣ, что они не умѣютъ быть рабами, народъ, цѣлыя столѣтія бившійся и лившій кровь за независимость и честь своего человѣческаго я, героизма котораго, какъ и пролитой крови, хватило бы на огром-

ный народъ. У него есть все, чтобы сдѣлаться великимъ народомъ и давать міру не однихъ Наполеоновъ, не однихъ людей разрушенія, но и великихъ дѣятелей въ области духа и благоустройства жизни живыхъ людей,—у него есть умъ, гордая воля, великій гнѣвъ и великая поэзія, великая и святая готовность умирать за то, что ему дорого и важно; въ душѣ его много поэзіи, суровой и нѣжной, древней, какъ скалы, поэзіи сагъ и псалмовъ.

Въ душѣ его узко, тѣсно и темно, появится—оно идетъ уже—просвѣщеніе и разсѣетъ застоявшуюся душную атмосферу Корсики, откроетъ широкіе горизонты міровой жизни, согрѣетъ и просвѣтитъ... И то, что лежало въ душѣ народа, задавленное жестокими завѣтами предковъ, темнымъ холодомъ смерти, проснется и дастъ ростки и развернется во всю красоту, ширь и мощь человѣческаго духа.

И именно просвѣщеніе женщины. Люди, которые, говоря „будущее человѣчество", разумѣютъ только мужчинъ, не понимаютъ, какой огромный человѣческій вопросъ, вопросъ будущаго человѣчества,—есть такъ называемый женскій вопросъ, какъ много и какіе огромные человѣческіе вопросы ждутъ рѣшенія отъ женщины,—отъ женщины, которая всегда была жрицей огня домашняго очага, которая грудью кормитъ своего ребенка, поетъ ему первыя пѣсни и сказываетъ первыя сказки жизни, которая такъ блюдетъ обычай, такъ стережетъ поведеніе.

Это сдѣлаетъ „Нинетта, надежда моя". Она сброситъ бремя, которое виситъ надъ душой католической женщины, она откажется надѣвать черныя корсиканскія одежды, ея душа будетъ полна красотою и мощью человѣческаго духа, свѣтомъ и радостью жизни, тепломъ милосердія, и она скажетъ: „сестры, замолчите и не заставляйте мужчинъ истреблять другъ друга! Житейское море и безъ того бурно". И когда она выроститъ, все заблещетъ вокругъ, и будутъ слышатся только веселые звуки въ долинѣ Кошіоне и во всей округѣ. И „дикія травы превратятся въ цвѣты", „масло потечетъ изъ фонтановъ", и темная зловѣщая птица, мстящая смерть, улетитъ съ прекраснаго острова.

Такъ и будетъ. Такъ не можетъ не быть.

VII.

Пароходъ уходитъ въ 10 час. вечера.

Снова шли мы темными, узкими улицами пустыннаго, словно вымершаго города. Тѣ же одинокіе желтые огоньки тускло свѣтились на мысу, медленно качался черный силуетъ нашего „Insulaire", тяжело и глухо скрипѣлъ канатъ, угрюмо бились вдали

волны о молъ, и такъ же, сдержаннымъ полушепотомъ переговаривались уѣзжавшіе и провожавшіе люди.

Буря разыгрывалась. Пассажиры, тотчасъ по выходѣ въ море, скрылись въ свои каюты, матросы пробирались ползкомъ, хватаясь за тюки. Бѣжали сѣдыя темныя волны; бѣжали низко надъ моремъ, лохматыя, какъ птицы съ темными крыльями, облака; бѣжалъ блѣдный двурогій мѣсяцъ, ураганъ свистѣлъ по пустой палубѣ. Спускалась ночь, было мрачно и дико кругомъ. Дикій и безлюдный долго тянулся предо мной сумрачный гористый берегъ, не видно было огоньковъ деревень и городовъ, только одинокій красный огонь пламенѣлъ на темной горѣ, высоко надъ землей, потухая и вспыхивая... Казалось, изъ глубины острова сквозь гору гнѣвно смотрѣлъ на насъ чей-то кровавый глазъ.

И когда островъ скрылся,—не знаю почему—предо мной вдругъ всталъ образъ Наполеона, этого великаго темнаго корсиканскаго сверхъ-человѣка, и подошелъ ближе и сталъ понятнѣе мнѣ близкимъ и совершенно новымъ пониманіемъ.

То былъ совсѣмъ не сверхъ-человѣкъ, а просто корсиканецъ и только корсиканецъ...

Я никогда не испытывалъ, если не считать переѣзда черезъ русскую границу, такого страннаго ощущенія, какъ на другое утро, когда я сходилъ на набережную Ниццы. Мнѣ показалось странно свѣтло въ Ниццѣ, странно шумно и людно, казалось, что я ѣхалъ не одиннадцать часовъ, а безконечно долго изъ страны, лежащей безконечно далеко, что я былъ въ жизни давно умершей, про которую я давно, страшно давно читалъ въ какихъ-то сказаніяхъ, легендахъ, сагахъ,—что я былъ въ другой части свѣта.

С. Елпатьевскій.

СОТРУДНИЦА.

Романъ *Люсьена Мюльфельда.*

Переводъ съ французскаго В. Кошевичъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Передъ обѣдомъ, на легкомъ ломберномъ столикѣ, служившемъ ей письменнымъ столомъ, Женевьева кончала работу. Она гордилась тѣмъ, что ей выпало на долю переписать рукопись, излагавшую результаты десятилѣтнихъ клиническихъ наблюденій, опытовъ, произведенныхъ со смѣлостью, но провѣренныхъ путемъ строжайшей критики, которая безстрашно проводила грань между областью, уже завоеванной наукой, и темными дебрями спорныхъ вопросовъ. Она чувствовала то физическое удовольствіе, какое испытываешь по окончаніи тяжелаго труда, и, кромѣ того, у нея возникла мысль, которую она желала внушить мужу. Работа была озаглавлена: „О методахъ врачеванія и случаяхъ излѣченія туберкулеза". Женевьева хотѣла предложить: „Объ излѣчимости чахотки"— заглавіе болѣе яркое и явилось бы оптимистическимъ откликомъ на знаменитую статью: „Чахотка истребительница"

— Да,—согласился Телье, и голосъ его звучалъ глухо,— чахотка излѣчима... Это весьма возможно... Кто знаетъ, не можетъ ли она даже поддаваться гигіенѣ?

— Что это съ тобою?

— Мнѣ нужно вписать сюда еще наблюденіе, но основанное не на случаѣ выздоровленія.

— Неужели паціентка Башелена?...

— Да.

— Когда?

— Сегодня...

— Ахъ!..

Уже почти мѣсяцъ Телье бывалъ на Константинопольской каждый день и даже приглашалъ туда своего наставника для консультаціи. Такъ какъ визиты его къ какой-то незнакомкѣ могли показаться странными Женевьевѣ, то онъ уговорилъ профессора, чтобы тотъ попросилъ его заняться этою больною въ видѣ личнаго для себя одолженія. Башеленъ исполнилъ просьбу отъ чистаго сердца и безо всякихъ заднихъ мыслей: въ его глазахъ профессіональный долгъ требовалъ скромности всегда и во всемъ, обязывая не только ничего не разглашать, но даже оставаться въ невѣдѣніи того, чего вамъ не сообщаютъ.

Телье схватилъ карточку и нацарапалъ возраженіе противъ лѣченія дигиталисомъ, которое недавно было рекомендовано однимъ профессоромъ изъ Бухареста и къ которому Башеленъ посовѣтовалъ ему прибѣгнуть въ предсмертный часъ, когда, если оно не поможетъ, то увы! и не повредитъ!..

— Можетъ быть, въ Румыніи этотъ ядъ и полезенъ!..

Альберъ обернулся къ женѣ и съ горькимъ разочарованіемъ сказалъ:

— Я долженъ тебѣ признаться, что мы не знаемъ ничего, рѣшительно ничего...

Женевьевѣ знакомы были такіе дни унынія. Она предпочитала ихъ днямъ самоувѣренности.

— Вы не всевѣдущи, но знаете многое и каждый день узнаете все больше. Я только что переписывала выводы твоей книги: развѣ ваши успѣхи за послѣдніе двадцать лѣтъ не изумительны?..

Она продолжала говорить... Но мысли врача уже унеслись въ небольшую квартирку, гдѣ двѣ монахини читали надъ худенькимъ трупомъ, который осыпала розами расточительная въ своемъ искреннемъ горѣ „Манечка". Телье казалось, будто онъ слышитъ еще результаты недавнихъ выслушиваній: пустота смертоносныхъ кавернъ, учащенное „амфорическое" дыханіе; передъ внутреннимъ его взоромъ еще рисовалась послѣдняя улыбка на худомъ лицѣ, уже посинѣвшемъ три дня назадъ... Потомъ больная подняла къ потолку свои большіе глаза, выражавшіе безпредѣльную муку. На другой день, когда предполагалось, что опасность миновала, возникло осложненіе... Потомъ двухдневный бредъ, оцѣпенѣлость, сонливость и, наконецъ, беззвучное удушье...

Онъ съ мягкостью прервалъ оптимистическія рѣчи Женевьевы, протянувъ ей объемистую рукопись.

— Вотъ, возьми, перелистай, и найди, если можешь, объясненіе, почему чахотка вдругъ переходитъ въ менингитъ. Мы наблюдаемъ это весьма внимательно, потому что мы очень трудолюбивы и много знаемъ; но больному, который погибаетъ,

эти наши достоинства приносятъ весьма мало утѣшенія. Клянусь, что на лицахъ нѣсколькихъ больныхъ, близкихъ къ смерти, я подмѣтилъ гримасу покорности и ироніи по адресу нашей науки, неосновательной, бредущей ощупью, лживой, ищущей лѣкарства противъ страданій, которыя даже она не умѣетъ опредѣлить, или съ изящнѣйшею точностью она опредѣляетъ такія болѣзни, которыя не можетъ вылѣчить...

Телье обобщалъ свою грусть, навѣянную воспоминаніями о несчастной дѣвушкѣ, которая была ему близка. Благодаря этому пріему, являвшемуся ложью лишь отчасти, онъ могъ безъ стѣсненія изливаться передъ женою въ жалобахъ на то, что ему не удалось спасти больную: онъ уже едва отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что эта больная играла роль въ его личной жизни и даже побудила нарушить супружескую вѣрность. Впрочемъ, за послѣдніе мѣсяцы, вслѣдствіе усиленія ея болѣзни, его привязывала къ бѣдняжкѣ чисто отеческая нѣжность. Теперь онъ вспоминалъ лишь свои заботы о ней а все прочее какъ будто не существовало никогда. Безспорно, въ эту минуту онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго удовольствія отъ того, что эта смерть избавила его отъ возможности обнаруженія связи, отъ супружескаго разрыва или, по крайней мѣрѣ, отъ довольно крупныхъ непріятностей! Но, въ силу инстинктивнаго эгоизма, онъ безсознательно радовался своему освобожденію въ то самое время, какъ, по душевной мягкости, искренно имъ огорчался. Онъ сталъ многорѣчиво сѣтовать на безсиліе своей науки. Скептическія фразы нанизывались одна на другую. Въ сущности, эти сѣтованія и жалобы имѣли въ себѣ и нѣчто пріятное. Но этотъ, едва сознанный, оттѣнокъ удовольствія не подмѣчался Женевьевой, и эти научныя и серьезныя признанія льстили ей, и она была счастлива, что ее считаютъ достойною выслушивать изліянія столь возвышенной скорби. Оба растрогались. Телье, поощряемый сочувствіемъ, заходилъ все дальше въ своемъ отрицаніи.

— Слѣдуетъ болѣе точно согласовать наши поступки съ убѣжденіями. Нечего играть комедію... Во-первыхъ, я совершенно передамъ Антенскую амбулаторію маленькому Деэ... Онъ ею интересуется, а у меня нѣтъ не только времени, но и охоты заниматься ею, какъ прежде... Милая Женевьева, скажу тебѣ между нами, что мы, кажется, спасали тамъ только тѣхъ, кто вылѣчился бы и безъ насъ. Остальныхъ мы, можетъ быть, немного „протянули"... Жалкій успѣхъ! Примѣръ: дѣвушка умираетъ отъ чахотки. Потому ли, что ее не лѣчили тѣмъ или инымъ снадобьемъ? Нѣтъ,— потому, что въ годы своего развитія она питалась колбасой, жила въ вонючихъ закоулкахъ, работала стоя въ магазинахъ... Что же для нея дѣлаютъ въ амбулаторіи? Пичкаютъ глице-

рофосфатами, надѣляютъ эликсирами, которыми въ такомъ количествѣ снабжаютъ насъ, подъ видомъ образцовъ, аптекаря, великодушничающіе не безъ разсчета; мы же такъ щедры, что прибавляемъ къ этому бутылку бордо и пятифранковикъ. Это похоже на насмѣшку.

— Какъ ты несправедливъ къ себѣ! Ты будто забываешь о тѣхъ наблюденіяхъ, которыя, слава Богу, всѣ занесены въ эту книгу; забываешь о больныхъ, излѣченныхъ однимъ только строгимъ режимомъ, покоемъ, обильнымъ питаніемъ, свѣжимъ воздухомъ...

— Не отрицаю... Но и не хвалюсь этимъ... Потому что, если такъ, то медицина оказывается искусствомъ излѣчивать людей богатыхъ и праздныхъ. Для остальныхъ же это—составленный какъ бы ради издѣвательства перечень средствъ, которыми можно было бы имъ помочь, будь у нихъ время и капиталы. Когда я былъ ординаторомъ, то на пріемъ приходили иногда прачки съ руками въ экземѣ; профессоръ прописывалъ имъ мазь и прибавлялъ: „Надо бы вамъ не слишкомъ мочить руки!..“ Еще бы! Но прачки стираютъ не въ перчаткахъ... Вчера я встрѣтился съ Кобалетомъ, который защищалъ диссертацію въ Лиллѣ. Онъ повторилъ мнѣ еще разъ, что чахотка не переводится въ ткацкихъ мастерскихъ, гдѣ воздухъ весь насыщенъ пылью... Но можетъ ли онъ предписать ткачу, легкія котораго въ опасности, чтобы тотъ бѣжалъ отъ этой пыли? Во-первыхъ, паціентъ потребуетъ возмѣщенія тѣхъ шести франковъ въ день, которыхъ болѣе гигіеничная жизнь лишитъ его; а, во-вторыхъ, намъ нужны матеріи... Такъ какъ же?

Г-жа Телье замѣтила, что Кобалѐ разсуждаетъ на демократическій ладъ, какъ Тиріонъ.

— Ничуть!—возразилъ Телье.—Тиріонъ претендуетъ на богатыхъ за то, что у нихъ есть возможность излѣчиться; а мы съ Кобалѐ, напротивъ, хотѣли бы дать эту возможность всѣмъ. Тутъ нѣтъ ничего демагогическаго. Мнѣ нѣтъ дѣла до соціальныхъ вопросовъ; но я говорю, что предписываемая нами гигіена встрѣчаетъ слишкомъ много препятствій въ разнаго рода силахъ, обычаяхъ, установленіяхъ,—ну, даже въ инертности домовладѣльцевъ или въ могуществѣ большихъ магазиновъ. Мы безоружны. Изучай я болѣзни, происходящія отъ излишка въ питаніи, какова подагра, я не встрѣтилъ бы такихъ затрудненій. Но чахотка—продуктъ нищеты... Существуютъ болѣзни простонародья, болѣзни рабочихъ. На недѣлѣ я заглянулъ въ наборную „Эпохи“ и не увидалъ ни одного сѣдого наборщика: типографскій свинецъ убиваетъ человѣка ранѣе пятидесяти лѣтъ. Слѣдуетъ ли поэтому закрыть типографіи? Ни въ какомъ случаѣ! Только

будемъ откровенны и бросимъ лицемѣріе тщетныхъ предосторожностей. Зачѣмъ нужна коммиссія оздоровленія жилищъ, когда профессіи, полезныя обществу и даже необходимыя. но убійственныя для рабочихъ, не могутъ быть воспрещены? Сверхъ того, мы обязаны бы указать этой коммиссіи на четвертую часть всего числа домовъ, населенныхъ рабочими! Большая часть изъ нихъ являются очагами семейнаго зараженія. Только сосѣдство больницъ я считаю еще болѣе опаснымъ. А наше больничное пользованіе чахоточныхъ вызоветъ со временемъ только смѣхъ...

— Но ты ускоряешь наступленіе этого времени, ратуя въ своей книгѣ противъ безсмысленной рутины. Не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ чахоточныхъ перестанутъ держать въ общихъ палатахъ...

— Хочу этому вѣрить... Они перестанутъ заражать сосѣдей; но самихъ-то ихъ какъ будутъ лѣчить? Послѣ меня, маленькій Деэ начнетъ щедро расточать имъ инъекціи, соматозу, слова участія; а дастъ ли онъ имъ воздухъ, чистый, возобновляющійся, не испорченный чужими легкими?

Энергія не покидала Женевьеву; она опровергала всѣ возраженія такими доводами, которые собесѣднику пріятно было выслушивать.

— Чистый воздухъ и гигіеническій режимъ будутъ даны имъ тобою въ той идеальной санаторіи, проектъ и планъ которой ты сюда включилъ. Чтобы твоя мечта стала дѣйствительностью, необходимы деньги; но деньги будутъ. Не надо только терять бодрости, вѣры...

Непредумышленно, изъ досады на свою неточную и неполную науку, Телье прикрылъ свою тайную печаль маскою профессіональнаго разочарованія; но теперь его уже успѣла утомить ученая бесѣда, черезчуръ длинная и безполезная, такъ какъ она велась съ женщиною.

— О чемъ ты задумался? Ты не отвѣчаешь?

Онъ подхватилъ послѣднее произнесенное ею слово:

— Да если вѣра-то поколеблена?

Живо и настойчиво г-жа Телье стала возражать. Онъ шутитъ! Какое право имѣетъ онъ сомнѣваться, имѣя уже въ виду осязательные результаты? Именно потому, что онъ усвоилъ въ полномъ объемѣ всю врачебную науку, ему приходится касаться ея предѣловъ. Супружеская переоцѣнка внушила Женевьевѣ продолженіе этой метафоры.

— Да, ты наталкиваешься на эти предѣлы, но тѣмъ самымъ ты ихъ раздвигаешь...

Въ пылу усердія, утѣшительница очень мало преувеличивала свои восторги. Презирая людей самодовольныхъ, она болѣе всего любила колебанія сильнаго ума. Они были ей

особенно милы въ этотъ вечеръ, такъ какъ изливались передъ нею, и призывалась на помощь она. Для Женевьевы было наслажденіемъ чувствовать себя нужною Альберу. Она знала за собою безпредѣльную способность ободрять его въ тѣ дни, когда его духъ томился апатіей и сомнѣніями... Она по интуиціи примѣняла наилучшее средство: восхищалась мужемъ громко, продолжительно, безостановочно, неутомимо...

Вскорѣ музыка похвалъ защекотала самолюбіе врача. Послѣ волненій этого дня, онъ съ удовольствіемъ предался той умственной дремотѣ, въ какую погружался, слушая лесть. Душа его уподобилась мурлыкающей кошкѣ, счастливой въ этой уютной комнатѣ. Альберу не захотѣлось выходить изъ этого состоянія. Была среда, день опернаго абонемента; но съ супругами Брутè, которымъ послана была ложа, не стоило церемониться; развѣ они не могли прослушать „Фауста" одни? Это намѣреніе провести вечеръ дома, по семейному, въ бесѣдѣ и чтеніи, привело Женевьеву въ восторгъ. Не въ этомъ ли заключалась цѣль всего ея честолюбія, хотя ее и считали честолюбивой? Вдвоемъ думать заодно, вдвоемъ чувствовать заодно! Она благодарна была тому разочарованію въ наукѣ, которое, наведя на Альбера сомнѣнія и меланхолію, полнѣе отдало его ей. Мунута супружескаго счастья сдѣлала Женевьеву даже красивѣе...

Время отъ времени Альберъ еще возвращался къ своимъ сѣтованіямъ, чтобы слышать въ отвѣтъ ея остроумную и веселую похвалу, которая вызывала улыбку на его добрыхъ негритянскихъ губахъ. Когда она опровергла всѣ ученыя недоумѣнія, которыми онъ замаскировалъ свое любовное горе, то оказалось, что вмѣстѣ съ ними разсѣялась и сердечная тоска. Даже ухаживанья Женевьевы не вызывали въ немъ обычнаго раздраженія, такъ какъ усердно расточаемыя ею утѣшенія относились къ скорби, причину которой онъ скрылъ, доставивъ себѣ безопасное наслажденіе хранить грустную тайну. Вскорѣ они весело принялись за окончательный просмотръ рукописи. Конецъ вечера оставилъ въ нихъ обоихъ рѣдко пріятное впечатлѣніе, въ сущности потому только, что гдѣ-то, въ томъ же городѣ, жалкое существо, бывшее или не бывшее любимымъ, лежало, соперничая бѣлизною съ розами, и надъ нимъ молились двѣ монахини да рыдала проститутка, которая, ради такого случая, на этотъ разъ не пошла по своимъ дѣламъ...

II.

Дѣвица Маргарита Эсландъ изъ Комической оперы стала невѣстою г-на Бенуа-Барбé. Г. Бенуа-Барбе былъ уже не молодъ. Его довольно почтенный возрастъ возвышалъ дѣвицу Эсландъ въ общественномъ мнѣніи, придавая ихъ связи характеръ солидности, незыблемости, постоянства.

Идя къ цѣли медленно, но увѣренно, она сумѣла сдѣлать свою изящную особу необходимою для неуклюжаго коммерсанта. Вліяя на него обаяніемъ своего званія актрисы и своимъ шикомъ, она добилась, благодаря связи съ нимъ, завиднаго мѣста въ обществѣ, которое преклоняется передъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, близость съ богатымъ Бенуа-Барбе выдвигала пѣвицу изъ ряда ей подобныхъ, а съ другой—ея парижскій шикъ окончательно покорилъ торговца консервами.

Эти консервы и торговля ими были довольно противны Маргаритѣ Эсландъ, потому что сатирическія листки поздравляли ее „съ удачнымъ консервированіемъ“ или высмѣивали въ нѣсколько тяжеловѣсныхъ пародіяхъ:

„Въ Монружѣ былъ богатый коммерсантъ“...

Хотя и г. Бенуа-Барбе боялся эпиграммъ, однако онъ продолжалъ бы сносить ихъ съ кроткостью, если бы одно Лондонское товарищество не предложило ему круглую сумму въ пятнадцать милліоновъ за его фабрику. Такая продажа удвоила его состояніе, и онъ удалился отъ дѣлъ. Но обыкновенный капиталистъ, какъ бы велики ни были его доходы, еще менѣе идетъ въ счетъ, чѣмъ богатый коммерсантъ: надъ нимъ даже не смѣются; о немъ просто молчатъ. Дѣвица Эсландъ, будучи актрисой и вкусивши отъ прелестей рекламы, огорчилась бы молчаніемъ ближнихъ.

Если г. Бенуа-Барбе оставилъ дѣла, то и дѣвица Эсландъ, съ своей стороны, собиралась покинуть театръ. Голосъ ея слабѣлъ. Однако, она не намѣревалась сойти со сцены до вѣнчанія, чтобы не было сказано, будто г. Бенуа-Барбе женился на бывшей актрисѣ, а чтобы всѣ говорили, что ради него артистка покинула сцену.

Тонко понимая общественное мнѣніе Парижа, она разсчитала, что если ея пѣніе должно смолкнуть наканунѣ вѣнчанія, то, напротивъ, г-ну Бенуа-Барбе необходимо заблаговременно вписаться подъ другою рубрикою въ ту адресную книгу, которую носятъ у себя въ головѣ завсегдатаи бульваровъ.

Но чѣмъ его сдѣлать? Финансистомъ? У него не было

способностей для этой профессіи и не представлялось желательнымъ, чтобы онъ утратилъ свое состояніе. Купить ему газету или театръ? Даже съ точки зрѣнія нравственной тутъ нельзя было ожидать пользы. Стать собирателемъ коллекцій? Это званіе было уже захвачено милліардерами, съ которыми не приходилось конкуррировать.

Такимъ образомъ, въ тотъ день, какъ г-жа Телье распространилась передъ дѣвицею Эсландъ о желательности основанія лѣчебницы для бѣдныхъ чахоточныхъ, ея слова показались актрисѣ настоящимъ откровеніемъ, давшимъ ей узрѣть новые горизонты. Разъ пожертвовавъ милліонъ и кое-когда „подмазывая", г. Бенуа-Барбе могъ сразу пріобрѣсти самую громкую и самую лестную извѣстность. Для пріобрѣтенія всеобщей симпатіи въ Парижѣ самымъ дешовымъ средствомъ все же еще является крупная благотворительность. Г. Бенуа-Барбе завтра же станетъ „богатѣйшимъ филантропомъ". Это существительное, съ прилагательнымъ въ превосходной степени, такъ и останется неразлучнымъ съ его именемъ и навседа войдетъ въ словарь того Парижа, чья переутомленная память способна воспринимать лишь готовыя формулы, безъ всякой провѣрки.

Самъ по себѣ г. Бенуа-Барбе былъ не изъ щедрыхъ: для этого онъ сталъ ужъ черезчуръ богатъ.

Но онъ вѣрилъ въ мудрость своей подруги и потому слѣдовалъ ея совѣтамъ. Однако, въ этомъ вопросѣ онъ выступилъ противъ нея съ проектомъ, представлявшимъ собою нѣкоторый компромиссъ. Онъ одобрялъ мысль о благотворительномъ пожертвованіи и готовъ былъ отдать „свою шкатулочку", какъ онъ выразился, въ распоряженіе доктора Телье, но въ полученной и прочитанной имъ прекрасной книгѣ послѣдняго его поразила одна подробность: то, что болѣзнь распространяется отъ высыхающей мокроты больныхъ, которая превращается въ пыль и, полная микробовъ, разносится повсюду. Авторъ выражалъ пожеланіе, чтобы такая зараженная и вредоносная мокрота всегда извергалась въ антисептическіе сосуды. Г. Бенуа-Барбе выразилъ готовность снабдить таковыми не только публичныя мѣста, гдѣ собирается толпа, но и главныя улицы города. Это была бы явная и полезная щедрость, а обошлась бы всего тысячъ въ двѣсти! Тогда стали бы говорить: „плевальницы Барбе", какъ говорятъ: „бассейны Валлюса"...

Дѣвица Эсландъ принялась доказывать ему, насколько менѣе благородно связать свое имя съ плевальницей, чѣмъ съ бассейномъ, какъ привяжутся къ этому насмѣшники и какъ сумѣютъ надоѣсть.

Въ такихъ случаяхъ экономія неумѣстна. Даже если бы

санаторія могла обойтись всего въ восемьсотъ тысячъ франковъ, такъ и то слѣдовало дать на нее милліонъ. Только круглыя цифры доставляютъ почетную извѣстность!

Дѣвица Эсландъ разсудила правильно. Титулъ „богатѣйшаго филантропа“ былъ добытъ безъ заминки. Послѣ единодушнаго провозглашенія въ газетахъ онъ пошелъ въ ходъ среди публики. Печать возвѣстила всему міру, что богатѣйшій филантропъ Бенуа-Барбе передалъ извѣстному спеціалисту по груднымъ болѣзнямъ, доктору Альберу Телье, знаменитому автору книги объ излѣчимости чахотки, милліонъ франковъ для основанія первой во Франціи санаторіи, предназначенной для неимущихъ чахоточныхъ. Затѣмъ шли комментаріи, лестные для обоихъ поименованныхъ.

Г. Бенуа-Барбе пересталъ носить свою неказистую бороду и принимать смущенный видъ, точно конфузясь за свою фабрику и доходы. Онъ бросилъ старанія казаться незамѣтнымъ. Его фигура округлилась, появившіяся густыя бакенбарды заблестѣли отъ „брилліантина“ и даже у себя дома онъ сталъ ходить не иначе, какъ въ солидномъ черномъ сюртукѣ, очевидно, единственномъ нарядѣ, приличествующемъ богатѣйшему филантропу.

Въ своемъ первомъ образцовомъ учежденіи, долженствовавшемъ вызвать подражанія, ни Телье, ни Бенуа-Барбе не имѣли намѣренія пріютить все безчисленное множество чахоточныхъ. Являлась необходимость сдѣлать выборъ, и по этому вопросу филантропъ высказался категорически: его санаторія должна была принимать мелкихъ парижскихъ ремесленницъ, по преимуществу занятыхъ фабрикаціей предметовъ роскоши. Таково было сентиментальное желаніе дѣвицы Эсландъ, которая это предпочтительное благотвореніе жертвамъ роскоши считала проявленіемъ собственной высшей деликатности, находя въ немъ тонкое удовольствіе съ оттѣнкомъ умиротворенія собственной совѣсти. Можетъ быть, тутъ слегка сказалось и вліяніе литературы. Дѣвица Эсландъ, лишенная досуга въ молодости, сравнительно поздно взялась за книги, и не одинъ романъ не произвелъ на нее такого впечатлѣнія, какъ „Жизнь Богемы“. Она хотѣла основать ту хорошую больницу, гдѣ могла бы вылѣчиться Мими.

III.

Не видя пользы ни въ климатическихъ крайностяхъ, ни въ переселеніи больныхъ за предѣлы родины, докторъ Телье, согласно мнѣніямъ своихъ наставниковъ,—Петера, Вашелена,—рѣшилъ устроить свою санаторію на какой ни-

будь плоской возвышенности Иль-де-Франса и отыскалъ въ двухъ лье отъ Малагетты сорокъ гектаровъ продажной земли съ разрушеннымъ замкомъ, на мѣстѣ котораго скоро воздвиглась лѣчебница по идеальному плану, изложенному имъ три года назадъ въ своей книгѣ.

Долго не могли найти этому учрежденію подходящаго названія. Не слѣдовало пугать пансіонерокъ чѣмъ нибудь, напоминающимъ аптеку. Женевьева изобрѣла пріятное обозначеніе, исключавшее всякую мысль о тюрьмѣ, намекавшее на цѣль заведенія лѣчить исключительно женщинъ, и въ тоже время вознаграждавшее дѣвицу Эсландъ за ея удачное и доброжелательное посредничество. Это названіе было: „Паркъ Маргариты". Отъ него вѣяло свѣжестью, юностью, чѣмъ-то спеціально-парижскимъ, даже завлекательнымъ. Эти два слова, начертанныя золочеными буквами, уже блестѣли надъ желѣзными воротами, а подъ ними, помельче, значилось: „Заведеніе Бенуа-Барбе".

Телье былъ директоромъ. Полю Бруте, обладавшему посредственнымъ здоровьемъ и скудною практикой, дали мѣсто завѣдующаго врача, и онъ съ женою поселился въ „Паркѣ Маргариты". Марія Бруте отъ всего своего сердца, полнаго рвенія къ добру, согласилась на сожительство съ больными и бѣдными. Ей тоже ежедневно приходилось разрѣшать задачу о счастьѣ, но она не требовала себѣ львиной доли, а только расточала счастье другимъ.

Торжественное открытіе отложено было до слѣдующаго лѣта, когда пополнится число больныхъ. Тогда прибудутъ и ученыя общества, и власти, и министры въ своихъ орденахъ. Пока же слѣдовало только пустить дѣло въ ходъ и провѣрять, идетъ ли оно какъ должно,—все равно какъ пробуютъ ходъ корабля, прежде чѣмъ публично выпустить его изъ доковъ. Итакъ, г. и г-жа Бруте принимали у себя доктора Телье съ Женевьевой и филантропа съ супругою. Эти три пары обошли и осмотрѣли усадьбу. Половина участка была оставлена подъ лужайками, ручьями и деревьями, остальное обработывалось для потребностей скотнаго двора, гдѣ коровы, съ туберкулезными прививками по новому способу Коха, должны были давать молоко выше всѣхъ подозрѣній и, такъ сказать, оффиціально-научныя сливки.

Пріѣзжіе сознались другъ передъ другомъ въ желаніи провести здѣсь остатокъ дней своихъ, даже при небольшомъ поврежденіи легкихъ, не злокачественномъ, способномъ легко уступить лѣченію. Среди такой роскошной растительности чахотка была не страшна. Правда, паціентокъ еще почти не было. Маленькому доктору Деэ насилу удалось прислать изъ Антенской амбулаторіи четверыхъ или пятерыхъ

молодыхъ дѣвушекъ, для предварительной пробы. Онъ выбралъ наименѣе больныхъ, чтобы имѣть увѣренность въ успѣшности лѣченія. Сходили посмотрѣть, какъ онѣ поправляются, лежа въ хорошо вентилируемой галлереѣ. Двѣнадцатилѣтній казачекъ сидѣлъ тамъ-же на табуреткѣ: онъ былъ у больныхъ на посылкахъ, чтобы имъ не приходилось въ часы покоя вставать съ этихъ кушетокъ, возлѣ которыхъ стояли столики съ плевальницами и кувшинами молока и гдѣ можно было даже писать письма на открытыхъ бланкахъ, хитро разрисованныхъ для пропаганды. Г-жа Бенуа-Барбе взяла себѣ одинъ изъ нихъ на память. На немъ изображена была умирающая „Дама въ камеліяхъ" съ неожиданною подписью: „Алкоголизмъ готовитъ почву для туберкулеза".

Были осмотрѣны и комнаты санаторіи. Чистота доходила до такой безукоризненности, что всему придавала веселый видъ. Телье указывалъ г-ну Бенуа-Барбе на выкрашенныя риполиномъ стѣны, натертый парафиномъ паркетъ, закругленные углы комнатъ, залитыхъ свѣтомъ съ востока. Филантропъ сіялъ отъ удовольствія и замѣтилъ:

— Гдѣ есть доступъ солнцу и чистому воздуху, туда нѣтъ доступа туберкулезу!

Позавтракали и возобновили подробный осмотръ. Г-жа Бенуа-Барбе зѣвала. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ заведеніе успѣло уже надоѣсть ей. Но, какъ прирожденная куртизанка, она поспѣшила вновь сложить губы въ улыбку, потому что ея старикъ продолжалъ съ любовью созерцать свой милліонъ, превращенный въ паркъ, санаторію и гигіену. Ни ея скука, ни желаніе ее замаскировать не укрылись отъ Женевьевы, которая никогда не вѣрила щедрости пѣвицы и ея восторженному усердію на пользу ближнихъ. Мотивы были такъ очевидны: нужно было снабдить г-на Бенуа-Барбе занимательной игрушкой и отскоблить съ него простонародную заскорузлость, прежде чѣмъ вступить съ нимъ въ законный бракъ при одобреніи избраннаго общества, именитѣйшихъ купцовъ, врачей, художниковъ. Пѣвица-карьеристка и тщеславный фабрикантъ перестали занимать Женевьеву. Ихъ сѣренькой посредственности она противопоставляла чистую радость Альбера. Она видѣла, что онъ стоитъ у одного изъ оконъ, положивши руку на плечо Бруте, видѣла, съ какою умиленною гордостью онъ любуется на свое дѣло, столь новое во Франціи и столь превосходно доведенное до конца,— на эти тѣнистыя аллеи, галлереи, окна, въ которыя непремѣнно войдетъ исцѣленіе. Тотъ смотрѣлъ на свои деньги, превращенныя въ камень, а этотъ—на свое знаніе, ставшее благодѣяніемъ. Онъ привѣтствовалъ также приближеніе же-

ланнаго будущаго, которое какъ бы уже наступало. Ибо учреждение это имѣло по преимуществу значенiе примѣра: къ счастью, нельзя было даже предвидѣть, какъ многочисленны могли быть вызванныя имъ подражанiя.

Рука Альбера Телье указывала на всѣ четыре страны свѣта, гдѣ вскорѣ милосердiемъ сострадательнаго человѣчества должны были устроиться другiе, подобные этому прiюты. Лицо его выражало надежду, благодарность, вѣру. Въ эту минуту женѣ показалось, что въ немъ исчезли послѣднiе остатки изящнаго мальчишества, скептическаго легкомыслiя. При яркомъ солнцѣ Женевьева съ удивленiемъ разглядѣла, сколько въ густой шапкѣ его черныхъ волосъ блестѣло уже бѣлыхъ нитей, отливая перламутромъ. Въ его глазахъ, ставшихъ много серьезнѣе, она подмѣтила даже влажность. И эти слезы умиленiя точно въ зеркалѣ отражались въ душѣ Женевьевы. Покидая „Паркъ Маргариты", она не разбирала, не ея ли старанiями воздвиглось это роскошное убѣжище: собственныя заслуги интересовали ее въ эту пору менѣе всего. Ея любовь и счастье состояли въ томъ, что она искренно восхищалась возвышенными мыслями мужа.

IV.

Семья Телье проводила каждую осень въ Малагеттѣ, близъ Арменвилье, въ старинномъ замкѣ барона Эртеля; не было пропущено ни одного года въ теченiе двѣнадцати лѣтъ: самъ докторъ не находилъ времени для дальнихъ путешествiй, а жена его не чувствовала къ нимъ влеченiя.

— Однако, каждая мѣстность даетъ иное настроенiе, — сказалъ ей однажды Францискъ де-Нуайель, употребляя еще не очень затасканное слово.

— Весьма возможно,—отвѣтила ему г-жа Телье,—но я въ каждую мѣстность привезла бы *свое* настроенiе. Есть путешественники, довольствующiеся питанiемъ въ гостиницахъ, и есть такiе, которые запасаются собственной провизiей.

Ея запасы воли были черезчуръ тяжелы, и она слишкомъ дорожила ими, чтобы уменьшить грузъ ради путешествiя. Она знала, что никакая „перемѣна мѣста" не увеличитъ ея счастья и не уменьшитъ ея печалей. Такъ какъ на лѣто приходилось бѣжать изъ жаркаго и пыльнаго Парижа, да надо было и сына развлечь на каникулахъ, то г-жа Телье пользовалась щедрымъ и отеческимъ гостепрiимствомъ своего „крестнаго". Свойственная ей отъ природы любовь къ порядку удовлетворялась этою опредѣленностью лѣтняго мѣстопребыванiя. Она не осуждала другихъ, но про себя клей-

мила нѣкоторымъ презрѣніемъ манеру многихъ каждое лѣто стремиться въ новую мѣстность, или, по крайней мѣрѣ, видѣла въ ней признакъ легкомыслія, неустойчивости, считала ее чертою, присущею богемѣ. Отличавшееся постоянствомъ, сердце Женевьевы презирало всякую измѣнчивость: ей казалось, что надо соблюдать вѣрность даже по отношенію къ землѣ и деревьямъ.

Малагетта находилась на полупути изъ Парижа въ „Паркъ Маргариты". Въ послѣдніе два года, со времени открытія Парка, Телье пріѣзжали въ деревню раньше и оставались дольше. Въ окрестностяхъ ихъ любили, такъ какъ извлекали изъ нихъ выгоду. Къ почтенію, внушаемому владѣльцемъ стариннаго помѣстья, присоединилось уваженіе купцовъ къ крупному покупателю—санаторіи. Баронъ Эртель почти никуда не показывался; за то доктора привѣтствовали, какъ добраго барина, поощряющаго торговлю. Онъ сталъ популярнымъ, самъ того не замѣчая. Послѣ смерти одного несмѣняемаго сенатора, право выбора преемника досталось по жребію тому департаменту, гдѣ находилось имѣніе Эртеля. Мѣстный префектъ посовѣтовалъ крупнымъ избирателямъ предложить кандидатуру доктору Телье. Эта идея префекта зародилась на площади Бово́ и была не чужда г-жѣ Пеллера̀. За нѣсколько дней до того, Женевьева спрашивала совѣта у своей старшей пріятельницы. Та тотчасъ же и безъ колебаній отвѣтила, что считаетъ званіе сенатора неособенно почетнымъ для политическаго дѣятеля, не имѣющаго иного положенія, но что оно является важнымъ для прославленнаго поэта, знаменитаго адвоката или извѣстнаго врача. Всѣ знаютъ доктора Телье со времени появленія его книги и основанія санаторія: поэтому его станутъ слушать и въ Люксамбургскомъ дворцѣ, гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, добьется успѣха. Доступъ въ парламентъ окружитъ его особымъ ореоломъ въ глазахъ врачей: видя его близость къ власти, будутъ бояться его непріязни, искать его расположенія. Наконецъ, отъ улицы Вожираръ недалеко до улицы Свв. Отцовъ: медицинская Академія имѣетъ слабость къ сенаторамъ. Послѣднее соображеніе повліяло на чету Телье. Альберъ благосклонно принялъ предложеніе мѣстныхъ главарей, тѣхъ, которые съ увѣренностью могли считать себя будущими членами избирательной коллегіи. Кромѣ надежды попасть въ Академію, Женевьева предусматривала на этомъ пути еще нѣчто пріятное для мужа. Она подмѣтила, что ему надоѣло примѣнять терапію безъ увѣренности въ успѣхѣ, и знала, что въ этой области она безсильна оказать ему помощь. Онъ началъ повторять, что легче предупреждать заболѣванія, нежели ихъ излѣчивать, что слѣдуетъ бороться съ соціальными причи-

нами болѣзни и необходимо восполнить множество пробѣловъ въ законодательствѣ. Уже заключительныя страницы его книги походили на краснорѣчивое изложеніе проекта новаго и подробнаго закона по общественной гигіенѣ. Въ палатѣ онъ сумѣлъ бы провести свои идеи, потому что его реформы не потребовали бы увеличенія бюджета. Конечно, и тамъ ему придется бороться съ силою инерціи; но Женевьева знала, что борьба займетъ его, какъ игра, сдѣлаетъ его сообщительнымъ и веселымъ и что даже сама она, пожалуй, сумѣетъ помочь ему, по мѣрѣ силъ распутывая вмѣстѣ съ нимъ парламентскія интриги.

На опустѣвшее сенаторское кресло направлены были взоры полудюжины мѣстныхъ честолюбцевъ; но всѣ они между собою враждовали и тѣмъ нейтрализовали другъ друга. Чѣмъ поддержать сосѣда, каждый предпочиталъ подать голосъ за богатаго, знаменитаго Телье, офицера Почетнаго легіона. Успѣхъ сталъ вѣроятнымъ съ перваго же подсчета голосовъ. Тѣмъ не менѣе, въ Малагеттѣ угощали главныхъ сенаторскихъ избирателей, являвшихся цвѣтомъ общаго совѣта.

— Странное дѣло!—разсуждалъ баронъ Эртель.—Этихъ людей все ругаютъ „коновалами". А вѣдь они настоящіе ветеринары, съ дипломами: г. Колоннъ изъ Бри-Робера, г. Пратъ изъ Сенъ-Мери, г. Нульи изъ Турнана... Имъ доставляли немало удовольствія встрѣчи съ царями той науки, что лѣчитъ людей.

Знаменитые врачи, изъ которыхъ многіе были членами медицинской Академіи, группами приглашались осенью на ружейную охоту въ Арменвилье, точно такъ же какъ зимою—въ ложу, въ оперу.

Дичи было множество. Кормъ для нея былъ обильный, а стрѣляли ее мало. Провѣряя по записной книжкѣ, кѣмъ ея приглашенія были приняты и кто отвѣтилъ отказомъ, Женевьева замѣтила, что терапевты болѣе склонны къ музыкѣ, а хирурги—къ истребленію звѣрей; послѣдніе не пропускали случая пострѣлять: ни Лаланъ, ни Фисжанъ, ни Эмиль Жоли, ни, особенно, Каверлошеръ, который не бросилъ бы увлекательной облавы даже ради интересной операціи. Онъ поднимался раньше всѣхъ, а возвращался послѣднимъ, любуясь даже дракою собакъ, рвущихъ отданныя имъ внутренности добычи.

— Слава Богу!—объяснялъ г. Эртель своей крестницѣ.— Это прирожденные хирурги. Они умѣютъ смотрѣть на рѣзню. Видъ крови не только не леденитъ ихъ и не пугаетъ, а даже горячитъ. Авторы памфлетовъ сравниваютъ ихъ съ мясни-

ками... это грубо; но въ ихъ ученыхъ мозгахъ, несомнѣнно, ютятся души ловчихъ и доѣзжачихъ.

И робко улыбаясь, старикъ прибавлялъ:

— Кромѣ того, имъ, пожалуй, пріятно показать намъ, что, при случаѣ, они умѣютъ справляться не только съ холоднымъ оружіемъ...

За столомъ разговоръ начинался съ послѣдней охоты, походилъ на предшествовавшіе и уснащался безконечными повѣствованіями. Все время толковалось о загонахъ, тягахъ, привалахъ, островахъ, обходахъ,—на жаргонѣ, уму непостижимомъ. Женевьева переносила это съ неутомимою любезностью. Маленькій старичокъ, сидѣвшій съ нею рядомъ, изъ дружелюбной фамильярности, дергалъ ее за рукавъ.

Г. Нульи занимался ветеринарной практикой въ Турнанѣ и предсѣдательствовалъ въ окружномъ совѣтѣ. Въ избирательныхъ комитетахъ онъ считался довольно крайнимъ, хотя внѣшность имѣлъ не воинственную. Онъ охотился на свой ладъ. У г-на Нульи ружья не было. Когда-то кто-то подарилъ ему совенка, уханье котораго привлекало въ садъ множество птичекъ, прилипавшихъ къ вѣткамъ, заранѣе помазанныхъ клеемъ. Сова уже околѣла; но г. Нульи такъ ее наслушался, что умѣлъ подражать ей въ совершенствѣ. Онъ употреблялъ для этого дудочку. Послѣ обѣда, онъ охотно показывалъ свое искусство. Дома, по вечерамъ, его главнымъ развлеченіемъ бывала такая ловля и затѣмъ сниманіе съ прутьевъ прилипшихъ птичекъ. Попадались жаворонки: и простые, и сѣрые, и черные, и хохлатые. Хорошо зажаренные, они были не менѣе вкусны, чѣмъ что либо другое. Женевьева легко этому вѣрила: она особенно любила такую непритязательную дичь.

— Но дѣло въ томъ,—заканчивалъ г. Нульи,—что приманивать нужно умѣючи!

Маленькій старичокъ напускалъ на себя черезмѣрную скромность:

— Конечно, для горожанъ это не развлеченіе. Но мы, жители деревни, отличаемся простотою вкусовъ...

Отъ ловли птицъ легко было перейти въ шутливомъ тонѣ къ вопросу о выборахъ. Г-жа Телье напомнила сосѣду, что Альберъ не выставитъ своей кандидатуры безъ увѣренности въ поддержкѣ тѣхъ лицъ, представителемъ которыхъ является г. Нульи. А г. Нульи великодушно увѣрялъ ее въ сочувствіи; но самъ онъ сожалѣлъ о томъ, чѣмъ огорчались и его политическіе единовѣрцы; а именно, что докторъ, будучи добрымъ демократомъ, не соглашается назвать себя „радикаломъ“, каковое обозначеніе ни къ чему не обязываетъ кандидата, а, между тѣмъ, пріятно избира-

телямъ. Г-жа Телье отвѣчала, что Нульи и его друзья отличаются черезчуръ большой широтой взгляда, чтобы обращать вниманіе на пустое слово. Она объяснила, что у мужа ея существуетъ слегка суевѣрный страхъ, какъ бы присоединеніемъ какого-либо опредѣленія не уменьшить, не ограничить значенія великаго слова: „республиканецъ". Это такъ прекрасно: „республиканецъ!" Какая же еще нужда въ комментаріяхъ.

— Оно такъ!—отвѣчалъ старикъ.—Только къ несчастью, просто республиканцами зовутъ себя теперь одни реакціонеры!

— Этого мы не должны имъ позволять!—возразила Женевьева.—Кромѣ того, въ данномъ случаѣ исключаются всякія недоразуменія: г. де-Ла-Буррь съ полною искренностью заявилъ себя кандидатомъ роялистовъ. Монархисты причислятся къ его сторонникамъ.

— Ужь всѣ причислились!—сказалъ Нульи.—У него будетъ голосовъ десять, пятнадцать.

— По крайней мѣрѣ, у него хватаетъ мужества выражать свои убѣжденія, и онъ никого не обманываетъ.

Женевьева не упомянула о томъ, что Телье обманывается насчетъ де-Ла-Бурра меньше всѣхъ. Г. де-Ла-Буррь былъ однимъ изъ подпрефектовъ привительства 16 мая. Удалившись изъ администраціи, онъ жилъ теперь на покоѣ и жилъ бѣдно, не имѣя иныхъ доходовъ, кромѣ платы за то, что, время отъ времени, министерство внутреннихъ дѣлъ рекомендовало его людямъ, желавшимъ имѣть противника—ультрамонтанца, горячаго и прямого, незначительнаго и носа не показывающаго въ округъ. Министерство или его кандидатъ оплачивали циркуляры и бюллетени бывшаго подпрефекта и давали ему вознаграждненіе, обыкновенно равнявшееся тремстамъ франковъ.

Послѣ дессерта, Женевьева развила свою антитезу передъ г. Коланномъ, изъ Бри-Контъ-Робера.

— Г. де-Ла-Буррь—кандидатъ всѣхъ монархистовъ; докторъ Телье—кандидатъ всѣхъ республиканцевъ... Такимъ образомъ, борьба пойдетъ въ открытую. Правда?

Депутатъ отъ Бри-Кантъ-Робера кивалъ сочувственно лысиной. Правда-то—правда! Въ Бри-Кантъ-Роберъ рады будутъ подать голосъ за доктора, потому что политика врача всегда досаждаетъ попу. Но тутъ подошелъ г. Пратъ, котораго просили въ депутаты отъ Сен-Мари и подозрѣвали въ набожности. Тогда Женевьева пустилась въ общія разсужденія. Она сказала, что въ Люксамбургскомъ дворцѣ, гдѣ столько сектантовъ теряютъ время въ партійныхъ несогласіяхъ, весьма полезенъ былъ бы такой сенаторъ, который отдалъ бы свой

трудъ на пользу всѣхъ, особенно же—на благо своего департамента. Республика вѣдь—дѣло общее, образъ правленія, менѣе всякаго другого долженствующій насъ разъединять...

— Я мало понимаю, но вы, вѣроятно, замѣтили, какъ и я, что политики всегда выискиваютъ поводы къ разногласію, вмѣсто того, чтобы искать точекъ соприкосновенія. Однако плодотворнымъ бываетъ лишь союзъ... Впрочемъ, я забыла угостить васъ ликеромъ.

Въ погребахъ Малагетты еще оставалось нѣсколько бутылокъ коньяку, столь достопочтенныхъ, что никто не зналъ ихъ возраста. Это былъ уже не алкоголь, а одинъ ароматъ, одна нѣга...

Гг. Колоннъ и Пратъ сошлись въ его оцѣнкѣ, при чемъ исчезли всякіе оттѣнки разногласія въ ихъ убѣжденіяхъ. Они даже оставили безъ протеста фразу профессора Лалана:

— Для великой демократіи нѣтъ ничего лучше штыка!...

— Послушайте, милый профессоръ, — укоризненно замѣтила г-жа Телье: — неужели вамъ мало вашихъ ланцетовъ?

Она отретировалась къ ветеринарамъ, которые весело согласились составить союзъ всѣхъ республиканцевъ противъ сторонниковъ профессора Лалана.

Часъ спустя, проводивъ гостей, Альберъ сообщилъ Женевьевѣ нѣчто о Каверлошерѣ. Знаменитый акушеръ, съ тѣхъ поръ какъ жену его разбилъ параличъ, повелъ довольно дорого стоющій образъ жизни. Онъ помолодѣлъ. Но въ его лѣта ничто не требуетъ столькихъ расходовъ, какъ вторая молодость. Словомъ, онъ, какъ мальчишка, попалъ въ затруднительное положеніе и открылъ доктору Телье, что его тѣснятъ заимодавцы. Альберъ настоялъ на томъ, чтобы оказать ему услугу, и тотъ принялъ взаймы довольно крупную сумму. Но такъ пріятно было удружить Каверлошеру!

V.

Г-жѣ Телье. „Снѣгъ идетъ, красотка моя, Женевьева! Я перешелъ на зимнія квартиры, т. е. въ мою комнату. Не безпокойся о моемъ здоровьи: оно весьма сносно. Добрѣйшій Бруте, которому для поѣздокъ сюда приходится дѣлать взадъ и впередъ четыре мили, слѣдитъ за нимъ и признаетъ себя удовлетвореннымъ. Нѣтъ нужды сообщать ему, что я не глотаю его микстуръ. Я вѣжливѣе, чѣмъ старый священникъ изъ Греца, говорившій докрору Мэру: „Съ той поры, какъ я выливаю

всѣ ваши лѣкарства въ ночной горшокъ, анализы моихъ выдѣленій оказываются превосходными!“

„Я смѣюсь, потому что чувствую себя недурно. Однако, будь мнѣ гораздо хуже, я не сталъ бы этимъ хвастать, изъ страха какъ бы не сдѣлаться интереснымъ объектомъ для лѣченія. Господа врачи дошли до такой ловкости, которая не можетъ не внушать нѣкотораго ужаса. Въ старину меня уложили бы въ мягкую постель, давали бы куринаго бульона и декоктовъ и смотрѣли бы, чтобы термометръ не спускался ниже 16°. Въ то время хорошо было говорить, что хвораешь: больного баловали. Теперь же мужъ твой и его коллеги народъ суровый. Они чуть не погубили дочку садовника Кадара. Бруте, замѣтивъ у нея подозрительный кашель, принялъ ее, по знакомству, въ Паркъ Маргариты. Лѣченіе пребываніемъ день и ночь на вольномъ воздухѣ сразу наградило ее бронхитомъ. Но легкія у Мели превосходныя, и вскорѣ намъ ее вернули. Теперь ей уже лучше. Еще недѣльку посидитъ дома, въ теплѣ, и все пройдетъ окончательно. Вчера я спрашивалъ, какъ ей тамъ понравилось. Меля не ретроградка: вооруженная первоначальнымъ образованіемъ, она вѣритъ въ науку и прогрессъ. Не смотря на бронхитъ, санаторія не упала въ ея мнѣніи.

— Ахъ баринъ!—сказала она мнѣ,—ужъ какъ тамъ хорошо! Только надо быть крѣпкаго здоровья!

„Боюсь, милая дѣвочка, что я именно недостаточно крѣпокъ для извлеченія должной пользы изъ суровыхъ лѣчебныхъ мѣръ. Опасаюсь даже, что вся моя болѣзнь состоитъ какъ разъ въ отсутствіи „крѣпости“. Въ былыя времена почтенный домашній докторъ, тотъ, что назначалъ декокты и цыпленка, достойный другъ, всегда являвшійся въ бѣломъ галстухѣ, трепавшій дѣтей по щекамъ и прописывавшій чудодѣйственныя мази, вызвалъ бы родственниковъ въ переднюю, чтобы сказать имъ:—„Какое же тутъ можетъ быть лѣченье? Это—старость. Онъ даже дряхлѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Можно сказать, что лезвіе протерло ножны“.—Такъ говорили простяки; но свѣтиламъ науки не свойственна подобная фамильярность. Стоитъ ли, дитя мое, вскрывать столько череповъ и потрошить столько животовъ, чтобы послѣ этого говорить, какъ первый встрѣчный?

„Я люблю фразы характеристичныя, не отдающія придуманностью, искусственностью, профессіональныя, выражающія самую суть, типичныя, вырывающіяся экспромтомъ. Недавно я нашелъ такую, которая привела меня въ восторгъ. Этою находкою я, однако, обязанъ нѣкоторой нескромности. Тѣ изъ вашихъ пріятелей, которые нынче осенью оказали мнѣ честь, посѣтивъ Малагетту ради охоты, не теряли вре-

мени даромъ. Карманы у нихъ бывали набиты брошюрами и журналами. Вѣроятно, все это просматривалось по вечерамъ, передъ сномъ: каждый усыпляетъ себя на свой ладъ. Но эти изданія не всегда увозились назадъ, въ Парижъ, и оставлялись цѣлыми кипами на всѣхъ столахъ, что оказалось весьма неблагоразумнымъ: никогда не слѣдуетъ оставлять авгурскихъ принадлежностей въ рукахъ профановъ. Веньяминъ аккуратно сложилъ весь этотъ печатный матеріалъ въ библіотекѣ. Я перелисталъ кое-что однажды утромъ и смѣю сказать, что узналъ недурныя вещи изъ статьи одного русскаго профессора. Онъ научно излагаетъ, что въ наше время не перестаетъ возрастать количество неуровновѣшанныхъ людей, идіотовъ, алкоголиковъ, глухихъ, заикъ и слѣпыхъ. Кажется, и кости человѣческія становятся все тоньше, зубы мудрости отсутствуютъ у половины европейцевъ, кишечный каналъ дѣлается короче и лысины появляются все чаще. Вотъ ужъ, поистинѣ, мрачный докторъ! Но онъ—русскій, почти варваръ. Съ гораздо живѣйшимъ интересомъ принялся я за сообщеніе доктора Брива „о перерожденіи мускуловъ". Я понялъ, что рѣчь идетъ объ упадкѣ силъ и, слѣдовательно, относится ко мнѣ. Я сталъ добираться до причины такого медленнаго, но вѣрнаго разрушенія организма. Сначала, запутавшись въ историческихъ ссылкахъ и гипотезахъ, я, къ концу статьи, дошелъ до фразы, глубокомысленной въ своей наивности. Слушай: *„Въ этомъ случаѣ діагнозъ возможенъ лишь на диссекціонномъ столѣ"*. Что ты на это скажешь? Не восхитительно ли откладывать распознаваніе болѣзни, имѣющее цѣлью излѣчить или облегчить больного, до момента посмертнаго анатомическаго вскрытія? Врачъ, по крайней мѣрѣ, никого не обманываетъ.—Почему дочь моя нѣмая? — Вамъ объяснятъ это послѣ вскрытія, а теперь мы еще могли бы ошибиться.

„Можно ли лучше выразить въ одной строчкѣ все нахальство ложной скромности ученыхъ?

„Эта скромность является весьма выгодною. Старозавѣтный врачъ, котораго заставляли задалбливать изреченія старинныхъ латинскихъ или арабскихъ авторитетовъ, котораго учили пускать кровь на кускахъ мыла и упражняли въ ампутаціяхъ на куклахъ, этотъ невѣжда, дѣлавшій видъ, будто все знаетъ, не могъ внушить о себѣ высокаго мнѣнія. Не смотря на островерхій колпакъ, надъ нимъ потѣшались. Современный врачъ не щеголяетъ своимъ званіемъ: одѣвается, какъ всѣ, и смѣшался съ толпой; но именно поэтому его признаютъ спасителемъ и по самому его смиренію предугадываютъ его всемогущество. Пусть его кричитъ, что ничего не можетъ

разобрать до вскрытія; больной силою навяжетъ ему свое довѣріе.

„Это лестно для медицины; но такимъ успѣхомъ она обязана своимъ заслугамъ лишь отчасти. Остальное же дается ей отсутствіемъ вѣры въ Бога. Не разсчитывая уже на радости загробнаго существованія, люди отвыкли считать земную жизнь благомъ непрочнымъ, временнымъ и мало достойнымъ вниманія, а стали смотрѣть на нее, какъ на сокровище. Вотъ почему ставятъ такъ высоко того, кто чинитъ поврежденія, вотъ почему вѣрятъ въ его искусство: надо же во что-нибудь вѣрить. Впрочемъ, такая вѣра во врачей вовсе не составляетъ исключительной принадлежности нашего цивилизованнаго и матеріалистическаго Запада. Я замѣтилъ точно то же и на Востокѣ, гдѣ, равнымъ образомъ, набожность въ упадкѣ. Когда ты была еще малюткой, Женевьева, я провелъ нѣсколько лѣтъ въ странахъ Леванта и тамъ видалъ турецкихъ цѣлителей, которыхъ зовутъ *ходжами*. Ходжа даетъ больному снадобье, увѣшиваетъ его ладанками и, въ заключеніе, на него дуетъ. Эта послѣдняя операція считается наиболѣе важною. Ходжа, который „хорошо дуетъ", признается профессоромъ, и мелкіе ходжи зовутъ его на консультаціи. Его рвутъ на части, и ему просто вздохнуть некогда...

„Эти воспоминанія и вся моя непочтительная болтовня, надѣюсь, не задѣнутъ жену проницательнѣйшаго и лучшаго изъ врачей? Я просто пишу тебѣ, что думаю. Ты изъ любви къ мужу питаешь почтеніе къ наукѣ; но, при случаѣ, безъ сомнѣнія позволишь мнѣ посердить тебя противорѣчіемъ?

„Это—свойство моего возраста, когда любовь боится стать смѣшною и маскируется поддразниваніемъ.

„Мнѣ хочется съѣздить въ Парижъ, побыть съ тобою, съ Мишелемъ и съ сенаторомъ. Но Бруте не совѣтуетъ утомляться, и, видишь, я повинуюсь Бруте, значитъ — обладаю вѣрою. Кромѣ того, я еще не говорилъ тебѣ, что въ послѣднюю поѣздку, на моего извозчика наѣхалъ курьерскій поѣздъ, который, подъ скромнымъ псевдонимомъ „трама", ходитъ отъ Иврійскихъ воротъ до Рынка. Я не получилъ поврежденій, и пострадало лишь мое самолюбіе. Улицы Парижа превратились въ желѣзные пути, и столкновеніе поѣздовъ стало для васъ дѣломъ обычнымъ. Но меня, по моему мягкосердечію, оно пугаетъ. Конечно, наука, разводящая пары, не остановится ради стараго ретрограда. Напротивъ, ему слѣдуетъ, какъ говорится, не соваться ей подъ ноги. Я и остерегаюсь. Только недоумѣваю, почему въ то самое время, какъ механики превратили нашу столицу въ такую прекрасную арену для истребленія людей, всѣ сколько-нибудь наблюдательные философы краснорѣчиво распространяются о

банкротствѣ науки. Ну, нѣтъ! Она, напротивъ, похожа на богача на резиновыхъ шинахъ, изъ подъ которыхъ летятъ брызги въ пѣшеходовъ. Въ тотъ день ея успѣхи мнѣ показались даже подавляющими...

„Берусь вновь за письмо, Женевьева, прерванное вчерашній день. Продолжаю его на солнышкѣ. Просто жарко. У меня всѣ три окна открыты. Экая чудная зима! А въ іюнѣ мѣсяцѣ какъ бы не пришлось топить. Старый попъ въ Грецѣ не рѣшался сказать, что съ водворенія Республики времена года пошли навыворотъ; но въ глубинѣ души онъ это думалъ. Я не увѣренъ въ томъ, что онъ былъ неправъ, хотя непорядки и ошибки погоды начались нѣсколько ранѣе 4 сентября... Но что же было бы удивительнаго, если бы равновѣсіе атмосферы дѣйствительно нарушилось буреніемъ шахтъ, повсемѣстнымъ сжиганіемъ каменнаго угля и примѣсью къ воздуху такого количества паровъ? Умы, пристрастные къ символизму, тотчасъ замѣтили бы, что Японія страдаетъ отъ землетрясеній въ то самое время, когда хочетъ усвоить европейскую цивилизацію и науку. Пусть берегутся желтые народы: это, можетъ быть, предостереженіе со стороны ихъ чудоковатыхъ божковъ, которые ихъ предупреждаютъ, что металлургія порою дѣлаетъ сюрпризы, а химія устраиваетъ забавныя шутки.

„Эта химія—особа очаровательная, но взбалмошная. Жить съ нею недурно, по крайней мѣрѣ, пока она позволяетъ. Даже ея тираническія выходки очень потѣшны. Она веселая. Ея громкій хохотъ мы зовемъ взрывами; но гораздо чаще она улыбается съ особымъ юморомъ, сдержаннымъ, эффектнымъ и напоминающимъ пріемы калифорнскихъ разсказчиковъ. Одна изъ ея шутокъ, черезчуръ запутанная, но такъ мило приведенная къ концу, заключалась въ проектѣ уморить насъ жаждою. Сперва она воспретила намъ вино, потому что оно содержитъ алкоголь, а алкоголь ядовитъ. Достаточно курьезно уже и то, что мы покорились этому запрещенію, забывъ, что въ теченіе пяти десятковъ вѣковъ человѣчество какъ-то переносило вино. Но химія, продолжая потѣху, пошла дальше: она набросила тѣнь подозрѣнія и на молоко, если оно не прокипячено и не стерилизовано, т. е. не превращено въ безвкусную и неудобоглотаемую жидкость. Осталась вода, которая была отвергнута въ свою очередь, такъ какъ даетъ пріютъ наивреднѣйшимъ микробамъ, и даже минеральная подвергается фальсификаціи. Химія прямою дорогою приводитъ насъ къ режиму кроликовъ, которые, какъ всякій знаетъ, и ты, вѣрно, помнишь, Женевьева, вовсе не пьютъ, если имъ не давать. Можно ли болѣе забавнымъ образомъ лишать насъ свободы?

„Разсмѣшила ли тебя другая шутка науки, на этотъ разъ немного болѣе ехидная? Она прикинулась доброю душою, сострадательною къ бѣднымъ. Въ старину бѣдняки стряпали въ глиняныхъ горшкахъ. Прикладная наука придумала для нихъ за дешевую цѣну эмальированный чугунъ, который „годенъ и на плиту, и въ печку, и повсюду“. Только эмаль то оказалась аггломератомъ изъ толченаго стекла, крошечные кусочки котораго впивались въ кишки и производили опасные нарывы, да еще любопытную новость: аппендицитъ. Наука надѣлала себѣ ланцетовъ изъ сабли Жозефа Прудома: она превосходно умѣетъ лѣчить наши болѣзни и, при случаѣ, награждать насъ новыми.

„А вчера я упомянулъ про поѣзда-молніи, которые мчатся по городамъ, и автомобильные экипажи, являющіеся предвѣстниками переворота въ способѣ передвиженія; вѣдь ихъ быстрота приводитъ въ довольно странное состояніе даже тѣхъ, кто ими правитъ. Я уже слыхалъ о „блуждающей почкѣ“. Вотъ изумительная болѣзнь, носящая соблазнительное названіе. Развѣ не похоже на какое-то кушанье?

„Прости меня, душенька: я пишу тебѣ все, что вошло бы въ мой дневникъ, если бы жизнь моя стоила труда вести его. Прости за эту болтовню стараго ворчуна, который еще употребляетъ для освѣщенія керосинъ, а не электричество. Онъ какъ будто не понимаетъ, что наука осуществляетъ самыя фантастическія грезы, что она заставляетъ тыквы произрастать на дубахъ; онъ глупо ропщетъ, когда, отъ времени до времени, что-нибудь хлопнетъ его по носу. Но браня обстоятельства, можно не бранить людей. До свиданья, мои родные; люблю васъ всѣмъ моимъ дряхлымъ сердцемъ.

Эртель“.

VI.

Чета Бруте на нѣсколько часовъ заѣхала къ Телье. Обоимъ супругамъ были привычны мелкія неудачи, все дѣлалось всегда какъ-бы имъ на зло, и теперь, точно нарочно, чтобы отравить имъ поѣздку, солнце упорно скрывалось въ густомъ туманѣ. Январскій день свѣтилъ такъ желто, и облака ползли такъ низко, что пришлось прибѣгнуть къ искусственному освѣщенію тотчасъ послѣ завтрака. Это было сдѣлано въ кабинетѣ Альбера, гдѣ занялись мужчины; Женевьева же съ пріятельницей ушли въ будуаръ. Но онѣ не стали зажигать лампу, и тьма, которую онѣ не прогоняли, омрачила и ихъ души.

Марія Бруте отказалась отъ кресла, предложеннаго г-жею Телье. Она привыкла сидѣть на стулѣ. Женевьева, извинившись, вытянулась на подушкахъ низкой тахты. Она не подумала, не имѣетъ ли Марія чего-нибудь сообщить ей, и ни о чемъ ее не спросила.

Всегда какъ-то забывали разспрашивать Бруте. Имъ только разсказывали о себѣ. Правда, вотъ уже лѣтъ пятнадцать, какъ они сами, повидимому, придавали себѣ такъ мало значенія, что о нихъ какъ бы не стоило и говорить. Никто и не трудился этого дѣлать: ни на что мы не соглашаемся такъ легко, какъ на желаніе ближняго оставаться въ тѣни.

— Ахъ!.. Милая моя Мари...

Женевьева вздохнула съ такимъ видомъ изнеможенія, что Марія Бруте забыла непріятности, о которыхъ хотѣла потолковать, и съ тревогой наклонилась надъ пріятельницей:

— У тебя ничего не болитъ?

— Болитъ? Нѣтъ, ничуть... Я только жалуюсь на удовольствіе, которое испытываю отъ этого лежанія, на свою позорную изнѣженность. Просто сдыдъ такъ валяться. Но теперь это стало у меня физическою потребностью. Какъ странно!

Г-жа Бруте ласково разсмѣялась.

— Это весьма серьезно. Еще до тебя Мнимый Больной испытывалъ сонливость послѣ своихъ главныхъ трапезъ.

Но Женевьева не развеселилась.

— Клянусь тебѣ, что моя усталость не мнимая. Ты цвѣтешь деревенскимъ румянцемъ и забыла, какъ утомляетъ жизнь въ Парижѣ. Я не хочу сказать, что она скучна, это другой вопросъ; но она изнурительна. Мнѣ тоже нуженъ продолжительный отдыхъ, свѣжій воздухъ какого-нибудь Парка Маргариты...

Марія Бруте слегка пожала плечами. Ей еще предстояло говорить о Паркѣ; но доброе сердце побуждало ее сначала утѣшить Женевьеву пріятною правдою.

— Ты изнурена? Да никогда ты не была такъ красива! Даже Поль не удержался, чтобы этого не замѣтить.

— Искренніе мужчины не одобряютъ тщедушной миловидности. Они говорятъ, что хорошѣешь, когда толстѣешь... Можетъ быть, подобной „красотѣ“ я и обязана своею склонностью къ отдыху? По правдѣ сказать, я не чувствую въ себѣ ни малѣйшей инициативы. Я стала настолько же мямлей, насколько прежде была дѣятельной. Причина въ томъ, что подходитъ старость: я сдѣлалась уже супругою сенатора, а черезъ нѣсколько лѣтъ буду маменькой студента-политехника...

— Ты напрашиваешься на комплименты!.. — перебила Марія.

— Хотя бы они выражали собою сущую истину,—возразила Женевьева,—они доказали бы только то, что жизнь можетъ состарить насъ, не исказивъ еще нашей внѣшности. Но мнѣ ни на что не нужна моя наружность, и потому я бы скорѣе желала обратнаго.

Эти сѣтованія смутили Марію, для которой Женевьева всегда олицетворяла искусно-направленную волю, настойчивую энергію...

— Да,—подтвердила Женевьева,—можетъ быть, я такою была или старалась быть, насколько могла...

И прибавила съ улыбкою, точно сдѣлавъ обзоръ всему прошлому:

— И я не мало потрудилась... Но теперь я ставлю вопросъ: не должна ли и лѣнь рано или поздно вступить въ свои права? Помнишь, какъ я усердствовала, будучи молодой женщиной, десять лѣтъ назадъ? Мы никогда вѣдь не таились другъ отъ друга, и ты знаешь, что я подавала не дурной примѣръ энергіи. Теперь я, кажется, сама нуждаюсь въ такомъ же образцѣ. Напримѣръ, Альберъ готовитъ свой проектъ закона объ общественной гигіенѣ. Я могла бы помочь ему въ тысячѣ мелочей. Не скажу, чтобы я и не помогала; но это дѣлается по обязанности, безъ радости, безъ увлеченія. Трудоспособность мужчинъ почти безпредѣльна; мы же тратимъ на все слишкомъ много чувства и нервности и этимъ изводимъ себя. Потомъ наши силы оказываются если не совсѣмъ исчерпанными, то надломленными.

Марія Бруте протестовала слабѣе: безъ сомнѣнія, то, на что жаловалась Женевьева, было не чуждо и ей. Тьма сгущалась, и обѣ женщины не прерывали молчанія, погрузившись въ думы. Черезъ нѣкоторое время г-жа Телье заговорила:

— Надо бы оставаться всегда молодой. Мы устраиваемъ свою жизнь такъ, какъ будто намъ вѣкъ будетъ двадцать пять лѣтъ. Храбро занимаемъ такое положеніе, какое считаемъ благопріятнымъ для счастья, утверждаемся въ немъ; но годы, точно снѣжный покровъ, охлаждаютъ нашъ пылъ! Въ концѣ концовъ, наши порывы кажутся какими-то безцѣльными и жалкими. Была женщина, которая, не будучи честолюбивой, выказывала честолюбивыя стремленія; то были стремленія единственно къ любви, ибо она желала славы и счастья любимому человѣку, отъ котораго ждала себѣ за это ласки. Ея увлеченіе могло нравится: она была молода... Теперь она уже стара или хоть немолода. Можно ли укорять ее за дармоѣдство, если она, время отъ времени, хочетъ отдохнуть въ неподвижности? Или не останавливаетъ ли ее просто стыдливое сознаніе, что движенія ея стали

тяжеловѣснѣе и вскорѣ сдѣлаются каррикатурными? Не предчувствуетъ ли она дисгармонію между зрѣлостью своихъ лѣтъ и порывами, только въ юности смѣлыми и прелестными? То стремленіе, которое въ молодомъ существѣ будетъ умнымъ и предусмотрительнымъ, окажется безцѣльнымъ, если не достигнуто въ зрѣломъ возрастѣ. Честолюбіе въ старости является нелѣпостью: когда представленіе подходитъ къ концу, станешь ли безпокоиться, чтобы пересѣсть на нѣсколько рядовъ ближе къ сценѣ? Чувствуешь себя утратившей мужество, утомленной, желаешь покоя себѣ и близкимъ лишь потому, что уже не находишься въ томъ возрастѣ, которому свойственна живость. Дама-дитя послала бы своего рыцаря на всѣ въ мірѣ подвиги. Передъ нею будущее; оно кажется ей безконечнымъ...

— Да,—сказала Марія.—Все увлекаетъ насъ, когда мы молоды; ничто не страшитъ...

Женевьева произнесла стихъ:

„Кто молодъ для того, что утро,—то тріумфъ".

— Какъ хорошо! Но какъ печально, когда это приходится относить лишь къ другимъ...

Въ кабинетѣ Телье выслушивалъ отъ Бруте отчетъ за мѣсяцъ и испытывалъ весьма мало удовлетворенія. Произошло два смертныхъ случая, изъ которыхъ одинъ постигъ пансіонерку, признанную при пріемѣ за легко-больную. Причина заключалась въ томъ, что самыя мудрыя предупредительныя мѣры не могли воспрепятствовать безпрерывному общенію дѣвушекъ, еще довольно крѣпкихъ, съ наиболѣе тяжело-больными. Вторая покойница умерла отъ тифлита. Бруте объяснилъ, что все время приходится бороться съ возможностью подобнаго заболѣванія, происходящаго отъ черезчуръ обильной пищи: для нѣкоторыхъ это гибельно. Сверхъ того, у него имѣлось на рукахъ около дюжины больныхъ ангиною: лѣченіе холоднымъ воздухомъ тоже приносило пользу не всѣмъ.

— Однако пребываніе на воздухѣ и усиленное питаніе даютъ превосходные результаты въ Германіи.

— И капральная муштровка тоже, — сказалъ Бруте.—Да и у насъ она многимъ на пользу. Вотъ столбецъ выздоровленій, столбецъ улучшеній...

— А сколько всѣхъ лѣчащихся?

— Теперь ихъ меньше. Вновь поступило всего три...

Три! Это, просто, на смѣхъ! Вѣдь у воротъ Парка должна была тѣсниться толпа! Но коллеги никогда не желали популяризировать это учрежденіе, и многія больныя не рѣшались ѣхать въ лѣчебницу, которую считали какой-то деревенской больницей. Телье бѣсился на ихъ упрямство и глупость.

— Что жъ подѣлаешь,—отвѣчалъ Бруте,—если имъ пріятнѣе умирать въ веселомъ кварталѣ Бреда?!. Да, взгляни-ка на вѣдомость о выбывшихъ. Четыре пансіонерки вышли до выздоровленія по той простой причинѣ, что имъ было скучно. Мнѣ пришлось покориться: я безоруженъ противъ тоски по злачнымъ мѣстамъ! Мнѣ ихъ жалко: онѣ были не изъ самыхъ худшихъ.

Въ отчетѣ, въ столбцѣ о выбывшихъ, значилось: умерло—2 излѣчено—3; выписалось—4; выслано—6.

— Чортъ возьми! шесть штукъ!

Бруте объяснился. Съ тѣхъ поръ, какъ Башеленъ, переутомившись, передалъ Альберу часть своихъ лекцій въ „Collège de France“, послѣдній не имѣлъ времени пристально слѣдить за внутренней жизнью санаторіи. Онъ пріѣзжалъ туда разъ или два въ мѣсяцъ, точно полковникъ на смотръ. Въ ожиданіи его ревизіи, все чистилось, и на лицахъ появлялись улыбки. Онъ занимался двумя-тремя „интересными субъектами“ и возвращался въ Парижъ къ занятіямъ въ университетѣ, въ сенатѣ. Въ санаторіи же возобновлялась обычная скучная канитель. Альберъ представить себѣ не могъ, до какой степени злобы, глупости и подлости могутъ дойти шесть десятковъ бабъ, проводящихъ вмѣстѣ по двѣнадцати часовъ въ день, нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Самый простой поступокъ, пустѣйшее слово подхватываются, обсуждаются, искажаются. Фантастическія сплетни измышляются каждое послѣобѣда.

— Я позвалъ къ себѣ одну изъ худшихъ сплетницъ, высказалъ ей мою печаль по поводу ея злыхъ рѣчей и спросилъ, почему она такъ настойчиво продолжаетъ огорчать меня. Въ концѣ концовъ, она отвѣтила:—„Что-жъ вы хотите, докторъ? Нужно же чѣмъ нибудь заниматься, такъ какъ, при вашемъ лѣченіи отдыхомъ, здѣсь совершенно нечего дѣлать!..“—Того, чѣмъ онѣ занимаются, я желалъ бы вовсе не знать, если бы отъ этого страдала одна нравственность, а не лѣченіе, которое мнѣ поручено. Но, въ самомъ дѣлѣ, эти дѣвки невыносимы! Даже Евгенія, тринадцатилѣтняго мальчугана, казачка, приставленнаго къ нимъ для услугъ, мнѣ пришлось отослать къ родителямъ....

Но исторія съ Евгеніемъ была еще наименѣе непристойна. Бруте́ едва рѣшился намекнуть на нѣкоторые непорядки, которые не умѣлъ предотвратить. Хуже всего было то, что эти мерзавки обвиняли своихъ порядочныхъ товарокъ и лицъ, на которыхъ возложенъ былъ уходъ за ними!

— Марія просто больна отъ этого!.. Когда приходится терпѣть и работать, она не привередничаетъ, не стонетъ. Но я засталъ ее разъ всю въ слезахъ надъ зелененькими те-

традками, куда она заноситъ каждый вечеръ впечатлѣнія дня. Пока мы здѣсь бесѣдуемъ, она, должно быть, ужъ разсказала твоей женѣ, сколько огорченія ей доставили полдюжины негодныхъ дѣвчонокъ, которыя сочли себя въ Паркѣ Маргариты хозяйками, и которымъ я принужденъ былъ доказать противное, выставивъ ихъ за ворота.

— Ты прекрасно сдѣлалъ, — соглашался Телье, — но все это очень досадно и даже грустно. Счастье еще, что эти дѣвочки не вздумали брехать въ грязненькихъ газеткахъ!.. Правду говоритъ Лаланъ, что съ бѣдняками лопается всякое терпѣнье. Все, что пробуешь сдѣлать для ихъ пользы, неизбѣжно обращается тебѣ во вредъ. Право, трудно повѣрить! Нельзя лѣчить и спасать отъ чахотки безплатно сотню парижскихъ дѣвчонокъ! Онѣ не изволятъ соглашаться! Или упираются, не ѣдутъ, или ведутъ себя такъ, что ихъ приходится вышвыривать вонъ. Тутъ самый настойчивый человѣкъ опуститъ руки...

Самъ Поль Бруте получилъ отвращеніе съ своему дѣлу. Онъ извинялся въ этомъ передъ Альберомъ. Ему предложили имѣвшее освободиться мѣсто факультетскаго секретаря, и онъ хотѣлъ принять эту должность, спокойную, основанную на довѣріи, почти равносильную отставкѣ. Телье не въ силахъ былъ выразить порицанія. Но это обстоятельство ускорило его рѣшеніе одобрить одинъ проектъ г-на Бенту-Барбé. Со времени вступленія въ бракъ, богатѣйшій филантропъ становился все скупѣе. Весь свѣтъ зналъ, съ какою щедростью онъ пожертвовалъ милліонъ на Паркъ Маргариты. Но ему не легко было поступаться деньгами для поддержки такого учрежденія, о которомъ перестали говорить. Поэтому онъ составилъ остроумный планъ подарить это заведеніе городу Парижу, чтобы туда помѣщались призрѣваемые городомъ больные. Онъ предлагалъ въ даръ землю, домъ, обстановку, а средства на текущіе расходы должны были идти изъ городской казны. Предупрежденныя объ этомъ власти соглашались принять подарокъ; только директоръ лѣчебницы, Телье, колебался и не выражалъ одобренія. Но теперь полученныя имъ свѣдѣнія заставляли его согласиться и избавить г-на Бенуа-Барбé отъ дальнѣйшихъ расходовъ, въ то время, какъ общественное мнѣніе будетъ привѣтствовать его даръ городу, похожій на *вторичное* пожертвованіе милліона. Телье съ юморомъ замѣтилъ, что, на извѣстной ступени богатства, сама благотворительность приводитъ къ выгоднымъ комбинаціямъ. Альберу доставила облегченіе мысль, что скоро онъ избавится отъ тяжелой отвѣтственности и всецѣло посвятитъ себя доцентурѣ и своимъ прекраснымъ статьямъ по общественной гигіенѣ,—общеполезному закону, проводящему его

идеи въ жизнь — закону Телье, какъ уже выражалась Женевьева...

Женевьева и Марія вошли въ кабинетъ. Послѣ бесѣды во мракѣ, свѣтъ лампъ произвелъ на нихъ почти радостное впечатлѣніе. Обѣ одновременно сдѣлали тотъ полуиспуганный жестъ, которымъ, при черезчуръ яркомъ освѣщеніи, женщины поправляютъ у себя завитки волосъ и гребенки, провѣряя взглядомъ въ зеркало, въ порядкѣ ли ихъ наружность. Альберъ предложилъ, для развлеченія, съѣздить поужинать въ „кабакъ". Но Поль Брутé, добросовѣстный до послѣдней минуты своей службы, считалъ нужнымъ выяснить еще нѣкоторыя подробности. Туберкулинъ Коха былъ рѣшительно отвергнутъ наукою: не слѣдовало ли перестать впрыскивать его коровамъ въ Паркѣ?

— Перестанемъ!—отвѣтилъ Телье.

Другой вопросъ: аристолъ, назначаемый въ подражаніе нѣмцамъ, не приносилъ паціенткамъ никакой пользы.

— Перестанемъ давать!—повторилъ Телье.

Но ему непріятно было констатировать въ присутствіи Женевьевы и Маріи такіе отрицательные и безславные результаты. Съ оптимизмомъ, уже достойнымъ парламентскаго оратора, онъ подвелъ итоги сдѣланному. Въ Паркѣ Маргариты онъ и Брутé создали извѣстный типъ призрѣнія и пользованія больныхъ. Они положили первый камень. Пусть послѣ нихъ другіе дѣлаютъ лучше: онъ порадуется отъ всего сердца. Онъ и Бруте попытали свои силы надъ важною задачей. Необходимо испробовать всевозможные способы ея разрѣшенія. Не можетъ считаться потеряннымъ даже время, потраченное на ошибки: ими избавляешь другихъ отъ опасности поскользнуться на томъ же мѣстѣ...

— Мы осудили себя на то, чтобы исчерпать заблужденія!..

Онъ остановился на этой формулѣ, удобной для сохраненія самоуваженія и довѣрія къ себѣ.

VII.

Они заперли за собою двери и задвинули задвижки. Послѣ духоты многолюднаго общества они вздохнули въ прохладномъ одиночествѣ. Альберъ выразилъ испытываемое удовольствіе:

— Дома всетаки гораздо лучше...

Эти его слова были верхомъ любезности для Женевьевы. Она вѣчно опасалась, какъ бы онъ не скучалъ дома и какъ бы не нашелъ мало привлекательнымъ проводить время съ нею вдвоемъ. Вотъ, однако, онъ высказалъ, что ему лучше

всего съ нею; признаніе это было тѣмъ пріятнѣе, что они вернулись съ блистательнаго вечера, даннаго въ честь его новаго повышенія, такъ какъ любящая и внимательная г-жа Башеленъ позаботилась созвать къ себѣ всѣхъ друзей и знакомыхъ въ тотъ самый вторникъ, когда безошибочно ожидала избранія Альбера въ Медицинскую Академію.

Начиная съ четырехъ часовъ пополудни, т. е. съ той минуты, какъ услужливый Деэ, всегда стремившійся слить впечатлѣніе отъ своей особы съ памятью о доброй вѣсти, принесъ извѣстіе объ избраніи, и до самой полуночи г-жа Телье почти ни на минуту не оставалась наединѣ съ мужемъ. Все время, пока длился вечеръ у Башеленовъ, она мечтала о моментѣ возвращенія домой. Принимать поздравленія сотни равнодушныхъ къ ней лицъ было ей не болѣе пріятно, чѣмъ тѣмъ — приносить ихъ. Ее тронули только сердечные и искренніе поцѣлуи г-жи Пеллера и Маріи Бруте. Но она едва не разсмѣялась въ лицо несчастной старухѣ Лэнъ, которая постоянно хныкала при извѣстіи о чьемъ-либо успѣхѣ подъ предлогомъ, что это ей напоминаетъ мужа,—не смотря на то, что послѣднему, какъ хорошо помнили всѣ, Медицинская Академія никогда и не помышляла открыть свои двери. Хвалебные отзывы о наружности и нарядѣ Женевьевы тоже ничуть не были приняты ею къ сердцу. „Берегитесь!.. Вы слишкомъ хорошѣете!..“ сказалъ ей Рене Кодри, все еще склонный къ мальчишескимъ выходкамъ, не смотря на то, что сталъ министромъ, и переносившій свое вдовство съ пріятною бодростью духа. Она знала, что нравится Кодри; но это представлялось ей только смѣшнымъ. За то она почувствовала блаженство, когда угнѣздилась на колѣняхъ Альбера, вся въ шелку, декольтированная и бѣлая.

Они не спѣшили ложиться послѣ этого дня, начавшагося въ неувѣренности и кончившагося такъ хорошо. Женевьевѣ только хотѣлось смѣнить свои тяжелые шелка на что-нибудь менѣе парадное. Пока она уходила переодѣваться, Телье разобралъ почту, накопившуюся въ его отсутствіе: кучу телеграммъ, въ однообразныхъ и затасканныхъ фразахъ которыхъ выражалось бы сочувствіе, если бы въ ихъ напыщенной заурядности не проглядывала душевная низость. Онъ снялъ бандероль и со „Свободной Медицины“, газетки, которая внушала страхъ, такъ какъ сотрудники ея были молоды, строги и вдохновляемы Шарлемъ Тиріономъ... Кстати: почему это Тиріонъ, съ которымъ онъ давно уже не удосуживался повидаться, не пришелъ къ Башеленамъ поздравить его, хотя зналъ, что его можно было сегодня видѣть именно тамъ? Онъ понялъ причину, пробѣжавши хронику „*Свободной Медицины*“. Тамъ приводились язвительные доводы противъ его

избранія въ Академію. Телье подумалъ: „когда добродѣтель нашъ товарищъ, она преувеличиваетъ для насъ свое безпристрастіе“!..

Но ироническая улыбка вышла натянутой. За славу уже пришлось поплатиться дружбой!

Вернулась Женевьева. Онъ уже не замѣтилъ, какъ она была прелестна. Не желая упоминать ни о статьѣ, ни о Тиріонѣ, онъ постарался многорѣчивостью прикрыть свою досаду. Но она еще не досыта навосхищалась имъ.

— Я все еще не вѣрю, что ты академикъ!..

— А мнѣ такъ кажется, что я и вѣкъ имъ былъ... Но не удивляетъ ли тебя то, что всѣ поздравляли меня, а никому и въ голову не пришло похвалить просвѣщенный вкусъ моихъ новыхъ коллегъ?

— Этотъ академикъ, повидимому, фатъ!—сказала Женевьева.

Онъ весело запротестовалъ: онъ лучше, нежели кто-либо, понимаетъ тщету почестей и, въ сущности, не придаетъ имъ никакой цѣны. Наибольшее удовольствіе доставляютъ первые. успѣхи. Сенатъ, Академія не принесли ему и половины той радости, какая овладѣла имъ послѣ экзамена на баккалавра, когда бородатый и лысый деканъ съ эльзасскимъ акцентомъ, показавшимся ему сущей мелодіей, провозгласилъ:

„Г. Телье выдержалъ: хорошіе баллы по всѣмъ предметамъ“... Да, тогда онъ былъ увѣренъ, что этотъ старикъ вѣнчаетъ его славою на всю жизнь! Два дня спустя онъ уже думалъ объ иномъ и вскорѣ сталъ мечтать о другихъ лаврахъ, т. е. о другомъ экзаменѣ.

— Ибо всѣ ступени почетной извѣстности суть лишь распредѣленные въ извѣстной послѣдовательности экзамены. Успѣшное окончаніе каждаго займетъ тебя на двое сутокъ, послѣ чего въ рукахъ останется лишь дипломъ или медаль. А вспомнятъ о нихъ еще разъ гораздо позже... Напримѣръ, при составленіи твоего некролога.

Въ такомъ внезапномъ философскомъ безстрастіи заключалась необъяснимая для г-жи Телье горечь, показавшаяся ей странною, если не притворною, въ самый вечеръ избранія.

— Тогда я не знаю, зачѣмъ ты выставлялъ свою кандидатуру, если успѣхъ былъ для тебя почти безразличенъ!

— По множеству причинъ, изъ которыхъ не послѣднею является то соображеніе, что гораздо болѣе тщеславія выражается въ надменномъ отталкиваніи доступныхъ намъ почестей, нежели въ ихъ принятіи. Одни ломаки отказываются отъ орденовъ. Замѣть еще, что мнѣ было бы неприлично отзываться такъ легко о моемъ избраніи, если бы меня сегодня „провалили“. Въ этомъ выразилась бы досада. Когда-

то я сталкивался въ Латинскомъ кварталѣ съ однимъ репетиторомъ, который неистощимъ былъ на язвительные отзывы объ академіяхъ, но обличалъ свою неискренность наличностью у себя въ петлицѣ широкой до нескромности фіолетовой ленты офицера академіи. Нечего отрицать отличія, крохи которыхъ подбираешь. И зачѣмъ пренебрегать почестями? При случаѣ, онѣ имѣютъ свою хорошую сторону. Онѣ полезны намъ, когда мы близимся къ концу жизненнаго пути. До самой моей смерти мои будущіе коллеги будутъ нуждаться въ моемъ избирательномъ голосѣ и потому постараются не досаждать мнѣ. Это—вѣрное средство для достиженія людской благосклонности. Хотя бы я совершенно выжилъ изъ ума, но пока моя рука въ состояніи держать избирательный бюллетень, молодые люди не станутъ хохотать надо мною въ глаза. Все это имѣетъ значеніе и цѣнится мною по достоинству...

Однако, онъ дѣлалъ видъ, что гораздо болѣе цѣнитъ свѣжую, влажную и черную сигару. Женевьева была смущена его разсужденіями; къ тому же, она знала, что у него подъ слишкомъ шутливымъ тономъ обыкновенно скрывается какое нибудь неудовольствіе. Она дала ему понять, что ожидала отъ него больше благодарности судьбѣ и, чтобы задѣть его, прибавила, что онъ не стоитъ такой удачи.

— Удачи?—отвѣтилъ Телье.—Я хорошенько не знаю, что это такое. Мнѣ понятнѣе заслуга, состоящая, по моему, въ трудѣ, методическомъ, оригинальномъ, полезномъ,—представляющаяся мнѣ дѣятельной формой добродѣтели. Она попадается не такъ часто, чтобы оставаться незамѣченной. Ее отличаютъ—и вотъ происхожденіе отличій. Безъ сомнѣнія, люди недоброжательные могутъ отнять, напримѣръ, у меня должное, чтобы подарить его сосѣду. Но и у сосѣда есть свои враги, которые благопріятствуютъ мнѣ съ единственною цѣлью досадить ему. Въ концѣ концовъ, всѣ злостныя интриги взаимно уничтожаются, и все идетъ такъ, какъ если бы ихъ и не было. Мы только изъ снисхожденія выслушиваемъ неудачниковъ, у которыхъ вѣчно слово „протекція“ на устахъ. Пусть приправляютъ кислымъ настроеніемъ свою прѣсную жизнь. Но не будемъ настолько просты, чтобы имъ повѣрить. Вглядимся пристальнѣе: это — дураки... или лѣнивцы... или творцы нелѣпостей, которыхъ нечего хвалить... Всякая же истинная заслуга бываетъ вознаграждена. Толкуютъ о несправедливости! Да еще изумительно, сколько на свѣтѣ справедливости! Малѣйшее усиліе получаетъ награду, и при томъ соразмѣрную съ его значеніемъ. Иногда награда эта является не тотчасъ, но справедливость какъ бы откры-

ваетъ вамъ счетъ, уплачивая даже проценты за терпѣніе. „Удачею“ обыкновенно называютъ моментъ расплаты.

— Но вѣдь можно ускорить этотъ моментъ...

Онъ отвѣтилъ, что далеко въ томъ не увѣренъ, и продолжалъ свою метафору: справедливость, по его мнѣнію, при нѣкоторой настойчивости просителя, даетъ даже авансы и настолько щедрые, что въ концѣ концовъ остаешься у нея въ долгу. Въ этомъ состоитъ неудобство искусственно, точно въ оранжереѣ, выгнанныхъ успѣховъ. На практикѣ оно выражается въ безмѣрной и опасной зависти ближнихъ.

Альберъ перекладывалъ бумаги, разыскивая спички; но не нашелъ ихъ и ушелъ за ними въ другую комнату. Поиски и тамъ оказались нелегкими, такъ что заняли не менѣе трехъ минутъ. Взглядъ г-жи Телье упалъ, тѣмъ временемъ, на статью въ „Свободной Медицинѣ“, на описаніе Парка Маргариты, „который удобствами напоминалъ тюрьму, а персоналомъ—сумасшедшій домъ“.

Тогда ей стала понятна неожиданная нервность и почти безсвязность рѣчей мужа: потребность возвысить себя въ ущербъ своимъ хулителямъ побудила его высказать сначала столько пренебреженія къ своему счастью, а потомъ столько вѣры въ справедливость судьбы, его увѣнчавшей. Женевьева, слишкомъ гордая, чтобы огорчаться такими нападками, знала, насколько чувствителенъ Альберъ къ малѣйшему уколу. Она ждала его возвращенія, чтобы излить на его рану бальзамъ своего восхищенія. Но когда Телье пришелъ назадъ, отъ его досады не оставалось и слѣда.

— Смотри, насколько вѣрны мои слова объ аккуратномъ счетѣ, который жизнь ведетъ за насъ. Лѣтъ пятнадцать я проработалъ молча, скромно, почти во мракѣ; въ теченіе же слѣдующаго періода, почти равнаго первому по продолжительности, я постепенно получилъ всѣ награды, заработанныя въ продолженіе перваго. Все точно сговорилось въ мою пользу. Я основалъ санаторію для примѣненія лѣчебныхъ методовъ, изученныхъ мною ранѣе; печать отмѣтила этотъ фактъ, что повело къ знакомству съ Дьелегаромъ и къ сотрудничеству въ газетѣ. Такъ какъ мое перо начало внушать опасенія, то стали по достоинству хвалить мою книгу, явившуюся для меня не какимъ нибудь новымъ трудомъ, а только результатомъ всѣхъ прежнихъ наблюденій. Съ другой стороны, отъ амбулаторіи было недалеко и до санаторіи. Башеленъ утомился и вспомнилъ обо мнѣ, какъ о пригодномъ замѣстителѣ. Наконецъ, и Академія нашла во мнѣ достойнаго преемника достопочтенному Фоше, который былъ ассистентомъ у Корвизара и, изъ презрѣнія къ антисептикѣ, мылъ себѣ

руки только послѣ операцій. Вотъ какъ образуется цѣлая цѣпь...

По истинѣ онъ восхищался собою черезчуръ непринужденно и не имѣлъ нужды въ поддержкѣ со стороны Женевьевы! Да, образовалась какъ бы цѣпь счастливыхъ случайностей. Но чья заботливая рука сблизила и спаяла звенья этой цѣпи?

Телье счелъ бы постыднымъ долго распространяться о почестяхъ и удачахъ, хотя бы наединѣ. Если онъ и любилъ ихъ, то конфузился обнаруживать свой вкусъ. Онъ взглянулъ въ зеркало, молодъ ли онъ для академика. Стекло отразило фигуру крѣпкую, но сѣдоватую. Бѣлая прядь волосъ уже не казалась парадоксомъ: ей подъ цвѣтъ явилось нѣсколько другихъ. Онъ подумалъ, что грустно старѣться и что почести, дѣйствительно, пріятны только въ юности, въ пору школьныхъ экзаменовъ. Резонный былъ въ старину обычай производить принцевъ-мальчиковъ въ полковники и короновать юныхъ королей въ шестнадцать лѣтъ: все это мило именно въ эти годы! А впослѣдствіи, что можетъ вознаградить за ушедшую молодость? Геній, можетъ быть... Да, одинъ только геній равноцѣненъ юности. Вотъ почему ребенокъ такъ безцеремонно отзывается о своемъ учителѣ, точно о равномъ... Альберъ комкалъ листки „Свободной Медицины".

— Молодые люди строги. Они пренебрегаютъ нами, обладая легкомысліемъ своего возраста и еще неопаленными крыльями. Они чувствуютъ въ себѣ чистѣйшее пламя любви къ совершенству. Жизнь еще не отучила ихъ отъ прямолинейности и, такъ какъ они не подвергали своихъ силъ испытанію, то недовольство собою еще не внушило имъ снисхожденія къ ближнимъ. Это свойственно юношамъ: они требуютъ геніальности и не признаютъ, чтобы это свойство могло выразиться въ наблюденіяхъ или въ критикѣ существующаго. Они обвиняютъ меня въ томъ, что, разрушивъ заблужденія, я не замѣнилъ каждое изъ нихъ соотвѣтственной истиной. Имъ дѣла нѣтъ, что я создаю вѣрные методы: имъ мила лишь геніальная интуиція, открывающая и творящая. Въ сущности, эти желчные противники не унижаютъ насъ: они лишь укоряютъ насъ, что каждый изъ насъ—не Гарвей, не Клодъ-Бернаръ и не Пастеръ. Только они не достаточно принимаютъ въ разсчетъ роль случайности въ геніальныхъ открытіяхъ. Буррелье, первый окулистъ въ мірѣ, никогда не сдѣлаетъ для зрѣнія такого чуда, какъ голландскій мальчишка изъ Миддльбурга, сынишка Захаріи Іензена, смотрѣвшій, ради забавы, на пѣтуха колокольни сквозь нѣсколько стеколъ заразъ и изобрѣвшій, играючи, подзорную трубу.

Несомнѣнно, что этотъ пострѣленокъ заслужилъ званіе академика; однако всетаки...

Телье умолкъ, но поперечная морщина на его лбу говорила о раздраженіи и сомнѣніяхъ. Женевьевѣ стало его жалко и захотѣлось разогнать его печаль.

— Ахъ, не вѣрь, пожалуйста, въ возвышенныя чувства всѣхъ этихъ независимыхъ брехуновъ. Я объясню тебѣ, въ чемъ состоятъ ихъ самостоятельность и благородство. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется, а ты потомъ скажи мнѣ, если я ошибаюсь. Они не хуже тебя понимаютъ значеніе твоихъ трудовъ, наблюденій, методовъ и даже проектовъ. Явись ты въ „Collège“ на извозчикѣ и весь въ грязи, они сняли бы передъ тобою шляпы. Но они не могутъ тебѣ простить того, что одежда твоя чиста, обстановка прилична, экипажъ—тоже. Они корыстолюбивы, сами того не сознавая. Еще имъ досадно, что жена у тебя не дура и не уродъ. Имъ ненавистна мысль, что твоя жизнь идетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ ихъ существованіе на чердакахъ. Вотъ что я читаю между строкъ ихъ газеты. А ты?

— Пожалуй... можетъ быть... Но станемъ и на ихъ точку зрѣнія: эта безсознательная строгость имѣетъ свои основанія...

Телье почудилась въ словахъ жены какъ бы защита жизни, которую они вели и которая была ей по вкусу, жизни свѣтской и изящной. Онъ угадалъ неодобреніе безкорыстнаго труженика, какимъ былъ Тиріонъ, и косвенно давалъ понять Женевьевѣ, что ихъ не безъ основанія можно было осуждать. Въ любезныхъ выраженіяхъ, ничуть ее не обвиняя, а, напротивъ, указывая скорѣе на себя, онъ высказалъ слѣдующее:

— Да, въ ихъ претензіяхъ много справедливаго. Эта молодежь, пылая рвеніемъ лишь къ наукѣ, не задаетъ себѣ вопроса о той пользѣ, какую я могу принести обществу именно тѣмъ, что вращаюсь въ извѣстномъ кругу, гдѣ встрѣчаюсь, напр., съ Бенуа-Барбе или могу добиться извѣстныхъ реформъ, вліяя на парламентъ, и тѣмъ сдѣлать не менѣе добра, чѣмъ, по своему, сдѣлаютъ они. Такія случайности, по ихъ словамъ, ихъ не касаются. Они уважаютъ лишь правильный научный трудъ, который считаютъ несовмѣстимымъ съ требованіями сколько-нибудь незамкнутой жизни. Они довольно резонно противопоставляютъ мнѣ одинокаго генія, запертаго въ лабораторіи, не отвлекаемаго заботами ни о семьѣ, ни о карьерѣ, преданнаго единственно культу истины, обреченнаго на аскетизмъ, пожалуй, не менѣе необходимый ученому, чѣмъ монаху... Да, среди этихъ суровыхъ противниковъ есть лицемѣры, есть молодцы, гримасничающіе передъ сластями, которыхъ имъ до смерти хочется. Но есть гдѣ-нибудь и воистину сильный духомъ отшельникъ, упорно стре-

мящійся къ выясненію тайнъ природы,—тотъ, чье открытіе, неожиданное, лучезарное, затмитъ собою всѣ эфемерныя репутаціи нашего вѣка. Такой не нуждается въ нашемъ одобреніи. Каждому изъ насъ доводилось въ мечтахъ воображать себя на мѣстѣ этого человѣка, жить его стремленіями, трепетать его восторгомъ!.. Но его путь—не нашъ... Пойдемъ по нашему...

Растерявшаяся Женевьева слушала съ негодованіемъ. Такъ, значитъ, онъ во всѣ эти пятнадцать лѣтъ и не замѣчалъ, что она запряжена съ нимъ рядомъ въ колесницу его счастья и везетъ усердно! Онъ хвалитъ справедливость судьбы, благопріятное сцѣпленіе обстоятельствъ, какъ будто не сама она захотѣла стать его судьбою, фортуною-покровительницею, благосклонною и скромною?! Онъ замѣтилъ ея присутствіе лишь въ тотъ день, когда пришлось искать оправданія своимъ несовершенствамъ, вызвавшимъ нападки нѣсколькихъ дураковъ. Уже не въ первый разъ случалось, что, не обвиняя прямо, но при помощи коварныхъ обобщеній, онъ сваливалъ на нее все, за что его укоряли, обличалъ ее въ мелочномъ и неугомонномъ честолюбіи, въ пристрастіи къ свѣтской пустотѣ. Ахъ, неблагодарный и глупый эгоистъ! Онъ воображаетъ, будто она желаетъ почестей ради тщеславія! А самъ разыгрываетъ философа, щеголяя передъ нею возвышенностью души и пренебреженіемъ къ мишурѣ! Онъ раздѣляетъ убѣжденія Тиріона и, безъ сомнѣнія, жалѣетъ, что не женился, по его примѣру, на своей служанкѣ или на мужичкѣ, которая возилась бы съ его хозяйствомъ, ничуть не претендуя занять мѣсто въ его жизни. Онъ завидуетъ участи одинокаго ученаго, живущаго по-монашески! Но, значитъ, онъ ее ненавидитъ! Она смотрѣла, какъ онъ перелистывалъ какой-то отчетъ. Какую же роль играетъ она около того, кто даетъ ей понять, что видитъ свой идеалъ совсѣмъ въ иномъ? Ахъ! она поняла такъ же ясно, какъ если бъ онъ вслухъ прокричалъ это: жизнь этого человѣка навѣкъ свободна отъ любви! Но развѣ онъ не знаетъ, что ея-то сердце бьется единственно любовью къ нему?!

Она стискивала зубы, чтобы не крикнуть, что онъ ошибается, и что ошибка эта для нея оскорбительна, такъ какъ всю жизнь она мечтала лишь объ одномъ, воображая въ своей наивности, будто этимъ однимъ обладаетъ, а именно: о любви,—о любви серьезной, соединяющей людей въ общности мыслей, въ общности усилій,—о радостной любви, даваемой успѣхомъ, о возрожденіи этой любви при каждой маленькой удачѣ, на которую каждый изъ нихъ даже не взглянулъ бы въ одиночку, но которая приводитъ въ восторгъ тѣмъ, что вызываетъ улыбку у другого!

Она застала его въ нерѣшимости, на распутьи, и энергіей своей любви увлекла его далеко и высоко. Она вѣрила въ участіе его сердца, а онъ шелъ машинально. И сегодня вечеромъ, отдыхая съ нею на вершинѣ, онъ высказываетъ съ полною откровенностью, что лучшими тропинками считаетъ тѣ, по которымъ нельзя пройти вдвоемъ. Она расхохоталась. Онъ поднялъ голову отъ бумагъ.

— Тебѣ весело! Ты не стала бы смѣяться, если бы меня провалили: женщины придерживаются политики результатовъ. Ну, намъ еще предстоитъ два-три экзамена для твоей забавы! Кажется, меня имѣетъ въ виду Академія нравственныхъ наукъ. Пеллера хотѣлъ бы видѣть меня министромъ просвѣщенія, въ переходное время... А потомъ, проведя мой законъ, я радъ бы выйти въ отставку! Пріятно испытать сладость отдыха, еще не состарившись окончательно. Мнѣ достаточно будетъ одной радости: чистой славы нашего Мишеля, который, какъ увѣрены мы съ Марьяжемъ, будетъ геніемъ въ высшей математикѣ, подобно Паскалю или Бертрану...

Женевьева любила сына и знала, что за нимъ признаютъ этотъ рѣдкій даръ, который, однако, восхищалъ ее лишь въ предѣлахъ благоразумія и не внушалъ ей гордости. Ее раздражало безмѣрное тщеславіе Альбера, который говорилъ:

— У него будутъ оба источника счастья: и геній, и молодость. Послѣ этого мнѣ все равно, что мнѣ отказываютъ въ первомъ, а вторая уходитъ... Вѣдь мы уже состарились, Женевьева, и даже пропустили тотъ часъ, когда, въ наши годы, слѣдуетъ ложиться спать!

Онъ всталъ. Правда ли, что она уже стара? Она сосчитала: тридцать девять лѣтъ. Неужели такъ долго тянулось недоразумѣніе ея жизни? Въ свою очередь она поглядѣлась въ зеркало, которое отразило ея изящную, скульптурную фигуру. Она вспомнила, что ей было сказано, будто она стала красивѣе, чѣмъ прежде. Она подумала, что Альберъ могъ бы быть, подобно Фисжану, всего только мужемъ прекрасной г-жи Телье! Мстительное кокетство побудило ее придвинуться ближе къ зеркалу. Она обнажила себѣ шею, спустила одежду пониже, подражая смѣлой декольтировкѣ временъ Имперіи, и поглядѣла на все то, чѣмъ обладалъ одинъ онъ, совсѣмъ о томъ и не думая. Очертанія были красивы, округлы и дышали сладострастьемъ. Она тоже могла бы прославиться своею красотою, если бы придавала ей значеніе...

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАДОСТЬ.

(Изъ дамскаго дневника).

Вчера на журфиксѣ у Васильчиковыхъ разговорились о радости. И долго болтали о ней, обрадовавшись случайно найденой небезъинтересной темѣ. Одни находили, будто полной, ничѣмъ неотравляемой, такъ сказать, кристаллической радости нѣтъ и не можетъ быть, потому что она не въ натурѣ человѣка, которому, вообще, несвойственна и недоступна всесторонняя удовлетворенность. Другіе увѣряли, что радость есть и должна быть, но она рѣдко встрѣчается, ибо весь нашъ жизненный строй еще такъ далекъ отъ идеаловъ. Третьи отождествляли ее съ чувствомъ любви, съ спокойной совѣстью, съ подвигами альтруизма. Четвертые говорили, будто родоначальникъ радости это—желудокъ и хорошее пищевареніе, несущее съ собою оптимистическій взглядъ на жизнь. Какъ всегда, мнѣнія были умныя и неумныя, поверхностныя и болѣе глубокія, банальныя и пооригинальнѣе, горячія, холодныя и подогрѣтыя. Я слушала и тѣхъ, и другихъ, и третьихъ, но сама молчала. Когда-то (и даже не такъ давно) у меня была репутація находчивой, бойкой дамы, которая ни при какихъ обстоятельствахъ не полѣзетъ въ карманъ за словомъ. Теперь у меня уже нѣтъ этой репутаціи. Съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ совсѣмъ не хочется говорить, особенно въ большомъ обществѣ, когда я вижу, что говорятъ такъ себѣ, лишь бы не безмолствовать, говорятъ оттого, что молчать въ гостяхъ непринято и неприлично. Но мнѣ какъ-то легче молчать, и изъ-за этого я немного избѣгаю бывать въ обществѣ. Однако, когда вчера вспомнили о радости, мнѣ захотѣлось поговорить, хотя я тотчасъ раздумала. Къ чему? Люди такъ рѣдко понимаютъ другъ друга, и слова, по большей части, только портятъ все то, что мы хотѣли бы сказать.

Пока обсуждали теоретическій вопросъ: а что такое ра-

дость и гдѣ ее искать?—я молчала и думала: гдѣ искать, не знаю, но самая радость мнѣ, какъ будто, знакома. Давно, еще во времена ранняго дѣтства у меня былъ моментъ до того острой, полной и захватывающей радости, что воспоминаніе о ней и до сихъ поръ горитъ въ моей душѣ согрѣвающимъ свѣтомъ. А вѣдь я невѣрно сказала, будто не знаю, гдѣ искать радость. По моему, ее надо искать весною, когда цвѣтутъ ландыши, и искать въ Малороссіи, въ долинѣ, гдѣ протекаетъ днѣпровскій притокъ Пселъ, неподалеку отъ бывшей усадьбы моего дѣда. Понятіе о радости неразрывно соединяется у меня съ представленіемъ о хорошо мнѣ знакомомъ украинскомъ пейзажѣ съ его нѣжно-расплывчатыми красками и тонами. Впослѣдствіи мнѣ случалось видѣть и болѣе яркія небеса, и болѣе богатыя красоты природы, но радость... она живетъ гдѣ-то тамъ, на берегахъ Псела.

Я уже начала приближаться къ старости, и отчасти это кажется мнѣ страннымъ: я привыкла быть молодой. Почему то думалось, что старость не осмѣлится приблизиться ко мнѣ. То есть, я, конечно, знала, что она должна наступить; точно такъ же, какъ знаю, что рано или поздно я непремѣнно умру. Тѣмъ не менѣе оба эти соображенія были весьма отвлеченными, казались событіями чрезвычайно отдаленнаго будущаго. И вотъ они подходятъ все ближе и ближе, а я встрѣчаю ихъ почти равнодушно. Мало по малу для меня становится былымъ все то, что раньше являлось грядущимъ... Я спрашиваю у себя: есть ли во мнѣ сожалѣніе объ отлетающей молодости? и чистосердечно отвѣчаю: нѣтъ, мнѣ ея не жаль. Что она дала мнѣ такого, о чемъ бы стоило пожалѣть? Кажется, ничего. Прожитые дни и годы сливаются въ длинную полосу однотонно-сѣраго цвѣта; кое-гдѣ на ней, какъ огненныя пятна, выступаютъ болѣе яркія мгновенья, и опять тянется сѣрая полоса... Нѣтъ, во мнѣ не рождается ни малѣйшаго желанія пережить все это снова.

А между тѣмъ, меня не разъ называли счастливой!

Мою жизнь находили оригинальной, меня причисляли къ разряду тѣхъ людей, которымъ „все удается". Положимъ, далеко не все... Но многое изъ того, чего я въ разныя времена желала для себя лично, мнѣ удавалось. Бывало, опытные, искусившіеся въ борьбѣ за существованіе люди искренно завидовали моему „умѣнью желать", а также тому „неистощимому" запасу энергіи, какой они приписывали мнѣ.

Не знаю, насколько великъ былъ запасъ моей энергіи въ дѣйствительности... Думается, что его порядкомъ преувеличивали. У меня въ жизни играли видную роль случайныя обстоятельства, которыя сами собой складывались иногда въ

мою пользу. Обыкновенно выходило такъ, что я храбро являлась туда, куда мнѣ въ данный моментъ желательно было направиться, откровенно заявляла, чего мнѣ надо, а остальное предоставляла на волю Провидѣнья. И что-то слѣпое, опредѣляемое словами: судьба, авось, случай и удача вывозило меня. Тѣ же, которые не знали или мало знали меня лично, глядя на мое преуспѣяніе, говорили обо мнѣ:

— О, это очень, страшно ловкая женщина! Это такой дѣлецъ... И какая энергія!

У меня не было основаній разубѣждать ихъ въ этомъ.

Не могу сказать, чтобы я въ своей жизни часто спала на розахъ, но что касается людей, — я не имѣю права жаловаться на нихъ. Самые разнородные люди охотно оказывали мнѣ всевозможныя услуги и одолженія, и въ этомъ отношеніи за мной остались неоплаченные счета. По моимъ личнымъ наблюденіямъ оказывается, что люди далеко не такъ плохи, какъ о нихъ принято думать и говорить. Впрочемъ, можетъ быть, я потому такъ разсуждаю, что слишкомъ многимъ обязана имъ, и не хочу чувствовать за собой неблагодарности.

Теперь, когда я привожу къ одному знаменателю итоги своей молодости, мнѣ кажется, что главной, преобладающей чертой моего характера являлось большое любопытство. Мнѣ всегда хотѣлось не столько пережить какое-нибудь чувство, настроеніе или событіе, сколько посмотрѣть: а что это такое?

— А ну? что еще тамъ?—говорила я себѣ въ разные періоды жизни и шла навстрѣчу тому, что мнѣ казалось неизвѣстнымъ.

Благодаря этому, мнѣ все же довелось кое-что увидѣть. Передъ моими глазами промелькнуло много непохожихъ другъ на друга людей, и частыя смѣны разнообразныхъ впечатлѣній довольно рано утомили меня. Но радость, полную, захватывающую радость?.. Я стояла лицомъ къ лицу съ нею всего одинъ разъ, и предшествовало ей огромное горе, первое тяжелое горе моей жизни.

Мнѣ шелъ тогда седьмой годъ. Семья моего отца, уже непоправимо раззоренная, доживала послѣдніе беззаботные дни. Дѣдъ умеръ, оставивъ большіе долги; остатки его состоянія завѣщаны были въ пожизненное владѣніе бабушкѣ. Она такъ изворотливо и толково распоряжалась доставшимися ей крохами, что насъ еще продолжали считать состоятельными людьми. Кромѣ бабушки, въ ея усадьбѣ жили постоянно слѣдующія лица: мой отецъ и мать съ дѣтьми; пышная, смуглая

и язвительная тетя Катя съ усиками, разставшаяся со своимъ мужемъ; бездѣтная, похожая на ангела, тетя Женя съ истериками, затѣмъ ея мужъ, необыкновенный силачъ, дядя Nicolas, который ея почему-то боялся, и еще некрасивая тетя Лиза, старая барышня. Помимо того въ деревню пріѣзжали каждое лѣто въ гости и другіе дяди и тетки съ семействами и одинокіе.

Въ бабушкиной усадьбѣ было очень хорошо. Мнѣ и теперь кажется, что нигдѣ не пахнетъ такъ прекрасно сирень, какъ тамъ, и нигдѣ нѣтъ такого отличнаго, большого дома съ темными-претемными ставнями, съ кафельными лежанками, съ широчайшими досками давно некрашенныхъ половъ, уныло скрипящихъ подъ ногами, точно напоминающихъ этимъ скрипомъ о бренности всего земного. Нигдѣ не видѣла я въ другомъ мѣстѣ столь высокихъ орѣховыхъ деревьевъ съ пахучими листьями, такихъ вѣтвистыхъ блѣдно-зеленыхъ маслинъ, которыя когда цвѣтутъ, то пахнутъ ананасными дынями.

Бабушка была старуха, но красивая и важная. Она со всѣми говорила снисходительно и какъ добрая, но многимъ внушала боязнь. Старшіе изъ дядей, не смотря на свои сѣдѣющія бороды, называли ее „маменькой“ и разговаривали съ нею, какъ будто сами они еще маленькіе, маленькіе.

Мой отецъ говорилъ ей не „маменька“, а „мама“, но тоже слушался ее. Она носила бѣлыя платья, тончайшее бѣлье съ кружевами, воздушный чепчикъ изъ бѣлаго тюля въ цвѣточкахъ и сверкающее брилліантовое кольцо съ выпуклымъ рубиномъ на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки. Ея постель, туалетный столъ съ кружевными занавѣсками, граненыя бутылочки духовъ, гарусная подушка на диванѣ, вышитая скамеечка для ногъ и всѣ остальныя вещи, такъ же какъ и она сама, какъ ея сѣдые вьющіеся волосы и продолговато-отточенные ногти, — все вокругъ нея отличалось особенной чистотой. На ночь она купалась въ холодной водѣ, а по утрамъ вытиралась одеколономъ, и, когда выходила къ утреннему чаю, столовая наполнялась особымъ свѣжимъ запахомъ, какимъ пахнутъ послѣ дождя бѣлыя акаціи.

Отецъ служилъ въ военной службѣ гусаромъ. Дядя Nicolas былъ его товарищъ по полку; въ то время оба они вышли по недостатку средствъ въ запасъ и собирались начать служить по выборамъ. Отца повсюду называли красавцемъ, даже безукоризненнымъ красавцемъ. Но самъ онъ, повидимому, не придавалъ никакого значенія своей красотѣ. По моему, его долженъ былъ портить сравнительно небольшой ростъ, нѣкоторая холодность манеры и утомленная безжизненность его безукоризненнаго лица. Впрочемъ, при не-

большомъ ростѣ, онъ былъ вполнѣ пропорціоналенъ, а въ красотѣ его, не смотря на холодность, вѣроятно, все же было нѣчто, наводящее на грѣховныя мысли: среди дамъ отецъ имѣлъ много поклонницъ, надоѣдавшихъ ему томными ухаживаньями. На него вездѣ обращали вниманіе и даже, говорятъ, въ Петербургѣ, когда онъ появлялся въ многолюдномъ обществѣ, всѣ спрашивали: кто этотъ гусаръ? А онъ обыкновенно имѣлъ нѣсколько смущенный видъ, какъ будто старался спрятаться, остаться незамѣтнымъ, и лицо его точно просило: „оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ, не обращайте на меня вниманія. Ну, да... я, кажется, довольно красивъ, но, право, это произошло вопреки моему желанію и не по моей винѣ“... Изъ-за этой словно уклоняющейся отъ всего и всѣхъ манеры отца его считали напыщеннымъ и гордецомъ. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ неподдѣльно-скромный, уступчивый, мягко-деликатный и очень застѣнчивый человѣкъ, чуждый не только самомнѣнія, но и самоувѣренности. Въ обществѣ онъ мало разговаривалъ, хотя считался остроумнымъ; улыбался рѣдко, но если улыбался, то прелукаво: умъ у него былъ живой, сатирическій, быстро улавливающій все смѣшное, дѣланное, ходульное.

Когда онъ возвращался изъ земскаго собранія или съ какого-нибудь вечера, бабушка заставляла его разсказывать подробно, что тамъ было. Отецъ изображалъ все въ лицахъ, безподобно подражая чужимъ голосамъ и различнымъ выраженіямъ чужихъ физіономій. Разсказывалъ онъ немного лѣниво, однако до такой степени смѣшно, что кругомъ всѣ изнемогали отъ хохота. У бабушки послѣ того отъ слезъ, вызванныхъ бурнымъ смѣхомъ, долго блестѣли мокрыя щеки и глаза. Отецъ же невозмутимо и, какъ двѣ капли воды, похоже на подлинникъ, изображалъ помѣшаннаго на своемъ величіи предводителя, при чемъ хрипло гудѣлъ раскатистой октавой:

— Ежели ты столбовой дворянинъ, то и держи знамя, какъ я. Видишь меня? Вотъ тебѣ образецъ!

Или же:

— Когда я былъ послѣдній разъ запросто во дворцѣ... И такъ далѣе.

— Ой, уморилъ,—отмахивалась, наконецъ, бабушка, отъ разсказчика, — ахъ ты, тишайшій! Посмотришь на него на людяхъ, воды не замутитъ. Глаза немножко вверхъ: ни дать, ни взять — преподобный. Златокудрый, только и не достаетъ сіянія вкругъ чела... И кто бы подумалъ, что онъ такъ великолѣпно видитъ всѣ сердца и печенки?

Мнѣ и младшему брату моему, Митѣ, казалось непости-

жимымъ, какъ это отецъ видитъ всѣ печенки, когда намъ не видно ни одной?

Особенно хорошо копировалъ отецъ уѣздныхъ барынь, старыхъ и молодыхъ.

— Сдѣлай мнѣ одолженье!—упрашивала его бабушка—изобрази и меня! Ну, что тебѣ стоитъ?

— Не умѣю, — отвѣчалъ отецъ, и лицо у него становилось „преподобное".

Свою мать я боготворила. Любовь къ ней граничила у меня съ экзальтированнымъ обожаніемъ. Она была моимъ кумиромъ, моимъ идеаломъ. У меня въ головѣ не помѣстилась бы даже мысль о томъ, что она можетъ оказаться неправой, злобной или несправедливой.

Мать не обладала, подобно отцу, безупречной красотой, но румяная, сильная, мускулистая, она была олицетворенное здоровье и жизнеспособность, такъ что вмѣстѣ съ отцомъ они, казалось, составляли отлично подобранную пару. А между тѣмъ, у нихъ рождались болѣзненныя, неживучія дѣти, умиравшія вскорѣ послѣ рожденія. Въ живыхъ держалось лишь двое: Митя и я. Ни у одного изъ женатыхъ дядей не было сыновей, и потому на Митѣ сосредоточивались общія надежды, какъ на будущемъ представителѣ рода. Его любили, баловали, ему все позволялось и все прощалось. Онъ былъ здоровый, веселый, краснощекій, очень похожій на маму. Я же пошла въ родъ отца, и обо мнѣ то и дѣло повторяли, что я „не жилица". Бабушка, тетки, бабушкина сверстница, нянька, сосѣднія дамы съ турнюрами, прицѣпленными подъ юбками, старая матушка въ черномъ платочкѣ и молодая матушка въ шляпкѣ съ зеленымъ виноградомъ, — всѣ безъ исключенія твердили, будто у меня „нѣтъ крови", и оттого мнѣ не суждено жить. Яростнѣе другихъ пророчествовала по этому поводу смуглая тетя Катя съ усиками.

— Да вы взгляните на нее! — предлагала она кому нибудь изъ знакомыхъ и предлагала настолько неосторожно, что я всегда слышала ея слова: — развѣ съ такими глазами живутъ дѣти?

Я послѣ этого подходила къ зеркалу и долго разсматривала свои глаза, но не находила въ нихъ ничего особеннаго: обыкновенные сѣрые глаза, немножко растерянные и вопросительные. Кажется, и мать моя была того мнѣнія, что я „не жилица". Она съ горячей страстностью ласкала меня и подолгу смотрѣла мнѣ въ глаза, какъ бы прощаясь со мною или о чемъ то спрашивая. Она словно подготовляла себя къ какому то неизбѣжному и безжалостному удару съ моей стороны. А тетя Катя положительно преслѣдовала меня за мою неживучесть.

Тетя Катя была сердитая и жила у бабушки потому, что

мужъ ея, недовольный ея непріятнымъ характеромъ, уѣхалъ отъ нея куда-то, чуть-ли не въ Сибирь, и пропалъ безъ вѣсти. Его звали Всеволодъ Павловичъ. Тетя Катя постоянно служила панихиды по „рабѣ Божіемъ Всеволодѣ“, слѣдуя совѣтамъ няньки, утверждавшей, что если Всеволодъ Павловичъ еще живъ, то послѣ панихиды затоскуетъ и откликнется непремѣнно. По всей вѣроятности, онъ умеръ, такъ какъ не откликался, а тетя Катя старалась сказать каждому что нибудь горькое или обидное. За это ее не любили, и дядя Гриша, который потомъ застрѣлился въ Москвѣ, прозвалъ ее (по моему заслуженно и справедливо) „язвой“ и „болотнымъ комаромъ“.

Тетя Женя была добрѣе, хоть она страдала частыми истериками. Маленькая, хорошенькая, съ пепельными волосами, она походила на ангела. Зная объ этомъ, она и причесывалась „подъ ангела“, съ локонами. Говорила она тихимъ, слабымъ, точно умирающимъ голоскомъ, но если сердилась на своего мужа, дядю Nicolas, то кричала громко, мощно, и тогда въ ней сказывался такой командиръ... хоть сейчасъ въ кавалерійскій полкъ.

Силачъ дядя Nicolas былъ очень милъ со мной и съ Митей. Бабушка называла его „Самсономъ“ и „Голіафомъ“. Съ нимъ хорошо и удобно было играть въ лошадки: онъ изображалъ коренного, а Митя и я, сидя у него на плечахъ, разыгрывали пристяжныхъ, и всѣ разомъ подражали на бѣгу лошадиному ржанью. То была превосходная, но немного шумная тройка. И намъ доставалось отъ тети Жени за „кавардакъ“, поднимаемый въ домѣ при этой игрѣ. А иногда дядя Nicolas усаживалъ Митю себѣ на шею и въ карьеръ носился по залѣ, распѣвая во все свое богатырское горло:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россъ!
Не тоскуй и не печалься,
Что ты голоденъ и босъ...

Тогда дрожали не только полы, но и окна.

Изъ всѣхъ тетокъ я чувствовала дружескую привязанность лишь къ одной тетѣ Лизѣ, некрасивой, пожилой барышнѣ съ нависшами на глаза свѣтло-желтыми (а по моему даже зеленоватами) бровями. Тетя Лиза жила на верху, въ мезонинѣ; на ея рукахъ лежало веденіе домашняго хозяйства. Она варила варенья и маринады, нарѣзывала экономнымъ способомъ балыкъ къ обѣду, ходила въ кладовую, выдавала повару Степану разные запасы и т. п. Прислуга боялась ея больше бабушки. Тетя Лиза благоволила

ко мнѣ: я была вхожа къ ней въ мезонинъ, и мнѣ дозволялась смотрѣть, какъ нарѣзывается балыкъ, маринуются простыя базарныя селедки, превращаясь въ голландскія, или варится варенье, а Митю тетя Лиза выпроваживала, потому что онъ не умѣлъ сидѣть тихо.

— Ну-ну! ты, мазаный пирожокъ! —кричала она Митѣ: — ступай, ступай подальше... Съ Богомъ... Еще въ жаровнѣ очутишься, будущій мужчина!

Будущій мужчина покорно уходилъ, а я оставалась, пробовала остуженный на льду сиропъ и ягоды и съѣдала множество пѣнокъ. Мы дружили съ тетей Лизой, хотя на одномъ пунктѣ у насъ выходило принципіальное разногласіе. Тетя Лиза ненавидѣла мужчинъ, а я находила, что мужчины, какіе они ни есть, всетаки лучше женщинъ. Прежде всего они справедливѣе и не считаютъ, что если кто нибудь маленькій, такъ онъ ужъ долженъ быть глупый-преглупый... Они не вмѣшиваются не въ свое дѣло, не говорятъ дѣтямъ дѣланными голосами: ай-яай-яай!

— Аай-яай-яай! какъ не хорошо выплевывать рыбій жиръ!

— Аай-яай-яай! какая она у васъ умница... А „козлика“ знаетъ?

Козликъ!?

Напялитъ на себя турнюръ и завоображаетъ... А того не подумаетъ, что человѣкъ, можетъ быть, давнымъ давно перерosъ ея глупѣйшаго „козлика“ и уже безъ всякаго затрудненія безошибочно разскажетъ наизусть, какъ:

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли...

Или знаетъ, напримѣръ: „Близь Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ?“ Да что толковать! Мужчины—они и проще, и умнѣе. У нихъ такъ: къ кому относятся хорошо, съ тѣмъ всегда очень милы. Или же попросту не замѣчаютъ тебя совсѣмъ, не обращаютъ вниманія, и это гораздо лучше. Потомъ, они меньше важничаютъ. Предсѣдатель земской управы, Маврикій Петровичъ: — какой уважаемый человѣкъ, а и тотъ не находитъ для себя унизительнымъ показывать намъ съ Митей зайчиковъ на печкѣ? И вообще, что за сравненіе: мужчина и дама? Понятно, мужчина веселѣе и лучше. Но тетя Лиза рѣшительно не соглашалась съ этимъ. Въ молодости у нея былъ женихъ, офицеръ Каргопольскаго драгунскаго полка. Онъ узналъ отъ кого-то, что дѣдушка живетъ не по средствамъ, и что тетя Лиза не получитъ большого приданаго. Тогда онъ отказался отъ ея руки и поспѣшно перевелся въ другой полкъ. Вслѣдствіе этого, тетя Лиза возненавидѣла мужчинъ. И теперь она говорила мнѣ:

— Подожди, подожди! Выростешь, такъ поплачешь отъ ихняго веселья... Они тебѣ покажутъ „зайчиковъ!“

— А-а—ууу!? Можетъ, еще они поплачутъ, а не я?..

Словомъ, тутъ мы діаметрально расходились, а въ прочихъ случаяхъ и вопросахъ проявляли солидарность.

Кромѣ тети Лизы, былъ у меня еще одинъ пріятель: старшій дѣдушкинъ кучеръ, Никита, но онъ отдавалъ видимое предпочтеніе не мнѣ, а Митѣ, котораго титуловалъ „наслѣдникомъ-цесаревичемъ“. Щеголеватый, тщательно-выбритый, лысый Никита былъ удивительно интересный собесѣдникъ. Чего только онъ не зналъ и не видѣлъ! Во-первыхъ, онъ служилъ „тремъ императорамъ“, помнилъ времена Александра Благословеннаго, побывалъ на военныхъ поселеніяхъ и дважды видѣлъ своими глазами государя Николая Павловича, котораго ставилъ превыше всего. Во-вторыхъ, онъ часто ѣздилъ съ покойнымъ дѣдушкой въ Москву и въ Петербургъ на лошадяхъ и „прямой дорогой“... Въ третьихъ, онъ настолько хорошо изучилъ бытъ и нравы минувшаго крѣпостного права, что при иныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно, свободно могъ бы писать презанимательные романы изъ этой эпохи. Когда Никита принимался разсказывать намъ съ Митей о чемъ нибудь, его нельзя было наслушаться. Какъ всѣ сочинители, Никита любилъ пофантазировать и многое привиралъ въ своихъ разсказахъ. Одна и та же исторія передавалась имъ каждый разъ иначе. Но все это было до такой степени захватывающе интересно, что мы охотно прощали автору игру его фантазіи и нѣкоторыя явныя противорѣчія. При всѣхъ достоинствахъ, у Никиты былъ и большой порокъ: время отъ времени онъ запивалъ „горькую“. Его запои рѣзко участились послѣ смерти дѣдушки, къ которому Никита относился съ трогательной преданностью. Въ послѣдніе годы Никиту почти не посылали на козлы, развѣ тогда, когда выѣзжала изъ дому сама бабушка, или въ иныхъ, особо-важныхъ случаяхъ. Лошадей у насъ оставалось немного, но Никита попрежнему считался „старшимъ“ надъ остальными кучерами и держалъ ихъ въ „Николаевскихъ“ ежевыхъ рукавицахъ. Эти остальные кучера были мальчишки Омелько и Опанасъ, при чемъ бабушка, нанимая ихъ, умышленно пріискивала наиболѣе придурковатыхъ, опасаясь, что всякій мало-мальски смышленный кучеренокъ ни за что не согласится переносить, ради небольшого жалованья, „Николаевскія рукавицы“ Никиты.

Никита умѣлъ превосходно распознавать и лѣчить лошадиныя болѣзни. Съ лошадьми онъ разговаривалъ, какъ съ самыми развитыми взрослыми людьми; лошади слушались его и понимали, какъ никого другого. Митю онъ каталъ вер-

хомъ на темномъ дѣдушкиномъ Вулканѣ, а меня не хотѣлъ покатать и заявлялъ:

— Вамъ нельзя: вы барышня...

Тутъ меня впервые начало тревожить глубокое сожалѣніе: и зачѣмъ я родилась барышней?

А какіе чудные вѣнки сплеталъ Никита изъ ржи и васильковъ; какія мелодичныя дудочки и сопѣлки изготовлялъ онъ для Мити; какъ художественно создавалъ деревянныхъ лошадокъ съ хвостами и гривами изъ той „мочалки", что растетъ на кукурузѣ! Все умѣлъ дѣлать Никита, пока былъ трезвъ. А напившись, уходилъ отъ людей и прятался въ полуразвалившейся каменной банѣ, вокругъ которой всѣ дорожки заросли крапивой.

Что ни годъ, то въ домѣ у насъ происходили похороны новорожденныхъ или недолго пожившихъ дѣтей. Къ этому явленію всѣ относились довольно равнодушно, кромѣ матери. Мать же въ такихъ случаяхъ страшно рыдала и бросала бабушкѣ вызывающіе укоры, упрекая всю семью въ чемъ то, чего тогда я не понимала, но что теперь опредѣлила бы словомъ: вырожденіе.

Бабушка не любила мамы, потому что отецъ женился въ Петербургѣ, по любви, на курсисткѣ и сдѣлалъ мезальянсъ. Кажется, на выдающуюся красоту отца возлагались радужныя надежды. Ожидали, что онъ составитъ вполнѣ хорошую партію и „поправитъ дѣла". А мать ничего не принесла въ разрушающійся домъ, кромѣ самой себя, своей жизни и здоровья.

Когда она начинала укорять бабушку въ „бѣснованіяхъ" покойнаго дѣдушки, по винѣ котораго у мамы все умирали дѣти,—бабушка спокойно отвѣчала своимъ королевски-величественнымъ тономъ:

— Но... милая моя! Вы должны были разузнать, на что идете... Вамъ слѣдовало раньше подумать о дѣтяхъ. А вы влюбились и все на карту! Кто же виноватъ? На себя пеняйте...

Послѣ объявленія русско-турецкой войны, отецъ и дядя Nicolas поѣхали воевать.

Имъ не довелось побывать въ серьезномъ бою, но въ домѣ у насъ, во время ихъ отсутствія, стояло жуткое уныніе. Читали газеты и повторяли на всевозможные лады: Рущукъ, Плевна, Балканы, Османъ-паша, Константинополь. Отецъ присылалъ мамѣ превеселыя письма, увѣрялъ, что война вовсе не такъ страшна, какъ предполагаютъ дамы, что онъ чувствуетъ себя превосходно и убѣдительно проситъ поменьше безпокоиться о немъ. Сообщалъ (якобы подъ большимъ секретомъ) также и о томъ, что онъ слыхалъ стороною, будто на-

шего чваннаго предводителя собираются назначить Константинопольскимъ генералъ-губернаторомъ и уже заранѣе сформировываютъ для него изысканный гаремъ.

Бабушка очень смѣялась надъ этимъ слухомъ. Дядя Nicolas тоже не жаловался на войну, но писалъ, что до такой степени тоскуетъ безъ тети Жени, что просто мѣста не находитъ себѣ отъ тоски.

— Воображаю!—пренебрежительно фыркала надъ его письмами язвительная тетя Катя: — этакій дѣтина... И вдругъ мѣста себѣ не найдетъ безъ ея истерикъ!

Тетя Женя сердилась и тоже пренебрежительно говорила:

— Не воображай, пожалуйста! И не суди по себѣ. Не всѣ таковы, какъ твой Всеволодъ Павловичъ.

— Н-ну! Всеволодъ хоть не лицемѣръ. И я уважаю его за это.

— Не знаю... Отъ меня еще никто не сбѣгалъ на край свѣта. Можетъ быть, и я уважала бы при такомъ случаѣ...

— Еще сбѣжитъ! Не тревожься. Сбѣжитъ, какъ Богъ святъ.

Онѣ затѣвали перебранку и, въ заключеніе, тетя Катя доводила таки до истерики тетю Женю. А бабушка была недовольна или обѣими и называла ихъ „индюшками".

Отецъ и дядя Nicolas благополучно возвратились домой.

Тетя Лиза разбирала ихъ чемоданы, привезенные со станціи, а я, на правахъ фаворитки тети Лизы, присутствовала при этомъ. Между прочимъ, изъ дядинаго чемодана выпала большая фотографическая карточка. И такъ какъ тетя Лиза ушла провѣтривать на дворѣ мундиры и другія вещи, а карточка продолжала лежать на полу, то я рѣшила, что карточка выброшена, и взяла ее себѣ. Это было странное изображеніе: какъ будто, женщина съ крѣпкими, красивыми ногами, плотно обтянутыми бѣлой тканью, а между тѣмъ—какъ бы въ гусарскомъ мундирѣ со шнурками и въ какомъ-то фантастическомъ, во всякомъ случаѣ, не русскомъ, кэпи. Я хотѣла отнести карточку матери, но по дорогѣ встрѣтила бабушку и показала ей:

— Бабушка, это тоже турокъ? У дяди Nicolas въ чемоданѣ лежалъ...

Она взглянула на карточку, сердито вырвала ее у меня, перевернула, прочла вполголоса на оборотѣ, съ трудомъ разбирая безъ очковъ: „Au cheri Nicolas. Souvenir de Rouschtouk,"— и ея тонкія ноздри задвигались отъ сдерживаемаго смѣха.

— Это, милая, погрознѣе турка! — строго пояснила она мнѣ уже безъ улыбки. И выбранила кого-то отсутствующаго:— Ахъ, дурачье! Ахъ, ротозѣй!

Потомъ подозрительно спросила:

— Да ты навѣрное знаешь, что это изъ чемодана дяди Nicolas? А не изъ папинаго чемодана?

Я знала навѣрное.

— Разумѣется, изъ дядинаго. И тамъ еще лежала чадра для тети Жени: вышитая золотомъ! И турецкій костюмъ... Тоже дорогой, дорогой; красный, съ шароварами... Бабушка! Такъ теперь тетя Женя будетъ въ турецкомъ костюмѣ, въ панталонахъ ходить?

— Нѣтъ, милая... Тетя Женя не будетъ ходить въ панталонахъ. А ты, смотри, не говори ей про турка: она испугается и начнетъ плакать. Это очень страшно. Да и мамѣ не говори: чего добраго, какъ бы и она не заплакала! Папа вѣдь твой тоже Николай... И вмѣстѣ съ дядей былъ въ Рущукѣ.

— О, я никому не скажу... Даже тетѣ Лизѣ... — немедленно пообѣщала я.

„Турокъ" остался у бабушки и исчезъ безслѣдно.

Бабушка первая начала учить меня молиться. Она много разсказывала мнѣ о Богѣ, взяла она на себя эту обязанность потому, что мать моя была нерелигіозна. Объ ея „невѣріи" часто толковали между собою бабушка и тетки; онѣ предсказывали, что Богъ непремѣнно накажетъ маму. Бабушка не упускала удобнаго случая кольнуть мать ея невѣріемъ.

— Атеизмъ, милая моя,—иронически говорила бабушка,— давно вышелъ изъ моды! Теперь онъ пережитокъ, остатокъ отъ шестидесятыхъ годовъ.

Мать отмалчивалась, а бабушку это злило.

— Охъ, ужъ это мнѣ россійское свободомысліе!—кипятилась она:—хуже всего не терплю верхоглядства. Дѣвица не успѣетъ выйти изъ пеленокъ, а уже нахваталась вершковъ! Прочтетъ двѣ-три книжонки въ плохомъ переводѣ, приглянется какому-нибудь профессору Перерепенкѣ, и тотъ ей скажетъ, что въ ней есть „что-то"... И уже она все постигла. Нѣтъ у нея ни Бога, ни дьявола... Есть только Джонъ Стюартъ Милль, Гербертъ Спенсеръ, Чарльзъ Дарвинъ, да еще онъ... душка Перерепенко. А вы знаете, милая моя, что Дарвинъ человѣкъ очень набожный? И безбожникъ Вольтеръ говорилъ: если бы Бога не было, его пришлось бы выдумать?

— Онъ говорилъ это въ другомъ смыслѣ,—нехотя возражала мать.

— Мы не знаемъ съ достовѣрностью, въ какомъ именно смыслѣ... а знаемъ, что сказалъ. Я не противъ свободы чужого убѣжденія. Вѣришь въ Дарвина? Что жъ?—твое дѣло. Бери его себѣ, коли онъ тебѣ дороже всего. Но нужно быть

послѣдовательнымъ. Надо оставаться вѣрнымъ тому, во что вѣришь. А то: тру-ля-ля какое-то. Винигретъ въ головахъ... Окрошка... Съ одной стороны: „Ахъ, Дарвинъ! ахъ прогрессъ!“— а съ другой: „Ахъ, гусары!“ Тутъ тебѣ: „Allons enfants de la patrie!“ И тутъ же: „А русскій мужъ, при томъ военный,— какое счастье для жены!“ Развѣ не винигретъ? Я противъ ренегатства... какого-бы то ни было.

Надо полагать, что за матерью все же числилось нѣчто вродѣ ренегатства: у нея не находилось возраженій на этотъ упрекъ. Она лишь скорбно молчала и не мѣшала бабушкѣ учить меня молитвамъ.

Правду сказать, я панически боялась мстительнаго „бабушкинаго Бога“, не смотря на всѣ разсказы объ его милосердіи. Я уже знала, что его всемогущая десница, строго карающая безбожниковъ, должна неминуемо обратиться на голову моей недостаточно вѣрующей матери. Поэтому я всячески старалась умилостивить гнѣвнаго Бога: цѣловала иконки, ставила въ церкви свѣчи, возлагала на себя обѣты; напримѣръ: „ударить“ отъ десяти до пятидесяти земныхъ поклоновъ и т. п. А бабушка учила меня:

— Ты, милая, должна навсегда запомнить, что въ жизни необходимо вѣрить. Человѣкъ безъ вѣры — ничто. Въ Бога, въ дьявола, въ прогрессъ, въ человѣчество... во что-нибудь, а вѣрить должно. Каждый ищетъ какой-либо вѣры. Непремѣнно. Безъ этого ты не человѣкъ, а скотина.

— Я тоже вѣрю!—твердо сказала я.

— Въ кого?—живо спросила бабушка.

— Въ маму.

Старуха на секунду гнѣвно опустила глаза, затѣмъ подняла ихъ и назидательно замѣтила:

— Что жъ? Это хорошо. Любить мать и вѣрить ей—твоя обязанность. Но я тебѣ посовѣтую, кромѣ того, вѣрить еще и въ Бога. Бываютъ такіе случаи, что ихъ и не переживешь безъ Бога. Вотъ—твоя мама... То, что меня при моей вѣрѣ согнетъ, ее навѣрняка сломитъ. Въ горѣ, въ болѣзни ей будетъ вдесятеро тяжелѣе, чѣмъ мнѣ. Оттого, что въ ней нѣтъ крѣпкой вѣры.

— А Богъ накажетъ ее за это?—со страхомъ спросила я.

— Понятно, накажетъ. Какъ же не наказать? А впрочемъ... Можетъ и помиловать: Онъ вѣдь милосердный... Все въ Его волѣ!

Вечеромъ, послѣ этого разговора съ бабушкой, я прочитала всѣ, положенныя передъ отходомъ ко сну, славословія и обратилась къ Богу съ своей собственной тайной молитвой о матери:

— Господи! прости Ты ее, если она не вѣритъ, не наказуй ее!

Но Богъ не внялъ моей мольбѣ. Наказаніе послѣдовало вскорѣ и было оно весьма тяжелое.

Ранней весной, въ началѣ Великаго поста, стаяли снѣга, а луга и проселочныя дороги были затоплены снѣговою водой. У Мити приключилось что-то съ горломъ. Онъ началъ кашлять, какъ бы подражая собачьему лаю. Въ первую минуту я подумала, не дурачится ли онъ? Не хочетъ ли разыграть изъ себя охотничьяго дядинаго Каро или Діанку? Но онъ оказался больнымъ и жаловался на горло. Бабушка, безошибочно распознававшая дѣтскія болѣзни, тотчасъ опредѣлила, что болитъ у Мити не въ глоткѣ, а въ гортани, и крикнула мамѣ:

— Спасайте его: это крупъ!

Не могу возстановить подробно, что происходило тогда у насъ въ домѣ. Происходило нѣчто страшное... Всѣ потеряли головы, положеніе было безвыходное: ближайшій докторъ оказался въ отъѣздѣ, а посылать за врачами въ городъ не имѣло смысла: навѣрное, никто не отважился бы поѣхать, такъ какъ кругомъ стоялъ небывалый разливъ, и даже на большой проѣзжей дорогѣ вода доходила выше колесъ. Были какіе то споры, пререканія... Наконецъ, мать сама повезла Митю по водѣ въ городъ; за ними поѣхалъ и отецъ. Въ городѣ они остановились въ гостиницѣ и началось лѣченье. Бабушка посылала по нѣскольку верховыхъ въ день узнавать о Митѣ. Сначала Митѣ зачѣмъ-то разрѣзывали горло и вставляли въ горло какую-то трубочку. Потомъ трубочка не помогла, доктора сказали, что у Мити слабое сердце, и его не стало... Все это произошло изумительно быстро, въ нѣсколько дней. Какъ всѣ плакали въ деревнѣ! Тогда я въ первый и въ послѣдній разъ видѣла бабушку плачущей: она лежала на полу и ее никакъ не могли поднять. А Никита запилъ безпробудно: еще горше, чѣмъ послѣ смерти дѣдушки. Митю такъ и не привезли домой. Долго послѣ того не возвращалась и мать: она была въ лѣчебницѣ и до меня отовсюду долетали разговоры о чемъ-то „остромъ“, случившемся съ нею, а также о „психіатрѣ“ и „изступленіи“...

Я тосковала по Митѣ, но разлука съ матерью положительно убивала меня.

Что съ нею? Что она дѣлаетъ въ лѣчебницѣ у психіатра? И откуда взялось это „острое“, что, должно быть, неустанно колетъ ее? Вспоминая въ полуснѣ среди ночи о терзающемъ ее колючемъ, остромъ чудовищѣ, я разражалась такимъ испуганнымъ крикомъ, что тетя Лиза прибѣгала въ дѣтскую изъ мезонина. А нянька увѣряла, будто это меня зоветъ къ

себѣ покойный Митя, и я „кидаюсь“ на его зовъ. Днемъ я украдкой цѣловала вещи матери: ея подушку, голубую блузу, въ которой она причесывалась по утрамъ, серебряный наперстокъ изъ рабочаго несессера, чайную чашку съ золотымъ ободкомъ, стоящую на трехъ красныхъ ножкахъ. Я переносила на эти предметы частицу моей нѣжности и тоски, а сама похудѣла, поблѣднѣла, отказывалась ѣсть за обѣдомъ, все чаще и чаще слышала со всѣхъ сторонъ, что я „не жилица“.

И вотъ, она пріѣхала... Это произошло въ Страстную пятницу. Въ бабушкиномъ домѣ уже было убрано по праздничному, пахло цвѣтущими лагъ-фіолями и гіацинтами, а вмѣстѣ съ тѣмъ—сдобными куличами, жирными колбасами, запеченными въ тѣстѣ окороками.

Съ утра мы съ бабушкой ѣздили въ женскій монастырь, къ выносу плащаницы. Тамъ былъ лучшій хоръ, чѣмъ въ нашей деревенской церкви, и бабушка предпочитала молиться въ монастырѣ. Сегодня поѣздка въ монастырь была большой жертвой съ моей стороны; съ шести часовъ утра я начала дежурить возлѣ окна, въ прихожей, откуда виденъ былъ поворотъ съ большой городской дороги. Я ждала пріѣзда матери, хотя знала, что раньше вечера она не пріѣдетъ. Но мнѣ все думалось: а вдругъ? Вдругъ что нибудь измѣнилось, и она пріѣдетъ съ утра? И я первая увижу ее, и выбѣгу встрѣчать, и тогда... Однако, я боялась прогнѣвить „бабушкинаго Бога“ и принесла въ угоду ему умилостивляющую жертву: согласилась поѣхать въ монастырь. Весна и Пасха были позднія; хотя снѣгъ стаялъ рано, но теплые дни пришли лишь теперь. Въ садахъ цвѣли абрикосы, и все зеленѣло въ полѣ. На дворѣ слышно было много жаворонковъ, а вдоль дороги, по которой мы ѣхали, росли густо-насаженныя вербы, уже кое-гдѣ расцвѣтшія. Въ монастырской усадьбѣ тоже пахло цвѣтущею вербой. Плащаницу выносили торжественно, вокругъ церкви ходила толпа богомольцевъ; грустно звонили погребальнымъ звономъ монастырскіе колокола. Я не могла молиться и всей душой напряженно рвалась домой: а вдругъ она пріѣдетъ безъ меня, и я не встрѣчу ея? Послѣ служенія игуменья Платонида пригласила бабушку къ себѣ въ пріемную, гдѣ мнѣ дали чаю съ черствой просфорой. Въ пріемной у игуменьи стояли старинные деревянные стулья съ сидѣньями, обтянутыми бѣлымъ полотномъ; на стѣнахъ висѣли портреты архіереевъ въ клобукахъ; натертый воскомъ полъ блестѣлъ отъ чистоты, и воздухъ былъ пропитанъ запахомъ кипарисовыхъ крестиковъ. Нетерпѣніе мое росло и росло; я давилась отъ поспѣш-

ности крошками просфоры, а бабушка, не спѣша, жаловалась игуменьѣ на мое здоровье:

— Ничего не подѣлаешь... Гаснетъ у насъ и эта.

— Никто, какъ Богъ! — вздохнула Платонида. — Святому Пантелеймону-цѣлителю молиться надо...

И, сдѣлавъ паузу, она добавила инымъ тономъ, обращаясь къ бабушкѣ:

— Такъ вы, если вамъ будетъ угодно стеганныя одѣяла заказывать, закажите на лѣто. Въ лѣтнее время у насъ работы меньше. И съ васъ, по знакомству, дешевле взять можно... А въ зимнюю пору, да ужъ и съ осени, одолѣваютъ ковры...

Я сидѣла, какъ на иголкахъ: да скоро ли? скоро-ль? А вдругъ *она* пріѣхала?

Но она пріѣхала въ назначенный часъ, передъ вечеромъ.

Встрѣча наша была далеко не такая, какъ я ожидала.

Всѣ обитатели бабушкиной усадьбы, начиная отъ самой бабушки и кончая кухоннымъ хлопцемъ Гаврюшкой и мною,— всѣ мы сошли съ крыльца, чтобы встрѣтить маму. Она подъѣзжала къ намъ въ фаэтонѣ вмѣстѣ съ отцемъ. Какъ ни билось мое всполошенное сердце, но я прежде всего замѣтила, что, не смотря на теплую весну, мать была въ зимней шапочкѣ; въ той самой, которую надѣла, увозя Митю. И теперь эта черная шапка особенно оттѣняла поблѣднѣвшее и худое лицо матери.

— Тпрруу! — торжественно протянулъ Никита, посаженный сегодня на козлы.

Вся его фигура выражала такую сосредоточенную торжественность, какая, вѣроятно, бываетъ у церемоніймейстеровъ при особо-значительныхъ императорскихъ выходахъ.

— Ну, вотъ... и пріѣхали домой! — произнесъ отецъ ласково подлаживающимся голосомъ, словно онъ обращался къ больному ребенку.

Брови матери болѣзненно дрогнули, и отецъ тотчасъ заглянулъ ей въ глаза виноватымъ взглядомъ, какъ бы принося извиненіе и раскаиваясь, зачѣмъ онъ сказалъ что-то лишнее, что не слѣдовало говорить.

Бабушка и тетки горячо цѣловались съ мамой. Даже язвительная тетя Катя все искала чего-то среди молодой травы, усѣянной звѣздообразными желтыми цвѣточками, а на самомъ дѣлѣ смотрѣла внизъ, стараясь скрыть, что у нея на глазахъ слезы. Тяжкое горе матери, а главное ея болѣзнь прорвали и уничтожили тѣ перегородки, которыя стояли между нею, бабушкой и тетками. Онѣ наперерывъ спѣшили поскорѣй показать это, называли маму „родной“, „дорогой“ и „голубушкой“. Мать перецѣловалась съ ними, но она въ эту минуту была холоднѣе, чѣмъ тетки и бабушка.

Я стояла въ сторонѣ. Обо мнѣ забыли, и даже Гаврюшка поцѣловалъ у мамы руку раньше, чѣмъ я. Наконецъ, она увидѣла и меня. Опять дрогнули ея брови... Она съ тревогой, съ затаенной надеждой на невозможное—робко осмотрѣлась вокругъ, точно разыскивая еще кого-то, кто долженъ бы быть рядомъ со мною. Но Мити не было, и я стояла одна. Тогда она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ мою сторону, наклонилась, чуть приподняла меня, поцѣловала и негромко произнесла:

— Здравствуй, дѣточка!

И только...

Отъ ея словъ и отъ поцѣлуя повѣяло непонятнымъ для меня холодкомъ. Я почувствовала и уловила эту скрытую холодность, и она меня горько обидѣла.

Зашумѣли, заговорили въ нѣсколько голосовъ и пошли въ комнаты.

Обыкновенно центральной фигурой въ нашемъ домѣ была бабушка, а сегодня она стушевалась, и общее вниманіе сгруппировалось возлѣ мамы. Ей угождали, услуживали, говорили добрыя, ласковыя и пріятныя слова. Ей удѣляли столько заботы и вниманія, сколько невѣстѣ на свадьбѣ. А она все молчала... и только изрѣдка на ея лицѣ болѣзненно вздрагивали ея тонко очерченныя брови.

Я бродила по дому изъ угла въ уголъ, сознавая себя безпріютной, заброшенной, никому ненужной. Казалось, будто у меня насильственно отняли послѣднее пристанище въ жизни и мнѣ больше некуда дѣваться. Было обидно и горько: за что? Развѣ я виновата, что у Мити слабое сердце? Вѣдь я сама мучилась изъ-за этого, можетъ быть, больше другихъ?

Вечеромъ, когда я уже лежала въ постели, мать вошла въ дѣтскую поцѣловать меня на ночь. Съ нею пришли бабушка и тетя Лиза. Весь день я была обижена, возмущена, сердита и теперь, боясь расплакаться, поспѣшно отвернулась къ стѣнѣ, уткнула лицо въ подушку и притворилась спящей.

— Пускай уходятъ... Не нужно мнѣ... ничего не нужно!

И тутъ-то произошло самое ужасное.

— Она уснула?—полувопросительно сказала мать, останавливаясь у моей кровати, и мягко, мягко, чуть отодвигая мою голову отъ подушки съ такимъ разсчетомъ, чтобы мнѣ удобнѣе было дышать во снѣ, произнесла: — Какъ она похудѣла! Тѣнь одна, а не дѣвочка...

— Растетъ... Въ это время дѣти всегда вытягиваются, — увѣренно пояснила бабушка, говоря совсѣмъ инымъ голосомъ, чѣмъ сегодня утромъ съ игуменьей Платонидой, когда бабушка жаловалась, будто я „тоже гасну“...

Что произошло послѣ этого съ матерью,—не могу понять

и до сихъ поръ. Сказались ли въ ней неисчезнувшіе остатки изступленія, отъ котораго ее лѣчили у психіатра, укололо ли ее нестерпимой болью отсутствіе Митиной кроватки въ дѣтской, или еще что-то иное всколыхнуло ея истерзанные нервы,—не знаю... Но она вдругъ закричала съ внезапной злобой:

— Ага-а?! Этотъ заморышъ, небось, живетъ? Растетъ! Эта не умерла? А его... его! Моего красавца—нѣтъ?

— Христосъ съ вами... Родная моя!—съ ужасомъ остановила ее бабушка.

Вслѣдъ затѣмъ за моей спиной съ шумомъ упало на полъ человѣческое тѣло. Оно забилось на полу, затрепетало, какъ трепещетъ и бьется пойманная рыба, и дѣтская огласилась дикими, громкими воплями. Кажется, я никогда потомъ не слыхала столь ужасныхъ, почти нечеловѣческихъ рыданій.

Прибѣжали отецъ съ дядей Nicolas и унесли мать въ ея комнату.

Я лежала неподвижно, какъ мертвая. Но какая внутренняя буря происходила во мнѣ!

— Ничего, ничего...—заговорила бабушка съ тетей Лизой.—Такъ—лучше. Она уходитъ въ себя, сдерживается... Не надо... Въ себѣ таить хуже.

Нянька была сердита на бабушку:

— Ну, зачѣмъ водить ихъ въ дѣтскую? Одно дитя осталось, и то хворое... А онѣ все Бога гнѣвятъ. И такъ сычъ уже опять третью ночь кричитъ. Опять, какъ передъ покойникомъ Митенькой, на амбарѣ, противъ дѣтской...

— Не каркай ты, нянька, Христа ради!—разсердилась бабушка и, помолчавъ, тревожно спросила:

— Опять кричитъ?

— Ой, какъ! Вчерась я выхожу на крыльцо посмотрѣть, гдѣ онъ. А онъ на амбарѣ: тю-га! тю-га! тю-га-га-га!

— На свою голову, проклятый!—отъ души пожелала бабушка.—Ты, нянька, скажи Никитѣ: пускай пристрѣлитъ... Я дамъ на водку.

— Говорила... Обѣщался, да не подстережетъ. А вы не водите барыню въ дѣтскую: совсѣмъ испугаютъ дитя.

— Она спитъ,—замѣтила обо мнѣ бабушка и ушла съ тетей Лизой.

Но мнѣ не спалось...

Если бы меня ударили въ грудь одною изъ тѣхъ острыхъ сабель, что висѣли на стѣнѣ у отца въ кабинетѣ, мнѣ, вѣроятно, не было бы такъ жестоко больно. Въ моей душѣ все пошатнулось, задрожало и рухнуло въ пропасть. *Она* не любитъ меня. *Она* желала бы моей смерти, лишь бы остался Митя. Митя... вотъ кого она любила! И одного его. Я не

только была оскорблена въ своемъ нераздѣленномъ чувствѣ любви... Это бы еще ничего; это переживается... Но одновременно во мнѣ разбивалась и исчезала моя глубокая вѣра *въ нее*, въ мое божество и кумиръ, вѣра въ ея безпристрастіе, доброту и справедливость. Она не то, чѣмъ я столько времени считала ее. И мнѣ казалось, что послѣ этого уже ничего не остается на свѣтѣ...

— Пускай! пускай кричитъ сычъ! Богъ съ ними... Уйти отъ нихъ, умереть... погаснуть!

. . . .

Къ утру мое рѣшеніе погаснуть окрѣпло ненарушимо. Я встала съ постели, твердо убѣжденная въ своей близкой кончинѣ, и теперь мнѣ было все равно.

Настали праздники.

Мать смотрѣла болѣе спокойной, почти апатичной, а я притаилась, затихла и моего тяжелаго душевнаго состоянія не замѣтили сразу. Но съ четвертаго дня Пасхи и бабушка, и мама забили тревогу: оказалось, за праздники я „истаяла“ окончательно. Наступилъ полный упадокъ силъ и энергіи: сидѣть, ходить, ѣсть, разговаривать — все было въ тягость. Я лежала, ничего не отвѣчая на вопросы, и даже бабушка отказывалась опредѣлить мою болѣзнь. Спѣшно привезли изъ города троихъ докторовъ. Они выслушивали у меня грудь, заставляли вздыхать, разглядывали зрачки глазъ и оболочку вѣкъ, стучали молоточками по моимъ колѣнамъ и по спинѣ. А потомъ рѣшили, что я необыкновенно нервный ребенокъ, но никакого внутренняго недуга во мнѣ нѣтъ. Сердце же у меня, хотя и не изъ сильныхъ, однако безъ органическихъ недостатковъ. И, не смотря на то, я продолжала гаснуть очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Не помогали ни свѣжій воздухъ, ни рыбій жиръ, ни усиленное питаніе, рекомендованное врачами. Мать не удовольствовалась мнѣніемъ консиліума и повезла меня въ Харьковъ къ гремѣвшему тогда въ апогеѣ своей славы профессору К. Профессоръ такъ долго и внимательно осматривалъ меня, что я озябла до лихорадки въ его готическомъ кабинетѣ. Но и К. не нашелъ во мнѣ никакого недуга и предписалъ лишь соленыя ванны да ненавистный мнѣ рыбій жиръ.

Чѣмъ тогда только не пичкали меня! Прибѣгали и къ симпатическимъ средствамъ, а затѣмъ, по настояніямъ няньки, выписали изъ Харькова свѣдующую знахарку, творящую, будто бы, чудеса. Справедливость требуетъ сказать, что сморщенная знахарка въ пестрой турецкой шали проявила большую дальновидность, чѣмъ ея ученые коллеги. По ея діагнозу, моя болѣзнь произошла „отъ злого слова“. Но попытка

изгнать и уничтожить губительное вліяніе злого слова не удалась и знахаркѣ: я перестала вставать съ кровати.

Мать не отходила отъ меня. Повидимому, она забыла о Митѣ и помнила лишь о грозящей мнѣ опасности. Я же смотрѣла на нее холодно, отчужденно, съ враждебностью и систематически уклонялась отъ ея поцѣлуевъ. Она помнила, съ какою экзальтированной нѣжностью относилась я къ ней раньше. Теперь моя необъяснимая холодность къ ней служила въ ея глазахъ безспорнымъ доказательствомъ какой-то загадочной, смертельной болѣзни.

— Дѣточка! Да что же, наконецъ, съ тобою?—съ тоской и съ нескрываемымъ страхомъ спрашивала она, пытливо глядя мнѣ въ глаза.

— Ничего!—упрямо отвѣчала я и отворачивалась. А сама думала:

— Нечего, нечего! Теперь ты меня ничѣмъ не приласкаешь. Я тебѣ *того* никогда не забуду. Теперь я умру...

— Ну, хоть скажи, что у тебя болитъ? — допытывалась она.

— Нечего.

Болѣе подробныхъ отвѣтовъ отъ меня никто не могъ добиться. Я была обречена на смерть, и сычъ кричалъ по ночамъ на амбарѣ зловѣщѣй прежняго, и его никому не удавалось пристрѣлить. Впрочемъ, какъ выяснилось потомъ, кричалъ онъ на мою голову нѣсколько преждевременно.

Приближалось девятое мая, имянины отца и дяди Nicolas.

Въ этотъ день для всѣхъ, кто пріѣзжалъ съ поздравленіями, бабушка ежегодно устраивала грандіозный пикникъ съ катаньемъ на лодкахъ по Пселу. Бывалъ еще у насъ другой большой пріемъ, въ день ангела бабушки, 4-го декабря. Но тогда гости съѣзжались по особымъ приглашеніямъ и, вообще, былъ парадъ. Майскій же пикникъ бабушка придумала въ видахъ экономіи: по ея мнѣнію, такой непритязательный праздникъ въ лѣсу стоилъ, несомнѣнно, дешевле, чѣмъ серьезный, парадный пріемъ съ шампанскимъ.

И въ нынѣшнемъ году за нѣсколько дней до Николая начали готовить и печь разныя вкусныя вещи. Бабушка и тетя Лиза ужасно боялись, какъ бы не было дождя и какъ бы не пришлось изъ-за непогоды принимать гостей по парадному. Къ счастью, небо всѣ дни сіяло ясной безоблачностью; дождя не предвидѣлось. Наканунѣ Николина дня мнѣ сказали, что Гаврюшка отнесетъ меня къ вечернѣ.

Я возразила, что еще владѣю ногами и могу по доброй волѣ дойти до церкви. Тѣмъ болѣе, это такъ близко: церковь прилегала непосредственно къ нашему саду и изъ сада, черезъ особую калитку, можно было пройти за церковную

ограду. Я находила даже неловкимъ явиться въ церковь съ носильщикомъ. Но мнѣ не позволили разсуждать, заставили надѣть шотландское платье, бѣлый капоръ и драповый бурнусъ, и Гаврюшка понесъ меня къ вечернѣ, какъ разслабленную. Положимъ, это имѣло свою выгодную сторону: не надо было стоять, и я все время просидѣла за всенощной въ бабушкиномъ креслѣ. Въ церкви собралась сплошная толпа народа. Служилъ не молодой, а старый батюшка; ему помогалъ дьяконъ. Служили съ умиленіемъ и намъ съ бабушкой кадили гораздо больше, чѣмъ мужикамъ. Въ открытыя боковыя двери свѣтили съ запада лучи еще непогасшаго солнца. По церкви двигался противъ свѣта огромный столбъ не то пыли, не то кадильнаго ладана. Хоръ, составленный изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, рѣзко выкрикивалъ:

„Величаемъ Тя, Святителю Отче Николае!“ И въ тоже время изъ сада въ церковь проникало соловьиное пѣніе.

— Тихо-тихо-тихо!—пѣлъ соловей.

Когда запѣли „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко“,— мнѣ захотѣлось плакать. Но я пересилила себя и начала прислушиваться, какъ усердствуетъ гдѣ-то вблизи церковной ограды соловей. Онъ словно хотѣлъ перекричать всѣхъ безъ исключенія, вознесть раньше другихъ свою хвалу. Вскорѣ въ церкви потемнѣло. Красный съ золотомъ иконостасъ сталъ не такой блестящій; солнечные лучи отходили куда то подальше отъ церкви; теперь они проникали не черезъ двери, а только съ высоты, сквозь окна. На дворѣ шумѣлъ деревьями посвѣжѣвшій вѣтеръ; залетая въ церковь, онъ освѣжалъ душный воздухъ.

„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!“ — повторилъ хоръ вслѣдъ за отцомъ Иваномъ.

— Тихо-тихо-тихо!—запѣлъ въ отвѣтъ неустающій соловей.

Я опять чуть не заплакала... Развлекая себя, принялась я смотрѣть на юродиваго Каленика съ бѣлобрысыми, точно сѣдыми волосами, съ ярко-розовой кожей на лицѣ. Онъ, необутый, перебѣгалъ съ одного мѣста на другое, то неистово крестился, то начиналъ подтягивать хору, то прикладывался къ образамъ, предварительно осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ, или грозилъ кулакомъ кому нибудь изъ толпы. А то вдругъ задумывался и, глядя на бабушку, что-то шепталъ, быстро-быстро шевеля губами. Раздался послѣдній перезвонъ. Отецъ Иванъ возгласилъ: „Благословеніе Господне на васъ“, и толпа повалила къ выходу. Опять понесъ меня на рукахъ Гаврюшка.

День стемнѣлъ; мѣсяцъ, еще не яркій, но уже золотой, медленно подвигался по небу и вокругъ мѣсяца безпорядочно проступали здѣсь и тамъ тусклыя вечернія звѣзды.

Въ саду было свѣжо, сильно пахли медовымъ запахомъ цвѣтущія груши.

— Гаврюшка,—тихо спросила я,—ты заплачешь, когда я умру? Я уже скоро умру.

— Чего вамъ умирать! — недовольно, но тоже тихо отвѣтилъ Гаврюшка. — Приходите лучше на конюшню... Никита говорилъ, уже и васъ покатаетъ на Вулканѣ.

— Не надо мнѣ теперь... ничего не надо!—грустно вздохнула я.

Едва вернулись домой, какъ въ дѣтскую пришла мать. Она принесла мнѣ нѣсколько вѣтокъ расцвѣтшихъ яблонь, ароматныхъ и бѣло-розовыхъ съ пунцовыми чашечками. У насъ съ покойнымъ Митей была точная, строго провѣренная примѣта: если въ саду начинаютъ распускаться пунцовые бутоны яблонь, значитъ, въ лѣсу за Пселомъ обильно расцвѣли ландыши.

Ландыши... Я и донынѣ питаю большое влеченіе къ этимъ недолговѣчнымъ, быстро вянущимъ, задумчивымъ цвѣтамъ. А тогда во всемъ, что касалось ландышей, я была положительно спеціалисткой. Мы съ Митей любили собирать ихъ въ букеты; у насъ это составляло своего рода спортъ, и теперь мысль о томъ, что „они“ уже цвѣтутъ, на минуту оживила меня. Какіе хорошіе цвѣты. Ландыши... Кто разъ начнетъ собирать ихъ, тому уже трудно оторваться отъ этого. Они чаруютъ, манятъ къ себѣ, возбуждаютъ ненасытную жажду обладанія ими. А сами скромно бѣлѣютъ подъ пышной зеленью своихъ листьевъ въ кустахъ лѣсного молодняка, подъ защитой крапивы - кусаки или на виду, у самыхъ стволовъ деревьевъ. Они точно не сознаютъ своей неотразимой красоты, своего несравненнаго аромата. Собираешь ихъ и не можешь остановиться... Прошлогодніе сухіе листья втаптываются подъ вашими ногами въ влажную, еще чуть топкую послѣ весенняго разлива почву. „Куетъ“ кукушка, свистятъ дрозды, томно воркуетъ горлинка, надоѣдаютъ трескучимъ щелканьемъ соловьи. Змѣя за кустомъ, заслышавъ ваши шаги, торопясь, ползетъ въ сторону. Испуганная въ своей истомѣ, она убѣгаетъ и отъ васъ, и отъ припекающаго солнца, ради котораго она очутилась на открытомъ мѣстѣ. Въ балкахъ, въ оставшихся отъ разлива лужахъ, перекликаются лягушки: „Умъ! умъ!“ — „Гдѣ твой кумъ?“ „На войнѣ“... Какъ изображали мы съ Митей... Изрѣдка стонетъ болотный „бугай“; кричатъ, призывая кого-то, иволги, а вы не замѣчаете ни красоты, ни свѣжести всего окружающаго: вы жадно срываете задумчивые бѣлые цвѣты. Не успѣете сорвать, одинъ, васъ влечетъ къ себѣ другой, болѣе расцвѣтшій сочный и красивый. Вы бросаетесь впередъ, топча ногами

незамѣчаемые на пути ландыши, возвращаетесь обратно, наверстывая пропущенное, и, наконецъ, изнемогаете предъ неодолимымъ обиліемъ приманокъ. У васъ въ рукахъ громадная, душистая связка, болятъ пальцы отъ усилій удержать собранную добычу въ цѣлости, лицо и руки искусаны до боли лютыми болотными камарами, а вы—все не сдаетесь... вамъ все еще мало и мало. И послѣ, вечеромъ, когда ляжете въ постель и закроете глаза, передъ вашимъ взоромъ, утомившимся за день отъ весенняго свѣта и свѣжихъ красокъ недавно ожившаго лѣса, опять мелькаютъ овальные ландышевые листья съ задумчивымъ цвѣткомъ на сочномъ стеблѣ. Они группируются въ кучи, разъединяются, снова сходятся и снова выступаютъ врозь, а среди нихъ, извиваясь, ползаютъ змѣи, шмыгаютъ ящерицы, зеленѣетъ кусака-крапива, цѣпкая ежевика, ажурный папоротникъ. И вы засыпаете, мысленно возстановляя дневныя впечатлѣнія, протягивая въ полуснѣ руки къ заманчивому видѣнію.

Воспоминанія о ландышахъ умилили меня и я даже немного поговорила съ матерью, не отворачиваясь отъ нея.

— А-а? уже яблони?—сказала я:—значитъ, и ландыши... тоже?

— О, да!—обрадовалась мать, видя, что я, наконецъ, заинтересовалась чѣмъ-то:—цвѣтутъ, цвѣтутъ и ландыши... И мы завтра на пикникѣ надѣлаемъ столько букетовъ! Ты вѣдь помнишь, гдѣ въ лѣсу растутъ ландыши?

— Да они вездѣ... Но есть разные. На опушкѣ крупные, только на низенькихъ ножкахъ. Потомъ есть на высокихъ, но съ мелкими цвѣтами. Тѣ меньше пахнутъ. А если забраться въ гущину, такъ тамъ и высокіе, и низенькіе—всѣ хорошіе, и всѣ пахнутъ.

— Ну, мы съ тобой и заберемся въ гущину: въ самый глухой уголъ на болотѣ...

— Нѣтъ,—апатично замѣтила я, вспомнивъ о своей близкой смерти:—не надо мнѣ, ничего не надо!

Мое оживленіе исчезло, но мать не теряла надежды вызвать его снова. Она продолжала:

— У тебя завтра будетъ новое платье. Изъ бабушкиныхъ кружевъ. Бѣлое на розовомъ чехлѣ...

— Не надо мнѣ,—безучастно повторила я, махнувъ рукою.

У матери задрожали губы, и она поспѣшно ушла изъ комнаты.

На другой день съ утра поѣхали къ Пселу. Пикникъ у насъ всегда продолжался сутки, а иной разъ и дольше. Поэтому гости не привозили съ собою дѣтей. Но меня рѣшено было взять до захода солнца, чтобы я развлеклась и подышала рѣчнымъ воздухомъ. Часть гостей, пріѣхавшихъ по-

раньше, отправилась вмѣстѣ съ нами; остальные подъѣзжали прямо въ лѣсъ. Я ѣхала въ фаэтонѣ съ мамой и съ бабушкой и на козлахъ у насъ сидѣлъ Никита. Еще раньше тетя Лиза отправляла къ Пселу цѣлые вороха разныхъ бутылокъ, соленыхъ закусокъ, пироговъ и всякой снѣди. Забрали самовары, котлы, сковородки, треножники, но забыли взять соли для каши, которую поваръ Степанъ долженъ былъ готовить на треножникахъ, изъ пшена съ откормленными въ клѣткахъ перепелами. Послѣ того, отъ имени Степана, прискакалъ верхомъ на водовозкѣ Гаврюшка и потребовалъ соли. А тетя Лиза была смущена: какъ это она не вспомнила о самомъ главномъ.

Вотъ и Пселъ... Прозрачный, быстрый, извилистый, прохладный.

Мы расположились на крутомъ правомъ берегу. Позади нашей поляны шелъ лѣсъ, затѣмъ другая поляна, гдѣ оставили кучеровъ съ экипажами, а вправо, но очень недалеко, возвышался „Казбекъ“,—наиболѣе высокая въ нашей мѣстности гора. Славно было кругомъ. Оба берега Псела зеленѣли на солнцѣ густыми лѣсами. На общемъ зеленомъ фонѣ такъ красиво выдѣлялись матовые блѣдные осокори. Въ иныхъ мѣстахъ весенняя вода безжалостно размыла прошлогодніе берега, оборвала на нѣсколько саженъ землю, обнажила корни дубовъ, повалила молодыя деревья, снесла кустарники. Въ колѣнахъ Псела, гдѣ теченіе шло потише, деревья отражажались въ рѣкѣ. Русло тамъ было настолько узкое, что отраженія лѣса съ праваго и съ лѣваго берега соединялись между собой, и Пселъ казался травянисто-зеленымъ. Въ прибрежныхъ кустахъ не умолкали соловьи; ихъ было черезчуръ много. По откосамъ подъ дубами дѣйствительно цвѣли ландыши. Они какъ будто тоже силились заглянуть въ воду, интересуясь: а ну-ка? каковы и мы собою? Цвѣла дикая калина, розовато-бѣлая боярышница, называемая у хохловъ „глодомъ“. Вверху надъ нами парилъ ястребъ, аисты проносились то надъ рѣкой, то надъ лѣсомъ, неподвижно распустивъ бѣлыя крылья, обведенныя траурной каймой.

Дядя Nicolas, не жалѣя своего кителя, первымъ дѣломъ покатился по травѣ и шумно запѣлъ во весь духъ:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня!

— Nicolas!—умирающимъ голосомъ остановила его тетя Женя, указывая глазами на край поляны. Тамъ ѣхали въ коляскѣ предсѣдатель управы, Маврикій Петровичъ, съ дочерью, Анной Маврикіевной, и съ зятемъ, мировымъ судьей,

тщедушнымъ, невзрачнымъ господиномъ, у котораго борода росла на шеѣ, а усовъ не было. Казалось удивительнымъ, какъ могутъ держаться на его крошечной физіономіи его массивныя очки съ синеватыми стеклами, но очки держались прочно и казались гораздо красивѣе, чѣмъ все остальное на его лицѣ. Объ этомъ судьѣ я какъ-то слышала, что его ужасно трудно было „провести" въ мировые судьи, потому что у него нѣтъ никакого иного диплома, кромѣ свидѣтельства о привитіи оспы. Ради окончательнаго „проведенія" его въ судьи, Маврикію Петровичу пришлось даже съѣздить въ Петербургъ, гдѣ у покойной жены Маврикія Петровича живетъ вліятельная родня. Но теперь, на ближайшихъ выборахъ въ мировые судьи, долженъ былъ попасть мой отецъ, а не зять Маврикія Петровича. Независимо отъ такого соперничества, я терпѣть не могла похожаго на паука судью и еще хуже не терпѣла жену его, Анну Маврикіевну. Не понимаю, почему взрослые находили красивой эту тяжеловѣсную барыню. У нея былъ былъ большой носъ, веснушки на щекахъ около ушей и толстыя-претолстыя губы. Говорили, будто у нея „цыганскій типъ"... Можетъ быть, но что же въ этомъ красиваго? „Кудахтала" она несравненно больше другихъ знакомыхъ дамъ и, говоря съ дѣтьми, чаще всѣхъ повторяла: „Аай-яай-яай!" При чемъ голосъ у нея скрипѣлъ, какъ дребезжанье пустой, несмазанной вѣялки. Это именно она имѣла привычку спрашивать у меня о „Козликѣ". Бывало, каждая встрѣча съ Анной Маврикіевной надолго портила мнѣ расположеніе духа. А сегодня—мнѣ было все равно... И я спокойно смотрѣла, какъ ехидно цѣловалась Анна Маврикіевна съ дамами, какъ дрожали и колыхались на ея бѣлой лѣтней шляпкѣ красные маки съ пшеничными колосьями, какъ вплотную прилегало къ ея пышному тѣлу палевое батистовое платье съ сквозными прошивочками на груди... Анна Маврикіевна увидѣла дядю Nicolas, приподняла, здороваясь съ нимъ, свою руку, чтобы онъ поцѣловалъ, и прилипла къ нему почти на весь день. Она называла его: „monsieur Илья Муромецъ", а онъ, сидя за закуской, поглядывалъ черезъ головы гостей на недовольную тетю Женю въ голубомъ платьѣ и, казалось, вотъ-вотъ готовъ былъ выпалить свое любимое восклицаніе, которое бабушка называла „армейскимъ":

— А-а! чортъ возьми!

Гостей собралось много, больше чѣмъ въ прошломъ году. Тетя Лиза едва успѣвала разливать чай: многіе, съ дороги, раньше пили чай, а потомъ уже приступали къ закускѣ, безпорядочно запивая ее то пивомъ и виномъ, то водкой или лимонадомъ, то опять возвращаясь къ чаю. Лицо у тети

Лизы блестѣло отъ жары, глаза и щеки провалились отъ усталости. Мнѣ было ее жаль, а гости все подъѣзжали и подъѣзжали. Гулъ разговоровъ разносился, должно быть, во всѣ стороны лѣса и далеко катился по прозрачнымъ волнамъ безмолвнаго Псела.

Наконецъ, пріѣхалъ поджидаемый бабушкой предводитель со своею „бочкою". Бочкой прозвали его жену, Марью Ильиничну, женщину, дѣйствительно, слишкомъ полную, но на мой взглядъ всетаки славную, простую и безъ всякой фальши въ голосѣ. Когда Анна Маврикіевна потащила дядю Nicolas собирать ландыши, онъ по пути растерянно взмолился, обращаясь къ Марьѣ Ильиничнѣ:

— Не угодно ли и вамъ съ нами?

Я видѣла, что Марьѣ Ильиничнѣ, толстой и неповоротливой, не хочется подыматься съ пушистаго бабушкинаго ковра. Но она улыбнулась, какъ бы изъ благодарности, что вотъ и ей хотятъ доставить удовольствіе, и послушно пошла за ландышами. А тетя Женя послѣ этого перестала дуться. Она начала исподтишка высмѣивать Анну Маврикіевну; ее поддержала жена земскаго гласнаго Кулибаша, того Кулибаша, который пріѣхалъ однажды къ дядѣ Nicolas на охоту и ни съ того, ни съ сего очутился на капустномъ огородѣ, гдѣ бабы и дѣвки поливали капусту. И его, говорятъ, тамъ облили водой и чуть не побили. Теперь тетя Женя и madame Кулибашъ говорили, будто Анна Маврикіевна „вѣшается на шею" каждому, кто хоть чуточку получше чорта или ея бездипломнаго судьи. Къ нимъ присоединилась тетя Катя, измявшая, во время закуски, свое синее сарпинковое платье. Тетя Катя, какъ будто, невинно, а дразнила тетю Женю, говоря про Анну Маврикіевну:

— Она-то вѣшается, а мужчинѣ что? Онъ еще и радъ... Всѣ они однимъ міромъ мазаны!

Послѣ ухода предводительши мамѣ не нужно было занимать разговоромъ дамъ; всѣ разговорились и безъ того. Мать подошла ко мнѣ и предложила идти за ландышами. Я отказалась. Передъ кашей съ перепелами гости отправились гулять на лугъ. Анна Маврикіевна хотѣла было взять дядю Nicolas подъ руку, но онъ съ изумительной ловкостью подхватилъ меня на руки, вознесъ превыше своей головы и сказалъ, какъ бы съ сожалѣніемъ:

— Надо снести на прогулку и эту ослабѣвшую даму...

Дорожка къ лугу пролегала черезъ лѣсъ. Земля здѣсь была сырая, топкая, и комары кусались больнѣе, чѣмъ надъ Пселомъ. Кругомъ цвѣло множество ландышей. Анна Маврикіевна плелась около насъ и составляла букетъ, а у меня не было букета!

Большой лугъ красиво обступали со всѣхъ сторонъ отдѣльныя купы деревьевъ. Лугъ пестрѣлъ, точно искрился, отъ цвѣтовъ, напоминая затканный разноцвѣтными красками ярко-зеленый коверъ. Цвѣты преобладали желтые. Но росло также весьма много бѣлаго съ желтой пылью лабазника, розовой дремы, лиловыхъ кукушкиныхъ слезокъ, бѣлаго и розоваго клевера, синяго шалфея, сиреневаго луку. Искали незабудокъ, но онѣ еще не успѣли расцвѣсть. Птицы выпархивали съ испугомъ изъ буйной, уже хорошо поднявшейся травы. Мама позвала дядю Nicolas и показала мнѣ высокое, узкое гнѣздо, свитое на голой землѣ между кустами звѣробоя. Въ немъ лежало пять крошечныхъ яичекъ, синевато-сѣрыхъ, съ крапинками. Собственно говоря, находка была интересная... Но увы! уже не для меня.

— Посмотри, посмотри!— ласково просила мать.—Видишь?

Я взглянула на гнѣздо съ высоты дядинаго роста и холодно отвѣтила:

— Вижу.

При чемъ, съ жестокой мстительностью подумала снова:

— Нечего, нечего подлизываться! Я, все равно, не забуду.

Дорога, по которой въ прошломъ году возили сѣно, заросла травой, но не вполнѣ, и мы шли по ней, пока не вышли къ колодцу подъ горой, окруженному боярышниками. Въ колодцѣ была чистая, холодная желѣзистая вода. Всѣ пили ее прямо изъ ведра, наклоняя ведро и обливая платья, и очень хвалили воду, а въ ведрѣ плавали бѣлые лепестки боярышника.

Обратно къ Пселу дядя Nicolas опять несъ меня на рукахъ; Анна Маврикіевна опять шла сбоку, не отставая отъ насъ. Она все приставала къ дядѣ Nicolas, чтобы онъ истолковалъ ей ея сонъ. И когда онъ сказалъ, будто самъ никогда не видитъ никакихъ сновидѣній, и тѣмъ болѣе не умѣетъ ихъ толковать, она заскрипѣла:

— Ай, не можетъ быть! Не повѣрю. Это вы изъ скромности. Іосифъ египетскій... тотъ тоже... чудесно разгадывалъ сны.

— А-а! — крякнулъ за моимъ ухомъ дядя Nicolas, но армейскаго „чортъ возьми!“ не добавилъ при дамѣ. Кажется, ему не понравилось сопоставленіе Анны Маврикіевны, а впрочемъ,—не знаю...

Обѣдъ начался кашею съ перепелами. Обѣдали ужасно долго и утомились отъ продолжительнаго сидѣнья на коврѣ съ поджатыми ногами. Маврикій Петровичъ произнесъ тостъ, выражая пожеланіе, чтобы папа и дядя Nicolas вмѣстѣ съ Маврикіемъ Петровичемъ поработали на земской нивѣ. Тутъ бабушка почему-то сказала въ отвѣтъ:

— Ну, они еще больно молоды. Много есть и постарше ихъ...

Къ концу обѣда покраснѣвшій отъ пива дядя Nicolas предложилъ совершить восхожденіе на Казбекъ, чтобы полюбоваться оттуда видами.

— Тамъ—заглядѣнье, какая панорама!—сказалъ дядя Nicolas.—На тридцать, даже на сорокъ верстъ все кругомъ видно. А въ особенно ясные дни видать и Кременчугъ, и Полтаву...

— Ужъ и Полтаву!—насмѣшливо улыбнулась бабушка:— Сейчасъ, милый мой, видно, что ты охотникъ.

— Переборщили, Илья Муромецъ!—скрипнула Анна Маврикіевна.

— Какой онъ Илья Муромецъ?—снова отозвалась бабушка:—сію минуту онъ похожъ на покровителя пива Гамбринуса.

— Бабушка!—неожиданно предложила я:—пойдемъ со мной на Казбекъ?

Раздался смѣхъ. Засмѣялась и бабушка и отвѣтила:

— Вотъ, милая, была бы достойная другъ друга пара: обѣ безъ ногъ.

— Ну, я, если захочу, то взойду!—похвалилась я, а мама сказала:

— Нельзя, дѣточка. Ты—слабенькая.

Заговорили о чемъ то другомъ, но Казбекъ не выходилъ у меня изъ головы. Мнѣ не случалось бывать на Казбекѣ, а главное, хотѣлось провѣрить: могу я или не могу? И неужели для меня, въ самомъ дѣлѣ, все кончено?

Съѣли мороженое. Чтобы облегчить утомившуюся тетю Лизу, мама надѣла на себя ея розовый холстинковый передникъ и сѣла возлѣ спиртовки разливать кофе. Мнѣ, при моемъ „вяломъ" сердцѣ, нельзя было пить кофе. Пользуясь этимъ, я незамѣтно ретировалась въ кусты направо, прислушалась, нѣтъ ли погони, и, успокоившись, направилась къ Казбеку. На гору подымалась бѣловатая глинистая тропинка. Трудно было по ней идти: въ иныхъ пунктахъ приходилось держаться за кустарники, а то и за траву. Чѣмъ дальше, тѣмъ все круче, тяжелѣе и обрывистѣе становился подъемъ. А по сторонамъ дорожки лежали прорытыя весенними водами канавы съ колючими кустами терновника по откосамъ. Мѣстами я задыхалась, подгибались дрожащія ноги, кровь прилила къ головѣ и въ ушахъ что-то трезвонило громкимъ набатомъ. Но возвращаться было поздно. И стыдно: неужели же я не могу? Да и вершина уже, какъ будто, недалеко? Чѣмъ дальше я шла, чѣмъ энергичнѣе были мои шаги, тѣмъ явственнѣе убѣгала отъ меня вершина Казбека. Но вотъ, наконецъ, и она! большая, почти остроконечная, лишенная травы, покрытая лишь низ-

кимъ голубоватымъ чебрецомъ, отъ котораго пахнетъ чѣмъ то вродѣ ладана. Я такъ и упала на этотъ пахучій чебрецъ и долго тяжело дышала однимъ лишь ртомъ, стараясь утихомирить свое сердце. Постепенно пылающее лицо мое остыло, набатъ въ ушахъ прекратился и, хотя ноги продолжали дрожать, но это не мѣшало мнѣ начать обзоръ развернувшихся передъ моими глазами новыхъ картинъ. Я встала на ноги и оглянулась кругомъ. Полтавы не было видно... И Кременчуга также. Пока я смотрѣла съ Казбека въ сторону Псела, видъ былъ безспорно хорошій, а стоило обернуться назадъ, и красота исчезала; тянулась только безконечная степь, освѣщенная солнцемъ, да блестѣли далеко за степью громоздкіе монастырскіе купола. Самого Псела не видно съ горы: его теченіе можно угадать по извилистой зеленой лентѣ лѣсовъ, покрывающей рѣчные берега. Видно было подъ горой и тотъ сѣнокосный лугъ, гдѣ мы гуляли передъ обѣдомъ, и дальше другой лугъ, не сѣнокосный, а отданный подъ выпасъ. Тамъ паслось много рогатаго скота, еще дальше виднѣлся огромный табунъ овецъ и какое-то село, затонувшее въ зелени. У пастуховъ дымились костры: вѣрно, они варили кашу, собираясь полудновать. Въ селѣ отдѣльныхъ хатъ не было замѣтно за зеленью деревьевъ, только дымокъ кое-гдѣ поднимался изъ трубъ, указывая, что хаты здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ; тамъ уже бабы приготовляли, должно быть, ужинъ. Теперь, послѣ Пасхи и по будням—„святые вечера“, такъ что работы вездѣ кончаются рано. А въ праздники ужинаютъ еще раньше... За зеленымъ селомъ снова лежали хутора, деревни, небольшіе перелѣски, сѣнокосы и хлѣбныя поля. За ними, далеко на горизонтѣ, синее небо, какъ опрокинутая чаша, сливалось съ землею. Мнѣ понравилось на Казбекѣ, и я долго молчаливо просидѣла бы здѣсь, если бы со стороны дорожки не раздался испуганный, задыхающійся крикъ:

— Дѣточка!? Какъ ты напугала меня!

Мать,—не красная, а багровая,—не шла, а бѣжала на гору, разыскивая меня. Она также, какъ и я, задыхаясь, упала на чебрецъ. Мы помолчали, пока она отдышалась; затѣмъ она спросила:

— Но какъ же ты добралась сюда? Какъ дошла?

— Да какъ? Ногами.

— А сердце что?

— Что же сердце? Поколотилось и перестало.—Она и радовалась, и сердилась на меня. Потомъ попыталась обнять мою талію; я отодвинулась отъ нея, но она была на этотъ разъ настойчива и всетаки обняла. Ей захотѣлось заинтересовать мое вниманіе.

— Вонъ, видишь: монастырь, куда вы съ бабушкой ѣздили?

— Вижу,—послѣдовалъ безучастный отвѣтъ.

— Помнишь, въ прошломъ году, въ Николинъ день? Ты мнѣ еще просфору привезла?

— Да!—подумала я: — а ты отдала ее Митѣ, и онъ раскрошилъ.

Я сдѣлала усиліе освободиться, но объятья были крѣпкія; вступать же въ борьбу мнѣ не хотѣлось. Мать продолжала:

— Вонъ, внизу, гдѣ много тополей, тамъ — Мануйловка. А потомъ Голтва: далеко, далеко... Видишь? На горѣ, за Юрками, за Хорошками... много крестовъ на церкви? Помнишь, мы были тамъ въ гостяхъ у Скоропадскихъ? Еще у нихъ въ саду такая масса вишенъ?

— Помню, — сказала я, искоса взглядывая на мать. — И воробьевъ у нихъ много.

— Это они вишни клюютъ. А правда, что послѣ воробьевъ— самыя вкусныя вишни?

— Конечно, правда. Они подсохнутъ и станутъ слаще.

Я уже смотрѣла на мать прямымъ взглядомъ. Вѣтеръ шевелилъ густые, каштановые завитки около ея висковъ. Сама она была такая молодая, печальная и безпомощная въ бѣломъ платьѣ съ синими горошинками, въ розовомъ передникѣ тети Лизы, пришпиленномъ на груди двумя булавками. Мнѣ сдѣлалось до того жаль ее, что я боялась: вотъ-вотъ заплачу. Льдины, замораживающее мое сердце, подтаяли и стали расплываться, но я крѣпилась. Въ щеку матери впился большой комаръ, она не замѣчала этого. Я отогнала комара, а чувствъ своихъ рѣшила всетаки не выдавать напоказъ. Она заговорила вновь:

— Посмотри: вонъ, подъ горой, среди лѣса озеро. Какое оно синее! Какъ кусокъ аметиста въ зеленой рамкѣ. Нравится тебѣ?

— Нравится.

Она прижала свое лицо къ моему, поцѣловала меня, и крупныя слезы одна за другою побѣжали у нея по щекамъ.

— Д-а! — вскричала я, не выдержавъ дальше тяжкой твердости собственнаго характера:—теперь плачешь? А тогда хотѣла, чтобы я умерла? Ну, я и умру! Умру, умру.. Сдѣлаю тебѣ удовольствіе!

— Что ты говоришь!?—крикнула, въ свою очередь, мать.

— Нечего, нечего! Какъ будто не понимаетъ? *Тогда*, вечеромъ я вовсе не спала.. А ты пришла и сказала: этотъ заморышъ живетъ, а Мити нѣту? Лучше бы она умерла... Вотъ ты какая!

— Я это сказала? — съ суевѣрнымъ ужасомъ спросила она: и ты слышала?

Моему негодованію уже не было предѣловъ.

— Слышала! слышала!—закричала я.— И теперь умру... Вотъ увидишь!

— Боже мой!—прошептала мать и... перекрестилась.

Это было слишкомъ... Я, растерявшись, не вѣрила своимъ глазамъ: ради меня, ради сохраненія моей жизни, она готова была подчиниться тому „бабушкиному Богу", въ котораго до сихъ поръ не хотѣла вѣрить. Я заплакала отъ жалости къ ней, а она, схвативъ меня на руки и точно отъ кого то защищая, задыхаясь, твердила:

— Ты этому не вѣрь! Не вѣрь... Слышишь? не вѣрь тому, что я тогда сказала... То была ошибка!

— Ошибка?—повторила я:—такъ это неправда?

— Охъ, какая неправда! Это отъ горя. Ты не знаешь! въ жизни бываетъ такое горе, что человѣкъ становится безумнымъ. И самъ не знаетъ, что говоритъ. Тогда онъ призываетъ на себя еще большіе удары... самъ призываетъ, на себя же!

— И это правда? — все еще съ оттѣнкомъ неполнаго довѣрія спросила я.

— Правда. Клянусь тебѣ всѣмъ, что у меня есть дорогого! Жизнью твоей клянусь... тобою...

— Нѣтъ, ты поклянись не мной, а Митей.

Она покорно повиновалась:

— Я клянусь тебѣ памятью Мити, что то была ошибка. Если бы тогда умерла ты, я тоже самое могла бы сказать Митѣ. Сказала бы: зачѣмъ Митя живъ, если та умерла? Понимаешь?

Я поняла и повѣрила.

— И ты, значитъ, любишь меня?

— О-о-о!

Въ этомъ звукѣ вылилось такъ много, что ей больше нечего было разъяснять. Я поцѣловала ея подбородокъ. Она плакала, прижимая меня къ себѣ все крѣпче и крѣпче, словно говоря кому-то: не отдамъ!

— Ну, не плачь: — сказала я, и на душѣ у меня стало легко и ясно:—не плачь. Я не умру. Даю тебѣ слово: буду жить долго, долго... Сколько хочешь? Ну, хочешь еще тридцать лѣтъ? Вотъ: честное слово, я проживу еще тридцать лѣтъ!

— Смотри, — улыбаясь сквозь слезы, съ легкою угрозою напомнила мать:—слово держать надо.

— Я знаю.

Мать вдругъ спохватилась:

— Да вѣдь прожить тебѣ еще тридцать лѣтъ это вовсе немного!

Но я уже дала слово и не хотѣла измѣнять обѣщаніе.

— Ты думаешь, у меня, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ крови?—спросила я:—это все нянькины выдумки. Смотри...

Я выхватила булавку изъ ея розоваго передника, расцарапала свой указательный палецъ на лѣвой рукѣ и нажала его правой рукой.

— Видишь? Есть кровь.

— Сумасшедшая! что ты дѣлаешь!

Мать зажала мою ранку своими губами.

— А мы васъ ищемъ, ищемъ... Что? нашлась малютка?—тяжело сопя, спросила въ отдаленьи фальшивымъ голосомъ Анна Маврикіевна.

Она тащилась на гору подъ руку съ Кулибашемъ.

— Аай-яай-яай!—начала она по моему адресу:—какъ не хорошо пугать маму и убѣгать отъ всѣхъ неизвѣстно куда! Аай-яай-яай!

Я была безпредѣльно счастлива.

Ошибка! То, что смяло, перевернуло и растоптало мою неокрѣпшую душу, оказалось ошибкой. Ошибка... Въ иныхъ случаяхъ нѣтъ слова, болѣе дорогого и отраднаго... *Она* любила, любила меня! Мое божество, мой низверженный, разбитый кумиръ чудеснымъ образомъ возсталъ отъ подножія своего пьедестала и снова вознесся на прежнюю высоту. Какимъ яркимъ сдѣлалось солнце, какъ дивно-хорошо стало на Казбекѣ! Какъ хорошо было жить... А Анна Маврикіевна скрипѣла:

— Аай-яай-яай!

Мнѣ захотѣлось показать ей языкъ, скорчить презрительную гримасу, иронически присѣсть передъ нею и крикнуть:

— Ко-озликъ!

Однако я сдержалась и сдержалась исключительно ради матери. Съ какой стати допускать, чтобы Анна Маврикіевна изъ-за меня осуждала мать и трещала передъ какимъ нибудь стеклянымъ виноградомъ на шляпкѣ:

— Ай-яай-яай! какъ она не умѣетъ воспитать дочь!

Съ горы я не шла, а катилась кубаремъ, но мать больше не боялась за мою безопасность. Подали лодки и гости передъ заходомъ солнца поѣхали кататься по Пселу. Все ликовало въ моей просвѣтлѣвшей душѣ. Это была полная радость, щедро подаренная мнѣ небольшимъ словомъ: ошибка.

— Ошибка! ошибка!—выщелкивали по кустамъ соловьи.

— Ошибка, ошибка!—вторили имъ кукушки.

— Ошибка...—слышалось въ плескѣ веселъ, въ удалыхъ пѣсняхъ дяди Nicolas, въ далекомъ звонѣ монастырскихъ колоколовъ, чуть долетавшемъ до Псела. Глаза матери смотрѣли на меня и повторяли:—„Ты этому не вѣрь! То была ошибка“.

Мое ощущеніе счастья доходило до боли. Странно: но отъ большой радости, такъ же, какъ и отъ горя, хотѣлось перестать жить. Хотѣлось исчезнуть, слиться навсегда съ блескомъ этого, уже клонящагося къ вечеру, яркаго дня, съ горьковатымъ запахомъ боярышниковъ, съ предвечерними пѣснями лѣса, съ отдаленнымъ звономъ монастырскихъ колоколовъ.

. . . .

Послѣ катанья тетя Лиза опять разливала чай. Я подошла къ ней и, переполненная избыткомъ своихъ радостныхъ ощущеній, хотѣла разсказать и ей, что такое радость.

— Знаешь, тетя Лиза: я страшно люблю одно слово!

Она была озабочена: передъ этимъ поваръ Степанъ, сказалъ ей, что, пожалуй, для свѣжихъ карасей къ ужину окажется мало сметаны.

— Любишь слово?—устало и разсѣянно спросила она:—какое?

— О-шиб-ка!

— Не юродствуй, пожалуйста!—раздражительно прикрикнула она.

А тетя Женя, услышавъ это, завела умирающимъ голосомъ:

— Я же тебѣ говорю, что она гримасница! Вѣчно съ фокусами...

Я искренно дружила съ тетей Лизой, но сію минуту она показалась мнѣ глупой, а о тетѣ Женѣ у меня никогда не было хорошаго мнѣнія. И если, вообще, взрослые не всегда по праву пользовались привилегіей считаться умными, то тетя Женя болѣе другихъ злоупотребляла этимъ правомъ. Сама же только и умѣла пищать въ истерикѣ. Мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться моею радостью. Вдругъ я вспомнила:

— Никита! Вотъ кто пойметъ меня, если онъ трезвъ. Онъ пойметъ... Еще и на Вулканѣ покатаетъ.

Я побѣжала къ лужайкѣ, гдѣ стояли экипажи. Но по дорогѣ вспомнила о тѣхъ бутыляхъ водки, которыя тетя Лиза вмѣстѣ съ подносами пироговъ отправляла кучерамъ. Не можетъ быть, чтобы Никита былъ теперь трезвъ. А разъ онъ пьянъ, степень его чуткости несомнѣнно понижена, и способность пониманія притуплена... Я повернула назадъ. Солнце зашло, но заря долго не погасала, и въ лѣсу было почти свѣтло. Въ вечернемъ полусумракѣ передо мною бѣлѣла высокая, стройная береза. Я остановилась возлѣ нея:

— Милая береза! Позволь, я поцѣлую тебя?

У березы была мягкая атласистая кожица на корѣ и поцѣловать ее вовсе не было непріятно.

— Ты знаешь?—сообщила я ей:—то все ошибка! Я буду жить: даю и тебѣ честное слово!

Береза, вмѣсто отвѣта, мягко зашумѣла листьями, я поцѣловала ее еще разъ и возвратилась къ берегу, гдѣ сидѣли гости. Тамъ горѣли костры, и дядя Nicolas, разгорячившись, громко пѣлъ, какъ бы уговаривая кого-то быть умникомъ и слушаться:

Будешь ходить ты, вся золотомъ шитая,
Спать на лебяжьемъ пуху!

А тетя Женя потомъ взяла его подъ руку и сказала, какъ домовитый хозяинъ, заботящійся о своей вещи:

— Смотри, какъ бы ты не простудился!

Но что значила для дяди Nicolas майская простуда, если на охотѣ онъ въ осенніе заморозки бродилъ чуть не по поясъ въ водѣ. Заря погасла, и мать, опасаясь сырости, повезла меня домой. Мы ѣхали въ фаэтонѣ; подвыпившій Никита еле сидѣлъ на козлахъ и жаловался на распущенность подвластныхъ ему кучеровъ, окончательно испорченныхъ современной свободой.

— При царѣ Николаѣ Павловичѣ,—говорилъ Никита,—свободы было меньше. Оттого и порядокъ былъ.

Мать укутала меня своей драповой тальмой, и я заснула, согрѣтая теплотой ея тѣла, отъ котораго сегодня пахло лѣсными ландышами.

Много непогодъ прошумѣло надъ моею головою послѣ того безоблачнаго, ослѣпительно-яснаго дня. Я пережила мать и почти всѣхъ пророковъ, предсказывавшихъ съ такою неотвратимостью мою раннюю кончину. Вопреки общимъ ожиданіямъ, сердце у меня оказалось не изъ слабыхъ, а моя выносливость не разъ изумляла даже и меня самое... Не мало кумировъ, возведенныхъ мною на высокіе пьедесталы, летѣло кувыркомъ внизъ и не одинъ изъ нихъ не возсталъ изъ обломковъ, какъ это было при моемъ первомъ жизненномъ крушеніи. Но воспоминаніе о той первой обидѣ, а затѣмъ о первой, ничѣмъ неомраченной радости, уже не испарится изъ моей памяти. И когда мнѣ становится особенно тягостно, грустно или холодно въ жизни, меня неудержимо тянетъ подъ синее небо Украйны съ его похожими на разорванную вату, снѣжно-бѣлыми облаками, къ тихимъ, зеленымъ берегамъ быстраго Псела. Мнѣ все кажется, что только тамъ я могу отогрѣться и опять найти что-то нереальное, называемое радостью. Тамъ все по прежнему.

Такъ же поспѣшно несется прозрачный Пселъ къ желтоватымъ днѣпровскимъ водамъ, также зеленѣютъ зигзагами вдоль его береговъ тѣнистые лѣса. И когда распускаются въ окрестныхъ садахъ пунцовыя чашечки яблонь, въ лѣсу за Пселомъ по прежнему обильно цвѣтутъ ландыши. По старому трещатъ соловьи въ прибрежныхъ лозахъ и безмолвно заглядываютъ въ воду кудрявые дубы. Тотъ же Казбекъ надъ Пселомъ, тѣ же луга и лѣсныя озера, тотъ же далекій монастырь на горизонтѣ и таже Голтва съ крестами на горѣ. Все тоже. Только нѣтъ одного...

О. Н. Ольнемъ.

---

* * *

Спокойно вверху надъ волнами, —
Орлы въ поднебесьи парятъ;
На желтыхъ утесахъ рядами
Лѣнивыя чайки сидятъ.
Но, вотъ, поднимаются тучи,
Бушуетъ прибой у скалы,
Озлобленно вѣтеръ могучій
Вздымаетъ сѣдые валы, —
Утесы онѣ покидаютъ
И съ крикомъ пускаются въ путь,
Въ волнахъ опѣненныхъ купаютъ
Свою бѣлоснѣжную грудь.
Имъ любо — съ лихимъ ураганомъ
Помѣрить свой бурный полетъ,
Когда надъ сѣдымъ океаномъ
Зловѣщая буря реветъ...

Душа такъ, порой, отдыхаетъ
Въ объятіяхъ нѣги и сна;
Но только гроза засверкаетъ —
Мгновенно очнулась она.
Куда-то ее потянуло
Отъ сна и застоя впередъ,
И — только бы жизнь не уснула —
Подъ бурю она не уснетъ!

В. Ка—зневъ.

туръ и убѣжденій. Въ концѣ концовъ онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что прошлое умерло, и Фрицъ никогда не посмѣетъ вернуться и встать между ними.

Зима была длинная. Часто проходила цѣлая недѣля, и они не видѣли чужого лица. Весь ихъ міръ заключался въ нѣсколькихъ уютныхъ комнатахъ въ верхнемъ этажѣ занесеннаго снѣгомъ дома. Маріанна считала счастьемъ возможность безраздѣльно владѣть своимъ мужемъ. Ея любовь къ нему и потребность въ его ласкѣ все возрастали. Въ своемъ счастливомъ ослѣпленіи она не замѣчала, какъ въ немъ постепенно возникало какое-то безпокойство. Совершенно незамѣтно подкралось чувство пустоты, безотчетный страхъ передъ чѣмъ-то, какая то внутренняя непрестанная тревога, которыхъ онъ самъ совершенно не понималъ и не могъ себѣ объяснить.

Мало по малу изъ этого хаоса ощущеній все яснѣе стало выдѣляться одно чувство: потребность въ одиночествѣ. Его сосредоточенная и замкнутая жизнь была прервана слишкомъ внезапно. Маріанна сразу и всецѣло завладѣла его помыслами; точно шквалъ налетѣлъ и перевернулъ его чувства, желанія, всю его природу. Теперь наступила реакція. Потребность въ одиночествѣ все возростала и, наконецъ, стала неудержимой. Однажды, когда Маріанна подошла къ нему съ своимъ обыкновеннымъ вопросомъ: „О чемъ ты думаешь?"— онъ поблѣднѣлъ и съ напряженной улыбкой, стараясь быть ласковымъ, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Радость моя, не сердись! пойми меня какъ слѣдуетъ Сдѣлай мнѣ удовольствіе, оставь меня одного, хотя на нѣсколько часовъ, не мѣшай мнѣ постоянно. Конечно, я хочу все дѣлить съ тобой, но вѣдь мысли надо раньше передумать, а потомъ ужъ ихъ высказывать. Мысли должны зародиться и созрѣть, ихъ нельзя насильно вырывать изъ человѣка. Почему ты ничѣмъ не займешься? Вѣдь ты не можешь жить всегда однимъ мной: у тебя должна быть своя собственная жизнь.

Она испуганно посмотрѣла на него. Потомъ, не отвѣтивъ ни слова, повернулась и вышла изъ комнаты. Ея шаги замолкли. Наступила полная тишина. Даніилъ остался одинъ. Онъ закрылъ глаза и задумался. И опять со дна души поднялись сомнѣнія, прежній, казалось, окончательно убитый, человѣкъ воскресъ въ немъ съ его слабостью, недовѣріемъ, тоской, безсиліемъ... Онъ въ ужасѣ всталъ и взялся за Евангеліе. Со старыхъ, читанныхъ и перечитанныхъ, наизусть извѣстныхъ страницъ выглянулъ на него страдальческій ликъ Христа, Того, о комъ онъ забылъ въ упоеніи счастья. И ему мучительно захотѣлось искупить это временное забвеніе

страданьемъ, раскаяніемъ, самобичеваніемъ. Въ немъ проснулся духъ его фанатика-отца, вся жизнь котораго была сплошной борьбой съ плотью. И тутъ-же рядомъ, какъ всегда, сомнѣніе: а что, если все это ложь и обманъ?.. И онъ тоскливо глядѣлъ въ окно на покрытую снѣгомъ равнину. Душа его стремилась къ вѣрѣ, живой и сильной, которая очистила бы его душу, зажгла-бы въ ней священный огонь, указала бы истинный путь. Онъ думалъ и думалъ. Все, что было радостью, счастьемъ и праздникомъ души его, замерло. Все исчезло, осталось одно страстное желаніе, одинъ порывъ, и онъ отдалъ бы самого себя за возможность воскликнуть: „Господи, духъ Твой снизошелъ на меня!“

Маріанну очень огорчала перемѣна, происшедшая въ ея мужѣ. Ея первый порывъ гнѣва вскорѣ улегся. Вначалѣ она была въ недоумѣніи: Даніилъ жестоко обошелся съ ней безо всякой вины съ ея стороны. Но, вспомнивъ его растерянное выраженіе, странное безпокойство въ глазахъ, она поняла, что онъ говорилъ подъ вліяніемъ непреодолимой потребности въ одиночествѣ, и побѣдила въ себѣ чувство обиды и оскорбленія. Она стала чаще оставлять его одного и, чтобы наполнить какъ нибудь досугъ, принялась за свои дѣвичьи работы: читала, шила, рисовала, даже ходила на кухню, гдѣ старая служанка обращалась съ нею свысока, какъ съ ребенкомъ. Но чтобы она ни дѣлала, мыслью она была съ мужемъ. Самые счастливые и вмѣстѣ съ тѣмъ самые мучительные для нея часы наступали послѣ ужина, когда она приходила посидѣть съ нимъ и замѣчала усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы поддерживать разговоръ.

Это былъ, правда, короткій, но очень тяжелый для обоихъ періодъ, за которымъ наступило время спокойнаго, ровнаго счастья. Даніилъ читалъ ей вслухъ „Фауста“, и никогда въ театрѣ она не выносила болѣе полнаго и сильнаго впечатлѣнія. И по вечерамъ, лежа въ постелѣ съ открытыми глазами, она вспоминала звучные стихи, исполненные для нея особаго смысла въ толкованіи мужа, и чувство уваженія, гордости и любви къ Даніилу охватывало ее съ новой силой. Она давала себѣ слово всегда и во всемъ ему покоряться, все сносить отъ него и проникнуться его мыслями и убѣжденіями настолько, чтобы стать частью его самого.

Однажды вечеромъ они снова сидѣли вдвоемъ. Послѣ обѣда Даніилъ ходилъ навѣстить больного. Когда онъ вернулся, Маріанна съ самой нѣжной заботливостью помогла ему переодѣться и потомъ сѣла противъ него, ожидая, чтобы онъ заговорилъ. Онъ курилъ и мрачно глядѣлъ на лампу.

Пробило половина девятаго. За три четверти часа онъ едва сказалъ двѣ фразы.

— Боже, да не будь такъ мраченъ! — внезапно воскликнула она.

— Что ты говоришь?—переспросилъ онъ.

— Да то, что... не сердись. пожалуйста, но невозможно быть такимъ непроходимо скучнымъ.

— Могла выбрать мужа поинтереснѣе.

— Можетъ, еще и удастся,—сказала она лукаво.

— Не шути этимъ...

Она вскочила и вдругъ крѣпко обняла его:—Даніилъ мой, ты самый лучшій, самый дорогой для меня человѣкъ на свѣтѣ. Только зачѣмъ ты такой замкнутый, скрытный... Временами это меня приводитъ прямо въ бѣшенство.

Она трясла головой и махала руками, чтобы лучше передать ему свою внутреннюю тревогу.

— Я не знаю, что придумать, чтобы ты сталъ откровеннѣе. Вѣдь я твоя жена, пойми ты, вѣдь я имѣю право на твои мысли. Вотъ подожди, я тебѣ отплачу и тоже заведу тайны. Влюблюсь въ кого-нибудь и тебѣ ни слова. Только я не знаю въ кого...

— Дитя мое, если бы ты знала, какъ ты меня мучишь!

Она ласково погладила его по щекѣ:

— Я не хочу тебя мучить, только скажи мнѣ, что съ тобой?

Она совсѣмъ прильнула къ нему, и въ ея словахъ звучало такое искреннее участіе, что онъ былъ растроганъ.

— Голубка моя! Если бы я могъ дать тебѣ счастье! Мнѣ иногда кажется, что я совсѣмъ тебя не стою.

— А мнѣ кажется, что я не стою тебя. Ну, такъ пусть ужъ мы стоимъ другъ друга. Но не это-же тебя тревожитъ, надѣюсь. Такъ въ чемъ же твое мученье?

— Мое мученье?

— Скажи мнѣ, дорогой.

Онъ смотрѣлъ на нее съ вопросомъ и сомнѣніемъ, борясь съ самимъ собой; наконецъ, онъ перевелъ дыханіе и сказалъ почти сурово:

— Меня мучитъ мысль, что я живу нечестно.

— Какъ? —переспросила она испуганно.

— Да, я наслаждаюсь жизнью и пренебрегаю своимъ призваньемъ.

— Да развѣ можно лучше исполнять свой долгъ? спроси любого, есть ли кто добросовѣстнѣе тебя?

— Дитя мое, можно пунктуально исполнять свои обязанности и всетаки не быть вѣрнымъ своему призванью. И

только я и моя совѣсть знаемъ, стою-ли я на высотѣ своего долга, служу ли я единому Богу всѣми своими помыслами.

Она помолчала съ минуту и сказала:

— Мнѣ кажется, можно служить Богу и быть въ то же время человѣкомъ.

Онъ покачалъ головой.

— Нельзя служить двумъ господамъ. Видишь-ли, если бы я поступалъ дѣйствительно честно, я бы не сидѣлъ здѣсь, въ этомъ удобномъ домѣ, не велъ бы пріятную жизнь человѣка, который себѣ ни въ чемъ не отказываетъ. Я бы проповѣдывалъ гдѣ нибудь евангеліе бѣднымъ, обездоленнымъ и заблудшимъ, тѣмъ, кто въ немъ дѣйствительно нуждается. Тогда я жилъ бы тамъ, гдѣ жизнь — тяжкое бремя и постоянная борьба, а не здѣсь, гдѣ она является пріятнымъ отдыхомъ. И это еще не все, есть на мнѣ еще большая тяжесть.

— Скажи мнѣ!

Онъ снова поглядѣлъ на нее, точно хотѣлъ проникнуть въ ея душу.

— Меня терзаетъ то, что у меня нѣтъ вѣры. Я не знаю той сильной, непоколебимой вѣры, которая одна можетъ дать миръ душѣ, вѣры, которая сдвигаетъ горы. Сдвинуть гору! Ее не хватаетъ, чтобы вывести душу мою изъ сомнѣнія. Есть мгновенія, когда я сомнѣваюсь во всемъ, даже въ Богѣ. Не въ триединомъ Богѣ нашего богословія,—это меня бы не смущаетъ,—но въ существованіи Бога-Духа вообще, будущей жизни, божественнаго начала въ человѣкѣ. Мнѣ кажется, что мы, люди, осуждены, какъ растенія, какъ животныя, свершить извѣстный рядъ физіологическихъ процессовъ безъ цѣли и смысла и исчезнуть безслѣдно. Все, во что мы вѣримъ,—иллюзіи, и религія есть одно изъ созданій безсильнаго ума человѣческаго, низкій обманъ, который мы поддерживаемъ вмѣсто того, чтобы съ нимъ бороться.

— Ты такъ думаешь?—спросила Маріанна.

— Да, бываютъ минуты, что я такъ думаю, и это ужасно, ужасно! Это доводитъ меня до отчаянія!

Онъ прижалъ руку ко лбу и продолжалъ:

— Въ такое время мнѣ легче было бы быть заживо погребеннымъ, чѣмъ стоять на каѳедрѣ. Каждое мое слово причиняетъ мнѣ страданіе. Это ужасно!

По лицу Маріанны видно было, что она страдала вмѣстѣ съ нимъ. Но она испугала и оттолкнула его той горячностью, съ которой она воскликнула:

— Ты все это побѣдишь!

— Когда? Когда я буду старъ?

— Быть можетъ, когда ты станешь старше..

—Когда я буду сѣдъ и холоденъ ко всему, неправда-ли? Но пойми, что я хочу это знать сейчасъ, сейчасъ. Я хочу знать истину или мнѣ жизнь не въ жизнь. Довольно этого вѣчнаго колебанія, оно совершенно безплодно истощаетъ меня. О, это жалкое безсиліе!

Онъ заломилъ руки назадъ, откинулъ голову и продолжалъ все болѣе и болѣе взволнованнымъ и горячимъ голосомъ:

— Видишь-ли, въ глубинѣ сердца я повторяю себѣ что всѣ мои сомнѣнія — безуміе. Я знаю навѣрное, что за всѣмъ, что мы знаемъ, есть еще нѣчто. За временнымъ и преходящимъ есть вѣчное и безсмертное. Я увѣренъ въ этомъ. Но отчего же сомнѣніе вновь и вновь возрождается и такъ жестоко мучитъ меня? Почему какой-то голосъ непрестанно твердитъ мнѣ: если жизнь не имѣетъ смысла и цѣли, такъ живи и наслаждайся жизнью! И я такъ и поступаю, я самъ убиваю въ себѣ божественное начало. Я во власти моей плоти и ее надо убить! Надо убить! Въ этомъ все. Сказано въ писаніи: „погубившій душу свою, спасетъ ее“, а кто не броситъ для него жены, дѣтей, родителей, тотъ не достоинъ идти за Нимъ.

Маріанна испуганно глядѣла на него. Въ эту минуту онъ былъ ей совершенно чужимъ.

— Ты говоришь такъ, точно твоя любовь ко мнѣ кажется тебѣ преступленіемъ, и ты въ ней раскаиваешься.

Онъ положилъ ей руку на плечо и, глядя ей прямо въ глаза, сказалъ:

— Да, Маріанна, иногда я считаю ее преступленіемъ и раскаиваюсь въ ней.

Она вздрогнула, поблѣднѣла и вглядывалась въ него горящими, испуганными глазами; ея губы тряслись.

— Это правда, Даніилъ?

— Голубка, пойми меня! Я не могу раскаиваться въ томъ, что люблю тебя, ты мое единственное сокровище на свѣтѣ! Но вотъ что меня мучитъ, что вызываетъ мое раскаяніе: я говорю себѣ: быть можетъ, я не имѣю права любить ее. Пойми меня, прошу.

Онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Ты такъ прекрасна, Маріанна, такъ прекрасна! Когда я увидѣлъ тебя въ первый разъ, еще не зная тебя, я готовъ былъ молиться на тебя, только за твою красоту. Но я бы хотѣлъ, чтобы наступилъ моментъ, когда твоя духовная красота заслонила бы для меня физическую. Понимаешь ли ты, что я хочу сказать? Наша любовь должна насъ возвышать, а не принижать, освобождать, а не порабощать. Когда ты стала моей, божественной огонь угасъ во мнѣ, я весь

былъ одна страсть, и страсть эта все росла. И я раскаиваюсь въ томъ, что я такъ любилъ тебя.

Она робко опустила глаза и задумалась. Она почувствовала, какъ что-то чуждое легло между ними. Его внутренній міръ былъ ей непонятенъ. Онъ оскорбилъ въ ней женщину своимъ стремленіемъ сковать естественное чувство.

Послѣ временнаго возбужденія онъ впалъ въ глубокое молчаніе. Ложась спать, оба, казалось, стыдились и чуждались другъ друга и, раздѣваясь, старались не встрѣчаться взглядами. Но когда Даніилъ подошелъ къ ней попрощаться, она вдругъ быстро затушила свѣчу, обвилась своими обнаженными руками вокругъ его шеи и, прижимая его голову къ своей теплой, трепещущей подъ тонкимъ батистомъ груди прошептала ему на ухо:

— Люби меня такой, какая я есть! Какая я есть! Слышишь, всю меня, цѣликомъ!

Однажды весной, послѣ обѣда, они отправились вдвоемъ на прогулку въ ближайшій лѣсъ. Мягкіе солнечные лучи озаряли ярко зеленыя полосы молодыхъ всходовъ, чередовавшіяся съ полосами свѣже-вспаханной земли. Большинство деревьевъ было покрыто крупными ароматными почками, только тамъ и сямъ зеленѣли березки. Послѣ получасовой ходьбы, они дошли до скамейки, нарочно поставленной въ этомъ мѣстѣ по просьбѣ Даніила. Уголокъ былъ уединенный, но не пустынный: съ небольшого пригорка открывался широкій горизонтъ и можно было ясно видѣть прохожихъ на мосту и на дорогѣ.

Сколько счастливыхъ воспоминаній было связано съ этимъ мѣстечкомъ. Они тихо сидѣли, оба погруженные въ свои мысли.

Она спросила:

— Написалъ ты своей матери?

— Позабылъ... Какая досада!

— Какъ ты думаешь, не пригласить ли ее къ намъ?

— А тебѣ кажется, что она пріѣдетъ?

— Какъ знать? Теперь тепло и путешествіе ей не можетъ повредить.

— Тебѣ будетъ пріятно ее видѣть?

— Да, конечно. Я очень люблю твою мать.

— Быть можетъ, она и пріѣдетъ. Она, должно быть, чувствуетъ себя очень одинокой.

Маріанна помолчала съ минуту и потомъ спросила:

— А что Фрицъ живетъ опять съ нею?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же онъ?

— Не знаю.

— Въ сущности, тебѣ слѣдовало бы о немъ освѣдомиться.

— Зачѣмъ?—отвѣтилъ онъ, наморщивъ лобъ,—вѣдь ты знаешь, въ какихъ мы отношеніяхъ.

— Всетаки онъ тебѣ братъ, не хорошо быть такимъ злопамятнымъ.

— Я не злопамятенъ. Но, чѣмъ мы дальше другъ отъ друга, тѣмъ лучше для насъ обоихъ.

— Можетъ быть, ты правъ.

Опять какое то тупое безпокойство овладѣло Даніиломъ.

— Отчего ты заговорила о Фрицѣ?—спросилъ онъ.

— Почему я о немъ заговорила? — Она задумалась.—Да, право, не знаю. Такъ, просто пришло въ голову... Мнѣ очень хочется пить, пойдемъ въ Шлирбахъ, тамъ напьемся кофе.

— Почему же въ Шлирбахъ? Можно напиться кофе здѣсь, „Подъ звѣздой“.

— Надоѣло все одно и то же. Пойдемъ разокъ въ другое мѣсто.

Пока они шли по направленію къ сосѣдней деревушкѣ, мысли Маріанны были заняты поручикомъ. Она вспоминала всѣ волненія прошлаго года. Какъ она тогда мучилась и боялась! И все закончилось такъ мирно! Она пришла въ тихую бухту, гдѣ не тронутъ ее житейскія бури. Она счастлива. Только очень ужъ однообразно это счастье „А вѣдь выйди я за Фрица, жизнь сложилась бы иначе“, — подумала она.

Они пришли въ небольшой деревенскій трактирчикъ, только что отстроенный и еще пахнувшій свѣжей штукатуркой, и сѣли въ отдѣльную комнату; однако ни кофе, ни закуска не пришлись по вкусу Маріаннѣ. Когда Даніилъ подошелъ къ стойкѣ, чтобы расплатиться, хозяйка его спросила:

— Господинъ пасторъ, а что новый управляющій въ Шварцхафенѣ не приходится вамъ родственникомъ? Вы точно похожи немного между собой.

— Какой управляющій?

— Господинъ управляющій Клинггаммеръ. Онъ былъ вчера здѣсь съ барономъ. Такой красивый, видный мужчина. Онъ записалъ свое имя въ книгѣ.

Даніилъ потребовалъ книгу для записи посѣтителей и узналъ широкій твердый почеркъ своего брата.

— Неправда-ли, это вашъ братъ? Онъ говорилъ барону, что онъ изъ Урденбаха, а господинъ пасторъ тоже вѣдь оттуда.

— Да, да—пробормоталъ Даніилъ.

Кровь бросилась ему въ голову. Шварцхафенъ совсѣмъ близко, въ трехъ часахъ ходьбы. Опять братъ стоитъ на его

дорогѣ! Четверть часа назадъ онъ радовался, что поручикъ неизвѣстно гдѣ; быть можетъ, далеко на чужбинѣ.

Онъ продолжалъ тупо глядѣть на исписанный листъ, думая все время:

— Маріаннѣ я не скажу ничего. Я не хочу о немъ вспоминать, онъ умеръ для меня.

Онъ вышелъ въ совершенно измѣнившимся лицомъ.

— Гдѣ ты былъ такъ долго? — спросила Маріанна. — Но что съ тобой, ты такъ блѣденъ!

— Ничего. Мнѣ что-то нехорошо отъ кофе; выйдемъ на воздухъ.

Пока она одѣвалась, онъ началъ разсматривать карту окрестностей, висѣвшую на стѣнѣ. Ему казалось, что онъ всюду читаетъ Шварцхафенъ.

— Что ты ищешь?

— Ничего. Такъ себѣ. Шварцбургъ.

Она подошла къ нему и стала искать вмѣстѣ.

— Ты можетъ хотѣлъ сказать Шварцхафенъ,—спросила она, указывая пальцемъ на мѣсто на картѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно возразилъ онъ.

— Господинъ пасторъ ищетъ Шварцхафенъ? — спросила хозяйка, высовывая голову въ дверь.

— Да нѣтъ же!—крикнулъ Даніилъ,—а вотъ что я вамъ скажу: кофе вашъ отвратителенъ, и мы были у васъ въ первый и послѣдній разъ!

Сконфуженная хозяйка моментально скрылась, и они вышли изъ дому.

— Почему она тебя тоже спросила о Шварцхафенѣ?

— Я не знаю!

Маріанна покачала головой и пошла съ нимъ рядомъ, не взявъ его руки. Надъ ними разстилался тотъ-же безконечный сіяющій сводъ, такъ же воздухъ звенѣлъ отъ многоголосаго птичьяго щебетанья, однако настроеніе обоихъ совершенно измѣнилось.

— Зачѣмъ онъ лжетъ мнѣ? — думала Маріанна.—Что съ тобой, скажи мнѣ?—спросила она черезъ минуту.

— Ничего. Мнѣ стало дурно отъ кофе, вотъ и все.

— Зачѣмъ ты говоришь неправду?

— Что?

Онъ взглянулъ на нее сердито и вмѣстѣ съ тѣмъ смущенно.

— Если я тебѣ говорю, что ничего, ты должна мнѣ вѣрить.

— Но я знаю, что ты мнѣ лжешь,—упрямо твердила она.

Она замѣтила, какъ онъ вздрогнулъ, какъ рука его судорожно сжала палку, какъ зловѣщій блескъ сверкнулъ въ его глазахъ. Онъ перевелъ дыханіе и сказалъ съ трудомъ:

— Ты сама не знаешь, что говоришь! Не будемъ ссорится. Успокойся!

Онъ пошелъ впередъ. Она шла за нимъ еще болѣе возмущенная и раздраженная его тономъ и выраженіемъ лица.

Всю дорогу они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Подходя къ дому, они увидѣли у себя на крыльцѣ Шрилля.

— Я васъ очень долго ждалъ... Мнѣ хотѣлось хоть поздороваться съ вами!

— Вы воображаете, что мы васъ такъ и отпустимъ,—отвѣтила Маріанна.—Вы должны съ нами поужинать!

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Шрилль принялъ приглашеніе.

Маріанна прошла въ спальню переодѣться.

— Зачѣмъ онъ мнѣ солгалъ, объ этомъ Шварцхафенѣ?—думала она.

Даніилъ предложилъ гостю сигару и, не слушая его, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Какъ только я останусь наединѣ съ Маріанной,—думалъ онъ,—я заглажу мою вину передъ ней. — Онъ не сказалъ ей правды, чтобы не увеличить и не осложнить своего внутренняго безпокойства, но этимъ только ухудшилъ свое душевное состояніе.

Маріанна появилась въ свободномъ домашнемъ платьѣ съ бѣлыми кружевами. Въ ея зачесанныхъ назадъ волосахъ блестѣли капли воды, а лицо сіяло свѣжестью.

— Ну, что новенькаго? — спросила она съ веселой улыбкой, садясь на диванъ противъ гостя и заводя съ нимъ шутливый, почти кокетливый разговоръ.

— Что съ ней?—тревожно думалъ Даніилъ, прислушиваясь къ ея оживленнымъ рѣчамъ, глядя на ея блестящіе глаза,—онъ никогда еще не видѣлъ ее такой.

Служанка доложила, что ужинъ поданъ. Чѣмъ молчаливѣе былъ Даніилъ, тѣмъ разговорчивѣе и интереснѣе становилась Маріанна. Она острила, чокалась со Шриллемъ, смѣялась. Гость засидѣлся до одиннадцати часовъ, становясь все развязнѣе; онъ пилъ много пива, почти открыто ухаживалъ за Маріанной, не обращая никакого вниманія на пастора. Прощаясь, Маріанна любезно приглашала его возвращаться поскорѣе, и Шрилль удалился въ полной увѣренности, что произвелъ неотразимое впечатлѣніе на очаровательнѣйшую женщину въ мірѣ.

Едва дверь затворилась, Даніилъ взялъ руку жены:

— Не посидѣть ли намъ еще минутку?

— Сиди, если хочешь, а я смертельно устала,—и, не вступая въ дальнѣйшія объясненія, она вышла изъ комнаты.

Даніилъ сталъ у открытаго окна, всматриваясь въ тѣни

прохожихъ и прислушиваясь къ ихъ шагамъ. Цѣлый вечеръ онъ былъ въ тревогѣ, теперь же тревога эта смѣнилась почти ужасомъ. Его жена, которая была какъ бы частью его самого, показалась ему сегодня вечеромъ совсѣмъ чужой, даже враждебной. Каждое ея слово было направлено противъ него, и какъ вызывающе держала она себя съ гостемъ...

Почему это?

Причина была ему хорошо извѣстна. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; пойти разбудить ее, разсказать ей правду, загладить свою несправедливость?—Онъ уже взялся за ручку двери, но воспоминаніе объ ея послѣднихъ словахъ и ея лицѣ когда она прощалась, остановили его.

Онъ опустился на диванъ и задумался. И чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ мучительнѣе и запутаннѣе становилось у него на душѣ...

Если онъ сознается въ своей лжи, необходимо будетъ ее объяснить,—разсказать ссору съ братомъ. Но развѣ возможно говорить о ней теперь, послѣ столь продолжительнаго ея замалчиванія? Ему было страшно унизить себя въ ея глазахъ потерять частицу своего счастья. Онъ рѣшилъ совсѣмъ не объясняться съ Маріанной и встрѣтиться съ ней на утро такъ, точно ничего между ними не произошло. Потомъ все мало по мало забудется.

— Но что дѣлать,—подумалъ онъ вдругъ,—если Фрицъ здѣсь появится? Вѣдь мы всегда рискуемъ встрѣтить его у знакомыхъ; наконецъ, онъ можетъ прямо придти къ намъ. Что тогда?

Онъ вскочилъ въ ужасѣ. То ему казалось необходимымъ переговорить съ Маріанной, то онъ чувствовалъ, что это совершенно невозможно. Онъ безостановочно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ разладѣ съ самимъ собой, и чѣмъ больше онъ углублялся въ свое положеніе, тѣмъ безвыходнѣе оно ему казалось.

Маріанна долго сидѣла неподвижно на краю постели, пристально вглядываясь въ пламя свѣчи.

Ея напускная веселость соскочила съ нея мгновенно. Она прислушивалась къ его шагамъ, ожидая, что онъ придетъ съ ней мириться, какъ бывало раньше. Ей хотѣлось самой побѣжать къ нему въ комнату, но ее удерживала мысль о томъ, что онъ солгалъ ей. Наконецъ, она легла и долго лежала съ открытыми глазами. Когда же раздались его шаги, она торопливо затушила свѣчу, не смотря на свой гнѣвъ, все еще тоскливо ожидая, что Даніилъ подойдетъ къ ней, протянетъ руку, скажетъ ласковое слово. Однако онъ раздѣлся и со вздохомъ бросился на постель, даже не обернувшись въ ея сторону.

На слѣдующее утро Маріанна, одѣваясь, спросила мужа:

— Остался ты доволенъ вчерашнимъ вечеромъ?

— Да, было превесело.

Она удивленно посмотрѣла на него и не разспрашивала больше.

Нѣсколько дней спустя Маріанна черезъ своего отца случайно узнала о новомъ назначеніи Фрица. Она была очень взволнована этимъ извѣстіемъ и, оставшись наединѣ съ мужемъ, спросила его:

— Почему ты не сказалъ мнѣ, что твой братъ живетъ теперь въ Шварцхафенѣ?

— Отъ кого ты это услыхала?—спросилъ онъ испуганно.

— Отъ отца. Но почему ты самъ не сказалъ мнѣ объ этомъ раньше?

— Мнѣ не хотѣлось говорить о Фрицѣ.

— А зачѣмъ ты мнѣ тогда солгалъ?

— Что?!

— Конечно. Я тебя спросила: ты ищешь Шварцхафенъ? а ты мнѣ отвѣтилъ: нѣтъ, Шварцбургъ, и это была неправда.

Онъ не возражалъ отчасти изъ сознанія своей вины, отчасти, чтобъ не поднимать ссоры. Она лишь изрѣдка искоса поглябывала на него. Этотъ нѣмой разладъ былъ хуже открытой ссоры. Каждый изъ нихъ думалъ свою думу: она искала причину, заставившую его солгать, онъ ревновалъ ее къ Фрицу. Въ ея глазахъ онъ потерялъ часть своего ореола, и въ первый разъ она почувствовала на себѣ гнетъ его авторитета, поняла, что она его раба, и возмутилась этимъ.

До сихъ поръ онъ былъ ея путеводной звѣздой. Она сообразовалась съ его взглядами, мыслями, работала надъ собою, подавляла свои порывы и желанья, чтобы быть достойной его. И это одно пятно, эта мелкая, унизительная ложь, исказила въ ея глазахъ весь его образъ.—Если онъ не лучше меня, думала она со всей страстностью своей непокорной натуры, зачѣмъ мнѣ подчиняться ему? —Это было скорѣе ощущеніе, чѣмъ сознательная мысль, и, однако, оно въ корнѣ подточило ея слѣпое довѣріе къ нему. Вскорѣ они помирились, т. е. загладили ссоры поцѣлуями. Однако мысль о томъ, что онъ не говоритъ ей всю правду, глубоко запала въ ея душу и всплывала при каждомъ новомъ столкновеніи.

Нѣсколько времени спустя произошелъ случай, едва не стоившій Маріаннѣ жизни. Она упала съ лѣстницы, и ее подняли въ глубокомъ обморокѣ. Ночью она почувствовала такія боли, что пришлось привезти доктора. Онъ объявилъ, что Маріанна, сама того не подозрѣвая, была беременна на третьемъ мѣсяцѣ, и что ея паденье ей сильно повредило. Къ утру она была уже въ горячкѣ. Выписанный изъ Мар-

бурга спеціалистъ сдѣлалъ ей операцію. Маріанна страдала ужасно, такъ какъ ее невозможно было захлороформировать. Ей спасли жизнь, но совершенно отняли надежду имѣть ребенка, даже въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Этотъ случай вызвалъ, впрочемъ, въ Маріаннѣ смертельный страхъ передъ материнствомъ. Черезъ нѣсколько недѣль она встала съ постели, но слабость долго не покидала ее. Зимой Даніилъ отвезъ ее на югъ. Она вернулась здоровая, свѣжая и красивая, съ возродившейся страстью къ мужу. Казалось, снова засіяло надъ ними солнце ихъ первой любви.

Однако отношенія ихъ всетаки измѣнились. Не то, чтобы Маріанна меньше любила своего мужа, но она сама стала самостоятельнѣе и независимѣе: онъ пересталъ быть для нея непогрѣшимымъ существомъ, единственнымъ въ мірѣ, которому она беззавѣтно покорялась. Она узнала его слабыя стороны, привыкла къ его замкнутости, сама стала сдержаннѣе и вновь почувствовала себя одинокой, не менѣе одинокой, чѣмъ была въ дѣвичествѣ. Ея страстное желаніе найти опору и поддержку въ сильномъ человѣкѣ, который повелъ бы ее по вѣрному пути, не сбылось. Она была вынуждена самостоятельно искать дорогу и постепенно все больше расходилась со своимъ мужемъ.

Въ отсутствіи молодой женщины старуха Клингаммеръ вела хозяйство своего сына, и послѣ пріѣзда она осталась на нѣкоторое время, поселившись въ нижнемъ этажѣ большого дома.

Въ Маріаннѣ проснулась потребность въ обществѣ, и молодые люди и сами стали часто бывать въ обществѣ и много принимать у себя. Охотнѣе всего видались они съ нѣсколькими семьями изъ ближайшаго городка. Однажды они получили приглашеніе на обѣдъ къ намѣстнику, который пріѣхалъ на короткое время въ свое имѣніе. Маріанна принесла мужу записку, вся сіяя отъ удовольствія.

— Я бы предпочелъ не ѣхать,—сказалъ Даніилъ послѣ минутнаго раздумья.

— Почему?

— Весьма возможно, что мы встрѣтимъ тамъ Фрица.

— Ну такъ что-же? Вѣдь все равно неизбѣжно съ нимъ увидѣться не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ. И по моему лучше, чтобы это случалось въ первый разъ въ большемъ обществѣ: вы поздороваетесь, какъ ни въ чемъ не бывало, и разойдетесь.

Она смотрѣла на него, ожидая отвѣта. Онъ молчалъ.

— Конечно, если это тебѣ непріятно, мы не поѣдемъ,—добавила она.—Но, откровенно говоря, твоя ревность къ Фрицу кажется мнѣ ребячествомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы поѣдемъ,—поспѣшно возразилъ онъ.— Ты совершенно права. Разъ мы неизбѣжно должны съ нимъ столкнуться, то, пожалуй, лучше при такихъ, чѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ. Но откуда ты взяла, что я тебя къ нему ревную? Это даже смѣшно.

— Иначе что за причина твоей упорной непріязни?

— Ты знаешь, что я Фрица положительно не выношу. Онъ всегда роковымъ образомъ стоялъ мнѣ на дорогѣ. Кромѣ того, между нами была крупная ссора.

— Но вѣдь все это было больше двухъ лѣтъ назадъ.

— Да, конечно. Такъ не будемъ говорить объ этомъ. Въ концѣ концовъ мнѣ совершенно безразлично, встрѣтимъ-ли мы его, или нѣтъ.

Но чѣмъ ближе подходилъ назначенный день, тѣмъ невыносимѣе становилась ему мысль о встрѣчѣ съ братомъ, и тѣмъ увѣреннѣе былъ онъ въ томъ, что она не обойдется ему даромъ.

Новая коляска, мѣрно покачиваясь на рессорахъ, быстро катилась по шоссе. На крыльцѣ замка лакей въ ливреѣ встрѣтилъ Маріанну и Даніила. Они поднялись наверхъ. Маріанна съ веселой улыбкой, съ возбужденнымъ лицомъ, подъ руку съ мужемъ прошла мимо уже многочисленныхъ гостей къ хозяйкѣ дома, высокой сѣдой дамѣ съ напудреннымъ лицомъ. Она усадила Маріанну возлѣ себя, а мужъ ея подошелъ къ Даніилу и завелъ съ нимъ разговоръ. Маріанна озиралась съ любопытствомъ. Общество было смѣшанное, частью очень элегантное, частью сѣрое. Много дамъ въ открытыхъ туалетахъ и мужчинъ во фракахъ и мундирахъ. А рядомъ простыя, темныя платья, безвкусныя, плохого покроя, поношенные сюртуки... Двѣ-три барышни въ бѣломъ робко жались около своихъ матерей. За одной изъ нихъ открыто ухаживалъ Шриллль.

Вдругъ Маріанна поймала на себѣ пристальный взглядъ сидѣвшей неподалеку дамы. Это была красивая, смуглая брюнетка, нѣсколько старше ея и выше ростомъ, съ мелкими чартами лица и темными глазами. Она привѣтливо и нѣсколько удивленно улыбалась. У Маріанны шевельнулось неясное воспоминаніе, связанное съ однимъ давно прошедшимъ лѣтомъ, въ С. Морицѣ.

— Простите, пожалуйста,—обратилась она къ хозяйкѣ дома,—кто эта дама?

— Моя племянница, Юлія фонъ Бухабенъ.

— Юлія? Я вѣдь съ ней знакома!—Она поспѣшно бросилась на встрѣчу къ своей старинной пріятельницѣ.

— Маріанна!

— Юлія!

— Ты какъ сюда попала?

— А ты какъ?

— Я съ мужемъ!

— И я тоже! я гощу у моего дяди. Нѣтъ, это удивительно. что мы здѣсь встрѣтились! Ну разскажи о себѣ! Ты совсѣмъ не измѣнилась, такая же худенькая. Ну, разсказывай, разсказывай.

Сама она нѣсколько пополнѣла, и на всѣхъ ея мелкихъ движеніяхъ лежалъ отпечатокъ особенный женственной прелести. Онѣ не видѣлись четыре года и имъ было что поразсказать другъ другу.

— А гдѣ твой мужъ?—спрсила Маріанна.

Г-жа Бухабенъ указала на молодого мужчину, сидѣвшаго въ качалкѣ и оживленно разговаривавшаго съ сосѣдями.

— Онъ художникъ, я слышала?

— А развѣ видно по немъ?

— Нѣтъ, но ты мнѣ сама это сказала.

Юлія познакомилась съ своимъ мужемъ въ Берлинѣ и потомъ переѣхала съ нимъ въ Мюнхенъ, гдѣ онъ жилъ постоянно. Сюда они пріѣхали въ первый разъ, чтобы провести лѣто въ имѣніи своего дяди.

Онѣ оживленно разговаривали, когда къ нимъ подошелъ сначала Даніилъ, затѣмъ нѣсколько дамъ и Шриллъ. Бесѣда возобновилась, но уже въ другомъ тонѣ.

— Пришелъ Фрицъ,—сказалъ Даніилъ на ухо женѣ.

Поручикъ стоялъ въ дверяхъ, выходящихъ на террасу, и разговаривалъ съ какимъ-то высокимъ, лысымъ господиномъ. Въ эту минуту попросили всѣхъ къ столу. Юлія пошла подъ руку со своимъ дядей, къ Маріаннѣ подошелъ Фрицъ и съ низкимъ поклономъ, тономъ глубокаго почтенія, не поднимая глазъ, сказалъ:

— Осмѣлюсь просить о чести быть вашимъ кавалеромъ за столомъ.

Она поборала свое смущеніе и взяла его подъ руку.

За обѣдомъ она почти не обращалась къ Фрицу и все время поддерживала разговоръ со своимъ сосѣдомъ съ правой стороны.

Въ открытыя окна и двери врывался легкій вѣтерокъ и скользилъ по пылающимъ щекамъ Маріанны и ея обнаженнымъ плечамъ. Отъ зажженныхъ люстръ и канделябръ лился мягкій свѣтъ на бѣлоснѣжную скатерть, уставленную живыми цвѣтами, хрусталемъ, серебромъ, тонкимъ бѣлымъ фарфоромъ. Стукъ ножей и вилокъ, звонъ стакановъ, сдержанный разговоръ, изящные туалеты, запахъ духовъ, сознаніе собственной красоты опьяняли Маріанну. Кровь стучала

у нея въ вискахъ, и время отъ времени она улыбалась черезъ столъ мужу, который разговаривалъ со своей дамой, повидимому, совершенно спокойно, и ея сіяющее лицо, казалось, говорило: — Неправда ли, какъ здѣсь чудесно! Вѣдь хорошо, что мы пріѣхали!—Хозяинъ дома, сидѣвшій неподалеку съ Юліей, началъ подшучивать надъ ихъ дружбой, потомъ заявилъ, что, не смотря на свою ревность къ племянницѣ, онъ будетъ покровительствовать ихъ отношеніямъ, и составилъ цѣлый планъ будущихъ увеселеній: катанье верхомъ, партіи въ теннисъ и въ крокетъ,—цѣлая радужная перспектива, отъ которой все шибче и шибче билось сердце Маріанны.

Когда разговоръ прервался, она вдругъ съ внезапной рѣшимостью обернулась къ Фрицу: ея поведеніе съ нимъ показалось ей глупымъ, безтактнымъ, нелюбезнымъ и могущимъ обратить на себя вниманіе окружающихъ. Слегка дрожащимъ голосомъ она сказала ему:

— Я рѣдко видѣла такую красивую залу. Кажется, нигдѣ въ окрестныхъ имѣніяхъ нѣтъ ничего подобнаго.

Съ секунду Фрицъ глядѣлъ на нее молча, потомъ спокойно возразилъ:

— Залъ замка въ Шварцхафенѣ красивѣе въ своемъ родѣ. Тамъ все дѣйствительно старинное. Здѣсь же роскошь новомодная.

— Развѣ это новое зданіе?

— Зданіе не ново, но оно отдѣлано и убрано за ново. Еще годъ назадъ оно было въ полномъ запустѣніи.

— Какъ вы попали въ Шварцхафенъ?

— Какъ я попалъ туда?

— Я не знала, что вы знакомы съ сельскимъ хозяйствомъ.

— Баронъ уговорилъ меня взять на себя управленіе его имѣніемъ.

— Такъ что вы съ нимъ съ хорошихъ отношеніяхъ?

— Мы друзья

— Это очень пріятно.

— Конечно. Счастье мнѣ улыбнулось въ этомъ отношеніи, за то мнѣ не повезло въ другомъ, неправда ли?

Онъ докончилъ фразу особеннымъ тономъ, съ горящимъ взглядомъ наклоняясь къ Маріаннѣ. Кровь бросилась ей въ лицо отъ этихъ словъ, что-то зашевелилось на днѣ души,— быть можетъ онъ меня еще любитъ, подумала она, улыбкой стараясь скрыть свое смущеніе.

Послѣ короткой паузы поручикъ возобновилъ разговоръ самымъ равнодушнымъ тономъ. Маріанна отвѣчала коротко, стараясь не встрѣчаться взглядами съ Фрицемъ. Вскорѣ

встали изъ-за стола, часть гостей вышла на террасу. Фрицъ отвелъ Маріанну къ ея мужу, но въ это время подошла къ ней г-жа Бухабенъ, и братья остались вдвоемъ.

Паркъ былъ освѣщенъ фонариками и матовыми шарами, которые разноцвѣтной лентой окружали небольшой прудъ. Мягкій лѣтній воздухъ былъ наполненъ запахомъ резеды и геліотропа. Маріанна и Юлія сидѣли на балконѣ, окруженныя веселой толпой мужчинъ. Имъ хотѣлось о многомъ переговорить, но ихъ не оставляли однѣхъ. Шелъ общій непринужденный разговоръ, слышались шутки, остроты, временами раздавался взрывъ смѣха. Кружокъ составился смѣшанный: двѣ - три сосѣднія помѣщицы, нѣсколько офицеровъ изъ ближняго лагеря, молодая художница, мюнхенская пріятельница Юліи, и двѣ совсѣмъ юныя, хорошенькія барышни, сестры изъ Вѣны, которыя возбуждали всеобщій хохотъ своими наивными разсужденіями. Рѣзвыя, какъ котята, онѣ болтали всякій вздоръ и веселились отъ души. Но Маріанна выдѣлялась среди всѣхъ своимъ красивымъ, нервнымъ лицомъ, дѣвичьей стройной фигурой, блестящими, возбужденными глазами. За ней ухаживали рѣшительно всѣ, начиная со стараго хозяина дома и кончая безусымъ поручикомъ, который почти не отходилъ отъ нея. Она, не сознавая своего успѣха, улыбалась всѣмъ безъ исключенія, болтала безъ умолку, но чистота, сквозившая во всѣхъ ея рѣчахъ и движеніяхъ, ея искренность и простота не допускали излишней вольности и держали разговоръ въ тонѣ легкой свѣтской шутки безъ малѣйшаго оттѣнка пошлости.

Хозяинъ дома, замѣтивъ всеобщее приподнятое настроеніе, затѣялъ танцы, и всѣ перешли въ залу. Даніилъ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ съ болѣе солидными гостями. Маріанна разыскала его и сѣла съ нимъ рядомъ.

Даніилъ тотчасъ началъ:

— Я говорилъ съ Фрицемъ.

— Ну и какъ?

— Да такъ, ничего особеннаго. Онъ спросилъ о матери, потомъ выразилъ желаніе быть у насъ.

— И ты его пригласилъ?

— Невозможно было этого избѣжать. Что ты на это скажешь?

Она задумчиво смотрѣла въ залу, гдѣ уже завертѣлись танцующія пары.

— Я думаю, что рано или поздно это должно было случиться.

— Только бы это снова не повело къ какимъ нибудь недоразумѣніямъ.

— Какъ такъ? — спросила она, быстро оборачиваясь къ

нему,—вѣдь отъ насъ зависитъ дать тонъ нашимъ отношеніямъ.

Въ это время къ ней подошелъ одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ.

— Могу-ли я пригласить васъ?

— Я бы предпочла не танцовать.

— Я посланъ г-жей Бухабенъ, ей хочется составить кадриль.

Она собиралась встать, когда замѣтила мрачный взглядъ Даніила.

— Нѣтъ, благодарю васъ; я, право, чувствую себя усталой.

Окружающіе переглянулись.

Маріанна сидѣла рядомъ съ Даніиломъ и скучала. Она была сердита на него. Изъ залы доносились обрывки разговоровъ, музыка, смѣхъ... Вдругъ Маріанна вздрогнула. Ясно, отчетливо, то замирая, то усиливаясь, раздались звуки вальса, подъ который она нѣкогда, въ тотъ далекій вечеръ, такъ безумно танцовала съ Фрицемъ. Она не отрывала глазъ отъ дверей залы. Мимо нея на одно мгновеніе промелькнула стройная фигура поручика, танцовавшаго съ Юліей. Какое-то мучительное чувство, похожее на ревность, шевельнулось въ душѣ Маріанны. Это было послѣднее и самое яркое впечатлѣніе этого дня.

Г-жа Клинггаммеръ и Маріанна сидѣли у окна другъ противъ друга. Старуха вязала чулокъ и время отъ времени отрывалась отъ него, чтобы взглянуть на улицу. Сегодня былъ день ея рожденья, и наканунѣ Фрицъ написалъ, что пріѣдетъ поздравить ее.

Она ждала его и безпокоилась.

— Что это его нѣтъ такъ долго, не случилось ли съ нимъ чего нибудь?

— Что же могло случиться?—возразила Маріанна.

— Отчего же онъ не идетъ?

— Вѣрно, его что нибудь задержало.

— Тогда бы онъ прислалъ сказать.

— Можетъ быть, онъ еще пріѣдетъ.

Маріанна и сама не вѣрила своимъ словамъ, но ей было жаль мать. Сама она волновалась не меньше ея. Она прислушивалась каждый разъ, когда раздавались шаги на дворѣ или на улицѣ.

Вошелъ Даніилъ и сказалъ, что Фрица нечего больше ждать и можно ѣхать кататься. Онъ приказалъ заложить коляску.

Это было одно изъ любимѣйшихъ удовольствій старухи,

и она быстро одѣлась въ надеждѣ встрѣтить младшаго сына на дорогѣ.

Маріанна осталась дома, отговорившись необходимостью написать нѣсколько писемъ. Въ сущности, она была въ скверномъ настроеніи и хотѣла остаться одна.

Она сѣла было къ письменному столу, но ей не писалось; тогда она перешла въ кабинетъ мужа и сѣла на диванъ. Все ее раздражало: и крики за окномъ, во дворѣ, и паутина, которую она замѣтила въ углу, и ея собственное изображеніе въ зеркалѣ. Она видѣла себя съ головы до ногъ въ нарядномъ сиреневомъ платьѣ. Для кого она одѣлась въ этотъ день? Не для старухи, конечно, и не для Даніила, который даже не взглянулъ на нее. Зачѣмъ ей ея красота, ея наряды, ея богатство? Кому они нужны? Это только источникъ заботы и мученій для мужа, который спокойнѣе жилъ бы одинъ на свое нищенское жалованіе. Она подумала о немъ. Онъ раздражалъ ее больше всѣхъ. Уже нѣсколько недѣль просила она его сдѣлать визитъ Бухабенамъ, и онъ постоянно откладывалъ его подъ всевозможными предлогами.

Вообще послѣднее время отношенія ихъ были нехороши: онъ цѣлыми днями не отрывался отъ своихъ книгъ, а если она входила въ его комнату, онъ встрѣчалъ ее такъ непривѣтливо, что она сразу теряла доброе настроеніе. Когда она жаловалась на скуку, онъ отсылалъ ее къ матери, считая, очевидно, для нея развлеченіемъ разговоры со старухой.

Маріанна сердито ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Она услышала звукъ хлыста и лошадиный топотъ и подошла къ окну. У воротъ стоялъ Фрицъ верхомъ на рыжемъ жеребцѣ. Онъ поклонился и спросилъ, дома ли мать. Маріанна пригласила его войти. Послѣ минутнаго колебанія онъ согласился. Маріанна, мимоходомъ приказавъ служанкѣ заварить кофе, вышла во дворъ и сама отворила ворота. Онъ извинился за свое опозданіе: его задержали въ послѣднюю минуту. Конюхъ куда-то вышелъ, и Фрицу пришлось самому повозиться и поставить лошадь въ конюшню. Маріанна не уходила и любовалась горячившемся животнымъ.

— Осторожнѣе, не подходите близко,—заботливо сказалъ поручикъ,—она у меня не изъ спокойныхъ.

Проѣзжая тропинкой черезъ поле, Фрицъ издали увидѣлъ и узналъ свою мать и Даніила, ѣхавшихъ въ коляскѣ по шоссе. Его первымъ движеніемъ было поѣхать къ нимъ на встрѣчу; но, при мысли застать Маріанну одну дома, онъ перемѣнилъ рѣшеніе, въѣхалъ въ рощу и, спрятавшись за деревья, пропустилъ коляску мимо. Уже давно лелѣялъ онъ мысль встрѣтиться наединѣ съ Маріанной и сказать ей правду, бросить въ лицо упрекъ, что она играла имъ. Ни

старая вражда, ни любовь не умерли въ немъ, и желанье побѣдить, осилить эту женщину были сильнѣе, чѣмъ когда либо.

Маріанна открыла дверь въ домъ:

— Войдите, только не ушибитесь.

— Дѣйствительно,—сказалъ онъ, наклоняясь, чтобы пройти въ низенькую дверь, — это жилище для смиренныхъ и покорныхъ.

Войдя въ домъ, онъ попросилъ позволенія умыться и прошелъ въ комнату для гостей. Оставшись одна, Маріанна почувствовала къ нему заглохшую было антипатію.

— Какъ онъ неделикатенъ,—подумала она.—Быть можетъ помѣщеніе въ замкѣ роскошнѣе и богаче, но къ чему это подчеркивать?

Однако, когда онъ вышелъ, она любезно спросила:

— Не выпьете-ли чашку кофе или стаканъ вина?

— Не откажусь отъ кофе, если позволите. Я вамъ привезъ поклонъ отъ г-жи Бухабенъ. Нѣсколько дней назадъ она была здѣсь, но никого не застала дома. Она просила васъ спросить, какъ вы рѣшили относительно партіи въ теннисъ?

— О, я очень охотно приму участіе. Какое время она назначила?

— Когда вамъ удобнѣе. Вамъ будутъ всегда одинаково рады.

— Вы съ ней часто видитесь?

— Довольно часто. Она очаровательная женщина.

Пока Фрицъ глядѣлъ на Маріанну, его желаніе отомстить ей за обиду мало-по малу смѣнялось мягкимъ и нѣжнымъ чувствомъ, которое онъ испытывалъ къ ней когда-то. Было что-то сдерживающее и притягательное въ строгихъ, благородныхъ линіяхъ ея лица, въ непринужденной позѣ ея дѣвически стройной фигуры.

— Не угодно-ли вамъ закусить?—спросила Маріанна.

— Съ удовольствіемъ, если позволите.

Она вышла, но черезъ минуту вернулась, и служанка подала ветчину, масло, булки. Пока онъ ѣлъ, они вели свѣтскій, ничего не значущій разговоръ. Маріанна поглядывала на часы, и желая, и боясь скораго возвращенія матери и мужа. Вся залитая мягкими лучами солнца, она сидѣла неподвижно и была такъ вызывающе красива, что Фрицъ не выдержалъ: быстрымъ движеніемъ откинувшись на спинку стула, онъ сказалъ:

— Не думалъ я встрѣтиться съ вами въ такой обстановкѣ и при такихъ обстоятельствахъ. Я давалъ себѣ слово никогда больше васъ не видѣть.

Она молчала, чувствуя, что всю ее охватываетъ мелкая дрожь.

— Вы—пасторша!—продолжалъ онъ,—жена моего брата! Это дико! Неправдоподобно! Я бы никогда этому не повѣрилъ, если бы услышалъ объ этомъ со стороны.

Маріанна встала и въ смущеніи вышла въ сосѣднюю комнату. Черезъ минуту она возвратилась съ ящикомъ сигаръ въ рукахъ, и въ тоже время вошла служанка и стала прибирать со стола. Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. Маріанна посмотрѣла на часы и заговорила о матери.

Онъ перебилъ ее на серединѣ фразы:

— Я еще не поблагодарилъ васъ. Вѣдь вы въ сущности главная виновница моего счастья. Тогда, въ Урденбахѣ, мнѣ было такъ скверно, я велъ такую жизнь, что часто думалъ, не пустить-ли мнѣ пулю въ лобъ. И только когда мнѣ стало не въ мочь тамъ оставаться, я рѣшилъ еще разъ помѣряться съ судьбой и попытать новаго счастья. Ну, и вышелъ на дорогу!

— Вотъ видите, все идетъ къ лучшему,—сказала она, наконецъ, со слабой улыбкой.

— Да. Вы меня совсѣмъ было уничтожили, но я не сдался. Погибнуть изъ-за женщины казалось мнѣ слишкомъ унизительнымъ.

Онъ нервно крутилъ сигару.

— Вы убили въ себѣ прошлое,—сказала Маріанна,—зачѣмъ же говорить о немъ.

— Убилъ? Я ничего не убилъ въ себѣ: я люблю васъ также безумно, какъ и прежде.

Маріанна встала съ мѣста блѣдная, съ полными слезъ потемнѣвшими глазами; она едва смогла прошептать:

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите? какъ вы смѣете? простите, я должна васъ оставить.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, еле держась на ногахъ. Онъ всталъ за ней.

— Такъ какъ мы больше никогда не увидимся, то позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ.

Она сухо отвѣтила, держась уже за дверную ручку:

— Что вамъ угодно?

— Отчего вы убѣгаете? Вы чувствуете, что вы неправы передо мной.

— Я неправа передъ вами?

— Да, и потому вы трусите.

— Я трушу?—спросила она презрительно, подходя къ нему,—я трушу васъ?

— Да, вы трусите, вы не можете поглядѣть мнѣ въ глаза: такъ вы меня боитесь. Вы играли со мной и не на

жизнь, а на смерть. Если бы я пустилъ себѣ пулю въ лобъ, вы одна были бы виноваты. И вы это знаете. И если въ васъ есть хоть искра совѣсти, вы должны мнѣ отвѣтить.

— На что?

— Зачѣмъ вы мной играли?

— Я не играла вами.

— Какъ? вы не знали, что я васъ люблю, и вы никогда меня не завлекали?

— Никогда, никогда!

— Да? Я надѣялся, по крайней мѣрѣ, что вы хоть скажете правду.

— Все это вы сами себѣ вообразили.

— Значитъ, это было только мое воображеніе?

— Да. Съ самаго начала нашего знакомства я полюбила вашего брата и всегда любила его одного.

— Такъ! Ну, значитъ, я былъ дуракъ и портилъ жизнь себѣ изъ-за собственныхъ фантазій. Отлично. Я признаю, что я одинъ виноватъ во всемъ. Но только отвѣтьте мнѣ еще на одинъ вопросъ. Помните, давно, когда я былъ боленъ и лежалъ между жизнью и смертью, тогда... вы не входили въ мою комнату... нѣтъ? Вы не нагнулись ко мнѣ? Вы не... или это былъ бредъ?

Онъ говорилъ шепотомъ, наклонясь къ ней, напряженно ожидая отвѣта.

— Это была единственная мысль, привязывавшая меня къ жизни,—продолжалъ онъ.—И ею я живу до сихъ поръ. Я не въ силахъ побѣдить мою любовь къ вамъ.

— Зачѣмъ вы все это мнѣ говорите?—почти крикнула Маріанна и съ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ, вся охваченная безсознательнымъ ужасомъ, выбѣжала изъ комнаты. Фрицъ остался сидѣть на мѣстѣ, удовлетворенный тѣмъ, что высказалъ давно накипѣвшее чувство, сорвалъ свою боль и обиду.—Что она сдѣлаетъ, когда вернется Даніилъ,—думалъ онъ.—Разскажетъ она ему все, или нѣтъ?

Онъ подождалъ еще нѣсколько минутъ. Никто не появлялся. Онъ вышелъ изъ дому, осѣдлалъ лошадь и выѣхалъ на улицу: неподалеку онъ встрѣтилъ мать и брата. Онъ сказалъ Даніилу, что Маріанна легла, такъ какъ у нея заболѣла голова, и они втроемъ вернулись домой.

Фрицъ остался съ матерью, а Даніилъ прошелъ къ женѣ въ спальню.

Онъ присѣлъ на край кровати, ласково погладилъ Маріанну по головѣ, поцѣловалъ ей руку, былъ съ ней нѣженъ и мягокъ, какъ съ ребенкомъ. Она прижалась къ нему, и вся любовь ея вспыхнула съ прежней силой. Когда Даніилъ вернулся въ столовую, Фрицъ разсказывалъ матери

о своей жизни въ Шварцхафенѣ. Даніилъ сѣлъ рядомъ со спокойнымъ и счастливымъ лицомъ, думая о Маріаннѣ. Она была такъ мягка съ нимъ, такъ довѣрчива и казалась такой слабой и безпомощной. Онъ давалъ себѣ обѣщаніе быть впередъ къ ней внимательнѣе и заботливѣе.

Братьямъ не было особенно хорошо вмѣстѣ, и, какъ только старушка пошла спать, Фрицъ уѣхалъ. Онъ былъ недоволенъ собой. Маріанна теперь знаетъ, что онъ все еще любитъ ее, и, понятно, постарается не встрѣчаться съ нимъ. Его поведеніе казалось ему безтактнымъ и неразсчетливымъ. Но послѣ нѣкотораго раздумья онъ успокоился на томъ, что онъ сумѣетъ, если захочетъ, найти возможность и увидаться, и поговорить съ ней.—И гдѣ бы и когда бы я ее не увидѣлъ, я буду настойчиво повторять ей, что я ее люблю. Она слишкомъ женщина, чтобы остаться къ этому равнодушной. Быть можетъ, мой сегодняшній поступокъ не такъ ужъ глупъ. Крѣпость осаждаютъ или берутъ приступомъ; я выбралъ послѣднее.

Въ Шварцхафенѣ его уже ожидали. Каждую ночь у барона шла крупная игра. Фрицъ былъ однимъ изъ азартнѣйшихъ игроковъ. Въ этотъ вечеръ онъ проигралъ крупную сумму и утѣшился пословицей: несчастье въ картахъ,—счастье въ любви!

Возобновившаяся было нѣжность супруговъ продолжалась недолго, и вскорѣ Маріанна снова пришла въ мрачное и угнетенное состояніе. Она твердо рѣшила не встрѣчаться больше съ Фрицомъ, и отклоняла всѣ приглашенія въ замокъ. Вскорѣ, однако, Юлія Бухабенъ опять сама пріѣхала къ Клинггаммерамъ, чтобы уговорить ихъ принять участіе въ пикникѣ. Они предполагали проѣхать большимъ обществомъ въ сосѣднюю деревушку, гдѣ жила цѣлая колонія мюнхенскихъ художниковъ. Маріанна согласилась ѣхать, узнавъ, что Фрица съ ними не будетъ. Предполагали, что Даніилъ и Маріанна поѣдутъ вдвоемъ въ ихъ собственной коляскѣ. Случилось, однако, что пасторъ былъ спѣшно позванъ къ больному, который скончался на его рукахъ. Въ виду погребенія уѣхать было невозможно. Юлія любезно предложила сама заѣхать за Маріанной. Даніила мучила ревнивая мысль, что эти чужіе и чуждые ему люди отнимутъ у него жену, что она войдетъ въ кругъ ихъ интересовъ и отдалится отъ него. Его радовало только то, что Фрица, по крайней мѣрѣ, не будетъ съ ними.

За Маріанной должны были заѣхать въ десять часовъ; однако въ половинѣ одиннадцатаго еще никого не было.

Даніилъ, въ своемъ пасторскомъ облаченіи, зашелъ на минуту къ женѣ, чтобы съ ней попрощаться.

— Я думаю, они не пріѣдутъ, — сказалъ онъ, при чемъ лицо его невольно просвѣтлѣло.

— Ты точно этому радуешься!

— Отчасти я, конечно, радъ. Меня пугаетъ мысль, что я не увижу тебя цѣлыхъ два дня.

— Боже мой! развѣ это такъ для тебя необходимо! Я постоянно съ тобой, и ты даже этого не замѣчаешь.

— Маріанна, ты знаешь, я заваленъ работой.

— Послѣдніе дни, быть можетъ, ну, а раньше... ахъ, да все равно!

Она вскочила, прислушиваясь: ей показалось, что она слышитъ лошадиный топотъ.

— Хоть это удовольствіе ты могъ бы мнѣ не отравлять. И безъ того мнѣ живется невесело.

— Веселись хорошенько,—мрачно сказалъ онъ.—Прощай!

— Прощай!

Она задержала на минутку его руку и, смягчая рѣзкость своихъ предыдущихъ словъ, сказала съ ласковой улыбкой:

— Старый ворчунъ!

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Маріанна сняла было уже шляпу, потерявъ всякую надежду на поѣздку, когда услышала звукъ подъѣзжавшаго экипажа.—Это былъ большой дилижансъ, запряженный четверкой. Первый, кто ей бросился въ глаза, былъ Фрицъ, сидѣвшій на козлахъ. Она хотѣла было остаться дома, но было поздно: ее обступили со всѣхъ сторонъ, послышались привѣтствія, разспросы, восклицанія. Юлія торопила ее.

— Скорѣе, скорѣе! гдѣ же твои вещи? Садись, пора ѣхать!

Пока служанка ходила за чемоданомъ, Маріанну усадили въ экипажъ. Отказываться, возражать не было никакой возможности. Это была волна какого-то безумнаго, заразительнаго веселья, вихремъ закрутившаго молодую женщину. Даже лошадямъ не стоялось на мѣстѣ, и, какъ только пустили возжи, онѣ рванулись и понесли крупной рысью. Бичъ хлопалъ, бубенчики звенѣли, заглушая погребальный звонъ церковныхъ колоколовъ.

За угломъ Фрицъ круто осадилъ четверку,—имъ наперерѣзъ шла погребальная процессія. Это впечатлѣніе вмѣстѣ со звономъ колоколовъ слилось въ воображеніи Маріанны въ одно цѣлое съ ея мужемъ и встало передъ ней яркимъ контрастомъ и укоромъ.

Они давно выѣхали на шоссе, лошади неслись во весь опоръ, а Маріанна все не могла отдѣлаться отъ тяжелаго

сопоставленія: она, веселая, нарядная, среди смѣющихся, беззаботныхъ, веселящихся людей, а Даніилъ одинъ въ толпѣ больныхъ и страждущихъ.

Жаворонки заливались въ воздухѣ, поля разстилались ровными разноцвѣтными полосами. Все общество оживленно разговаривало. Вытащили корзину съ припасами, и Маріанна, сидѣвшая какъ разъ позади Фрица, должна была передать ему буттербродъ и стаканъ портвейну. Онъ, не оборачиваясь, сдержанно поблагодарилъ ее. Юлія расхохоталась.

— Г-нъ Клингаммеръ не знаетъ, что рядомъ съ нимъ Маріанна, и говоритъ съ ней, какъ съ чужой.

— Извините, мнѣ это отлично извѣстно,—сказалъ Фрицъ.

— Мы не имѣли еще случая ближе познакомиться и сойтись,—спокойно добавила Маріанна.

Около двухъ пріѣхали, наконецъ, къ сборному пункту въ маленькомъ деревенскомъ трактирѣ. Въ залѣ собрались уже всѣ мюнхенскіе пріятели Бухабена и пили пиво подъ его предсѣдательствомъ. Въ ихъ числѣ было нѣсколько дѣвушекъ—художницъ. Кое-кто, впрочемъ, рисовалъ, кое-кто занимался приготовленіями къ предстоящему ночью празднеству. Пока распредѣляли комнаты и въ нихъ устраивались, разсматривали этюды и картины, время незамѣтно подошло къ ужину. Въ сумерки всѣ разбрелись по парку. Фрицъ очутился рядомъ съ Маріанной.

— Простите, если мое присутствіе испортило вамъ прогулку,—началъ онъ.

— Мнѣ оно совершенно безразлично.

— Я не имѣлъ намѣренія ѣхать. Но такъ какъ, кромѣ меня, никто не умѣетъ править четверкой, мнѣ было невозможно отказаться. При томъ-же я хотѣлъ попросить у васъ прощенія. Будьте увѣрены, что я никогда болше не возобновлю этого разговора.

— Лучше бы вы совсѣмъ объ этомъ не упоминали.

— А вы думаете, я самъ себя въ этомъ не упрекалъ? Видитъ Богъ, я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ и показаться смѣшнымъ въ вашихъ глазахъ.

Его голосъ дрожалъ отъ сдержанной страсти.

— Два года жилъ я вблизи васъ, не смѣя показаться вамъ на глаза. Я боялся встрѣчи съ вами. Но когда меня позвала мать, я былъ не въ силахъ отказать ей, огорчить ее, быть можетъ, въ ея послѣдній день рожденья... И тогда я вдругъ высказался неожиданно для самаго себя. У меня не хватило силы воли.

Она безпомощно озиралась, точно ища поддержки въ окружавшихъ ее чужихъ ей людяхъ.

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что вы меня прощаете.

— Если вамъ угодно, извольте. Только прошу васъ, не возобновляйте этого разговора.

Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Не говорите больше объ этомъ! —повторилъ онъ точно въ забытьи,—не говорите больше объ этомъ! Да развѣ это возможно! не говорить о томъ, о чемъ непрестанно думаешь!

— Боже мой, къ чему же это приведетъ!

— Не знаю... Конечно, вамъ тяжело и скучно меня выслушивать. Женщина не хочетъ меня знать, а я преслѣдую ее, умоляю о любви... Я самъ себѣ жалокъ. Но почему раньше, давно не сказали вы мнѣ, что я вамъ противенъ. Помните ту ночь, когда мы танцовали съ вами? Помните, что вы говорили? Помните, что отвѣтили вы мнѣ?... На другой день я три раза заходилъ къ вамъ и не заставалъ васъ дома. Знаете-ли вы, что тогда я былъ, какъ сумасшедшій? А на слѣдующее утро братъ объявилъ мнѣ, что вы его невѣста.

Онъ постоялъ минуту, покачалъ головой и какъ бы съ трудомъ докончилъ:

— Я до сихъ поръ не могу этого понять: сегодня я завтра—онъ! Какъ можно такъ играть человѣкомъ!

— Замолчите, прошу васъ, замолчите! пожалѣйте меня!— просила Маріанна.

— Я не хочу причинять вамъ ни малѣйшей непріятности. Я васъ дѣйствительно люблю. Какъ же я могу желать васъ огорчить? Я буду съ вами совершенно откровененъ. Въ началѣ нашего знакомства я еще думалъ о вашемъ состояніи. Меня преслѣдовала мысль имѣть возможность вернуться въ полкъ. Я представлялъ себѣ, какъ бы мы славно зажили. Изъ насъ вышла бы хорошая пара. Вѣдь вы созданы для блеска, для большого свѣта. Но когда мною овладѣла страсть, я забылъ обо всемъ. Теперь я твердо знаю: если бы вы были самой бѣдной женщиной, и мнѣ пришлось бы жить съ вами въ глухой и жалкой деревушкѣ, я всетаки считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ.

— Какъ бы скоро я вамъ надоѣла при такихъ условіяхъ.

— Что вы говорите!

Они опять помолчали.

— Дайте мнѣ одно обѣщаніе...—начала Маріанна, медленно дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Все, что вы говорите— безполезное мученіе для васъ и для меня. Я согласна, что я была неправа передъ вами. Я этого не хотѣла, конечно; но я не владѣла тогда собой. Прошлаго не вернешь и не измѣнишь. Теперь все кончено.—Она хотѣла видѣть выраженіе его лица, но онъ не поворачивалъ головы.

— Къ чему же намъ постоянно говорить о непоправимомъ? Вѣдь и безъ того мы надѣлали много зла: мой мужъ и вы стали врагами, ваша мать была вынуждена съ вами разстаться и страдаетъ отъ этой разлуки. Развѣ можно все это такъ оставить? Почему намъ не быть друзьями? Вы заблуждаетесь: я отношусь къ вамъ далеко не враждебно. Я была бы рада стать съ вами въ добрыя отношенія, только пообѣщайте мнѣ никогда не упоминать о прошломъ.

Онъ не отвѣчалъ. Она протянула ему руку:

— Хотите, будемъ друзьями?

— Съ моей стороны нечестно на это согласиться.

— Тогда... Намъ не надо встрѣчаться.

— Вы совсѣмъ уйдете отъ меня?

— Да, навсегда.

Они невольно шли скорѣе изъ боязни, что идущіе сзади услышатъ что-нибудь изъ ихъ разговора. Когда они остановились и оглянулись, кругомъ никого не было. Онъ тихо протянулъ ей руку.

— Вы непремѣнно требуете съ меня этого обѣщанія?

— Да, и, надѣюсь, вы его сдержите.

Она пожала ему руку, улыбаясь сквозь слезы.

— Посидимъ, я очень устала.

„Равнодушна она ко мнѣ или любитъ меня, но не даетъ себѣ воли,—думалъ Фрицъ, глядя на нее.—И почему именно она, почему тянетъ меня къ ней, а не къ другой?"

Вдругъ, вспыхнувъ, взвилась надъ прудомъ ракета, загорѣлись бенгальскіе огни. Маріанна удивленно оглянулась вокругъ. Ей казалось страннымъ, что она здѣсь одна съ этимъ человѣкомъ. Снова ею овладѣли волненіе и какая-то робость передъ нимъ. Но она не имѣла силы встать. Она чувствовала, какъ быстро бьется ея сердце, и кровь стучитъ въ вискахъ; какое-то новое, чуждое ей еще чувство горячей волной заливало ее всю.

— Почему мы здѣсь одни?—наконецъ, спросила она.

— Остальные пошли другой дорогой.

— Пора домой. Пойдемте скорѣе.

На обратномъ пути они обмѣнялись лишь нѣсколькими незначительными словами.

Около одиннадцати Юлія и Маріанна поднялись въ свою комнату.

— Было довольно весело, только мнѣ кажется, что подъ конецъ всѣ слишкомъ разошлись. Эти художники частенько выходятъ изъ границъ,—сказала Юлія.

— Да, и это не всегда бываетъ интересно. Впрочемъ, вѣдь это все молодежь!

— Мой мужъ не такъ юнъ!

— Да, твой мужъ, конечно...

И Маріанна представила себѣ г-на Бухабена, въ дамской шляпкѣ, напѣвающаго игривые куплеты. Она удивлялась Юліи, которая слушала его со спокойной улыбкой на равнодушномъ лицѣ и только изрѣдка старалась дать разговору другое направленіе.

Пока онѣ раздѣвались подъ долетавшіе до нихъ звуки музыки и смѣхъ и говоръ танцующихъ, Юлія замѣтила:

— Какъ былъ угрюмъ и молчаливъ сегодня весь день братъ твоего мужа. Вы, кажется, не особенно ладите?

— Да, Даніилъ и онъ не сходятся въ убѣжденіяхъ.

— А ты и онъ?

— Мы? Мы совершенно чужіе.

Подруги помолчали, а когда разговоръ между ними возобновился, онъ сосредоточился на воспоминаніяхъ о томъ времени, когда онѣ обѣ, юныя и неопытныя, полныя надеждъ и вѣры въ будущее, путешествовали вмѣстѣ въ горахъ въ Швейцаріи. И какая-то грусть сквозила въ недосказанныхъ рѣчахъ, печаль о невозвратно погибшихъ иллюзіяхъ, о томъ, что жизнь не сдержала своихъ обѣщаній и оказалась далеко не тѣмъ, чѣмъ рисовало ихъ воображеніе. Обѣ поняли безъ словъ, что онѣ несчастны. И это чувство еще болѣе сблизило ихъ. Около полуночи звуки внизу стали мало по малу стихать. Маріанна раскрыла окно. Небо было усѣяно звѣздами.

— Жаль ложиться спать въ такую ночь, а пора! — со вздохомъ сказала Юлія.

— Да, пора; мнѣ кажется, уже поздно.

Маріанна, сидя передъ зеркаломъ, расчесывала свои длинные волосы, разсыпавшіеся черной, густой волной по бѣлому батисту рубашки.

— Знаешь, любопытная исторія случилась въ прошломъ году у Фрица съ одной барышней,—разсказывала Юлія.—Хотя, впрочемъ, ничего необыкновеннаго. Все это исходило съ ея стороны скорѣе, чѣмъ съ его. Премилая дѣвушка!

— Кто такая?

— Да одна моя подруга, не особенно молодая, правда, но такая милая и при томъ богатая. Мы никакъ не могли понять, почему дѣло не сладилось.

— Вѣроятно, онъ не захотѣлъ.

— Очень возможно. Мнѣ кажется, онъ не совсѣмъ свободенъ, т. е. вѣроятно, дѣло не въ женитьбѣ, а такъ—любовь какая-то!

— Не знаю,—возразила Маріанна.

— Что съ тобой? Ты нездорова? Ты вдругъ поблѣднѣла!

— Ничего, пройдетъ, я никакъ не справлюсь съ волосами.

— Давай, я тебѣ расчешу.

И Юлія, ловко раздѣляя мягкія пряди, заплетала ихъ въ длинныя косы.

— Тебѣ въ сущности было бы больше къ лицу причесываться съ проборомъ и на уши. Такъ это тебѣ идетъ!

— Кажется, что мнѣ, женѣ пастора, неудобно носить такую прическу.

— Какая ты пасторша! Это тебѣ совсѣмъ не подходитъ!

Обѣ улыбнулись.

— Ты находишь, что мнѣ не пристало быть пасторшей?

— Пасторша... и такая изящная, въ такой тонкой сорочкѣ, съ такимъ кружевомъ...

— Я не въ состояніи одѣваться иначе!

— Ну, еще бы, и прекрасно! Впрочемъ, твой мужъ мнѣ очень нравится: въ немъ есть что-то простое, исполненное достоинства. Прежде мнѣ казалось, что тебѣ-бы нужно было имѣть мужа вродѣ Фрица.

Онѣ доканчивали раздѣваться и медлили ложиться. Маріанна вкалывала булавки въ туалетный столикъ и, внезапно обернувшись, увидѣла въ рукахъ у Юліи мужской портретъ въ складной карманной рамкѣ.

— Кто это?—удивленно спросила Маріанна.

— Это...—г-жа Бухабенъ спокойно сложила и спрятала рамку.—Это,—сказала она быстро совершенно другимъ тономъ,—тотъ, кого я люблю.

Маріанна удивленно взглянула на свою подругу. Въ эту минуту она стала ей чужой и далекой. Юлія, точно понявъ ея взглядъ, покраснѣла, потомъ поблѣднѣла и спросила:

— Что ты объ этомъ думаешь?

Маріанна не отвѣчала.

— Что ты думаешь?

Маріанна молчала.

— Ты считаешь меня погибшей женщиной?

— Нѣтъ, нѣтъ, только не это,—поспѣшно возразила Маріанна, но лицо ея противорѣчило ея словамъ.

Юлія сѣла рядомъ съ ней и, глядя прямо передъ собой, съ широко раскрытыми блестящими глазами, начала:

— Я познакомилась съ нимъ въ прошломъ году. Два мѣсяца мы провели вмѣстѣ на морѣ. Потомъ разстались и больше не видали другъ друга. Мы переписывались. Я должна тебѣ про него разсказать. Я еще никому объ этомъ не говорила, у меня вѣдь нѣтъ, кромѣ тебя, ни одной близкой души.

Такъ тяжело молчать о томъ, о чемъ думаешь, не переставая день, и ночь.

Воспоминаніе о Фрицѣ молніей промелькнуло въ головѣ Маріанны.

Нѣсколько часовъ назадъ она слышала отъ него тѣ же слова. И пока подруга прерывающимся голосомъ съ лихорадочно блестящими глазами разсказывала ей исторію своей любви, она не переставала думать о братѣ своего мужа. Та же сдержанная страсть слышалась въ его голосѣ, такъ же горѣли его глаза...

— Что же ты думаешь обо всемъ этомъ,—спросила Юлія, можешь ли ты меня еще уважать?

— Да!—возразила Маріанна.—Да!—и, нѣжно обнявъ взволнованную подругу, она смотрѣла на нее долгимъ, печальнымъ, вздумчивымъ взглядомъ.

— Я не думаю о тебѣ плохо и не осуждаю тебя,—шептала она ей на ухо,—но я не могу этого понять.

— Желаю тебѣ ото всего сердца никогда не испытать ничего подобнаго. Если хотя разъ переживешь это,—прощай покой! Вся моя жизнь разбита.

Долго еще, молча, сидѣли онѣ, потомъ пожали другъ другу руки, легли и потушили свѣчи. Еще никогда въ жизни Маріанна не испытывала такой глубокой внутренней тревоги. Правда, она изъ книгъ знала о томъ, что ей сейчасъ разсказала Юлія, но это казалось ей такимъ же далекимъ, какъ любая фантастическая сказка. Теперь она въ дѣйствительности столкнулась съ этимъ міромъ! Передъ ней стояла женщина, которая не любила своего мужа, измѣняла ему и говорила о своей любви, какъ о чемъ то естественномъ, непреодолимомъ, имѣющемъ всѣ права на существованіе. И она уважала и любила эту женщину, и всѣ другіе цѣнили и выказывали свое къ ней почтеніе.

— Развѣ это возможно?—подумала Маріанна, и въ ту же минуту образъ Фрица опять блеснулъ передъ ней съ новой силой, съ новымъ значеніемъ зазвучали въ ея ушахъ его страстныя рѣчи.—И я слушала его!—подумала она.—А что если любовь охватитъ меня, если у меня не хватитъ силы сопротивленія. Нѣтъ! я лучше лишу себя жизни, чѣмъ измѣню своему мужу.

Она вздрагивала на своей горячей постелѣ, не имѣя силъ ни заснуть, ни отогнать все одинъ и тотъ же преслѣдовавшій ее образъ; а чей-то страстный голосъ повторялъ ей рѣчи, смыслъ которыхъ она хотѣла и не могла уловить. У нея не хватало силы осмыслить то новое, непередаваемое ощущеніе, которое охватило ее на скамейкѣ: точно какая-то волна поднималась со дна ея души, заливала всю ее чувствомъ без-

причиннаго, непонятнаго, но безконечнаго счастья, отъ котораго кружилась и туманилась голова, ноги и руки не повиновались, и вся она, ослабѣвшая и истомленная, казалось, теряла сознанье. Что это? начало любви? Все, что она называла участіемъ къ нему, сознаньемъ своей вины передъ нимъ, все это была только любовь? Она слушала его не изъ состраданья, не изъ боязни обидѣть его, а потому, что рѣчи его радовали ее, заставляли замирать ея сердце отъ страха и восторга. Она любила его? Нѣтъ, никогда! Это ненависть, не любовь. И даже не ненависть. Она была къ нему совершенно равнодушна. Онъ случайно занялъ мѣсто въ ея жизни. И она бы давно его забыла, если бы онъ вдругъ снова не всталъ внезапно на ея пути. Но почему она такъ часто думала о немъ даже въ первое время своего брака? Что это было за ощущенье тогда, въ ту ночь, когда она танцовала съ нимъ въ лѣсу? Зачѣмъ она поцѣловала его, когда онъ лежалъ при смерти?

Все это призракомъ стояло передъ ней.

Она сѣла на постель, обхвативъ голову обѣими руками.

— Даніилъ! Почему я не думаю о немъ? Развѣ я его не люблю! Вѣдь онъ мой мужъ, я съ нимъ счастлива!—Но всѣ ея усилія вызвать въ себѣ прежнее чувство были безплодны: погасшій костеръ не давалъ ни одной искры. Она старалась найти въ своихъ воспоминаніяхъ хоть что нибудь, что снова привлекло бы ее къ нему, и не находила ничего. Подъ утро она заснула и видѣла тяжелые сны, а когда открыла глаза, Фрицъ былъ ея первой мыслью.

Юлія еще спала. Ея грудь ровно вздымалась отъ спокойнаго дыханія, русая коса разметалась по подушкѣ, а красивыя, полныя руки лежали поверхъ одѣяла.

Маріанна взглянула на свою подругу. — Нѣтъ, никогда подумала она.—Если у меня не хватитъ силъ бороться со своимъ чувствомъ, то хватитъ покончить съ собой раньше, чѣмъ измѣнить мужу!—Но умереть казалось теперь, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, страшнѣе и невозможнѣе, чѣмъ это представлялось ночью, въ напряженномъ лихорадочномъ сознаніи.

Ей хотѣлось поскорѣе домой, разсказать все Даніилу, облегчить душу. Она улыбалась при мысли, что скоро увидитъ его, и онъ обниметъ ее, защититъ отъ самой себя. Сидя у него на колѣняхъ, она признается въ своей невольной винѣ, и онъ выслушаетъ; пойметъ и объяснитъ ей все.

Увидавъ Маріанну и своего брата почти бокъ о бокъ въ коляскѣ, пасторъ смутился. Въ одну секунду въ его мозгу

промелькнуло, что Маріанна знала заранѣе объ участіи Фрица въ пикникѣ, что она намѣренно скрыла это отъ мужа, и что нѣчто ужасное можетъ произойти между ними за эти два дня. Онъ едва могъ говорить въ церкви и на могилѣ. Только дома онъ нѣсколько очнулся и устыдился своихъ подозрѣній, однако далъ себѣ слово никогда впередъ не отпускать Маріанну такъ надолго одну, безъ себя.

Ему подали письмо отъ Вальтера. Тотъ извѣщалъ его о томъ, что съ будущаго лѣта открывается въ Шверенбергѣ вакансія на мѣсто пастора, и уговаривалъ Даніила хлопотать о переводѣ. Мимоходомъ онъ упоминалъ о своей тяжелой болѣзни, которая не уступаетъ лѣченію и вынуждаетъ его хлопотать объ отпускѣ.

Это письмо нѣсколько отвлекло Даніила отъ его безпричинной тревоги и заставило задуматься надъ предложеніемъ своего друга. Въ пять часовъ Маріанна была уже дома. Она прямо прошла въ кабинетъ мужа.

— Отчего ты не вышелъ ко мнѣ на встрѣчу?

— Я думалъ, ты пріѣдешь позже. Ну, слава Богу, что ты, наконецъ, дома. Какъ же ты провела время?

Онъ пристально смотрѣлъ на нее, пока она подробно описывала ему прогулку. Лицо ея было невозмутимо серьезно. То, что еще утромъ казалось ей такимъ легкимъ и простымъ, теперь представлялось совершенно невыполнимымъ.

— Что это вздумалось Фрицу поѣхать съ вами?—вдругъ спросилъ онъ, повидимому, совершенно ровнодушнымъ тономъ.

— Онъ сказалъ, что кромѣ него никто не умѣетъ править четверкой; ему пришлось поѣхать, чтобы не разстраивать пикника.

Они посмотрѣли другъ на друга. Оба почувствовали необходимость объясненія, но точно какая-то стѣна взаимной неловкости и недовѣрія встала между ними. Они замолчали.

— Вотъ прочти это,—сказалъ, наконецъ, Даніилъ, подавая ей письмо Вальтера.

Дочитавъ исписанный листокъ до конца, она выронила его, испуганно и испытующе глядя на своего мужа и по лицу его догадываясь о его рѣшеніе.

— Что ты объ этомъ думаешь?—спросила она.

— Мнѣ бы хотѣлось знать твое мнѣніе.

— Мы...

Она совсѣмъ себя не понимала въ эту минуту. Она чувствовала дикую, эгоистичную, слѣпую боль при мысли о томъ, что необходимо отсюда уѣхать и покончить со всѣмъ. Всей силой своего инстинкта боялась она оторваться отъ мѣста, въ которомъ теперь для нея сосредоточилась, казалось, вся ея жизнь.

— Мнѣ здѣсь очень нравится...—сказала она съ легкой запинкой.

— Дѣло не въ томъ, нравится-ли тебѣ или нѣтъ,—возразилъ онъ сурово.—Мы живемъ не для наслажденья. Я считаю своимъ долгомъ принять это предложеніе.

Она сидѣла на низенькой кушеткѣ, закинувъ голову, и, щурясь, смотрѣла прямо передъ собой.

Онъ стоялъ передъ ней и говорилъ:

— Видишь-ли, Маріанна, это письмо для меня настоящее откровеніе. Ты часто удивлялась, что я не счастливъ. Я и самъ не понималъ своей неудовлетворенности. Теперь я знаю: здѣсь я не на своемъ мѣстѣ. Что я могу здѣсь сдѣлать? Смѣю-ли я проповѣдывать крестьянамъ мои идеи? Долженъ-ли я нарушить покой счастливыхъ людей и вырвать съ корнемъ вѣрованія, въ которыхъ они выросли и съ которыми сжились? Это было бы безуміемъ. Здѣшній народъ отсталъ отъ жизни на полстолѣтія. Ему чужды сомнѣнія, вопросы, противорѣчія, которые волнуютъ міръ. Сюда надо кроткаго, тихаго пастыря, я же—борецъ по натурѣ. Когда я прочелъ это письмо, передо мной точно засіялъ свѣтъ, который чуть брезжилъ цѣлые года. Понимаешь ли ты меня? Нѣчто смутное, тревожное зарождается въ душѣ. Оно волнуетъ, не даетъ покоя, растетъ, ищетъ выхода, но сознаніе все еще не можетъ найти ему подходящей формы. И вдругъ точно какая-то завѣса падаетъ, сумерки становятся яркимъ днемъ: мысль ясная, сознательная, выстраданная стоитъ передъ человѣкомъ. Понимаешь-ли ты это?

— Да, да, Боже мой, я понимаю, хорошо понимаю тебя,—сказала Маріанна.

— Такъ видишь-ли, я не могъ отвѣтить—нѣтъ. Отъ всего сердца я долженъ сказать да. Для меня, это начало новой жизни.

Онъ нервно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; новая идея всецѣло овладѣла имъ.

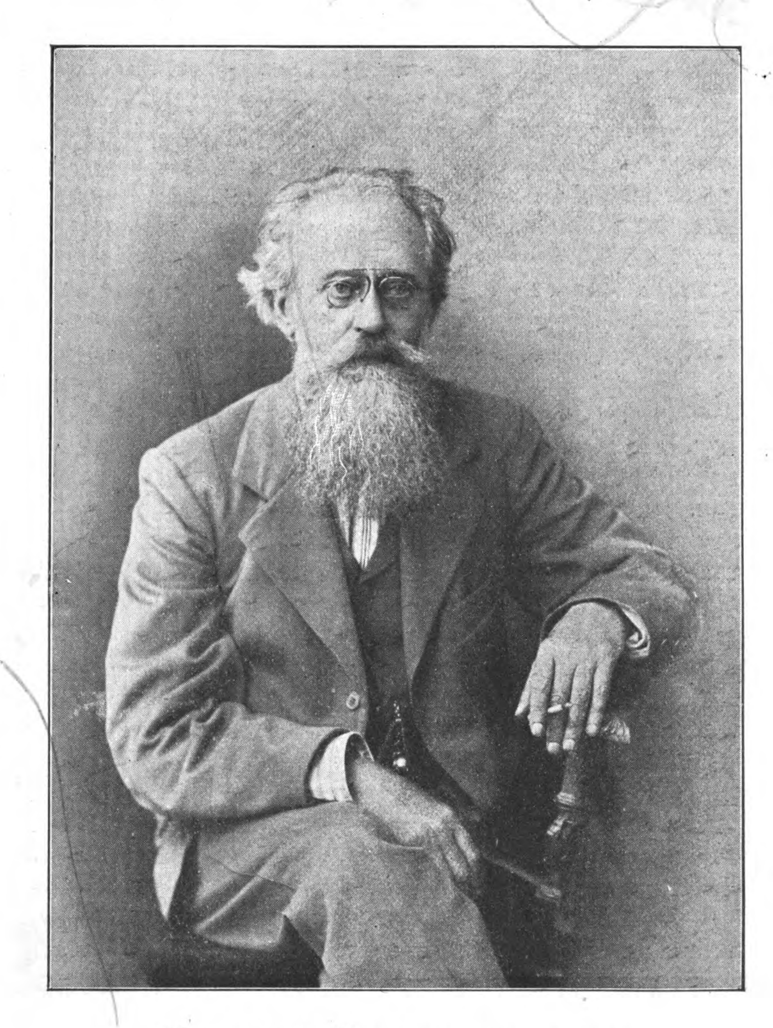
— Я долженъ идти туда. Я чувствую, что это мой долгъ. Именно въ Шверенбергъ, тамъ широкое поле для борьбы. И это даже моя обязанность относительно Вальтера, онъ имѣетъ право разсчитывать на мою помощь. Маріанна, не будь малодушна! Пойми меня! скажи да!

— Дай мнѣ хоть время подумать!—рѣзко возразила она.

Онъ хотѣлъ отвѣтить ей въ томъ же тонѣ, однако поборолъ себя и сказалъ спокойно:

— Ты права. Я цѣлый день думалъ надъ этимъ. Теперь твоя очередь, обсуди все хорошенько.

Маріанна ушла въ свою комнату и заперлась въ ней. Она была сильно возбуждена. Точно два человѣка боролись въ ней: одинъ громко, страстно, настойчиво защищалъ ея право



Николай Константиновичъ
МИХАЙЛОВСКІЙ.
† 28-го января 1904 года.

Дозв. ценз. Спб., 24 февраля 1904 г. Тип. Клобукова.

Памяти Николая Константиновича Михайловскаго.

„Похоронъ много, крестинъ нѣтъ...“ *)

Трудно говорить надъ свѣжей могилой... Трудно—такъ какъ еще слишкомъ свѣжи всѣ добрыя и недобрыя отношенія дорогого покойника къ еще живымъ людямъ. Трудно—такъ какъ при этомъ невозможно соблюсти желательную объективность: знать Николая Константиновича значило любить этого очаровательнаго человѣка, съ печатью высшей интеллигентности и съ обаятельными чертами личности.

Поневолѣ приходится говорить отрывочно, черезчуръ блѣдно, слишкомъ суммарно. Къ тому-же личныя воспоминанія, насколько они возможны въ настоящее время, мало прибавляютъ къ тому образу Н. К. который складывается у внимательнаго читателя его сочиненій, ибо его дѣлами были его слова. Онъ былъ тѣмъ, что писалъ. Вся его жизнь отражалась въ его твореніяхъ, какъ въ зеркалѣ. Если бы понадобилось создать статую Искренности, лучшимъ натурщикомъ могъ-бы быть Н. К. Это была воплощенная идея, воплощенное слово.

Въ „Запискахъ современника“ (V, 624) Михайловскій разсказываетъ, что, когда къ Дарвину обратились за его автобіографическимъ очеркомъ, онъ написалъ три строчки: „Меня зовутъ Ч. Дарвинъ. Я родился въ 1809 г. Я учился, потомъ совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. Съ тѣхъ поръ не перестаю заниматься. Вотъ вся моя жизнь“. Именно такъ можно изложить біографію Н. К. Его звали Н. К. Михайловскій. Онъ родился въ 1842 г. Онъ учился въ Горномъ Корпусѣ. Въ 18 лѣтъ началъ писать, что и не переставалъ дѣлать до послѣдняго вздоха.

Счастливая смерть! Жить роскошно-полной интеллигентной жизнью и сразу, безъ долгихъ мукъ, перестать существовать... Мы сейчасъ увидимъ, что, съ извѣстной точки зрѣнія, онъ признавалъ себя счастливымъ и при жизни. Сдается, что до послѣдняго дня своей жизни онъ сохранилъ гораздо больше вѣры и

---

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Изд. „*Русск. Бог.*“ 1896—7 г.—VI, 947. Всѣ послѣдующія ссылки сдѣланы по этому изданію.

надежды въ свѣтлое будущее, чѣмъ его старшіе друзья. Счастливо онъ и умеръ. Онъ использовалъ свои огромныя дарованія во всю ширь своей мощной натуры, проложилъ цѣлую борозду въ русской общественной жизни и не переживалъ періода разрушенія организма. Счастливецъ!

Оставшимся въ живыхъ необходимо, однако, разобраться въ его духовномъ наслѣдствѣ. Не скоро это можно будетъ сдѣлать съ надлежащей полнотой. Надо соблюсти законы перспективы: крупные образы можно разсматривать только на разстояніи. Н. К. еще черезчуръ близокъ къ намъ. Но, по собственному его выраженію (III—599), „даже трупъ писателя, бездыханный, безсмысленный, совсѣмъ охваченный тлѣніемъ, долженъ еще служить тѣмъ нетлѣннымъ вещамъ, которымъ служилъ писатель при жизни".

Мнѣ приходилось уже указывать въ другомъ мѣстѣ на то, что въ настоящее время едва-ли можно составить себѣ достаточное понятіе о силѣ вліянія „*Отечественныхъ Записокъ*" послѣдней редакціи. Равнаго ему въ данную минуту, конечно, нѣтъ. Это было—общественное мнѣніе тогдашней интеллигенціи. Приговоры журнала для нея были безапелляціонны. Не мало именъ создано было имъ; не мало людей имъ подвергнуты были моральной смертной казни. Это были „руль и вѣтрило" пробудившагося „въ эпоху великихъ реформъ" общественнаго самосознанія. Рулевыми, какъ извѣстно, были Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ и Михайловскій.

Но Некрасовъ заболѣлъ съ 1875 г., и скоро жизнь его, по выраженію его біографіи, стала медленной агоніей. Елисеевъ велъ анонимныя внутреннія обозрѣнія, и потому имя его было весьма мало извѣстно въ широкихъ кругахъ читающей публики, а съ 1881 г. до самаго закрытія журнала онъ уже лѣчился за границей. Здоровье Салтыкова было сильно расшатано уже въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, веденіе „*Отеч. Записокъ*" въ послѣднее десятилѣтіе ихъ существованія ложилось все болѣе и болѣе на одного Н. К., и характерныя черты его личности дѣлали его вліяніе особенно выдающимся, а самый журналъ (вѣроятно, я не ошибусь)—его дѣтищемъ по преимуществу. По крайней мѣрѣ, въ 1880-мъ году, когда мнѣ удалось лично познакомиться съ нимъ, онъ производилъ впечатлѣніе уже почти полнаго распорядителя журнала. Смѣлый, сильный, боевой талантъ, напоминавшій нѣкоторыми чертами „неистоваго Виссаріона", бойкое, блестящее перо. Сила выраженій, кличекъ, порой немалая рѣзкость тона, когда чистый общественный инстинктъ подсказывалъ ему бить врага на смерть. Темпераментъ, „искра", реагировавшая на каждую извилину современныхъ ему общественныхъ явленій въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Его чуткость ко всякой общественной лжи, поддѣлкѣ, лицемѣ-

рію... При этомъ его чудные глаза съ глубокимъ вдумчивымъ взглядомъ, порой участливымъ, даже нѣжнымъ, порой безконечно веселымъ, порою же горѣвшимъ ироніей, ѣдкимъ сарказмомъ. Этотъ юношескій взоръ, „полный жизни и огня", сохранился у него до самаго послѣдняго времени и началъ временами измѣнять ему лишь съ осени 1902 г., когда болѣзнь сердца дала ему свое первое предостереженіе... Внѣшняя мужественная красота, не увядавшая съ годами и даже выигравшая отъ того, что волосы его посеребрились...

Все это импонировало и дѣлало изъ него то, чѣмъ былъ Михайловскій для друзей и враговъ на пространствѣ ряда поколѣній. Иные шипѣли: „кружковой богъ!" Пожалуй, это было и вѣрно съ той только поправкой, что его „кружокъ" насчитывалъ въ своемъ составѣ тысячи интеллигентныхъ людей, разсѣянныхъ по всей Россіи...

Да, это былъ молотъ, а не наковальня. Но молотъ, очаровательный по душевной красотѣ. Это былъ боецъ, хлеставшій, во имя общественнаго интереса, бичомъ иной разъ безъ пощады... И въ то же время это была воплощенная доброта и деликатность. Его личныя симпатіи и антипатіи диктовались исключительно его общественными убѣжденіями, такъ какъ мелочной, буржуазной, имущественной жизни у него не было. Онъ весь безъ остатка принадлежалъ дѣлу, которому служилъ. Внѣшнія удобства его жизни сведены были до минимума. Когда заботы о нихъ напоминали ему о себѣ, онъ просто отмахивался отъ нихъ. Онъ былъ истинно счастливъ, когда могъ отдѣлаться отъ ихъ досадной назойливости, какъ, напр., въ томъ случаѣ, когда однажды его друзья за него подыскали ему и сами перевезли его вещи на новую, болѣе удобную для него квартиру. Безконечно привѣтливый, глубоко отзывчивый къ чужому горю, иногда—нѣжный, онъ внушалъ многимъ чувство, близкое къ влюбленности. Характерно для него, что его самого плѣняло въ Шелгуновѣ именно это сочетаніе мужественной силы и женской нѣжности „Судьба не баловала его, говоритъ Н. К., и мужественнѣе, чѣмъ онъ, нельзя было, я думаю, переносить ея, иногда жесточайшіе, удары. Прибавьте къ этому истинно женскую нѣжность сердца не просто добраго, а ласковаго, участливаго, тонко деликатнаго, и въ цѣломъ получится нѣчто столь же рѣзкое, какъ и привлекательное, настоящій, цѣльный человѣкъ. Сочетаніе мужественной силы и женской нѣжности придавало какое-то особое изящество всему обиходу Шелгунова, удерживая его отъ уклоненія, какъ въ сторону грубости, которая иногда свойственна силѣ, такъ и въ сторону слабости, которая часто сливается съ нѣжностью" (VI, 949). Я не знавалъ лично Шелгунова, но эта его характеристика какъ нельзя болѣе подходила къ самому Михайловскому.

Его нѣжность не переходила въ слабость. Не переходила она также и въ слащавость, въ амикошонство. „Не могу-же я соотвѣтствовать такимъ африканскимъ страстямъ!“—сказалъ онъ однажды, какъ бы извиняясь по поводу того, что не достаточно страстно отвѣтилъ на изліянія одного своего не въ мѣру усерднаго поклонника. Боясь ошибиться въ людяхъ, онъ почти не сходился на *ты* и только одинъ разъ посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій своему другу. И судьбѣ было угодно, чтобы именно съ этимъ единственнымъ человѣкомъ ему пришлось разойтись въ послѣдніе годы...

Едва-ли я, однако, ошибусь, если скажу, что главный источникъ его обаянія на лично его знавшихъ и не знавшихъ заключался въ его убѣжденности. Чѣмъ онъ сложился смолоду, тѣмъ и остался до смерти. Мнѣ не приходилось встрѣчать человѣка, менѣе способнаго на оппортунизмъ, на компромиссъ, даже для полезныхъ въ общественномъ смыслѣ цѣлей. Характерно, напр., что онъ отказался принять участіе въ послѣдней предвыборной агитаціи среди избирателей гласныхъ петербургской думы. „Меня затягивали туда, разсказывалъ онъ, но... и здоровье, и работа мѣшали, да я этого и не умѣю...“ И въ данномъ случаѣ онъ какъ бы извинялся. Но мнѣ въ этой фразѣ звучало признаніе его полной неспособности имѣть ту неизбѣжную долю оппортунизма, которая связана со всякой практической дѣятельностью. Вокругъ него мѣнялись направленія. Періодъ высокаго, небывалаго прилива общественной волны въ 60-хъ и 70 хъ годахъ смѣнился періодомъ отлива. Разочарованіе, усталость, охлажденіе, проповѣдь самоулучшенія, опять начало прилива, впервые подчеркнутое на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ Шелгуновымъ, близкимъ другомъ Михайловскаго; волна росла, принимала новыя формы, поднималась все выше и выше... Но рядомъ шла проповѣдь „сверхчеловѣчества“, метафизики, „декадентства“ въ поэзіи и искусствѣ...

А онъ—какъ скала въ морѣ, твердая, прочная, надежная, неизмѣняющаяся среди бушующихъ волнъ, стоялъ „на славномъ посту“ болѣе 40 лѣтъ, не переставая указывать на великія идеи, завѣщанныя эпохой освобожденія... „Я былъ такъ счастливъ, писалъ Н. К., что съ тѣхъ поръ, какъ сталъ сколько-нибудь опредѣленнымъ писателемъ и какъ меня помнятъ мои читатели, ни разу не испытывалъ ломки своихъ коренныхъ убѣжденій. Я называю это именно счастьемъ, а отнюдь не заслугою. Быть даже прямо ренегатомъ не всегда стыдно, хотя всякому ренегату приходится стыдиться. Но одно дѣло, если онъ совершилъ свой ренегатскій шагъ предательски и ради какихъ-нибудь стороннихъ цѣлей, и другое дѣло, если онъ искренно и честно перешелъ на сторону, какъ ему кажется, правды... И, однако, всетаки лучше, спокойнѣе,

когда ни въ чемъ подобномъ сознаваться не приходится. Я нахожусь именно въ этомъ положеніи“ (VI 462—3).

Понятно, однако, что сама по себѣ одна убѣжденность и вѣрность своимъ взглядамъ еще не могла бы доставить Михайловскому, даже при его выдающемся талантѣ, занятаго имъ положенія въ русскомъ культурномъ движеніи послѣднихъ десятилѣтій безъ тѣхъ идей, которымъ онъ неустанно служилъ всю жизнь.

Въ мою задачу не входитъ обзоръ его соціологическихъ возрѣній, но необходимо здѣсь указать на нѣкоторыя исходныя точки, которыя ихъ обусловливали.

Едва ли было бы ошибкой сказать, что такимъ главнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ его міросозерцанія (я сказалъ бы—его *натуры*), основной чертой, наполнявшей все его существо, было *служеніе правдѣ*. Не разъ онъ это самъ подчеркивалъ. Чтобы какъ слѣдуетъ понять Михайловскаго, надо прежде всего усвоить себѣ эту его черту. — „Каюсь—Римъ мнѣ дороже, чѣмъ тѣ дороги, которыя ведутъ къ нему“ (III, 281).—„... Продолжаю бесѣду о Правдѣ и Неправдѣ хотя бы для того, чтобы показать, что система Правды *нужна* и *возможна*, что *безъ нея жить нельзя*, т. е. по человѣчески жить, а по свински-то можно“ (IV, 405) *)—Н. К. вкладываетъ въ уста Темкину: „Я—современный русскій типъ и въ качествѣ таковаго могу смѣло явиться передъ публикой, *если только буду писать правду*, излагать то, что я въ самомъ дѣлѣ пережилъ и переживаю... А разсказывать я буду правду. Вы можете мнѣ повѣрить, потому что я и писать только для того началъ, чтобы „выпѣть“ все, что у меня въ душѣ накопилось, чтобы отворить форточку и открыть трубу“ (IV, 210).

Затѣмъ позвольте мнѣ сдѣлать еще, по необходимости, длинную цитату, которая проливаетъ яркій свѣтъ на все существо Н. К., какъ писателя. „Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово „правда“, я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотою. Кажется, только по русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ исканій. Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И, наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя,

*) Курсивы мои. Н. К.

Во всякомъ случаѣ выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную—такова задача всей моей жизни. Не легкая это задача... Я выдержалъ безчисленные полемическіе турниры, откликался на самые разнообразные запросы дня опять-таки ради водворенія все той же правды, которая, какъ солнце, должна отражаться и въ безбрежномъ океанѣ отвлеченной мысли, и въ малѣйшихъ капляхъ крови, пота и слезъ, проливаемыхъ сію минуту" (*I, предисловіе*). „Во тьмѣ—да будетъ она проклята—могутъ бороться фантастическія, изуродованныя подобія истины и справедливости. Но пустите сюда солнечный лучъ, онъ прогонитъ совъ и нетопырей, разгонитъ ночныя фантастическія тѣни, и всякій, имѣющій очи видѣть, увидитъ, что истина и справедливость одно—„правда" (IV, 385).

Что прибавить къ этимъ сильнымъ строкамъ? И насколько Михайловскій самъ клалъ это служеніе „двуединой правдѣ" во главу угла дѣла всей своей жизни, можно судить по тому, что уже въ послѣдній ея періодъ онъ написалъ еще разъ приведенную цитату въ предисловіи къ изданію своихъ сочиненій.

Едва-ли надо доказывать, куда привело его это исканіе правды. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ результатѣ появился его идеалъ освобожденія трудящейся личности, *человѣка, какъ человѣка*; что въ центрѣ его теоретическихъ воззрѣній стояло самоопредѣленіе, ростъ и свободное гармоническое развитіе человѣческой личности. По удачному выраженію одного изъ его некрологистовъ, Михайловскій оказывалъ свое главное „вниманіе къ человѣку, не къ абстракціи, не къ народамъ, расамъ, или классамъ, даже не къ человѣчеству въ его цѣломъ, но именно къ человѣку, къ отдѣльному, живому человѣку. Человѣкъ слишкомъ долго былъ средствомъ, онъ долженъ стать цѣлью, высшей цѣлью, ради которой не страшно положить жизнь" *).

Отсюда понятно, почему онъ положилъ столько силъ, таланта и знанія на полемику съ „органической теоріей", которая производила у насъ въ свое время такое сильное впечатлѣніе на умы своею стройностью, простотой, такъ сказать—общедоступностью. „Весь ужасъ, вся глубокая и возмутительная несправедливость общественнаго раздѣленія труда состоитъ въ томъ, что при немъ человѣкъ превращается въ „палецъ отъ ноги", въ безвольный органъ нѣкотораго высшаго организма—общества; рабочій только работаетъ, мыслитель только мыслитъ и т. д.,—все равно, какъ въ индивидуальномъ организмѣ желудокъ только пищу перевариваетъ,

*) А. Горнфельдъ, въ „Вѣстникѣ Самообразованія" 1904, № 7.

мозгъ только высшими духовными отправленіями завѣдуетъ, мускулы только двигательную функцію выполняютъ и проч." (VI, 410).

Далѣе, „эта печать личности налагается лишь ея дѣятельностью, трудомъ. Все остальное (талантъ, происхожденіе, богатство, красота) лишь случайные атрибуты личности, не изъ нея самой проистекающіе, не ею самою данные, а зависящіе отъ вкусовъ, нравовъ, обычаевъ, законовъ общества, въ составъ котораго она входитъ... Такимъ образомъ, въ видахъ теоретической ясности, мы можемъ подставить въ нашей первоначальной формулѣ, вмѣсто личности, ея единственное проявленіе—трудъ, сознательный, цѣлесообразный расходъ силъ. Тогда „интересы личности" замѣнятся „интересами труда". И почему-бы не поискать въ этой области матеріала для „общечеловѣческаго идеала"? Болѣе общечеловѣческаго, пожалуй что, и не сыщешь, „ибо гдѣ человѣкъ, тамъ и трудъ" (VI, 490).

Въ этомъ смыслѣ Михайловскій шелъ иной разъ такъ далеко, что упрекалъ даже интеллигенцію 60-ыхъ годовъ въ недостаточномъ вниманіи къ вопросамъ общественнымъ. „Къ концу 60-хъ годовъ въ извѣстной части русскаго общества, при томъ свѣжей и молодой части, чашка вѣсовъ, на которой лежали вопросы личной нравственности, несообразно съ истиной и справедливостью, перевѣсила ту, на которой находились вопросы общественные. „Кающійся дворянинъ" слишкомъ часто замыкался въ сферу личныхъ нравственныхъ идеаловъ, оторванныхъ отъ исторической и общественной почвы" (VI, 348).

Понятно, далѣе, что къ служенію той-же освобождающейся личности онъ призывалъ все, чѣмъ люди живы и чѣмъ жизнь красна. Вотъ, напр., наука. На этомъ пунктѣ Михайловскому пришлось пережить особенно много. Чего, чего только ни говорили про него тѣ, кого доставали его острыя стрѣлы!

А вѣдь нужно было не особенно много читать его, чтобы убѣдиться, что никому онъ не могъ уступить въ своемъ преклоненіи передъ наукой. Мы только-что слышали отъ него: „благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки". — Или вотъ: „наука—свѣтъ, наука—солнце. Нѣтъ, она лучше солнца. Часть „равнодушной природы", солнце даетъ жизнь и силу всякому сѣмени, всякому ростку, ядовитому и безобразному, какъ и прекрасному; оно, быть можетъ, даже именно подъ прекраснымъ росткомъ распалитъ почву и высушитъ неописанную красоту, а какой-нибудь мухоморъ укроется отъ него въ лѣсной тѣни; оно можетъ послать солнечный ударъ генію и отогрѣть идіота и негодяя. Не воленъ человѣкъ надъ солнцемъ, потому что не онъ его создалъ. Другое дѣло—наука. Созданіе человѣческаго разума

плодъ тысячелѣтней преемственной мысли, результатъ человѣческихъ жертвъ, которымъ нѣтъ ни мѣры, ни числа—наука только доброе освѣщаетъ и согрѣваетъ..." (VI, 619).—„Вы знаете — къ чему скрывать?—что существуетъ мнѣніе, будто наука не нужна, будто теперь—не такое время, когда позволительно пріобрѣтать знанія и т. п. *Мнѣ стыдно и больно писать это* *). Я тороплюсь пропустить рядъ забытыхъ во тьмѣ истинъ моральной азбуки. Въ частности, въ защиту знанія не могу сказать ничего, кромѣ развѣ того, что *всякое*—пишу и подчеркиваю—практическое дѣло требуетъ знаній; малое дѣло—малыхъ знаній, большое дѣло—большихъ" (IV, 386).—Таковы его положенія, таковы его требованія отъ науки.

Но, чтобы она могла выполнять ихъ, она не должна терять изъ виду своей основной цѣли—„освѣщать жизненный путь", она должна служить духовному росту и развитію, благосостоянію личности.—Вотъ, напр., что долженъ сказать „профанъ" людямъ науки: „Пусть, кто хочетъ, смотритъ на меня, какъ на часть чего-то, надо мной стоящаго и на меня посягающаго, я не перестану видѣть въ себѣ полнаго человѣка, цѣльную и нераздѣльную личность. Я хочу жить всею, доступною для человѣка жизнью, значитъ, не стану ни плоть умерщвлять въ угоду моралисту, ни отъ любви отказываться въ угоду экономисту, ни работать не перестану, ни отъ духовныхъ наслажденій не откажусь. Я только въ такое надо мной стоящее цѣлое войду, какъ часть, сознательно и добровольно, которое гарантируетъ мнѣ цѣльность и нераздѣльность, полноту моей жизни. И только ту науку я признаю достойною священнаго имени науки, которая расчищаетъ мнѣ жизненный путь, а не загромождаетъ его укрѣпленіемъ и безъ того крѣпкой практики" (III, 336).—„Мы прямо говоримъ: наука должна служить намъ. Я заявляю фактъ. Профаны смотрятъ на дѣло именно такимъ образомъ" (III, 337).

Но разъ такое основное требованіе не выполнялось представителями науки, Михайловскій выступалъ противъ нихъ грознымъ обличителемъ. Вотъ что пришлось выслушать отъ него одному профессору: „Помните, милостивый государь, у Гете великолѣпное по простотѣ и силѣ упрека обращеніе Прометея къ Зевесу:

Ich dich ehren? Wofür?
Hast du die Schmerzen gehindert
Iedes Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Ie des Geängstäten? **)

---

*) Курсивъ мой. Н. К.

**) „Мнѣ чтить тебя? За что?
Бывало-ль, чтобы скорбь ты утолилъ
Обремененнаго?

„Въ кладезѣ (науки), говоритъ Н. К., вспоминая свою молодость, увѣряю васъ, вода была очень плохая, а часто ея и вовсе не было, и трескавшiяся отъ жара губы и высохшiй языкъ сплошь и рядомъ не освѣжались ни единой каплей божественной влаги, не смотря на проливной дождь лекцiй и книгъ“ (IV, 577).

Аналогичныхъ цитатъ, какъ извѣстно, можно привести весьма много. И эта квалификацiя, которую давалъ Михайловскiй оффицiальной наукѣ, сыграла въ свое время крупную роль. Однихъ она предостерегла отъ рутины цеховой учености, другихъ она сдѣлала писателями, вообще на всѣхъ мыслящихъ и болѣе чуткихъ людей науки она возложила крупную отвѣтственность передъ обществомъ за ихъ профессiональную дѣятельность, и съ такой нелегкой отвѣтственностью невозможно было не считаться. Она выдѣлила и „ликующихъ и праздно болтающихъ“, и „трудолюбивыхъ муравьевъ“; она сблизила науку съ журналистикой и тѣмъ помогла широкому распространенiю результатовъ научной работы въ массѣ большой читающей публики, ихъ демократизацiи. Это теченiе получило затѣмъ весьма замѣтное развитiе, и въ настоящую минуту оно безспорно чревато крупнымъ будущимъ. Вѣдь раньше, чѣмъ пробитъ былъ застарѣлый цеховой ледъ, немыслимо было участiе работниковъ науки во всѣхъ этихъ коммиссiяхъ, кружкахъ и т. п. самообразованiя, домашняго чтенiя, народныхъ лекцiй и проч. и проч., во всѣхъ видахъ и формахъ. Пародируя извѣстное двустишiе, теперь стало трюизмомъ это правило:

Ученымъ можешь и не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ,—

но первые выстрѣлы въ этомъ направленiи составили эпоху въ исторiи нашего культурнаго развитiя, а Михайловскiй былъ, конечно, однимъ изъ первыхъ и изъ наиболѣе искусныхъ застрѣльщиковъ.

Указанная черта, какъ уже упомянуто, проходила у Н. К. красной нитью не только въ одной научной области, но цѣльно и послѣдовательно во всѣхъ отрасляхъ духовной дѣятельности человѣка. Вотъ, напр., какъ подходитъ „профанъ“ къ вопросамъ воспитанiя и образованiя: „г. Евтушевскiй отворяетъ профанамъ дверь настежь, и я въ нее вхожу. Да и еще бы меня въ нее не пустили! Вѣдь *нашихъ* дѣтей, дѣтей профановъ обучаютъ и воспитываютъ господа педагоги, и если-бы не было на свѣтѣ профановъ, то господамъ педагогамъ пришлось-бы закрыть лавочку, потому что каждый сидѣлъ-бы подъ смоковницей своей и самъ обучалъ-бы сво-

---

Когда ты слезы осушилъ
У угнетеннаго?

„Прометей“, пер. М. М. въ собран. соч. Гёте, изд. Гербеля. Спб. 1878. т. I, стр. 152.

ихъ дѣтей. Имѣемъ-же мы, значитъ, право требовать у нихъ отчета обязаны они выслушать нашъ голосъ, хотя-бы потому только, что мы живемъ и хотимъ жить. Въ концѣ концовъ, вѣдь они *намъ* взялись служить, *наши* нужды удовлетворять" (III, 277) *).—Далѣе, вотъ какія мысли въ области искусства навѣваетъ на Н. К. посѣщеніе имъ одной изъ передвижныхъ выставокъ: „Нѣтъ, я не увлекусь потокомъ остроумія гг. художниковъ. Я памятую, что и мы, и они призваны дѣлать одно и то-же дѣло, только разными средствами. Дѣло это столь велико, что, по крайней мѣрѣ, понимающіе его величіе должны бы оставить въ сторонѣ всѣ счеты объ „апельсинахъ" и всякое взаимное сквернословіе. Пусть сквернословятъ непонимающіе, въ числѣ которыхъ безспорно есть и литераторы, и художники, а понимающіе пусть дѣло дѣлаютъ. Мнѣ кажется, что, при условіи этого пониманія, *всякій имѣетъ право* **) говорить о художественныхъ произведеніяхъ. Я могу быть совершеннымъ профаномъ въ технической сторонѣ дѣла, но эстетическія впечатлѣнія мнѣ все-таки доступны и не исключительно же для знатоковъ спеціалистовъ пишутся и выставляются картины. Но искусство вызываетъ не только эстетическую эмоцію. Вольно или невольно, сознательно или безсознательно, художникъ шевелитъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ шевелить мое нравственное чувство, будитъ и направляетъ, по крайней мѣрѣ можетъ будить и направлять мою мысль... И если я дѣйствительно понимаю великое значеніе искусства, какъ одного изъ факторовъ жизни, то я не сунусь въ чужую мнѣ область художественной техники. Я остаюсь въ предѣлахъ того, что не хуже другихъ способенъ воспринимать и принимать" (VI, 750). И т. д.,—центръ міровой тяжести перемѣщается на личность живого человѣка. Всѣ роды культурной дѣятельности должны стремиться къ удовлетворенію ея нуждъ и запросовъ, для ея безпрепятственнаго гармоническаго роста и развитія, и степень достиженія ими такой задачи и должна служить масштабомъ для оцѣнки ихъ правъ на существованіе. Наука, педагогика, искусство и проч. должны быть прежде всего демократичны въ конечномъ счетѣ и лишь постольку могутъ претендовать на признаніе, почетъ, серьезное и вдумчивое къ себѣ отношеніе.

Послѣ сказаннаго понятно, почему Михайловскій питалъ всю жизнь особое пристрастіе къ журналистикѣ. Что ближе ея къ нуждамъ и запросамъ современнаго человѣка въ каждую данную минуту? Она развивается, питается, беретъ все свое содержаніе главнымъ образомъ, почти исключительно, изъ такихъ злобъ дня. Она—плоть отъ плоти и кровь отъ крови текущей общественной жизни; она—выразительница каждаго даннаго историческаго мо-

---

*) Всѣ курсивы, когда они не оговорены, принадлежатъ автору.
**) Курсивъ мой. Н. К.

мента этой жизни. И Михайловскій жилъ въ литературѣ и для литературы. Литература, ея развитіе, ея интересы, ея горести, печали и рѣдкія радости захватывали его, взяли всю его жизнь, его всего. Говорятъ,—онъ не создалъ цѣльной соціологической системы. Да, но какъ-же ее создать, если бьющая черезъ край общественная жизнь волей-неволей заставляетъ журналиста реагировать на интересы данной минуты, „направлять мысли", подбадривать унывающихъ, стыдить равнодушныхъ, спорить съ разномыслящими союзниками, клеймить негодяевъ?..

Писать—для Михайловскаго было потребностью. Въ писаніи была его жизнь. Вспомните начало записокъ Темкина: „Пиши—легче будетъ, говорила мнѣ любимая женщина, передъ которой я раскрылъ свою душу. Я долго боролся противъ этой односторонней, эгоистичной силы женской логики. Я очень хорошо понималъ, что по отношенію ко мнѣ совѣтъ прекрасенъ. Getheilter Shmerz ist halber Shmerz *). Да незачѣмъ, впрочемъ, и дѣлать кого либо участникомъ своей скорби. Достаточно дать какой-нибудь исходъ своей внутренней жизни, чтобы она не сбивалась тамъ въ груди, въ головѣ, въ плотную, тяжелую кучу, которая дышать мѣшаетъ. Если-бы я былъ птицей, я бы все пѣсни пѣлъ. Я думаю, она, птица-то, оттого и весела такъ, что можетъ все „выпѣть". А у человѣка, особенно не говорливаго, какъ я, образуется постоянно какой-то душевный отстой всего пережитого, и какъ поднимется въ этомъ отстоѣ броженіе—жить становится изъ рукъ вонъ душно. Писательство, конечно, исходъ чудесный. Блеснула мысль, загорѣлось чувство, клади сейчасъ на бумагу. Это вѣдь все равно, что форточку отворить и трубу открыть, дать постоянное теченіе и обновленіе застоявшемуся въ комнатѣ воздуху. Чего же лучше!" (IV, 205—208).—Хотя Н. К. и объяснялъ „гг. неучамъ", что онъ не Григорій Темкинъ и Григорій Темкинъ не онъ, но въ приведенныхъ словахъ слишкомъ ясно отражается то чувство личнаго удовлетворенія, которое доставляла ему журнальная работа.

Но это—лишь одна сторона дѣла. Эта работа не служила ему только средствомъ „отворить форточку и открыть трубу" въ собственной душѣ. Это была и его каѳедра. Онъ не могъ не чувствовать, что участвуетъ въ созданіи цѣлаго направленія, формируетъ людей, поколѣнія. „Думали-ли вы, милостивый государь, когда-нибудь о томъ, что мы, журналисты, можемъ обратиться къ вашему (профессорскому) сословію съ заключительными словами Прометея:

Hier sitz'ich, forme Menschen nach meinem Bilde,
Ein Geschlecht, das mir gleich sei,

---

*) „Раздѣленное горе—полгоря".

Zu leiden, zu weinen.
Zu geniessen und zu freuen sich,
Und dein nicht zu achten,
Wie ich *)!

„Да, здѣсь, на этихъ страницахъ мы создаемъ людей по образу своему, людей, намъ подобныхъ, страдающихъ, плачущихъ, наслаждающихся, радующихся“ (IV, 577—8).

И въ этихъ симпатіяхъ къ журнальному труду онъ оставался такъ же вѣренъ себѣ всю жизнь, какъ и въ убѣжденіяхъ, вѣроятно, потому, что трудъ этотъ въ извѣстной мѣрѣ нерѣдко служитъ кратчайшимъ путемъ, ведущимъ къ очерченой основной цѣли его литературной дѣятельности.

...И русское общество, самые широкіе круги общества достойно отплачивали Михайловскому, этому горячему проповѣднику *культа человѣка*. Въ немъ каждый находилъ ходатая своей личности передъ высшимъ судомъ разума. „Униженный и оскорбленный“, терпѣвшій историческія и общественныя несправедливости, „кающійся дворянинъ“ и многіе подобные продукты данныхъ условій среды, многіе-многіе, безъ счета, „ихъ же имена Ты, Господи, вѣси“, къ нему шли и писали письма массами, какъ къ учителю жизни, къ судьѣ совѣсти, за ободреніемъ, за утѣшеніемъ, за поддержкой... Популярность его въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ была поистинѣ громадна. Ему дѣлали внушительныя публичныя чествованія, оказывали знаки уваженія и преклоненія, забрасывали цвѣтами, носили на рукахъ, цѣловали руки. Его 40-лѣтній юбилей принесъ адресы и телеграммы съ 20 тыс. подписями со всѣхъ уголковъ Россіи и много изъ-за границы. Въ Москвѣ еще памятна та поднимающая духъ картина, которую представляло его чествованіе въ залѣ консерваторіи, когда онъ здѣсь участвовалъ въ послѣдній разъ въ вечерѣ въ пользу Литературнаго Фонда, чествованіе, въ которомъ принимали участіе сотни людей, при чемъ студентъ и учащаяся дѣвушка конкуррировали въ горячемъ выраженіи своего поклоненія Николаю Константиновичу съ сѣдыми стариками...

Дни его имянинъ и рожденія служили въ Петербургѣ днями паломничества къ нему. Двери его не затворялись съ утра до глубокой ночи; небольшая квартира его всегда была болѣе чѣмъ переполнена поздравителями. И его друзья, и близкіе, и совсѣмъ дальніе, и знакомые, и почти незнакомые, и представители разно-

*) „Я здѣсь сижу, творю людей
По образу и лику моему,
Мнѣ равное по духу племя,
Страдать и плакать,
И ликовать, и наслаждаться,
И на тебя не обращать вниманія,
Какъ я...“

образныхъ кружковъ молодежи обоего пола—всѣ появлялись въ этомъ калейдоскопѣ. А онъ—вѣчно привѣтливый, внимательный, остроумный, съ своимъ мягкимъ, нѣсколько задорнымъ смѣхомъ, съ добрымъ словомъ, съ шуткой... Повторяю—знать его значило любить, очень любить. Такая ужъ натура это была, такой очаровательный человѣкъ...

Грустны, мрачны были послѣднія пѣсни Некрасова. Вотъ одна изъ нихъ, довольно типичная для его настроенія въ послѣдній періодъ его жизни:

Слышно только... о ночь безразсвѣтная,
Среди мрака, тобою разлитаго,
Какъ враги, торжествуя, скликаются,
Какъ на трупъ великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

Вспомните, далѣе, какъ Салтыковъ искалъ съ истерзанной душой читателя, скрывшагося въ подворотню, и костенѣющей рукою умирающій сатирикъ писалъ о „забытыхъ словахъ". „Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная сѣрыми призраками. Въ сѣрѣющемъ болотѣ кишатъ и клубятся сѣрые гады. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски..."

Совсѣмъ иной тонъ можно подмѣтить у Михайловскаго. У него столько пережившаго, столько перенесшаго, все-же сохранилось значительно больше бодрости и свѣтлой вѣры въ будущее, чѣмъ у его старшихъ друзей. Вотъ, напр., что писалъ онъ въ 1886 г.: „Ежемѣсячная литературная работа можетъ доставить писателю много отрады, скрасить его жизнь, но можетъ и давить его, какъ многопудовая гиря, если онъ живой человѣкъ, а не писательская машина. Когда у васъ есть читатели, съ которыми васъ связываютъ сотни духовныхъ нитей, работать легко. Вы знаете, чувствуете, что у васъ есть собесѣдники, въ головахъ которыхъ живутъ тѣ-же задушевныя мысли, которые стоятъ на одной съ вами почвѣ, поймутъ васъ на полусловѣ... Это постоянно чувствуемое общеніе съ извѣстнымъ кругомъ читателей есть настоящее дыханіе жизни и до такой степени наполняетъ и оживляетъ окружающую васъ лично атмосферу, что о тяжести работы и рѣчи быть не можетъ. Такъ именно довелось мнѣ работать въ то время" и т. д. (VI, 461).—Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ продолжаетъ констатировать, что „курилка живъ": „Глядя на вещи со стороны, можно и не преувеличивать поводовъ для скорби. Умеръ Салтыковъ и гдѣ, въ какомъ уголкѣ Россіи не отозвалась эта смерть сердечной болью? гдѣ, въ какомъ уголкѣ Россіи не стали читать и перечитывать его сочиненія съ большей еще внимательностью, чѣмъ читали его при жизни? *Нѣтъ не разбитъ этотъ корабль* *).

---

*) Курсивъ мой. Н. К.

Если, по обстоятельствамъ, гг. Дистерло и Розановъ могутъ излагать свои мысли съ большей ясностью, чѣмъ тѣ, кто отъ наслѣдства не отказывается, то вѣдь это не побѣда, это только обстоятельство времени. Устройте такъ, чтобы смерть Салтыкова прошла незамѣтно, чтобы сочиненія его не раскупались десятками тысячъ экземпляровъ, это будетъ побѣда настоящая, а не бахвальство" (VI, 964).—Или вотъ, въ ту-же эпоху, по поводу смерти Шелгунова: „Одна за другою, съ трагической быстротою, убываютъ старыя крупныя литературныя силы, и что-то не видать имъ на смѣну новыхъ. Разумѣется",—спѣшитъ тотчасъ-же оговориться Н. К.,—„не вѣчно будетъ такъ тянуться. Гдѣ нибудь подростаютъ новыя силы и въ свое время яркимъ блескомъ озарятъ сиротѣющую литературу" (VI, 948).

На чемъ основывалось это болѣе бодрое, чѣмъ у другихъ, настроеніе и откуда ждалъ Н. К. положительныхъ факторовъ общественной жизни, можно судить по слѣдующему замѣчанію. „Пропуская передъ своею памятью, говоритъ онъ, вереницу образовъ, созданныхъ Салтыковымъ, замѣчаемъ, что у него двѣ области минимума отрицательныхъ типовъ и максимума его симпатій, надеждъ и ожиданій; это—русскій народъ и русская молодежь. Подъ первымъ онъ разумѣетъ не что нибудь мистическое и не Колупаева съ Разуваевымъ, а того сѣраго Мосеича, юбилей котораго онъ отпраздновалъ въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь". Подъ второю онъ разумѣлъ, конечно, „не умѣренныхъ и аккуратныхъ дѣтей", а ту молодежь „которая духомъ молода, которая полна запросовъ и взмаховъ". Замѣтимъ отъ себя, что съ теченіемъ времени молодежь пополняетъ собой кадры интеллигенціи, которая уже начинаетъ становиться виднымъ общественнымъ факторомъ.—А Салтыкова Михайловскій считалъ „поистинѣ изумительнымъ" общественнымъ барометромъ...

„Правда, чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе были его показанія... (VI, 644—45),—прибавляетъ Н. К., беря всетаки очевидно, усталую ноту. Но судьбѣ было угодно, чтобы послѣднія написанныя имъ строки, прочтенныя уже послѣ его кончины, были посвящены опять таки этому „будущему страны", той же молодежи; онъ опять таки защищалъ ее отъ огульной клеветы, заклейменной имъ „вздорной бутадой, о которой говорить не стоитъ".

Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать указаннаго. Я не хочу утверждать, чтобы Н. К. былъ жизнерадостнымъ до конца дней. Едва ли это вообще было бы возможно. Но онъ вѣрилъ въ свѣтлое будущее, вѣрилъ въ силы, имѣющіяся въ распоряженіи для культурнаго роста, для созданія лучшихъ условій существованія. Онъ вѣрилъ въ разумъ и его носителей. Отчаяніе не свойственно было его натурѣ. Его лейтмотивъ былъ всегда бодрѣе другихъ. Эта его черта невольно передавалась и тѣмъ, которые съ нимъ соприкасались. Въ его ясномъ, увѣренномъ взглядѣ почер-

налась надежда. Съ нимъ чувствовалось свѣжѣе, моложе. Упадокъ силъ смѣнялся бодростью, поднималось стремленіе работать и работать. Человѣкъ чувствовалъ себя съ нимъ сильнѣе...

И эта его относительная бодрость и вѣра въ будущее для людей, знавшихъ его, была особенно важна потому, что онъ самъ обладалъ въ высокой степени тѣмъ качествомъ, за которое хвалилъ Салтыкова. Онъ такъ много пережилъ, такъ много наблюдалъ, онъ такъ зналъ эволюцію русской общественной мысли, что едва ли могъ кто нибудь играть роль общественнаго барометра лучше его. Этотъ его аппаратъ былъ настолько усовершенствованъ, что Михайловскій могъ даже пророчествовать въ названной области. Могу засвидѣтельствовать, что онъ предсказалъ появленіе въ Россіи проповѣди ничшеанства, примѣрно года за два до ея обнаруженія. Очевидно, на его вѣру въ свѣтлое будущее положиться также можно...

Весело и одушевленно провелъ, какъ разсказываютъ, Н. К послѣдній день своей жизни на семейномъ праздникѣ близкихъ ему людей. Говорятъ, что весь день его не покидало его обычное остроуміе, веселость, умѣніе сбросить съ себя на время думы и заботы и отдаться настроенію. У окружающихъ не могла явиться мысль о томъ, что его видятъ живымъ въ послѣдній разъ...

Вечеромъ онъ участвовалъ въ засѣданіи Комитета Литературнаго Фонда. Пришелъ домой, легъ въ постель и... скончался... Такъ легко сбросилъ онъ съ себя бремя жизни.

На похоронахъ, говорятъ, собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ, запрудившихъ всю площадь Спасской церкви. Присутствовали всѣ профессіи: представители литературы и науки, чиновники и земцы, инженеры и офицеры и проч. и проч., студенты, курсистки, гимназисты, студенты духовной академіи.

Всѣ поколѣнія, отъ сверстниковъ его до самыхъ молодыхъ представителей учащейся молодежи обоего пола, были на лицо.

Провожали учителя многихъ поколѣній...

Есть въ Петербургѣ Волково кладбище, а часть его носитъ названіе „литературныхъ мостковъ“. Это—цѣлый Пантеонъ русской литературы. Тамъ спятъ непробуднымъ сномъ и Добролюбовъ, и Бѣлинскій, и Шелгуновъ, и Надсонъ, и Успенскій, и Рѣшетниковъ, и многіе другіе, которыхъ русскій читатель привыкъ чтить и память которыхъ считать святыней. Николай Константиновичъ нашелъ себѣ заслуженное мѣсто въ этомъ Пантеонѣ между Шелгуновымъ и Надсономъ.

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ *). . . .

Н. Карышевъ.

*) Некрасовъ.

Новыя книги.

И. Раковичъ.—Любовь побѣдила. Романъ въ 2 частяхъ. Спб. 1904.

Любовь побѣдила бывшаго гусара и помѣщика, Владиміра Мезенскаго. До этой побѣды онъ былъ холостъ, ухаживалъ за чужими женами и состоялъ въ связи съ красавицей Зиной, женой сослуживца. Вообще, въ этомъ періодѣ своей жизни онъ велъ себя довольно свободно, любилъ путешествія и свои замѣтки въ дневникѣ снабжалъ цитатами. Такъ, на военно-грузинской дорогѣ онъ вспоминалъ Лермонтова, у Казбека—Чайльдъ Гарольда и Байрона, „у береговъ Тавриды, при свѣтѣ пламенной Киприды"—въ памяти его вставалъ, разумѣется, Пушкинъ. Собственные его афоризмы въ это время отзываются частью глубокомысліемъ, частью же иroніей и сарказмомъ. „Я люблю,—писалъ онъ,—все, что наводитъ меня на возвышенныя мысли: во-первыхъ, я не скучаю, а во-вторыхъ—точно дышешь лучшимъ воздухомъ и, наконецъ,—самая жизнь, въ которой не видишь никакого смысла, дѣлается интересной загадкой". Или: „Никто не начинаетъ съ искушеній, съ рукъ или ногъ, когда ищетъ родственную душу; не въ томъ дѣло, что̀ ихъ свело: сердце или ноги". Это, конечно, не совсѣмъ понятно, но, повидимому, должно выражать разочарованіе и саркастическое отношеніе къ родству душъ. Однимъ словомъ,—передъ нами настоящій Печоринъ: разочарованъ, охлажденъ, саркастиченъ, не вѣритъ въ философію, слегка подсмѣивается надъ „учеными" и предпочитаетъ дамъ дѣвицамъ. „Впрочемъ,—признается онъ,—ни тѣ, ни другія не имѣютъ теперь надо мною прежняго очарованія: tout passe, tout casse, tout lasse. Раньше всего—продажныя ласки потеряли въ глазахъ моихъ всякій интересъ; потомъ я впалъ въ другую крайность (?): бывало, поразить чей нибудь неопытный слухъ страстной рѣчью, заставить жадно внимать себѣ, вливать въ невинный источникъ ядъ любви... представляя изъ себя что-то въ родѣ коршуна, который чертитъ надъ голубемъ зловѣщіе круги,—вотъ было мое тайное удовольствіе"... „Я думалъ о женщинахъ, какъ дѣти объ игрушкахъ, что онѣ созданы для того, чтобы ихъ портить"... Пріѣхавъ, послѣ путешествія на Кавказъ, въ свое имѣніе близь города Юханска,—онъ уже прямо говоритъ, подобно Фаусту:—„мнѣ скучно, бѣсъ" и затѣмъ прибавляетъ: „всѣ герои великихъ авторовъ скучали: скучалъ Гамлетъ, скучалъ Фаустъ, Чайльдъ Гарольдъ, Онѣгинъ, Печоринъ"... Скучалъ, наконецъ, и Владиміръ Мезенскій...

Тутъ-то, въ Юханскѣ, въ періодѣ этой величавой скуки въ столь хорошей компаніи и началась „побѣда любви". Нашъ Пе-

чоринъ встрѣтилъ здѣсь свою княжну Мери—въ лицѣ Елены Александровны Хвалынской, дѣвицы стариннаго, высоко-аристократическаго рода. Между прочимъ, у нея были замѣчательныя щеки: „ихъ нельзя сравнить съ бархатнымъ персикомъ или розмариномъ; это—не тѣ пухленькія щечки, на которыхъ бываетъ такъ звонокъ точно влѣпленный поцѣлуй“. Нѣтъ, это были щечки совсѣмъ особаго рода, и вотъ нашъ герой начинаетъ описывать надъ княжной свои зловѣщіе круги, какъ коршунъ надъ голубкой. Однако безъ обычнаго результата: княжна уже испытала разочарованіе съ однимъ итальянскимъ маркизомъ, и потому всѣ печоринскія замашки отставного гусара не привели ни къ чему, пока Мезенскій не сдѣлалъ формальнаго предложенія...

Такимъ образомъ, на этотъ разъ княжна Мери-Елена побѣдила Печорина и, если вѣрить дневникамъ Мезенскаго, эта побѣда любви сопровождалась любопытнымъ процессомъ: Печоринъ очень быстро, такъ сказать, на глазахъ, превращается въ юнкера Грушницкаго. Если въ первой части романа онъ былъ, можетъ быть, излишне щедръ на саркастическіе афоризмы нѣсколько казарменнаго пошиба, то во второй рѣшительно впадаетъ въ самую прѣсную маниловщину. „О, какъ я желалъ-бы быть ея амуромъ“!.. „Я хочу имѣть *отъ тебя твой* поцѣлуй на глазахъ этихъ вѣчныхъ свидѣтелей любви“,—говоритъ онъ, указывая на звѣзды... Не правда-ли, вѣдь это Грушницкій. (И при томъ,—какая точность! Мезенскій точно опасается, что княжна дастъ ему *свой* поцѣлуй отъ кого-то другого)!.. Самые афоризмы теряютъ прежній характеръ и становятся отчасти меланхоличны. „Boileau сказалъ: un diner rechauffé ne vaut rien... Отчего это у великихъ людей всегда великія мысли“?.. О, конечно, нужно быть геніемъ, чтобы открыть человѣчеству, что разогрѣтый обѣдъ хуже свѣжаго. Выводъ,—дѣвица княжна Хвалынская пріятнѣе Зины, жены гусарскаго полковника; для послѣдней достаточно печоринскихъ сарказмовъ, для первой—законный бракъ. „Великая тайна совершилась. Съ этихъ поръ мы станемъ два въ плоть едину, и этотъ священный узелъ нашей любви не развяжется вѣчно“!..

Такъ кончается этотъ романъ въ двухъ частяхъ, составленный г. Раковичемъ изъ дневниковъ Владиміра Мезенскаго и Елены Хвалынской. И зачѣмъ только г-нъ Раковичъ совершилъ эту нескромность? Повидимому, его прельстилъ печоринскій тонъ первой части, и онъ не замѣтилъ, какъ быстро его герой переродился въ приторно-слащаваго Грушницкаго. А между тѣмъ, это легко было предвидѣть: tout passe, tout lasse, всякому овощу свое время, и Печорины нашихъ дней удивительно полинялый народъ. Изъ литературной гвардіи они уже давно перешли въ инвалидную команду. Кромѣ того, г. Раковичъ не обратилъ вниманія на одинъ афоризмъ изъ дневника Мезенскаго, который намъ показался довольно основательнымъ: „когда нѣтъ таланта,—пишетъ онъ на

стр. 5,—пускай остается хоть утѣшеніе, что я не пишу дребедени"... И далѣе (стр. 11): „какое преимущество писать и знать, что тебя никто не прочтетъ: „мели, что хочешь"! Но и эти афоризмы хороши, пока они стоятъ въ рукописномъ дневникѣ, такъ сказать для домашняго чтенія. Опубликованные же г-мъ Раковичемъ во всеобщее свѣдѣніе, они, очевидно, теряютъ всю свою внутреннюю цѣнность...

Сергѣй Рафаловичъ. Противорѣчія. Спб. 1903 г.

Въ Разсказѣ „Эдда", состоящемъ изъ писемъ къ любимой женщинѣ, герой г. Сергѣя Рафаловича цитируетъ Карлейля, Шницлера, блаженнаго Августина, Ростана, Бодлэра, Леонардо да Винчи и другихъ. Онъ очень умный — имѣемъ въ виду героя г. Сергѣя Рафаловича—и очень начитанный и разсуждаетъ въ этихъ письмахъ о разнообразныхъ предметахъ: о соединеніи вѣры и невѣрія, о любви, удовлетворенной и неудовлетворенной, сразу возникающей и медленно назрѣвающей, — очень много о всякой любви,—о ревности, поэзіи, о свободѣ политической и о свободѣ внутренней, о непониманіи критиковъ и многомъ иномъ. Нѣкоторые изъ его афоризмовъ достойны вниманія, напримѣръ: „сочетаніе вѣры и невѣрія—нѣчто цѣнное и свѣтлое при всей тяжести, при всемъ разладѣ, при всей мукѣ, которые оно порождаетъ, цѣнное тѣмъ, что оно чуждо, даже враждебно безразличію, этой печати смерти и разложенія". Или: „противоположности ничего не объясняютъ, ничего не разрѣшаютъ, ничего не значатъ.—Крыша и основаніе—противоположности; поверхность и дно, верхъ и низъ—противоположны и только; ничего нельзя въ нихъ постичь, понять, прозрѣть; онѣ отграничиваютъ, намѣчаютъ крайнія, вѣдомыя или невѣдомыя намъ точки, сліяніе которыхъ невозможно или возможно только въ ничто, въ смерти, въ небытіи". Это въ любовныхъ письмахъ. Жаль, что г. Сергѣй Рафаловичъ не изобразилъ, какую физіономію дѣлала при ихъ полученіи героиня. Впрочемъ, его героини тоже очень умныя и очень глубокія, тонкія, сложныя натуры; для примѣра—отрывокъ изъ монолога одной изъ нихъ: „Знаете, что я вамъ скажу? Нѣтъ правды въ жизни, потому что правда это что то простое, цѣльное, непонятное; а тутъ все—сложно, сплетено, необыкновенно. Но если нѣтъ правды, то нѣтъ и неправды, какъ не можетъ быть свѣта... И знаете что еще?" Напряженный читатель ждетъ новаго откровенія—и получаетъ его: „И знаете что еще? Мы всѣ виноваты, и на всемъ въ мірѣ лежитъ вина, потому что безъ вины не было бы прощенья, а прощенье—это любовь... Любить значитъ прощать другимъ и себѣ недостатки, грѣхи, вину, свою и чужую".

И такъ далѣе: мертвые разговоры, мертвыя фигуры — точно міръ состоитъ изъ умничающихъ манекеновъ. И сразу видно, что

авторъ ихъ никогда не видѣлъ: онъ сочинилъ и умничаетъ за нихъ. На случай, если критика отнесется къ нему неблагосклонно,—г. Сергѣй Рафаловичъ обезпечилъ себѣ утѣшеніе: онъ предварительно выругалъ ее. Устами одного изъ своихъ героевъ онъ „обвиняетъ всю нашу критику, кромѣ трехъ-четырехъ исключительныхъ людей, за то (въ томъ?), что она сошла съ своего пути, за то, что она не по человѣчески, не съ чувствомъ благоволенія, не съ безкорыстной жаждой познанія и сознаніемъ общихъ интересовъ, общей цѣли и взаимной помощи и любви подходитъ къ тому, что люди говорятъ и пишутъ, надъ чѣмъ страдаютъ“, и такъ далѣе. Наоборотъ, критика наша ко всему подходитъ „съ предвзятой враждебностью, съ желаніемъ закидать грязью, растоптать въ кучу, думая только о томъ, чтобы эта куча была побольше и чтобы они, стоящіе на ней, были замѣтнѣе, страшнѣе и извѣстнѣе. На нихъ неизгладимо будетъ тяготѣть клеймо позора“... Очевидно, герой г. Сергѣя Рафаловича полагаетъ, что требованія, предъявляемыя имъ къ критикѣ, непримѣнимы къ его писаніямъ; очевидно, онъ убѣжденъ, что въ этомъ случаѣ онъ подходитъ къ критикѣ „съ безкорыстной жаждой познанія, съ чувствомъ благоволенія и сознаніемъ общихъ интересовъ“. Можно бы ему напомнить его афоризмъ: „брань не критика“. Но лучше сказать ему другую правду: если „безкорыстная жажда познанія“ приводитъ критика къ убѣжденію, что предъ нимъ не литература, а мыльный пузырь, то какого „чувства благоволенія“ можно отъ него требовать къ этому мыльному пузырю? Что въ сущности представляютъ собою упражненія г. Сергѣя Рафаловича? У него есть небольшая литературная сноровка, нѣкоторое знакомство съ литературными образцами, — и больше ничего: ни наблюдательности, ни выдумки, ни тѣни непосредственнаго чувства. Онъ сочиняетъ по ходячему шаблону, потому что это легко: читалъ модныя книжки, замѣтилъ модную манеру—и воспроизводитъ ее безъ труда и безъ нужды. Здѣсь есть все, что полагается по программѣ: немножко мистики, немножко презрѣнія къ толпѣ, немножко гимновъ внутренней свободѣ, всего по немногу. За то много позы и восхищенія собой и много половыхъ мотивовъ. И въ послѣднемъ поза очевиднѣе всего. Ибо настоящій сенсуализмъ требуетъ настоящаго темперамента; только сила непосредственности и темперамента поэтизируетъ эти страшныя положенія, безобразныя не только для „общественныхъ кодексовъ морали“, которые такъ презираетъ дерзновенно-имморальный герой г. Сергѣя Рафаловича, но и для самой подлинной эстетики у него меньше всего темперамента. Въ откровенностяхъ его героевъ о подробностяхъ ихъ влюбленій и паденій все время чувствуется что то чужое, навязанное, быть можетъ, пережитое авторомъ извнѣ, но не пережитое внутри. Одинъ изъ его разсказчиковъ, точно испугавшись въ серединѣ разсказа, что его не примутъ за

сверхчеловѣка, заявляетъ: „Я вамъ не разсказываю банальнаго адюльтера". Это заявленіе годилось бы въ эпиграфъ къ разсказамъ г. Сергѣя Рафаловича: онъ все боится, какъ бы его адюльтеры не показались кому нибудь банальными: не мудрено, что ему приходится дѣлать ихъ хоть противоестественными. Такъ, у него есть мужъ, который съ восторгомъ разсказываетъ о томъ, что жена ему измѣняетъ, такъ какъ настоящее счастье ея любви онъ позналъ лишь потому, что она ему измѣняетъ. Есть у него также изнасилованная женщина, которая лишаетъ себя жизни, не потому, что съ ней случилось это несчастье—по ея мнѣнію физическое насиліе надъ женщиной обидно и непріятно для нея не болѣе, чѣмъ ударъ для мужчины—но потому, что при всемъ отвращеніи къ насильнику она узнала съ нимъ блаженство наслажденій, какого не давали ей ласки любимаго человѣка. Тонко.

Но довольно—не то г. Сергѣй Рафаловичъ опять успокоитъ себя, на этотъ разъ стишкомъ Гейне, который цитируетъ его герой въ переводѣ, настолько дурномъ, что мы предпочитаемъ другой.

Когда хотятъ отставку дать,
Не станутъ длинно такъ писать...

Одно только возбуждаетъ еще недоумѣніе. Въ пьесѣ „Всесильные" театральной критикѣ достается еще болѣе, чѣмъ общей. „Вы продаете себя за деньги или за женскую ласку"—говоритъ актриса тремъ рецензентамъ, да еще прибавляетъ: „васъ тутъ трое, но вся наша печать, вся наша пресса подобна вамъ".

Намъ хотѣлось бы заступиться за театральную критику. Но едва ли возможно спорить съ человѣкомъ свѣдущимъ: очевидно, г. Сергѣй Рафаловичъ не могъ изобразить ту критику, которой онъ не знаетъ, и могъ изобразить лишь ту, которую знаетъ. Или театральный критикъ „Биржевыхъ Вѣдомостей"—другой С. Рафаловичъ?

О. Н. Ольнемъ. „Очерки и разсказы" (безъ даты).

Лучшій очеркъ въ сборникѣ г-жи Ольнемъ—„Warum". Но за то это и единственный, вполнѣ удавшійся автору очеркъ. Читатели „Русскаго Богатства", вѣроятно, помнятъ содержаніе этого очерка. Молодой инженеръ Голубинъ пріѣзжаетъ въ незнакомый городъ и случайно находитъ квартиру въ домѣ Звонищевыхъ. Это—старая аристократическая семья, но сохранились изъ нея только бабушка, ея сынъ чудакъ-паничъ и внучка. Внучка, молодая, богато одаренная природой дѣвушка Лиза, является центральнымъ лицомъ очерка. Этотъ поэтическій образъ дѣвушки, обрисованный съ замѣчательной граціей и изящной простотой, производитъ чарующее впечатлѣніе; въ представленіи читателя онъ гармонически сливается съ мотивомъ шумановскаго Warum. Этотъ мотивъ слышится въ очеркѣ съ самаго появленія Голубина въ домѣ

Звонищевыхъ, и упорно, настойчиво звучитъ на всемъ протяженіи очерка, гармонируя съ настроеніемъ, съ отношеніями дѣйствующихъ лицъ. „Внучка Звонищевой передавала чувствительную мелодію Шумана какъ-то особенно, по своему. Вся ея игра была сплошной вопросъ, тревога передъ загадкой“. И въ настроеніи очерка чувствуется какая-то задумчивая грусть, сладость и мука тревожнаго вопроса: Warum? Встрѣчаясь съ дѣвушкой на другой день, Голубинъ говоритъ: „Вашъ Warum такъ и звучитъ у меня въ ушахъ“... И далѣе, когда Голубинъ все болѣе и болѣе увлекается Лизой, а она на его пробудившуюся страсть можетъ отвѣтить только чувствомъ теплой дружбы, задумчиво-грустный мотивъ мелодіи Шумана, снова и снова повторяясь, звучитъ въ ушахъ и сердцахъ. Въ ихъ неудавшемся объясненіи, въ трагическомъ несоотвѣтствіи ихъ настроеній и затѣмъ въ ихъ новой встрѣчѣ, послѣ того какъ Лиза вышла замужъ, звучитъ тотъ-же печально-задумчивый мотивъ, тотъ же тревожный, неразгаданный вопросъ: Warum?..

Въ томъ-же грустно-задумчивомъ тонѣ написаны г-жей Ольнемъ очерки: „Юбилей редактора“, „Въ тѣни сосенъ“, „Тихій уголъ“, „На закатѣ“, отчасти „Иванъ Ѳеодоровичъ“. Но здѣсь совсѣмъ нѣтъ уже той свѣжести, цѣльности, той изящной простоты, которыми такъ выгодно выдѣляется „Warum“... Неизвѣстно почему скомкана, обезцвѣчена жизнь несчастнаго редактора („Юбилей редактора“), почему пугливо прячется молодая жизнь „въ тѣни сосенъ“, зачѣмъ она такъ тускло тлѣетъ въ „тихомъ углу“, отчего такая пустота, такой ужасъ существованія „на закатѣ“ жизни такихъ довольныхъ, такъ комфортабельно устроившихся людей, какъ герои этого очерка, Пасхаловъ и Вяльцевъ. Всѣ эти очерки много блѣднѣе Warum, но все же написаны умѣло, ярко, колоритно. Г-жа Ольнемъ всегда тщательно дорисовываетъ свои сюжеты, пожалуй, слишкомъ дорисовываетъ и какъ бы даже стремится вставить въ рамку. Часто читатель давно уже понялъ то, что хочетъ сказать авторъ своими образами, передъ воображеніемъ возникла уже картина, но художникъ, не спѣша, продолжаетъ дорисовывать до самаго конца, стараясь придать рельефность и выпуклость рисунку. Нерѣдко это ведетъ къ нежелательному, нехудожественному утолщенію линій, какъ, напр., въ заключительной картинѣ очерка „На закатѣ“ (гдѣ самъ герой говоритъ о своемъ внутреннемъ опустошеніи, о томъ же думаетъ слушающая его героиня, да еще разъ самъ авторъ подчеркиваетъ то же отъ себя) или къ столь же нежелательнымъ длиннотамъ, какъ въ очеркѣ „Иванъ Ѳеодоровичъ“.

„Иванъ Ѳеодоровичъ“ самая большая вещь въ сборникѣ г-жи Ольнемъ. Она интересно задумана. Иванъ Ѳеодоровичъ человѣкъ недурной, съ хорошими мыслями, съ благородными чувствами, но при всемъ этомъ онъ отличается какой-то душевной омертвѣ-

лостью. Онъ не умѣетъ жить, и все время остается какимъ-то чуждымъ жизни, постороннимъ, издали наблюдающимъ ее человѣкомъ. Иванъ Θеодоровичъ назначенъ городскимъ судьей. Пріѣхавъ въ городъ своего назначенія, онъ живетъ одиноко, скучно, чувствуя постоянную усталость отъ жизни, постоянное раздраженіе, недовольство собой. Чувствуя правоту подсудимаго,—онъ обвиняетъ его въ угоду формальной правдѣ; чувствуя вредную фальшивость своего письмоводителя,—онъ не рѣшается устранить его. Сойдясь съ простой дѣвушкой, офиціанткой изъ кофейной,—онъ, смущенный перспективой рожденія ребенка, хочетъ жениться какъ разъ въ то время, когда чувство его совсѣмъ остываетъ, и тѣмъ болѣе хочетъ, чѣмъ больше стынетъ. Это безвольный человѣкъ, опорожненный сосудъ, и опорожненный какъ-то глухо, незамѣтно, безсмысленно. Типъ этотъ, конечно, давно извѣстенъ въ литературѣ въ различныхъ варіантахъ. Но г-жа Ольнемъ обрисовала его нѣсколько на свой ладъ и обрисовала интересно. Въ очеркъ введенъ эпизодъ смерти пріятеля Ивана Θеодоровича—Трачевскаго; описаніе смерти—одна изъ безконечныхъ отраженныхъ тѣней „Смерти Ивана Ильича", хотя, конечно, по мѣрѣ силъ, индивидуализированная.

Менѣе удаются г-жѣ Ольнемъ очерки, обвѣянные бодрымъ, смѣющимся настроеніемъ. Очеркъ „На порогѣ жизни", рисующій жизнь двухъ гимназистокъ, слишкомъ похожъ на десятки и сотни подобныхъ же очерковъ. „Муравейникъ", воспроизводящій картинку изъ жизни редакціи провинціальной газеты,—набросанъ бѣгло, однокрасочно и грубовато. Явленія захвачены слишкомъ мелко, съ легкимъ оттѣнкомъ каррикатуры. „Первый шагъ" читается легко и съ интересомъ, но по временамъ впадаетъ въ шаржъ. Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ сцѣпленіи случайностей, которыя выпали на долю молодой дѣвушки, Шуры, пріѣхавшей, по окончаніи курса, въ городъ искать работы и вдругъ сдѣлавшейся препотѣшнымъ страховымъ агентомъ. Но вѣдь по этому же рецепту пишутся хорошенькіе водевильчики. „Адресъ", который подносятъ гимназистки случайно пріѣхавшему въ ихъ городъ извѣстному писателю, кажется намъ очеркомъ блѣднымъ и скомканнымъ.

Маркъ Криницкій. Чающіе движенія воды. Разсказы. М. 1903.
Въ разсказахъ г. Криницкаго преобладающимъ мотивомъ служитъ конфликтъ между добрымъ и наивнымъ вѣрованіемъ, съ одной стороны, и разумнымъ, но злымъ скептицизмомъ—съ другой. И, повидимому, авторъ оправдываетъ причинную основательность такого душевнаго состоянія. „...Ничего единаго, цѣльнаго, опредѣленнаго я изъ школы не вынесъ", говоритъ авторъ въ разсказѣ „Порча".

„Я вошелъ въ нее съ большимъ и прочнымъ нравственнымъ капиталомъ, а вышелъ полнымъ банкротомъ. Пусть бабушка Марфа, моя мать, а за ними и цѣлая стѣна маленькихъ русскихъ людей заблуждались, но у нихъ было цѣльное міровоззрѣніе, помогавшее имъ твердо идти по жизненному пути. Школа разбила это міровоззрѣніе, не давъ въ замѣну его ничего положительнаго,—и я уже не могъ съ такимъ чистымъ и спокойнымъ проникновеніемъ въ глубокій смыслъ святой молитвы читать свой „Отче нашъ": уста мои шептали о престолѣ Божіемъ, покоющемся на небесахъ, а умъ рисовалъ миріады солнцъ, млечный путь, орбиты кометъ.

Я мучительно раздвоился".

Оно такъ и должно быть въ человѣкѣ, испытывающемъ психическій разладъ, неувѣренномъ въ реальности своихъ наиболѣе реальныхъ воспріятій, въ логичности своихъ наиболѣе логичныхъ выводовъ. А герои г. Криницкаго по преимуществу именно такіе люди. У него выведены два маніака, одинъ делирикъ и одна эпилептичка. Если отчасти такой выборъ персонажей обусловливается собственными склонностями автора, то отчасти также онъ диктуется надобностью помѣстить избранный сюжетъ на психо-патологическій фонъ, на которомъ данная трактовка его только и имѣетъ нѣкоторое оправданіе.

Герой повѣсти „Исповѣдь маніака"—повѣсти, нужно сказать, чрезмѣрно растянутой и довольно скучной—страдаетъ боязнью пространства, страхомъ передъ безпредѣльнымъ. Чисто патологическое явленіе, психическое заболѣваніе, входитъ въ его сознаніи въ столкновеніе съ раціоналистическимъ допущеніемъ безпредѣльности: его разумъ не допускаетъ вѣрованія въ тѣ „предѣлы", которые выдуманы для успокоенія нашей совѣсти и нашего ума, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ развивается боязнь пространства, настоятельно требующая этого самаго предѣла, отсутствіе котораго мучительно ощущается героемъ.

Такова тема главнаго изъ помѣщенныхъ въ книжкѣ разсказовъ, тема несомнѣнно интересная; но авторъ употребилъ настолько блѣдныя и искусственныя краски, что весь интересъ этой темы затушевывается. Нельзя не пожалѣть и о странномъ пріемѣ, съ которымъ авторъ приступаетъ къ разсказу. Сперва фигурируетъ какое-то освѣщенное окно, за которымъ умираетъ человѣкъ, герой разсказа, этотъ самый маніакъ. Похоронивъ героя, авторъ сжигаетъ въ печкѣ и оставленныя имъ записки, а потомъ возстановляетъ эти записки передъ читателемъ и затѣмъ продолжаетъ разсказъ уже отъ лица героя. Мудрено связать этотъ курьезный пріемъ съ поставленною авторомъ задачей.

Въ другихъ разсказахъ краски погуще. Въ „Тайнѣ Барсука" есть живыя, непридуманныя мѣста, благопріятно характеризующія наблюдательность автора, но за то самый разсказъ наиболѣе лишенъ общей идеи, если не считать таковою стремленія автора показать, что занятіе естественными науками, лишая молодого человѣка „предѣловъ", можетъ ввергнуть его въ пучину порока.

Больше всего автору удался разсказъ „Необходимость жить", въ которомъ любовь и вѣрность къ умершему, даже при наличности „предѣловъ", сталкиваются съ физическою необходимостью пользоваться жизнью.

Общее впечатлѣніе отъ разсказовъ г. Криницкаго такое, что заданіе у него въ большинствѣ интересное и оригинальное, но выполненіе страдаетъ недостаточной яркостью и выпуклостью основной идеи. Недостатки эти лишь отчасти выкупаются серьезностью и искреннимъ тономъ разсказа.

Гр. Левъ Толстой. Великій писатель земли русской въ портретахъ, гравюрахъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Составили **Пл. Н. Красновъ и Л. М. Вольфъ.** Изд. товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1804 г.

Въ іюнѣ прошлаго года мы давали на страницахъ „Русскаго Богатства" отзывъ о книгѣ г. Битовта „Гр. Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ". Не прошло года, какъ выходитъ еще изданіе, посвященное толстовской иконографіи. Разница между двумя этими изданіями заключается въ томъ, что книга г. Битовта преслѣдуетъ преимущественно научно-библіографическія цѣли, а изданіе Вольфа предназначается больше „служить украшеніемъ любой гостиной", какъ выражаются о себѣ разные иллюстрированные журнальцы. Съ этой точки зрѣнія лежащій передъ нами альбомъ можетъ вполнѣ удовлетворять своему назначенію. Общее количество помѣщенныхъ въ немъ снимковъ превышаетъ три съ половиной сотни, изъ нихъ около ста изображаютъ одного Л. Н. и на 50 приблизительно снимкахъ онъ изображенъ въ составѣ различныхъ группъ. Преобладающее количество портретовъ относится къ послѣднему времени, начиная съ первой половины восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Кромѣ портретовъ Л. Н., въ альбомѣ имѣются изображенія критиковъ его произведеній, любимыхъ писателей, родственниковъ, художниковъ, писавшихъ съ него портреты, виды Ясной Поляны, 19 каррикатуръ изъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ, факсимиле, снимки съ корректурныхъ листовъ, съ поправками, около 70 снимковъ съ иллюстрацій къ произведеніямъ и съ видовъ постановки на сценѣ „Власть тьмы", „Плодовъ просвѣщенія" и пр. Составители позаботились собрать изображенія даже такихъ tolstoviana, какъ тарелка съ портретомъ Л. Н. и изображеніе его на карамели его имени (Къ этому можно бы прибавить еще выпущенное какой то фабрикой стальное перо съ рельефнымъ портретомъ Л. Н.).

Относительно общаго исполненія снимковъ можно сказать, что большинство изъ нихъ, въ особенности портреты самого Л. Н., воспроизведены очень отчетливо. Довольно слѣпо вышли только снимки нѣкоторыхъ фотографій изъ Ясной Поляны. На нихъ под-

часъ не только нельзя разобрать лица, но не ясно видны и фигуры. Но этотъ недостатокъ обусловливается, видимо, неясностью самаго фотографическаго, вѣроятно, любительскаго снимка, которымъ пользовались издатели, такъ какъ другія, даже мелкія фотографіи, напр. съ открытыхъ писемъ работы Шерера и Набгольца, воспроизведены довольно отчетливо. Плохо вышли еще снимки съ альбомовъ иллюстрацій къ произведеніямъ Л. Н.

По количеству снимковъ альбомъ достаточно полонъ. Портреты нѣкоторыхъ лицъ можно бы, пожалуй, и опустить безъ особеннаго ущерба для дѣла. Таковъ, напр., портретъ князя Горчакова, „подъ начальствомъ котораго служилъ Л. Н. во время Крымской кампаніи", или портретъ Каткова, помѣщенный въ альбомѣ потому, что въ „Русскомъ Вѣстникѣ" печатались „Война и миръ" и „Анна Каренина". При такой переисчерпывающей полнотѣ, почему бы не изобразить, напр., крапивенскаго предводителя дворянства, когда Л. Н. былъ мировымъ посредникомъ, или А. Ф. Маркса, такъ какъ въ „Нивѣ" печаталось „Воскресенье"... Среди критиковъ изображены Полонскій и К. Аксаковъ, хотя критическіе отзывы этихъ писателей о Л. Н. очень не объемисты. (У Полонскаго—только отзывъ о „Казакахъ" въ журн. „Время" 1863, а у К. Аксакова—небольшая статья въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 г. Цитирую по Битовту). На ряду съ тѣмъ нѣтъ портрета М. С. Громеки.

Что касается текста, то онъ самостоятельнаго значенія не имѣетъ и служитъ только для поясненія графической части альбома. Религіозно-нравственная сторона дѣятельности Л. Н. не нашла себѣ выраженія въ этомъ изданіи, вѣроятно, по тѣмъ самымъ независящимъ отъ издателей причинамъ, о которыхъ они упоминаютъ въ своемъ послѣсловіи.

Проф. Г. Геффдингъ. Философія Религіи, пер. съ нѣмецк. В. Базарова и Степанова. 1903.

Задача философіи религіи, по словамъ автора (стр. 4), состоитъ въ томъ, „чтобы изслѣдовать соотношеніе между религіей и жизнью духа въ цѣломъ". Слѣдовательно, для самого возникновенія философіи религіи необходимо, чтобы религія не наполняла собою всей „жизни духа" и, такимъ образомъ, философія религіи невозможна „въ классическія эпохи религіи", т. е. въ „тѣ великіе начальные періоды, когда религія, во всемъ обаяніи своей дѣвственной, первобытной мощи, привлекаетъ къ себѣ всѣ силы и интересы" и въ „тѣ великіе организаціонные періоды, когда вся наличная культура складывается или насильственно пригибается согласно нормамъ верховныхъ религіозныхъ идей" (стр. 2).

Но когда религія становится лишь однимъ изъ видовъ духовной жизни, тогда является необходимымъ разсмотрѣть связь ея съ другими формами жизни духа—возникаетъ философія религіи

Авторъ раздѣляетъ свою книгу на три отдѣла: 1) Гносеологическая философія религіи, 2) Психологическая философія религіи и 3) Этическая философія религіи.

Въ „классическія эпохи религіи“ она удовлетворяетъ всѣ духовныя потребности человѣка, въ томъ числѣ и стремленіе къ познанію. Но философское изслѣдованіе вопроса легко открываетъ то обстоятельство, что религія „не можетъ дать объясненія отдѣльныхъ событій, что ея представленія не способны доставить объективнаго завершенія научному мышленію, что представленія эти носятъ характеръ образовъ, а не понятій“ (стр. 91).

Такимъ образомъ, познавательная (гносеологическая) роль религіи отпадаетъ. А въ такомъ случаѣ, какое же значеніе имѣютъ религіозныя представленія? Этотъ вопросъ приводитъ насъ отъ гносеологической философіи религіи къ психологической. Этотъ второй отдѣлъ книги (наибольшій по объему) занятъ выясненіемъ и доказательствомъ основного тезиса автора, согласно которому „зерно религіи есть *вѣра въ сохраненіе цѣнности* въ мірѣ“ (стр. 6). „Принципъ сохраненія цѣнности есть *специфически-религіозная аксіома*, получающая свое выраженіе во всѣхъ религіяхъ, но лишь въ различной формѣ и съ различныхъ точекъ зрѣнія“ (стр. 9). Для правильнаго пониманія этого принципа нужно придавать выраженію „сохраненіе цѣнности“ смыслъ аналогичный тому, который вкладывается въ выраженіе „сохраненіе энергіи“ (стр. 10).

„Переходъ отъ психологической философіи религіи къ этической мотивируется вполнѣ естественно. Неизбѣжно встаетъ вопросъ, какую этическую цѣнность имѣетъ самая вѣра въ сохраненіе цѣнности“ (стр. 6), другими словами: „въ какомъ отношеніи вѣра въ сохраненіе цѣнности стоитъ къ дѣлу отысканія, созданія и поддержанія цѣннаго?“ (стр. 10).

Итакъ, мы знаемъ центральную идею автора, его основное положеніе о вѣрѣ въ сохраненіе цѣнности, какъ спецефически-религіозной аксіомѣ. Насколько вѣрно это положеніе? И, затѣмъ, существуетъ-ли дѣйствительная аналогія между принципомъ „сохраненія цѣнности“ и принципомъ „сохраненія энергіи“? Начнемъ съ послѣдняго вопроса. Принципъ сохраненія энергіи есть высшее выраженіе нашего познанія міровыхъ явленій. Актъ вѣры есть тотъ своеобразный психологическій процессъ, который начинается волей (или чувствомъ), а заканчивается познаніемъ. Но такъ какъ религія, по утвержденію самого автора, не имѣетъ познавательнаго характера, то, слѣдовательно, вѣра въ сохраненіе цѣнности, насколько она имѣетъ познавательный характеръ (т. е. насколько она утверждаетъ или хотя-бы антеципируетъ существованіе нѣкоторой дѣйствительности) не имѣетъ специфически-религіознаго характера; и, наоборотъ, насколько эта вѣра въ сохраненіе цѣнности имѣетъ лишь волевой (и эмоціональный)

характеръ, настолько она не имѣетъ никакой аналогіи съ принципомъ сохраненія энергіи.

Не смотря на то, что мы, такимъ образомъ, находимъ, что нашъ авторъ не доказалъ своего основного положенія, и что его основная аналогія не вѣрна, мы всетаки охотно признаемъ, что его книга является весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу. Выдающимися качествами этой книги является чисто научная точка зрѣнія (столь рѣдкая въ подобныхъ вопросахъ), широта взглядовъ и богатство матеріаловъ. Книга изобилуетъ множествомъ прекрасныхъ мѣстъ, какъ, напр., изображеніемъ типовъ религіозной жизни, изображеніемъ развитія религіозныхъ представленій и др.

Переводъ сдѣланъ довольно хорошо, хотя отъ переводчиковъ серьезныхъ философскихъ книгъ (гдѣ небольшая неточность можетъ значительно измѣнять смыслъ) можно было-бы требовать большей осмотрительности. Мы не будемъ упоминать о мелкихъ недочетахъ, вродѣ, напр., того, что Августинъ названъ (стр. 118) „владыкой“ церкви (Kirchenfürst, т. е. князь церкви), или Юстинъ мученикъ—Юстиномъ Мартиромъ (стр. 15). Мы укажемъ лишь на болѣе важныя погрѣшности, при чемъ мы должны предупредить, что не брали на себя огромнаго труда свѣрить весь переводъ и обращались къ подлиннику лишь время отъ времени. Поэтому мы укажемъ здѣсь ошибки, открытыя нами лишь на одной (31) страницѣ. Здѣсь, во первыхъ, термины: „Sein“ и „Dasein“ переведены оба одинаково терминомъ „бытіе“, тогда какъ на русскомъ языкѣ есть термины „бытіе“ и „существованіе“. Затѣмъ, безъ всякаго основанія выкинуты изъ текста четыре строки (строки 7—10 сверху стр. 29 нѣмецкаго текста). Наконецъ, читаемъ слѣдующее: „истинный первичный феноменъ, который, составляя условіе всякаго пониманія бытія, самъ поэтому не можетъ быть устраненъ (nicht aufzulösen sein wird)—какъ бы ни обстояло дѣло съ упомянутыми выше не опредѣлимыми (unableitbaren) до сихъ поръ точками и т. д.“. Мы привели въ скобкахъ нѣмецкій текстъ тамъ, гдѣ онъ переведенъ не вѣрно. И если переводъ слова „unableitbaren“ словами „не опредѣлимыми“ еще и не особенно вредитъ смыслу, то за то переводъ слова „auflösen“ словомъ „устранить“—грубая ошибка, совершенно извращающая смыслъ фразы (или, точнѣе, лишающая эту фразу всякаго смысла). Авторъ говоритъ, что первичный феноменъ не можетъ быть сведенъ, или разложенъ (таково точное значеніе нѣмецкаго слова auflösen) ни на что другое, а переводчики говорятъ о какомъ-то „устраненіи“ этого первичнаго феномена. Повторяемъ, что мы не свѣряли всего перевода.

Альбертъ Метенъ. Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. Переводъ Л. П. Никифорова. Изд. В. Нѣмчинова. М. 1903 г.

Уго Раббено. Аграрный вопросъ въ Австралійскихъ колоніяхъ. Пер. съ итальянскаго А. Ульяновой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г.

Сочиненія Уго Роббено и Альберта Метена, заглавія которыхъ приведены выше, взаимно пополняютъ другъ друга. Въ то время, какъ итальянскій профессоръ производитъ строгонаучный анализъ земельной собственности и ея историческихъ судебъ въ колоніяхъ Австраліи, съ цѣлью изученія соціальнаго организма послѣднихъ, — французскій авторъ въ живомъ разсказѣ сообщаетъ то, что онъ нашелъ въ трудахъ мѣстныхъ изслѣдователей и статистиковъ, что самъ видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ относительно исторіи и настоящихъ соціально-экономическихъ и политическихъ отношеній въ Австраліи и Новой Зеландіи.

Оба труда читаются съ живымъ интересомъ. Страница за страницей передъ читателемъ развертывается яркая картина сначала соціальной политики правительства метрополіи, затѣмъ демократизаціи учрежденій и законодательства, успѣховъ и неудачъ смѣлыхъ соціальныхъ опытовъ, побѣдъ и пораженій борющихся классовъ.

Какъ можно видѣть изъ фактовъ, сгруппированныхъ въ книгахъ Метена и Роббено, не только Австралія и „счастливые острова“ Новой Зеландіи едва ли ближе къ соціалистическому строю, чѣмъ старая парламентарная Европа. Правда, рабочіе достигли здѣсь большаго благополучія и оказываютъ большое вліяніе на соціальную политику колоній; правда, государство, особенно въ Новой Зеландіи, широко содѣйствуетъ рабочимъ союзамъ въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ и покровительствуетъ развитію артелей; правда, тамъ существуетъ прогрессивно подоходный и прогрессивный земельный налоги и т. д., и т. д. Но соціализмъ, какъ опредѣленная научная теорія и политическій идеалъ, почти не имѣетъ приверженцевъ въ Австраліи. Здѣсь частная собственность на орудія и средства производства никѣмъ не оспаривается. Государство владѣетъ еще довольно обширными землями, но и тѣ постепенно переходятъ въ частныя руки путемъ покупки или наслѣдственной аренды; если государство и является организаторомъ многихъ производствъ, то при этомъ остается всетаки лишь самымъ крупнымъ предпринимателемъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи столько наемныхъ рабочихъ, сколько ихъ у остальныхъ капиталистовъ вмѣстѣ, благодаря чему можетъ благотворно влiять на положеніе рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Сами же рабочіе заботятся лишь о сохраненіи существующихъ благопріятныхъ условій труда и „нисколько не интересуются вопросомъ о томъ, ведетъ ли об-

щественная эволюція къ коллективизму или къ коммунизму, и не стараются, какъ наши соціалисты, ускорять ея ходъ", говоритъ Метенъ. Австралійскіе рабочіе даже удивляются, что, напр., во Франціи такъ много соціалистовъ среди рабочихъ классовъ; къ самому слову „соціализмъ" они относятся съ нѣкоторой долей презрѣнія, оставаясь „прежде всего практиками" и индивидуалистами. Ихъ программа — программа мелкихъ реформъ, осуществленныхъ сейчасъ же, ихъ идеалъ—мелко-буржуазное счастье. Они признаютъ „существованіе хозяевъ и заработной платы и просто стараются добиться хорошихъ условій труда въ томъ общественномъ строѣ, какой существуетъ въ этомъ мірѣ" (Метенъ стр. 110). Понимая, что добиться высокой заработной платы и короткаго рабочаго дня имъ удалось, главнымъ образомъ, благодаря недостатку рабочихъ рукъ въ колоніяхъ, и что увеличеніе конкурренціи на рынкѣ труда грозитъ имъ бѣдами, отъ которыхъ, пожалуй, не спасутъ и синдикаты, они настояли на отмѣнѣ расходовъ, предназначенныхъ на поощреніе иммиграціи европейцевъ и добились воспрещенія иммиграціи китайцевъ; затѣмъ въ союзѣ съ предпринимателями, желая оставаться хозяевами мѣстнаго рынка, они борются съ иностранными товарами при посредствѣ высокихъ таможенныхъ пошлинъ.

Если въ настоящее время набожный и преданный королевскому дому австралазійскій рабочій является ярымъ приверженцемъ частной собственности на орудія и средства производства и, въ общемъ, живетъ въ болѣе благопріятныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ, чѣмъ его собратья въ Европѣ, то все же до „соціальнаго мира" и ему еще очень далеко. Что борьба труда съ капиталомъ въ Австралазіи не доходитъ до кровопролитій—это вѣрно; но что она существуетъ, и однимъ изъ ея орудій являются забастовки рабочихъ; что противъ синдикатовъ трудящихся образуются синдикаты предпринимателей, недовольныхъ вообще рабочимъ законодательствомъ и въ частности—учрежденіемъ третейскихъ судовъ и спеціальныхъ совѣтовъ, опредѣляющихъ минимумъ заработной платы; что приходится бороться съ распространеніемъ такъ называемой „потогонной системы" (Sweating System), напр., среди неорганизованныхъ рабочихъ Мельбурна; что безработица—заурядное явленіе, доставляющее не мало хлопотъ всѣмъ колоніямъ,—это тоже все факты. Сила вещей и вліяніе идей, такъ или иначе пробивающихъ себѣ путь изъ Европы въ Австралію, въ концѣ концовъ, конечно, образуютъ серьезную брешь въ буржуазныхъ тенденціяхъ австралазійскихъ рабочихъ.

Экономическая исторія Австраліи и Новой Зеландіи поучительна, какъ превосходная иллюстрація роли политическаго фактора въ хозяйственной жизни народовъ, и особенно въ распредѣленіи богатствъ.

Австралазійскіе рабочіе въ своей борьбѣ съ капиталомъ долго прибѣгали къ стачкамъ, но послѣ грандіозной забастовки 1890 г., окончившейся ихъ пораженіемъ, они пришли къ заключенію о необходимости принимать дѣятельное участіе въ управленіи страной и вліять на соціальную политику правительства,—только съ этого времени рабочее законодательство Австралазіи быстро развивается и дѣлается предметомъ зависти европейскихъ рабочихъ.

Роль государственной власти въ аграрной исторіи колоній еще значительнѣе и поучительнѣе по своимъ результатамъ, съ которыми нашимъ антиподамъ приходится до сихъ поръ считаться и которые опредѣлили общественную структуру молодой страны. Англійское правительство положило начало колонизаціи Австраліи, отправивъ туда преступниковъ съ военной стражей, а потомъ стало раздавать крупнымъ капиталистамъ (преимущественно скотоводамъ) даромъ тысячи акровъ земли съ приписанными къ нимъ работниками — ссыльными преступниками. Когда прекратилась ссылка въ Австралію, правительство стало усиленно заботиться объ иммиграціи рабочихъ рукъ. За даровой раздачей земель послѣдовала продажа ихъ по высокимъ цѣнамъ и иммиграція бѣдныхъ рабочихъ на эти деньги. Аграрная политика, съ самаго начала сдѣлавшая почти невозможнымъ доступъ къ землѣ рабочаго люда, привела къ тому, что огромныя пространства земли лежатъ непроизводительно, потому что многіе крупные собственники совершенно не обрабатываютъ ея, а въ городахъ скопляются массы рабочихъ, образуя армію безработныхъ. Кризисы, неизбѣжные при существованіи частной собственности на орудія и средства производства и бѣшеной конкурренціи, еще болѣе увеличиваютъ эту армію. Чтобы залѣчить болѣзнь, составляется проектъ за проектомъ образованія мелкихъ участковъ земли. Раббено слѣдующимъ образомъ отзывается объ этихъ проектахъ: „такъ какъ земледѣльческій пролетаріатъ отсутствуетъ, то хотятъ создать искусственно классъ пролетаріевъ-собственниковъ, надѣляя работниковъ микроскопическими лоскутками земли; а такъ какъ вся плодородная земля раздана, то для того, чтобы спасти экономически крупную земельную собственность, предлагаютъ вырвать у нея маленькій кусокъ, уполномочивая правительство экспропріировать ее кое гдѣ, но за этотъ кусокъ она должна быть вознаграждена съ лихвою тѣмъ, что въ ея распоряженіи будетъ земледѣльческій пролетаріатъ“. Этого мало, — „хотятъ помочь новымъ поселенцамъ непосредственно, построить имъ домикъ, обнести ихъ участочекъ заборомъ на счетъ государства; но за эти необычайныя милости земледѣльцамъ придется расплатиться очень дорого, цѣною своей свободы, такъ какъ земли будутъ даваться имъ лишь съ тою цѣлью и на томъ условіи, чтобы они приспособились работать по найму“. А бывшій министръ Новаго Южнаго Уэльса, Шильсъ,

во время парламентскихъ преній (1893 г.) сказалъ: „говорятъ о земляхъ, составляющихъ народное достояніе, о томъ, что онѣ должны быть отданы народу. Но это достояніе—достояніе Лазаря: всѣ хорошія земли уже отчуждены, и народу предлагаютъ теперь отбросы колонизаціи, земли безплодныя или удаленныя отъ желѣзныхъ дорогъ и всякаго человѣческаго общества". Въ Новой Зеландіи отчужденіе земель правительствомъ метрополіи привело къ концентраціи ихъ въ рукахъ спекулянтовъ—отдѣльныхъ капиталистовъ и цѣлыхъ компаній. Это обстоятельство въ концѣ 80-хъ годовъ вызвало народное возстаніе противъ аграрной монополіи, — началась борьба между крупными землевладѣльцами-капиталистами и мелкими земледѣльцами; въ результатѣ — рядъ аграрныхъ законовъ, въ силу которыхъ государство, съ половины 90-хъ годовъ, должно раздавать общественныя земли (отчуждая или отдавая въ наслѣдственную аренду) мелкими участками; кромѣ того, оно имѣетъ право покупать обратно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и экспропріировать владѣнія крупныхъ собственниковъ, чтобы разбить ихъ на мелкіе участки и отдать нуждающимся колонистамъ. Но бѣда въ томъ, что въ Новой Зеландіи, какъ и въ Австраліи, общественныхъ земель остается очень немного: по предсказанію Мекензи, ихъ едва хватитъ до 1908 года (стр. 245, Раббено); при томъ „всѣ самыя удобныя и доступныя для культуры земли уже отчуждены". Въ началѣ 90-хъ годовъ изслѣдованіями констатируется фактъ, что въ Новой Зеландіи, въ этой странѣ „соціальнаго мира" и „государственнаго соціализма", крупная собственность продолжаетъ рости, и что владѣнія 2.000 крупныхъ капиталистовъ представляютъ большую стоимость, чѣмъ остальныхъ 70.000 имѣній. Съ другой стороны, хотя идея національизаціи земли и имѣетъ въ Новой Зеландіи больше сторонниковъ, чѣмъ въ другихъ австралазійскихъ колоніяхъ, но ея враги очень сильны, какъ среди крупныхъ, такъ и среди мелкихъ собственниковъ,—къ послѣднимъ надо отнести и наслѣдственныхъ арендаторовъ.

Вообще, знакомство съ сочиненіями Раббено и Метена приводитъ къ заключеніямъ, значительно измѣняющимъ ходячія представленія объ Австраліи и Новой Зеландіи.

Францъ фонъ-Листъ. Учебникъ уголовнаго права. Общая часть. Переводъ Ф. Ельяшевичъ, съ предисловіемъ автора и проф. М. В. Духовского. М. 1903 г.

„Уступая просьбѣ,—такъ начинаетъ свое предисловіе проф. Духовской—составить предисловіе къ настоящему изданію учебника проф. Листа, я самъ не вижу въ этомъ особой надобности". Признаніе, правда, нѣсколько странное въ устахъ человѣка, снабжающаго книгу своимъ предисловіемъ,—но оно тѣмъ болѣе знаменательно,

что Францъ фонъ-Листъ, пожалуй, самое громкое имя среди криминалистовъ не только Германіи, но и всей Европы. Въ Германіи онъ является своего рода божкомъ, и многіе присвоиваютъ ему даже титулъ „геніальнаго". При этомъ условіи контрастъ между высоко авторитетнымъ положеніемъ автора разбираемой книги и дѣйствительной незначительностью ея внутренняго содержанія—наводитъ на размышленія. Если авторъ этой книги геніальный криминалистъ, то насколько же чужда научнаго творческаго духа должна быть та область современной юриспруденціи, которая гордо величается „наукой уголовнаго права".

Въ учебникѣ уголовнаго права Ф. Листа по самымъ основнымъ вопросамъ читатель или вовсе не найдетъ отвѣтовъ, или найдетъ отвѣты, очень далекіе отъ „геніальности". Вдумчиваго читателя, какъ намъ кажется, прежде всего должно интересовать, какъ обосновывается въ наукѣ уголовнаго права вопросъ о правѣ наказанія. Что даетъ нравственное оправданіе тому несомнѣнному насилію надъ человѣкомъ, которое лежитъ въ основѣ уголовной кары? Вотъ какъ Листъ разрѣшаетъ этотъ кардинальный вопросъ: „Метафизическія размышленія не могутъ дать научнаго разрѣшенія проблемы наказанія; да она и не нуждается въ такомъ метафизическомъ обоснованіи, поскольку необходимость наказанія для поддержанія правопорядка не оспаривается и не можетъ быть оспариваема. Въ этомъ взглядѣ согласны между собою, за единичными исключеніями, представители различныхъ направленій въ современной наукѣ" (стр. 84).

Мы полагаемъ, что такое рѣшеніе врядъ ли удовлетворитъ вдумчиваго читателя. Вѣдь было же время, когда и необходимость смертной казни для поддержанія правопорядка „не оспаривалась и не могла быть оспариваема"! Теперь же эта необходимость оспаривается не только большинствомъ образованныхъ людей, но и цѣлымъ рядомъ государствъ, которыя уже исключили смертную казнь изъ числа своихъ наказаній. То же случилось и съ пытками, которыя въ свое время тоже считались „необходимыми для поддержанія правопорядка" и потому, пользуясь терминологіей Листа,— „не нуждались въ метафизическомъ обоснованіи".

Слава Богу, человѣчество мало по малу начинаетъ освобождаться отъ подобныхъ „необходимыхъ" вещей! И, конечно, этими завоеваніями оно обязано не „положительному" резонерству во вкусѣ Листа, а въ значительной степени—той пытливости человѣческаго ума, той нравственной чуткости, которая, не останавливаясь на кажущейся необходимости явленія, идетъ дальше и изслѣдуетъ его цѣлесообразность и нравственную допустимость. Это именно то, чего не достаетъ представителямъ современной криминологіи, и что они пренебрежительно называютъ „метафизическими размышленіями".

Не смотря на все сказанное, несомнѣнно, что въ затхлой атмосферѣ уголовнаго права, взгляды Листа представляютъ собою явленіе относительно прогрессивное. Онъ убѣжденный сторонникъ, признанный глава и усердный пропагандистъ такъ называемой „соціологической школы“ въ уголовномъ правѣ. Но для оцѣнки его заслугъ въ этомъ направленіи русскій переводъ его учебника даетъ очень мало, и даже его небольшая брошюра, изданная въ 1895 г. по русски подъ заглавіемъ „Наказаніе и его цѣли“, даетъ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ разбираемая нами книга.

Что же касается общаго ознакомленія съ „наукою уголовнаго права“, то намъ кажется, что русскій читатель можетъ сдѣлать это гораздо лучше при посредствѣ курса г. Таганцева, чѣмъ съ помощью учебника Ф. Листа. Курсъ г. Таганцева ближе къ русской правовой дѣйствительности и менѣе страдаетъ сухостью и схематичностью изложенія, которыми вообще отличаются нѣмецкіе академическіе учебники; учебникъ Листа въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія.

Шульце, Э. д-ръ. **Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни.** Перев. съ нѣмец. Е. Самуйленко; редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Изданіе С. Скирмунта. Москва. 1903.

Кому не приходилось слышать, что Германія по народному образованію считается одной изъ первыхъ странъ въ мірѣ, что германскій народный учитель побѣдилъ при Седанѣ французовъ, что количество неграмотныхъ новобранцевъ, превышающее у насъ, напр., 60, равно у нѣмцевъ только сотымъ долямъ процента (0,09$^0/_0$ по даннымъ 1898—1899 г.г.) и т. п.? Заимствовавъ изъ Германіи классическую систему образованія, систему разноклассныхъ городскихъ училищъ „по положенію 1872 года“, полукурсовые университетскіе экзамены и испытательныя коммиссіи по уставу 1884 года и многое другое, мы тѣмъ болѣе увѣрились въ предвзятой мысли, что народное образованіе въ Германіи стоитъ на высотѣ недосягаемой. Не странно ли слышать послѣ всего этого, что и тамъ далеко не все „обстоитъ благополучно“. Этому то неблагополучію и посвящаетъ, главнымъ образомъ, д-ръ Шульце свой трудъ. Цѣль его, повидимому, состоитъ въ томъ, чтобы пробудить въ своихъ соотечественникахъ настоящее сознаніе пользы народнаго образованія, которое „обходится дешевле невѣжества“, и показать, что еще необходимо сдѣлать Германіи для того, чтобы „народъ мыслителей и поэтовъ“ былъ таковымъ не по одному только названію. Такъ какъ простая грамотность, „умѣнье читать и писать—только низшая ступень далеко ведущей лѣстницы“, то въ цѣляхъ широкаго распространенія знаній въ массахъ необходимо сосредоточить вниманіе на внѣшкольномъ

образованіи народа. Главнымъ средствомъ такого образованія авторъ считаетъ устройство общедоступныхъ библіотекъ, разумно составленныхъ и хорошо управляемыхъ книгохранилищъ, а не тѣхъ „жалкихъ учрежденій, которыя извѣстны подъ такимъ именемъ въ Германіи". Если „государственные люди, ученые, писатели, художники — всѣ имѣютъ свои библіотеки, почему бы не имѣть таковыхъ также крестьянамъ и рабочимъ?", говорилъ въ одномъ изъ своихъ распоряженій французскій министръ народнаго просвѣщенія въ 1884 году.

Пересмотръ огромной литературы и личныя наблюденія приводятъ д-ра Шульце къ заключенію, что общедоступныя или народныя библіотеки въ Германіи далеко отстаютъ отъ соотвѣтствующихъ учрежденій въ Соединенныхъ Штатахъ и Англіи. Въ этомъ онъ видитъ главную причину „отсталости" нѣмцевъ въ сравненіи съ американцами и англичанами. Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ остановиться на глубоко убѣдительной аргументаціи этого мнѣнія. Большая часть книги посвящена сжатому, но содержательному обзору исторіи и статистики общедоступныхъ библіотекъ въ различныхъ странахъ земного шара. Изъ европейскихъ государствъ въ обзорѣ отсутствуютъ Испанія, Португалія, Турція, славянскія земли и Россія *). Обзоръ этотъ весьма поучителенъ и содержитъ массу интересныхъ подробностей, но гораздо важнѣе общій тонъ книги,—тонъ глубокаго негодованія по адресу всѣхъ гасителей народнаго просвѣщенія и горячей защиты народа въ его естественныхъ правахъ на широкое образованіе и умственную самодѣятельность. Особенно ярко выражены эти мысли во введеніи („необходимо ли и полезно ли развитіе народнаго образованія"). Это введеніе русскому издателю полезно бы выпустить и отдѣльной брошюрой.

Хотя о Россіи авторъ упоминаетъ только мимоходомъ, тѣмъ не менѣе мысль русскаго читателя во время чтенія невольнымъ образомъ обращается къ „русскому положенію". И негодованіе нѣмецкаго автора на сравнительную отсталость своего народа дѣлаетъ для русскаго читателя это положеніе еще болѣе тяжелымъ и непригляднымъ, чѣмъ оно кажется ему обыкновенно. То время, когда русскій министръ народнаго просвѣщенія (А. С. Шишковъ)

---

*) О нашемъ отечествѣ Шульце упоминаетъ два раза. „Потребность образованія у народа въ наше время въ Германіи, Франціи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Швеціи, Норвегіи и пр., *даже въ Россіи*, настолько больше, чѣмъ 100 лѣтъ назадъ, что и т. д." (стр. 10). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о вліяніи образованія на увеличеніе заработной платы, что замѣчается и въ Россіи въ московско-владимірскомъ районѣ бумагопрядильной промышленности, онъ продолжаетъ: „Интересно, что русскія фабрики не могутъ работать такими большими и производительными машинами, какъ англійскія, даже если бы и употребляли большее количество рабочихъ, такъ какъ русскіе рабочіе, при своемъ болѣе низкомъ уровнѣ развитія, не могутъ справляться съ машинами, гдѣ необходима совмѣстная работа нѣсколькихъ человѣкъ" (стр. 29—30).

говорилъ, что „обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу оного количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы", еще очень недалеко отъ насъ, и не только по времени...

Въ заключеніе нужно сказать, что въ книгѣ Шульце читатель найдетъ много полезныхъ свѣдѣній и о чисто-технической сторонѣ библіотечнаго дѣла.

И. Г. Алибеговъ. Народное образованіе на Кавказѣ. Тифлисъ. 1903 г.

Въ одномъ указѣ императора Александра II-го, касающемся народнаго образованія, мы читаемъ: „Не позволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было превращать разсадники науки въ средства для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія, возвышая уровень преподаванія. Каждое изъ племенъ должно быть ограждено отъ *всякаго насильственнаго посягательства*, почему необходимо позаботиться объ учрежденіи *отдѣльныхъ для каждой народности училищъ*". Эти знаменательныя слова нужно почаще напоминать въ настоящее время и особенно на нѣкоторыхъ окраинахъ. Брошюра г. Алибегова (представляющая докладъ, читанный въ общемъ собраніи членовъ Имп. Кавк. общества сельск. хоз.) рисуетъ положеніе народнаго образованія въ одной изъ такихъ окраинъ, лишенной права на общественную самодѣятельность даже въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, какіе предоставлены современнымъ земскимъ учрежденіямъ. Она богата интересными историческими и статистическими данными и сопоставленіями. Мы отмѣтимъ лишь нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ и фактовъ, относящихся къ началу 1902 г. Всѣхъ учебныхъ заведеній на Кавказѣ 2.801, одно заведеніе приходится на 3.627 жителей; въ этомъ общемъ числѣ начальныхъ (городскихъ и сельскихъ) училищъ— 2.466, одно на 4.120 душъ населенія. Что касается однѣхъ сельскихъ школъ (казенныхъ и общественныхъ), то ихъ насчитывается 2.140, при чемъ на одну школу въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа приходится отъ 2.136 до 12.000 жителей, а въ Дагестанской области—39.204 человѣкъ; одна сельская школа имѣется, въ большинствѣ случаевъ, на $10,_4$—$21,_5$ селеній, а въ Дагестанѣ—на $78,_8$ селеній! Учащіеся въ сельскихъ школахъ составляютъ $1,_6$% всего сельскаго населенія. Образовательный цензъ учителей начальныхъ школъ (городскихъ и сельскихъ) таковъ: $46,_7$% окончили курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, $50,_1$%—прошли курсъ только низшихъ училищъ и $3,_2$%—получили домашнее образованіе. Хотя всѣ эти цифры могутъ навести только на самыя нерадостныя мысли, но это еще половина горя: гораздо печальнѣе по своимъ результатамъ широкое примѣненіе системы, которая стоитъ въ полномъ про-

тиворѣчіи съ цитированнымъ выше указомъ императора Александра II и заключается въ томъ, что въ кавказскихъ народныхъ школахъ русскій языкъ совершенно вытѣсняетъ туземные языки, какъ языки преподаванія. Въ 1879 г. начальныхъ училищъ съ преподаваніемъ на туземномъ языкѣ было $17,_{9}\%$, въ 1890 г.—$0,_{6}\%$, а съ 1891 г. такія школы совершенно упразднены. Училищъ съ преподаваніемъ на туземномъ языкѣ при участіи русскаго языка въ 1879 г. было $32,_{3}\%$, а въ 1901 г.—$11,_{8}\%$. Что касается школъ съ преподаваніемъ исключительно на русскомъ языкѣ, то въ 1879 г. ихъ насчитывалось $49,_{8}\%$ а въ 1902 г.—$88,_{2}\%$. Послѣдняго типа низшихъ учебныхъ заведеній особенно много ($93,_{2}\%$ казенныхъ и $71,_{6}\%$ общественныхъ) въ Закавказьи, т. е. въ мѣстности, отличающейся сильной пестротой національностей численно преобладающаго туземнаго населенія, говорящаго на разнообразныхъ нарѣчіяхъ. Послѣдствія такой системы сказываются въ томъ, что преподаваемые на непонятномъ языкѣ предметы плохо усваиваются и быстро улетучивается, и бывшіе питомцы школы вспоминаютъ о ней „съ тяжелымъ сознаніемъ безплодно потеряннаго времени“. При такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о добромъ отношеніи къ школѣ со стороны населенія. „Пока существующая школа будетъ оставаться для туземнаго населенія непонятной, пока крестьянинъ не ощутитъ, что она поучаетъ уму-разуму на доступномъ ему языкѣ, до тѣхъ поръ онъ останется чуждымъ школѣ“. Есть въ докладѣ г. Алибегова любопытный фактъ, характерный для нашихъ дней. Инспекторъ народныхъ училищъ Кутаисской губ. К. Мачаваріани циркулярно обратился въ 1902 г. къ учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ своего района съ такими строжайшими требованіями: 1) въ училищныхъ зданіяхъ (гдѣ живутъ и учителя) не принимать постороннихъ лицъ, въ особенности по вечерамъ, для препровожденія времени и для разныхъ увеселеній; 2) не вмѣшиваться въ общественныя дѣла мѣстнаго населенія; 3) всѣ учащіеся должны знать имена, отчества, фамиліи и занимаемую должность попечителя округа, директора и инспектора народныхъ училищъ, учителей и учительницъ, старшины, участковыхъ приставовъ, уѣздныхъ начальниковъ своего района и военнаго губернатора; и, наконецъ, 4)—перлъ начальническихъ предписаній—учителя „не должны собираться въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ *для разсужденія о высокихъ матеріяхъ жизни*“. Таковъ этотъ законодательный актъ г-на Мачаваріани. Въ стороннемъ читателѣ онъ способенъ вызвать улыбку, но... каково учителямъ, разбросаннымъ, въ качествѣ „свѣточей просвѣщенія“ по темнымъ долинамъ, склонамъ и ущельямъ Кавказа...

По Екатерининской желѣзной дорогѣ. Выпускъ I (Введеніе и часть первая). Екатеринославъ 1903.

Управленіе Екатерининской желѣзной дороги задумало лицамъ, интересующимся развитіемъ промышленной жизни въ бывшихъ степяхъ половецкихъ, дать справочную книгу и при этомъ описаніе района отъ Кривого Рога до донскихъ копей каменнаго угля. Изданіе, заглавіе котораго мы выписали, будетъ состоять изъ трехъ выпусковъ: въ первый вошло описаніе криворожскаго руднаго района съ историческимъ очеркомъ развитія рудной промышленности и всего края, гдѣ по свидѣтельству „Прометея" Эсхила жили какіе-то скиѳы-желѣзодѣлатели, снабжавшіе еще въ гомеровскія времена Элладу желѣзомъ и оставившіе по себѣ только слѣдъ старинныхъ карьеръ, вызывавшихъ въ концѣ XIX вѣка горячку на покупку рудныхъ земель; во второмъ выпускѣ будутъ даны свѣдѣнія по металлургіи и описаніе линіи Синельниково-Ростовъ, а въ третьемъ—разсказъ объ угольной промышленности и описаніе донецкаго угольнаго бассейна съ частями дороги на немъ.

Первый выпускъ составленъ, подъ общею редакціею А. П. Лисовскаго, инженеръ-технологомъ М. А. Воропаевымъ, статистикомъ В. П. Нечволодовымъ и художникомъ Г. Г. Берсомъ, изготовившимъ рисунки и цинкографическія клише для иллюстраціи изданія. Историческіе очерки мѣстности, по которымъ пролегаетъ дорога, написаны яснымъ, живымъ, изобразительнымъ и даже изящнымъ языкомъ; статистическія данныя, извлеченныя изъ отчетовъ разныхъ учрежденій за 1902 годъ, описанія станцій, рудниковъ, работъ на нихъ, пластовъ руды, мощности ихъ, анализовъ ихъ, разсказъ объ основаніи рудниковъ, о работахъ на нихъ, бытѣ мастеровыхъ и т. п.—читаются чрезвычайно легко и оставляютъ ясное представленіе о томъ, гдѣ и что расположено, какъ шло развитіе промышленности въ каждомъ данномъ пунктѣ, какой степени оно достигло и при какихъ условіяхъ жизни; наконецъ, карты (на которыхъ, къ сожалѣнію, не вездѣ указанъ масштабъ), планъ города Екатеринослава и рисунки представляютъ нѣчто въ родѣ художественнаго альбома по изяществу отдѣлки. Виды рудниковъ, доменныхъ печей, заводовъ, портреты и т. п.—сдѣланы по фотографіямъ, снятымъ въ самое послѣднее время.

Вообще картина этого промышленнаго района, въ которомъ еще императрица Екатерина II мечтала основать (въ деревушкѣ Половицѣ — впослѣдствіи гор. Екатеринославъ) и университетъ, и консерваторію, дана въ чертахъ живыхъ и интересныхъ, и настоящее изданіе смѣло можно рекомендовать не однимъ только спеціалистамъ желѣзнодорожнаго и горнаго дѣла. Остается пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ двухъ дальнѣйшихъ выпусковъ.

Эмиль Дюкло, членъ Парижской академіи наукъ, Директоръ Пастеровскаго Института и Высшаго Училища Соціальныхъ Наукъ. **Соціальная гигіена.** Пер. съ франц. Е. А. Предтеченскій. Спб. 1904 г. Изданіе Д. Голова и А. Большакова.

Авторъ этой книги разсматриваетъ болѣзни не съ медицинской, а „съ соціальной точки зрѣнія, т. е. со стороны того, какъ онѣ отражаются на обществѣ, какъ общество могло бы съ ними бороться и предохранять себя отъ нихъ". „Соціальная гигіена,—говоритъ онъ,—имѣетъ въ виду только *происхожденіе,* возникновеніе зла и останавливается какъ разъ на той точкѣ, гдѣ начинается терапевтика". Ея задача—мѣры чисто *предупредительныя*. Авторъ „Соціальной гигіены" констатируетъ при этомъ, что всѣ болѣзни какъ бы „сообразуются съ соціальной іерархіей и поражаютъ главнымъ образомъ несчастныхъ и обездоленныхъ"...

Нельзя сказать, чтобы выводы автора блистали новизной: ихъ не разъ уже высказывали большіе и малые писатели, но по отношенію къ борьбѣ съ физическими недугами они обосновывается въ книгѣ Э. Дюкло едва ли не въ первые съ такою обстоятельностью и въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаютъ значительный интересъ. Авторъ относится съ большимъ скептицизмомъ, порой даже съ полнымъ отрицаніемъ, къ цѣлесообразности правительственныхъ распоряженій, имѣющихъ въ виду предупрежденіе эпидемій, если само общество не вполнѣ ясно понимаетъ причину и сущность болѣзни, а также опасность, которая ему угрожаетъ: „всякій полезный реформѣ должно предшествовать согласіе на нее общественнаго мнѣнія", и всѣ приказы властей, ограничивающіе свободу дѣйствій гражданъ, но не опирающіеся на общественное мнѣніе, неизбѣжно остаются мертвой буквой.

Дѣло предупрежденія и борьбы съ распространеніемъ болѣзней ведется успѣшно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда община или группа лицъ ясно сознаетъ *невыгодность* для себя заболѣваній своихъ членовъ, иначе говоря, когда соображенія о выгодѣ и состраданіе дѣйствуютъ рука объ руку; одно милосердіе, одна гуманность—ненадежное средство въ борьбѣ съ распространеніемъ болѣзней, хотя бы оно поддерживалось правительственными декретами.

Свои заключенія авторъ основываетъ на цифрахъ и фактамъ, взятыхъ изъ жизни Германіи, Англіи и—всего болѣе — Франціи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ ряду этихъ фактовъ роль рабочихъ ассоціацій въ борьбѣ съ болѣзнями, развивающимися въ рабочей средѣ. Такъ, напр., болѣзнь рудокоповъ—*анкилостоміазисъ* (происходящая отъ присутствія во внутренностяхъ больного маленькаго червячка—анкилостома—изъ рода глистовъ), поражающая преимущественно работающихъ на днѣ или въ глубинѣ шахтъ, очень сильно распространилась за послѣднія десять лѣтъ въ разныхъ каменноугольныхъ бассейнахъ; однако,

не смотря на потери, какія она приноситъ и рабочему населенію, и хозяевамъ копей, ею до сихъ поръ интересовались мало, и всѣ мѣры, которыя практиковались въ борьбѣ съ ней, оказывались безсильными. Но вотъ соціалистическая рабочая кооперація въ Льежѣ, носящая названіе „Народной"—„Populaire"—и насчитывающая въ своихъ рядахъ много рудокоповъ, обратила вниманіе на увеличеніе нерабочихъ дней отъ этой болѣзни (что было видно изъ ея кассовыхъ книгъ). Это обстоятельство вызвало со стороны представителей коопераціи подробное изслѣдованіе причинъ заболѣванія, лѣченіе же больныхъ было поручено не компанейскому врачу, а собственному медику ассоціаціи. Тогда „зло выяснилось во всей его обширности", и началась серьезная борьба съ рудничной болѣзнью. Матеріальная и нравственная солидарность членовъ ассоціаціи даетъ послѣдней силу вести эту борьбу съ успѣхомъ,—фактъ, лишній разъ показывающій, что „интересы пролетаріевъ находятся въ хорошихъ рукахъ только тогда, когда пролетаріи занимаются ими сами".

I. А. Литинскій.—„Общераспространенныя болѣзни". „Болѣзнь вѣка"—Неврастенія. Спб. 1903 г.

Докторъ Литинскій намѣревается въ серіи брошюръ, носящихъ общее названіе: „Общераспространенныя болѣзни", ознакомить широкую публику съ наиболѣе часто встрѣчаемыми формами заболѣваній.

Настоящія брошюры, посвященныя „болѣзни вѣка"—неврастеніи, знакомятъ читателя съ сущностью болѣзни, съ причинами ея возникновенія, съ признаками и обычнымъ теченіемъ неврастеніи и, наконецъ, съ способами предохраненія отъ неврастеніи и съ ея лѣченіемъ. Брошюра написана очень популярно, и такъ какъ нашъ авторъ, имѣя въ виду широкую публику, не входитъ вглубь дѣла, а ограничивается самыми общими свѣдѣніями, то брошюра и не даетъ повода къ какимъ либо болѣе или менѣе серьезнымъ замѣчаніямъ. Наиболѣе слабою частью ея слѣдуетъ считать страницу, посвященную „осложненіямъ" неврастеніи. Здѣсь авторъ, съ одной стороны, не отмѣчаетъ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ осложненій, какъ, напр., въ области почекъ, а, съ другой, въ числѣ „осложненій" упоминаетъ (стр. 38) такія явленія, какъ „невралгическія боли въ разныхъ областяхъ тѣла", которыя довольно странно считать „осложненіями".

Въ заключеніе авторъ приводитъ „наставленіе страдающимъ неврастеніей", взятое у Левилена: „Прекратить на время всякій умственный трудъ и бросить всѣ профессіональныя занятія; не сидѣть поздно по ночамъ; избѣгать всякихъ излишествъ и причинъ утомленія... жить въ деревнѣ" и т. д. (стр. 48). Всѣ эти

наставленія, конечно, очень хороши, но такъ какъ ихъ не всегда можно исполнять, то слѣдовало бы нѣсколько болѣе развить отдѣлъ о лѣченіи неврастеніи, напр., о вліяніи ваннъ, душа и др.

Дигамма. Зло всей прессы. Газетное ростовщичество, обираніе трудящейся бѣдноты и скрытое взяточничество. Спб. 1904

„Прогрессъ человѣчества въ исторіи,—говоритъ авторъ въ началѣ своей брошюрки, — несомнѣнно обусловливается непрерывнымъ стремленіемъ къ возможно полнѣйшему устраненію изъ жизни зла, страданія, неправды и несправедливости". Не смотря на всю силу этого стремленія,—„нѣкоторыя формы общественнаго зла остаются всетаки долго неустраненными". Изъ нихъ авторъ отмѣчаетъ (повидимому, какъ самыя важныя?) во 1-хъ, „рабство и крѣпостничество", во 2-хъ „пытки и тѣлесныя наказанія" и въ 3-хъ . . . „частныя и казенныя платныя *публикаціи* и *объявленія*" въ газетахъ...

Уже изъ этой своеобразной перспективы, въ которую г. Дигамма выстраиваетъ разныя „формы общественнаго зла",—читатель видитъ, что авторъ человѣкъ довольно благодушный. Правда, онъ довольно безпощаденъ къ газетнымъ публикаціямъ вообще и къ А. С. Суворину въ частности. Дѣйствія этого послѣдняго по пріему объявленій онъ, не обинуясь, подводитъ подъ статьи уложенія о наказаніяхъ: 591 и 594 (о мошенничествѣ) и 608 (о ростовщичествѣ). „По смыслу статьи 591,—говоритъ онъ, — мошенничествомъ называется всякое вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку и совершенно опредѣленно говорится, что „за сіе мошенничество (виновный) наказывается заключеніемъ въ исправительномъ домѣ". Статья 594 гласитъ, что „виновный въ мошенничествѣ, *учиненномъ шайкой*, наказывается тоже заключеніемъ въ исправительномъ домѣ", а по смыслу ст. 608 „виновный въ ростовщичествѣ наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ".

Стараясь прослѣдить—„поскольку элементы мошенничества и ростовщичества проявляются въ дѣятельности современной періодической прессы", г. Дигамма выбираетъ для иллюстраціи „Новое Время". Вычисляя довольно правдоподобно стоимость объявленій, печатаемыхъ въ этой газетѣ, и сопоставляя ее съ тѣми цѣнами, какія для нихъ установлены г-мъ Суворинымъ, онъ приходитъ къ заключенію, что „газета „Новое Время" на каждой строкѣ объявленій „деретъ":

Съ трудящейся бѣдноты . . , .	12 к.	или	171%	дѣйствительной стоимости.
» кліентовъ послѣдней страницы	20	»	285%	» »
» » первой »	63	»	900%	» »
» » «Приложеній». . .	92	»	1,314%	» »

„Это явленіе, — говоритъ авторъ,—тѣмъ болѣе поразительно, что оно происходитъ на страницахъ изданія, почти ежедневно

пишущаго о „жидахъ“, о „жидовскихъ гешефтахъ“ и „жидовскихъ процентахъ“ и якобы всѣмъ этимъ возмущающогося“.

Все это, по существу, можетъ быть довольно справедливо, и однако — всѣ эти страстныя обличенія вызываютъ невольную улыбку, не смотря даже на ссылки, въ которыхъ г. Дигамма опирается на Лассаля. Извѣстно, что послѣдній тоже считалъ погоню за публикаціями однимъ изъ золъ прессы, и предполагалъ сдѣлать объявленія въ качествѣ общественной потребности монополіей государства. Но извѣстно также, что это вытекало изъ общихъ взглядовъ нѣмецкаго агитатора: *его* государство едва-ли бы ограничилось наложеніемъ властной руки на одну эту область частнаго предпринимательства, и тѣ сопоставленія съ ростовщичествомъ и вовлеченіемъ въ невыгодныя сдѣлки, которыя даютъ нашему автору поводы обрушивать на г. Суворина всю силу статей: 591, 594 и 680, Лассаль распространилъ бы и на богатыхъ домовладѣльцевъ, и на желѣзно-дорожное предпринимательство и на „товарищества“ въ родѣ Морозовской мануфактуры, какъ извѣстно, въ теченіе многихъ лѣтъ публикующей о своихъ доходахъ, далеко превышающихъ 100 процентовъ. Г-нъ Дигамма смотритъ на дѣло гораздо проще. Онъ полагаетъ, „что наша русская „государственная конституція“, оставляющая верховный суверенитетъ не въ рукахъ *безличнаго и безотвѣтственнаго* парламентскаго большинства, а въ рукахъ монарха“—даетъ легкую возможность искоренить „зло всей прессы“: для этого необходимо только „установленіе государственной властью максимальныхъ ставокъ для оплаты газетныхъ публикацій...“

Вотъ почему въ началѣ нашей рецензіи мы назвали г-на Дигамму человѣкомъ благодушнымъ, не смотря на всю рѣшительность и даже свирѣпость, съ которой онъ готовъ обрушить на г. Суворина всѣ кары трехъ уголовныхъ статей: за вовлеченіе заказчиковъ объявленій въ невыгодную сдѣлку, за ростовщичество и за мошенничество шайкой. Это очень строго по отношенію къ г-ну Суворину, но не слишкомъ ли прекраснодушно по отношенію къ „злу всей прессы“. Ахъ, г. Дигамма, если бы вашими устами да медъ пить... Если бы „зло всей прессы“ исчерпывалось однѣми газетными публикаціями и излѣчивалось такими легкими средствами...

Селивановскій, И. Какъ выбиться изъ нужды къ достатку. Разсказъ о томъ, какъ безпріютные бѣдняки завели хорошее хозяйство и стали жить въ достаткѣ. «Деревенское хозяйство и деревенская жизнь», подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1903.

Какъ выбиться изъ нужды къ достатку? Вотъ вопросъ!... „Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ, сколько имъ муки принесъ“. Начиная съ Платона и кончая Рескиномъ, сотни людей рѣшали его въ общественномъ смыслѣ. Рѣшенія эти, въ су-

жествѣ своемъ почти всѣ однородныя, бывали обыкновенно такъ мало приложимы практически, что названіе одного изъ нихъ— „Утопія“ Томаса Мора—сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія всякой несбыточной мечты. Г. Селивановскій не превзошелъ своихъ предшественниковъ. Его намѣренія также благи, а предлагаемыя имъ средства, пожалуй, даже еще въ большей степени не осуществимы. Вотъ какъ устроилъ г. Селивановскій благополучіе своихъ безпріютныхъ бѣдняковъ. Нѣкто Николай Өедоровичъ, человѣкъ 50 лѣтъ, крестьянинъ родомъ, побывавшій на своемъ вѣку и учителемъ, и фабричнымъ, и управляющимъ, и писаремъ, задумалъ въ концѣ концовъ „сѣсть на землю“. Пришелъ въ свою деревню, попросилъ у крестьянъ земли. Земли не дали. Тогда Николай Өедоровичъ сталъ промышлять въ округѣ починкой всякихъ вещей изъ крестьянскаго обихода. Онъ оказался и столяромъ, и сапожникомъ, и кузнецомъ, и слесаремъ, и портнымъ, и мельничное дѣло зналъ, и болѣзни лѣчить умѣлъ, а ужъ про земледѣліе и говорить нечего, тутъ онъ прямо собаку съѣлъ. Сперва онъ одинъ по деревнямъ ходилъ, а потомъ сталъ подручныхъ брать, „но только бѣдныхъ, безпріютныхъ сиротъ... Къ нему поступали иногда даже слывшіе въ округѣ лѣнтяями, нищенствующіе, замѣченные даже въ воровствѣ“. Подъ вліяніемъ Николая Өедоровича лѣнтяи обращались въ работящихъ, пьяницы становились трезвенниками, а воры дѣлались людьми честными. Всѣ они научились „оцѣнивать поступки людей и опредѣлять вѣрныя отношенія другъ къ другу и къ окружающимъ людямъ“. Въ концѣ концовъ Николай Өедоровичъ пріобрѣлъ 150 десятинъ земли, основалъ съ своими подручными особый поселокъ и уврачевалъ въ немъ всѣ недуги современной деревни. Во главу угла было положено восьмипольное хозяйство. Прекрасно было устроено огородничество, заведено рыболовство. Слесаря, кузнецы, сапожники, портные, плотники—все свои. Завелъ Николай Өедоровичъ и кредитный банкъ, и дѣтскія лѣтнія ясли, и библіотеку (собраніе хорошихъ книгъ—пояснено въ скобкахъ), и образцовую школу, и общество потребителей, и чтеніе съ туманными картинами. „Все имущество, какое только есть въ поселкѣ,—все общее, товарищеское: земли, постройки, скотъ, машины, орудія, зерно, одежда, пища, деньги и прочія хозяйственныя принадлежности“. Нужно ли прибавлять, что матеріальному благополучію вполнѣ соотвѣтствовало и нравственное, такъ сказать, благорастворенiе воздуховъ? Миръ и тишина царятъ въ поселкѣ самые идеальные. Не только водки поселенцы не пьютъ, табакъ курить почти всѣ отстали. И такъ стали безпріютные бѣдняки жить, поживать, да добра наживать. Въ будущемъ они, вѣроятно, устроятъ у себя электрическое освѣщеніе, сплавную канализацію съ полями орошенія, проведутъ телефоны и будутъ издавать собственную газету. Въ ихъ теперешнемъ положеніи все это

устроить просто ничего не стоитъ. Пошлетъ ли только Богъ здоровья Николаю Өедоровичу? Все вѣдь на немъ на одномъ, какъ на ниточкѣ, держится. Чудотворецъ просто: что захочетъ, то и сдѣлаетъ, что вздумаетъ, то по его и выйдетъ. Въ результатѣ послѣ прочтенія книги на вопросъ: какъ выбиться изъ нужды къ достатку, нужно отвѣтить, что прежде всего надо подыскать Николая Өедоровича, а ужъ тамъ его дѣло...

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(**Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ**).

Полное собраніе сочиненій ***Глѣба Успенскаго***. Съ портретами, автографомъ и статьей Н. К. Михайловскаго. Т. Х. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. Ц. 12-ти т. 6 р.

Полное собраніе сочиненій ***Генрика Ибсена***. Пер. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Т. VI. Изд. С. Скирмунта. М. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1904. Ц. 1 р.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. I. 2-е изд. Спб. Ц. 1 р.

Орисонъ Светъ-Марденъ. Пробивайтесь впередъ. Пер. съ англійскаго М. А. Шишмаревой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Берта фонъ-Зутнеръ. Въ цѣпяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго Э. К. Пименовой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 80 к.

Иванъ Новиковъ. Исканія. Сборникъ. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.

П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Очерки. Изд. 2-е, дополненное. М. 1903. Ц. 1 р.

Михаилъ Радловъ. Живыя фотографіи. Разсказы. М. 1904. Ц. 80 к.

Георгъ фонъ-Омптеда. Разсказы. Пер. съ нѣмецкаго М. Словинской, съ предисловіемъ З. А. Венгеровой. Изд. «Оріонъ». Спб. 1904. Ц. 1 р.

Энтони Хопъ. Графъ Антоніо. Романъ. Пер. съ англійскаго М. Н. Дубровиной. Изд. I. Ясинскаго. Спб. 1904 Ц. 30 к.

А. Петрищевъ. Бернадотъ. Драматическая поэма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. «Оріонъ». Спб. 1904. Ц. 50 к.

Л. Л. Линевичъ. Безъ разсвѣта. Драма въ 5-ти актахъ. Изд. книжн. маг. «Помощь». Спб. 1904. Ц. 50 к.

А. Энгельмейеръ. Холера. Театральная шутка въ одномъ дѣйствіи. (Изъ народнаго быта). Рязань. 1903. Ц. 35 к.

А. Энгельмейеръ. Волкъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. (Изъ народнаго быта). Рязань. 1904. Ц. 50 к.

Ипполитъ Войтовъ. Мои стихотворенія. Харьковъ. 1904.

Ник. Т—о. Тихія пѣсни. Съ приложеніемъ сборника стихотворныхъ переводовъ «Парнасцы и проклятые». Спб. 1904. Ц. 1 р.

В. В. Умановъ-Каплуновскій. Лучи и тѣни. 2-й сборникъ разсказовъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Его же. Славянская муза. Сборникъ переводныхъ стихотвореній. Третье изд. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Переселеніе насѣкомыхъ въ долинѣ р. Жилеппы. Разсказъ для дѣтей. ***Э. Кандева***. Съ французскаго Е. Шевыревой. Изд. т-ва «Книговѣдъ». Спб. 1904. Ц. 1 р.

Каштанка. Разсказъ ***А. П. Чехова***. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1904.

Проф. ***Д. Н. Овсянико-Куликовскій***. Этюды о творчествѣ И. С. Тур-

генева. Изд. «Оріонъ». Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Евгеній Ляцкій. И. А. Гончаровъ. Критическіе очерки. Изд. т-ва «Литература и Наука». Спб. 1904. Ц. 2 р.

Лирика Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. ***Л. М. Шахъ-Паронiанца.*** Изд. книжнаго маг. «Помощь». Спб. 1904.

Викторъ Бонъ. Петръ Ивановичъ Добротворскій. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Составилъ ***М. Ѳ. Быстровъ.*** Изд. А. К. Пурышева. Спб. 1904 Ц. 1 р. 50 к.

Іоганнъ Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Второе изданіе, подъ редакціей П. И. Вейнберга. Вып. V. Англія. Вып. VI. Англія и Германія. Изд. Книжн. маг. «Трудъ». М. 1904. Цѣна по подпискѣ 5 р.

Книга мудрости. Мысли, наблюденія и характеристики, извлеченныя изъ литературъ разныхъ эпохъ и народовъ. Собралъ и составилъ ***М. Л. Бинштокъ.*** Спб. 1904. Ц. 2 р.

В. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. Второе изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Ц. 3 р.

У. Кеннингэмъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка. Пер. съ англійскаго Н. В. Теплова. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Б. Ф. Брандтъ. Торгово-промышленный кризисъ въ Западной Европѣ и въ Россіи (1900—1902 гг.). Ч. II. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Лилія Браунъ. Женскій вопросъ, его историческое развитіе и его экономическая сторона. Пер. съ нѣмецкаго А. Ачкасова и У. Кугеля. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Ц. 2 р.

Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Составилъ ***П. М. Майковъ.*** Спб. 1904. Ц. 4 р.

Записки княгини ***М. Н. Волконской***, съ предисловіемъ и приложеніями кн. М. С. Волконскаго. Спб. 1904. Ц. 4 р.

А. И. Гиллерсонъ. Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ. Изд. Я. А. Канторовича. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Kant. Sechzehn Vorlesungen gehalten an der Berliner Universität von ***Georg Simmel.*** Leipzig. 1904. Pr. 3 M.

Общедоступная философія въ изложеніи ***Аркадія Пресса.*** Кантъ. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Кантъ. Грёзы духовидца, поясненныя грёзами метафизика. Пер. съ нѣмецкаго Б. П. Бурдеса, подъ редакціей А. Л. Волынскаго. Изд. переводчика. Спб. 1904 Ц. 1 р.

А. Берри. Краткая исторія астрономіи т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношеніе. Соч. проф. ***К. Келлера.*** Вып. I и II. Изданіе второе А. Ф. Девріена. Спб. 1904. Цѣна по 1 р 60 к.

С. І. Гулишамбаровъ. Благородные металлы и камни въ міровой промышленности Спб. 1904.

А. А. Яриловъ. Педологія, какъ самостоятельная естественно-научная дисциплина о землѣ. Ч. I. Юрьевъ. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

О кумысѣ и его употребленіи въ легочной чахоткѣ и въ другихъ болѣзняхъ. ***Джорджа А. Каррика.*** Второе изд. К. Л. Риккера. Спб. 1903.

Д-ръ ***Кейра.*** Извращеніе половой идеи. Пер. съ французскаго Н. Н. Спиридонова. М. 1904. Ц. 10 к.

Генрихъ Дюмоларъ. Японія въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Н. М. Федорова. Дальній Востокъ, Японія, Корея, Манчжурія. Историко-географическій и этнографическій очеркъ. Изд. книжн. маг. «Помощь». Спб. 1904. Ц. 5 к.

Дальній Востокъ. Очерки. Японія. Корея и Манчжурія. Составилъ ***С. М. Гольдвейберъ.*** Одесса. 1904. Ц. 10 к

С. Рапопортъ. Дѣловая Англія. М. 1903. Ц. 1 р.

Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ. Врача ***Бургера.*** Спб. 1904. Ц. 30 к.

Изданія «Посредника»: Леченіе болѣзней свѣтомъ, воздухомъ, водою, тепломъ, холодомъ и движеніемъ. Врача ***В. Рахманова.*** Ц. 75 к.— Берегите здоровье дѣтей! ***Его же.*** Ц. 35 к.— ***Вильгельмъ фонъ-Поленцъ.*** Деревенскій священникъ. Романъ. Ц. 1 р.— ***Алланъ Кларкъ.*** Фабричная жизнь въ Англіи. Ц 60 к.— Жизнь и ученіе Конфуція. Составилъ ***П. А. Буланже.*** Со статьей Л. Н. Толстого. «Изложеніе китайскаго ученія». — ***С. Т. Семеновъ.*** Надежда Чигалдаева. (Преступники). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 50 к.—***Его-же.*** У пропасти и др. разсказы Изд. второе. Ц. 80 к.—Дѣвичья погибель и др. разсказы. Изд. второе. Ц. 80 к.—Левониха.—Горбунъ Яша.—Дядя Ѳирсай.—Деревенскіе герои.—Невѣста.—Бабы.—Ц. по 1 к.— ***И. Горбуновъ-Посадовъ.*** Мститель. — Ненаглядная. — Золотое колеч-

ко.—Женихъ и невѣста.—Любовь и разлука. — Красная дѣвица. — Сердечный другъ. — Соловей. — Атаманъ-разбойникъ.—Моряки.—Колокольчикъ.—Трепакъ.—Весельчакъ.—Цѣна по 1 к.

Библіотека ***И. Горбунова-Посадова*** для дѣтей и юношества. Капитанъ Январь. Разсказъ. Ц. 35 к.—Маленькій герой и др. разсказы. ***Э. Сетонъ Томпсона.***—Жизнь Диккенса. Составилъ ***С. Орловскій.*** Ц. 25 к.—***М. Богданова.*** Что такое птица? Ц. 12 к.—Жизнь сѣраго медвѣдя. Разсказъ. ***Э. Сетонъ-Томпсона.*** Ц. 40 к.—Давайте работать. Практическое руководство къ всевозможнымъ работамъ. Составилъ ***С. А. Порѣцкій.*** Ц. 1 р. 20 к.

«Деревенское хозяйство и деревенская жизнь». Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Ленъ и обработка его. ***А. А. Зубрилина.*** Ц. 4 к.—***Его же.*** Какую пользу приноситъ травосѣяніе. Ц. 3 к.—***И. Елина.*** Разведеніе плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ.

Изданія т-ва «Донская Рѣчь». ***Феликсъ Гра.*** Марсельцы. Ц. 35 к.—Некрасовъ и Никитинъ. Избранныя стихотворенія. Ц. 4 к.—***И. А. Бунинъ.*** Байбаки. Ц. 3 к.—***А. И. Петровскій.*** Не дался. Ц. 1 к.—***В. І. Дмитріева.*** Бѣлыя крылья. Ц. 2 к.—***А. Серафимовичъ.*** Въ бурю. Ц. 3 к.—***А. Яблоновскій.*** Конокрадъ. Ц. 3 к.—***И. Франко.*** На днѣ. Ц. 9 к.—***А. Купринъ.*** Молохъ. Ц. 12 к.—***В. Немировичъ-Данченко.*** Воскресшая пѣснь. Ц. 5 к.—***В. Вересаевъ.*** Повѣтріе. Ц. 4 к.—***И. П. Бѣлоконскій.*** Деревня Печальная. Ц. 3 к.—***В. І. Дмитріева.*** Волки. Ц. 3 к.—***В. Танаевская.*** Безпокойная. Ц. 3 к.—***И. И. Митропольскій.*** На плотахъ. Ц. 3 к.—***В. Г. Короленко.*** Черкесъ. Ц. 4 к.—***В. Вересаевъ.*** Звѣзда. Ц. 1½ к.—***Н. Д. Телешовъ.*** Противъ обычая. Ц. 3 к.—***А. Яблоновскій.*** Въ консультаціи. Ц. 3 к.—Пѣсни труда. Ц. 5 к.—Только часъ. ***А. Крандіевской.*** Ц. 10 к.—***И. А. Бунинъ.*** Надъ городомъ. Ц. 1 к.—С. Я. Елпатьевскій. Отлетаетъ мой соколикъ. Ц. 2 к.—***К. М. Станюковичъ.*** Эмигрантъ. Ц. 3 к.—***Л. Н. Андреевъ.*** Ангелочекъ. Ц. 3 к.

Л. Н. Андреевъ. Жили были. Ц. 3 к. — ***Скиталецъ*** (Петровъ). Атаманъ. Ц. 2 к.—***А. Серафимовичъ.*** Въ камышахъ. Ц. 2 к.—***Е. Н. Булгакова.*** Что за страна Японія. Ц. 5 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.

О. М. Жирновъ. Что такое земская страховка. Изд. Вятскаго Губернскаго Земства. Вятка. 1903.

С. Тарутинъ. О значеніи и дѣятельности крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Курганъ. 1903. Ц. 20 к.

И. Бялоблоцкій. Правительственное посредничество при арендованіи крестьянами частновладѣльческихъ земель. Оренбургъ. 1903.

Б. Малевичъ. Лѣсъ и лѣсоустройство. М. 1904.

Дѣятельность Д. Д. Дашкова по народному образованію въ Рязанскомъ Земствѣ. Подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. Н. С. Волконскаго. Рязань. 1903.

Перепись студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета. Изд. студенческаго экономическаго кружка. Харьковъ. 1904.

Н. К. Михайловскій и западная наука.

Вслѣдствіе многихъ причинъ русская литература еще не заняла во всемірной духовной республикѣ того мѣста, которое ей принадлежитъ по праву. Даже наша беллетристика (видъ литературы, легче всего распространяющійся, вслѣдствіе своей наибольшей доступности массамъ), даже она, сравнительно лишь недавно и далеко не въ полной мѣрѣ, заставила обратить на себя вниманіе

цивилизованнаго міра; однако даже и здѣсь, не смотря на то, что въ лицѣ гр. Л. Н. Толстого русская изящная литература достигла всемірной гегемоніи, даже и здѣсь русскіе писатели поставлены въ гораздо менѣе выгодное положеніе, чѣмъ писатели иностранные. Такъ, напримѣръ, едва ли можно сомнѣваться, что, если изъ двухъ писателей, совершенно равныхъ по таланту, одинъ будетъ писать по французски, а другой по русски, то первый будетъ пользоваться гораздо большею извѣстностью во всемъ цивилизованномъ мірѣ, чѣмъ второй.

Но, если положеніе нашей беллетристики во всемірной духовной республикѣ можетъ считаться до нѣкоторой степени уже обезпеченнымъ, то положеніе нашей научно-философской литературы представляется совсѣмъ инымъ. Въ этой области всѣ русскіе авторы, которые не издаютъ своихъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ или, по крайней мѣрѣ, не реферируютъ ихъ въ иностранныхъ журналахъ,—остаются совершенно неизвѣстными всему остальному цивилизованному міру.

А между тѣмъ русскій образованный человѣкъ настолько привыкъ жить духовною жизнью всего міра, что у него неизбѣжно и вполнѣ законно возникаетъ вопросъ о томъ, каково соотношеніе между выдающимися русскими писателями и представителями духовной жизни остального цивилизованнаго міра, что новаго сказали русскіе мыслители, есть ли чему учиться Европѣ (и Америкѣ) у насъ?

Постараемся отвѣтить на эти вопросы по отношенію къ Н. К. Михайловскому. Михайловскій, какъ вождь цѣлаго направленія въ нашей литературѣ, Михайловскій, какъ публицистъ, Михайловскій, какъ критикъ, конечно, имѣлъ въ виду исключительно современную русскую дѣйствительность, и, поэтому, разсматривать эти стороны его дѣятельности съ точки зрѣнія духовной жизни Европы и Америки было бы не раціонально. Но Михайловскій, какъ философъ-соціологъ, имѣлъ передъ собою тѣ же задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ работали и мыслители всего остального міра. Поэтому отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ нужно искать лишь здѣсь — въ областяхъ философіи и соціологіи.

Существуетъ весьма простой способъ показать, какое мѣсто занялъ бы Михайловскій среди ученыхъ всего цивилизованнаго міра, если бы русскій языкъ пользовался такою же всеобщею извѣстностью, какъ языки французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій. Этотъ простой способъ состоитъ въ томъ, что мы можемъ указать имена нѣкоторыхъ весьма извѣстныхъ ученыхъ Западной Европы и Америки, ученыхъ, которые *позднѣе* Михайловскаго развивали взгляды, весьма сходные или даже тожественные со взглядами Михайловскаго, и ученія которыхъ пользуются теперь громкою извѣстностью. Въ самомъ дѣлѣ, можн

спорить о правильности или неправильности другихъ воззрѣній Михайловскаго, но, конечно, нельзя не признать, что, во всякомъ случаѣ, ему доставили бы громкую извѣстность уже *одни тѣ* его воззрѣнія, которыя, будучи высказаны значительно позже его Лестеръ Уордомъ, Тардомъ, Фуллье и Вильямомъ Джемсомъ, доставили этимъ ученымъ такую громкую извѣстность.

Правда, не такъ давно въ Парижѣ появилась небольшая книжка на французскомъ языкѣ, знакомящая публику съ сущностью взглядовъ Михайловскаго; но, во-первыхъ, это была лишь небольшая книжка, а во-вторыхъ, и это самое главное, она появилась лишь послѣ того, какъ Лестеръ Уордъ, Тардъ, Фуллье и В. Джемсъ опубликовали свои работы. Такимъ образомъ, Михайловскій, который писалъ *раньше* этихъ авторовъ, появился передъ европейской публикой значительно *позже* ихъ—невыгодное положеніе, выпавшее на долю не одного Михайловскаго среди русскихъ писателей...

Итакъ, наша задача заключается въ томъ, чтобы указать на пріоритетъ Михайловскаго въ созданіи нѣкоторыхъ ученій и въ выработкѣ нѣкоторыхъ идей, пользующихся теперь вниманіемъ всего цивилизованнаго міра.

Мы будемъ кратки и лишь отмѣтимъ пункты соприкосновенія, не входя въ детали, разработка которыхъ потребовала бы цѣлой книги.

Въ 1883 году Лестеръ Уордъ издалъ свою двухтомную „Динамическую Соціологію" (Dynamit Sociology). Всякій, читавшій эту работу Уорда, согласится съ нами, что основныя идеи автора, развитыя, напримѣръ, въ обширномъ предисловіи, имѣютъ значительное сходство съ системой мыслей Михайловскаго. Динамическая соціологія, это—ученіе объ активномъ прогрессѣ, противопоставляемомъ (стр. 56—57) прогрессу пассивному, при которомъ силы общества взаимодѣйствуютъ въ своей естественно-исторической, первобытной простотѣ, будучи подчинены лишь общимъ законамъ эволюціи (subject only to the laws ot evolution in general). Эта основная мысль Лестеръ Уорда есть, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и основная мысль Михайловскаго, высказанная имъ за много лѣтъ до Уорда. Сходство взглядовъ иногда доходитъ даже до мелочей терминологіи; такъ, когда Л. Уордъ противопоставляетъ (на стр. 28) другъ другу „anthropoteleology" и „theo-teleology", то всякій, конечно, вспомнитъ противопоставленіе Михайловскаго точекъ зрѣнія „субъективно-антропоцентрической" и „объективно-антропоцентрической". Когда, на стр. 68—9, Уордъ говоритъ объ „организаціи чувства", какъ о задачѣ соціологіи, и объ отношеніи къ познанію, то мы вспоминаемъ различеніе Михайловскаго между „правдой-истиной" и „правдой-справедливостью.

Перейдемъ теперь къ Тарду. Всѣмъ извѣстно ученіе Тарда

о подражаніи, доставившее ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ соціологовъ. Тардъ различаетъ два явленія: созданіе чего либо новаго и распространеніе этого новаго путемъ подражанія. „L'invention“ и l'imitation“—вотъ два основныя явленія соціальной жизни. Долженъ быть данъ толчекъ, должно возникнуть „l'invention“, и тогда изъ этого центра начинаютъ распространяться волны воздѣйствія на все общество путемъ „l'imitation“.

Нѣтъ надобности указывать читателямъ, насколько это ученіе Тарда было предвосхищено ученіемъ Михайловскаго о „герояхъ и толпѣ“.

Столько же очевидно и значительное сходство ученія Михайловскаго о роли субъективныхъ факторовъ съ ученіемъ Фуллье объ idées forces, ученіемъ, развитымъ Фуллье значительно позже Михайловскаго, а именно лишь въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ (см. Alfred Fouillée—La philosophie des idées-forces. Revue philosophique, 1879, № 7.) Сущность ученія Фуллье заключается въ томъ, что идея самымъ фактомъ своего существованія является силою, измѣняющею ходъ вещей въ направленіи своего идеала. Сходство этой мысли съ мыслями Михайловскаго очевидно.

Конечно, и Лестеръ Уордъ, и Тардъ, и Фуллье выработали системы, значительно отличающіяся (а во многомъ даже противорѣчащія) системѣ мыслей Михайловскаго. Здѣсь не мѣсто сравнивать достоинства этихъ различныхъ обработокъ: наша цѣль заключается лишь въ томъ, чтобы указать на значительное сходство (а порою и тожество) основныхъ идей—этого наиболѣе цѣннаго матеріала всякой системы мыслей.

Вилльямъ Джемсъ, получившій уже громкую извѣстность своими психологическими работами, направленными главнымъ образомъ на разрушеніе ассоціативной школы, издалъ, сверхъ того, въ 1897 году сборникъ этюдовъ подъ общимъ названіемъ: „The Will to Believe and other essays“, книжку, переведенную и на русскій языкъ подъ названіемъ: „Зависимость вѣры отъ воли“. Во всемъ ученіи Джемса элементъ воли, желанія, стремленія играетъ выдающуюся роль: идеалъ является основнымъ двигателемъ. Чтобы показать, до какой степени этотъ новѣйшій „волюнтаризмъ“ Джемса предвосхищенъ старымъ ученіемъ Михайловскаго, приведемъ, напр., слѣдующее мѣсто изъ вышеназваннаго сборника Джемса: „Въ наши дни эволюціонная философія представляетъ намъ новый этическій критерій для распознанія добра и зла. Прежніе критеріи, говоритъ она, будучи субъективными, оставляютъ насъ въ полной нерѣшительности среди самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Вотъ новый, вполнѣ объективный и точный критерій: *хорошо то, чему предназначено одержать верхъ, или пережить остальное.* Но мы тотчасъ замѣтимъ, что этотъ критерій можетъ остаться объективнымъ только въ томъ случаѣ, если

я со своимъ образомъ дѣйствій буду оставленъ въ сторонѣ. Если то, что одерживаетъ верхъ и переживаетъ остальное, можетъ дѣлать это только съ моей помощью и не въ состояніи обойтись безъ нея; если что-нибудь другое одержитъ верхъ, разъ я измѣню свой образъ дѣйствій,—какъ могу я, зная, что мнѣ доступны различные способы дѣйствій, и предполагая, что каждый изъ нихъ можетъ измѣнить ходъ событій, — какъ могу я ставить выборъ надлежащаго способа въ зависимость отъ вопроса, каковъ будетъ ходъ событій? Разъ послѣднія будутъ слѣдовать тому направленію, которое я имъ дамъ, я, очевидно, не долженъ ждать событій, чтобы направлять ихъ. Для эволюціониста единственный способъ быть вѣрнымъ своему знамени это—придерживаться слѣдующаго рабски-покорнаго метода: представить себѣ, каково было бы теченіе общественной жизни *безъ его участія*, подавить всѣ личныя желанія и интересы, затѣмъ на цыпочкахъ и съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдовать за этимъ теченіемъ въ самомъ хвостѣ, въ арьергардѣ. Нѣкоторыя благочестивыя существа, быть можетъ, найдутъ въ этомъ своего рода удовольствіе; однако, такой образъ дѣйствія не только противорѣчитъ свойственному намъ всѣмъ желанію быть всегда во главѣ, а не въ тылу... но, если только мы взглянемъ на него такъ, какъ нужно смотрѣть на этическій принципъ, — т. е., какъ на правило, годное для всѣхъ людей безъ исключенія—всеобщее примѣненіе его приведетъ къ его практическому опроверженію: на всѣхъ будетъ наложенъ запретъ, каждый правовѣрный станетъ колебаться и ждать приказаній отъ остальныхъ, послѣдуетъ всеобщій застой. Счастье, если хоть нѣсколько отступниковъ проявятъ иниціативу, которая снова все приведетъ въ движеніе!" (стр. 112—113). Не кажется ли эта цитата изъ Джемса выхваченною изъ статей Михайловскаго противъ крайностей дарвинизма въ соціологіи, изъ его статей о борьбѣ за индивидуальность, или изъ какой либо другой его статьи!? Такъ велико въ данномъ случаѣ сходство между Джемсомъ и Михайловскимъ! Однако, между ними есть и существенное различіе, но это различіе едва ли будетъ въ пользу Джемса. Дѣло въ томъ, что Михайловскій благоразумно ограничиваетъ могущество идеала соціальными явленіями, а Джемсъ считаетъ возможнымъ перенести дѣйствіе нашей воли и въ трансцендентный міръ. „Сознаюсь, говоритъ онъ (на стр. 69), что я не постигаю, почему бы самое существованіе невидимаго міра не зависѣло частью отъ того отвѣта, который каждый изъ насъ даетъ на призывъ религіи. Однимъ словомъ, въ зависимости отъ нашей вѣры, самъ Богъ, быть можетъ, становится все живѣе и реальнѣе".

Можно-ли послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что старый „волюнтаризмъ" Михайловскаго, извѣстный подъ именемъ „субъективизма", гораздо научнѣе новѣйшаго „волюнтаризма" Джемса и его многочисленныхъ поклонниковъ?

Не смотря на крайне неблагопріятныя условія, среди которыхъ развивалась русская литература и русская мысль, геній русскаго народа уже громко заявилъ о своемъ существованіи. Весь цивилизованный міръ начинаетъ интересоваться духовною жизнью русскаго народа. Во всемірномъ пантеонѣ имѣются уже представители не только русской художественной литературы, но и русской научной мысли: среди математиковъ мы видимъ Лобачевскаго, не говоря уже о другихъ, менѣе знаменитыхъ, среди естествоиспытателей—Менделѣева, Мечникова, Ковалевскаго, Сѣченова и др., а среди философовъ-соціологовъ мы имѣемъ полное право поставить имя Н. К. Михайловскаго.

П. Мокіевскій.

Изъ Англіи.

I.

Почти что тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ авторъ замѣчательнаго труда, вышедшаго въ 1776 г., писалъ: „Опытъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ доказалъ, я думаю, что трудъ рабовъ, не смотря на видимую свою дешевизну,—въ сущности, оказывается самымъ дорогимъ. Рабъ, не заинтересованный въ трудѣ, можетъ думать только о томъ, какъ бы поѣсть побольше и сработать поменьше... Когда рабъ сработалъ только, чтобы покрыть свои потребности, онъ успокаивается. Работу тогда изъ него можно только выжимать путемъ принужденія". Дальше авторъ выясняетъ экономическія причины, создающія рабство и потомъ прибавляетъ: „Въ силу своей гордости человѣкъ любитъ властвовать. Ничто такъ не оскорбляетъ его, какъ необходимость, заставляющая его порой *убѣждать* людей, стоящихъ ниже его. Гдѣ только законъ разрѣшаетъ, и гдѣ условія труда благопріятствуютъ,—человѣкъ предпочтетъ всегда трудъ рабовъ труду вольныхъ людей" *).

Въ этомъ письмѣ я хочу привести иллюстрацію къ послѣднему положенію Адама Смита. Иллюстрація покажетъ, я думаю, что, дѣйствительно, до настоящаго момента положеніе, что „человѣкъ предпочитаетъ трудъ рабовъ", находитъ себѣ краснорѣчивыхъ защитниковъ. Но, въ то же время, въ свободной странѣ прогрессъ демократіи выдвигаетъ все болѣе и болѣе мощныхъ противниковъ порабощенія, въ какой бы формѣ оно ни проявилось.

*) *Adam Smith*, The Wealth of Nations, Book III, chap. II.

Сознательная демократія не можетъ быть обманута хитрыми софизмами и красивыми доводами модернизированныхъ сторонниковъ рабскаго труда. Мы видимъ теперь, какъ ополчаются противъ новой попытки биржевого капитала одна за другой демократіи, входящія въ составъ мощнаго федеративнаго союза, которому имя Британская имперія.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этой иллюстраціи, я напомню въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ исторически одна форма рабства смѣняется другой. Ограничусь только Англіей. Въ своей „Исторіи Англіи“ Гринъ выясняетъ, какія послѣдствія имѣли войны VI и VII вѣковъ нашей эры. Въ Англіи... „онѣ создали не только королей и военное дворянство, но также и рабовъ“. У англовъ, какъ и у всѣхъ германскихъ народовъ, всегда былъ классъ рабовъ, но очень немногочисленный. Войны пополнили его. Никакое положеніе военноплѣннаго не спасало его отъ рабства... Классъ рабовъ скоро пополнился еще неимущими и преступниками. Голодъ заставлялъ „свободныхъ людей подставлять свою шею подъ ярмо рабства“. Несостоятельный должникъ бывалъ вынужденъ „бросить мечъ и копье свободнаго человѣка и замѣнить ихъ мотыкой раба“. Преступникъ, за котораго родственники не могли внести виру, становился рабомъ. Иногда отецъ, тѣснимый нуждой, продавалъ дѣтей въ рабство (bondage). Рабами становились также дѣти, рожденныя отъ матери рабыни, хотя бы отецъ былъ вольнымъ человѣкомъ. „Mine is the calf that is born of my cow“ (мнѣ принадлежитъ теленокъ, рожденный отъ моей коровы)—гласитъ старая англійская поговорка... „Мурьи рабовъ лѣпились вокругъ дома свободнаго человѣка. Плугари, пастухи, свинари, косцы, судомойки, дровосѣки—всѣ принадлежали къ классу рабовъ... Господинъ могъ убить своего раба, какъ скотину“. Рабъ не могъ искать защиты въ судѣ. Родственники убитаго раба не могли требовать вознагражденія. Если чужой убивалъ раба, то платилъ вознагражденіе хозяину. Если рабъ свершалъ преступленіе, то „платилъ за него своею шкурой“.

Въ XI вѣкѣ старая форма рабства исчезаетъ, между прочимъ, подъ вліяніемъ агитаціи церкви. Епископы отказывались хоронить по христіански всѣхъ тѣхъ, которые при жизни занимались ловлей и продажей рабовъ. Въ XI вѣкѣ епископъ Іоркскій Эгбертъ грозилъ отлучить отъ церкви всѣхъ тѣхъ, которые продадутъ дѣтей отдѣльно отъ родителей или жену отъ мужа. Убійство раба все еще не было преступленіемъ въ глазахъ государства, но составляло уже грѣхъ въ глазахъ церкви. Отпущеніе на волю по завѣщанію стало обычнымъ явленіямъ,—такъ какъ церковь учила, что это—богоугодное дѣло. „Обыкновенно рабъ освобождался предъ лицомъ алтаря,—говоритъ Гринъ. — Фактъ отмѣчался на поляхъ церковнаго Евангелія. Иногда господинъ ставилъ отпу-

скаемаго раба на перепутьи и разрѣшалъ ему идти, куда хочетъ. При болѣе торжественныхъ случаяхъ господинъ подавалъ рабу руку на съѣздѣ всего графства, указывалъ отпускаемому на открытую дверь и вручалъ ему мечъ и копье свободнаго человѣка. Въ 1016 г. воспрещено было вывозить на продажу рабовъ за предѣлы Англіи; но еще долго англійское дворянство богатѣло путемъ „выращиванія на продажу" рабовъ. „Уменьшеніе формальнаго рабства замѣнилось съ лихвой фактическимъ порабощеніемъ массъ". Одна форма неволи замѣнилась другой. Классъ рабовъ исчезалъ, за то свободные люди превращались все больше и больше въ крѣпостныхъ. „Вольный владѣлецъ надѣла (free holder), подчинявшійся только Богу и закону, попалъ, съ увеличеніемъ королевской власти, въ крѣпостную зависимость къ лорду", — говоритъ Гринъ. Крѣпостное право изчезло послѣ крестьянскаго возстанія Уота Тейлора. Въ силу ли своей любви къ владычеству, какъ объясняетъ Адамъ Смитъ, или въ силу экономическихъ условій, которыя отмѣчаетъ онъ же,—въ новыхъ территоріяхъ, пріобрѣтенныхъ Англіей, мало по малу возникало невольничество.

По утрехтскому мирному договору Англія пріобрѣла привилегію вывозить негровъ изъ Африки и продавать ихъ въ Америкѣ и въ Вестъ-Индіи. Это преимущество считалось крупной выгодой, добытой Англіей послѣ войны. Къ концу XVIII вѣка въ Англіи возникло движеніе противъ невольничества. Въ 1788 г. Вильямъ Вильберфорсъ внесъ въ парламентъ свой первый билль противъ торговли неграми, который встрѣтилъ рѣзкую оппозицію со стороны ливерпульскихъ работорговцевъ. Билль потерпѣлъ неудачу. Только черезъ 27 лѣтъ тотъ же билль прошелъ въ парламентѣ, не смотря на упорное сопротивленіе всей торійской партіи. Еще черезъ 18 лѣтъ, въ 1833 г., отмѣнено было невольничество въ британскихъ колоніяхъ, при чемъ рабы выкуплены за двадцать милліоновъ ф. ст.

Параллельно съ умираніемъ стараго невольничества возрождалась другая форма закрѣпощенія. Она явилась вмѣстѣ съ великимъ изобрѣтеніемъ, которое должно было вооружить человѣчество для борьбы съ природой. Въ 1764 г. Джэмсъ Уатъ открылъ практическое примѣненіе пара. Вмѣстѣ съ этимъ „рыночная цѣнность человѣка", по выраженію Аллэна Кларка, стала падать. Машина стала такъ разностороння, что приняла почти человѣческій характеръ. Въ то же время человѣкъ сталъ сводиться на уровень машины. „Машина стала безжалостнымъ хозяиномъ человѣка,—продолжаетъ Аллэнъ Кларкъ,—она отнимаетъ у него заработную плату, выбрасываетъ его съ теченіемъ времени въ ряды безработныхъ. Машина регулируетъ рабочіе часы, обѣдъ и отдыхъ. Современные работники походятъ на группу механическихъ автоматовъ, заведенныхъ паровой машиной. Не удиви-

тельно, что въ былое время, когда сталь впервые стала конкуррировать съ мышцами и нервами, работники въ ярости пытались разрушить неумолимаго соперника. По всей вѣроятности,—продолжаетъ Кларкъ,—они предвидѣли то рабство, которое принесетъ съ собою машина". Въ XV вѣкѣ новая система землевладѣнія породила въ Англіи бездомный классъ батраковъ, всецѣло зависѣвшихъ отъ лэндлорда. Виною закрѣпощенія была не земля, а форма владѣнія ею. То же самое можно сказать и о машинѣ. Она должна была принести съ собою облегченіе, а дала закрѣпощеніе. Причина лежала опять въ формѣ владѣнія. „Бѣдствіе заключалось въ томъ,—продолжаетъ Кларкъ,—что машина стала собственностью отдѣльныхъ личностей, быстро понявшихъ, какое могущественное орудіе находится у нихъ въ рукахъ. Чудовище, съ тѣломъ изъ стали, венами изъ паровыхъ трубокъ, мускулами изъ канатныхъ проводовъ и золотомъ, вмѣсто души или руководящей силы — вытѣснило изъ мастерскихъ ремесленниковъ, согнало ихъ въ одно помѣщеніе и крикнуло имъ: „вы будете здѣсь или умрете съ голода!" *).

Капиталъ пользовался чужими изобрѣтеніями. Въ 1779 г. Самуэль Кромптонъ изъ Болтона изобрѣлъ тонко - прядильную машину. „Безъ нея,—сказалъ Джонъ Брайтъ,—мы снова впали бы въ варварство". Машина эта сдѣлала многихъ фабрикантовъ милліонерами; но самъ изобрѣтатель умеръ въ великой бѣдности. Когда въ пятидесятыхъ годахъ Кромптону поставили бронзовый памятникъ въ Болтонѣ, то для церемоніи открытія привели единственнаго родственника изобрѣтателя—его престарѣлаго младшаго брата. Старика нашли въ рабочемъ домѣ и препроводили туда же послѣ того, какъ церемонія открытія памятника закончилась. „Какую яркую картину могъ бы нарисовать талантливый художникъ,—говоритъ цитированный уже авторъ. Бѣдняга изъ рабочаго дома смиренно стоитъ въ апплодирующей толпѣ и слушаетъ, какъ богачи, отвернувшіеся отъ его брата при жизни, произносятъ пышныя рѣчи предъ его памятникомъ". Та же судьба постигла Джона Кэя изъ Бюри, изобрѣтателя самолетнаго челнока, Джэмса Харгривса изъ Суэндхилла, изобрѣтателя трикопрядильной мюль-машины.

II.

Въ первые годы своего появленія машина принесла съ собою настоящее невольничество. Въ своей Industrial History of England, Гиббинсъ такъ описываетъ ужасы „англійскаго рабства", English Slavery, конца XVIII вѣка. „Фабрикантамъ нужны были во чтобы то ни стало работники, и они доставали ихъ изъ рабочихъ домовъ.

*) *Allen Clarke*, The Effects of the Factory System, Chapter I.

Фабриканты набирали тамъ бездомныхъ сиротъ, обѣщая выучить ихъ только что народившемуся промыслу. Владѣльцы фабрикъ уговаривались съ надсмотрщиками рабочихъ домовъ о днѣ, когда пріѣдутъ вербовать бѣдныхъ дѣтей. Послѣднихъ набирали партіями и доставляли на баркахъ по обводнымъ каналамъ на мѣсто назначенія. Съ этого момента начиналось невольничество. Были тогда и настоящіе рабовладѣльцы. Они набирали партіи дѣтей, держали ихъ въ погребахъ и потомъ перепродавали владѣльцамъ фабрикъ, которые предварительно тщательно изслѣдовали ростъ силу и здоровье товара, совсѣмъ какъ на невольничьихъ рынкахъ въ Южныхъ штатахъ. Дѣти становились настоящими невольниками фабриканта. Рабы эти не получали жалованья. Ихъ не нужно было даже кормить и одѣвать, какъ слѣдуетъ, — маленькіе невольники были страшно дешевы. Со смертью ихъ хозяинъ ничего не терялъ. Приходскіе старшины, чтобы отдѣлаться отъ идіотовъ, заставляли фабрикантовъ брать дурачковъ „на придачу": на сто здоровыхъ мальчиковъ—пять слабоумныхъ. Судьба идіотовъ была еще болѣе трагична, чѣмъ участь маленькихъ невольниковъ. Никто не интересовался узнавать, куда потомъ изчезали идіоты. На фабрикахъ дѣти работали по 16 часовъ въ день. Были придуманы жестокія средства, чтобы выжимать изъ маленькихъ дѣтей возможно большое количество труда. Работа не прекращалась даже по воскресеніямъ". „Въ вонючихъ, душныхъ комнатахъ, наполненныхъ оглушительнымъ грохотомъ машинъ, работали сотни голодныхъ, изнуренныхъ дѣтей, подбадриваемыхъ ударами жестокихъ надсмотрщиковъ или наказаніями, придуманными ненасытной жадностью". Маленькихъ невольниковъ кормили впроголодь, иногда вмѣстѣ со свиньями. Они спали поочередно на грязныхъ подстилкахъ, которыя никогда не остывали, потому что на мѣсто дневной смѣны являлась ночная. Нѣкоторые изъ маленькихъ невольниковъ пытались бѣжать. Такихъ держали въ цѣпяхъ, въ нихъ дѣти и спали. Такъ обращались одинаково, какъ съ мальчиками, такъ и съ дѣвочками. Многіе умирали. Ихъ тайно хоронили ночью въ глухомъ мѣстѣ, чтобы никто не видѣлъ могилъ.. Многіе кончали съ собою самоубійствомъ... Я долженъ еще прибавить,—продолжаетъ Гиббинсъ,—что въ то время, какъ тысячи дѣтей гибли на англійскихъ фабрикахъ въ лютой неволѣ, британскіе филантропы всецѣло были поглощены мнимыми или дѣйствительными страданіями негровъ невольниковъ въ отдаленныхъ странахъ. Философъ циникъ съ насмѣшливымъ хохотомъ можетъ отмѣтить, что въ Англіи на выкупъ черныхъ невольниковъ собирались деньги, накопленныя путемъ порабощенія бѣлыхъ" *). Трудно представить даже, гдѣ былъ предѣлъ скорби для маленькихъ невольниковъ всего только сто лѣтъ тому назадъ.

*) Industrial History of England. p. p. 178—181.

За самое ничтожное преступленіе противъ собственности (напр., за кражу пирога съ лотка), маленькіе невольники ссылались на каторгу въ Австралію. Весь этотъ порядокъ отошелъ уже давно въ область преданій. Прогрессъ демократіи измѣнилъ радикально все. Сама Австралія не только давно уже перестала быть мѣстомъ ссылки, но постаралась уничтожить всѣ слѣды ея. Когда Австралія добилась самоуправленія, она сожгла всѣ каторжныя тюрьмы, уничтожила старые архивы и измѣнила даже прежнія названія мѣстъ. Но у насъ есть страшный памятникъ: историческій романъ величайшаго австралійскаго писателя Маркуса Кларка—„For the term of his natural life" (Въ пожизненную каторгу). Авторъ описываетъ тюрьмы въ Тасманіи и въ Норфолькѣ (Страшный Норфолькъ—теперь мирная англійская маленькая колонія; отъ каторжной тюрьмы и отъ каторжныхъ порядковъ не осталось даже и слѣда). Между прочимъ, Кларкъ изображаетъ колонію маленькихъ каторжниковъ въ Пойнтъ-Пюрѣ, въ Тасманіи. Пополнялась она дѣтьми-невольниками.

„Въ то утро, — читаемъ мы въ романѣ, — въ Пойнтъ-Пюрѣ случилось небольшое происшествіе. Строптивый двѣнадцатилѣтній каторжникъ Питеръ Броунъ прыгнулъ со скалы въ море и утонулъ на глазахъ у надзирателей. Такіе случаи стали повторяться въ колоніи особенно часто". Смотритель, вмѣстѣ съ капитаномъ Фереромъ (директоромъ другой каторжной тюрьмы), просматриваютъ кондуитный списокъ маленькаго самоубійцы.

„Двадцатаго ноября,—читаютъ они,—за безпорядки—двѣнадцать плетей. 24 ноября, за дерзость больничному служителю—уменьшить діэту. Четвертаго декабря, за похищеніе шапки у другого арестанта — 12 плетей. 15 декабря, за молчаніе на по вѣркѣ — два дня въ карцерѣ. 23 декабря, за нарушеніи дисциплины—два дня въ карцерѣ. Восьмого января, за дерзость—12. плетей. Двадцатаго января, за дерзость—18 плетей. 22 февраля, за дерзость — 12 плетей и на недѣлю въ карцеръ. 6 марта, з дерзость—30 плетей *).

— Это было вчера?—спросилъ капитанъ Фереръ.

— Такъ точно,—отвѣтилъ надзиратель.

— И послѣ этого, онъ, гм... гм... сдѣлалъ это?

— Такъ точно.

„Послѣ обѣда капитанъ Фереръ осматривалъ тюремную школу. Все было въ образцовомъ порядкѣ. Въ обширной комнатѣ священникъ Мининъ разсказывалъ про то, какъ Христосъ любилъ маленькихъ дѣтей, а за стѣной былъ дворъ, гдѣ надзиратель отпускалъ имъ двадцать плетей". Покуда капитанъ осматривалъ образцовую колонію, жена его Сильвія оставалась на берегу, на той скалѣ, съ которой бросился въ воду Питеръ Броунъ.

---

*) Маркусъ Кларкъ писалъ все это на основаніи подлинныхъ документовъ.

„Вдругъ молодая женщина услыхала робкіе шаги. Обернувшись, она увидѣла маленькаго девятилѣтняго мальчика, съ шапкой въ одной рукѣ и съ молоткомъ въ другой. Много патетическаго было въ маленькой фигуркѣ, одѣтой въ сѣрое платье не по возрасту и державшей молотъ, слишкомъ тяжелый для крошечной рученки.

— Что тебѣ, крошка?—спросила Сильвія.

— Мы желали посмотрѣть на него,—сказалъ мальчикъ, раскрывъ широко глаза, когда услыхалъ ласковый голосъ.

— На него? На кого?

— На Броуна, на того, который сдѣлалъ „это“ сегодня утромъ. Онъ былъ намъ товарищъ. И мы хотимъ посмотрѣть, счастливое ли у него теперь лицо?

„Изъ-за угла вышелъ еще меньшій мальчикъ, тоже съ шапкой въ одной рукѣ и молоткомъ въ другой.

— Это—Билли,—объяснилъ первый мальчикъ.

„Когда Сильвію позвали, Томми и Билли привели въ исполненіе планъ, который обдумывали уже нѣсколько недѣль.

— Теперь я могу сдѣлать это,—сказалъ Томми.

— Будетъ очень больно?—спросилъ Билли, не отличавшійся такою храбростью, какъ его товарищъ.

— Нѣтъ, когда сѣкутъ, такъ больнѣе.

— Боюсь, Томми, тутъ такъ глубоко. Не покидай меня.

„Старшій мальчикъ снялъ платокъ съ шеи и привязалъ имъ свою лѣвую руку къ правой—товарища.

— Теперь я тебя не могу оставить,—сказалъ онъ.

„И мальчики поцѣловались и бросились въ море.

„Въ книгахъ отмѣтили событіе. Никто имъ не заинтересовался. Лондонскія тюрьмы переполнены такими Билли и Томми“.

Какимъ невѣроятнымъ кажется все это теперь тому, кто хоть отчасти знаетъ англійскую жизнь! Теперь маленькіе „Билли и Томми“ посѣщаютъ школу. Прогрессъ демократіи сказался въ томъ, что родные ихъ живутъ теперь въ хорошемъ помѣщеніи о 5—6 комнатахъ, читаютъ газеты, интересуются судьбами своего класса, группируются въ мощные союзы и пр. Закрѣпощеніе дѣтей на фабрикѣ стало страшнымъ преданіемъ далекаго прошлаго. Но приглядимся внимательнѣе къ дѣйствительности. Какъ естествоиспытатель узнаетъ въ щитѣ черепахи измѣненный скелетъ, такъ мы безъ труда найдемъ трансформированное рабство.

III.

Я не разъ уже пытался указывать въ моихъ статьяхъ на новый могучій факторъ, оказывающій свое вліяніе на современную жизнь Англіи—на биржевой капиталъ и на эмиграцію его въ колоніи. Въ зависимости отъ этого фактора находится въ значительной степени политика имперіализма. Старался я также выяснить, чѣмъ именно англійскій биржевой капиталъ отличается отъ французскаго, напр. *). Росту биржеваго капитала соотвѣтствуютъ, такъ называемыя, промышленныя колоніи, въ которыхъ мѣстныя богатства эксплуатируются принудительнымъ трудомъ туземцевъ. Въ этомъ отношеніи явленія повторяются съ удивительной правильностью. Подобныя промышленныя колоніи имѣлъ когда-то Кареагенъ, когда превратился въ банкира всего тогдашняго міра. Изъ-за промышленныхъ колоній Кареагенъ велъ упорную войну съ Греціей; изъ-за промышленной колоніи (Сициліи) Кареагенъ началъ борьбу съ Римомъ, которая закончилась гибелью биржеваго государства древняго міра.

Въ наше время характеръ британскаго биржеваго капитала выяснился съ особой выпуклостью въ Южной Африкѣ, исторія которой свѣжа у всѣхъ въ памяти. Капиталъ, переселившійся туда, потребовалъ труда невольниковъ для эксплуатаціи мѣстныхъ богатствъ—золотыхъ пріисковъ. Въ настоящій моментъ требованіе это выразилось особенно настоятельно. Стремленіе золотопромышленниковъ добыть дешевыхъ подневольныхъ работниковъ не ново. Уже при прежнемъ режимѣ въ Южной Африкѣ началась соотвѣтственная агитація. Въ декабрѣ 1897 г. парламентъ (volksraad) Южно-Африканской республики назначилъ, по желанію золотопромышленниковъ, коммиссію для разслѣдованія вопроса, какимъ образомъ достать возможно больше „смирныхъ“ работниковъ для пріисковъ. Приведу нѣсколько мѣстъ изъ отчетовъ этой коммиссіи.

— Я думаю,—показалъ одинъ изъ крупныхъ золотопромышленниковъ,—мы всѣ согласны въ одномъ: негры получаютъ слишкомъ большой заработокъ у насъ. Въ интересахъ дѣла имъ слѣдуетъ платить меньше.

---

*) „Британскій космополитизированный капиталъ распредѣленъ между сравнительно небольшимъ числомъ лицъ. Онъ не осторожный лавочникъ, страшащійся риска, а трасформированный викингъ, переправляющійся за море съ цѣлью захвата, грабежа и *господства*... Британскій космополитизированный капиталъ, какъ викингъ, не страшится опасныхъ, рискованныхъ предпріятій. Онъ имѣетъ много шансовъ проиграть, за то, выигравъ, не довольствуется малымъ, какъ французскій капиталистъ, а желаетъ всю ставку. Ему мало имѣть денежный рынокъ, но нуженъ еще полный контроль (для вѣрности) надъ нимъ.“ („Очерки Современной Англіи“, стр. 96).

— Думаете ли вы, что введеніе принудительнаго труда принесло бы пользу?—спросилъ предсѣдатель. На это послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ.

— Какимъ путемъ вы желаете уменьшить заработокъ кафровъ?

— Я просто скажу, что они получаютъ слишкомъ много, и предложу имъ половину ихъ нынѣшняго заработка.

— Предположимъ, карфы не согласятся и захотятъ уйти домой. Потребуете ли вы тогда у правительства, чтобы оно ввело принудительный трудъ?

— Разумѣется. Правительство можетъ заставить негровъ работать на пріискахъ, или обложить ихъ спеціальнымъ денежнымъ налогомъ.

Нѣкоторые изъ промышленниковъ ходатайствовали о томъ, чтобы каждый негръ былъ обязанъ работать на пріискахъ, хотя бы три мѣсяца въ году. Другіе же требовали полнаго закрѣпощенія, во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ на десять мѣсяцевъ.

При старомъ режимѣ денежный капиталъ велъ усиленную агитацію въ Южно-Африканской республикѣ въ пользу невольничества, которое прикрывалось благовидной формулой. „Бѣлые люди, — говорили капиталисты, — работаютъ. Они превратили Южную Африку изъ пустыни въ культурную страну. Справедливость требуетъ, чтобы и черные несли часть бремени бѣлаго человѣка. Ихъ тоже слѣдуетъ пріобщить къ цивилизаціи. А такъ какъ черные—лѣнтяи по природѣ и предпочитаютъ не имѣть потребностей, лишь бы только не оставлять своихъ деревень,—то необходимо принудить черныхъ къ труду (на пріискахъ, потому что негры и безъ того работаютъ у себя на поляхъ)“. Въ Родезіи процессъ „пріобщенія къ культурѣ“ былъ продѣланъ очень просто: компанія отобрала у негровъ ихъ землю и скотъ. Такъ какъ она, кромѣ того, ввела налогъ съ дыма, то негры должны были являться на пріиски. При всемъ желаніи капиталистовъ, въ остальныхъ частяхъ Южной Африки подобное пріобщеніе къ культурѣ не могло состояться.

Началась и окончилась война. Когда на пріискахъ снова закипѣла работа при новомъ режимѣ, заработная плата негровъ значительно сократилась. Въ 1898 г. они получали 47 ш. 1 п. въ мѣсяцъ, а послѣ войны—26 ш. 4 п. Въ результатѣ число негровъ работниковъ значительно сократилось.

Южно-африканская война была популярна среди массъ въ Англіи въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ. Англійскіе работники были убѣждены, что дѣло идетъ объ освобожденіи бѣлыхъ и черныхъ изъ подъ гнета олигархіи. Массы въ Англіи полагали, что новыя колоніи явятся громаднымъ и выгоднымъ рабочимъ рынкомъ. Когда война кончилась, въ Англіи всѣ говорили про эмиграцію въ широкихъ размѣрахъ. Возникали комитеты для по-

селенія британскихъ колонистовъ въ новыхъ колоніяхъ, затѣмъ общества для вывоза невѣстъ для новыхъ колонистовъ. „Times“ доказывалъ, что теперь вопросъ о безработныхъ въ Англіи разрѣшенъ: новыя колоніи возьмутъ весь излишекъ населенія. Намѣстникъ, лордъ Мильнеръ, которому поручили устроить новый край, крайне любопытный типъ. Это — идеальный чиновникъ, слѣпо вѣрующій въ силу циркулярнаго распоряженія, исходящаго за извѣстнымъ номеромъ изъ канцеляріи, въ особенности же если о распространеніи циркуляра заботится полиція. Путемъ циркуляра, по глубокому убѣжденію Мильнера, можно заставить людей отказаться отъ ихъ обычаевъ, забыть свои традиціи, можно даже измѣнить языкъ данной страны. Если написать соотвѣтственный циркуляръ, горожане превратятся въ земледѣльцевъ, люди начнутъ обработывать степь лопатой; даже безсловесные скоты, и тѣ по циркуляру будутъ плодиться и множиться, какъ имъ прикажутъ. Лордъ Мильнеръ—трудолюбивъ; но это трудолюбіе особаго рода, заключающееся въ томъ, что человѣкъ девять часовъ подрядъ можетъ сочинять циркуляры и подписывать бумаги. Лордъ Мильнеръ—нѣмецъ по происхожденію. Онъ—потомокъ цѣлаго ряда полицейскихъ гофратовъ. Намѣстникъ въ канцеляріи выработалъ громадный планъ. Циркуляры выпускались сотнями. И вотъ, когда на бумагѣ выходило, что все дѣло кончено, въ дѣйствительности весь проектъ, сочиненный въ канцеляріи, разсыпался, какъ карточный домикъ. Изъ горожанъ, которыхъ посадили на фермы, не вышли земледѣльцы. Они бросили свои участки и ушли въ города. Канцелярія сочинила планъ, какъ снабдить новыхъ колонистовъ женами. Но вывезенныя изъ Англіи дѣвушки попали въ притоны Іоганесбурга. Громадная полиція, которую завелъ Мильнеръ, съѣла всѣ рессурсы новыхъ колоній. Оказался громадный дефицитъ. По циркуляру въ Трансваалѣ долженъ былъ создаться противовѣсъ голландскому населенію изъ переселенцевъ англичанъ. Полагалось, что всѣ они „имперіалисты“. Но въ канцеляріи не предвидѣли одного. Золотопромышленники, воспользовавшись тѣмъ, что намѣстникъ всецѣло въ ихъ рукахъ, сократили заработную плату бѣлыхъ работниковъ на 75%. А за пять шиллинговъ въ день бѣлые отказались спускаться въ шахты. Кромѣ того, въ канцеляріи приняли всѣхъ бѣлыхъ работниковъ за безличныхъ людей. Полагалось, что они будутъ поступать, какъ прикажутъ; вмѣсто этого работники стали группироваться въ союзы. И вотъ въ то время, какъ намѣстникъ сообщалъ, что британскіе работники образуютъ въ Южной Африкѣ форпостъ имперіализма, золотопромышленники заявили, что для нихъ этотъ форпостъ страшнѣе стараго режима. Британскіе работники захотятъ быть силой. „Если бы мы замѣнили негровъ бѣлыми,—пишетъ одинъ изъ владѣльцевъ пріисковъ, — то они

скоро захватили бы все въ свои руки, Я предпочитаю лучше, чтобы мы были на верху".

„Я справлялся съ мнѣніемъ директоровъ Consolidated Gold Fields,—писалъ владѣлецъ другого пріиска,—относительно пользованія трудами бѣлыхъ работниковъ. Всѣ мы сходимся во взглядахъ. Бѣлые работники на пріискахъ крайне нежелательны. Въ Южной Африкѣ можетъ возникнуть такое же положеніе дѣлъ, какъ и въ Австраліи: работники могутъ пріобрѣсти такую силу, что будутъ диктовать намъ не только условія заработной платы, но также разрѣшеніе политическихъ вопросовъ, которые возникнутъ, когда новыя колоніи получатъ самоуправленіе".

И вотъ мало по малу стало выясняться, какіе именно работники желательны золотопромышленникамъ. Безъ сомнѣнія, негры представляютъ извѣстное удобство; но нехорошо по мнѣнію капиталистовъ то, что судьбою кафровъ интересуются многіе. Золотопромышленники пробовали было вступить въ сдѣлку съ черными царьками, чтобъ имѣть запасъ негровъ; но въ Англіи поднялся вопль о возвращеніи къ невольничеству. На придачу, послѣ войны негры въ британскихъ владѣніяхъ достигли извѣстной степени благосостоянія и не особенно охотно идутъ на пріиски, гдѣ заработная плата уменьшена на половину. Къ тому же золотопромышленники находятъ, что негры недостаточно ловки и трудолюбивы. Южно-африканскіе капиталисты вначалѣ нерѣшительно, потомъ смѣлѣе заговорили о работникахъ китайцахъ. Эти довольствуются ничтожнымъ заработкомъ, сыты горстью риса, не знаютъ промышленныхъ союзовъ, могутъ жить при какихъ угодно условіяхъ. На придачу, участью умершаго китайца рѣшительно никто не интересуется. Въ Южной Африкѣ отданъ былъ сигналъ, подхваченный и въ Англіи: агитировать въ пользу ввоза въ новыя колоніи китайскихъ кули.

„Южно-африканскіе капиталисты принялись за это со своею обычною ловкостью,—читаемъ мы въ крайне интересномъ памфлетѣ, вышедшемъ недавно.—Мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства существованія организованнаго заговора съ цѣлью ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе Англіи. Въ началѣ 1903 г. въ Трансваалѣ стали устраиваться „митинги", состоявшіе изъ наемниковъ капиталистовъ. На этихъ собраніяхъ принимались резолюціи въ пользу ввоза китайскихъ кули.

Полиція, находящаяся всецѣло въ рукахъ магнатовъ,—получила приказъ „выморозить оппозицію", если та подниметъ голосъ противъ кули. И когда въ августѣ 1903 г. ассоціація трансваальскихъ рудокоповъ устроила шесть митинговъ съ цѣлью протеста противъ „безчестныхъ способовъ, при помощи которыхъ добываются подписи подъ петиціей въ пользу китайскихъ кули",—сходки были сорваны наемными громилами при содѣйствіи полиціи. Мы можемъ представить доказательства,—продолжаетъ

памфлетъ,—что громилы получили по 15 шиллинговъ за свой трудъ. Владѣльцы пріисковъ затѣмъ стали систематически составлять отчеты о застоѣ въ дѣлахъ и о сокращеніи количества добываемой руды. Въ ходъ безъ всякаго стѣсненія были пущены всякія средства, которыя могутъ произвести впечатлѣніе на британскую публику. Южно-африканская печать почти всецѣло находится въ рукахъ капиталистовъ. Телеграфныя агентства и корреспонденты англійскихъ газетъ тоже приняли участіе въ игрѣ. „Times“ занялся китайскими работниками, какъ нѣкогда набѣгомъ Джэмсона“ *).

Намѣстникъ находится всецѣло въ рукахъ южно-африканскихъ милліонеровъ. Его не трудно было убѣдить въ необходимости китайцевъ, хотя самъ онъ до того времени постоянно говорилъ въ своихъ депешахъ о томъ, что Южная Африка должна быть страною бѣлыхъ. Осенью прошлаго года Мильнеръ назначилъ спеціальную коммиссію для изслѣдованія вопроса, необходимы ли китайцы. Она состояла изъ 13 человѣкъ. Изъ нихъ девять были заранѣе извѣстны, какъ крайніе сторонники ввоза китайскихъ кули. Изъ остальныхъ—одинъ отказался отъ участія въ работахъ коммиссіи. Послѣдняя допросила почти исключительно только золотопромышленниковъ. Въ отчетахъ имѣются показанія только двухъ негритянскихъ вождей; бѣлыхъ работниковъ совсѣмъ не допрашивали. Коммиссія дала два отчета: большинства и меньшинства. Первый отчетъ подписали десять человѣкъ. Выводы его слѣдующіе: 1) спросъ на трудъ туземцевъ со стороны землевладѣльцевъ значительно превышаетъ предложеніе. Чѣмъ страна больше развивается, тѣмъ спросъ увеличивается; 2) на пріискахъ спросъ на трудъ кафровъ превышаетъ на 129.000—предложеніе. Между тѣмъ горное дѣло развивается, и черезъ пять лѣтъ въ одномъ только округѣ Witwatersrand понадобится на 196.000 работниковъ больше, чѣмъ теперь; 3) всюду въ Трансваалѣ спросъ на трудъ черныхъ значительно превышаетъ предложеніе; 4) ни въ Южной Африкѣ, ни въ Центральной Африкѣ нѣтъ достаточныхъ кадровъ для вербовки.

Выводъ былъ очевиденъ. Южную Африку можетъ спасти только трудъ китайцевъ. Отчетъ меньшинства очень любопытенъ. „Мы не можемъ принять ни цифръ, ни выводовъ отчета коммиссіи,—читаемъ мы.—Онъ основанъ, главнымъ образомъ, на показаніяхъ Горной палаты (Chamber of Mines), задача которой охранять интересы золотопромышленниковъ и акціонеровъ. Горная палата состоитъ изъ людей, дѣйствующихъ по инструкціямъ, полученнымъ отъ королей биржи. Каковы симпатіи этихъ королей, можно видѣть изъ показанія Хенена Дженингса. „Бѣлые работники явятся, но я не желаю, чтобы они явились“... Горная па-

*) British Workmen or Chinese Slaves. 1904. p. 13.

лата доказала, что она желаетъ имѣть подневольный трудъ инородцевъ".

Отчетъ меньшинства отрицаетъ, что бѣлые не станутъ выполнять ту работу, для которой хотятъ ввозить инородцевъ. Онъ ссылается на Австралію. Весь вопросъ въ хорошемъ вознагражденіи. Число работниковъ, будто бы требуемое на пріискахъ, крайне преувеличено. Больше 75 тысячъ негровъ не можетъ потребоваться для пріисковъ. А такое число работниковъ можно всегда навербовать, если предложить хорошую заработную плату.

Заключеніе отчета меньшинства очень любопытно. „Мы должны еще обратить вниманіе ваше (намѣстника) на то, что минеральныя богатства Трансвааля составляютъ собственность всего населенія колоніи, какъ бѣлаго, такъ и цвѣтнокожаго, а не пріѣзжихъ капиталистовъ. Поэтому, пріиски должны разработываться мѣстнымъ населеніемъ".

Когда намѣстникъ получилъ отчеты, онъ согласился съ большинствомъ, и, не теряя времени, въ совѣщательный комитетъ былъ внесенъ проектъ закона о ввозѣ въ Трансвааль китайцевъ. Бывшія голландскія республики теперь коронныя колоніи. Онѣ покуда не имѣютъ самостоятельнаго выборнаго парламента, какъ Австралійская республика, Канада или какъ Капская колонія. Мѣстныя дѣла вѣдаетъ Совѣщательный комитетъ, состоящій изъ коронныхъ чиновниковъ и изъ нѣсколькихъ обывателей, *по назначенію* правительства. Совѣщательный комитетъ, поэтому, всецѣло находится въ рукахъ золотопромышленниковъ. Послѣ короткаго совѣщанія комитетъ принялъ проектъ закона о ввозѣ китайскихъ кули *). Въ этомъ документѣ не даромъ усмотрѣли всѣ характерныя черты невольничества. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ нѣкоторые пункты.

„Китайскій работникъ обязанъ служить хозяину, который ввезъ его, или тому, кому владѣлецъ переуступитъ свои законныя права".

„Китаецъ не имѣетъ права вести торговлю, заниматься ремесломъ или снимать землю. Онъ не имѣетъ никакихъ экономическихъ правъ".

„Китаецъ-работникъ обязанъ жить въ казармахъ, указанныхъ ему его хозяиномъ. Безъ спеціальнаго письменнаго разрѣшенія на каждый разъ отъ хозяина китаецъ не можетъ выйти изъ казармъ".

„Полицейскій обязанъ арестовать китайца, если встрѣтитъ его на улицѣ безъ установленнаго и письменнаго разрѣшенія отъ хозяина при себѣ".

„Всякій, кто укроетъ у себя китайца-работника, убѣжавшаго отъ хозяина, кто подстрекаетъ китайца оставить хозяина

---

*) The Draft Ordinance for Regulating the Introduction of Asiatic Labour.

или вообще нарушить эти постановленія,—подлежитъ тюремному заключенію до трехъ мѣсяцевъ, или денежному штрафу до пятидесяти фунтовъ“.

Такимъ образомъ, во первыхъ, проектъ закона лишаетъ китайца, какъ когда то негра-невольника, всѣхъ гражданскихъ правъ. Кули превращается въ товаръ, который ввозятъ, перепродаютъ и хранятъ въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ. Въ силу закона, возможно покарать тюремнымъ заключеніемъ человѣка, который далъ напиться китайцу, убѣжавшему отъ хозяина. Составители закона приняли мѣры, чтобы бѣлые работники не могли убѣждать кули устраивать союзы или присоединиться къ существующей уже организаціи. Всякая дѣятельность подобнаго рода предусмотрѣна въ пунктѣ, гдѣ говорится вообще „о какомъ бы то ни было посягательствѣ на интересы хозяина“. Когда то рабовладѣлецъ покупалъ негра въ полную собственность, безъ опредѣленія срока. Въ интересахъ хозяина было по возможности беречь невольника и не надрывать его чрезмѣрной работой, какъ не выгодно извозчику, напр., сразу надорвать своего коня. По проекту закона хозяинъ пріобрѣтаетъ китайца *на срокъ*, на три года. Послѣ этого владѣлецъ долженъ отправить китайца обратно на родину. Такимъ образомъ, не въ интересахъ хозяина беречь свою рабочую скотину. Наоборотъ, можно думать, что владѣлецъ постарается выгнать изъ своего китайца возможно больше рабочихъ часовъ. Китайцевъ много и заступиться за нихъ некому.

Проектъ закона былъ принятъ очень быстро въ Совѣщательномъ комитетѣ; но оставался еще верховный контроль: нужно было убѣдить общественное мнѣніе въ Англіи, потому что безъ согласія британскаго парламента всякое распоряженіе коронной колоніи недѣйствительно. Съ этой цѣлью Мильнеръ прислалъ въ Лондонъ рядъ депешъ, вышедшихъ отдѣльными книгами. Особый интересъ представляетъ „Бѣлая книга“, вышедшая въ февралѣ 1904 г.; состоитъ она, большею частью, изъ депешъ, въ которыхъ лордъ Мильнеръ отстаиваетъ необходимость кули для Трансвааля. Такъ, въ депешѣ отъ 29 января Мильнеръ сообщаетъ, что въ „новыхъ колоніяхъ проектъ, выработанный Совѣщательнымъ комитетомъ, повидимому, уже не имѣетъ болѣе противниковъ“. Мильнеръ упоминаетъ, что недавно подана даже ему петиція, покрытая многочисленными подписями. Въ этой петиціи просятъ намѣстника принять скорѣе проектъ закона.

„Такимъ образомъ,—заключаетъ Мильнеръ,—общественное мнѣніе въ новыхъ колоніяхъ, повидимому, вполнѣ сочувствуетъ ввозу законтрактованныхъ китайцевъ-работниковъ“... Во всякомъ случаѣ, оппозиція не подала никакой петиціи отъ себя. Громадное большинство голландскаго населенія,—по заявленію Мильнера,—несомнѣнно сочувствуетъ проекту. „Правительство имѣетъ всѣ полномочія, — говорятъ буры, — такъ пусть же оно введетъ мѣру.

которую считаетъ справедливой". Дальше въ „Бѣлой книгѣ" Мильнеръ доказываетъ, что китайцы необходимы, такъ какъ число черныхъ работниковъ на пріискахъ уменьшается. „Каждый безпристрастный человѣкъ скажетъ,—продолжаетъ Мильнеръ,—что больше негровъ-работниковъ достать невозможно". Когда общественное мнѣніе въ Англіи подготовлялось къ южно-африканской войнѣ, Мильнеръ усердно цитировалъ въ своихъ депешахъ передовыя статьи мѣстныхъ газетъ. Теперь извѣстно, что почти вся южно-африканская пресса находилась въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Возьмемъ, напримѣръ, дѣятельность журналиста Монейпени, спеціально выписаннаго въ 1898 г. Сесилемъ Родсомъ въ Іоганесбургъ. Какъ главный редакторъ, онъ писалъ передовыя статьи въ *Ioganesburg Star*, въ которыхъ обличалъ „крюгеровскій режимъ". Какъ корреспондентъ *Times*, *Daily Telegraph* и *Morning Post*, онъ передавалъ эти передовыя статьи по телеграфу въ Англію. Мильнеръ же цитировалъ тѣ же статьи цѣликомъ въ своихъ депешахъ, какъ образчикъ „общественнаго мнѣнія". Теперь все это извѣстно. И вотъ въ своей депешѣ, помѣщенной въ упомянутой „Бѣлой книгѣ", Мильнеръ говоритъ: „Я бы могъ привести отзывы мѣстныхъ газетъ, чтобы показать, какъ общественное мнѣніе теперь сочувствуетъ ввозу китайцевъ; но кредитъ южно-африканскихъ газетъ почему то подорванъ теперь въ глазахъ англійской публики". Мильнеръ всетаки приводитъ передовыя статьи двухъ англійскихъ газетъ, выходящихъ въ Наталѣ.

Насколько справедливо заявленіе намѣстника о томъ, что голландское населеніе за проектъ, показываетъ петиція бурскихъ генераловъ, посланная министру колоній. Въ числѣ подписавшихся мы видимъ Боту, Деларея, Бургера, Эразмуса, Гроблера, Вильджойна и др. „Въ виду вашего заявленія въ парламентѣ,—говорится въ петиціи,—что населеніе Трансвааля сочувствуетъ ввозу кули, мы позволяемъ себѣ напомнить вамъ, что проектъ закона никогда не подвергался обсужденію народныхъ представителей. Мы хорошо освѣдомлены о настроеніи голландскаго населенія и можемъ увѣрить васъ, что подавляющее большинство его — безусловно противъ проекта, который вырабатывался заинтересованными лицами. Появленіе китайцевъ гибельно отзовется на интересахъ, какъ бѣлаго, такъ и чернаго населенія колоній. Въ виду крайней важности проектируемой мѣры, мы увѣдомляемъ правительство, что большинство населенія Трансвааля не только не сочувствуетъ ей, но считаетъ ее даже гибельной. Временная заминка на рабочемъ рынкѣ отнюдь не можетъ явиться оправданіемъ мѣры".

Министръ колоній отвѣтилъ генераламъ, что рабочая коммиссія безусловно констатировала недостатокъ въ работникахъ, какъ на фермахъ, такъ и на пріискахъ. Приходилось, однако, одолѣть еще одну преграду.

Англійская публика питаетъ глубокое отвращеніе къ принудительному труду. Она симпатизировала южно-африканской войнѣ потому, между прочимъ, что была увѣрена, что дѣло идетъ объ освобожденіи негровъ изъ подъ голландскаго ига. Въ особенности же англійская публика враждебно относится къ китайцамъ-кули. Капиталистамъ приходилось дѣйствовать съ оглядкой. И вотъ „патріотическія“ газеты получили приказъ подготовить общественное мнѣніе въ Англіи къ тому, что ввозъ китайцевъ необходимъ. Въ своемъ усердіи пресса капиталистовъ зашла очень далеко. Нужно было доказать публикѣ, что положеніе дѣлъ въ Южной Африкѣ отчаянное, что пріиски гибнутъ, и только дешевый трудъ можетъ спасти ихъ. Годъ тому назадъ тѣ же газеты доказывали, что дѣла въ Южной Африкѣ обстоятъ великолѣпно, что все процвѣтаетъ и благоденствуетъ. Теперь въ тѣхъ же самыхъ изданіяхъ тѣ же самыя лица перерисовывали свою розовую картину черной краской.

И вотъ въ ультра-консервативной и ультра-джингоистской „Pall Mall Gazette“ появляется письмо изъ Іоганесбурга. Корреспондентъ доказываетъ, что теперь на пріискахъ въ двадцать разъ хуже, чѣмъ при Крюгерѣ. „Если дѣла при крюгеровскомъ режимѣ обстояли здѣсь плохо,—пишетъ корреспондентъ,—то теперь они въ двадцать разъ хуже. Застой во всемъ ужасный. Положеніе—отчаянное. На пріискахъ есть работа для 250 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ тысячи бездѣльниковъ бродятъ праздно, живутъ Богъ вѣсть чѣмъ, спятъ гдѣ попало и проклинаютъ день, когда имъ пришла несчастная мысль отправиться въ Южную Африку. Само собою разумѣется, что нищета породила эпидемію преступленій. Беззаконіе всюду поразительное. Грабежи происходятъ постоянно. Каждую ночь свершаются разбои на улицахъ, при чемъ жертвы предварительно оглушаются ударами полотняныхъ трубокъ, набитыхъ пескомъ. Въ XVIII вѣкѣ Hampastad Heath *) представлялъ бо́льшую безопасность, чѣмъ теперь — окраины Іоганесбурга. Неосторожный прохожій почти навѣрное столкнется здѣсь съ господами, не дерзающими показаться днемъ на улицахъ города.

„Безъ сомнѣнія воры, большею частью, вербуются изъ такъ называемыхъ отбросовъ Европы; но полиціи извѣстно, что не всѣ преступники принадлежатъ къ этому классу. Грабежомъ и разбоями теперь занимаются люди, которые недавно еще были вполнѣ респектабельны. Годъ тому назадъ они пришли бы въ ужасъ отъ одной мысли украсть серебряную монету или принять участье въ уличной дракѣ. Всѣ европейцы, которые не имѣютъ средствъ

*) Предмѣстье Лондона. Теперь излюбленное фабричными мѣсто гулянья, когда-то—притонъ разбойниковъ, карауливших почтовыя кареты, прибывавшія въ столицу.

сводить концы съ концами,—неизбѣжно превращаются здѣсь въ бродягъ, преступниковъ и въ дикарей. Совершенно напрасно убѣждать ихъ потерпѣть до тѣхъ поръ, пока дѣла въ колоніи поправятся. Эти бродяги не могутъ терпѣть. Они голодны, оборваны. Ихъ спальня — Жубертовъ паркъ. Тамъ кочуютъ цѣлыя шайки босяковъ. Безработные все народъ отчаянный. Они цѣпко держатся за жизнь и хотятъ сохранить ее хотя бы даже цѣной преступленія. Больше того. Безработные съ ненавистью глядятъ на входы въ пріиски, мечтаютъ о богатствахъ, находящихся тамъ, и не хотятъ отказаться отъ мысли, что виновниками всеобщей нищеты являются золотопромышленники. Если анархическія идеи начнутъ распространяться среди безработныхъ, то можно себѣ представить, какихъ страшныхъ размѣровъ достигнетъ тогда беззаконіе и въ какихъ ужасныхъ формахъ оно проявится.

„Кромѣ капиталистовъ, безработный считаетъ своимъ лютымъ врагомъ начальство. При крюгеровской распущенной полиціи любящіе беззаконіе чувствовали себя отлично и свободно. Теперь полиція здѣсь заведена образцовая, строгая, бдительная, на лондонскій образецъ. Безработный чувствуетъ, что слишкомъ стѣсненъ бдительнымъ надзоромъ властей. На все начальство, отъ губернатора до простаго сыщика, онъ смотритъ, какъ на своихъ враговъ. Іоганесбургъ теперь мѣсто, которое можетъ привести въ отчаяніе. У кого имѣются средства, оставляютъ городъ. Остаются головорѣзы. Они сидятъ на мели и не имѣютъ средствъ тронуться съ мѣста. Правда, они могли бы отправиться по бродяжеству пѣшкомъ въ Родезію или въ Капскую колонію, но головорѣзамъ это принесло бы мало пользы. Въ новыхъ мѣстахъ они попали бы только изъ огня въ полымя, потому что всюду такой же застой, какъ и въ Іоганесбургѣ. Наиболѣе честные изъ бродягъ добираются, однако, пѣшкомъ до портоваго города; здѣсь они молятъ капитановъ купеческихъ кораблей взять ихъ домой за какую-нибудь работу. Въ Южную Африку эти бродяги пріѣхали въ первомъ классѣ, а въ Англію возвращаются, въ качествѣ кочегаровъ“ *).

Какой же выходъ изъ этого „отчаяннаго положенія“? Китайскіе кули. Дешевый трудъ „спасетъ пріиски“ и, такимъ образомъ, всю Южную Африку. Имѣя дешевыхъ работниковъ, золотопромышленники расширятъ предпріятія и „такимъ образомъ“, въ концѣ концовъ, всѣ бродяги какъ-то найдутъ себѣ заработокъ. Дѣйствительно ли положеніе золотопромышленниковъ такое отчаянное, какъ выставляютъ его они сами? Въ прошломъ году пріиски дали дивидендъ до 180% на акцію. Это же совсѣмъ похоже на раззореніе. Интересно наблюдать, какъ круто перемѣнили фронтъ капиталистическія газеты по отношенію къ труду китайцевъ. Въ 1891 г. „Times“ доказывалъ, что необходимо устроить

---

*) Pall Mall, Gazette 1904, Ianuary 16.

массовое переселеніе безработныхъ изъ Англіи въ Южную Африку. Такимъ образомъ, говорила газета биржевого капитала, разрѣшится многое. Во-первыхъ, рабочій рынокъ въ Англіи станетъ свободнѣе и, вслѣдствіе того, заработная плата повысится. Во-вторыхъ, въ Южной Африкѣ явится сплоченное англійское населеніе, которое составитъ противовѣсъ голландскому. „Times“ доказывалъ, что бѣлые работники хотя и дороже, но все же выгоднѣе цвѣтнокожихъ, а въ особенности китайцевъ.

„Мы противъ китайскихъ работниковъ по соображеніямъ экономическимъ, моральнымъ и санитарнымъ—говоритъ передовая статья „Таймса“.—Китаецъ, вслѣдствіе своей нетребовательности страшно обезцѣниваетъ трудъ. Онъ можетъ жить при такихъ условіяхъ, которыя для европейца равносильны смерти... Китайцу все равно, въ какой берлогѣ онъ живетъ или какія лохмотья носитъ. Китаецъ, живущій среди бѣлыхъ, не только понижаетъ заработную плату, но и общій уровень потребностей (the standard of living). Китайцы-работники, кромѣ того, ввозятъ съ собою несказуемые противоестественные пороки. Бѣлое населеніе съ ужасомъ думаетъ, что желтокожіе могутъ развратить ихъ дѣтей. Къ этому нужно прибавить еще, что китаецъ невѣроятно грязенъ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ не можетъ сравниться рѣшительно никто... Мы суммируемъ наши соображенія: запрещеніе китайцамъ въѣзда въ Южную Африку является мѣрой первой важности“ *). Меньше чѣмъ черезъ два года газета круто измѣнила фронтъ. „Ввозъ китайцевъ-работниковъ въ Трансвааль является вопросомъ первой государственной важности — пишетъ теперь „Times“. До тѣхъ поръ, пока главный промыселъ нашей новой колоніи не достаточно развитъ, нечего и думать объ облегченіи финансовыхъ затрудненій или о поднятіи благосостоянія Трансвааля... Благосостояніе колоніи вполнѣ зависитъ отъ преуспѣянія пріисковъ. Если имъ не хватаетъ работниковъ, золотые пріиски не могутъ процвѣтать. Черные не являются въ достаточномъ количествѣ. Такимъ образомъ, китайцы являются единственнымъ разрѣшеніемъ вопроса... Въ Англіи найдутся многіе, которые станутъ по этому поводу праздно болтать на тему о введеніи въ двадцатомъ вѣкѣ невольничества; но слѣдуетъ думать и о спасеніи имперіи“ **).

Послѣдній аргументъ поставилъ защитниковъ новой формы невольничества въ нѣсколько неудобное положеніе. Дѣло въ томъ, что Австралійская республика и Новая Зеландія безусловно противъ иммиграціи цвѣтнокожихъ работниковъ, а въ особенности китайцевъ. Республика поставила даже недавно ультиматумъ метрополіи и потребовала удаленія всѣхъ цвѣтнокожихъ кочегаровъ съ англійскихъ пароходовъ, заходящихъ въ австралійскія

---

*) Times, 1902, VIII, 30.
**) Times, 1904, January, 28.

гавани. Министръ колоній отказался подчиниться, тогда федеративный парламентъ прекратилъ субсидію, выдаваемую англійскимъ пароходамъ, поддерживающимъ сообщеніе между метрополіей и республикой. Годъ тому назадъ, послѣ бурныхъ дебатовъ, федеральный парламентъ не только запретилъ ввозить канаковъ-работниковъ, но постановилъ высылать на родину всѣхъ канаковъ, живущихъ въ республикѣ. И вотъ, когда въ Австраліи узнали про проектъ, выработанный Совѣщательнымъ совѣтомъ Трансвааля, тамъ начался рядъ митинговъ противъ ввоза китайцевъ. Движеніе приняло такой характеръ, что премьеры Австралійской республики и Новой Зеландіи послали протестъ министру колоній. „Мы сражались не за то, чтобы капиталисты ввели невольничество" — сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей премьеръ Новой Зеландіи. Противъ проекта высказалась также и Капская колонія. Итакъ, ссылка „Times'а" на имперію не подтвердилась. Золотопромышленники нашли другихъ защитниковъ.

Въ первую голову среди сторонниковъ невольничества стали... священники. Аргументы ихъ очень любопытны. Вотъ выдержка изъ письма, помѣщеннаго въ „Times" *) и принадлежащаго ректору церкви Св. Маріи въ Іоганесбургѣ. „Развитіе пріисковъ, отъ которыхъ зависитъ все благосостояніе страны, абсолютно необходимо,— говоритъ авторъ... Съ этой цѣлью намъ нужны китайцы-работники... Нѣкоторые говорятъ, что безнравственно ввозить работниковъ безъ ихъ семействъ и что это, будто бы, порождаетъ порокъ. Но, во первыхъ, приняты мѣры, чтобы вмѣстѣ съ китайцами ввозили и ихъ семейства. Во вторыхъ, какъ англичане могутъ толковать на эту тему, когда ничего не имѣютъ противъ отправки солдатъ въ дальнія колоніи. Солдатъ, конечно, посылаютъ безъ семействъ. Сумма человѣческаго зла не увеличится также отъ того, что китаецъ станетъ курить свою трубку не въ Шанхаѣ, а на пріискѣ въ Іоганесбургѣ. И если наша нравственность такое нѣжное растеніе, которое можетъ завянуть отъ одного лишь присутствія китайцевъ, то стоитъ ли охранять ее. Отъ себя скажу,—продолжаетъ ректоръ церкви Св. Маріи,—что меня привлекаетъ возможность евангельской проповѣди среди всѣхъ этихъ людей, скученность которыхъ является крайне благопріятнымъ условіемъ. Я надѣюсь, многіе изъ этихъ язычниковъ возвратятся на родину добрыми христіанами. Съ ввозомъ китайцевъ для церкви открываются блестящія перспективы. Негры, работавшіе на пріискахъ, превращались въ отличныхъ дѣтей церкви. То же самое, безъ сомнѣнія, будетъ и съ китайцами. Я увѣренъ, что хозяева, которые взялись блюсти нравственность китайцевъ, позаботятся, чтобы миссіонерская дѣятельность на пріискахъ *не встрѣчала затрудненія въ деньгахъ*". Служители церкви не изобрѣтательны въ при-

*) February 18, 1894, p. 5.

думываніи аргументовъ. Съ такою же защитой невольничества выступали въ началѣ XIX вѣка священники на хлопковыхъ плантаціяхъ въ Южныхъ Штатахъ. Ректоръ церкви Св. Маріи горитъ такимъ желаніемъ обратить язычниковъ, что забываетъ даже о правдѣ. Такъ, въ началѣ письма онъ ставитъ положеніе: „пріисковое дѣло въ Южной Африкѣ, вслѣдствіе недостатка въ работникахъ,—падаетъ“. Факты таковы. Въ январѣ 1903 г. на пріискахъ въ Іоганесбургѣ добыто 190.000 унц. золота, а въ январѣ 1903 г.—288.000 унц. (на сумму 1.226.000 ф. ст.). Пріиски принадлежатъ 120 компаніямъ, которыя за послѣднія пять лѣтъ выдали 20 мил. ф. ст. дивиденда, въ общемъ, отъ 5 до 187% на акцію.

IV.

Рабочая коммиссія была назначена въ Трансваалѣ въ іюлѣ прошлаго года. Она имѣла цѣлью выяснить, можно ли найти въ центральной или въ южной Африкѣ новыхъ цвѣтнокожихъ работниковъ для пріисковъ. Коммиссія пришла къ выводу, что на пріискахъ чувствуется недостатокъ въ кафрахъ-работникахъ.

„Выслушавъ показанія многочисленныхъ свидѣтелей, — говорится въ отчетѣ коммиссіи,—мы пришли къ слѣдующему выводу Недостатокъ въ цвѣтнокожихъ работникахъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что негры первобытный, земледѣльческій и пастушескій народъ. Потребности ихъ крайне ничтожны и легко покрываются... Многіе свѣдующіе свидѣтели, кромѣ того, показали, что высокая заработная плата невыгодно отразилась на числѣ работниковъ-негровъ, являющихся на пріиски. Такъ какъ ничтожныя потребности негровъ легко удовлетворяются, то у работниковъ при высокой платѣ легко накопляется излишекъ. Тогда негръ оставляетъ пріискъ, уходитъ домой и обзаводится собственнымъ хозяйствомъ. Когда же послѣ войны золотопромышленники понизили заработную плату, то негры стали искать другую работу и перестали являться на пріиски“.

Вотъ какъ объясняетъ коммиссія тотъ фактъ, что число негровъ работниковъ на пріискахъ сократилось послѣ войны.

Затѣмъ жестокое обращеніе съ неграми на пріискахъ тоже является одною изъ причинъ сокращенія числа черныхъ работниковъ. Въ „Синей книгѣ“, выпущенной въ прошломъ году по поводу трансваальскихъ дѣлъ, мы находимъ, между прочимъ, показанія священника Дайка.

„Багуты говорятъ, что ихъ заставляютъ, когда они являются на пріиски, работать подъ землей при невозможныхъ условіяхъ. Негры говорятъ также, что съ ними обращаются очень жестоко, бьютъ ихъ, часто увѣчатъ и прогоняютъ калѣками“. Вотъ еще показаніе объ обращеніи съ зулусами.

„Жизнь на пріискахъ для нихъ, конечно, гораздо тяжелѣе, чѣмъ дома... О сравненіи не можетъ быть даже и рѣчи. Я видѣлъ больныхъ зулусовъ, которые валялись, повидимому, безъ всякаго призора, у дверей бараковъ“. Вождь племени мдламбъ жалуется, что съ его родовичами обращаются на пріискахъ очень жестоко.

— Жаловались ли вы и прежде на это? — спросилъ предсѣдатель коммиссіи, отчетъ которой составилъ упомянутую „Синюю книгу“.

— Нѣтъ, такое жестокое обращеніе началось послѣ войны,— отвѣтилъ вождь.—Теперь всюду на пріискахъ негровъ поощряютъ къ работѣ кнутомъ.—О томъ, какъ тяжело положеніе негровъ на пріискахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ Англіи, въ шахтахъ, одинъ на тысячу рудокоповъ становится жертвою несчастья. Въ южно-африканской войнѣ смертность была 40 на 1000. Въ Compounds же, т. е. въ баракахъ на пріискахъ, умираютъ отъ 70—106 на тысячу. Среднимъ числомъ на пріискахъ работаютъ около 58.000 негровъ. Изъ нихъ каждый мѣсяцъ умираютъ 345 человѣкъ.

Если вдуматься въ эти цифры, то фактъ недостатка негровъ-работниковъ объясняется проще, чѣмъ у соціологовъ новой формаціи, какъ напр., у Кида, который наговорилъ очень много о „долгѣ“ бѣлыхъ людей „пріобщить къ цивилизаціи, хотя бы и путемъ принужденія“ черныхъ, довольствующихся по лѣности своей низкой культурой. Негры пріобщались къ культурѣ бѣлыхъ оригинальнымъ путемъ: введеніемъ особаго налога съ дыма. Для пользованія его нужны были наличныя деньги, а послѣднія можно добыть только на пріискахъ. Съ тою же просвѣтительною цѣлью обложили налогомъ, какъ предметъ роскоши, каждую лишнюю жену, которую заводитъ себѣ негръ.

V.

Во всякой другой странѣ проектъ закона, лишающаго группу людей всѣхъ гражданскихъ правъ, прошелъ бы совершенно незамѣтно. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ не мало случаевъ, когда подобныя мѣры принимались на континентѣ и принимались совершенно незамѣченными для большинства. Что полисмэнъ можетъ арестовать всякаго кули, котораго встрѣтитъ на улицѣ за порогомъ отведенныхъ ему казармъ—конечно, ужасно. Но не ужасно ли также и то, что не въ Южной Африкѣ, а гораздо ближе, можно гонять по тюрьмамъ человѣка, не сдѣлавшаго ничего дурного, если у него въ карманѣ случайно не окажется „письменнаго разрѣшенія“ оставить отведенное ему мѣсто!

Въ Англіи проектъ, выработанный въ Совѣщательномъ коми-

тетѣ въ Южной Африкѣ вызвалъ взрывъ негодованія. Сперва забила тревогу оппозиціонная пресса. „Въ проектѣ закона, выработаннаго Совѣщательнымъ комитетомъ—пишутъ „Daily News",—нѣтъ параграфа, охраняющаго китайца во время его путешествія въ Южную Африку; затѣмъ — проектъ не опредѣляетъ продолжительности рабочаго дня и умалчиваетъ о томъ, какъ будетъ получать кули свой заработокъ. Кули будетъ прикованъ къ пріиску. Хозяинъ можетъ перепродать китайца. Если съ работникомъ плохо обращаются, онъ лишенъ возможности жаловаться (китаецъ, конечно, не получитъ письменнаго разрѣшенія отъ хозяина, чтобы пойти въ судъ жаловаться). Китаецъ не можетъ уйти отъ жестокаго хозяина. Никто не имѣетъ права защитить обиженнаго кули. Все это—невольничество въ самомъ неприкрашенномъ видѣ... Британскіе граждане должны протестовать и всѣми силами бороться противъ того, чтобы на честь ихъ родины было наброшено несмываемое пятно" *). За прессой выступили частныя лица. „Я не понимаю,—пишетъ Гаркортъ,—какимъ образомъ свободный англичанинъ можетъ защищать проектъ, вводящій въ новую колонію невольничество... Проектъ этотъ—пятно на нашей репутаціи. Политика коронной колоніи опредѣляется центральнымъ правительствомъ. Какое право имѣетъ правительство слагать съ себя отвѣтственность, утверждая, что проектъ является выраженіемъ воли колоніи"! Затѣмъ протесты посыпались со всѣхъ концовъ громадной имперіи. Синяя книга, вышедшая 3 марта 1904 г., наполнена такими протестами изъ Австраліи, Новой Зеландіи, Капской колоніи и пр.

„Люди, агитировавшіе недавно въ пользу войны,—говорится въ одномъ протестѣ,—теперь всѣми силами борются за ввозъ китайскихъ кули. Ради корыстныхъ цѣлей они не останавливаются предъ колоссальнымъ преступленіемъ" (Blue Book, p. 18). Наконецъ, въ самомъ Лондонѣ устроился громадный митингъ для протеста противъ возвращенія къ невольничеству. Но самый большой митингъ еще впереди. Онъ долженъ состояться на лондонскомъ форумѣ, въ Гайдъ-паркѣ. На мѣстныхъ выборахъ въ Англіи проектъ Совѣщательнаго комитета принесъ много непріятностей министерству. Изъ-за него консерваторы потеряли нѣсколько мѣстъ. Все это отразилось на страницахъ послѣдней „Синей книги". Не смотря на вліяніе царей биржи и намѣстника, въ послѣднихъ депешахъ министра колоній начинаетъ сказываться колебаніе. Но цѣлью моего письма было только показать, какъ денежный капиталъ, эмигрирующій въ колонію, проявляетъ стремленіе возродить невольничество. И если это намѣреніе встрѣчаетъ отпоръ, то не со стороны церкви, а отъ проснувшейся демократіи.

Діонео.

*) D. N., March 4, 1904.

Буреносцы.

(Письмо изъ Германiи).

I.

Тяжелое впечатлѣнiе производитъ послѣдняя комедiя Зудермана: „Буреносецъ Сократъ“ (Sturmgeselle Sokrates) *). Она представляетъ политическую сатиру и рисуетъ, говоря словами самого автора, „паденiе и разложенiе демократiи среди нѣмецкаго бюргерства, которое принесли съ собою семидесятые годы,—подъ гнетомъ не однихъ бисмарковскихъ идей и успѣховъ“. Этотъ трагическiй моментъ далъ автору матерiалъ не для трагедiи, а лишь для комедiи... Авторъ самъ видѣлъ въ юности бывшихъ „героевъ 1848 года“; онъ самъ наблюдалъ, какъ въ то время, „когда на площадяхъ, на страницахъ газетъ и на каѳедрахъ торжествовало опьяненiе бисмарковскимъ либерализмомъ“, „они пили свое пиво, держали зажигательныя рѣчи, щекотали кельнершъ и опускались все ниже и ниже“... „Величайшiй трагизмъ,—говоритъ авторъ,—какой только знаетъ человѣческое существованiе, нисхожденiе къ банальности, всегда разыгрывается въ комическихъ формахъ“ **).

Впрочемъ, комедiя вышла тяжелая. Донъ-Кихоты и Санчо-Пансо нѣмецкаго либерализма—такъ можно безъ натяжки охарактеризовать дѣйствующихъ лицъ зудермановской сатиры.

На первомъ планѣ стоитъ здѣсь самъ „буреносецъ Сократъ“, или, по просту говоря, старый радикалъ, Альбертъ Гартмейеръ, зубной врачъ въ мелкомъ городкѣ на восточной окраинѣ Пруссiи. Это человѣкъ съ безспорнымъ политическимъ прошлымъ и, если онъ говоритъ, что ради черно-красно-золотого знамени онъ пожертвовалъ своей карьерой, своимъ существованiемъ, цѣлями своей юности, вѣрой въ свое будущее,—однимъ словомъ, „всѣмъ-всѣмъ“,— то онъ совершенно правъ. Какъ видно изъ его словъ, 48-й годъ засталъ его студентомъ въ университетѣ. Увлеченный движенiемъ, онъ былъ арестованъ и на судѣ произнесъ тогда рѣчь, которая „стала знаменитой“. Въ этой рѣчи онъ говорилъ, между прочимъ: „и если вы, господа судьи, дадите мнѣ кубокъ съ ядомъ, то я сумѣю найти достойную смерть, какъ философъ, вѣрный своимъ идеаламъ“. За это его прозвали въ кружкахъ Сократомъ. За тюрьмой послѣдовала высылка. Прошло много лѣтъ... Добившись по-

*) Hermann Sudermann. Der Sturmgeselle Sokrates. Stuttgardt u. Berlin, 1903.
**) Hermann Sudermann. Die Sturmgesellen. Berlin, 1903. стр. 5—8.

ложенія зубного врача въ провинціи, Гартмейеръ не переставалъ принадлежать къ обществу „братьевъ бури“ или „штурмгезеллей“, которое, по его словамъ, „было основано старыми бойцами Гартмейръ сорокъ восьмого года, испытанными въ борьбѣ и вѣрности“. Во времена „мрачнѣйшей реакціи“, когда у нашего героя были уже дѣти, мѣстнымъ ландратомъ былъ возбужденъ противъ него и другихъ „буреносцевъ“ процессъ о „демагогическихъ проискахъ“ и принадлежности „къ тайному сообществу“; процессъ окончился благополучно, архивъ и документы „братьевъ бури“ остались неразысканными; сообщество ихъ, однако, было оффиціально распущено. Это было во времена Гервега и Фрейлиграта, пока не умерли еще Вальдекъ и Кошъ, Говербекъ и Циглеръ...

Кромѣ Гартмейера, къ обществу буреносцевъ принадлежитъ еще бывшій податной инспекторъ Штельцель, который „пожертвовалъ своимъ кускомъ хлѣба, своими средствами существованія, всѣмъ, что у него было,—ради цѣлей братства бури“; двадцать лѣтъ спустя онъ съ горечью вспоминаетъ о той минутѣ, когда у него потребовали „ключъ отъ его бюро“. „Государство отказалось отъ моей службы,—говоритъ онъ,—и я отказываюсь отъ его титула. Я берегу въ себѣ свободную человѣчность... Быть человѣкомъ—это все“. Ему пришлось промѣнять должность податного инспектора на болѣе чѣмъ скромное положеніе страхового агента „по градобитіямъ“.

Другіе члены союза „буреносцевъ“ тоже пострадали въ свое время, хотя значительно меньше. Такъ, учитель Бореціусъ навѣки оказался привязаннымъ къ маленькому восточно-прусскому городку; баронъ ф. Лаукенъ-Нейгофъ былъ подвергнутъ въ свое время тюремному заключенію. Надо полагать, что процессъ, который закончился закрытіемъ и распущеніемъ сообщества, доставилъ въ то время немало тяжелыхъ минутъ всѣмъ членамъ сообщества.

Теперь мы застаемъ „братьевъ бури“ уже въ періодѣ упадка. Число ихъ членовъ уменьшилось за 25 лѣтъ съ нѣсколькихъ десятковъ до пяти человѣкъ. Предсѣдатель ихъ тайнаго общества бар. Лаукенъ, носящій среди членовъ имя „старца съ горы“, уже пять лѣтъ совершенно не посѣщаетъ собраній. Нѣсколько лѣтъ подрядъ они уже не ведутъ никакихъ протоколовъ, а собираются въ отдѣльной комнатѣ „Имперскаго орла“ только за тѣмъ, чтобы „мирно и непринужденно излиться за кружкой пива относительно... печальнаго хода вещей“,—какъ говоритъ Гартмейеръ, или посидѣть въ своемъ кругу со своей національной міровой скорбью, со своимъ ворчаньемъ и „пивнымъ филистерствомъ“, какъ выражается по тому-же поводу „старецъ съ горы“. Однако и этимъ мирнымъ засѣданіямъ былыхъ бойцовъ за свободу грозитъ бѣда. Хозяинъ „Имперскаго орла“, получившій въ наслѣдство вмѣстѣ со своимъ рестораномъ и комнату

тайныхъ засѣданій буреносцевъ, находитъ, что при маломъ ихъ числѣ уже становится невыгоднымъ шесть дней держать комнату пустой, чтобы одинъ разъ въ ней засѣдали пять человѣкъ: „такъ называемые идеалы должны что-нибудь приносить,—говоритъ трактирщикъ Макроцкій: — иначе они неправильные идеалы!..“ „Изъ такого революціоннаго соединенія, по его мнѣнію, должно что-нибудь получаться и для гешефта“; не менѣе устарѣлыми представляются ему и ветхія знамена, украшающія тайную комнату засѣданій: „со времени Кениггреца и Седана“, по его мнѣнію, — „черно-красно-золотая комплексія“ сдѣлалась нѣсколько старомодной... Заступничество буреносца Спинозы, попросту раввина Маркузе, спасаетъ на этотъ разъ комнату засѣданій съ архивомъ тайнаго общества, въ которомъ, въ качествѣ „священнаго достоянія“, сложены ихъ „рѣчи“, ихъ „постановленія“ и „пѣсни“, съ ихъ выцвѣтшими фотографіями и знаменами, которыя тоже, увы! поблѣднѣли, такъ-какъ, по словамъ трактирщика, „почти 25 лѣтъ никакой ситецъ не выдержитъ“...

И Боже мой, что это за печальныя засѣданія! Главную роль играетъ пиво, „бѣлокурая сладкая Ида“ и ребяческая комедія звонкихъ рѣчей, фантастическихъ постановленій и вздорныхъ, мелочныхъ споровъ изъ за выѣденнаго яйца. „Донъ-Кихотъ“ старой бюргерской революціи изливается въ напыщенныхъ, заученныхъ рѣчахъ временъ Блюма, Гервега и Фрейлиграта: черно-красно-золотыя знамена для него по-прежнему „знамена нашей надежды, хоругви нашего воодушевленія“. „Знамя буреносцевъ мы держимъ высоко“,—говоритъ Гартмейеръ-Сократъ. Онъ именуетъ себя „сыномъ народа“, „мужемъ свободы“; онъ ощущаетъ въ себѣ порой „дыханіе пробужденнаго былого героизма“; онъ обладаетъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, которые, „будучи закалены несчастіемъ, очищены отреченіемъ, тѣмъ ярче будутъ сіять въ высокомъ мужествѣ, освѣщая тернистую тропу“... Учитель Бореціусъ, прозванный Джіордано Бруно, говоритъ не менѣе возвышенно: „Друзья буреносцы! Я являюсь тѣмъ между вами, которому грозитъ опасность потерять, благодаря предстоящему слѣдствію, свой хлѣбъ, свое гражданское благосостояніе, свое имя. Но... взываю къ вамъ: не тревожьтесь о моей судьбѣ. Рѣшайте такъ, какъ будто-бы меня уже давно не было. Съ радостью я принесу въ жертву мою жизнь“... Даже Штельцель-Катилина не перестаетъ вспоминать о томъ, какъ „онъ пострадалъ для цѣлей буреносительства“, какъ „25 лѣтъ тому назадъ у него потребовали ключъ отъ его бюро“...

И на ряду съ этой декламаціей—заигрываніе старичковъ съ „бѣлокурой сладкой Идой“. Не смотря на то, что самъ Гартмейеръ въ свое время женился на кельнершѣ и былъ счастливъ съ этой женщиной, которая одна пришла къ нему на помощь въ то время, когда всѣ его покинули,—нашъ буреносецъ Сократъ

цѣлуетъ въ общей компаніи „сладкую Иду“, пишетъ гимны нѣмецкимъ женщинамъ, то есть разнымъ „очаровательнымъ, молоденькимъ вдовушкамъ“, и называетъ свою старуху „прозой“ жизни...

Примѣру Сократа слѣдуютъ другіе буреносцы. Занятъ Идой и почтенный бакалейный торговецъ Томашекъ, носящій, какъ членъ тайнаго сообщества, гордое наименованіе Понятовскаго; въ особенности Джіордано Бруно — сирѣчь учитель Борецiусъ. Вообще,—если вѣрить Зудерману,—именно бѣлокурая красавица играла роль одной изъ важнѣйшихъ приманокъ въ тайныхъ собраніяхъ буреносцевъ, и когда одинъ изъ членовъ говоритъ Макроцкому о пріятности выпить въ „Имперскомъ орлѣ“ добрую кружку пива, то сметливый трактирщикъ не безъ язвительности замѣчаетъ: „Да, въ особенности, когда подаетъ ее бѣлокурая Ида“...

Напыщенныя и пустыя рѣчи, бѣлокурая Ида, пиво, старыя, затасканныя фразы среди старыхъ, выцвѣтшихъ знаменъ и дѣтская игра въ тайное революціонное общество!.. Словно отъ какой-то другой планеты оторвался островъ изъ бурной эпохи и перелетѣлъ чудеснымъ образомъ въ другую атмосферу на чуждыя скалы. Окруженные новой обстановкой, новыми людьми, лишенные пониманія этого новаго, странные пришельцы рѣшили во имя старыхъ идеаловъ сохранить свои церемоніи и обряды, по прежнему служить свою „красную“ обѣдню. Они и не замѣтили, какъ одушевлявшая ихъ вѣра перешла постепенно въ низменное щекотаніе старческихъ инстинктовъ... Это случается часто тамъ, гдѣ мелкая кружковщина лишаетъ людей притока свѣжаго воздуха, гдѣ они искусственно суживаютъ свой міръ и подмѣняютъ общество опредѣленнымъ числомъ извѣстныхъ лицъ, съ опредѣленными взглядами, привычками, вкусами и манерами. Эту черту филистерской кружковщины надо отмѣтить въ особенности у нѣмцевъ и при томъ именно за такъ называемымъ Stammtisch'емъ.

Вернувшись вечеромъ съ работы и зайдя домой поужинать, нѣмецъ непремѣнно исчезаетъ въ ресторанъ или кафе выпить кружку пива. И тамъ онъ сидитъ цѣлыми часами или одинъ, за газетой, или вмѣстѣ съ пріятелями, за особымъ столикомъ. Здѣсь къ пивному священнодѣйствію присоединяется еще какое-нибудь побочное занятіе. Иногда это карты, которыя все больше и больше входятъ въ употребленіе, иногда шахматы, шашки, билліардъ. Однако этимъ аккомпаниментомъ пиву часто не удовлетворяются. Кружокъ постоянныхъ друзей за пивнымъ столикомъ изобрѣтаетъ какую-нибудь особенную цѣль и занятіе и создаетъ маленькій ферейнъ. Одинъ такой ферейнъ ставитъ своей задачей изученіе итальянскаго языка и Италіи, другой — графологію или гаданіе по линіямъ рукъ. Одинъ допускаетъ только разговоры о политикѣ, другой—только объ искусствѣ. Кружки вокругъ такихъ особыхъ столиковъ—Stammtisch'ей—специализируются. Идейная приправа

къ пиву получаетъ опредѣленный характеръ. Но къ этому надо присоединить еще одно обстоятельство: нѣмецъ любитъ свой ресторанъ, свое мѣсто, свой Stammtisch и свой ферейнъ. И если онъ сегодня избралъ опредѣленное мѣсто у своего пива, то онъ придетъ и завтра, и послѣ завтра, и черезъ недѣлю, и черезъ двѣ. Правда, современная жизнь большого города въ извѣстной степени убиваетъ этотъ пивной консерватизмъ, но и теперь еще можно встрѣтить филистеровъ, которые съ гордостью заявляютъ, что они по двадцати лѣтъ подрядъ, безъ малѣйшаго перерыва сидятъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, у своего Stammtisch'а и выпиваютъ свою кружку пива. И имъ не прискучиваетъ ни пиво, которое тамъ пьется, ни стѣны, среди которыхъ происходятъ возліянія, ни пріятели, съ которыми повторяются все одни и тѣ же разговоры, ни темы, однообразныя, какъ осенній дождь, и безсодержательныя, какъ само пиво. Такой кружокъ пивного столика выполняетъ одну изъ провиденціальныхъ задачъ въ жизни филистера. Съ одной стороны, онъ даетъ ему полную возможность на время забыться и уйти отъ настоящей жизни, съ другой—избавляетъ отъ необходимости изобрѣтать что-нибудь новое, думать надъ неизвѣстнымъ, реагировать на новыя ощущенія, вліянія, факты. Stammtisch это—аппаратъ для консервированія филистерскихъ мозговъ и сердецъ, добровольная тюрьма для самодовольной лѣни. И нельзя лучше характеризовать этотъ консерватизмъ пивного столика, какъ словами Катилины-Штельцеля въ зудермановской сатирѣ: „Жизнь кончена, фюить... приходитъ буря въ имперіи... приходитъ Седанъ... Они не замѣчаютъ ничего... не хотятъ ничего видѣть“...

Но у пивной кружковщины за трубкой табаку и кружкой пива есть еще одно достоинство: она создаетъ кажущуюся жизнь. Какъ вѣчно-зеленая памела или плющъ на помертвѣвшемъ стволѣ дерева,—ритуалъ и церемоніи общественной жизни прикрываютъ собою полную гниль содержанія. Съ внѣшней стороны—все въ въ порядкѣ: и предсѣдатель, и порядокъ дня, и споры, и пренія, и лишенія голоса, и протесты. По истинѣ комическое впечатлѣніе производитъ то мѣсто зудермановской комедіи, гдѣ предсѣдательствующій въ собраніи буреносцевъ, Штельцель-Катилина, сначала торжественно дѣлаетъ перекличку наличнымъ: Гартмейеру, Томашеку и Бореціусу, затѣмъ пресѣкаетъ всякія попытки назвать его не оффиціальнымъ именемъ, грозитъ усмирить всякое „озорничество“ со стороны пріятелей, мѣшаетъ бѣдному Томашеку-Понятовскому поѣсть, лишаетъ Гартмейера слова, призываетъ къ порядку и отчаянно звонитъ, пока не прибѣгаетъ перепуганная Ида и не успокаиваетъ чарами своихъ прелестей расходившагося предсѣдателя, а также и Сократа, желающаго свергнуть его, во имя великихъ идей и великаго прошлаго!..

Таково зрѣлище, представляемое засѣданіемъ буреносцевъ, и

оно ни въ чемъ ни отличается отъ тысячи пивныхъ ферейновъ спортивнаго или quasi - просвѣтительнаго характера. Но у этой комедiи есть и серьезная сторона, на которую слѣдуетъ обратить вниманiе: игра и горделивыя воспоминанiя о прошломъ здѣсь освобождаютъ отъ всякой отвѣтственности за настоящее, за логическую послѣдовательность поступковъ, за соцiальную вялость и лѣность былыхъ героевъ. И опять здѣсь пригодилась замкнутость и тина маленькаго пивного омута. „Кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку"; у всѣхъ однѣ и тѣже былыя заслуги и полное соцiальное разслабленiе въ настоящемъ, всѣ одинаково потеряли почву подъ ногами и хотятъ играть въ старыя вылинявшiя тряпки. „Вы мученики, вы герои,—говоритъ имъ „старецъ съ горы", распуская „тайное общество",—вы думаете, что вы удивительно много стòите съ вашею парою затхлыхъ фразъ и оборотовъ! А между тѣмъ вы знаете совершенно точно, что за ними ровно ничего нѣтъ! Посмѣете ли вы еще вѣрить въ ваше право? И кто вамъ далъ это право? Безхозяйныя идеи такъ же безполезны, какъ безхозяйныя собаки. За ними должны стоять цѣльные люди, иначе—пусть идутъ къ чорту! Буреносцы мертвы, какъ сама смерть. Настало время похоронить ихъ".

Приговоръ совершенно справедливый, но, консервированное за пивнымъ Stammtisch'емъ, общество буреносцевъ не скоро-бы еще развалилось, если бы случайныя обстоятельства не поставили ихъ въ соприкосновенiе и съ новымъ поколѣнiемъ, и съ старыми ихъ врагами.

Новое демократическое движенiе прошло не только совершенно мимо ихъ, но даже вызываетъ ихъ порицанiе. Характеренъ въ этомъ отношенiи разговоръ между самимъ Гартмейеромъ и его сыномъ Фрицемъ.—Вотъ ваше новое поколѣнiе, говоритъ отецъ: что выходитъ изъ вашей работы?—„Человѣчность, отецъ".—Мы понимали человѣчность нѣсколько иначе, сынъ мой.—„Мiръ уже не тотъ. Что съ этимъ подѣлаешь?"—Чего не надо дѣлать—вотъ въ чемъ вопросъ. Или ты считаешь правильнымъ бѣгать вмѣстѣ съ мѣсильщиками глины или крючниками за безсовѣстными народными соблазнителями?—„Да, милый отецъ, отвѣчаетъ Фрицъ: такими безсовѣстными соблазнителями были и вы когда-то. Что-же касается мѣсильщиковъ глины и крючниковъ, то и они ищутъ той самой человѣчности, которой не можетъ имъ дать одна работа".

Въ лицѣ Гартмейра - отца старое бюргерство отказывается отъ всякой солидарности съ рабочимъ движенiемъ. Дѣти принадлежатъ уже къ новому бюргерскому обществу и являются, такъ сказать, прямыми преемниками прежнихъ черно-красно-золотыхъ идей. Вполнѣ понятно поэтому, что старый Гартмейеръ съ особымъ энтузiазмомъ отвѣчаетъ на предложенiе Маркузе—ввести молодежь въ среду буреносцевъ: „это великая идея, это спасенiе, это возрожденiе! Мы приведемъ на наши пути ближайшiя поко-

лѣнія. Мы посѣемъ въ странѣ драконово сѣмя"... Однако опытъ не удается: старшій сынъ Гартмейера, дантистъ Фрицъ, на первыхъ же шагахъ прегрѣшаетъ противъ принциповъ штурмгезеллей тѣмъ, что идетъ лѣчить больной зубъ охотничьей собаки заѣзжаго принца по приглашенію ландрата, а другой, Рейнгольдъ, въ концѣ концовъ, тоже расходится съ отцомъ и съ буреносцами.

Этотъ молодой человѣкъ представляетъ собою типичную фигуру для современнаго бюргерскаго общества.

Въ Рейнгольда старый „Сократъ" вѣритъ, какъ въ самого себя. По его словамъ, это „юноша съ огненной душой, полный воодушевленія и юношеской силы"; онъ принадлежитъ въ университетѣ къ демократическому землячеству Арминовъ, исповѣдуетъ старыя отцовскія идеи и носитъ на груди ленту черно-красно-золотого цвѣта... И за нимъ, говоритъ отецъ, стоятъ тысячи. Но исповѣданіе вѣры этого юноши очень далеко отъ преданій „буреносцевъ". — „Бисмаркъ опять завоевалъ намъ свободу,—говоритъ онъ:—при помощи нѣмецкаго оружія снизошелъ на насъ опять блескъ старыхъ Гогенштауфеновъ, и воронамъ уже не надо летатъ вокругъ Кифгейзера. Поэтому и должны мы съ нѣмецкой вѣрностью стоять у знаменъ нашей арміи"... Когда возмущенный отецъ-демократъ требуетъ послѣ этихъ словъ, чтобы сынъ снялъ съ себя цвѣта Арминовъ, оказывается, что и всѣ члены землячества думаютъ такъ же, какъ этотъ юноша: землячество превратилось въ аристократическую корпорацію, корпоранты вращаются только въ средѣ офицерства; кто не совсѣмъ „шикъ", не можетъ къ нимъ принадлежать, а бѣднаго Маркузе младшаго они всячески унижаютъ и, наконецъ, лишаютъ своего общества только потому, что онъ еврей. Въ угоду отцу Рейнгольдъ принимаетъ его предложеніе вступить въ общество буреносцевъ, но затѣмъ втихомолку издѣвается надъ стариками: „старые такъ комичны". А когда братъ его, по спеціальности дантистъ, указываетъ ему нечестное его поведеніе въ отношеніи къ отцу, то герой нѣмецкой вѣрности сначала оскорбляется на брата, а потомъ вспоминаетъ, что онъ корпорантъ и... успокаивается, такъ-какъ „то, что называется зубнымъ врачемъ, не можетъ его оскорбить"...

Характеренъ также разсказъ молодого еврея Маркузе объ его жизненномъ дебютѣ.

— Знаешь-ли ты, что такое еврей, отецъ?—спрашиваетъ онъ стараго демократа рабби. — „Ну, я думаю, что я это узналъ на цѣлую человѣческую жизнь раньше, чѣмъ ты"—отвѣчаетъ отецъ.— Именно поэтому ты этого и не знаешь. Ты живешь, такъ сказать, въ состояніи невинности,—поучаетъ юноша отца и разсказываетъ ему о тѣхъ безчисленныхъ пощечинахъ, которыя онъ получалъ только потому, что онъ Маркузе, и у него еврейскій носъ. Ни въ одно землячество студенты его не принимали.

Стоило ему въ студенческой кнейпѣ назвать свою фамилію, какъ сейчасъ же начинались въ его присутствіи еврейскіе анекдоты. Тогда юноша рѣшилъ покорить своихъ товарищей своимъ умомъ, образованіемъ, находчивостью. Но и это не удалось, и онъ озлобился.

— Вы желаете имѣть насъ врагами,—говоритъ онъ:—вы будете имѣть насъ врагами. Посмотримъ, кто изъ насъ останется побѣдителемъ.—„И ты думаешъ, что ты вправѣ ожесточаться"—спрашиваетъ сына старый рабби.—Какъ уже сказано отецъ, мы другъ друга не понимаемъ. Ты стоишь еще одной ногой въ старомъ Гэтто и считаешь себя обязаннымъ нивѣсть къ какой благодарности, если тебя оттуда выпускаютъ. Я чую воздухъ иного Гэтто: вѣжливое письмо съ отказомъ, неотданный визитъ,—все это въ тысячу разъ больнѣе давитъ грудь, чѣмъ вонючая улица стараго времени. Въ этомъ мірѣ, однако, мнѣ надо жить, отецъ. И я долженъ для этого собрать духовный капиталъ... У меня нѣтъ времени продѣлывать демократическія комедіи.

—„Ну, хорошо, предположимъ, что ты правъ,—отвѣчалъ сыну старый равви,—міръ не хочетъ насъ знать: нѣмецъ не хочетъ, чтобы мы были съ нимъ нѣмцами, русскій не хочетъ, чтобы мы были русскими, французъ — французами. Такъ будемъ-же тѣмъ, чѣмъ они не хотятъ быть сами: сохранимъ человѣчеству драгоцѣннѣйшее сокровище, которое оно отбрасываетъ съ пренебреженіемъ: это возможность быть человѣкомъ!"

Къ этимъ глубоко печальнымъ словамъ старика-еврея прибавлять, конечно, нечего.

Окончательный ударъ демократическому филистерству „буреносцевъ" совершенно случайно наноситъ исконный врагъ ихъ, старый королевскій ландратъ. Нужно отдать Зудерману справедливость, онъ обрисовалъ этотъ типъ изъ міра прусской бюрократіи весьма яркими чертами.

Старый ландратъ имѣлъ свои хорошіе дни. Это было тогда, когда буреносцы еще что нибудь значили, и на ихъ уловленіи можно было сдѣлать карьеру. И, дѣйствительно, онъ ихъ долго выслѣживалъ и, наконецъ, изловилъ; только знаменитый архивъ „тайнаго общества" не былъ найденъ. Старый Макроцкій, хорошо наживавшійся на буреносцахъ, спряталъ тогда архивъ въ пустую бочку изъ подъ пива. Послѣ процесса, однако, буреносцы рѣшили отомстить негодному ландрату—хоть только на бумагѣ— и написали ему свой платоническій „смертный приговоръ". „Сегодняшнимъ единогласнымъ постановленіемъ,—гласитъ этотъ курьезный документъ,—ландратъ ф. Грабовскій, вслѣдствіе пошлаго шпіонства, ложныхъ доносовъ и измѣнническихъ противъ народа происковъ, присуждается къ смертной казни. Этотъ смертный приговоръ подлежитъ немедленному исполненію въ случаѣ народнаго возстанія" и т. д., и т. д. Народнаго возстанія, конечно, не прои-

зошло, да и сами составители приговора отлично знали, что его не будетъ... Но все это было давно. Теперь мы застаемъ ландрата за другимъ занятіемъ: вмѣсто „вынюхиванія“ старыхъ демагоговъ, онъ занимается услуживаніемъ юнымъ принцамъ, которые пріѣзжаютъ въ его участокъ на охоту. „Однажды,—разсказываетъ самъ ландратъ, — они (т. е. принцы) привезли съ собой цѣлый экипажъ мѣховъ. Имъ сдѣлалось жарко, и они побросали шубы гдѣ-то въ лѣсу. Ландратъ, ищи шубы! Съ жандармами, старостами и десятскими — цѣлая армія — я пошелъ на охоту за шубами... Какова же была награда? На мѣха попалъ дождь, и мнѣ тоже попало... Ну, развѣ это жизнь?!“ Или вотъ теперь: у любимой охотничьей собаки ихъ королевскихъ высочествъ заболѣваетъ зубъ и образуется опухоль. „Лежитъ, каналья, визжитъ и третъ себѣ морду... Ландратъ, помоги! А какъ помочь? Все виситъ на ландратѣ. Ветеринарный врачъ всегда пьянъ. Что хотите? За то онъ хорошій избиратель,—прогнать нельзя. А между тѣмъ „собака принца—это весьма вліятельная особа“. Какъ быть? Ландратъ вспоминаетъ своихъ враговъ-буреносцевъ. Но онъ знаетъ также, что старый Гартмейеръ не согласится лѣчить высокопоставленную собаку. И вотъ, у ландрата созрѣваетъ адскій планъ: онъ рѣшается сначала „накрыть“ всю компанію буреносцевъ въ давно ему извѣстной потайной комнатѣ. На его ироническія любезности и дружеское приглашеніе къ „высокопоставленному животному“ Гартмейеръ, дѣйствительно, отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ. Тогда ландратъ дѣлаетъ видъ, что замѣчаетъ признаки „тайнаго соединенія въ увеселительномъ помѣщеніи съ высокоизмѣнническими цѣлями“, и довольно прозрачно угрожаетъ Гартмейеру и товарищамъ политическимъ процессомъ. Гартмейеръ отвѣчаетъ на это въ самой рѣзкой формѣ, указывая на свою профессіональную честь и на то, что онъ никогда и ни въ чемъ не будетъ „княжескимъ слугой“... На это ландратъ разражается грубыми угрозами... Но сынъ Гартмейера, Фрицъ, по профессіи тоже дантистъ, вызывается помочь больному животному и тѣмъ отводитъ отъ буреносцевъ грозу... Этому факту, однако, суждено было имѣть неожиданныя послѣдствія. Кромѣ одного Сократа, остальные буреносцы: Катилина, Спиноза, Джіордано Бруно и Понятовскій страшно испугались и рѣшили прежде всего спасать архивъ. На помощь пришла „сладкая Ида“ и предложила спрятать страшный архивъ подъ свое дѣвственное ложе. Архивъ, такимъ образомъ, попалъ въ ненадлежащія руки. Макроцкій счелъ какъ-то необходимымъ заглянуть къ Идѣ подъ постель и распорядился страшными бумагами по своему: часть продалъ колбаснику на обертку, часть представилъ самому ландрату...

И вотъ, въ день годовщины Седана, разыгрывается послѣднее дѣйствіе комедіи. На улицѣ торжествуетъ новое время, „время, когда лейтенанты разыгрываютъ изъ себя искупителей, а бѣдное,

лишенное воли пушечное стадо вздувается до величія героизма". И время это уже увлекло за собой былыхъ буреносцевъ, кромѣ одного лишь Сократа: Томашекъ-Понятовскій празднуетъ день Седана, бѣдный Спиноза, „человѣкъ компромиссовъ", отбываетъ праздничное богослуженіе. Борецiусъ со Штейцелемъ тоже держатся недолго: до нихъ скоро доходитъ вѣсть о взятіи архива, и они являются къ Гартмейеру, чтобы отречься отъ всѣхъ своихъ политическихъ заблужденій. „Все это комедія, все рисовка"—объявляетъ храбрый Катилина въ отвѣтъ на полную готовность Гартмейера идти снова въ тюрьму за идеалы. И оба былые буреносца скрываются передъ приходомъ ландрата... Маркузе и Гартмейеръ одни встрѣчаютъ стараго врага. Происходитъ комическая сцена: ландратъ не только возвращаетъ Гартмейеру бумаги со всевозможными призывами на баррикады, со смертными приговорами и т. п., но и вручаетъ старику орденъ за заслуги, такъ-какъ княжескій песъ выздоровѣлъ, а сынъ отказался отъ награды... Вмѣсто сына, декорировали отца. Ландратъ уходитъ съ торжествомъ, а Сократъ-буреносецъ остается съ орденомъ... Правда, онъ бросилъ орденъ на землю, но... всетаки не устоялъ противъ искушенія хоть примѣрить его...

Такъ былъ сраженъ послѣдній искренній идеалистъ среди буреносцевъ. Не безъ глубокаго основанія моментъ его паденія авторъ пріурочилъ къ годовщинѣ Седана: въ торжественныхъ крикахъ и громѣ патріотической музыки какъ бы замираетъ послѣдній призывъ къ свободѣ среди нѣмецкаго бюргерства, и отъ блеска прусскаго величія выцвѣтаютъ черно-красно-золотыя идеи...

„Буреносцы" Зудермана это—что-то вродѣ отходной бюргерскому свободомыслію, и современное бюргерство не могло простить этого Зудерману. Свободомыслящіе обидѣлись. Они упрекали драматурга въ тенденціозномъ и злостномъ сочинительствѣ. Ему ставили на видъ отсутствіе благоговѣнія и уваженія къ великимъ покойникамъ. Его обвиняли чуть-ли не въ ренегатствѣ, и Зудерманъ—самъ свободомыслящій—долженъ былъ отвѣтить цѣлой брошюрой на обвиненія Фоссовой газеты, которая, по старой памяти, явилась въ авангардѣ этой полемики.

„Я хотѣлъ написать часть исторіи національной души"—говоритъ знаменитый драматургъ въ своей отвѣтной брошюрѣ и указываетъ далѣе на тотъ кризисъ свободомыслія, который произошелъ со временъ побѣды при Кёниггрецѣ и 1866 г. „Долгъ благодарности, которымъ была обязана нація своимъ князьямъ и полководцамъ, вь особенности-же Бисмарку, долженъ быть заплаченъ; къ сожалѣнію, однако, при этомъ погибло самостоятельно мыслящее, освободительно настроенное бюргерство. 3 іюля—день битвы при Кёниггрецѣ—былъ началомъ этого процесса разложенія. Въ этотъ день происходили въ Пруссіи выборы въ ландтагъ. Прогрессисты потеряли половину своихъ мѣстъ... И тамъ, гдѣ

въ 1861 г. былъ избранъ 224 голосами противъ 28 баронъ Ф. Говербекъ, обожаемый вождь партіи, тамъ въ это время изъ 320 избирателей 254 отдали свои голоса консервативному ландрату". Партія потеряла свое господство надъ массами и уже не пріобрѣла его снова. Такъ она и осталась при всѣхъ своихъ превращеніяхъ, партіей конфузовъ. Все болѣе безцвѣтными становились ея избирательныя программы, все болѣе и болѣе погружались ея старыя демократическія требованія въ область идеологической невыполнимости, пока, наконецъ, она не выступила принципіальной противницей „государственнаго вмѣшательства" при обсужденіи соціально-политическихъ проектовъ.

Не безъ сарказма вспоминаетъ затѣмъ Зудерманъ о тѣхъ дняхъ, когда и онъ, въ качествѣ свободомыслящаго журналиста, работая въ газетахъ изъ-за хлѣба насущнаго, восхвалялъ то „необыкновенную силу таланта Эужена Рихтера", то „острую, какъ сталь, иронію Бамбергера", то „самоотверженный и неустанный пылъ Рикерта". Однако года черезъ два нашъ авторъ опять пошелъ своей дорогой. Съ одной стороны, у него оказалось слишкомъ мало монархическихъ чувствъ, „которыя обязанъ проявлять, въ особенности по табельнымъ днямъ, свободомыслящій публицистъ", а съ другой—„боролись за свободный отъ пошлины хлѣбъ и свѣтъ, но никто не думалъ о свободной отъ пошлины мысли". „Никто не думалъ о томъ, чтобы дать жаждущей свѣта молодежи такое міровоззрѣніе, которое сдѣлало бы ее сильной противъ унижающихъ вліяній аристократическихъ петиметровъ, противъ мракобѣсія вновь возникшей морали господъ; міросозерцаніе, которое, считаясь съ новыми соціальными условіями, никогда не упустило бы изъ виду руководящихъ идей старой демократіи, которое, наконецъ, подобно тому, какъ это теперь происходитъ у соціалъ-демократіи и клерикаловъ, спаяло-бы самаго зеленаго юнца съ разумнѣйшими изъ вождей... Но какъ на это рѣшиться! Нельзя! надо было брать въ разсчетъ массы избирателей, которые грозили перекинуться направо при каждомъ непредусмотрительномъ словѣ, при каждомъ непредусмотрительномъ голосованіи. Такъ родилась сплошная кружковщина, съ ея пустымъ паѳосомъ и вялымъ скептицизмомъ, въ которой буреносцы нашли себѣ близкихъ по духу наслѣдниковъ. Такъ возникла поставленная на націоналистическую основу толчея военныхъ и стрѣлковыхъ ферейновъ, которая стала покрывать Германію своею мелко-сплетенной сѣтью и въ которой ревностно возглашалось благосклонными ландратами патріотическое „ура"! Такъ возникли недовольство, дряблость, индифферентизмъ; такъ возникло воззрѣніе, что политика портитъ характеръ; такъ явилось мертвое поле духа, которое представила собою Германія въ послѣдніе года бисмарковско-путткамеровскаго режима и господства закона о соціалистахъ".

Но больше всего на судьбѣ „свободомыслія“ отразилось то раздѣленіе нѣмецкаго народнаго организма на „двѣ націи“, которое совершилось подъ вліяніемъ экономическаго развитія послѣднихъ годовъ. Съ одной стороны, выдѣлился „сознательный, требующій власти, ищущій только въ самомъ себѣ и мощи, и счастья, народъ“. Съ другой — „классъ оптиматовъ, разбогатѣвшая высшая буржуазія, которая образовала изъ себя своего рода поддѣльную аристократію“. И „прирожденные вожди бюргерства“, свободомыслящія партіи пошли за этими оптиматами; результаты не заставили себя долго ждать. Ставъ „капиталистическими, антисоціальными, одичавши въ ссорахъ, ставши водянистыми, благодаря разсчетамъ, онѣ потеряли и свою притягательную силу, и смыслъ существованія“. И если послѣ этого значительная часть мелкаго бюргерства перешла на лѣво и, перескочивъ, казалось-бы, непреодолимую пропасть между старымъ бюргерствомъ и новымъ міросозерцаніемъ, образовала изъ себя союзниковъ новой демократіи, то другая часть мелкой буржуазіи, которая десятилѣтіями нищенствовала у старыхъ отживших идеаловъ... перешла къ своему „смертельному врагу“, и этимъ закончила свое демократически-свободомыслящее существованіе...

„Таковъ конецъ пути, въ началѣ котораго я попытался нарисовать своихъ буреносцевъ“—говоритъ Зудерманъ далѣе—„и мои бѣдные буреносцы,—заключаетъ онъ—были въ тысячу разъ менѣе достойны порицанія, нежели мы; они, правда, вели безсильную мнимую войну съ превосходящей ихъ духовной силой при помощи отупѣвшаго оружія... Но что-же сдѣлали мы“,—спрашиваетъ драматургъ,—„чтобы сохранить неприкосновенной идею бюргерской свободы?“—Они вынуждены были покориться? „Мы не были вынуждены и, тѣмъ не менѣе, мы держимъ голову склоненной передъ силой юнкерско-придворной идеи“*).

Таково авторитетное признаніе политическаго паденія бюргерства, исходящее изъ устъ дѣйствительнаго знатока Германіи и чуткаго ея писателя.

Къ этому, конечно, прибавлять нечего.

II.

Прекраснымъ испытаніемъ на соціальную сознательность и силу современнаго нѣмецкаго бюргерства была криммичауская исторія, закончившаяся въ половинѣ января текущаго года. Здѣсь разыгралось одно изъ дѣйствій уже давно тянущейся трагедіи саксонской текстильной индустріи и, какъ по своей силѣ и

*) Sudermann: Die Sturmgesellen, Berlin, 1903, 16 и слѣд.

продолжительности, такъ и по своей принципіальной основѣ, должно было привлечь къ себѣ все вниманіе общества.

Мы постараемся совершенно объективно изложить фактическую сторону эпизода.

Уже въ 1899 г. рабочіе въ Криммичау пришли къ убѣжденію, что ихъ заработная плата и продолжительность рабочаго дня не только не находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ потребностями, но и съ уровнемъ условій труда въ другихъ мѣстностяхъ въ той же текстильной индустріи (какъ, напр., въ Мееранѣ съ 1902 г.). Въ виду этого, въ 1899 г. рабочими была предъявлена фабрикантамъ коллективная просьба о сокращеніи 11-ти часового дня на 1 часъ. На эту просьбу, однако, послѣдовалъ отказъ, такъ какъ-де промышленность въ Криммичау не можетъ иначе выдержать конкурренціи съ другими фабриками. Послѣ этого рабочіе каждаго фабричнаго заведенія избрали особую коммиссію, которой и поручили войти въ соглашеніе съ фабрикантами. Отвѣты были отрицательные, и тогда рабочіе занялись чрезъ своихъ представителей самымъ серьезнымъ изслѣдованіемъ вопроса о томъ, насколько можетъ отразиться на доходности предпріятія требуемое ими сокращеніе рабочаго дня. Разслѣдованіе показало, что доходность предпріятія отъ этого нисколько не пострадаетъ. Просьба рабочихъ была повторена въ 1900 и 1901 годахъ, но оба раза безъ успѣха.

Въ мартѣ 1902 г. рабочіе снова обратились къ фабрикантамъ съ просьбой о предоставленіи имъ „благодѣянія полуторачасового обѣденнаго перерыва", съ сохраненіемъ прежней заработной платы, такъ-что все сокращеніе рабочаго времени сводилось къ получасу ежедневно. Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе указывали на желательность тарифнаго соглашенія союза текстильныхъ рабочихъ съ ихъ фабрикантами, по образцу уже существующаго между книгопечатниками и ихъ предпринимателями, и, по рекомендаціи нѣкоторыхъ фабрикантовъ, предлагали переговоры рабочей организаціи съ организаціей предпринимателей. Когда, послѣ двѣнадцати дней ожиданія не послѣдовало никакого отвѣта, правленіе союза организованныхъ рабочихъ обратилось къ союзу фабрикантовъ съ новымъ письмомъ, въ которомъ, указывая на введеніе 10-ти часового дня въ Мееранѣ, правленіе просило криммичаускихъ работодателей послѣдовать тому-же примѣру и сократить рабочій день до 10 час. 10 мин. въ сутки. Почти черезъ пять недѣль послѣ представленія этихъ просьбъ, высказанныхъ въ чрезвычайно вѣжливой и скромной формѣ, со стороны фабрикантовъ, наконецъ, послѣдовалъ отвѣтъ, который категорически отклонялъ всякую возможность уступокъ подъ тѣмъ предлогомъ, что „существующія условія не допускаютъ вздорожанія производства посредствомъ сокращенія рабочаго времени".

Такого категоричнаго отвѣта на свою просьбу рабочіе не

ожидали. Вотъ какъ описываютъ положеніе рабочихъ въ Криммичау различныя посѣтившія ихъ лица.

Средній заработокъ рабочаго колеблется здѣсь отъ 13 до 16 марокъ въ недѣлю, работницы—отъ 8 до 10 мар. Однако только весьма малая часть рабочихъ получаетъ здѣсь плату, которая дѣлаетъ возможнымъ содержаніе семьи. Это прядильщики и часть ткачей. Вознагражденіе ткачей, по даннымъ Мартина, идетъ отъ 16, 50 м. внизъ, а по личнымъ опросамъ г-жи Заломанъ, достигаетъ иногда до 18 — 22 мар. въ недѣлю. Эти данныя должны быть, однако, дополнены указаніемъ на крайнюю неравномѣрность заработка; тотъ самый ткачъ, который зарабатываетъ обыкновенно по 20 мар. въ недѣлю, въ теченіе трехъ недѣль подрядъ зарабатывалъ не болѣе 7 — 9 мар., благодаря плохому матеріалу, испортившейся цѣпи и т. п. Гораздо хуже оплачиваются здѣсь красильщики и другіе рабочіе: они получаютъ не больше 13—14 мар. въ недѣлю. Эти категоріи рабочихъ могутъ содержать семью только благодаря тому, что ихъ жены тоже работаютъ на фабрикѣ и зарабатываютъ еще дополнительно отъ 8—10 мар. Насколько распространенъ въ Криммичау этотъ совмѣстный трудъ мужа и жены, показываетъ хотя-бы тотъ фактъ, что изъ числа 2800 работницъ, занятыхъ на тамошнихъ текстильныхъ фабрикахъ, по крайней мѣрѣ, 40% замужнія. Въ семьяхъ, въ которыхъ мужъ зарабатываетъ не больше 18 мар. въ недѣлю, жена тоже идетъ на фабрику. Жизнь такой работницы обыкновенно складывается очень печально. Дома онѣ только ночуютъ, въ лучшемъ случаѣ обѣдаютъ. Большая часть не растапливаютъ печей, не готовятъ обѣда, варятъ или разогрѣваютъ пищу на фабрикѣ и даже больныхъ дѣтей видятъ только по воскресеньямъ, такъ какъ ихъ приходится сдавать родственникамъ за извѣстную плату на воспитаніе.

Въ 6 ч. утра уже начинается на большинствѣ фабрикъ работа. Она тянется до 6 ч. вечера, съ часовымъ перерывомъ для обѣда. Тѣ рабочіе, которые живутъ далеко отъ фабрики, еле успѣваютъ сбѣгать домой и обратно. На нѣкоторыхъ фабрикахъ, гдѣ даютъ еще полчаса для завтрака, работа длится до половины седьмого. Часть рабочихъ заняты на фабрикѣ безъ всякаго перерыва отъ 6 ч. до 12. При такой продолжительности работы надо отмѣтить еще все возростающую ея интенсивность. По разсказамъ старыхъ криммичаускихъ ткачей, которые стояли въ работѣ у однихъ и тѣхъ-же фабрикантовъ по 30 и 40 лѣтъ, напряженность работы увеличилась чрезвычайно; гдѣ еще въ 1882 г. станокъ дѣлалъ 48 оборотовъ въ минуту, тамъ теперь самый медленный станокъ дѣлаетъ 56—58 оборотовъ, а новѣйшіе, лучшіе станки дѣлаютъ даже 75—85 оборотовъ въ мин. То-же должно сказать о другихъ машинахъ. Сильно возросло число веретенъ на машинахъ и сократилось число рабочихъ; тамъ, гдѣ прежде стояло чет-

веро рабочихъ, стоитъ два, гдѣ прежде чесальщица вырабатывала 150 фунтовъ въ день, тамъ она теперь вырабатываетъ въ среднемъ 500. Понятнымъ отсюда является утвержденіе стараго ткача, что въ настоящее время работа стала напряженнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утомительнѣе вдвое.

Корреспондентъ одной газеты, лично бывшій въ Криммичау на праздникахъ,—даетъ намъ и подрбоное описаніе того, какъ устраивается и какъ живетъ средній рабочій текстильной индустріи въ своемъ домашнемъ обиходѣ. Вотъ передъ нами жилище рабочаго на краю города, „на пескахъ“ („Am Sand“): почернѣвшій домишка съ разбитыми стеклами. На кухнѣ, которая является вмѣстѣ и столовой, и жилой комнатой, и прачешной, мы находимъ жильца, стараго ткача, съ женою, ночлежникомъ и двумя дѣтьми.—„Здѣсь тепло, здѣсь мы и сидимъ цѣлый день“,—говоритъ ткачъ. Въ этой комнатѣ и варятъ, и пьютъ, и моютъ бѣлье, въ этой комнатѣ играютъ дѣти, сюда-же приходятъ и сосѣди, чтобы погрѣться въ наполненной теплыми парами комнатѣ. Возлѣ плиты стоитъ швейная машина, черезъ нее летаетъ мячикъ, который можетъ каждую минуту попасть въ котелъ съ варящимся картофелемъ.

Вотъ другое помѣщеніе. Мужъ, жена и семеро дѣтей живутъ въ одной комнатѣ и спятъ въ одной чердачной каморкѣ. Они получаютъ мясо три раза въ недѣлю. Полъ - фунта мяса идетъ на девять ртовъ. „На долю каждаго не приходится даже по кусочку“. И тутъ главнымъ питаніемъ является картофель, иногда рисъ или крупа. Картофель, въ лучшемъ случаѣ, приготовляется съ говяжьимъ жиромъ. Четверть фунта жира рѣжется на куски, распускается и съ солью прибавляется къ картошкѣ. Такъ супъ получаетъ глазки жира и придаетъ картофелю вкусъ. Это меню типично для большинства ткачей. И здѣсь, какъ у большинства, отвратительныя спальни подъ крышей. Съ постели нельзя поднять головы, чтобы не стукнуться объ крышу! Черезъ заткнутыя тряпками окна врывается вѣтеръ, черезъ крышу часто идетъ дождь. Рѣдко встрѣчается постель, въ которой не были бы принуждены спать по двое. На нѣкоторыхъ чердакахъ спятъ въ трехъ кроватяхъ семеро. И вездѣ картофель и кофе, и какой кофе!—восклицаетъ очевидецъ.

Понятно, что вѣсть объ окончательномъ отказѣ со стороны фабрикантовъ улучшить судьбу рабочихъ въ Криммичау вызвала съ стороны послѣднихъ чувство чрезвычайной горечи и негодованія. Подъ вліяніемъ отвѣта предпринимателей, масса организованныхъ рабочихъ чрезвычайно увеличилась. Однако рабочіе не перешли ни къ какимъ рѣзкимъ мѣрамъ, а изо всѣхъ силъ пытались уладить дѣло путемъ соглашенія. Они отправили новое письмо работодателямъ и добились отъ нихъ даже совмѣстнаго совѣщанія. Результатомъ переговоровъ были со стороны предпринимателей обѣщанія ничтожныхъ уступокъ, а со стороны

рабочихъ — полное разочарованіе. Тогда рабочіе пяти фабрикъ воспользовались наступленіемъ *законнаго срока* для отказа отъ дальнѣйшей работы и заявили о своемъ отказѣ. Въ отвѣтъ на это фабриканты отказали въ работѣ безусловно всѣмъ рабочимъ, на всѣхъ фабрикахъ безъ исключенія. При этомъ было объявлено, въ цѣляхъ „мирнаго улаженія" конфликта, что отказъ отъ работы они только въ такомъ случаѣ возьмутъ назадъ, если всѣ рабочіе въ опредѣленный день явятся на работу и откажутся безусловно отъ всѣхъ своихъ требованій. Въ вознагражденіе за уступки обѣщалось, что предприниматели, быть-можетъ, въ будущемъ и смогутъ хоть въ извѣстной степени сократить рабочее время въ текстильной индустріи Криммичау.

Всѣ попытки къ примиренію и посредничеству, сдѣланныя какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ отчасти и нѣкоторыхъ оффиціальныхъ изслѣдователей криммичаускаго вопроса, — остались совершенно безплодными. Въ особенности заслуживаетъ вниманія попытка проф. Бемерта. Этотъ почтенный ученый, долго стоявшій во главѣ саксонскаго статистическаго комитета, много теоретически поработавшій для нѣмецкихъ рабочихъ, рѣшилъ конецъ своей долгой жизни ознаменовать добрымъ дѣломъ примиренія враждующихъ въ Криммичау; имъ были выработаны условія для примиренія, которыя были одинаково возможны для обѣихъ сторонъ и вели къ почетному для нихъ миру. Продолжительность рабочаго дня, согласно этимъ условіямъ, должна была простираться до $10^1/_2$ часовъ; криммичаускій промышленный судъ долженъ былъ явиться третейскимъ судомъ для обѣихъ сторонъ; между рабочими и работодателями должно было установиться единеніе. Рабочіе согласились на всѣ условія проф. Бемерта. Они даже рѣшили совершенно отказаться отъ требованія, чтобы разсчитанные были снова всѣ и сразу приняты на фабрику. Но фабриканты остались неумолимы. Столь же мало вліянія имѣло путешествіе въ Криммичау правительственнаго коммисара Рошера, отправленнаго туда для изслѣдованія вопроса на мѣстѣ. Ему было заявлено самымъ рѣшительнымъ образомъ, что предприниматели не желаютъ вступать ни въ какія соглашенія, такъ какъ дѣло идетъ о томъ, кто сильнѣе: рабочіе или предприниматели. Предприниматели не объявляли себя врагами 10-часового рабочаго дня и ничего не имѣли-бы противъ, если-бы онъ былъ введенъ закономъ; но, съ другой стороны, они считали невозможнымъ входить по этому вопросу въ какія-бы то ни было соглашенія съ рабочими. Тайный совѣтникъ Рошеръ такъ и донесъ своему правительству, и его разслѣдованіе не привело ни къ чему.

Рабочіе уступили. На ихъ рѣшеніе прекратить всякое дальнѣйшее отстаиваніе своихъ требованій повліяло еще одно обстоятельство: продолженіе стачки должно было убить совершенно криммичаускую промышленность, а это обозначало переселеніе изъ

Криммичау на новыя мѣста, съ далеко не опредѣленнымъ будущимъ для семитысячнаго населенія.

Такова вся эта криммичауская исторія. Спрашивается теперь, какъ къ этой трагедіи отнеслись тѣ бюргерскіе элементы, которые являются прямыми потомками зудермановскихъ буреносцевъ, и на знамени которыхъ написано: свобода труда и капитала и гармонія интересовъ? Какъ выдержало либеральное и свободомыслящее нѣмецкое бюргерство тотъ соціальный экзаменъ, который задалъ имъ Криммичау?

Увы! далеко не блестяще. Правда, проф. Бёмеръ ѣздилъ мирить криммичаунцевъ,—но это было дѣло личной филантропіи, а не бюрекрскихъ партій. Правда, подъ конецъ криммичауской эпопеи мы встрѣчаемся съ протестомъ собранія бюргерскихъ женщинъ по иниціативѣ Алисы Заломанъ. Теоретическое обсужденіе вопроса и протесты исходили также отъ союза для соціальной реформы, и отъ саксонскихъ обществъ либеральнаго пошиба; но эти чисто платоническія порицанія не произвели никакого существеннаго вліянія на криммичаускія дѣла. Сюда надо присоединить статьи бывшихъ національ-соціаловъ, вродѣ д-ра Науманна и д-ра Барта.

Въ рейхстагѣ, при обсужденіи бюджета и содержанія статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ, депутатъ Готтеймъ (свободомысл. союза) высказался сравнительно довольно рѣшительно по поводу текстильныхъ феодаловъ въ Криммичау. Другіе депутаты бюргерской лѣвой были значительно скромнѣе. Правда, и они, начиная съ д-ра Мугдана (свободом. народ. партія) и кончая такимъ „соціалъ-политикомъ“ какъ баронъ ф. Гейль (національ-либералъ), высказывали пожеланія реформы, требовали принудительныхъ посредническихъ судовъ во время стачекъ, даже доходили до предложенія расширить право сходокъ и союзовъ. Но, съ другой стороны, они же пытались свалить всю отвѣтственность за Криммичау на соціалъ-демократію. .

Какъ видимъ, многіе преемники и наслѣдники зудермановскаго Сократа продолжаютъ съ успѣхомъ его „бyреносительство“.

III.

Достоевскій въ одномъ изъ своихъ сочиненій, если не ошибаемся въ „Карамазовыхъ“, рисуетъ намъ ту ужасную власть общественнаго отверженія и презрѣнія, которая, по его словамъ, должна замѣнить собою въ будущемъ государствѣ-церкви власть уголовнаго суда и силу тюрьмы и ссылки. Въ извѣстномъ смыслѣ, такъ оно уже случилось на Западѣ, съ тою лишь большою разницей, что здѣсь уголовный судъ не замѣненъ судомъ общественнаго негодованія и отлученія, но своеобразно сочетался съ

нимъ. Самъ уголовный судъ здѣсь получилъ приблизительно то значеніе, которое Достоевскій приписываетъ будущей судящей и карающей церкви, и его приговоры влекутъ за собой для осужденнаго далеко не одно уголовное наказаніе. И если въ Россіи до сихъ поръ на преступниковъ смотрятъ, какъ на „несчастныхъ“, то именно въ западной Европѣ они являются въ истинномъ смыслѣ слова „отверженными“, нравственно „падшими“ и при томъ только потому, что уголовный приговоръ призналъ ихъ виновными въ различныхъ преступленіяхъ, особенно-же—въ нарушеніи священнаго права собственности. Арестантъ, преступникъ, заключенный есть здѣсь какъ-бы синонимъ совершенно негоднаго, безсовѣстнаго и безчестнаго человѣка, который, кромѣ мерзости и подлости, ни на что болѣе не способенъ. Въ виду этого, признаюсь, для меня не представляло ничего удивительнаго и то отношеніе, которымъ въ свое время было встрѣчено въ Германіи „Воскресеніе“ Толстого. При всѣхъ разсужденіяхъ по поводу этого великаго произведенія, при всѣхъ хвалахъ, которыя ему провозглашались, чувствовалась въ то же время самодовольная оговорка: „да, нѣчто подобное возможно въ Россіи: тамъ дѣйствительно хорошіе люди сидятъ по тюрьмамъ, и даже Катюша является не совсѣмъ погибшимъ существомъ. У насъ, однако, не такъ: у насъ всѣ хорошіе люди гуляютъ на свободѣ, а негодяи наполняютъ собою мѣста заключенія. У насъ сажаютъ въ тюрьму только дѣйствительно испорченныхъ людей“... Эти и подобныя положенія чрезвычайно характерны для современнаго нѣмецкаго бюргерства и безспорно являются выраженіемъ одного изъ тезисовъ филистерскаго міровоззрѣнія. Тюрьма и каторжныя работы въ качествѣ морально-возвышающихъ и нравственно-исправительныхъ средствъ, а хорошее поведеніе заключеннаго, въ связи съ его покаяніемъ и послушаніемъ, какъ основныя добродѣтели, открывающія доступъ „павшему“ брату къ сердцу великодушнаго филистера — таковы основные моменты христіанской любви къ ближнему, смягчающей суровость бюргерскаго кодекса и требованія „воздающей справедливости“.

И вотъ, въ послѣднее время нѣмецкое общество было положительно поражено записками изъ нѣмецкаго Мертваго дома *), которыми Лейсъ дополнилъ и Достоевскаго, и Мельшина. Нѣмецкій „Мертвый домъ“ оказался немногимъ лучше своего восточнаго собрата. Вотъ какими чертами описываетъ нѣмецкую каторжную тюрьму бывшій депутатъ рейхстага, Гансъ Лейсъ, который былъ приговоренъ къ тремъ годамъ и четыремъ мѣсяцамъ заключенія, за ложную присягу, данную имъ для защиты чести любимой женщины.

*) Hans Leuss, Aus dem Zuchthause (Kulturprobleme der Gegenwart, B. VII). Berlin, 1903

Прежде всего въ цельской каторжной тюрьмѣ, гдѣ былъ заключенъ Лейсъ, было ужасно холодно. Только полчаса температура въ его одиночной камерѣ была выносима. Все остальное время заключенный мерзъ и отъ холода не чувствовалъ конечностей. Одежда была при этомъ крайне недостаточна. Одинъ, посаженный въ темный карцеръ, заключенный отморозилъ себѣ ногу и сталъ на всю жизнь калѣкой. Зимой, при пріемѣ вновь поступающихъ, съ ними обращаются въ цельской тюрьмѣ особенно сурово. Голыми ихъ заставляютъ пройтись по холодному корридору, а подчасъ помѣщаютъ и въ совершенно нетопленыя камеры въ легкомъ платьѣ. Въ такой камерѣ, въ которую былъ отведенъ Лейсъ, было 10° мороза по Реомюру.

Питаніе, организованное „по послѣднамъ научнымъ даннымъ", не смотря на пріятный вкусъ, было въ высшей степени недостаточно, вслѣдствіе отсутствія жира, и вело къ полному устраненію жира изъ организма, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ полному разрушенію этого послѣдняго. Благодаря вліянію такого крайне недостаточнаго стола, всѣ заключенные чрезвычайно тощали, получали полное разстройство органовъ пищеваренія, а нѣкоторые даже начинали страдать ничѣмъ не утолимымъ голодомъ и страшной жадностью къ пищѣ.

Воздухъ въ одиночныхъ камерахъ освѣжался очень плохо. Открытое окно лѣтомъ совершенно не помогало, такъ какъ холодный воздухъ камеры оказывался болѣе тяжелымъ, чѣмъ снаружи, и наверхъ не подымался. Зимою комната освѣжалась только въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, когда камера открывалась для утренняго осмотра. А между тѣмъ вентиляція была необходима въ виду того, что въ камерѣ арестантъ не только „отправляетъ всѣ свои потребности", но здѣсь-же работаетъ, а при работѣ выдѣляется много вредной для здоровья пыли.

Особенно разрушительно, однако, дѣйствуетъ на заключенныхъ одиночное заключеніе и связанное съ нимъ безмолвіе. Правда, въ Целлѣ, гдѣ былъ заключенъ Лейсъ, эта система не была проведена съ той ужасной послѣдовательностью, съ какой она проводится въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь не было ни клѣтокъ въ церкви, по которымъ обыкновенно разсаживаются заключенные, какъ дикіе звѣри, ни масокъ, которыя имъ надѣвались-бы во время прогулокъ, чтобы тѣмъ разобщить ихъ на дворѣ. Во время нѣкоторыхъ работъ „отверженные" иногда даже соединялись въ общемъ помѣщеніи, нѣкоторымъ даже выпадало счастье общихъ казармъ для ночлега. Но, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ этихъ мѣстахъ строго соблюдалось правило полнаго безмолвія, а большинство и работало, и спало въ изолированныхъ камерахъ. Результаты этой системы не заставляли себя ждать. „У большинства заключенныхъ изолированное сознаніе находится въ состояніи изголоданія. Часть одиночныхъ погружается въ апатію вплоть до тупоумія". Болѣе

сложныя личности, однако, подвергаются нѣсколько иной психической процедурѣ: у нихъ сначала является чрезвычайный подъемъ чувства и эстетическаго дарованія. Потомъ они испытываютъ періодъ самоуглубленія и остраго объектированія духовной дѣятельности. Наконецъ, является сильнѣйшая жажда проявленія своей воли во внѣ, въ дѣйствіи, и эта-то жажда дѣятельности разбиваетъ всю психику интеллигентнаго заключеннаго. Запертый въ свою клѣтку, лишенный всякой возможности полезной, цѣлесообразной дѣятельности, онъ истощаетъ себя въ частыхъ движеніяхъ, которыя натыкаются повсюду на крѣпкія стѣны тюрьмы. Энергія падаетъ и ослабѣваетъ совсѣмъ, сила характера теряется, интересъ къ жизни, темпераментъ исчезаютъ. Особенно вредно это заключеніе дѣйствуетъ на самыхъ слабовольныхъ жителей тюрьмы,—на всевозможныхъ преступниковъ противъ имущества: у нихъ долговременное заключеніе „разрушаетъ остатки былыхъ способностей, нужныхъ для борьбы за существованіе, остатки здоровья и энергіи, духовной и тѣлесной силы и принуждаетъ этихъ заключенныхъ... къ работѣ, безцѣльность которой имъ извѣстна и которая должна внушить имъ отвращеніе къ себѣ и задушить всякій самостоятельный интересъ“...

Работа на нѣмецкой каторгѣ, организованная на строго опредѣленныхъ „урокахъ“, поставленная подъ постоянную угрозу дисциплинарныхъ взысканій, обладаетъ еще однимъ ужасающимъ свойствомъ, а именно полной безцѣльностью. „Человѣкъ здѣсь работаетъ не для того, чтобы что-нибудь сдѣлать, но для того, чтобы быть занятымъ и утомленнымъ. Именно эта нехозяйственность, экономическая безцѣльнность придаетъ работѣ въ тюрьмахъ тотъ удивительный отпечатокъ, который отнимаетъ у нея всякую воспитательную цѣну. Какъ будто всѣ здѣсь, и чиновники, и заключенные, инстинктивно чувствуютъ, что эта работа приноситъ только вредъ и смятеніе на рынокъ. Даже она, пожалуй, вреднѣе для народнаго хозяйства, чѣмъ самое воровство. Понятно отсюда, что этотъ трудъ безъ охоты, безъ радости и безъ цѣли не только не воспитываетъ, но даже прямо пріучаетъ къ отвращенію ко всякой работѣ“.

Нельзя не отмѣтить далѣе, что практикуемое въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, какъ то было, напримѣръ, и въ Целлѣ, обыкновеніе „тыкать“ всѣхъ заключенныхъ тоже весьма мало содѣйствуетъ воспитанію чувства собственнаго достоинства.

Но вершины своего значенія достигаетъ тюремная педагогія въ своихъ дисциплинарныхъ мѣропріятіяхъ. Кандалы, арестъ въ темномъ карцерѣ, смирительная рубашка, арестъ „на брусочкахъ“, наконецъ, тѣлесное наказаніе кнутомъ, розгами и палками—таковъ соотвѣтственный арсеналъ средствъ для приведенія „падшихъ“ и „отверженныхъ“ на путь общегражданской добродѣтели. Остановимся особенно на двухъ изъ этихъ средствъ,

характеризующихъ собою спеціально прусскія и сѣверно-нѣмецкія тюрьмы. Это—латтенъ-арестъ, или арестъ на брускахъ и сѣченіе. Первый состоитъ въ томъ, что заключеннаго помѣщаютъ въ особо устроенную камеру. Въ ней нѣтъ никакой мебели, а полъ (въ Саксоніи и стѣны) выложенъ трехугольными брусками, остроконечная сторона которыхъ обращена кверху. Въ такую камеру водворяется заключенный въ одномъ бѣльѣ иноскахъ. Благодаря остротѣ брусковъ, на которыхъ онъ помѣщается, онъ не можетъ ни лечь, ни сѣсть, ни стать безъ того, чтобы этимъ не причинить себѣ мучительной боли. Онъ выходитъ оттуда весь покрытый кровоподтеками и синяками и изломанный отсутствіемъ сна. Этотъ арестъ примѣнялся и въ женскихъ тюрьмахъ. По оффиціальной статистикѣ, эта адская пытка съ 1894 г. по 1898 г. примѣнялась не менѣе 176 разъ. Другимъ средствомъ исправленія въ прусскихъ, саксонскихъ, мекленбургскихъ и ольденбургскихъ тюрьмахъ являлась, какъ уже выше замѣчено, порка. Съ 1868 г. она отмѣнена для женщинъ, а въ 1879 г. прекращена въ обыкновенныхъ тюрьмахъ. И, не смотря на то, что годами она не примѣнялась въ такихъ каторжныхъ тюрьмахъ, какъ Моабитъ, Большой Стрелицъ и Кельнъ, и въ послѣднее время ея примѣненіе ограничено только случаями сопротивленія дѣйствіемъ противъ начальства,—въ остальныхъ тюрьмахъ этого разряда сѣкутъ, и при томъ не только за указанные проступки. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, съ 1894 г. по 1898 г. порка примѣнялась не менѣе 281 раза, и еще въ 1902 г. Лейсъ, на основаніи неоспоримыхъ данныхъ, устанавливаетъ фактъ порки въ Германіи.

„Это мало извѣстно",—говоритъ нашъ бытописатель нѣмецкой каторги,—„что въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, наказаніе розгами и кнутъ примѣняются, какъ оффиціальное карательное средство противъ взрослыхъ людей. Почетное право осуществлять эту юстицію находится въ рукахъ начальниковъ каторжной тюрьмы и королевскихъ властей. Первые могутъ назначать до 30, вторые—до 60 ударовъ кнута". Орудія порки въ нѣкоторыхъ странахъ опредѣлены домашнимъ распорядкомъ, въ другихъ, особенно въ Пруссіи, предоставлены выбору начальства и представляютъ собою коллекцію, могущую удовлетворить самаго взыскательнато любителя. Среди этихъ орудій мы встрѣчаемъ и палки толщиною въ сентиметръ и длиною въ 80 или 90 сентиметровъ, и сплетенную изъ кожанныхъ ремней плеть длиною въ 100 сант., укрѣпленную на палкѣ въ 50 сант., и ту-же плеть съ утолщеніемъ на концѣ до 5 сент., и кнутъ съ узловато заплетенными ремнями изъ твердой рѣжущей кожи, и т. д. Самые удары въ Пруссіи обыкновенно разсчитываются по часамъ: по одному удару въ минуту, такъ-что 30 ударовъ растягиваются, по крайней мѣрѣ, на полчаса. Здоровье наказываемыхъ при назначеніи порки, конечно, тоже принимается въ разсчетъ, но, какъ замѣчаетъ Лейсъ, и эта фор-

мальность довольно легко обходится тѣмъ, что, уже при первоначальномъ освидѣтельствованіи заключенныхъ, въ ихъ статейные списки вносится замѣчаніе: „способенъ къ наказанію“. Уже съ пятаго удара, по свидѣтельству тайнаго совѣтника Кроне, лопается кожа отъ ударовъ, и брызжетъ кровь, а къ концу экзекуціи вся задняя часть тѣла превращается въ кровавую кашу, изъ которой иногда высоко бьютъ кровавыя брызги...

Между тѣмъ, въ тюрьмѣ сидятъ далеко не самые худшіе элементы современнаго общества, и среди здоровыхъ тамъ попадаются больные. По свѣдѣніямъ Лейса, въ тюрьмахъ сидитъ много алкоголиковъ, идіотовъ, слабоумныхъ и помѣшанныхъ, которыхъ не желаютъ къ себѣ принимать сумасшедшіе дома, но надъ которыми, тѣмъ не менѣе, прусская Ѳемида произноситъ свой нелицепріятный приговоръ. Нѣсколько воистину ужасныхъ случаевъ изъ области дисциплинарныхъ мѣропріятій надъ больными заключенными сообщаетъ намъ Лейсъ. Арестантъ Ф., напримѣръ, имѣлъ плохую отмѣтку за поведеніе. Однажды онъ сталъ жаловаться на ознобъ и боль въ спинѣ. Вечеромъ отказался ѣсть. Его отправили въ лазаретъ. Врачъ нашелъ, что Ф. притворяется, и отправилъ его на работы. Черезъ нѣкоторое время этотъ заключенный сталъ опять жаловаться на болѣзнь и получилъ капли. 23 февраля того-же года онъ жаловался, что не можетъ работать и поднять головы. Врачъ опять нашелъ симуляцію. 27-го того-же мѣсяца больной сталъ обнаруживать весьма странное поведеніе. Врачъ подтвердилъ, что это все это притворство. Тогда Ф. назначено 10 дней темнаго ареста. Больной, однако, и тамъ продолжалъ странно вести себя. Врачъ назначилъ холодныя души. По окончаніи ареста, больной былъ уже перенесенъ въ лазаретъ, а на слѣдующій день скончался. Вскрытіе показало, что больной умеръ отъ остраго заболѣванія мозга... У арестанта В. была также дурная отмѣтка за поведеніе. За сопротивленіе начальству ему назначали карцеръ за карцеромъ, наказаніе за наказаніемъ. Наконецъ, однажды онъ, подъ предлогомъ болѣзни, отказался идти на работы и на прогулкѣ упалъ. Его хотѣли выпороть, но, такъ какъ ему было уже 70 лѣтъ, то посадили въ смирительную рубашку. Послѣ этого онъ умеръ. Врачъ замѣтилъ, что поведеніе В. ему уже нѣсколько недѣль до того казалось подозрительнымъ, а смерть послѣдовала отъ старческой слабости. Еще случай. Арестантъ М. съ 1890 г. по 1893 г. попадалъ постоянно въ карцеръ, въ смирительныя рубашки и подъ души; и такъ какъ врачъ объявилъ его симулянтомъ, то два раза онъ былъ высѣченъ. М. страдалъ религіознымъ помѣшательствомъ: Іисусъ Христосъ и Богоматерь были предметомъ его болѣзненныхъ представленій. По ночамъ онъ ругалъ Мартина Лютера и требовалъ, чтобы его сѣкли во имя Спасителя. Врачъ удовольствовался тѣмъ, что высказывалъ теоретитески сомнѣнія въ состояніи душевнаго здоровья М.; тотъ, однако, не

дождался признанія его душевно больнымъ и повѣсился... Съ арестантомъ Г. произошло еще хуже. У него были плохія отмѣтки за поведеніе; сидѣлъ онъ уже не въ первый разъ за разбой. Въ концѣ іюня 1895 г. онъ жаловался на боли въ области живота и невозможность принимать пищу. Нѣсколько дней онъ дѣйствительно голодалъ. Врачъ опредѣлилъ все это, какъ симуляцію, и отправилъ больного въ темный карцеръ. Въ концѣ іюля этотъ „симулянтъ" упалъ въ обморокъ въ церкви, а на слѣдующій день въ лазаретѣ умеръ отъ рака въ печени...

А между тѣмъ, какъ утверждаетъ Лейсъ, заключенные оказываются морально не хуже многихъ гуляющихъ на свободѣ. Среди убійцъ и воровъ, среди изнасилователей и разбойниковъ, Лейсъ нашелъ въ сущности тѣхъ-же людей, которые дѣйствуютъ и среди современнаго общества. Морально они нисколько не болѣе испорчены, чѣмъ тѣ, не говоря уже о многихъ лицахъ, которыя попадаютъ въ тюрьму, вслѣдствіе судебной ошибки. „Воры это—сплошь добродушные, слабые волей люди; опасные, склонные къ насильству воры представляются исключеніемъ". Громадное большинство изъ нихъ выходитъ изъ числа дѣтей, ввѣренныхъ разнымъ исправительнымъ заведеніямъ или пріютамъ. Въ тяжелой борьбѣ за существованіе они оказываются безсильными и побѣжденными. „Нужда ведетъ на каторгу, нужда разъѣдаетъ семью и воспитываетъ преступныя семьи", говорилъ одинъ бывшій начальникъ каторжной тюрьмы, ф. Валентини; благодаря одному заточенію въ тюрьмѣ, ежегодно 2800 дѣтей остаются безпризорными; „такъ растутъ дѣти подъ давленіемъ матеріальныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ лишеній, видятъ повсюду собственными глазами, какъ совершается больше неправды, чѣмъ правды, и, если они сами нарушатъ въ чемъ-нибудь правовой порядокъ, ихъ попросту запираютъ для того, чтобы искупить попранное право... И какъ и гдѣ ихъ запираютъ!—Еще много нужно сдѣлать, чтобы имѣть право сказать: ну, теперь все настолько въ порядкѣ, что можно наказывать, чтобы осуществилось право!" Совершенно понятно, далѣе, что всѣ эти выпущенные изъ тюрьмы воры, не имѣя ни малѣйшей возможности честно просуществовать на свободѣ, опускаются все ниже и ниже, пока не попадаютъ въ тюрьму уже до конца своей жалкой жизни.

Съ убійцами дѣло обстоитъ не лучше. И здѣсь цѣлый рядъ исключительныхъ обстоятельствъ приводитъ къ случайнымъ преступленіямъ. То сынъ убійствомъ освободилъ мать отъ истязаній со стороны обезумѣвшаго звѣря-отца; то крестьянскій парень спасъ себя убійствомъ отъ ненавистной жены, навязанной ему родителями силой въ то время, какъ онъ любилъ другую. То страдающій половымъ извращеніемъ больной рѣжетъ случайно ему попавшагося ребенка; то помѣшавшійся въ тюрьмѣ воръ по выходѣ на свободу влѣзаетъ въ первое попавшееся окно

и убиваетъ спящую тамъ женщину. И всѣхъ то ихъ смѣшиваютъ въ одну кучу, и всѣмъ-то имъ даруютъ въ видѣ помилованія пожизненную каторгу и, вмѣсто смерти на эшафотѣ, осуждаютъ ихъ на медленную смерть въ теченіе долгихъ безпросвѣтныхъ лѣтъ одиночнаго заключенія, на смерть отъ анеміи или чахотки, отъ которыхъ умираетъ громадное большинство заключенныхъ. Вотъ одинъ случай, приводимый Лейсомъ: черезъ семь лѣтъ одиночнаго заключенія одинъ изъ пожизненно „помилованныхъ“ въ Целлѣ подалъ оффиціальное прошеніе о томъ, чтобы надъ надъ нимъ была совершена смертная казнь. Что-же касается, наконецъ, профессіональныхъ злодѣевъ, разбойниковъ и убійцъ, то ихъ, по свидѣтельству Лейса, вообще до крайности мало, и представляютъ они собою совершенно исключительныя натуры, которыя или принадлежатъ по всей справедливости къ вѣдомству больницы для душевно-больныхъ, или же являются атавистическими натурами, изъ которыхъ въ старину выходили порой герои и завоеватели, а теперь насильники и грабители. Но, какъ-бы то ни было, эти представители преступнаго міра оказываются нравственно не ниже многихъ уголовно неопороченныхъ людей, которые убиваютъ своего ближняго въ безупречно выдержанной дуэли, или губятъ жизнь дѣвушки при помощи вполнѣ дозволеннаго флирта... Одну нравственность отъ другой здѣсь отдѣляетъ только залъ суда и законно произнесенный уголовный приговоръ.

Таковы откровенія Ганса Лейса. Книжка изъ „Мертваго дома“ имѣла громадный успѣхъ, въ короткій срокъ она вышла вторымъ изданіемъ. Сообщенные въ ней факты не подверглись никакому оффиціальному опроверженію, и до сихъ поръ книга Лейса читается среди нѣмецкаго общества не меньше, чѣмъ „Маленькій гарнизонъ“ Бильзе.

Реусъ.

Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.

III Поль Бурже.

Если между различными знаменитостями современной Франціи я останавливаюсь почти въ самомъ началѣ своихъ этюдовъ на Полѣ Бурже, то дѣлаю это потому, что вижу въ его литературной карьерѣ почти символическое отраженіе эволюціи, которую продѣлываетъ въ послѣднія десятилѣтія значительное большинство французской буржуазіи. Изучая развитіе особенностей этого несомнѣнно выдающагося таланта, изучаешь процессъ историческаго развитія (мы увидимъ сейчасъ, въ какую сторону) этого класса въ его цѣломъ. Вотъ, въ двухъ словахъ, что читатель найдетъ,—я надѣюсь,—прочтя этотъ этюдъ. Какъ преобладающая часть французской буржуазіи перешла въ послѣднюю четверть вѣка отъ мѣщанскаго свободомыслія и игры въ позитивизмъ къ реакціонно-католической точкѣ зрѣнія, такъ Поль Бурже передвинулся отъ полу-детерминистскаго, полу-скептическаго міросозерцанія къ рѣзко клерикальнымъ и шовинистскимъ взглядамъ.

Это, конечно, касается лишь общаго процесса его литературной эволюціи и оставляетъ открытымъ вопросъ о характерѣ его таланта, особенностяхъ его произведеній, его писательскихъ пріемахъ. Ниже читатель найдетъ оцѣнку Бурже съ этихъ разныхъ сторонъ. Но мы дадимъ сначала краткую біографію писателя.

Поль Бурже родился 2-го сентября 1852 г. въ Амьенѣ, въ семьѣ ученаго математика, который занималъ крупный постъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія: онъ былъ ректоромъ Экскской, а затѣмъ Клермонской „академіи“ (нѣчто вродѣ нашего попечителя учебнаго округа). Картина городка Клермона и его окрестностей (въ „Ученикѣ“) отражаетъ первыя свѣжія впечатлѣнія ребенка, заброшеннаго въ этотъ уголъ Оверни. Точно также описаніе бала у профессора Малура (въ „Преступленіи любви“) носитъ характеръ вещи, часто видѣнной авторомъ и списанной имъ съ натуры.

Умственныя способности мальчика въ этой интеллигентной обстановкѣ развивались рано и быстро. Его съ самаго дѣтства тянуло къ литературѣ; и въ письмѣ Бурже, только что напечатанномъ въ отвѣтъ на вопросы нѣкоего ріотора, который собираетъ свѣдѣнія о дѣтствѣ выдающихся личностей, эта особенность

оттѣнена съ достаточной рельефностью. Я приведу это письмо цѣликомъ, такъ какъ оно пригодится намъ дальше для литературной характеристики автора:

Желаніе писать возникло у меня такъ рано, что я не помню времени, когда бы я не писалъ, съ тѣхъ поръ, какъ выучился читать и выводить буквы. Мои воспоминанія, отличающіяся большою точностью въ этомъ пунктѣ, рисуютъ мнѣ шестилѣтняго ребенка, принимающагося за описаніе насѣкомыхъ Оверни. Я жилъ тогда въ Клермонѣ. Я вижу также себя,—мнѣ, должно быть, не было еще въ то время пяти лѣтъ, — читающимъ Шекспира и Вальтера-Скотта очень большого формата: эти книги клались на мой стулъ, чтобы я могъ сидѣть какъ слѣдуетъ за столомъ. У меня осталось также очень отчетливое впечатлѣніе крайняго интереса, который вызывали во мнѣ хроники Войны Двухъ Розъ... Мое преждевременное развитіе, если можно считать это преждевременнымъ развитіемъ, ограничивалось этими двумя пунктами: желаніемъ писать и желаніемъ читать вещи, говорившія воображенію. Въ остальномъ я былъ хорошимъ ученикомъ, но ничѣмъ особенно выдающимся не отличался, оказываясь при томъ замѣтно ниже своихъ способностей всякій разъ, какъ дѣло шло объ экзаменѣ или какой-либо важной письменной работѣ. Еще до сихъ поръ всякій обязательный трудъ (рѣчь, статья по спеціальному вопросу) слегка парализуетъ меня; и я постоянно приписываю это, съ того времени, какъ началъ размышлять о психологіи литераторовъ, той особенности, что работаю въ состояніи полусознательномъ. Мнѣ приходится дѣлать усиліе надъ собою, чтобы убѣдить себя, что такая или другая изъ напечатанныхъ мною книгъ, даже та, которую я только что кончилъ и берусь перепечатывать, дѣйствительно написана мною. Я придаю извѣстное значеніе сейчасъ подчеркнутой мною мысли. Я вижу въ этомъ доказательство, что „безсознательное“ является наиболѣе плодотворною частью нашего существа и, благодаря этому наблюденію, я и сдѣлался традиціоналистомъ *).

О второй половинѣ автобіографической замѣтки Бурже я скажу ниже: намъ съ читателемъ придется критически отнестись къ утвержденію, будто эволюція автора въ сторону традицій объясняется его размышленіями надъ ролью безсознательнаго элемента въ процессѣ литературнаго творчества. Но фактъ ранняго пробужденія вкусовъ къ писательству у Бурже должно во всякомъ случаѣ отмѣтить.

Будущій романистъ и критикъ учился сначала въ клермонскомъ лицеѣ, затѣмъ перешелъ въ парижскую гимназію („коллежъ“) Св. Варвары и здѣсь кончилъ курсъ среди грома пушекъ осаждаемаго пруссаками Парижа и кровавыхъ сценъ гражданской войны, получивъ еще на общемъ конкурсѣ 1870 г. вторую почетную награду за рѣчь на латинскомъ языкѣ. Въ 1872 г. онъ уже блестяще выдержалъ экзаменъ на кандидата словесности и въ теченіе года слушалъ лекціи въ такъ называемой „Практической школѣ высшихъ наукъ“. Одно время онъ колебался, не избрать ли спеціальностью греческую филологію. Но вліяніе близкихъ прія-

*) См. статью *Confidences d'hommes arrivés* (*Etudes sur les enfants médiocres et les enfants prodiges*) въ „Revue“, № отъ 1-го марта 1904 г., стр. 21.

телей изъ литературнаго міра, въ родѣ Ришпэна, Мориса Бушора и другихъ молодыхъ писателей, которые скоро должны были пріобрѣсти себѣ извѣстность, заставило его отказаться отъ этой мысли и всецѣло посвятить себя литературѣ.

Отрывочныя воспоминанія о Бурже его друзей и знакомыхъ и автобіографическія черты, разсыпанныя то тамъ, то здѣсь подъ маскою нѣкоторыхъ героевъ его романовъ, — по большей части литераторовъ,—рисуютъ намъ Поля Бурже въ это время статнымъ, высокимъ, красивымъ юношей, въ которомъ любовь къ отвлеченнымъ вопросамъ соединялась съ сильнымъ тяготѣніемъ къ свѣтскому дэндизму. У Анатоля Франса есть интересный набросокъ умственной физіономіи нашего автора въ этотъ моментъ его существованія:

Изъ насъ человѣкъ пять-шесть хранятъ въ воспоминаніяхъ первой молодости вечерніе разговоры подъ большими деревьями аллеи Обсерваторіи и тѣ долгія бесѣды въ Люксембургскомъ саду, на которыя Поль Бурже, совсѣмъ еще юноша, приносилъ запасъ своего тонкаго анализа и элегантнаго любопытства. Уже тогда обладая душой, раздѣленной между культомъ метафизики и любовью къ свѣтскимъ изяществамъ, онъ легко переходилъ въ своихъ замѣчаніяхъ отъ теоріи человѣческой воли къ чудесамъ дамскаго туалета и уже позволялъ предугадывать тотъ рядъ романовъ, который онъ долженъ былъ дать впослѣдствіи. У него было больше философіи, чѣмъ у кого бы то ни было изъ насъ, и онъ обыкновенно бралъ верхъ въ этихъ благородныхъ диспутахъ, порою сильно затягивавшихся ночью *).

Поль Бурже выступилъ въ газетѣ „La Renaissance“ съ критико-психологическими этюдами, едва достигнувъ 20-лѣтняго возраста, въ 1872 г.; а въ срединѣ слѣдующаго года помѣстилъ статью о „Реалистическомъ романѣ и романѣ піетистическомъ“ въ журналѣ „La Revue des Deux Mondes“, съ которымъ, впрочемъ, тогда далѣе дѣло у него не пошло. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ занимался главнымъ образомъ поэзіей, выпустивъ два-три сборника стихотвореній, составившихъ въ эльзевировскомъ изданіи два томика, изъ которыхъ первый заключаетъ вещи, написанныя въ промежутокъ между 1872 и 1876 г.: „На берегу моря“, „Безпокойная жизнь“ и „Маленькія поэмы“ (*Poésies, I: Au bord de la Mer.—La vie inquiète. — Petits poèmes*), а второй—поэму „Эдель“ и „Признанія“, относящіяся къ 1876—1882 г. (*Poésies, II: Edel.—Les Aveux*).

Сотрудничая въ качествѣ литературнаго критика и хроникера въ различныхъ органахъ, каковы „La Republique des lettres“, „La Vie Littéraire“, „Le Parlement“, „La Nouvelle Revue“, „L'Illustration“, Бурже давалъ преимущественно психологическіе этюды, въ которыхъ ставилъ своею цѣлью, какъ признается самъ, не разборъ собственно литературныхъ произведеній, но анализъ формъ чувствованія (sensibilité) писателей и отраженія въ литературѣ

*) Anatole France, *La vie littéraire*; Парижъ, 1895, серія III, стр. 55.

„моральной жизни Франціи во второй половинѣ XIX-го вѣка", при чемъ предпочтительно останавливался на вліяніи этой литературы на молодыя души и чаще всего въ вопросѣ о любви. Такъ возникли его „Опыты по современной психологіи" (*Essais de Psychologie contemporaine;* 1883), посвященные литературно-психологическому анализу Бодлэра, Ренана, Флобера, Тэна, Стэндаля; и „Новые опыты по современной психологіи" (*Nouveaux Essais de Psychologie contemporaine*; 1885), въ которыхъ авторъ занимается съ своей излюбленной точки зрѣнія оцѣнкой значенія Дюма-сына, Леконта-де-Лилля, Гонкуровъ, Тургенева и Аміеля.

Но настоящая извѣстность Бурже начинается съ половины 80-хъ годовъ, когда онъ переходитъ къ роману, отмежевывая себѣ въ немъ область психологическаго анализа любви и ея проявленій,—и почти всегда въ привилегированной свѣтской средѣ. Изящныя дамы, самый образъ жизни которыхъ заставлялъ ихъ видѣть въ этомъ чувствѣ главный смыслъ существованія, создали въ нѣсколько лѣтъ репутацію романиста. И если серьезные критики поднимали по поводу беллетристическихъ произведеній Бурже болѣе сложные и общіе вопросы, несомнѣнно возбуждаемые нѣкоторыми наиболѣе удачными романами нашего автора, то все же онъ вошелъ въ моду, благодаря поддержкѣ восторженныхъ читательницъ и поклонницъ этой литературной казуистики любви. Одинъ за другимъ появились,—я цитирую лишь главнѣйшія вещи,— „Непоправимое" (*L'Irréparable;* 1884), первый романъ этой серіи; „Роковая загадка" (*Cruelle Enigme;* 1885); „Преступленіе любви" (*Un crime d'amour*; 1886); „Андрэ Корнэлисъ" (*André Cornélis;* 1887); „Ложь" (*Les Mensonges*; 1887); „Ученикъ" (*Le Disciple;* 1889), являющійся кульминаціоннымъ пунктомъ развитія таланта автора и отдѣленный отъ предшествующихъ романовъ двумя томами „Этюдовъ и портретовъ" (*Etudes et portraits;* 1888); затѣмъ, съ постепенно слабѣющей энергіей художественнаго творчества, романъ „Женское сердце" (*Un coeur de femme;* 1890); полуроманъ, полутрактатъ, посвященный „Физіологіи современной любви" (*Physiologie de l'Amour moderne;* 1890); „Земля обѣтованная" (*La Terre promise;* 1892) и „Космополисъ" (*Cosmopolis;* тоже въ 1892), дѣйствіе которыхъ происходитъ въ Италіи, предъ тѣмъ прекрасно описанной Бурже—въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (Тосканѣ, Умбріи, Великой Греціи)—въ „Ощущеніяхъ Италіи" (*Sensations d'Italie;* 1891).

Изъ послѣдующихъ произведеній Бурже заслуживаютъ вниманія развѣ двухтомныя замѣтки объ Америкѣ, вышедшія подъ заглавіемъ „За моремъ" (*Outre-Mer;* 1894) и его послѣдній романъ „Этапъ" (*L'Etape*; 1903), въ которомъ психологъ фешіонэбельнаго міра выказалъ себя ярымъ реакціонеромъ и католикомъ. Въ зародышѣ эти тенденціи, какъ читатель увидитъ, не чужды даже самымъ первымъ его романамъ. Но раньше такія

стремленія выражались отъ лица лишь нѣкоторыхъ „положительныхъ“ героевъ психолога-романиста, который противоставлялъ имъ жуировъ, скептиковъ и пессимистовъ, оставляя, такимъ образомъ, читателю выборъ между этими двумя, правда, не особенно привлекательными, рогами дилемы. Теперь же Бурже настолько рѣшительно сталъ на сторону „традиціонализма“, что написалъ прямой и даже мало-художественный пасквиль на людей, стоящихъ за демократію и свободную мысль.

Дѣло въ томъ, что писатель, даже и самый оригинальный, невольно подчиняется вкусамъ своихъ наиболѣе усердныхъ читателей; и недаромъ одинъ остроумный критикъ говорилъ, что разборъ литературной дѣятельности даннаго автора долженъ тѣсно соединяться съ разборомъ мнѣній и нравовъ той публики, среди которой писатель находитъ наибольшій отзвукъ. Бурже своими свѣтско-психологическими романами не только создалъ обширный кругъ фешіонэбельныхъ читателей и особенно читательницъ, но самъ, благодаря славѣ и деньгамъ, нажитымъ модными романами, вошелъ въ такъ называемый „большой свѣтъ“ и съ ревностью выскочки-неофита воспринялъ всѣ предразсудки этой среды.

Сначала онъ былъ взысканъ милостями, идущими отъ болѣе или менѣе оффиціальныхъ сферъ и учрежденій, которыя выражаютъ матеріальные и духовные интересы „имущихъ и правящихъ“. Онъ былъ произведенъ въ кавалеры ордена Почетнаго легіона въ 1886 г., а въ 1895 сдѣланъ офицеромъ того же ордена. Въ 1894 г. онъ былъ избранъ членомъ академіи безсмертныхъ, и избранъ безъ всякихъ почти затрудненій и того жаркаго сопротивленія, которое встрѣтила, напр., кандидатура Зола, гораздо болѣе могучаго романиста, чѣмъ Бурже. Затѣмъ, когда въ самомъ лагерѣ имущихъ и правящихъ произошелъ расколъ, вызванный дѣломъ Дрейфуса и, во всякомъ случаѣ, отразившій броженіе умовъ среди буржуазіи, нашъ романистъ съ большинствомъ этого класса перешелъ въ ряды шовинистовъ и болѣе или менѣе горячихъ сторонниковъ клерикализма; къ демократическому меньшинству буржуазіи, сильно передвинувшемуся влѣво во время этого кризиса, онъ отнесся настолько враждебно, насколько только могла ему это позволить его равнодушная къ политикѣ натура литератора-дэнди.

Питая отвращеніе къ дѣлу Дрейфуса, которое заставляло его становиться на ту или другую сторону и мѣшало его прежнимъ товарищескимъ отношеніямъ къ писателямъ, бросившимся въ самую чащу идейной борьбы, онъ былъ, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ первыхъ членовъ націоналистской „Лиги французскаго отечества“. И у всѣхъ еще на памяти, какъ неловко онъ разошелся съ старымъ своимъ знакомымъ, Зола, долго избѣгая прямого разрыва, но выражая третьимъ лицамъ свое якобы патріотическое

негодованіе на „безпримѣрный“ поступокъ славнаго писателя-гражданина.

Теперь карьеру Бурже можно считать достаточно опредѣлившейся и въ извѣстномъ смыслѣ законченной: его замѣтно убывающій талантъ будетъ посвященъ разработкѣ „моральныхъ сюжетовъ“ во вкусѣ его „Этапа“, т. е. литературному выраженію тѣхъ предразсудковъ, которые охватили большинство нѣкогда свободолюбивой, а нынѣ играющей въ аристократизмъ и шовинистско-клерикальную политику буржуазіи. Подведемъ же итоги литературной дѣятельности человѣка, которому природа дала значительный талантъ, но условія среды, балуя его внѣшнимъ успѣхомъ, парализовали его развитіе.

Мнѣ кажется, самый первый вопросъ, который долженъ возникать у добросовѣстнаго критика, изучающаго Бурже, это вопросъ о пропорціи, въ какой мыслитель соединяется у этого автора съ романистомъ и при томъ романистомъ, чрезвычайно охотно останавливающимся на внѣшнемъ описаніи фешіонэбельнаго міра и его обитателей. Замѣтьте, вы нерѣдко встрѣтите людей, вплоть до серьезныхъ критиковъ, которые скажутъ вамъ, что ихъ самихъ коробитъ эта сторона полунаивнаго, полусознательнаго дэндизма Бурже; но что они считаютъ ее съ лихвою искупленною тою глубокою психологіею, которая лежитъ въ основаніи романовъ этого автора и вытекаетъ не только изъ природнаго дара наблюденія, но и изъ основательнаго знакомства съ крупными представителями научной мысли.

Лично мое впечатлѣніе такое. Бурже, несомнѣнно, обладаетъ большою способностью психологическаго анализа въ извѣстной узкой сферѣ чувствованій, но его глубина преувеличивается упомянутыми серьезными критиками. Бурже далеко не оригинальный мыслитель; и даже его знакомство съ оригинальными мыслителями носитъ гораздо болѣе литературный, чѣмъ научный характеръ. Упомянуть при случаѣ Дарвина или Спинозу еще не значитъ обнаружить истинное пониманіе цитируемыхъ авторовъ, хотя эта постоянная манера притягивать корифеевъ человѣческой мысли по поводу какого-нибудь вульгарнаго адюльтера или описанія костюма героини обманываетъ порою и довольно проницательныхъ читателей, заставляя ихъ видѣть сильную работу ума тамъ, гдѣ играетъ роль лишь книжная ассоціація идей.

Нѣтъ лучшаго оселка для оцѣнки силы мысли у даннаго писателя изъ категоріи „образованныхъ“, какъ внимательное разсмотрѣніе того круга идей, который его интересуетъ у оригинальныхъ мыслителей. Этотъ пріемъ позволяетъ намъ судить, въ какой степени авторъ, цитирующій такихъ мыслителей, самъ входитъ въ очень сложную и отвлеченную систему, построенную крупнымъ умомъ. „Кто можетъ больше, можетъ и меньше“, говоритъ французская пословица. И, наоборотъ, кто способенъ къ меньшему,

можетъ осуществить лишь долю большаго и лишь постольку, поскольку способенъ вмѣстить въ себѣ эту часть подавляющаго большаго, выражающагося, напр., въ построеніяхъ очень крупныхъ мыслителей.

Теперь посмотрите на Бурже и его отношеніе хотя бы къ Спинозѣ, котораго онъ любитъ притягивать въ своихъ произведеніяхъ чаще другихъ мыслителей. Было бы, конечно, несправедливо сказать, что Бурже, человѣкъ отъ природы выдающійся, получившій оффиціальное полулитературное, полуфилософское образованіе, затѣмъ пополнявшій свое неоффиціальное образованіе общеніемъ съ крупными умами въ родѣ Тэна, Ренана и т. п., вовсе неспособенъ понять Спинозу. Но что вы можете сказать,— и сказать совершенно искренно и вмѣстѣ съ тѣмъ сами не претендуя на исключительную глубину мысли,—это то, что Бурже лишь внѣшнимъ и поверхностнымъ образомъ заинтригованъ однимъ изъ величайшихъ и наиболѣе стройныхъ ученій, что онъ привлекается лишь тѣми его сторонами, которыя соотвѣтствуютъ фривольнымъ и свѣтскимъ интересамъ романиста.

Если оставить въ сторонѣ идею абсолютнаго детерминизма, которую Бурже беретъ у Спинозы или, лучше сказать, въ ея развитой формѣ у Тэна (Адріена Сикста въ „Ученикѣ"), то единственно, что, какъ кажется, поражаетъ нашего автора въ гигантской системѣ одного изъ величайшихъ монистовъ міра, это мысли автора „Этики" насчетъ любви и ревности. Одну изъ этихъ мыслей Бурже пространно переводитъ и комментируетъ въ своей „Физіологіи современной любви", и повторяетъ ее, словно любимый припѣвъ, множество разъ въ своихъ романахъ. Дѣло идетъ объ объясненіи чисто физической ревности („ревности„чувствъ"), мучительную сторону которой Спиноза находитъ путемъ анализа въ томъ, что

„тотъ, кто представляетъ себѣ любимую женщину проституирующей себя другому, огорчается не только по причинѣ препятствія, которое эта невѣрность можетъ противопоставить его страсти, но и потому, что принужденъ связывать съ образомъ того, что любитъ, образъ женскаго пола и особенности (я умышленно замѣняю этимъ словомъ другое крайне рѣзкое выраженіе Спинозы, Н. К.) другою. При этомъ зрѣлищѣ онъ начинаетъ ненавидѣть эту женщину, и это-то и есть ревность, состоящая въ волненіи души, которая вынуждена любить и ненавидѣть вмѣстѣ одинъ и тотъ же предметъ"... Да, мадамъ, эта фраза бѣднаго Спинозы находится въ его большомъ трактатѣ объ *Этикѣ*, часть III, предложеніе XXXV, комментарій... „Не забудемъ, что мы педанты", сказалъ однажды съ гордостью философъ Кузэнъ, который былъ министромъ, академикомъ, человѣкомъ, увѣшаннымъ высшими знаками многихъ орденовъ, но который въ теченіе всей жизни не написалъ и одной столь сильной строки, какъ тѣ, что набросалъ въ этотъ день голландскій жидокъ. Этотъ образъ оскверненія, это видѣніе нашего соперника, занятаго загрязненіемъ прелестнаго тѣла, не обладаетъ одинаковою степенью напряженности въ томъ случаѣ, если это женское тѣло принадлежало намъ, и въ томъ, если мы никогда не обладали имъ. Это черезчуръ очевидно, и

мы отмѣтимъ сейчасъ же два рода ревности чувствъ. Въ томъ случаѣ, когда мы физически ревнуемъ женщину, никогда не принадлежавшую намъ, есть большіе шансы, чтобы эта ревность... и т. д. *).

И такъ далѣе на десяткахъ страницъ... Я обрываю здѣсь эту длиннѣйшую казуистику своеобразнаго фривольнаго педанта, педанта не менѣе, чѣмъ цитируемый имъ Кузэнъ и его товарищи. Но мнѣ все же хотѣлось этой довольно обширной цитатой дать понять читателю, каковъ характеръ литературныхъ экскурсій Бурже и каковы пріемы, которыми онъ пользуется, привлекая оригинальныхъ мыслителей къ разсматриваемому вопросу для приданія большей научности и большей глубины своимъ разсужденіямъ.

Мысль, которую хочетъ развить авторъ, конечно, не нова. И романисты, и психологи, и простые смертные останавливали свое вниманіе на анализѣ физической ревности, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ часто принимаетъ въ современномъ обществѣ, даже у порядочныхъ личностей, особенно мужскаго пола, форму чувственнаго атавизма, достойнаго владыкъ гарема или патріарховъ полигамическаго племени. Помните монологъ молодого графа де-Барданнъ въ „Денизѣ“ Дюма-сына, монологъ, какъ разъ выражающій душевное состояніе человѣка, преслѣдуемаго этими „образами оскверненія“ и этими „видѣніями нашего соперника“, которыя неумолимая ассоціація идей связываетъ съ представленіемъ любимаго существа:

Въ этой прелестной головкѣ, которую я хотѣлъ бы осыпать поцѣлуями и брилліантами, за чистымъ взглядомъ этихъ глазъ, за невинной улыбкой этихъ устъ скрывается воспоминаніе, точное сознаніе одного факта, отъ котораго зависитъ моя жизнь, мое счастье; и, что бы я ни дѣлалъ, фактъ этотъ, отчетливое и ясное изображеніе котораго находится тамъ, въ этой головкѣ, фактъ этотъ останется для меня вѣчно непроницаемымъ и неизвѣстнымъ. Я разнесъ бы ударомъ топора этотъ безстрастный, обожаемый лобъ, и онъ ничего не открылъ бы мнѣ, кромѣ костей, нервовъ и крови!... **).

Повторяю, аффективный механизмъ физической ревности неоднократно служилъ предметомъ размышленій и анализа и людей пишущихъ, и людей просто-на-просто живущихъ. Но Бурже пришла въ голову довольно неожиданная мысль выхватить отдѣльное разсужденіе изъ „Этики“ и сдѣлать изъ него какъ бы лейтъмотивъ для цѣлаго ряда своихъ пространныхъ психологическихъ „изысканій“, посвященныхъ одной изъ сторонъ любви, бросая такимъ пріемомъ странный свѣтъ на всю систему Спинозы. Ибо, какой бы тонкостью ни отличались изслѣдованія великаго философа въ области происхожденія и сущности человѣческихъ аффектовъ, весь этотъ анализъ представляетъ собою лишь отдѣль-

*) *Physiologie de l'amour moderne*; 1891, стр. 222.
**) *Denise* въ VII т. „Théâtre complet“, 1892, стр. 165.

ную часть въ колоссальномъ ученіи Спинозы; да и въ этой отдѣльной части конструированіе чувства любви принадлежитъ едва ли не къ разряду наименѣе удавшихся попытокъ мыслителя. Не упрекали ли компетентные историки философіи Спинозу какъ разъ въ томъ, что онъ страннымъ образомъ построилъ чувство любви внѣ отношенія къ аффектамъ другого субъекта въ то время, какъ такія чувства, каковы состраданіе или горе, тѣсно связаны у него съ представленіемъ объ аффектахъ „другого"? А между тѣмъ Бурже преимущественно берется за эту сторону спинозизма, потому что она лучше отвѣтствуетъ фривольнымъ потребностямъ и предразсудкамъ того фешіонэбельнаго міра, который нашъ авторъ описываетъ и къ которому въ концѣ концовъ самъ сталъ принадлежать.

И таково будетъ отношеніе Бурже къ серьезнымъ вопросамъ и крупнымъ мыслителямъ не только въ романахъ, но даже и въ критическихъ и психологическихъ этюдахъ. Всегда вы найдете въ такихъ случаяхъ, что Бурже, не смотря на способность пониманія и ассимиляціи, не интересуется проникновеніемъ въ сущность данной доктрины ради нея самой, а скользитъ по ея поверхности и выбираетъ въ ней вещи, наиболѣе отвѣчающія занимающимъ его вопросамъ свѣтской психологической казуистики. Даже въ его этюдахъ о Тэнѣ и Ренанѣ вы увидите, что онъ останавливается на тѣхъ сторонахъ этихъ мыслителей, въ которыхъ они наименѣе свободны отъ предразсудковъ и привычекъ привилегированной среды.

Такъ нашъ критикъ-психологъ главнымъ образомъ занятъ разборомъ „религіознаго чувства" и „дилетантизма" Ренана и почти совершенно игнорируетъ въ Ренанѣ крайне серьезное отношеніе къ наукѣ и искреннюю любовь къ истинѣ (Помните: „я желаю, чтобы на моей могилѣ написали: Veritatem dilexi?"). А когда начинаетъ говорить о научныхъ стремленіяхъ Ренана, то сводитъ ихъ къ „аристократической мечтѣ" управленія человѣчества олигархами науки и объясняетъ законность этого взгляда необходимымъ якобы противорѣчіемъ между „двумя великими силами современныхъ обществъ: демократіей и наукой" *).

Точно также въ своемъ этюдѣ о Тэнѣ онъ пройдетъ мимо нравственнаго кризиса, подготовлявшагося въ душѣ этого мыслителя, начиная съ 1865 г. и ускореннаго событіями 1870—1871 г. (его, однако, подмѣтилъ Брюнетьеръ **), кризиса, опредѣлившаго реакціонную сторону умственной физіономіи автора „Происхожденія современной Франціи". И, наоборотъ, въ этой реакціонной сто-

---

*) Paul Bourget, *Essais de psychologie contemporaine*; Парижъ, 1887, 5-е изд., стр. 106.

**) Ferdinand Brunetière, Manuel de l'Histoire de la Littérature française; Парижъ, 1898, стр. 509 (мелкій текстъ).

ронѣ, вызывающей какъ разъ симпатіи Бурже, нашъ критикъ-психологъ усмотритъ непрерывное и логическое развитіе нѣкогда столь безстрашнаго автора „Классическихъ философовъ во Франціи“, такъ что онъ найдетъ главную заслугу Тэна-историка и Тэна-политика въ томъ, что онъ „подобно всѣмъ философамъ, видящимъ въ государствѣ организмъ, долженъ разсматривать и, дѣйствительно, разсматриваетъ неравенство, какъ существенный законъ общества“ *). И эту идею Бурже будетъ развивать во всѣхъ своихъ романахъ, беря изъ всей умственной работы Тэна только наиболѣе сомнительные результаты, въ родѣ хотя бы вѣры въ неподвижность „расъ“, т. е. ученія, которое для Бурже, Мориса Баррэса и прочихъ поверхностныхъ и однобокихъ учениковъ Тэна станетъ символомъ вѣры, сближая ихъ—до полнаго слитія—съ націоналистами и реакціонными демагогами.

Мы видѣли, какимъ далеко не самостоятельнымъ мыслителемъ является Бурже. Посмотримъ теперь, въ какихъ же идеяхъ выражается эта дѣятельность мысли, отражающей предразсудки имущихъ и правящихъ. Типичный представитель интеллигентной буржуазіи, Бурже вмѣстѣ съ нею проходитъ различные фазисы ея исторической эволюціи или, вѣрнѣе сказать, разложенія. Это ясно видно, когда сравниваешь нашего автора при началѣ его дѣятельности и теперь, когда онъ окончательно сталъ на извѣстную точку зрѣнія.

Дѣйствительно, въ своихъ письмахъ я уже довольно давно познакомилъ читателей съ характеромъ этой идейной реакціи, охватившей французскую (да и всякую) буржуазію. Вначалѣ, во вторую половину царствованія Наполеона III, она очень кичилась своимъ позитивизмомъ, „научнымъ“ детерминизмомъ, дарвинизмомъ и прочими измами, стараясь на основаніи этихъ модныхъ въ то время ученій доказать неизбѣжность соціальныхъ золъ и тѣмъ убѣдить себя и другихъ въ вѣчности мѣщанскаго строя, опирающагося на групповую и личную борьбу за существованіе. Къ этому у нея естественно присоединялся философскій пессимизмъ, который опять таки полу-инстинктивно, полусознательно она пускала въ ходъ, какъ вѣское орудіе въ доказательство того, что человѣкъ обреченъ на страданія, на невозможность удовлетворить живущія въ его душѣ стремленія въ этой юдоли плача: все, молъ, мірозданіе устроено такъ, что должно раздавливать своею громадною слѣпою тяжестью всякія попытки сознательнаго улучшенія человѣческой жизни.

Послѣ франко-прусской войны къ этому общественному и философскому символу вѣры прибавился сначала лишь одинъ новый членъ: необходимость реванша и „возрожденія страны“ исключи-

*) *Etudes*, Ibid., стр. 244.

тельно съ этою шовинистскою цѣлью, при чемъ громадное большинство буржуазіи вело пропаганду этихъ идей гораздо больше для того, чтобы поддержать свое господство надъ массами, чѣмъ имѣя серьезно въ виду побить нѣмцевъ. На этой почвѣ создалась среди политическихъ и литературныхъ представителей французской буржуазіи цѣлая профессія такъ называемыхъ „воспитателей національной энергіи“, всѣхъ этихъ авторовъ патріотической прозы и поэзіи, которые отбрасывали въ сторону свой „научный“ детерминизмъ и свой философскій пессимизмъ, какъ только рѣчь заходила о реваншѣ. Наконецъ, на этой же почвѣ стало входить въ моду среди все большей и большей части интеллигентной буржуазіи искать для пробужденья упомянутой „національной“ да и частной энергіи новыхъ путей, новыхъ метафизическихъ и по преимуществу спиритуалистическихъ идеаловъ. И такъ дѣло шло до тѣхъ поръ, пока большинство французской буржуазіи, даже въ лицѣ друзей и прямыхъ продолжателей Гамбетты и его общественно-политическаго трезвеннаго „позитивизма“, не двинулось въ Каноссу. Оно примирилось и даже стало вступать въ союзъ съ католицизмомъ, традиціонная сила котораго оцѣнивалась все выше и выше этимъ большинствомъ, разсчитывавшимъ на поддержку клерикаловъ въ борьбѣ со все болѣе и болѣе пробуждавшимися массами. И, наконецъ, понадобилась цѣлая встряска въ общественной жизни страны (я говорю о дѣлѣ Дрейфуса), чтобы лѣвое крыло буржуазіи рѣшительно пошло въ сторону демократическихъ и республиканскихъ идеаловъ, въ то время какъ главный отрядъ—и этого скрывать нечего—чуть не совсѣмъ слился съ реакціонерами и клерикалами.

Именно на Бурже какъ нельзя лучше можно наблюдать эволюцію этого отряда. Въ извѣстномъ отношеніи нашего автора можно даже считать предвозвѣстникомъ упомянутой эволюціи: его шествіе въ Каноссу обозначилось первыми еще довольно неопредѣленными шагами въ половинѣ 80-хъ годовъ. Въ предисловіи къ своимъ „Новымъ опытамъ по психологіи“, посвященнымъ г-жѣ Аданъ, бывшей музою Эгеріею не одного изъ „воспитателей національной энергіи“, Бурже обнаруживаетъ любопытную смѣсь прежняго „позитивизскаго“ настроенія буржуазіи и взысканія новаго града, которымъ долженъ былъ оказаться католицизмъ. Въ этомъ предисловіи есть, дѣйствительно, ламентаціи и по поводу „пессимизма“, и „меланхоліи“ молодежи, и по поводу отсутствія у нея настоящей энергіи, и по поводу „умственной болѣзни“ и „моральнаго кризиса“, овладѣвшаго поколѣніемъ, пробуждавшимся къ жизни въ „странный годъ войны и коммуны“; есть и указанія на роковую якобы необходимость „конфликта между демократіей и высокой культурой“ и т. д. И все это заканчивается патетическимъ вопросомъ, кто же, наконецъ, выведетъ молодежь изъ состоянія сомнѣнія и неизвѣстности и надѣлитъ ее вѣрою,

кто „возвратитъ ей божественную способность ощущать радость въ трудѣ и чувствовать надежду въ борьбѣ“ *).

Самъ Бурже довольно рано сталъ отвѣчать на этотъ вопросъ, сначала устами нѣкоторыхъ своихъ героевъ, затѣмъ уже отъ себя: оказалось, что католицизмъ. Я въ общихъ чертахъ обрисую этотъ процессъ, ища указаній въ романахъ Бурже. Сначала это обнаруживается лишь въ легкихъ намекахъ и въ выборѣ положительныхъ типовъ. Вотъ, напр., какими словами, подготовляющими католическую догму грѣха и искупленія, заканчивается „Роковая загадка“, первый романъ Бурже, который произвелъ крупную сенсацію:

Увы! это глубокая истина, что „человѣкъ таковъ, какова его любовь“; но сама любовь, откуда приходитъ къ намъ она? Вопросъ безъ отвѣта и,— какъ измѣна женщины, какъ слабость мужчины, какъ поединокъ плоти и духа, какъ сама жизнь въ этой мрачной вселенной, испытавшей паденіе, — роковая, роковая загадка! **)

А вотъ и положительные типы романа: „двѣ святыя“, бабка и мать героя, воспитывающія своего Гюбера согласно самой строгой католической и реакціонной морали, которая объясняетъ намъ, почему „эти двѣ женщины божественной доброты никогда не могли бы подарить свою дружбу протестанту или еврею“ (стр. 12); старый ихъ пріятель генералъ, презирающій республику, но отличающійся замѣчательнымъ благородствомъ чувствъ; самъ Гюберъ, который, даже и вступивъ въ связь съ обольстительной г-жей де-Совъ, всетаки до такой степени исполненъ благочестія, что не рѣшается совершить свой обычный обрядъ исповѣданія и причащенія именно потому, что считаетъ себя недостойнымъ грѣшникомъ.

„Преступленіе любви“ рисуетъ намъ изящнаго и безсердечнаго Донъ-Жуана, — разбившаго жизнь соблазненной имъ женщины и обманувшаго довѣрчиваго товарища,—погруженнымъ на послѣднихъ страницахъ романа въ слѣдующія поучительныя размышленія:

Среди борьбы стольких противорѣчивыхъ идей этотъ несчастный человѣкъ начиналъ видѣть великую, единственную задачу человѣческой жизни, которую можетъ разрѣшить лишь одна религія, а именно вопросъ, есть-ли за нашими ограниченными днями, за нашими короткими ощущеніями, нашими мимолетными дѣйствіями, нѣчто непреходящее, нѣчто могущее удовлетворить нашъ голодъ и жажду безконечнаго ***).

Соблазнитель готовъ броситься на колѣни и читать молитву „Отче нашъ“. Но онъ еще не созрѣлъ для спасительнаго кризиса:

*) *Nouveaux Essais*, VII.

**) Цитирую по только что вышедшему иллюстрированному изданію (Fayard) *Cruelle Enigme;* стр. 89.

***) *Un Crime d'amour*; изд. Лемерра, 1886, стр. 282.

въ послѣдней строчкѣ романа онъ добирается лишь до „религіи человѣческаго страданія“ (стр. 299).

Не мѣшаетъ кстати, уже начиная съ этого романа, отмѣтить особенность художественныхъ построеній Бурже: явно или скрыто, въ прямой или косвенной формѣ, но нашъ романистъ проводитъ мысль, достойную сторонниковъ реакціонной теоріи „расъ“ и необходимости іерархическаго устройства общества, вытекающей якобы изъ самой біологіи человѣка, а именно, что люди плебейскаго происхожденія не должны стараться выходить изъ своего класса, ибо усилія быстраго возвышенія только раздавливаютъ ихъ умственно и нравственно, тогда какъ прирожденные аристократы съ легкостью и удобствомъ могутъ занимать первыя роли въ обществѣ. Поучительна въ „Преступленіи любви“ параллель между мужемъ и любовникомъ: хотя Бурже и не желаетъ, повидимому, прямо награждать порокъ и наказывать добродѣтель, симпатіи читателя будутъ, конечно, идти въ сторону очаровательнаго искусителя — аристократа, тогда какъ мужъ, въ сущности, очень хорошій человѣкъ, возбуждаетъ невольный смѣхъ своею неуклюжестью, унаслѣдованною отъ предковъ-мужиковъ, „несмотря на умственное развитіе и утонченіе въ теченіе двухъ послѣднихъ поколѣній“. Сидите, молъ, милые пейзаны, на своей межѣ и не пытайтесь подыматься въ верхи общественной пирамиды: а то какъ разъ потомокъ вашего феодальнаго сеньора, не смотря на всю вашу личную энергію и ученость, увлечетъ вашу жену и раззоритъ ваше семейное гнѣздо, — что и приключилось съ инженеромъ Шазалемъ, жена котораго, будучи аристократическаго происхожденія, влюбилась въ аристократическаго же ловеласа, барона де-Кэрна.

Почти та же самая „ситуація“ воспроизводится въ „Андрэ Корнэлисѣ“, по моему мнѣнію, наилучшемъ романѣ Бурже, могущемъ быть поставленнымъ на ряду съ его „Ученикомъ“. И здѣсь блестящій „сверхчеловѣкъ“,—какъ бы сказали теперь, — дипломатъ Термондъ, отбиваетъ жену у умнаго и работящаго плебея, отправляя его на тотъ свѣтъ при помощи своего разбойника-брата. Сынъ этого плебея,—Андрэ Корнэлисъ,—убивая, подобно шекспировскому Гамлету, убійцу своего отца, испытываетъ тѣ же самыя колебанія между скептическимъ невѣріемъ и порывами къ католицизму, которыя мы видѣли у барона де-Кэрна. Что касается до „положительнаго“ типа, то имъ является въ этомъ романѣ тетка Андрэ, вся ушедшая въ набожность.

Во „Лжи“ сводятся въ концѣ концовъ на очную ставку опять таки добродѣтельный католикъ, на сей разъ священникъ, аббатъ Таконэ (который „хочетъ возстановить французскую душу при помощи христіанства“) и талантливый писатель Клодъ Ларше, скептикъ и дэнди, но добрый малый, въ которомъ Бурже, очевидно, рисуетъ отчасти себя. Конечно, добродѣтельный священ-

никъ побѣждаетъ: „онъ спасетъ“ друга Ларше, молодого поэта Ренэ, покусившагося на самоубійство изъ-за „Лжи“ своей возлюбленной, какъ онъ „спасаетъ“ сорокъ юношей своего католическаго пансіона, который изображенъ Бурже самыми идеальными красками *).

Сюжетъ „Ученика“ настолько извѣстенъ (см. замѣчательный этюдъ Н. К. Михайловскаго въ 6-мъ т. „Сочиненій“, стр. 675 и слѣд.), что читатель сейчасъ же припомнитъ странный конецъ этого въ общемъ сильно написаннаго романа. Бурже только за тѣмъ, кажется, и обрисовываетъ такими рѣзкими отрицательными штрихами негодяя Грелу, примостившагося съ своимъ ужасающимъ эгоизмомъ и болѣзненной рефлексіей къ теоріи детерминизма, чтобы расчистить дорогу католичеству. Не забудьте: тотъ буржуазный детерминизмъ, о которомъ я упоминалъ нѣсколькими страницами выше, дѣйствительно не даетъ отвѣта на вопросъ, какъ же поступать съ негодяями, разъ все въ мірѣ совершается фатально. Но этотъ близорукій фатализмъ былъ уже давно опровергнутъ на Западѣ (и блистательно у насъ П. Л. Лавровымъ и Н. К. Михайловскимъ) введеніемъ и наказанія за преступленіе въ общую цѣпь желѣзной необходимости. И что же? Бурже заканчиваетъ свой романъ нравственнымъ крахомъ самого учителя детерминизма, знаменитаго Адріена Сикста, который у изголовья своего ученика, подѣломъ убитаго за рядъ низкихъ поступковъ, совершенно неправдоподобно превращается изъ великаго мыслителя въ человѣка, охваченнаго атавистическимъ міровоззрѣніемъ католицизма:

Въ первый разъ чувствуя, что мысль безсильна поддержать его, этотъ почти нечеловѣческій, въ силу самой логики своей, аналитикъ смирялся, склонялся, исчезалъ передъ непроницаемой тайной судебъ. Слова единственной молитвы, которую онъ припомнилъ изъ отдаленнаго дѣтства, „Отче нашъ“, приходили на память его сердцу и т. д. **).

Бурже, конечно, очень ловко апеллируетъ къ чувству читателя, заставляя неумолимаго логика припоминать слова молитвы, волнующей самой простотою своею сердце вѣрующаго. Но мы не должны забывать, что это только искусный адвокатскій пріемъ, чтобы на мѣсто буржуазнаго, не продуманнаго до конца, детерминизма поставить авторитетъ нетерпимаго католичества, осуждающаго работу критической мысли и пріобрѣтенія свѣтской цивилизаціи. Мы уже видѣли, что „Отче нашъ“ является обычнымъ пріемомъ автора, когда онъ хочетъ вывести борьбу скептицизма съ традиціей: Сикстъ повторяетъ жестъ барона де-Кэрна. Какъ бы то ни было, отнынѣ Бурже съ каждымъ новымъ рома-

---

*) *Mensonges*, 1887, стр. 494.
**) *Le Disciple*; 1889, стр. 359.

номъ будетъ все сильнѣе и рѣзче брать сторону традиціоннаго міровоззрѣнія.

„Земля обѣтованная“, не смотря на ловко построенную фабулу, могущую растрогать своею мелодраматичностью чувствительно настроеннаго читателя, должна поражать свѣжаго человѣка слащавостью и эффектною неправдоподобностью, съ которою нарисованы фигуры добродѣтельныхъ католичекъ, матери и дочери графинь де-Силли, призывающихъ своимъ ангельскимъ поведеніемъ молодого человѣка, уже объявленнаго женихомъ дочери, къ заглаживанію грѣха молодости. Вмѣсто „Земли обѣтованной“, которая рисовалась ему въ образѣ его обольстительной невѣсты, онъ будетъ стремиться теперь къ иной „Землѣ обѣтованной“, счастью своей незаконорожденной (отъ старинной любовницы) маленькой дочки. И все это достигнуто героическимъ рѣшеніемъ религіозной дѣвицы навсегда отказаться отъ столь улыбавшагося ей брака.

Въ „Космополисѣ“ апоѳеозъ католицизма уже проникаетъ всю книгу. Она даже построена на явно схематической и не особенно художественной симметріи: по одну сторону козлища, по другую—овцы. Овцы почти всѣ безъ исключенія вѣрующіе католики; козлища—почти всѣ люди противоположнаго или индифферентнаго образа мыслей. И добродѣтели первыхъ, какъ пороки вторыхъ, увеличиваются или уменьшаются пропорціонально большему или меньшему приближенію типовъ обѣихъ группъ къ своему кульминаціонному пункту. Въ срединѣ авторъ, правда, помѣщаетъ одну-двѣ смѣшанныя фигуры, напр., блестящаго писателя Дорсэнна, въ которомъ Бурже видимо изображаетъ себя или, лучше сказать, свой личный идеалъ; но и эти промежуточные типы обрисованы тѣмъ съ большею симпатіею, чѣмъ сильнѣе они тяготѣютъ практически и даже просто теоретически къ католицизму. Исключеніе составляетъ, пожалуй, блистательная свѣтская Мессалина, княгиня Стено; но ей авторъ прощаетъ за размахъ и элегантность порока во вкусѣ Возрожденія.

Въ самомъ дѣлѣ, идеальныя лица это—бывшій папскій зуавъ и французскій легитимистъ маркизъ де-Монфанонъ; это —добродѣтельная Фанни, дочь финансоваго разбойника еврейскаго барона Гафнера, которая обращается въ католичество; это—не менѣе добродѣтельная жена польскаго графа Болеслава Горки, которую, не смотря на ея англійское происхожденіе, нашъ романистъ рисуетъ ревностной католичкой; и т. д. Теперь смотрите на противоположную сторону: это—уже упомянутый баронъ Гафнеръ, для котораго всѣ религіи хороши, когда онѣ выгодны; это—циничный скептикъ и мотъ, итальянскій принцъ Пеппино Ардеа; это—букинистъ Рибольта, бывшій гарибальдіецъ и вѣчный шантажистъ, и т. д. Обратите также вниманіе на массу разсыпанныхъ въ книгѣ разсужденій насчетъ великаго значенія като-

лицизма, на повторенный два-три раза силуэтъ Льва XIII, силуэтъ, который могъ быть набросанъ лишь писателемъ, невозможно идеализирующимъ роль папизма въ исторіи. Припомните, наконецъ, заключительныя строки „Космополиса", въ которыхъ рельефно намѣчается душевный кризисъ, происходящій съ прикрашеннымъ alter ego Бурже, скептикомъ-дэнди Дорсэнномъ:

Монфанонъ почувствовалъ, что въ первый разъ эта душа была тронута до самой глубины своей. Трагическая смерть бѣдной Альбы должна будетъ стать въ сознаніи писателя тѣмъ пунктомъ угрызенія совѣсти, вокругъ котораго произойдетъ перерожденіе моральной жизни этого высшаго и въ то же время неполнаго существа, изгнаннаго за предѣлы простого человѣчества непобѣдимѣйшей гордостью духа, и т. д.

И этотъ процессъ „перерожденія", т. е. на самомъ то дѣлѣ перехода въ лагерь реакціонеровъ и клерикаловъ, дѣйствительно совершился, совершился уже съ настоящимъ Бурже. Минуя всѣ его послѣдующіе романы и повѣстушки, не имѣющіе литературнаго значенія, мы должны сказать лишь нѣсколько словъ по поводу его послѣдняго романа „Этапъ", который недаромъ появился сначала на страницахъ „La Revue des Deux Mondes", редактируемаго злѣйшимъ противникомъ свѣтской цивилизаціи и демократическихъ идеаловъ, Брюнетьеромъ. Въ этомъ романѣ Бурже до такой степени усилилъ схематическій и не художественный пріемъ размѣщенія героевъ въ двѣ категоріи овецъ и козлищъ, что „Этапъ" получаетъ характеръ не столько беллетристическаго произведенія, сколько, какъ я уже сказалъ выше, памфлета или, лучше сказать, настоящаго пасквиля на свободныхъ мыслителей и искреннихъ республиканцевъ.

Тутъ ребяческая симметрія злодѣевъ и добродѣтельныхъ людей справляетъ уже настоящія оргіи: кто не католикъ, не клерикалъ, тотъ или каналья, или дуракъ, или жалкій педантъ; за то реакціонеры отливаютъ всѣми цвѣтами душевной красоты. Профессоръ Жозефъ Моннеронъ, защищавшій всю свою жизнь интересы демократіи и свободной мысли, является завистливымъ и въ то же время педантическимъ ничтожествомъ. Жена его—верхъ вульгарной и крикливой женщины. Дѣти его, за единственнымъ исключеніемъ средняго сына Жана, или прямо негодныя, или искалѣченныя существа: Антуанъ—грязный альфонсъ и мошенникъ; младшій сынъ 15-лѣтній гимназистъ, грубое и эгоистичное животное; дочь Жюли—синій чулокъ, смѣсь нелѣпыхъ порываній вольныхъ, плохо переваренныхъ, идей и нравственной безалаберности, легкомысленно отдавшаяся аристократу Рюменимо, играющему въ соціализмъ.

---

*) *Cosmopolis*, иллюстрир. изд. „Фигаро" 1893 г., стр. 471.

За то съ сыномъ стараго профессора, Жаномъ, мы переходимъ въ лагерь благородныхъ личностей и возвышенныхъ душъ. Самъ Жанъ—тонкій, изящный умъ, успѣшно выбирающійся изъ чащи скептицизма на широкую и очаровательную поляну католицизма. Его путеводная звѣзда въ этомъ путешествіи—прелестная Бригитта Ферранъ, дѣвица невинная отъ рожденія и сугубо невинная, благодаря своему католическому воспитанію. Ея отецъ—замѣчательный ученый, великолѣпный профессоръ, высоко-талантливый авторъ глубокомысленнаго труда „Наука и традиція", проникнутаго самымъ искреннимъ католицизмомъ,—словомъ, хоть сейчасъ на мѣсто Брюнетьера выбирай въ редакторы „La Revue des Deux Mondes" или въ профессоры Нормальной школы по каѳедрѣ боссюэтовѣдѣнія. Даже одинъ изъ первыхъ докторовъ Парижа оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ ревностнымъ католикомъ.

Тирады насчетъ благодѣтельности католицизма и шовинизма настолько изобилуютъ въ „Этапѣ", что лишнее приводить ихъ: всѣ разсужденія, всѣ отступленія книги сотканы изъ нихъ и исключительно изъ нихъ. Но вотъ что должно поразить читателей, которые захотѣли бы вдуматься, насколько идеалы вѣрующихъ католиковъ начала XX-го вѣка совпадаютъ съ идеалами христіанства въ его чистомъ видѣ,—какъ то утверждаютъ защитники современной реакціи, считающіе себя наилучшими христіанами. Знаменитѣйшій католическій философъ, г. Викторъ Ферранъ, устами котораго говоритъ самъ Поль Бурже, развиваетъ теорію сословной неподвижности и почти кастовой исключительности—„всякъ сверчокъ знай свой шестокъ",—которая не особенно-то хорошо мирится съ понятіями чистаго первобытнаго христіанства, для котораго не было ни эллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго. Знаете, въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ двойникъ нашего романиста въ заключительныхъ строкахъ „Этапа", благословляя добродѣтельнаго Жана на бракъ съ своей прелестной дочерью? А вотъ что:

Вы можете успѣть тамъ, гдѣ вашъ отецъ потерпѣлъ неудачу, и основать буржуазную семью (въ устахъ г. Феррана слово „буржуазный" не имѣетъ, конечно, того отрицательнаго смысла, который связываетъ съ нимъ современная мысль: наоборотъ, католическій профессоръ произноситъ его съ видимымъ удовольствіемъ. Н. К.). Вы созрѣли для этой задачи, созрѣли для того, что является нашимъ общимъ великимъ долгомъ: *вы можете излѣчить Францію въ васъ самихъ*... Нѣтъ внезапнаго переноса изъ одного класса въ другой; но классы есть, разъ есть семьи, и семьи есть, разъ существуетъ общество... Чтобы семьи выростали въ своемъ соціальномъ значеніи,—надо время. Онѣ достигаютъ своей цѣли лишь этапами. Вашъ дѣдъ и вашъ отецъ думали, — какъ то думала и вся страна наша въ теченіе ста лѣтъ, — что можно перескакивать черезъ этапы. Но это-то именно и невозможно. Они вѣрили во всемогущество личныхъ достоинствъ. Но эти достоинства являются плодотворными въ соціальномъ смыслѣ только тогда, когда становятся достоинствами родовыми. Природа, которая сильнѣе утопіи, принуждаетъ всѣ семьи, нару-

нающія ея законы, продѣлывать въ страданіяхъ тотъ этапъ, который онѣ не прошли въ условіяхъ здоровья и т. д. *).

Не надо особенно ломать голову, чтобы понять смыслъ этихъ глубокомысленныхъ рѣчей католическаго философа. Буржуазія не могла остаться до конца послѣдовательною своему же соціальному кодексу свободной конкурренціи и ожесточенной борьбы за существованіе, который она провозгласила въ дни своей бурной молодости съ такою энергіею и паѳосомъ. Какъ всякій отживающій классъ, она хочетъ оборвать эту борьбу на томъ пунктѣ, съ котораго ей начинаетъ грозить призракъ рокового ослабленія и смерти. Добившись извѣстныхъ результатовъ, она желала бы увѣковѣчить ихъ. Она желала бы, напр., замѣнить конкурренцію монополіею, свободу ограниченіями, вѣчное подниманіе и опусканіе борющихся слоевъ, группъ и личностей кристаллизаціей классовъ, разъ всплывшихъ на всѣхъ ступеняхъ соціальнаго процесса, и неумолимымъ подавленіемъ кипящихъ подъ ними новыхъ классовъ и слоевъ. Отсюда теорія „этаповъ" и „родовыхъ достоинствъ".

Уже у Тэна была эта реакціонная сторона міровоззрѣнія, которая вносила въ буржуазную теорію и практику вѣчной борьбы строго консервативную поправку движенія къ соціальной іерархіи. Бурже, вдохновляясь не только Тэномъ, но и Ле-Плеемъ и даже изувѣромъ Бональдомъ (см. его „Этапъ"), отражаетъ какъ нельзя лучше эти тенденціи большинства современной буржуазіи, которая желаетъ превратиться въ новую общественную аристократію и потому такъ воспринимаетъ предразсудки прежней аристократіи, потому такъ стремится слиться въ ней и, наконецъ, пытается, какъ я уже неоднократно выражался въ своихъ письмахъ, превратить самый католицизмъ въ своеобразное страховое отъ соціальнаго огня общество.

Вотъ смыслъ этой теоріи „этаповъ". Не забудьте, что самъ глубокомысленный католическій философъ Ферранъ происходитъ изъ семьи состоятельныхъ землевладѣльцевъ, тогда какъ его соперникъ, этотъ злополучный педантъ свободной мысли, родомъ изъ настоящихъ мужиковъ. Теорія соціальной іерархіи имѣетъ своею цѣлью доказать, что низшимъ классамъ нечего лѣзть вверхъ, а слѣдуетъ продолжать занятія родителей, предоставивъ привилегіи высшаго соціальнаго положенія въ безраздѣльное пользованіе слоевъ, разъ добравшихся до этихъ верхнихъ ступеней общественной лѣстницы. Таковъ основной фонъ міровоззрѣнія современной буржуазіи, превращающейся въ низко-консервативный классъ и вышивающей на этомъ фонѣ реакціонные узоры католицизма, теоріи „расъ" и „семей",—словомъ, всего того, что характеризуетъ клерикаловъ и шовинистовъ нашихъ дней.

*) *L'Etape;* цитирую по „La Revue dex Deus Mondes", номеръ отъ 1-го мая 1902 г., стр. 129.

Я лишь мимоходомъ отмѣчаю непослѣдовательность Бурже, который въ томъ самомъ романѣ, что посвященъ идеализаціи „Этаповъ", т. е. аналогіи соціальной іерархіи классовъ, тѣмъ не менѣе уже совершенно въ духѣ чистыхъ манчестерцевъ отрицаетъ, наоборотъ, фактическое существованіе общественныхъ классовъ и борьбы между ними въ современномъ строѣ: „рабочій не составляетъ особаго класса, какъ въ томъ насъ хотятъ увѣрить рекламные крики политикановъ" *). На то буржуазія и отмирающій классъ, чтобы склеивать свое міровоззрѣніе изъ противорѣчивыхъ взглядовъ, которые выражали ея жизненные и идейные интересы въ различные моменты ея исторіи.

Итакъ, совпаденіе литературной эволюціи Бурже съ жизненной эволюціей класса имущихъ и правящихъ, какъ мнѣ кажется, доказано на основаніи разбора общихъ идей нашего автора. Но это лишь часть, важная, но не единственная часть нашего этюда. Намъ надо теперь разсмотрѣть особенности литературнаго творчества Бурже, поскольку онъ отличается отъ другихъ французскихъ романистовъ. Выше было сказано, что онъ психологъ, при томъ исключительно посвятившій себя анализу чувства любви и опять таки почти исключительно среди свѣтскихъ и вообще привилегированныхъ слоевъ общества: другія струны человѣческой души затрогиваются имъ по большей части лишь постольку, поскольку онѣ соприкасаются съ этой излюбленной романистомъ струной любви.

Самъ по себѣ выборъ такой темы, какъ отношенія между полами, не можетъ еще ничего говорить ни за, ни противъ силы и тонкости художественнаго таланта. Этотъ вопросъ до настоящаго времени играетъ такую роль въ человѣческомъ обществѣ, что, напр., самъ идеальный Шиллеръ видѣлъ въ „голодѣ и любви" два полюса оси, вокругъ которой вращается міръ человѣческой психологіи. А знаменитый остроумецъ Ривароль выразилъ эту мысль, если не ошибаюсь, еще раньше Шиллера, и въ формѣ, которая предвосхищаетъ частью міровоззрѣніе „экономическаго матеріализма":

Природа дала въ даръ человѣку два могущественныхъ органа, органъ пищеваренія и органъ воспроизведенія. Однимъ она обезпечила жизнь индивидуума; другимъ—безсмертіе рода. И такова въ насъ роль желудка, что руки и ноги являются для него лишь прилежными рабами, и что сама голова, которой мы такъ гордимся, представляетъ собою лишь его спутника, болѣе освѣщеннаго свѣтомъ сознанія: это—факелъ зданія *).

---

*) Ibid., номеръ отъ 1-го Марта, стр. 5—6.

*) Rivarol, *Maximes et pensées;* въ новомъ изданіи „Oeuvres de Chamfort et Rivarol", 1889, стр. 225.

Итакъ, въ самомъ фактѣ выбора такой темы, какъ міръ аффектовъ, выростающій изъ отношеній между мужчиной и женщиной, нѣтъ еще ничего, говорящаго само по себѣ въ пользу или къ невыгодѣ автора. Какъ бы мы ни относились къ возможности дальнѣйшей эволюціи этого чувства, его видоизмѣненія, его ослабленія, можетъ быть, даже его исчезновенія въ формѣ индивидуалистически исключительнаго аффекта, оно до сихъ поръ вторгается такимъ могущественнымъ факторомъ въ жизнь человѣка, что вполнѣ понятно мѣсто, какое удѣляютъ ему художники (да и философы).

Гораздо болѣе характеристично для Бурже—и уже на этотъ разъ къ невыгодѣ автора,—то обстоятельство, что нашъ романистъ, повидимому, считающій себя такимъ психологомъ, изучившимъ, по крайней мѣрѣ, въ области отмежеваннаго имъ чувства, всѣ малѣйшіе изгибы человѣческаго сердца, изображаетъ любовь исключительно въ ея свѣтски-буржуазной и даже французской свѣтски-буржуазной формѣ. Вы не найдете въ его романахъ изображенія той полной и захватывающей всего человѣка любви, которая связываетъ въ одно неразрывное цѣлое зоологическую почву этого чувства и его возвышеннѣйшіе цвѣты, идущіе къ солнцу идеала. Кто то изъ тонкихъ французскихъ критиковъ замѣтилъ, что, благодаря своеобразной національной традиціи, установившейся во Франціи, здѣшняя литература, за немногими исключеніями, почти не знаетъ писателей, которые создали бы типъ такой одухотворенной любви, какую далъ намъ хотя бы Шекспиръ въ граціозномъ и высоко поэтическомъ образѣ Дездемоны. Помните, какъ кончаетъ Отелло передъ сенатомъ свою рѣчь, описывающую постепенный ростъ взаимнаго чувства четы: „она полюбила меня за опасности, которыя я перенесъ; а я полюбилъ ее за то, что онѣ вызывали въ ней чувство состраданія“,

She lov'd me for the dangers I had pass'd;
And I lov'd her that she did pity them.

Вотъ этой-то любви вы не найдете въ многочисленныхъ произведеніяхъ Бурже, который пускается, однако, въ такія психологическія тонкости при описаніи душевнаго состоянія своихъ героевъ и героинь. И это въ такой степени характерно для нашего автора, что если можно было бы еще сказать въ его извиненіе, какъ романиста, что онъ описываетъ любовь. лишь дѣйствительно распространенную въ французскомъ обществѣ, то это объясненіе уже совершенно не примѣнимо къ Бурже, какъ къ критику-психологу, который такъ-таки не понялъ цѣлой категоріи чужихъ героинь, а именно героинь Тургенева. Въ самомъ дѣлѣ, Бурже видимо придаетъ ужасно большое значеніе своему умѣнью входить въ самые разнообразные міры чувствованій. Но обратитесь къ его этюду о Тургеневѣ. напе-

читанному въ его „Новыхъ опытахъ по психологіи“. Какое странное впечатлѣніе произведетъ на любого русскаго человѣка глава этого этюда, посвященная „женщинамъ Тургенева“!

У насъ всякій самый плохенькій критикъ и самый заурядный читатель знаютъ, что главная особенность художественнаго творчества Тургенева заключается въ неподражаемомъ искусствѣ, съ какимъ онъ передалъ первое пробужденіе чувства любви въ хорошей и чистой дѣвушкѣ, когда еще неопредѣленныя, но уже могучія волны аффекта колеблютъ всѣ струны молодой души, и все великое, благородное, истинно героическое въ мірѣ гармонически соединяются съ представленіемъ о любимомъ человѣкѣ. И что же? Бурже, установляя различныя категоріи тургеневскихъ женщинъ, просмотрѣлъ какъ разъ типъ этой хорошей и чистой дѣвушки, высоко поэтическое и граціозное изображеніе которой составляетъ уже одно безсмертную заслугу Тургенева!..

Да, не удивляйтесь тому, что я сказалъ! Бурже дѣлитъ женщинъ одного изъ величайшихъ (по моему, величайшаго въ смыслѣ общей художественной архитектуры произведеній) русскихъ романистовъ на три категоріи: „кокетокъ“, „мистичекъ“... и „Антигонъ“, т. е., какъ объясняетъ онъ, выраженій „божественнаго образа состраданія, мужества и чистоты“. Типомъ кокетки является жена Лаврецкаго, „вѣчно улыбающаяся, лицемѣрная и счастливая прелюбодѣйка“; типомъ мистички—Машурина; типомъ Антигоны—Маріанна. Но не говоря о странномъ причисленіи женщинъ вродѣ Машуриной (кстати сказать, обиженной нашимъ романистомъ) къ мистичкамъ; не говоря о книжно-претенціозной рубрикѣ „Антигонъ“, куда же дѣвались просто хорошія дѣвушки, составляющія для насъ, русскихъ, одну категорію, соединяющую вмѣстѣ тѣ черты, которыя Полю Бурже угодно распредѣлить между „мистичками“ и „Антигонами“ — всѣ эти и Маріанны, и Елены, и Аси,—словомъ, типичныя молодыя женщины и дѣвушки Тургенева, въ разной формѣ, съ разной силой, но всѣ одинаково способныя по человѣчески любить и по человѣчески же дѣйствовать?

Ихъ Бурже такъ-таки и проглядѣлъ. Ибо „Антигоны“ это что-то ужъ очень превыспреннее и при томъ въ истолкованіи самого Бурже врядъ ли передающее черты типичныхъ, повторяю, женщинъ тургеневскихъ романовъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ характеризуетъ „Антигонъ“ нашъ тончайшій, по мнѣнію многихъ французовъ, психологъ:

Онѣ являются какъ бы восхитительнымъ символомъ всего, что только можетъ заключаться искренняго въ деликатномъ и хрупкомъ сердцѣ. И всегда, даже въ самой глубинѣ этихъ очаровательныхъ созданій, романистъ показываетъ намъ нѣчто невыразимое и недоступное. Испорченная, сбившаяся съ дороги, или возвышенная женщина представляется ему такъ: это—особый міръ, отличный отъ нашего, личность, изолированная въ своей сущности и недо-

ступная нашему анализу, можетъ быть, даже и нашей любви, кромѣ развѣ рѣдкихъ минутъ и благодаря одной изъ тѣхъ случайностей судьбы, которыхъ даже и не слѣдуетъ желать, ибо онѣ не продолжительны *).

Не правда ли, какое удачное истолкованіе героинь Тургенева представляютъ всѣ эти „Антигоны“, и „невыразимости“, и „недоступности“, „особые міры“ и „изолированныя личности“? И понятно, почему эта игра въ тонкости не приводитъ ни какому положительному результату. Сынъ французской буржуазіи, Поль Бурже глядитъ на тургеневскихъ героинь съ французской же и при томъ буржуазной точки зрѣнія. Женщина Тургенева,—говоритъ намъ присяжный психологъ любви, силясь разобраться въ типахъ русскаго писателя,—

не есть ни ангелъ, ни демонъ романтиковъ; это—реальное существо, какое мы видѣли сами вчера въ обществѣ или на улицѣ, съ его мелкими жестами и идеями, часто похожими на эти жесты, съ его предразсудками капризнаго ребенка, съ его хитростями черезчуръ слабаго созданія и т. д. *).

Вы не улыбаетесь, читатель? А я, рѣшительно, не могу подавить улыбку, видя, какъ нашъ дэнди-психологъ описываетъ этими чертами, заимствованными у героинь парижскихъ свѣтскихъ романовъ, русскихъ женщинъ Тургенева, тѣхъ самыхъ женщинъ, которыя, по давнишнему мнѣнію русскихъ критиковъ, пристыжаютъ своимъ мужествомъ и энергіей воли встрѣчающихся на ихъ пути мужчинъ. Вспомните хотя бы „Русскаго человѣка на rendez-vous“ Чернышевскаго.

Итакъ, не понимая чуждыхъ сердцу французскаго буржуа женскихъ типовъ Тургенева, Бурже, конечно, не въ состояніи въ своихъ романахъ и рисовать что-нибудь другое, кромѣ обычныхъ типовъ французской жизни и, можетъ быть, даже лишь условныхъ типовъ французской беллетристики. Выражаясь такъ, я хочу сказать, что не особенно вѣрю даже и въ то, насколько точно нашъ изящный психологъ воспроизводитъ дѣйствительную жизнь хотя бы и спеціально отмежеваннаго имъ себѣ фешіонэбельнаго свѣта. Я, къ сожалѣнію, не могу развить за недостаткомъ мѣста только что сдѣланное замѣчаніе. Но, не входя въ детали, скажу лишь, что фразу „литература есть отраженіе общества“ надо довольно часто понимать не въ томъ смыслѣ, что литература воспроизводитъ дѣйствительное состояніе общества, а въ томъ, что она, угождая вкусамъ общества, старается рисовать его такъ, какъ этому обществу хочется, чтобы его рисовали, т. е., иначе говоря, она изображаетъ „условную ложь“ общества о самомъ себѣ. Вотъ и Бурже, рисуя героевъ и героинь свѣтскаго міра, не столько, можетъ быть, описываетъ ихъ настоящую психологію, сколько конструируетъ ихъ фешіонэбельный идеалъ, т. е. надѣляетъ ихъ

---

*) *Nouveaux Essais*, послѣднее изд. (10-я тысяча), стр. 248.
**) Ibid., стр. 241.

такими чертами, которыми обитатели этого спеціальнаго міра желали бы видѣть себя надѣленными.

Во всякомъ случаѣ, посвящая почти всѣ свои романы вопросу о любви, Бурже и этотъ-то вопросъ беретъ лишь въ узкой формѣ половыхъ отношеній, хотя и изукрашаетъ этотъ сюжетъ психологическими утонченностями и нѣсколько наивно-восторженными описаніями свѣтскаго великолѣпія. Когда нашъ романистъ говоритъ „любовь", „люблю", „возлюбленная", то въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится подставлять въ эти выраженія самую обнаженную отъ человѣческихъ идеаловъ форму отношеній между полами, какъ бы ни затушевывался этотъ чисто зоологическій фонъ изящными манерами, безукоризненнымъ костюмомъ и свѣтскимъ времяпрепровожденіемъ этихъ своеобразныхъ гориллъ. И, право, припоминая безконечный рядъ этихъ амурныхъ упражненій, можно придти даже къ такому заключенію, что, вѣроятно, тотъ спеціальный міръ, который описывается Полемъ Бурже, настолько изжился и потерялъ способность нормальнаго нервнаго возбужденія даже въ упомянутой узкой сферѣ отношеній между мужчиной и женщиной, что онъ требуетъ отъ своего моднаго романиста изображенія несказанныхъ наслажденій и несказанныхъ мученій какъ разъ на этой зоологической почвѣ. Вспомните опять мою мысль: литература отражаетъ не только общество, какъ оно есть, но и такъ, какъ оно желало бы быть...

Если читатель хочетъ убѣдиться, что данная мною характеристика „любви" по Бурже дѣйствительно вытекаетъ изъ его романовъ, то пусть онъ произведетъ лишь слѣдующій небольшой опытъ: пусть онъ припомнитъ, о чемъ мало-мальски человѣческомъ говорятъ между собою всѣ эти прекрасные герои и героини, занимающіеся бурнопламенною любовью, въ промежутокъ времени, остающійся имъ отъ этихъ занятій. Вотъ вамъ „Роковая загадка", и вотъ вамъ первый человѣческій разговоръ между невиннымъ Гюберомъ и его несравненной возлюбленной, г-жей де-Совъ:

Среди ночи молодой человѣкъ проснулся и, ища губами лицо той, которой онъ могъ бы отнынѣ дать по истинѣ сладкое имя любовницы, нашелъ, что эти щеки, которыя онъ не могъ видѣть, были залиты слезами. „Ты страдаешь?" спросилъ онъ.—„Нѣтъ", отвѣтила она, „то слезы благодарности. Ахъ!" продолжала она, какъ это только люди могли не похитить тебя, мой ангелъ, заранѣе у меня, и какъ я недостойна тебя"... Загадочныя слова, которыя Гюберъ долженъ былъ такъ часто припоминать впослѣдствіи и которыя, даже въ эту минуту и даже подъ этими поцѣлуями, внезапно подняли въ немъ туманъ печали, обычной спутницы удовольствія *).

Второй человѣческій разговоръ, это—безумный допросъ Гюберомъ своей возлюбленной, которая, не смотря на всю свою

---

*) *Cruelle Enigme*, стр. 36.

„любовь“ къ юношѣ, не успѣла остаться одна въ Трувиллѣ, какъ уже увлеклась широкими плечами и „мужественной и здоровой красотой“ молодого графа де-ла-Круа-Фирмэнъ.

„Андрэ Корнэлисъ“, — который, наравнѣ съ другимъ романомъ „Ученикъ“, посвященъ иной, болѣе сложной темѣ, чѣмъ зоологическая любовь,—въ этой послѣдней сферѣ обнаруживаетъ, однако, обычные пріемы Бурже при изображеніи отношеній между полами. Мать Корнэлиса совершенно по иному „любитъ“ своего перваго мужа, плебея, и своего второго, дипломата. Пусть разскажетъ намъ объ этомъ самъ сынъ убитаго отца, съ ненавистью наблюдающій интимную жизнь своей матери и отчима.

При жизни моего отца, когда онъ приближался къ ней, чтобы поцѣловать ее, ея первымъ движеніемъ всегда было защитить себя, отстранивъ его рукою или повернувъ голову. Но какъ послушно и покорно она кладетъ эту самую голову на плечо г. Термонда! Она не защищается, когда онъ беретъ ее за эту талію, которая сохранила всю свою гибкость. Онъ цѣлуетъ ее въ лобъ; и этотъ лобъ не отстраняется, и онъ обрамленъ теперь локонами, которые замѣнили прежнія „бандо“, нравившіяся моему отцу и т. д. *)

Во „Лжи“ развертываются двѣ параллельныя и великія „любви“, составляя какъ бы четыре пары амурной кадрили. Въ одной танцуютъ дэнди - писатель Клодъ Ларше и актриса съ прозвищемъ Колэттъ, въ другой—начинающій талантливый поэтъ Ренэ Вэнси и очаровательная г-жа де-Морэнъ, — что не мѣшаетъ, конечно, усложняться этой кадрили фигурами „changez les dames!“ и „changez les cavaliers!“ Относительно первой пары и говорить нечего: ее самъ романистъ характеризуетъ, какъ грязную, исключительно чувственную связь, которая въ свободное отъ зоологіи время не оставляетъ въ душѣ любовниковъ ничего, кромѣ презрѣнія и ненависти другъ къ другу. Но и изъ взаимныхъ отношеній между идеалистомъ Ренэ и дамой его сердца, у которой есть мужъ и богатый любовникъ, вы не извлечете указаній ни на какую другую „любовь“, кромѣ той, что повторяетъ безконечное число разъ слѣдующую первую по счету картину:

Она отступила въ сторону постели. Онъ бросился къ ней и, прижимая ее къ себѣ, почувствовалъ все это гибкое тѣло прижавшимся къ нему. Слова самой безумной любви приливали къ его губамъ, и, поднявъ Сузанну на руки, сила которыхъ была удесятерена страстью, онъ положилъ ее на постель и, бросившись рядомъ съ ней, покрылъ ее самыми горячими поцѣлуями, пока, наконецъ, она не стала вполнѣ принадлежать ему въ одномъ изъ тѣхъ объятій, которыя уничтожаютъ все въ ребенкѣ двадцати пяти лѣтъ, вплоть до возможности наблюдать, раздѣляются ли ощущенія, испытываемыя имъ *).

Какая неотразимо эротическая сцена для испорченныхъ подростковъ или вѣчныхъ юношей лѣтъ этакъ шестидесяти съ хвос-

*) *André Cornelis*; 1887, стр. 62—63.
**) *Mensonges*; 1887, стр. 289—290.

тикомъ! Но въ сущности-то что за комически-торжественное, что за филистерское описаніе „маленькой конвульсіи", какъ называлъ эти вещи Дюма-сынъ (и, если не ошибаюсь, еще Маркъ-Аврелій, тридцать лѣтъ не подозрѣвавшій, что обожаемая имъ супруга Фаустина именно изъ-за этой convulsicula, по словамъ одного историка, conditiones sibi et nauticas, et gladiatorias elegisse)... Чего стоятъ однѣ эти „руки, сила которыхъ удесятерена страстью", и эти „самые горячіе поцѣлуи", этотъ „ребенокъ 25 лѣтъ", и, наконецъ, это „вполнѣ принадлежать ему"! И, однако, изъ такихъ описаній слагается цѣликомъ у нашего исторіографа свѣтской любви изображеніе основного фона отношеній между мужчиной и женщиной во всѣхъ его многочисленныхъ романахъ. Ибо, замѣтьте, всякій разъ, какъ Поль Бурже хочетъ выйти изъ узкаго круга зоологическихъ ощущеній, онъ рисуетъ намъ духовное общеніе какихъ-то существъ съ птичьими головами и въ особенности надѣляетъ своихъ идеальныхъ женщинъ психологіею воркующихъ горлинокъ и стрекочущихъ канареекъ, приправляя ихъ „невинное" чириканье афоризмами изъ католическаго катехизиса. Совѣтую читателю привести себѣ на память разговоры, которые ведутъ между собою женихъ и невѣста въ „Землѣ обѣтованной". Вотъ наиболѣе интимные, наиболѣе серьезные, въ которыхъ люди обмѣниваются между собою задушевными мыслями передъ тѣмъ, какъ рѣшиться связать свою судьбу на радость и горе, и въ теченіе всей жизни:

— Замѣтили-ли вы,—продолжалъ Нэракъ,—какъ у насъ инстинктивно тѣ же самые вкусы во всѣхъ вещахъ?

— И это вѣрно, — сказала Анріэтта,— тѣ же самые, совершенно тѣ же самые... Но я это знала такъ хорошо съ перваго же дня, какъ увидала васъ.

— Но почему же?—спросилъ онъ.

— Да развѣ отдаешь себѣ въ этомъ отчетъ, — отвѣтила молодая дѣвушка.—Но я была увѣрена, когда въ первый разъ вышла въ этотъ садъ, что и его вы предпочтете всѣмъ другимъ... Я мало читала и большая невѣжда, но я увѣрена, что сейчасъ же узнаю, понравится ли вамъ та или другая книга и т. д. *).

И это канарейкино щебетанье или голубиное воркованье исчерпываетъ все содержаніе человѣческихъ разговоровъ между героями и героинями романовъ Бурже, когда нашъ свѣтскій психологъ оставляетъ изображеніе сценъ въ родѣ той, безконечное повтореніе которой составляетъ весь смыслъ „Лжи", какъ она составляетъ весь смыслъ „Роковыхъ загадокъ", „Преступленій любви", „Космополисовъ", „Женскихъ сердецъ" и т. д. Я отказываюсь отъ дальнѣйшаго детальнаго указанія этихъ особенностей въ произведеніяхъ Бурже и увѣренъ, что у внимательныхъ читателей этого автора осталось въ памяти множество такихъ

*) *La Terre Promise:* стр. 20—21.

„ситуацій“. Но мнѣ хотѣлось бы пойти навстрѣчу возраженію, которое не замедлятъ, конечно, сдѣлать поклонники разбираемаго мною автора: если Бурже такъ монотоненъ, такъ скуденъ своимъ содержаніемъ, если его психологія такъ одностороння и такъ зоологична, то зачѣмъ же посвящать этому писателю цѣлый этюдъ, зачѣмъ вообще тратить столько времени на характеристику такого посредственнаго автора? Вотъ отвѣтъ.

Я вовсе не считаю Бурже посредственнымъ авторомъ, а вижу въ немъ, наоборотъ, одного изъ выдающихся романистовъ Франціи. Я, дѣйствительно, нахожу его монотоннымъ; но то вина не его таланта, а тѣхъ неблагопріятныхъ общихъ условій, которыя изображены были мною въ первой половинѣ статьи и которыя, воздѣйствуя на Бурже при посредствѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ особенностей его положенія, сузили его талантъ и придали ему непріятный оттѣнокъ свѣтскаго снобизма. Тамъ, гдѣ Бурже могъ выйти изъ сферы зоологической любви, прикрытой безукоризненными костюмами и совершающейся среди фешіонэбельныхъ декорацій, онъ создалъ вещи, производящія сильное впечатлѣніе: примѣръ — „Андрэ Корнэлисъ“ и „Ученикъ“, поскольку дѣло идетъ въ первомъ объ изображеніи постоянно растущаго чувства мести за убійство отца, а во второмъ—о вліяніи на дрянныя и больныя натуры подгоняемыхъ ими къ своимъ инстинктамъ тѣхъ или иныхъ общихъ идей.

Но затѣмъ и въ спеціально отмежеванной Бурже области свѣтски-зоологической любви, этотъ писатель обнаруживаетъ недюжинную силу психологическаго анализа. Если вы примиритесь съ тѣмъ, что нашъ романистъ слѣдитъ за переливами лишь упомянутой суженной любви, то вы найдете, что онъ въ этихъ границахъ мастеръ своего дѣла и, дѣйствительно, исчерпываетъ гамму всевозможныхъ человѣческихъ чувствованій, находящихся въ болѣе или менѣе тѣсной ассоціаціи съ такою формою отношеній между полами. Я думаю, будущему историку культуры, которому придется работать въ ту эпоху, когда наши личные аффекты подвергнутся значительному видоизмѣненію,—этому историку чтеніе произведеній Бурже дастъ богатый матеріалъ для характеристики психологіи нашего времени. Нашъ романистъ искрестилъ своими психологическими экскурсіями область амурныхъ чувствованій во всѣхъ направленіяхъ.

Чего стоитъ его анализъ всевозможныхъ оттѣнковъ ревности,— замѣтьте, опять таки почти исключительно той ревности, которая соотвѣтствуетъ зоологической любви. Въ началѣ этой статьи я указалъ, между прочимъ, какъ онъ пользуется цитатой изъ Спинозы, чтобы сдѣлать ее исходной точкой своихъ комментаріевъ къ тому состоянію своеобразнаго гипноза, когда ревнивецъ тер-

заетъ свое воображеніе картинами чисто физической измѣны любимаго существа. Эту мысль Бурже повторяетъ очень часто: Ренэ во „Лжи", Гюберъ въ „Роковой загадкѣ", Клодъ Ларше во „Лжи", „Физіологіи современной любви", Нэракъ въ „Обѣтованной землѣ", Болеславъ Горка въ „Космополисѣ" и столько героевъ (гораздо меньше героинь, что показываетъ, между прочимъ, гаремно-султанскій и полигамическій характеръ этой главнымъ образомъ мужской ревности) и еще столько, говорю, другихъ героевъ въ романахъ Бурже являются жертвами этого гипноза. Этотъ психологическій пунктъ до такой степени подчеркивается нашимъ романистомъ, что, разсказывая о мученіяхъ обманутаго мужа-плебея въ „Преступленіи любви", Бурже считаетъ даже долгомъ отмѣтить, почти какъ аномалію, что этотъ человѣкъ, сильно любившій свою жену, не преслѣдовался, однако, среди страданій ревности видѣніями физическаго „оскверненія". Но за то при этомъ общемъ однообразіи съ какимъ мастерствомъ Бурже передаетъ оттѣнки вліянія этого гипноза на различныя натуры! Какою массою тонкихъ побочныхъ замѣчаній онъ сопровождаетъ изображеніе различныхъ психологическихъ темпераментовъ, вибрирующихъ подъ ударомъ одного и того же факта сознанія!

Анализъ же ревности приводитъ Бурже къ изображенію того душевнаго кризиса, который происходитъ съ обманутымъ человѣкомъ, когда онъ замѣчаетъ, что любимое существо лжетъ. И хотя нашъ романистъ описываетъ этотъ психологическій процессъ въ сферѣ любви, и при томъ, какъ мы сказали, суженной любви, но это изображеніе отличается такою интенсивностью, что стоитъ вамъ перенести его въ сферу людскихъ отношеній вообще, независимо отъ разницы половъ, чтобы стать лицомъ къ лицу съ картиной высокочеловѣческаго страданія, далеко переливающагося за предѣлы такъ называемой любовной „измѣны". Измѣняютъ люди другъ другу не въ одной любви, но и въ дружбѣ; мало того, эта измѣна можетъ относиться не къ одной личности, а къ цѣлой группѣ политическихъ, напр., единомышленниковъ. Частный и спеціальный вопросъ, затронутый Бурже, разростается до предѣловъ общей человѣческой психологіи.

Что слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ анализѣ Бурже, такъ это очень удачную и тонкую констатировку того факта нашего сознанія, что въ глазахъ человѣка, безусловно довѣряющаго вамъ, самая легкая ложь съ вашей стороны является одинаково невыносимой, какъ и самая тяжелая. „Если тотъ, кого я считалъ безусловно честнымъ, могъ позволить себѣ отклониться отъ истины въ незначительномъ вопросѣ, то гдѣ гарантія, что онъ не совершитъ такого же отклоненія и въ болѣе важномъ? Кто, далѣе, скажетъ мнѣ, какимъ критеріемъ обманувшій меня будетъ руководиться при отличеніи важнаго и неважнаго",—таково приблизительно разсужденіе, которое обусловливаетъ мучительность

процесса, вызываемаго измѣной любимаго человѣка, друга или идейнаго товарища. И этотъ кризисъ Поль Бурже мастерски изобразилъ и въ „Преступленіи любви", и во „Лжи", и въ „Космополисѣ, и т. д.

Но правда то, что анализъ сопредѣльныхъ съ любовью чувствъ занимаетъ Бурже въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь постольку, поскольку онъ вынуждается тѣсною связью различныхъ сторонъ человѣческой души: нашъ романистъ постоянно возвращается къ своему излюбленному предмету и доходитъ въ этихъ изслѣдованіяхъ до утонченной и педантической казуистики, которая такъ напоминаетъ казуистику средневѣковыхъ „судовъ любви" (cours d'amour). Какъ одинъ изъ такихъ трибуналовъ занимался въ лѣто Божіею милостію 1174 г. важнымъ вопросомъ, „можетъ ли существовать любовь между законными супругами", такъ точно Поль Бурже перебираетъ одинъ за другимъ всевозможные случаи амурной иллюзіи между полами и пресерьезно перечисляетъ различныя рѣшенія, ограниченія, условія этой проблемы любви.

Интересно, кстати сказать, для характеристики тѣхъ фешіонэбельныхъ слоевъ, аффективную жизнь которыхъ изображаетъ съ такою неутомимостью и проницательностью нашъ романистъ,—интересно, говорю я, то обстоятельство, что едва ли не самой распространенной причиной упомянутой коллизіи между полами является, по мнѣнію романиста, странная, мистически-лживая и непонятная для нея самой природа женщины, проводящей будто бы все время въ бореніи между возвышенными чувствами и тираническими велѣніями чувственности. Припомните г-жу де-Совъ изъ „Роковой загадки", или г-жу де-Тилльеръ изъ „Женскаго сердца", и столько еще сестеръ этихъ прелестныхъ дамъ, которыя измѣняютъ предметамъ своихъ благородныхъ аффектовъ съ первымъ встрѣчнымъ Донъ-Жуаномъ или прожигателемъ жизни, какимъ-нибудь графомъ де-Ла-Круа-Фирмэномъ или Казалемъ. Нашъ изслѣдователь любви считаетъ даже возможнымъ въ своей „Физіологіи", этомъ настоящемъ трактатѣ по амурной казуистикѣ, построить слѣдующую аксіому:

Сердце дѣлаетъ женщину необыкновенно высокимъ существомъ (sublime), а чувства во всей ихъ грубости превращаютъ ее въ существо реальное. Чудовищность же у женщины начинается рядомъ съ нравственностью и физическою холодностью,—въ мозгу. *).

Это положеніе свѣтскаго психолога интересно главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ намъ идеальную, или, лучше сказать, желательную, по мнѣнію фешіонэбельныхъ слоевъ, женщину, т. е. женщину, съ которой бы хотѣлось имѣть дѣло

*) *Physiologie de l'Amour Moderne*; 1891, стр. 146.

типичному мужчинѣ этихъ слоевъ. Надо, конечно, чтобы она была возвышеннымъ существомъ, т. е. удовлетворяла тому свѣтскому кодексу приличій, который въ ея сферѣ является, какъ всемогущій обычай у дикаря, центральнымъ регуляторомъ поведенія. Но надо вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы въ ней достаточно говорили страсти, щекотя пресыщеннаго мужчину этихъ же слоевъ возможностью выбить ее изъ колеи упомянутаго кодекса. За то женщинѣ не прощается ея „холодность", ея „мозгъ", т. е. въ сущности-то способность не ограничивать свой горизонтъ теоріей и практикой „науки страсти нѣжной".

Эта особенность женскихъ типовъ, выводимыхъ обыкновенно Бурже, а именно склонность женщины такъ легко поддаваться разнымъ Фирмэнамъ и Казалямъ, вмѣстѣ съ особенностью мужскихъ типовъ гипнотизироваться физической измѣной, должна, конечно, вызывать постоянныя коллизіи аффектовъ зоологической любви и ненависти въ этомъ мірѣ. Ибо каждому Фирмэну и каждому Казалю соотвѣтствуетъ злополучный Гюберъ или злополучный Пойяннъ; а кромѣ того, и тотъ, и другой могутъ оказаться въ свою очередь Фирмэнами или Казалями для какого-нибудь третьяго соперника. И опять таки виртуозность изображенія Полемъ Бурже этихъ быстро смѣняющихся аккордовъ и диссонансовъ спеціальнаго чувства достигаетъ очень значительной высоты. Достаточно просмотрѣть уже цитированную только что мною „Физіологію современной любви", чтобы видѣть, какою, можно сказать, микрологическою анатоміею аффектовъ, выростающихъ на почвѣ половыхъ отношеній, занимается Бурже, и съ какимъ мастерствомъ онъ развертываетъ эту амурную казуистику.

Остается только пожалѣть, что эта способность анализа была въ громадномъ большинствѣ произведеній Бурже израсходована на психологію сравнительно узкихъ и монотонныхъ чувствованій и на восторженное описаніе, достойное выскочки-сноба, тонкостей костюма, мебели, обстановки фешіонэбельныхъ сферъ. Тамъ, гдѣ сюжетъ романа выводилъ нашего автора изъ его обычной среды, тамъ, гдѣ его талантъ могъ расправить свои крылья, скованныя вкусами свѣтскихъ читателей и читательницъ его произведеній, Поль Бурже создавалъ вещи, которыя, несомнѣнно, принадлежатъ къ наиболѣе замѣтнымъ произведеніямъ французскаго и европейскаго творчества.

Таковъ его „Андрэ Корнэлисъ", таковъ его „Ученикъ". Пусть въ первомъ слышится современная варіація на шекспировскаго Гамлета. Пусть во второмъ сказывается книжное же вліяніе типа семинариста Жюльена изъ романа Стэндаля „Красное и черное". Но постепенное развитіе чувства мести и перипетіи этого развитія; колебанія между подозрѣніемъ и увѣренностью; драматизмъ столкновенія любви къ матери и ненависти къ убійцѣ отца; яркая обрисовка характеровъ и энергія развязки,—все это

дѣлаетъ „Андрэ Корнэлиса" однимъ изъ интереснѣйшихъ романовъ конца прошлаго вѣка. Съ другой стороны, характеристика тѣхъ жизненныхъ и идейныхъ вліяній, которыя перекрещивались въ эгоистически-уродливой и вѣчно рефлектирующей натурѣ „Ученика", надолго останется любопытнымъ памятникомъ изъ исторіи французской культуры. Негодяй Грелу является выразителемъ того краха буржуазнаго позитивизма, который долженъ былъ подготовить путь къ постановкѣ роковой альтернативы нашей эпохи: или реакція и возвращеніе къ традиціонному міровоззрѣнію, или развитіе и примиреніе строгой науки и требованій справедливости въ идеалѣ коллективной солидарности трудящихся.

Пусть лично Бурже пошелъ назадъ, къ идеаламъ прошлаго: всякій свободный отъ предразсудковъ умъ найдетъ выходъ изъ состоянія кризиса не въ признаніи „банкротства науки", столь пріятно говорящемъ сердцу Бурже, Брюнетьера и прочихъ „традиціоналистовъ", а въ обращеніи науки на служеніе человѣчеству...

Именно наше время накопляетъ элементы для рѣшенія задачи, которая тревожила сознаніе лучшихъ людей античнаго міра: „для меня, какъ для человѣка, весь міръ отечество. Всѣ мы сограждане, всѣ мы братья; мы должны любить другъ друга, ибо у насъ одинаковое происхожденіе и одинаковая цѣль" (Маркъ Аврелій). Такъ вотъ куда лежитъ ближайшій „Этапъ" человѣчества, а не въ сторону увѣковѣченія тѣхъ „расъ", тѣхъ „семей", тѣхъ соціальныхъ раздѣленій, которыми нашъ романистъ-дэнди думаетъ лѣчить современное общество.

Н. Е. Кудринъ.

Политика.

О причинахъ войны.

I.

Чѣмъ больше проходитъ времени со дня столь нежданно-негадано открывшейся войны на Дальнемъ Востокѣ, чѣмъ яснѣе становится и продолжительность, и огромное бремя этого событія, чѣмъ очевиднѣе его громадная историческая важность съ его тяжелою отвѣтственностью и серьезными опасностями, тѣмъ настоятельнѣе потребность глубже вникнуть въ историческія причины совершающагося и уразумѣть тѣ этапы и ступени, по которымъ мы почти безсознательно, почти незамѣтно дошли до этого взрыва, до „внезапной минной аттаки" не на одну портъ-артурскую эскадру, но и на міровое положеніе русской державы и на матеріальное

состояніе русской націи. Какъ это случилось? И на чьей отвѣтственности лежитъ эта безсознательность и незамѣтность для насъ грознаго и опаснаго сочетанія историческихъ движеній, постепенно приведшихъ къ грозному и опасному положенію вещей въ настоящее время? Потому что, хотя въ случаѣ невмѣшательства въ войну новыхъ элементовъ конечный исходъ столкновенія не внушаетъ сомнѣній, тѣмъ не менѣе, при неблагопріятныхъ для Россіи условіяхъ въ началѣ войны и при неизбѣжной медленности въ измѣненіи этихъ условій, конечное торжество должно обойтись не дешево и положеніе во всякомъ случаѣ надо признать грознымъ и опаснымъ... А если будетъ вмѣшательство? А если въ Европѣ произойдутъ осложненія совершенно независимо отъ дѣлъ Дальняго Востока?

Давно кѣмъ-то сказано „англичанка гадитъ"... Нашъ обыватель этому охотно вѣритъ; готовъ вѣрить и теперь. Но, во перыхъ, англичанка гадила два столѣтія и никакой опасности для Россіи на Дальнемъ Востокѣ создать не могла, такъ что если она и теперь трудилась, то не ея только рукъ это дѣло, а произошло нѣчто совершенно новое; а во вторыхъ, именно теперь, въ лѣто отъ Р. Хр. 1903—1904, Англія не поощряла Японію къ нападенію на Россію, а, напротивъ, сдѣлала все, отъ нея зависящее, чтобы предупредить столкновеніе. И это доказываетъ, что нѣчто серьезное новое создалось на Дальнемъ Востокѣ, произошла тамъ большая перемѣна... Въ созданіи *крупныхъ* историческихъ событій (а русско-японская война—очень крупное историческое событіе) всегда можно, при нѣкоторомъ вниманіи, отличить два ряда подготовляющихъ событіе историческихъ фактовъ: сцѣпленіе непосредственно предшествовавшихъ событію дѣйствій и плановъ участниковъ событія, ихъ интересовъ, чувствъ, надеждъ, и болѣе глубокія всемірно-историческія теченія, подъ вліяніемъ которыхъ данное сцѣпленіе непосредственно предшествующихъ, подготовляющихъ событіе комбинацій и получило такое, а не иное направленіе и значеніе. О непосредственно предшествовавшихъ комбинаціяхъ и сцѣпленіяхъ историческихъ фактовъ мы говорили на этихъ страницахъ довольно подробно въ ноябрьской хроникѣ 1903 года и снова въ январьской этого года. Ниже мы опять вернемся къ нимъ, чтобы посмотрѣть на нихъ въ свѣтѣ, бросаемомъ войною и болѣе глубокими всемірно-историческими теченіями, о которыхъ выше мы упомянули и къ краткому взгляду на которыя мы и обратимся.

Припоминаю статью Н. К. Михайловскаго о дѣлахъ Дальняго Востока, появившуюся по поводу боксерскаго движенія въ Китаѣ въ 1900 году (см. „Русское Богатство", 1900, № 7, „Литература и жизнь"). Великій русскій писатель, кончину котораго оплакиваетъ вся просвѣщенная Россія и котораго мужественный голосъ, ясный, проницательный умъ и огромный авторитетъ такъ были

бы необходимы въ эти трудные дни, глубоко интересовался дѣлами Дальняго Востока и придавалъ имъ чрезвычайно крупное историческое значеніе. „Въ эту минуту, когда я берусь за перо (писалъ Михайловскій), едва ли кто-нибудь возьмется предсказать, какъ пойдутъ далѣе китайскія дѣла, кромѣ развѣ того, что отнынѣ прекращается изолированная жизнь Китая, что такъ или иначе, пассивно или активно, онъ становится элементомъ общей исторіи". Указавъ, что это выступленіе Китая на авансцену всемірной исторіи застало Европу врасплохъ, нашъ мыслитель продолжалъ: „Почти такъ же неожиданно для Европы былъ и подъемъ Японіи. Когда эта маленькая страна, населенная маленькими людьми, политически реформировалась, Европа насмѣшливо улыбалась, полагая, что это будетъ нѣчто въ родѣ знаменитой турецкой конституціи Митхада-Паши, и никакъ не ожидая, что эти маленькіе желтолицые люди могутъ когда нибудь получить голосъ въ великодержавномъ концертѣ, что придется не только считаться съ ними, а съ благодарностью принимать ихъ, конечно, не безкорыстныя услуги въ дѣлѣ водворенія „порядка" и насажденія „цивилизаціи" (кавычки самого Михайловскаго). Все это проглядѣли люди практическаго дѣла, гордые именно своею практичностью, своимъ спеціальнымъ знаніемъ, умѣньемъ оріентироваться въ житейскихъ фактахъ, и съ снисходительнымъ презрѣніемъ относящіеся къ теоретикамъ. Да хорошо еще, если только съ снисходительнымъ презрѣніемъ. Сплошь и рядомъ они склонны видѣть въ нихъ не просто людей, лишенныхъ практическаго смысла, а людей безпокойныхъ, праздно волнующихъ умы фантастическими надеждами и опасеніями, и потому крайне вредныхъ. А между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, теоретики оказались гораздо проницательнѣе такъ называемыхъ практиковъ и уже давно со страхомъ и волненіемъ вглядываются въ Срединное Царство и въ страну Восходящаго Солнца, ожидая оттуда какихъ-то важныхъ и грозныхъ вѣстей". Теперь уже не одни теоретики, а весь практическій и дѣловой, правящій и управляемый міръ, взятый снова врасплохъ такими вѣстями, съ трепетомъ и лихорадочною напряженностью ожидаетъ оттуда новыхъ важныхъ и грозныхъ вѣстей..." Пророческія строки великаго писателя и любящаго сына своего вѣка, своей цивилизаціи и своей родины оправдались съ яркостью и быстротой, даже слишкомъ поспѣшно... „Слишкомъ" поспѣшно это оправданіе предвидѣнія нашего знаменитаго мыслителя не для насъ, потому что въ этой поспѣшности наше возможное спасеніе; въ ней наше предостереженіе и предупрежденіе: реформирована и вооружена одна Японія, тогда какъ послѣ мы могли бы встрѣтиться съ союзомъ реформированныхъ и вооруженныхъ Японіи, Кореи и Китая. Это уже угроза самому существованію европейскаго міра вообще, восточно-европейскаго въ частности и въ особенности.

Опасность новаго монгольскаго нашествія, конечно, не нашимъ мыслителемъ выдумана. Она давно указывается теоретиками Европы, и Михайловскій цитируетъ нѣсколько такихъ предсказаній. Всѣ они идутъ гораздо дальше предвидѣнія самого Михайловскаго, не увлекавшагося детальными планами надвигющихся событій. Онъ только предостерегалъ, что эти событія дѣйствительно надвигаются и что къ нимъ слѣдуетъ готовиться. Цитируя нѣкоторыя изъ пророчествъ (особенно Вл. Соловьева), онъ продолжаетъ: „Что же касается приведенныхъ картинъ возможнаго будущаго, то какъ бы ни казались намъ онѣ преувеличенными или даже необузданно фантастическими, достойно вниманія, что на нѣкоторыхъ пунктахъ всѣ онѣ совпадаютъ. И эти совпадающіе пункты уже никто не можетъ заподозрѣть въ фантастичности, такъ какъ они—сама дѣйствительность. Это, во-первыхъ, соперничество европейскихъ народовъ, десятки лѣтъ напряженно готовящихся къ войнѣ на сушѣ и на морѣ и съ ревнивою зоркостью слѣдящихъ за чужими успѣхами въ заморскихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Китаѣ. Это, во-вторыхъ, усиленныя заботы европейскихъ народовъ о вооруженіи Китая на европейскій ладъ все въ тѣхъ же видахъ европейскаго соперничества, а также частно-коммерческихъ цѣлей... Такимъ образомъ, варвары остаются варварами, но получаютъ послѣднее слово европейскаго вооруженія и вдобавокъ озлобляются противъ „бѣлыхъ дьяволовъ“. Если бы Европа представляла собою одно цѣлое, то все это было бы настоящимъ безуміемъ. Теперь же мы присутствуемъ при результатахъ цѣлаго ряда дѣйствій, и именно практически умныхъ людей, каждый шагъ которыхъ строго обдуманъ. Англійскіе государственные люди и теперь, въ минуту кровавой китайской смуты и страшной опасности для всѣхъ европейцевъ, взвѣшиваютъ, насколько выгодно или невыгодно будетъ для Англіи предоставить первенствующую роль въ умиротвореніи Китая Россіи или Японіи. Что они склоняются въ пользу Японіи и тѣмъ самымъ, если хотя бы отчасти суждено осуществиться пророчеству г. Соловьева, пускаютъ козла въ огородъ, это, можетъ быть, и ошибочный разсчетъ, но во всякомъ случаѣ разсчетъ людей, находящихся въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Англійскіе и германскіе заводы и торговыя фирмы, завалившіе Китай всякаго рода оружіемъ, тоже руководствовались очень яснымъ практическимъ разсчетомъ. Равнымъ образомъ, и правительства тѣхъ европейскихъ народовъ, которыя отрѣзывали по куску мяса отъ живого китайскаго тѣла. Словомъ, всѣ люди практическаго дѣла, такъ или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно подготовлявшіе настоящія событія, дѣйствовали въ предѣлахъ своего кругозора совершенно разумно. И только лишь теоретиковъ, имѣющихъ право видѣть нѣчто дальше собственнаго носа, событія эти не застали врасплохъ. Они ихъ ожидали, и даже гораздо большаго, какъ мы ви-

дѣли“. Эти большія ожиданія „пока“ не осуществились, говоритъ нашъ великій писатель: „нѣтъ основанія ожидать новаго монгольскаго нашествія въ ближайшемъ будущемъ, но есть всѣ основанія думать, что мы живемъ почти буквально наканунѣ міровыхъ событій огромной важности, центръ значенія которыхъ лежитъ на Дальнемъ Востокѣ“.

Такимъ образомъ, дальновидные и внимательные люди предвидѣли наступленіе нынѣ уже наступившихъ событій. На чемъ же основывалось это предвидѣніе? Предложенныя выше цитаты даютъ достаточныя указанія для обоснованія предвидѣнія. Жили, были себѣ мирные желтокожіе народы на берегахъ Тихаго Океана, много испытавшіе бѣдствій отъ воинственныхъ иноземцевъ и поэтому ничего такъ не опасавшіеся, какъ появленія иноземцевъ. Стѣнами оградилъ себя Китай, а за стѣнами господствомъ надъ пустынями. Корея объявила сношеніе съ иноземцами дѣяніемъ преступнымъ и для прекращенія сношеній опустошила свои берега и прекратила всякое мореходство. Японія была ограждена океаномъ. Но явились европейцы и постепенно силою оружія уничтожили эту замкнутость. Китайцевъ, японцевъ и корейцевъ, по очереди, заставили открыть двери, завести сношенія, вступить въ торговлю и, конечно, при этомъ менѣе всего думали о выгодахъ этихъ народовъ. Имѣлись въ виду выгоды европейской торговли и промышленности, что весьма часто было прямо невыгодно народамъ Дальняго Востока. Попытки отстоять свои выгоды сурово подавлялись, и „рынки“ эти, служа яблокомъ раздора между европейскими народами, одинаково эксплуатировались всѣми. Это создавало общую вражду къ пришельцамъ, и сами пришельцы, желая перебить другъ у друга выгодныя позиціи, только раздували эту вражду, одна нація противъ другой, а другая противъ третьей и т. д. Не довольствуясь этимъ возбужденіемъ недовѣрія мѣстныхъ племенъ къ тому или иному европейскому народу, европейцы еще ихъ и вооружали, и снаряжали, и обучали, надѣясь направить эти силы на соперниковъ. Общая солидарная дѣятельность, раззоряющая и унижающая народы Дальняго Востока; отнюдь не солидарная, но одинаково настойчивая дѣятельность, дискредитирующая соперничающія націи и возбуждающая противъ нихъ; тоже отнюдь не солидарная, но тоже одинаково настойчивая дѣятельность по вооруженію, снаряженію и воинскому обученію восточныхъ народовъ съ цѣлью создать новыя затрудненія соперникамъ, — такова та вѣковая канва, которая постепенно создала современное состояніе вещей на Дальнемъ Востокѣ. То обстоятельство, что народы Дальняго Востока всѣ принадлежатъ къ желтой расѣ и буддійскому исповѣданію, конечно, только облегчало эволюцію, далеко еще не завершившуюся... Расовой вопросъ не господствуетъ покамѣстъ, и, быть можетъ, еще не поздно его устранить, но усердно разрабатываемый въ самой

Европѣ, онъ проводится преимущественно ею же и на Востокѣ. „Постыденъ европейскій антисемитизмъ, пишетъ Михайловскій (тамъ же), постыдны отношенія американцевъ къ неграмъ и, рано или поздно, къ чести человѣчества кончатся эти отношенія, но въ данную минуту они существуютъ и нельзя съ ними не считаться. Сопутствуя европейской цивилизаціи, они распространяются и на цивилизуемые Европою народы".

Подводя итоги этому бѣглому обзору замѣтокъ нашего мыслителя по вопросамъ Дальняго Востока, мы легко усмотримъ, что узелъ всѣхъ событій лежитъ въ распространеніи на историческую жизнь Дальняго Востока двухъ нынѣ широко распространенныхъ и могущественныхъ историческихъ явленій Европы, именно: *капитализма* и *націонализма*. Эти два проклятія Запада стали проклятіемъ и Востока.

II.

Зачѣмъ явились западные люди на Дальній Востокъ и зачѣмъ нарушили мирную, прочно сложившуюся и прочно уравновѣшенную жизнь восточныхъ людей, если причиною тому не былъ капитализмъ и торгово-промышленное соперничество капиталистическихъ странъ? Въ сороковыхъ годахъ Англія силою оружія заставила Китай вступить въ торговыя сношенія съ европейцами, при чемъ утвердилась въ Гонконгѣ. Китайцы, однако, еще не вполнѣ повѣрили въ неотмѣнимость этого нововведенія. Ихъ приходилось снова силою принуждать въ пятидесятые годы, потомъ опять въ шестидесятые, наконецъ, въ 1900 году... Кажется, они теперь повѣрили, но едва ли примирились. За китайцами наступила очередь японцевъ. Ихъ принудили къ торговымъ сношеніямъ въ шестидесятые годы; корейцевъ только въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка. Западные народы, заведя капиталистическое хозяйство, нуждались въ рынкахъ, но, осчастлививъ восточные народы болѣе дешевыми продуктами своей индустріи, западные народы замѣнили этими продуктами какіе-то другіе продукты какихъ-то другихъ работниковъ, проще говоря, мѣстныхъ кустарей. Западные капиталы проникли въ страны Дальняго Востока вслѣдъ за западными продуктами. Эти капиталы учредили пароходство по морямъ и рѣкамъ этихъ странъ, затѣмъ построили желѣзныя дороги, телеграфы, завели почту. Все это удешевило и ускорило сообщенія и сношенія,—это правда, но и до европейцевъ сообщенія и сношенія существовали въ обширныхъ размѣрахъ и были люди, многочисленные люди, кормившіеся этимъ транспортомъ. Ихъ замѣнили новыя учрежденія. И т. д. и т. д. Этотъ процессъ раззоренія и обнищанія обширныхъ группъ населенія еще только начался въ Кореѣ; въ Китаѣ настолько подвинулся, что былъ

главною причиною такъ называемаго боксерскаго движенія 1900 г. Однако самыя серьезныя экономическія преобразованія этотъ процессъ произвелъ въ Японіи, чему способствовали и особенности соціальнаго строя этой страны, и ея добровольное подчиненіе новому экономическому теченію. Въ то время, какъ Китай всѣми способами и силами сопротивлялся нововведеніямъ, Японія очень скоро послѣ открытія сношеній съ Западомъ пошла на встрѣчу не только политическихъ реформамъ по западному образцу, но и новымъ экономическимъ теченіямъ, захватившимъ широкіе слои японскаго народа и выдвинувшимъ на первый планъ новые невиданныя задачи, для разрѣшенія которыхъ не хватало ни знанія, ни историческаго основанія, а различія соціальнаго строенія Японіи и европейскаго Запада не позволяли ограничиться однимъ подражаніемъ. То-есть не позволяли для разумнаго и наиболѣе удобнаго выхода, а для призрачныхъ покушеній на выходъ, конечно, годилась и слѣпая подражательность образцамъ. даннымъ исторіей Западной Европы и Сѣверной Америки. Такими подражательными покушеніями на выходъ изъ тяжелаго экономическаго положенія и явились сначала война съ Китаемъ въ 1894 году, а теперь является и война съ Россіей.

Дѣло обстояло и обстоитъ (по скольку тутъ замѣшаны экономическіе факторы, потому что есть и всякіе иные факторы) въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ. До открытіи Японіи иностранцамъ и до реформы 1868 года, возвратившей императору Японіи всю полноту его власти (два событія, совершившіяся одно вслѣдъ за другимъ на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ), Японія была земледѣльческою страною съ натуральнымъ хозяйствомъ. Земля считалась собственностью императора; фактически находилась въ въ распоряженіи дайміосовъ, крупныхъ феодаловъ, и въ неотчуждаемомъ пользованіи крестьянскаго сословія, воздѣлывавшаго свои надѣлы за натуральную (издольную) ренту дайміосамъ или ихъ служилымъ людямъ, которымъ такое право жаловалось дайміосами. Плодородная почва, благопріятный климатъ, прочный миръ, старая земледѣльческая культура и трудолюбіе обезпечивали народу довольство, а его натуральные платежи и повинности позволяли феодальнымъ князьямъ кормить и содержать классъ самураевъ, служилыхъ людей, военныхъ и гражданскихъ. Въ 1868 году все это измѣнилось. Феодалы были лишены своихъ владѣтельныхъ правъ, но остались крупными землевладѣльцами. Крестьянамъ (въ 1873 г.) были отданы въ собственность ихъ надѣлы, но вмѣсто натуральныхъ повинностей они были обязаны платить подати деньгами. Между тѣмъ, эта замѣна была не изъ легкихъ для плательщиковъ, не привыкшихъ къ денежному хозяйству; надо было продавать продукты послѣ сбора и уплачивать подати, а имъ не хватало затѣмъ на прокормленіе, надо было покупать, для чего брать деньги взаймы, конечно, далеко не даромъ. Уп-

лата процентовъ требовала новыхъ усиленныхъ продажъ продуктовъ, а, слѣдственно, затѣмъ новыхъ долговъ и т. д. и т. д. Словомъ, извѣстная старинная исторія, хорошо извѣданная много испытавшей Европою. Появились ипотечные банки, началось объединеніе долговъ въ ипотекахъ, а затѣмъ опять обычная исторія ликвидаціи народныхъ хозяйствъ и народнаго земледѣлія. Надѣлы скупались и сосредоточивались, а бывшіе крестьяне-собственники превращались въ фермеровъ, батраковъ или уходили въ города, которые стали рости не по днямъ, а по часамъ. Европейскіе капиталы и европейскіе техники явились къ услугамъ японцевъ, учреждались пароходныя компаніи, строились фабрики и заводы, открывались рудники, проводились желѣзныя дороги, телеграфы, основывались банки, сооружались верфи, доки, гавани... При этомъ вслѣдъ за земледѣльцами раззорялись кустари, ремесленники, извозчики, носильщики; милліоны выбрасывались на улицу, и правителямъ страны было надъ чѣмъ призадуматься и о чемъ позаботиться. Здѣсь экономическій и соціальный узелъ японской иностранной политики.

Соціально-экономическій кризисъ, переживаемый нынѣ Японіей (конечно, не одной Японіей), можно было разрѣшить при помощи внутренней политики. Можно было рядомъ законодательныхъ мѣропріятій обезпечить земледѣльческому населенію достаточную для довольства земледѣльческую площадь на не обременительныхъ условіяхъ. Можно было придти на помощь и другимъ слоямъ населенія, терявшимъ заработокъ, благодаря нововведеніямъ, устроить переходный modus vivendi и, по скольку они не помѣщались въ новыхъ предпріятіяхъ, разселять на свободныя земли, которыхъ и теперь въ Японіи не мало (только онѣ составляютъ неприкосновенныя латифундіи бывшихъ феодаловъ и новыхъ скупщиковъ крестьянскихъ надѣловъ). Разумныя эти мѣропріятія, вмѣстѣ съ цѣлесообразною меліораціей, кредитомъ на это, соединеніемъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ въ артели и т. п., надолго гарантировали бы Японіи внутренній и внѣшній миръ и тотъ здоровый экономическій прогрессъ, который роста производительности и усовершенствованія производства достигаетъ не на счетъ благосостоянія массъ. Въ свое время не пошли по этому пути европейцы. Ихъ подражатели и ученики, японцы, тоже не этотъ путь выбрали. Урокъ Европы ничему не научилъ Японію, но примѣръ Европы она приняла къ свѣдѣнію и къ исполненію. Чтобы парировать искусственную тѣсноту (созданную земельными монополіями), Западъ открывалъ клапанъ колонизаціи, для чего захватывалъ малонаселенныя территоріи. Для помѣщенія же избытка капитала тотъ же Западъ либо открывалъ „рынки“ для сбыта своихъ продуктовъ, чѣмъ только и могъ кормить многомилліонную обезземеленную массу, или, съ другой стороны, съ тою же цѣлью захватывалъ уже населенныя терри-

торіи, гдѣ заводилъ „цивилизацію", т. е. извлекалъ изъ населенія новыя выгоды для капиталистовъ, устраивалъ новое поприще для выходцевъ. Такова была практика Запада, особенно Англіи. Ее пожелала усвоить и Японія. Едва ли, при состояніи ея образованности, она могла бы усвоить или, вѣрнѣе, создать и выработать другую практику. Итакъ, захватъ малонаселенныхъ территорій для колонизаціи, густо населенныхъ для насажденія „цивилизаціи" и открытіе „рынковъ",—вотъ что стало по необходимости задачею внѣшней японской политики, когда вполнѣ обозначились и тяжко сказались послѣдствія политики внутренней.

Это роль капитализма. Вслѣдъ за нимъ сыгралъ свою роль и національзмъ, тоже пришедшій съ Запада, гдѣ онъ также сопутствуетъ капитализму. О національзмѣ въ послѣднее время мнѣ приходилось нерѣдко и немало бесѣдовать на этихъ страницахъ. Поэтому теперь ограничусь самымъ немногимъ, необходимымъ. Въ малокультурныхъ массахъ даже самыхъ культурныхъ націй живетъ еще очень много національной нетерпимости, питаемой отчасти старыми баснями и предразсудками, отчасти просто непониманіемъ и отчужденіемъ, старыми счетами, прямо непривычною внѣшностью, обычаями, языкомъ. Эта національная нетерпимость сопровождается, какъ своею естественною оборотною стороною, и національнымъ самомнѣніемъ, убѣжденіемъ въ своемъ превосходствѣ и въ своемъ правѣ на господство. Эта то сторона традиціоннаго расоваго чувства, постепенно ослабѣвающаго, но къ несчастью человѣчества еще сильнаго и распространеннаго, и совпадаетъ съ вновь возникшимъ стремленіемъ къ господству, требуемому капитализмомъ. Это сліяніе стараго, безсознательнаго національнаго шовинизма съ шовинизмомъ капиталистическимъ особенно ярко проявившееся въ Англіи, и получило тамъ названіе „имперіализма". Съ нимъ борется лучшая часть англійской націи. Съ нимъ некому бороться въ Японіи, которая переняла матеріальную культуру Запада, но не имѣла ни времени, ни подготовленной почвы для усвоенія культуры духовной, этой главной опоры антиимперіализма въ Англіи. Если мы послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній вспомнимъ наши замѣтки въ первомъ параграфѣ этой бесѣды, то послѣ роли капитализма поймемъ и роль національзма въ грозныхъ событіяхъ, ареною которыхъ служитъ въ настоящее время Дальній Востокъ, его моря и сѣверо-восточная часть его материка. Капитализмъ принудилъ къ наступательной политикѣ; національзмъ ее оправдалъ въ глазахъ націи, освятилъ ее, а народъ ослѣпилъ и возбудилъ на защиту „національнаго" дѣла.

Вторженіе капитализма и національзма въ историческую жизнь Дальняго Востока это—тѣ глубокія историческія причины, которыя породили наступательную политику Японіи, а что она направилась въ сторону Россіи, не въ другомъ направленіи, это за-

висѣло отъ тѣхъ ближайшихъ прецедентовъ, о которыхъ мы подробно говорили въ нашихъ ноябрьскихъ и январьскихъ бесѣдахъ и на связь которыхъ съ общемъ движеніемъ исторіи и новѣйшими событіями мы теперь и обратимъ вниманіе читателей.

III.

По выше набросанной программѣ, перенятой японцами у западнаго „имперіализма", задачею внѣшней политики должны были явиться: захватъ въ той или иной формѣ, въ формѣ присоединенія, протектората, союза, окупаціи мало населенной территоріи для колонизаціи; захватъ густо-населенной территоріи (тоже, не въ формѣ дѣло, и въ фактическомъ господствѣ) для насажденія „цивилизаціи", и открытіе „рынковъ". Остановимся на этихъ трехъ пунктахъ японской программы, какъ она диктовалась соціальнымъ кризисомъ и примѣромъ Запада.

Разселеніе, колонизація и пріобрѣтеніе для того мало населенной, но пригодной для заселенія территоріи. Гдѣ Японія могла искать эту территорію? Русскіе уступили японцамъ, взамѣнъ ихъ притязаній на Сахалинъ и Камчатку, группу Курильскихъ острововъ, населеніе которыхъ (аины) не пожелало подчиниться новымъ владѣльцамъ и послѣдовало за русскими на Сахалинъ (за исключеніемъ 400 душъ на сосѣднихъ съ Японіей двухъ островахъ.) Однако для японцевъ Курильскіе острова оказались мало пригодными. Съ продолжительною зимою, сильными морозами, обильными снѣгами, короткимъ и сырымъ лѣтомъ, эти земли, хотя и покрытыя роскошною растительностью, изобилующія дичью и омываемыя изобилующими рыбою морями, были слишкомъ суровы для южанъ, и со времени очищенія ихъ аинами сорокъ лѣтъ стоятъ совершенно безъ всякаго населенія. Курильскій архипелагъ лежитъ непосредственно къ сѣверу отъ японскаго архипелага; непосредственно къ югу отъ послѣдняго примыкаетъ архипелагъ Ликейскихъ острововъ, представлявшій лѣтъ сорокъ назадъ полунезависимое владѣніе, вассальное одновременно Китаю и Японіи. Воспользовавшись нѣкоторыми замѣшательствами на этихъ островахъ, Японія высадила войска, а затѣмъ и совершенно присоединила къ своимъ владѣніямъ. Китай протестовалъ, но примирился, потому что въ сущности былъ очень мало заинтересованъ. За Ликейскимъ архипелагомъ японцы заняли лежащіе къ востоку архипелаги Вулканическій и Боннъ-Сима, никому не принадлежавшіе. Это было кое-что, но очень немного. Ликейскіе острова населены и свободнаго мѣста мало, а Вулканическіе и Боннъ-Сима очень невелики, каменисты, вообще мало цѣнны. И, однако, это было все, что плохо лежало въ Тихомъ Океанѣ. Остальное принадлежало могущественнымъ націямъ, или

ими охранялось. Такъ, покушеніе утвердиться на Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) островахъ встрѣтило отпоръ со стороны Соединенныхъ Штатовъ и повело къ присоединенію этого благодатнаго и скудно населеннаго архипелага къ владѣніямъ тѣхъ же Штатовъ. Прекрасныя ненаселенныя или мало населенныя страны лежатъ по тихо-океанскому побережью Америки, и Сѣверной, и Южной, но ужъ сюда то не пустятъ Штаты, какъ на малонаселенные острова Океаніи или на малонаселенный материкъ Австраліи не пустятъ англичане, а также американцы, нѣмцы, французы... Послѣдніе установили протекторатъ надъ тихо-океанскомъ побережьи Индо-Китая. Все это, повидимому, малодоступно, а затѣмъ оставались лишь Корея и огромный Китай. Это была линія наименьшаго сопротивленія. Къ тому же и національмъ направлялъ сюда же, ставя задачею объединеніе желтой расы подъ гегемонію японцевъ. Китай очень населенъ и годится не для колонизаціи, а для насажденія „цивилизаціи", но имѣлъ Манчжурію, страну, которой могла бы доставить широкое поприще для японской колонизаціи. Китай, кромѣ того, имѣлъ островъ Формозу, населенный только на западѣ и обладающій большими пространствами превосходныхъ свободныхъ земель въ центрѣ и на востокѣ. Корея же годилась и для колонизаціи, и для насажденія „цивилизаціи". Она же была самая слабая и географически самая близкая Японіи.

Такимъ образомъ, экономическое, а если возможно, то и политическое подчиненіе Кореи, явилось для Японіи первою естественною задачею внѣшней политики. Это повело къ военному столкновенію съ Китаемъ, который хотѣлъ защищать Корею, какъ свое вассальное владѣніе. Китайцы потерпѣли неудачу, должны были предоставить японцамъ Корею, уступили имъ юго-восточную Манчжурію, Формозу и Пескадорскіе острова. Японія торжествовала первый успѣхъ своей программы, первый шагъ на пути, который ей повелительно продиктованъ вторженіемъ капитализма и освященъ націонализмомъ. Однако она встрѣтила теперь на своемъ пути Россію, которая потребовала независимости Кореи и очищенія Манчжуріи. У Россіи тогда еще далеко не была готова сибирская желѣзная дорога, сухопутныя силы на Д. Востокѣ едва доходили до 35 тыс. и морская эскадра была много слабѣе нынѣшней. Японія склонна была не уступать и готова была уже тогда, десять лѣтъ назадъ, рискнуть войной. Однако, энергическая поддержка русскихъ требованій Германіей и Франціей, при полной изолированности самой Японіи и при враждѣ къ ней со стороны Китая, заставила японцевъ уступить.

Это veto, наложенное Россіей, создало для японцевъ и объектъ ихъ иностранной политики. Этимъ объектомъ стало изгнаніе Россіи изъ водъ Тихаго Океана, какъ главнаго препятствія на пути осуществленія національной политики... Таковъ

тотъ сложный и, конечно, едва лишь намѣченный здѣсь комплексъ историческихъ событій, приведшій къ тому, что историческое движеніе желтой расы направились именно на Россію. Veto Россіи въ 1894 году, сооруженіе и вооруженное охраненіе манчжурской линіи, пріобрѣтеніе Портъ-Артура въ 1898 году, оккупація Манчжуріи послѣ событій 1900 года, русское вліяніе въ Сеулѣ въ послѣдніе годы,—таковы факты, питавшіе японскую вражду и японскую рѣшимость отбросить русскихъ отъ береговъ Тихаго Океана. Имъ это представляется вопросомъ національнаго существованія, и потому война съ Россіей теперь такъ популярна у этихъ отважныхъ и рѣшительныхъ маленькихъ людей страны Восходящаго Солнца. Надежды на Англію и Америку, конечно, тоже ихъ окрыляли въ ихъ отчаянной попыткѣ, и англо-американская печать не мало провинилась передъ японцами, и передъ міромъ, явно поощряя японцевъ къ ихъ опасному предпріятію. Бросившись, очертя голову, въ борьбу съ первоклассною военною державою, японцы поставили на карту всю свою будущность. И для Россіи война эта грозитъ такими утратами и затратами, которыя никогда не будутъ искуплены тѣми ничтожными пріобрѣтеніями, что могутъ быть достигнуты. Есть только одна серьезная задача, достиженіе которой могло бы искупить эти неисчислимыя жертвы, которыя намъ предстоятъ. Такою задачею могло быть установленіе такого порядка, при которомъ стало бы невозможнымъ нарушеніе мира на Дальнемъ Востокѣ, а для этого прежде всего необходимы умѣренность побѣдителей, отреченіе отъ завоевательной политики и согласованіе своихъ дѣйствій и плановъ съ интересами другихъ державъ и съ правами мѣстныхъ народовъ. Подробнѣе объ этомъ мы побесѣдуемъ, когда событія выяснятъ хотя бы нѣсколько новое положеніе вещей на Дальнемъ Востокѣ, но и теперь уже ясно, что не раздѣлъ Дальняго Востока и на захваты должны быть положены въ основу дальне-восточной политики всѣхъ великихъ державъ Европы и Америки, а совмѣстное дѣйствіе, парализующее желтую опасность (напр., гарантированною нейтрализацію), отвѣчающее интересамъ самихъ народовъ Дальняго Востока и согласующее интересы и западныхъ народовъ. Достичь такого совмѣстнаго дѣйствія не легко, но возможно, а слѣдственно, и должно, въ интересахъ мира, справедливости и собственныхъ интересовъ...

С. Южаковъ.

Памяти Н. К. Михайловскаго, какъ соціолога.

О Н. К. Михайловскомъ, какъ соціологѣ, существуетъ цѣлая литература статей, брошюръ и даже книгъ. Когда, три съ мѣсяцами года тому назадъ, праздновался сорокалѣтній юбилей его литературной дѣятельности, я въ своей статьѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ о Н. К. Михайловскомъ, какъ о соціологѣ, могъ отмѣтить цѣлый рядъ авторовъ, разбиравшихъ его соціологическіе взгляды, и къ тому списку, который мною тогда былъ составленъ, теперь можно было бы прибавить еще нѣсколько новыхъ заглавій. Я не намѣренъ, однако, въ настоящей статьѣ, написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ безвременной кончины Николая Константиновича, говорить объ этой литературѣ, посвященной его соціологическому міросозерцанію, и отмѣчаю фактъ ея существованія, лишь какъ одно изъ свидѣтельствъ о томъ крупномъ мѣстѣ, которое принадлежитъ покойному въ нашей соціологической литературѣ. Мнѣ лично тоже не разъ приходилось высказываться въ печати о соціологическихъ работахъ того, памяти котораго посвящена эта статья, и постоянно, когда только къ этому представлялся случай, я указывалъ, что мѣсто, занимаемое Михайловскимъ, было бы однимъ изъ видныхъ и въ любой изъ иностранныхъ литературъ. Я всегда это говорилъ и повторяю теперь съ полнымъ убѣжденіемъ, взвѣшивая, что называется, свои слова и памятуя, что неумѣренныя похвалы компрометируютъ и того, кто ихъ произноситъ, и того, о комъ они произносятся: переоцѣнка, въ смыслѣ преувеличенія значенія, всегда бываетъ плохой услугой.

Первая соціологическая работа Н. К. Михайловскаго появилась въ печати тридцать пять лѣтъ тому назадъ, въ 1869 г., и она была одною же изъ первыхъ работъ этого рода, которыя возбудили во мнѣ, тогда восемнадцатилѣтнемъ юношѣ, интересъ къ соціологіи. Послѣ этого покойный до самыхъ почти послѣднихъ дней своей жизни продолжалъ время отъ времени возвращаться къ соціологическимъ темамъ, и то, что имъ было написано въ этой области за цѣлую послѣднюю треть XIX в. и отчасти начало XX столѣтія, представляетъ массу большихъ и малыхъ статей, самостоятельныхъ работъ и критическихъ разборовъ, которые одни могли бы свидѣтельствовать о напряженности умственнаго труда, подъятаго на себя и совершеннаго покойнымъ. Тридцать пять лѣтъ и я постоянно слѣдилъ за появлявшимися въ печати соціологическими

трактатами или болѣе мелкими работами Михайловскаго, зная, что мысль его неустанно и бодро шла впередъ, и что каждый разъ въ его новой статьѣ встрѣтишь что-нибудь значительное, такъ или иначе освѣщающее вопросъ съ болѣе или менѣе оригинальной точки зрѣнія.

Тому, кто читая эти строки, сказалъ бы, что, можетъ быть, загипнотизированный въ очень юномъ возрастѣ, я просто такъ и остался подъ обаяніемъ талантливаго писателя, произведшаго на меня тогда сильное впечатлѣніе, я могу отвѣтить, что вѣдь не одного же Михайловскаго я читалъ по соціологіи въ теченіе этихъ тридцати пяти лѣтъ: у меня достаточно было, съ кѣмъ его сравнивать не только у насъ, но и за границей, и если тѣмъ не менѣе я ставлю Михайловскаго очень высоко въ соціологической литературѣ, то не въ силу какого-либо личнаго или національнаго пристрастія, а потому, что много думалъ объ этомъ и сравнивалъ. Я совершенно даже устраняю здѣсь вопросъ о дѣйствіи какого бы то ни было личнаго или національнаго пристрастія. За двадцать слишкомъ лѣтъ нашего знакомства, не смотря на то, что намъ приходилось часто работать вмѣстѣ,—напр., въ Комитетѣ Литературнаго фонда, въ засѣданіи котораго я видѣлъ его послѣдній разъ живымъ за полтора-два часа до его кончины,—между нами не было никогда особенно близкихъ отношеній, которыя позволяли бы опредѣлить себя словомъ „дружба", и, вѣроятно, я очень мало, къ сожалѣнію, могъ бы сообщить будущему біографу Николая Константиновича какихъ-либо подробностей объ его интимной жизни. Не личная дружба, такимъ образомъ, диктуетъ мнѣ мой отзывъ о Михайловскомъ, какъ о соціологѣ. Столь же мало руководитъ мною и какой бы то ни было „національзмъ". Я не имѣю удовольствія причислять себя къ лицамъ, становящимся подъ націоналистическое знамя, да и сами эти лица не разъ заявляли, что я не въ ихъ лагерѣ. Между тѣмъ мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ людей, которымъ я сообщалъ свой общій взглядъ на значеніе соціологическихъ работъ Михайловскаго, что эту свою оцѣнку я дѣлалъ изъ особаго пристрастія къ „доморощеннымъ" мыслителямъ: къ сожалѣнію, у насъ еще возможны скептическіе вопросы: „да, развѣ можетъ быть что-либо хорошаго изъ Назарета?"

Каждый разъ при ироническомъ отношеніи къ „русской соціологіи" я стараюсь напомнить или поставить на видъ одно обстоятельство, которое необходимо принимать въ расчетъ и при оцѣнкѣ значенія Михайловскаго, какъ соціолога. Когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ писалась его первая соціологическая работа, собственно говоря, соціологической литературы почти не существовало. То громадное количество книгъ, брошюръ, статей, которыя на разныхъ языкахъ составляетъ эту литературу, цѣликомъ обязано своимъ происхожденіемъ послѣдней трети XIX в.

Если въ другихъ областяхъ знанія, т. е. въ болѣе старыхъ наукахъ русскимъ ученымъ и мыслителямъ приходилось всегда быть только пришедшими на общую работу въ послѣдній часъ, то въ такой молодой наукѣ, какъ соціологія, русскіе выступили однимъ изъ первыхъ, одновременно съ другими націями, опередившими насъ на пути культурнаго развитія, а нѣкоторыя націи прямо даже—позже насъ, напр., американцы, итальянцы, поляки. Это разъ, а во-вторыхъ, у насъ однимъ изъ самыхъ первыхъ началъ работать въ новой научной области—Михайловскій. Далѣе, если въ настоящее время соціологія начинаетъ входить въ число предметовъ академическаго преподаванія, то тридцать пять лѣтъ тому назадъ „каѳедральная" наука или совсѣмъ игнорировала соціологію, или относилась къ ней недружелюбно, и честь введенія у насъ соціологіи въ умственный обиходъ интеллигенціи принадлежитъ какъ-разъ той передовой журналистикѣ, наиболѣе вліятельный органъ которой, „Отечественныя Записки", сдѣлался первой, если можно такъ выразится, соціологической каѳедрой въ Россіи. Въ названномъ журналѣ, въ которомъ появились наиболѣе крупные соціологическіе труды Михайловскаго, и въ „Знаніи" за очень короткое время было напечатано такое большое количество статей соціологическаго содержанія, что уже тогда зашла рѣчь объ особой „русской соціологической школѣ". Въ свои студенческіе годы и потомъ, когда я набирался новыхъ и новыхъ знаній усиленнымъ чтеніемъ научныхъ книгъ, я съ не ослабѣвающимъ интересомъ слѣдилъ за развитіямъ этой „школы" вообще и въ частности за работами Михайловскаго, тѣмъ болѣе, что онъ немедленно знакомилъ тогда своихъ читателей со всѣмъ новымъ по части соціологіи, появлявшимся за границей. Было ли это простое реферированіе новинокъ? Нѣтъ, это была самостоятельная и оригинальная критика новыхъ теорій, вылущиваніе здоровыхъ зеренъ истины изъ того, что эта критика признавала шелухою, такое сопоставленіе результатовъ, добытыхъ движеніемъ соціологической мысли въ разныхъ странахъ, какого тогда нигдѣ больше не происходило, громадная синтетическая работа, въ которую вмѣстѣ съ тѣмъ вносилась новая и свѣжая, вполнѣ оригинальная мысль. Сколько разъ впослѣдствіи, слѣдя за появленіемъ новыхъ соціологическихъ трудовъ на Западѣ, я находилъ въ нихъ, какъ совершенно новыя, такія понятія и положенія, которыя въ русской соціологической литературѣ могли уже почитаться давно высказанными — и, при томъ именно, между прочимъ, и Михайловскимъ. Особенно часто приходилось встрѣчаться съ такимъ повтореніемъ стараго въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ соціологовъ, каковы Лестеръ Уордъ и Гиддингсъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробностяхъ этого вопроса, но за примѣрами, подтверждающими мою мысль, дѣло не стало бы.

Работа надъ докторской диссертаціей „Основные вопросы философіи исторіи“, вышедшей въ свѣтъ въ 1883 г., дала мнѣ возможность систематически перечитать и критически продумать всѣ произведенія „русской соціологической школы“, появившіяся въ свѣтъ за полтора десятилѣтія передъ этимъ, и въ то же время систематически перечитать и критически передумать множество старыхъ и новыхъ иностранныхъ книгъ. Въ частности, знакомясь вновь и уже при иной общей подготовкѣ, и при иномъ, чѣмъ прежде, отношеніи къ дѣлу съ соціологическими работами Михайловскаго, я не имѣлъ никакихъ основаній перемѣнить свой взглядъ на ихъ внутреннюю цѣнность. Когда моя книга вышла въ свѣтъ и въ ней оказалось великое множество ссылокъ на статьи „Отечественныхъ Записокъ“ и „Знанія“, одинъ ученый, относившійся неблагосклонно къ „позитивизму“, высказался, какъ мнѣ передавали, о ней въ томъ смыслѣ, что я ею облагородилъ въ его глазахъ русскую журналистику. Если бы этотъ отзывъ былъ сдѣланъ лично мнѣ, то я, конечно, не удержался бы отъ того, чтобы отвѣтить, что мой благосклонный читатель въ данномъ случаѣ смѣшалъ причину со слѣдствіемъ. Когда бы въ нѣкоторой части нашего общества было меньше предубѣжденія противъ извѣстныхъ кличекъ и ярлыковъ и когда бы упомянутое лицо само прочитало все то, что признало „облагороженнымъ“ лишь мною, то и сомнѣній такихъ, какія до сихъ поръ еще высказываются лицами, не читавшими соціологическихъ трудовъ Михайловскаго, о ихъ научной цѣнности, конечно, не могло бы быть.

Я думаю, что предыдущимъ достаточно сказано противъ упрека меня въ пристрастіи къ „соціологіи Михайловскаго“ въ силу своего рода національнаго патріотизма. Мнѣ хотѣлось только подчеркнуть, что русская соціологія можетъ съ извѣстнымъ успѣхомъ конкуррировать съ иностранными, и что въ ней, этой русской соціологіи, одно изъ первыхъ мѣстъ по времени и очень видныхъ мѣстъ по значенію принадлежитъ Михайловскому. Конечно, досадно бываетъ, когда люди, или совсѣмъ незнакомые съ его работами, или подходящіе къ нимъ съ партійно-предвзятыми точками зрѣнія, смотрятъ на нихъ, какъ на нѣчто, не заслуживающее вниманія, какъ досадно бываетъ и тогда, когда завѣдомо менѣе глубокіе и оригинальные иностранные соціологи пользуются репутаціей, въ которой отказываютъ дѣятелю родной литературы.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о пристрастіи—съ маленькою, впрочемъ, оговоркою. Я не отогналъ отъ себя какъ-то невольно вспомнившійся эпизодъ объ облагороженіи мною русской журналистики въ глазахъ одного недруга „позитивизма“, потому что если уже можно говорить о моемъ пристрастіи къ Михайловскому, то источникъ его можно искать лишь въ благородствѣ его личности. Одна изъ привлекательныхъ сторонъ его соціологіи, это, дѣйствительно, ея благородство. Писатель, который не хотѣлъ и

не умѣлъ отдѣлять правду-истину отъ правды-справедливости, конечно, во всякомъ случаѣ не могъ не сдѣлать своего соціологическаго міросозерцанія благороднымъ. Пусть, однако, никто не подумаетъ,—а это, пожалуй, могъ бы подумать всякій, кто мало знакомъ съ Михайловскимъ,—что онъ, какъ соціологъ, для сохраненія благородства за своимъ міросозерцаніемъ жертвовалъ правдой-истиной правдѣ-справедливости по формулѣ:

„Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже,
Насъ возвышающій обманъ".

Михайловскій, какъ соціологъ, былъ настоящій ученый въ смыслѣ совершенно правильнаго пониманія настоящей задачи науки, или аналитическаго изслѣдованія реальной дѣйствительности въ цѣляхъ полученія объективной истины, и я особенно подчеркиваю эту сторону его дѣятельности. Одна изъ статей Михайловскаго такъ и называлась: „Идеалы человѣчества и естественный ходъ вещей", т. е. онъ различалъ естественный ходъ вещей и идеалы человѣчества, какъ двѣ разныя категоріи, одна съ другою не только не совпадающія, но очень часто находящіяся въ противорѣчіи между собою. Только невнимательное отношеніе къ мыслямъ Михайловскаго, очень яснымъ на этотъ счетъ, или полемическое увлеченіе, искажавшее въ сознаніи его противниковъ самыя опредѣленныя заявленія, могли быть причиною того, что въ соціологическихъ спорахъ послѣдняго десятилѣтія Михайловскому приписывалось смѣшеніе категоріи существующаго и долженствующаго быть со всѣми противонаучными слѣдствіями такого смѣшенія вплоть до утвержденія, будто, по Михайловскому, дѣятельность личности изъята изъ закономѣрности историческаго процесса. Какъ соціологъ, онъ былъ именно мыслитель строго научнаго по своимъ исходныхъ пунктамъ и по своему методамъ направленія. „Въ другой странѣ, при другихъ условіяхъ,—писалъ по случаю его кончины В. Г. Короленко,—Михайловскій, быть можетъ, сталъ бы только ученымъ, и это былъ бы одинъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ". Я подписался бы охотно обѣими руками подъ этими словами, какъ и подъ словами В. А. Мякотина въ той же книжкѣ „Русскаго Богатства": „чувство никогда не загораживало для него дороги къ знанію, теоретическое знаніе никогда не подавляло въ немъ живого чувства". Самъ Михайловскій признавался (въ 1889 году), что его „часто тянуло" къ тому, чтобы „успокоиться на области теоретической мысли"; „потребность теоретическаго творчества, говоритъ онъ, требовала себѣ удовлетворенія, и въ результатѣ являлось философское обобщеніе или соціологическая теорема. Но,—продолжаетъ онъ,—тутъ же, иногда среди самаго процесса этой теоретической работы, привлекала меня къ себѣ своею яркою и шумною пестротою, всею своею плотью и кровью житейская практика

сегодняшняго дня, и я бросалъ высоты теоріи, чтобы черезъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить". На эту тему и лично мнѣ отъ Михайловскаго пришлось выслушать однажды признаніе, какъ самъ онъ смотрѣлъ на внѣшнюю несистематичность своихъ соціологическихъ работъ.

Въ своей книгѣ „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи" я, между прочимъ, анализировалъ теорію Михайловскаго о героѣ и толпѣ, выразивъ при этомъ сожалѣніе, что онъ оборвалъ эту свою замѣчательную работу, а когда долгое время спустя возвратился къ той же темѣ, то далъ ея разработкѣ нѣсколько иное направленіе или, вѣрнѣе, иную постановку. „Читалъ я,—сказалъ мнѣ Николай Константиновичъ при первой же встрѣчѣ послѣ того, какъ я доставилъ ему эту книгу,—читалъ, что вы тамъ про меня написали, и, конечно, нахожу все это совершенно вѣрнымъ. Мнѣ самому, конечно, жаль, но вѣдь, дѣйствительно, мнѣ не приходится дѣлить моего времени между письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ и каѳедрой въ аудиторіи, работая не спѣша, и вотъ приходится бросать многое начатое безъ увѣренности даже, что къ этому опять вернешься". Въ предисловіи къ первому тому послѣдняго изданія „Сочиненій" (1896) Михайловскій сообщаетъ даже, что когда-то онъ „мечталъ переработать свои изданія въ одно цѣльное сочиненіе", но, какъ объясняетъ онъ, почему этого не сдѣлалъ, его „литературный багажъ изъ года въ годъ возрасталъ, а свободнаго времени становилось все меньше".

„Между тѣмъ, писалъ авторъ настоящей статьи по поводу юбилея Михайловскаго въ 1900 г., отсутствіе внѣшняго единства въ его соціологіи мѣшаетъ правильному пониманію его соціологическихъ взглядовъ и вѣрной оцѣнкѣ ихъ научнаго значенія не только со стороны читающей публики, но и со стороны критиковъ",—и я выразилъ тогда увѣренность, которую повторяю и теперь, что „если бы Михайловскій свелъ воедино свои взгляды на общество и на взаимоотношенія въ немъ индивидуальнаго и коллективнаго (группового и классового) элементовъ и представилъ свои выводы въ систематическомъ изложеніи, и если бы такая его книга была переведена на одинъ изъ болѣе распространенныхъ языковъ, то западная критика... признала бы нашего автора однимъ изъ самыхъ видныхъ соціологовъ, а западный историкъ молодой науки отмѣтилъ бы, что этотъ соціологъ началъ самостоятельно работать въ то время, когда почти еще не существовало соціологической литературы". Дѣло въ томъ еще, что, кромѣ цѣльныхъ работъ Михайловскаго, въ общей сложности занимающихъ въ послѣднемъ изданіи его сочиненій около полуторы тысячи большихъ столбцовъ, массу соціологическаго матеріала можно найти разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ „Литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ", „Записокъ профана", „Литературы и жизни" и

т. п. Напр., все, что писалъ Михайловскій объ экономическомъ матеріализмѣ, появилось въ его постоянной журнальной хроникѣ за послѣдніе годы „Литература и жизнь“, подъ какимъ заглавіемъ была напечатана и та статья, которая была его лебединою пѣснью.

Если, однако, соціологія Михайловскаго не была имъ самимъ сведена въ одну стройную систему, то это не значитъ еще, что въ ней не было внутренняго единства. Конечно, на протяженіи трети вѣка въ ней все не могло оставаться неизмѣннымъ, и дѣло не могло обойтись, пожалуй, безъ нѣкоторыхъ частныхъ противорѣчій,—вѣдь Михайловскій постоянно шелъ впередъ, а не стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, да и соціологія—вещь слишкомъ сложная для того, чтобы можно было сразу въ полной точности установить въ ней разъ на всегда опредѣленныя формулы, не требующія дальнѣйшихъ оговорокъ и поправокъ при ихъ взаимномъ согласованіи, но всѣ его соціологическіе труды проникнуты единствомъ основной идеи и цѣльностью общаго взгляда. Въ послѣднее время, по поводу смерти Михайловскаго, не разъ приводились его слова о самомъ себѣ, какъ о человѣкѣ, всю жизнь „проходившемъ въ одномъ сюртукѣ“, и эту мѣткую характеристику можно примѣнить въ частности и къ его соціологическому мышленію: оно тоже отличается замѣчательною выдержанностью общаго своего направленія и основной своей идеи. Въ томъ самомъ предисловіи къ послѣднему изданію своихъ сочиненій, изъ котораго я уже приводилъ выдержки, самъ Михайловскій отмѣчаетъ, что и въ отвлеченныхъ построеніяхъ его теоретической мысли, и въ публицистическихъ откликахъ его на текущія злобы дня „все росло изъ одного и того же корня, все связалось жизненно - тѣсно въ одно, — быть можетъ, странное, и неуклюжее, оговаривается онъ,—цѣлое“. Эти слова заключаютъ въ себѣ величайшую правду, сказанную Михайловскимъ о самомъ себѣ.

Тѣмъ живымъ корнемъ, изъ котораго выростала и соціологія, и публицистика, и литературная критика Михайловскаго, и въ которомъ заключался основной узелъ жизненно-тѣсной цѣлостности его работъ по вопросамъ науки, жизни и литературы, была, разумѣется, его очень цѣльная и гармонически развитая личность. Кто станетъ анализировать и критиковать его соціологію, оторвавъ ея теоремы и формулы отъ ихъ корня въ самой мыслящей, чувствующей и дѣятельной личности Михайловскаго, тотъ не пойметъ, какое же внутреннее единство связываетъ въ одну цѣльную и стройную систему disjecta membra его соціологіи. Въ чемъ тутъ именно дѣло, я сейчасъ постараюсь выяснить въ немногихъ словахъ, какъ я его, конечно, понимаю.

Современная соціологическая литература распадается на два большихъ отдѣла, одинъ — сравнительно-историческаго изученія соціальныхъ формъ (общественнаго строя, учрежденій и т. п.),

другой — абстрактнаго истолкованія соціальной эволюціи. Соціологи перваго направленія собираютъ и подвергаютъ научной обработкѣ историческій и этнографическій матеріалъ, изъ котораго должно строиться зданіе молодой науки; соціологи второго направленія уже теперь являются архитекторами, работающими надъ проектами этого зданія или уже прямо строящими его модели. Къ сравнительно-историческому изученію экономическихъ и соціальныхъ, юридическихъ и политическихъ формъ Михайловскій лично былъ довольно равнодушенъ, не потому, я думаю, чтобы не видѣлъ важности изслѣдованій этого рода, а потому, что за внѣшними формами учрежденій въ сравнительно-историческихъ изслѣдованіяхъ не видно обыкновенно живыхъ личностей, самихъ людей, изъ которыхъ историческій процессъ, изучаемый сравнительнымъ методомъ, строитъ эти свои формы. Когда же представители сравнительно-исторической соціологіи заявляли, что здѣсь все, что здѣсь, такъ сказать, „и законъ, и пророки", онъ противъ этого протестовалъ. Въ памяти у меня не сохранилось, впрочемъ, ни одного его печатанаго отзыва о компетенціи сравнительно-историческаго метода, но изъ разговоровъ кое-что помню. Еще недавно, отдавая ему одну изъ своихъ статей о возрожденіи естественнаго права для помѣщенія въ „Русскомъ Богатствѣ", я, между прочимъ, указалъ ему на возраженіе, дѣлаемое естественному праву однимъ изъ нашихъ соціологовъ съ точки зрѣнія „единоспасающаго" сравнительно-историческаго метода, и Михайловскій очень категорически заявилъ, что „противъ недомыслія такихъ претензій, видно, ничего ужъ не подѣлаешь".

Въ другой группѣ произведеній соціологической литературы можно различить четыре главныхъ направленія: органическую школу, дарвиницизмъ *), экономическій матеріализмъ и психологическое направленіе. Михайловскій, который въ соціологіи былъ и тонкимъ, остроумнымъ критикомъ, и вдумчивымъ, глубоко проникающимъ въ суть вещей теоретикомъ, обнаружилъ всю силу своего недюжиннаго критицизма на первыхъ трехъ изъ названныхъ направленій, всю силу недюжинной творческой способности своего ума по части теоретическихъ построеній на психологическомъ обоснованіи соціологіи. Я напомню только блистательную полемику Михайловскаго противъ спенсеровскаго „органицизма" и въ связи съ этимъ лучшую, какую мнѣ пришлось прочесть, критику книги Дюркгейма „О раздѣленіи общественнаго труда", написанной съ органицистической точки зрѣнія. Напомню и статьи Михайловскаго о дарвинизмѣ въ примѣненіи къ общественной наукѣ, послѣднею изъ которыхъ былъ разборъ сочиненія Кидда „Соціальная эволюція". Напомню, наконецъ, и все то,

*) Отличаю дарвиницизмъ, какъ одностороннее примѣненіе дарвиновой теоріи къ соціологіи, отъ самого дарвинизма.

что въ девятидесятыхъ годахъ, еще столь свѣжихъ въ памяти, писалъ Михайловскій объ экономическомъ матеріализмѣ. И вотъ я думаю, что корень его несогласія съ этими тремя направленіями былъ въ его основномъ пониманіи человѣческой индивидуальности, какъ факта психологіи, и въ его уваженіи къ человѣческой личности, какъ принципу этики, ибо въ органической школѣ соціологіи человѣческая индивидуальная личность приравнивалась къ простой *клѣточкѣ* общественнаго организма съ ея служебною ролью средства, коимъ онъ пользуется въ достиженіи своихъ цѣлей, ибо въ дарвиницизмѣ человѣческая личность принималась только за животную *особь*, борющуюся за одно физическое свое существованіе, ибо, наконецъ, пересаженный на русскую почву экономическій матеріализмъ съ особеннымъ задоромъ объявлялъ, что личность—простой *продуктъ* среды и потому величина, которою можно пренебрегать, quantité négligeable, какъ сами выражались адепты новаго ученія. И если, думаю я еще, особое стремленіе чувствовалъ Михайловскій къ психологическому обоснованію соціологіи, то потому, что оно ставило его лицомъ къ лицу съ человѣческою индивидуальностью, какъ съ однимъ изъ фактовъ дѣйствительности, и съ человѣческою личностью, какъ этическимъ принципомъ.

На почвѣ этой идеи индивидуальности, личности въ міросозерцаніи Михайловскаго объединялись правда-истина и правда-справедливость. Онъ не мирился съ представленіемъ о человѣкѣ, лишь какъ о клѣточкѣ, какъ объ особи, какъ о продуктѣ среды, и заявленіе о томъ, что это вообще une quantité négligeable, его глубоко возмущало. Во всемъ этомъ онъ находилъ полное отсутствіе уваженія къ человѣческому достоинству, чистѣйшую несправедливость, и это свидѣтельствовало бы только о прекрасныхъ качествахъ сердца Михайловскаго, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не проявлялись и прекрасныя качества его ума, который обнаруживалъ, что это и невѣрно съ точки зрѣнія объективной истины, что человѣкъ не общественная клѣточка, а самостоятельное существо, что онъ не зоологическая особь только, но и нравственная личность, что онъ не простой продуктъ культурной среды, но цѣлый внутренній міръ движеній мысли, движеній чувства, движеній воли, проявляющихся наружу и вмѣшивающихся въ естественный ходъ вещей. Съ чисто теоретической точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія объективной правды-истины онъ опровергалъ и тотъ взглядъ на историческій процессъ, въ которомъ личность разсматривается, лишь какъ матеріалъ, формуемый органическою эволюціей, лишь какъ особь, приспособляющуюся къ средѣ, лишь какъ пассивный продуктъ соціальнаго развитія.

Конечно, Михайловскій не отрицалъ того, что индивидуумъ *можетъ* бывать и очень часто на самомъ дѣлѣ бываетъ только

клѣточкой, особью, продуктомъ, но онъ зналъ и никогда не забывалъ, что индивидуумъ бываетъ также или вообще можетъ бывать и въ идеѣ долженъ быть личностью, и въ этомъ его знаніи объективныя показанія правды-истины сливались для него съ субъективными требованіями правды-справедливости.

Самъ Михайловскій и въ жизни, и въ литературѣ былъ слишкомъ цѣльною, гармонически развитою и дѣйственною личностью, чтобы его могли и съ теоретической, и съ этической точки зрѣнія удовлетворить соціологическія построенія, для которыхъ личность въ большей или меньшей степени была только quantité négligeable. Онъ слишкомъ широко смотрѣлъ на жизнь и на литературу, какъ ея отраженіе, и слишкомъ глубоко понималъ явленія той и другой, чтобы довольствоваться теоріями, въ которыхъ единственный субъектъ жизни и дѣятель на разныхъ ея поприщахъ, самъ человѣкъ, либо заслонялся внѣшними ея формами, либо низводился на степень простого продукта, много-много носителя этихъ формъ, на степень матеріала, изъ котораго соціальная жизнь строитъ свои формы, на степень тоже своего рода особой „формы“ простой зоологической особи. Личность онъ чувствовалъ въ себѣ и видѣлъ разныя степени ея развитія внѣ себя, дорожилъ ея святынею въ самомъ себѣ и уважалъ ее въ другихъ: она была для него реальность, которую никакъ нельзя было выкинуть за бортъ соціологическихъ построеній, и въ ней же для него заключалась идеальность высшаго порядка, которою нельзя было „неглижировать“ при пониманіи цѣлей человѣческихъ общежитій.

Въ своихъ критическихъ приговорахъ Михайловскій всегда проявлялъ большую дозу безпристрастной вдумчивости, отсутствіемъ которой, наоборотъ, такъ часто грѣшили его критики. Одинъ изъ нихъ, напр., утверждалъ, что, воюя съ органической теоріей общества, онъ въ то же время, самъ того не замѣчая, цѣликомъ былъ во власти этой самой теоріи. Въ дѣйствительности было не такъ. Для Михайловскаго истина была чѣмъ-то многограннымъ, и менѣе всего его соціологическое міросозерцаніе можно обвинить въ однобокости. Отношеніе его къ критикуемымъ теоріямъ было такое, что если уже говорить, будто онъ былъ во власти органической теоріи, что нужно было бы распространить такое утвержденіе и на дарвиницизмъ, и на экономическій матеріализмъ. Дѣло въ томъ, что онъ не только не отрицалъ, но даже и прямо признавалъ вѣрныя стороны критикуемыхъ теорій, дѣлая изъ нихъ свои выводы съ своей точки зрѣнія. Нѣкоторымъ,—особенно такимъ, которые все видятъ въ одной плоскости, безъ рельефа,—казалось, что это былъ своего рода эклектизмъ, не умѣющій сводить концы съ концами, но на самомъ дѣлѣ это былъ настоящій синтезъ, объединенный центральною идеею, проходящею черезъ всю соціологію Михайловскаго.

Тому, кто хотѣлъ бы понять, въ чемъ заключается центральная идея соціологіи Михайловскаго, я посовѣтовалъ бы взять его большую работу „Борьба за индивидуальность". Но Михайловскій развивалъ не однѣ отвлеченныя положенія касательно личности и общества, а подвергалъ изслѣдованію и чисто фактическій матеріалъ. Правда, это не былъ тотъ расклассифицированный по опредѣленнымъ рубрикамъ матеріалъ, которымъ оперируетъ сравнительно-историческій методъ, но это не мѣшало матеріалу Михайловскаго быть и богатымъ, и разнообразнымъ, и вполнѣ научнымъ. Громадная начитанность въ разныхъ областяхъ знанія дозволяла ему черпать свои данныя и изъ біологіи, и изъ психологіи, и изъ политической экономіи, и изъ криминалистики, и не знаю еще—откуда, не говоря уже о литературѣ, критикѣ и публицистикѣ, и затѣмъ остроумно сближать категоріи явленій, повидимому, одна отъ другой крайне отдаленныхъ, и прочно обобщать эти явленія въ формулахъ, открывавшихъ новые горизонты. Михайловскій-критикъ всегда дополнялся Михайловскимъ-творцомъ въ области соціологіи. Тому, кто хочетъ познакомиться именно съ этою стороною научной дѣятельности Михайловскаго, я совѣтую прочесть его „Героевъ и толпу", прекрасно начатый, но, жаль, оставшійся недописаннымъ трактатъ. Прибавлю еще вотъ что, дѣлая эту рекомендацію. Образцомъ того, какъ у насъ критиковали Михайловскаго люди, не вѣрящіе, чтобы изъ Назарета могло выйти что-либо хорошее, можетъ служить утвержденіе одного критика, будто авторъ заимствовалъ основныя идеи этого своего трактата у Тарда. Простая хронологическая справка показываетъ, что Михайловскій на цѣлыя восемь лѣтъ предупредилъ книгу Тарда „Законы подражанія". Кто будетъ теперь читать „Героевъ и толпу" Михайловскаго, долженъ имѣть въ виду, что этотъ трактатъ появился въ свѣтъ въ 1882 г., а книга Тарда лишь въ 1890. Въ 1882 г. это была тема новая, а трактованіе ея вполнѣ оригинальнымъ остается и досель. Мало того: ознакомившись съ теоріей Тарда, Михайловскій сумѣлъ со своей, болѣе широкой и плодотворной точки зрѣнія показать, что было недостаточнаго въ теоріи французскаго соціолога. „Герои и толпа" вообще — одинъ изъ первыхъ по времени и очень важныхъ до сихъ поръ по значенію трактатовъ въ области коллективной психологіи, къ которой, какъ и къ психологіи индивидуальной, влекли его одинаково, кромѣ того, и жизненные, и литературные интересы, а не одна отвлеченная соціологическая теорія.

Размѣры настоящей статьи и самый ея характеръ не позволяютъ мнѣ тутъ же заняться изложеніемъ того, что можно было бы назвать основами соціологической теоріи Михайловскаго. Для этого потребовалось бы гораздо больше мѣста, а главное—потребовалась бы значительная предварительная работа. Она вообще нужна, такая именно работа критическаго анализа соціологическихъ

трудовъ Михайловскаго для синтетическаго воспроизведенія основныхъ линій его научнаго міросозерцанія, поскольку оно касается человѣческой общественности *). И нужна эта работа не только для того, чтобы тѣмъ самымъ оказать уваженіе къ памяти покойнаго, но и для того, чтобы облегчить пониманіе его соціологическихъ сочиненій для остающихся въ живыхъ. Я глубоко убѣжденъ, что соціологическіе труды Михайловскаго будутъ еще долго читаться, и когда десять лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось принять участіе въ составленіи однѣхъ „программъ чтенія для самообразованія", то въ отдѣлѣ соціологіи, который былъ мнѣ порученъ, я отвелъ широкое мѣсто какъ-разъ главнымъ работамъ Михайловскаго. Я цѣнилъ въ нихъ въ данномъ случаѣ ихъ живую литературную форму журнальной популяризаціи научныхъ матерій, цѣнилъ ихъ критицизмъ, подъ вліяніемъ котораго растворяются догматическія привычки мысли, цѣнилъ свойство возбуждать самостоятельную работу мысли. Въ числѣ другихъ упрековъ, какіе были сдѣланы программамъ, и такой выборъ былъ поставленъ коекѣмъ въ вину, но въ новыхъ ихъ изданіяхъ за Михайловскимъ оставалось прежнее мѣсто, какъ будетъ, надѣюсь, и впредь оставаться. Чтеніе соціологическихъ статей Михайловскаго—прекрасная предварительная школа, въ которой можно пріобрѣсти не только живой интересъ къ соціологическому знанію, но и способность противостоять всякой догматической односторонности.

Въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни Михайловскому пришлось выступить борцомъ противъ одной изъ такихъ догматическихъ односторонностей. Въ эту пору изъ - подъ пера Михайловскаго не вышло ни одной крупной по размѣрамъ работы соціологическаго содержанія, въ которой разсмотрѣнъ былъ бы теоретически вопросъ, возбужденный тогда экономическимъ матеріализмомъ. Это было временемъ, когда Михайловскому скорѣе приходилось обороняться, чѣмъ нападать, охранять созданное, чѣмъ созидать вновь. Нападеніе было сдѣлано, собственно, на всю „русскую соціологическую школу", которая уже обрекалась идти на смарку. Но Михайловскій дожилъ и до того времени, когда ряды нападающихъ разстроились, цѣльная съ перваго взгляда доктрина ихъ раскололась на цѣлый рядъ враждебныхъ одинъ другому оттѣнковъ—отъ крайняго матеріализма до еще болѣе крайняго идеализма, ударившагося въ метафизику и даже мистику, да и самъ основной догматъ доктрины уже пересталъ защищаться съ такою завзятостью, какая была проявлена ровно десять лѣтъ тому назадъ. Сорокалѣтній юбилей Михайловскаго въ ноябрѣ 1900 г. былъ моментомъ, когда и его теорети-

---

*) Говоря о нужности такой работы, я вовсе не имѣю въ виду сказать, что подобныхъ сводовъ соціологическихъ идей Михайловскаго нѣтъ. Укажу, напр., на книжки гг. Красносельскаго, Позитивиста, Ражковскаго, Ранскаго и др.

ческіе противники въ области соціологическаго пониманія явились его привѣтствовать, какъ одного изъ крупнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей нашихъ дней. Тогда же друзья и почитатели покойнаго издали извѣстный сборникъ въ его честь, названный ими „На славномъ посту“. Пишущій эти строки тоже получилъ приглашеніе принять въ немъ участіе и даже началъ готовить статью о теоріи личности другого русскаго соціолога, съ которымъ у Михайловскаго было множество точекъ соприкосновенія, но мнѣ помѣшала ее написать тяжелая болѣзнь, и потомъ пришлось напечатать ее въ другомъ мѣстѣ. Пусть же теперь то, что я не могъ сдѣлать тогда для юбилея, будетъ возмѣщено этимъ моимъ бѣглымъ очеркомъ, написаннымъ безъ особыхъ приготовленій и даже почти безъ справокъ съ сочиненіями Михайловскаго, среди другихъ работъ и заботъ текущей минуты. И я только могу благодарить тѣхъ, которые дали мнѣ возможность сказать свое слово о покойномъ въ томъ самомъ журналѣ, который онъ такъ любилъ и для котораго такъ много сдѣлалъ.

Онъ умеръ на славномъ посту созиданія идейнаго русскаго богатства, въ которомъ цѣннымъ вкладомъ является и его соціологическое наслѣдство... И пусть еще долго раздаются надъ нимъ надгробныя рѣчи, не ему, конечно, теперь нужныя, а нужныя для той жизни, которую онъ такъ любилъ „со всею ея яркою и шумною пестротою, со всею ея плотью и кровью“, для той жизни, которую онъ такъ упорно стремился понять самъ и помочь понять другимъ, освѣщая ея явленія съ широкой соціологической и этической точки зрѣнія „правды-истины“ и „правды-справедливости“, соединенной въ высшей, двуединой *человѣческой правдѣ*!

Н. Карѣевъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Впечатлѣнія текущаго дня и ихъ отраженія въ печати.—Первыя послѣдствія войны для внутренней жизни Россіи.—Извѣстія изъ неурожайныхъ мѣстностей.—Земскія пожертвованія на флотъ и ихъ оцѣнка въ печати.—Надежды на благотворное вліяніе войны.—Г. Меньшиковъ и его послѣдніе подвиги.—Случай вліянія печати на жизнь.—II. Правительственныя распоряженія и сообщенія. — Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи. — III. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

Разгорѣвшаяся на Дальнемъ Востокѣ война, ея текущія событія и ея возможные результаты продолжаютъ сосредоточивать на себѣ вниманіе русской періодической печати. Въ большинствѣ случаевъ, однако, это вниманіе является нѣсколько одностороннимъ, далеко не равномѣрно распредѣляясь между собственно военными событіями и тѣмъ отраженіемъ, какое послѣднія могутъ и должны получить во внутренней жизни страны. Большая часть органовъ нашей прессы чрезвычайно старательно посвящаетъ читателей въ ходъ военныхъ операцій, но лишь немногіе изъ этихъ органовъ съ такимъ же вниманіемъ останавливаются на вопросѣ о вѣроятныхъ результатахъ войны для русской жизни. И даже тогда, когда этотъ послѣдній вопросъ ставится въ печати, на него нерѣдко даются крайне поверхностные, чтобъ не сказать,—легкомысленные, отвѣты. За примѣрами ходить не далеко.

Не такъ давно одна изъ столичныхъ газетъ нашла нужнымъ выступить съ чрезвычайно радужными предвидѣніями на счетъ возможныхъ послѣдствій войны для народнаго и государственнаго хозяйства Россіи. „Военныя жертвы всякаго рода—завѣряло своихъ читателей „Новое Время"—именно Россіей и именно чисто въ народно-хозяйственномъ смыслѣ переносятся сравнительно легко, ибо раскладываются съ достаточной равномѣрностью на полуторастамилліонную массу. Вполнѣ естественно поэтому, что въ памяти нашего народа война, хотя бы и напряженная, считается меньшимъ испытаніемъ, чѣмъ эпидеміи и неурожаи, но фактъ непреложный, что нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ народная масса такъ сравнительно мало чувствовала бы ближайшія послѣдствія войны, какъ въ Россіи, быть можетъ, именно благодаря ея бѣдности. Какъ ни смотрѣть на это, но, повторяемъ, самаго факта отрицать нельзя. Пусть военные расходы составляютъ обременительный для насъ учетъ труда будущихъ поколѣній, но для нашихъ враговъ здѣсь утѣшенія немного. Впослѣдствіи, быть можетъ, уменьшится та часть государственныхъ рессурсовъ, кото-

рая могла бы быть израсходована производительно; за то въ данный моментъ никакихъ минусовъ въ нашей финансовой готовности къ защитѣ страны не обнаружитъ самый пытливый пессимистъ“ *).

Я привелъ эти слова беззаботной газеты, конечно, не съ тѣмъ, чтобы обсуждать ихъ по существу. Слишкомъ странно было бы серьезно разбирать аргументацію, въ основѣ которой лежитъ утвержденіе, что бѣдная страна въ силу самой своей бѣдности можетъ легче справиться съ финансовыми затрудненіями, чѣмъ страна богатая. Не менѣе странно было бы съ серьезнымъ видомъ опровергать утвержденіе, будто финансовыя тяготы, падающія на русскій народъ, „съ достаточной равномѣрностью“ раскладываются на его полуторастамилліонную массу. Подобныя утвержденія являются, правда, крайне характерными для переживаемаго нами момента. Но они характерны не какъ образчикъ невѣрныхъ мнѣній, а какъ любопытное свидѣтельство стремленія извѣстной части прессы затушевать связанныя съ разгорающеюся войной затрудненія.

Между тѣмъ эти затрудненія уже въ настоящее время выступаютъ все отчетливѣе и даютъ о себѣ знать самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Мѣсяцъ тому назадъ мною было высказано на страницахъ хроники „Русскаго Богатства“ предположеніе, что вспыхнувшая на Дальнемъ Востокѣ война неминуемо повлечетъ за собою серьезныя осложненія въ исполненіи государственной росписи на текущій годъ. Съ тѣхъ поръ прошло еще немного времени, а это предположеніе успѣло уже вполнѣ оправдаться. Какъ передаютъ газеты, въ настоящій моментъ признано необходимымъ произвести такое сокращеніе расходовъ по различнымъ статьямъ смѣты текущаго года, которое позволитъ съэкономить на военныя нужды сумму въ 140 милл. р. Значительная часть этой суммы, согласно тѣмъ же газетнымъ сообщеніямъ, будетъ доставлена путемъ сокращенія предположенныхъ было издержекъ на желѣзнодорожное строительство, но помимо того подобное же сокращеніе, несомнѣнно, будетъ распространено и на многіе другіе, гораздо болѣе важные и неотложные, расходы. По этому послѣднему поводу въ печати, правда, имѣются пока лишь крайне неполныя и отрывочныя свѣдѣнія, но и эти свѣдѣнія не лишены извѣстнаго краснорѣчія.

Таврическій губернаторъ, по словамъ газетъ, получилъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ увѣдомленіе, что внесенный было въ смѣту на 1904 годъ кредитъ въ 8 милліоновъ рублей для выдачи пособій земствамъ на устройство мѣстныхъ дорогъ вслѣдствіе вспыхнувшей войны закрытъ, а потому ходатайства таврическаго и всѣхъ другихъ земствъ, разсчитывавшихъ на этотъ кре-

*) „Новое Время“, 1 февр. 1904 г.

дить, отклоняются *). Въ свою очередь крестецкая земская управа получила отъ управляющаго отдѣломъ сельской экономіи извѣщеніе о необходимости въ виду сокращенія кредитовъ пріостановить дальнѣйшее разрѣшеніе меліоративныхъ ссудъ **). Въ Крестецкомъ уѣздѣ земство всего годъ тому назадъ взяло на себя посредничество въ дѣлѣ выдачи меліоративныхъ ссудъ отдѣльнымъ лицамъ и сельскимъ обществамъ, и дѣло это стало было развиваться здѣсь, но теперь оно подверглось рѣшительной пріостановкѣ. Подобная же пріостановка, надо думать, постигла его и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ. Но во всякомъ случаѣ сокращеніе и даже полное прекращеніе меліоративнаго кредита является еще маловажнымъ фактомъ сравнительно съ другого рода сокращеніемъ расходовъ казны, о которомъ сообщаютъ изъ Саратова. Саратовскимъ губернскимъ присутствіемъ, какъ передаютъ газеты, не такъ давно получена была изъ министерства внутреннихъ дѣлъ слѣдующая телеграмма: „въ виду необходимости всемѣрнаго сокращенія издержекъ казны, вслѣдствіе событій на Дальнемъ Востокѣ, министерство проситъ увѣдомить его, насколько возможно уменьшить выдачу ссудъ на обсѣмененіе полей и сократить или совсѣмъ исключить ассигнованія на общественныя работы". Обсудивъ этотъ запросъ, губернское присутствіе, по словамъ газетнаго сообщенія, нашло возможнымъ сократить на 100.000 руб. ассигнованія министерства внутреннихъ дѣлъ на продовольственныя и сѣменныя нужды губерніи и на 100.000 р.—сумму, испрашиваемую на общественныя работы, а всего, стало быть, признало возможнымъ съэкономить на дѣлѣ продовольствія крестьянскаго населенія Саратовской губерніи 200.000 р. ***)...

Изъ Дисненскаго уѣзда Виленской губерніи уже въ концѣ минувшей осени писали, что „благосостояніе населенія значительно ухудшилось" вслѣдствіе неурожая, сдѣлавшаго необходимою быструю и широкую помощь пострадавшимъ ****). Правда, о такой помощи ничего потомъ не было слышно. Въ Костромской губерніи неурожай хлѣбовъ поставилъ населеніе Ветлужскаго, Чухломскаго, Буйскаго и нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ въ крайне затруднительное положеніе, послужившее предметомъ обсужденія въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ осенней сессіи. Между прочимъ, ветлужское собраніе поручило своей управѣ представить необходимыя данныя о тягостномъ положеніи крестьянскаго населенія мѣстному уѣздному съѣзду и лично настаивать въ съѣздѣ на возбужденіи ходатайства передъ правительствомъ объ отпускѣ необходимыхъ средствъ для помощи населенію, въ томъ числѣ

*) „СПБ. Вѣдомости", 24 февр. 1904 г.
**) „Русь", 16 февр. 1904 г.
***) „Русь", 22 февр. 1904 г.
****) „СПБ. Вѣдомости", 24 октября 1903 г.

прежде всего на обсѣмененіе яровыхъ полей и на пріобрѣтеніе кормовъ для скота. Кромѣ того, ветлужское собраніе рѣшило ходатайствовать о передачѣ продовольственнаго дѣла обратно въ вѣдѣніе земства, такъ какъ опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что нахожденіе этого дѣла въ рукахъ администраціи не только не улучшило его положенія по сравненію съ тѣмъ, въ какомъ оно находилось въ земствѣ, но, напротивъ, сильно ухудшило его *). Еще сильнѣе, чѣмъ Костромскую губернію, неурожай минувшаго лѣта поразилъ губернію Нижегородскую. По даннымъ, собраннымъ нижегородской губернской земской управой, изъ 249 волостей губерніи полоса недорода охватила 174 волости или $^7/_{10}$ всей территоріи губерніи. При этомъ въ 41 волости не только пропали всѣ яровые хлѣба, но и урожай ржи оказался много ниже средняго, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ едва были собраны ея сѣмена, въ 105 волостяхъ при полномъ неурожаѣ яровыхъ хлѣбовъ рожь уродилась ниже средняго, а въ 28 волостяхъ при среднемъ урожаѣ ржи яровые также совсѣмъ не уродились; сборъ сѣна въ большинствѣ волостей получился лишь на половину противъ обычнаго, а яровой мякины, вслѣдствіе неурожая яровыхъ, совсѣмъ не оказалось. Все это заставило управу думать, что собранной ржи и сѣна хватитъ крестьянамъ на очень короткій срокъ, послѣ котораго у нихъ уже не будетъ ни продовольственныхъ, ни кормовыхъ средствъ. Исходя изъ этого соображенія, нижегородская губернская управа еще осенью возбудила ходатайство объ отпускѣ изъ казны кредита въ 791.727 р. на выдачу ссудъ крестьянамъ для прокорма скота, на выдачу въ ссуду овса и на покупку и продажу хлѣба и сѣмянъ по заготовительной цѣнѣ. Указанная сумма, по разсчетамъ управы, была бы необходима въ томъ случаѣ, если бы въ губерніи не были открыты общественныя работы; въ случаѣ же открытія послѣднихъ, съ затратою на нихъ отъ казны 439.400 р., размѣръ ссуды на продовольственныя операціи, по мнѣнію управы, возможно было бы уменьшить до 662.737 р. Ходатайство управы было передано нижегородскимъ губернаторомъ на обсужденіе особаго совѣщанія, и это совѣщаніе, состоявшееся подъ предсѣдательствомъ самого губернатора, принявъ во вниманіе, что въ распоряженіи губернскаго земства не имѣется никакихъ свободныхъ средствъ для помощи населенію, тогда какъ такая помощь является въ виду представленныхъ управой данныхъ совершенно необходимой, признало ходатайство земства заслуживающимъ удовлетворенія, съ тѣмъ, чтобы необходимыя на общественныя работы средства были ассигнованы безвозвратно, а на продовольственныя операціи—заимообразно. Вслѣдъ за тѣмъ это ходатайство было пред-

*) „Р. Вѣдомости“, 20 октября 1903 г.

ставлено нижегородскимъ губернаторомъ министру внутреннихъ дѣлъ *).

Подобныя же продовольственныя затрудненія сказались въ текущемъ году и еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ Рязанской губерніи, согласно проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ, сборъ сѣна минувшаго лѣта былъ на 5 милліоновъ пудовъ менѣе сбора 1902 года **). Въ Вятской губерніи обнаружился сильный недородъ и кормовъ, и хлѣба, и чрезвычайное губернское земское собраніе постановило ходатайствовать объ отпускѣ казной на прокормленіе крестьянскаго скота 1.186.000 р. и на устройство общественныхъ работъ 938.000 р. ***). Изъ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи осенью также писали о серьезномъ неурожаѣ хлѣбовъ и травъ, тѣмъ сильнѣе отразившемся на положеніи мѣстнаго инородческаго населенія, что благосостояніе послѣдняго было уже подорвано неурожаями двухъ предъидущихъ лѣтъ ****). Наконецъ, неурожай минувшаго лѣта захватилъ и нѣкоторыя мѣстности Сибири.

Приведенный перечень пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей, составленный исключительно по газетнымъ свѣдѣніямъ, далеко не можетъ претендовать на безусловную полноту. Но во всякомъ случаѣ и этотъ перечень позволяетъ видѣть, что въ текущемъ году есть не мало такихъ мѣстностей, гдѣ крестьянство вынуждено бороться съ тяжелыми продовольственными затрудненіями и для успѣха этой борьбы нуждается въ серьезной помощи со стороны государства. Между тѣмъ даже тамъ, гдѣ такая помощь была уже назначена, она въ настоящее время, какъ показываетъ приведенный выше примѣръ Саратовской губерніи, подвергается болѣе или менѣе значительному сокращенію...

Повидимому, однако, указанный фактъ почти не привлекаетъ къ себѣ вниманія и проходитъ при полномъ безучастіи общества. Страннымъ образомъ такое безучастіе не нарушается даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются земскія учрежденія, которыя, казалось бы, могли и должны были взять на себя извѣстную долю заботы о голодающемъ крестьянскомъ населеніи. И еще болѣе страннымъ представится подобное безучастіе, если сопоставить его съ тѣмъ воодушевленіемъ, которое какъ будто охватило земскія собранія при первыхъ же извѣстіяхъ о войнѣ, найдя себѣ выраженіе въ потокѣ пожертвованій... Изъ цѣлаго ряда губерній за послѣднія недѣли приходятъ извѣстія о значительныхъ суммахъ, ассигнуемыхъ земскими собраніями на военныя нужды. При этомъ очень многія земскія собранія находятъ нужнымъ жертвовать со-

---

*) „Нижегор. Листокъ", 22 и 30 октября 1903 г.

**) „Н. Время", 9 октября 1903 г.

***) „Н. Время", 2 сентября 1903 г.

****) „СПБ. Вѣдомости", 23 окт. 1903 г.

личныя суммы не только на лѣченіе больныхъ и раненыхъ солдатъ и на поддержку ихъ семей, но и на усиленіе флота. Такого рода пожертвованія со стороны земскихъ собраній невольно заставляютъ задуматься надъ ихъ мотивами. Помощь страдающему отъ бѣдствій войны населенію, несомнѣнно, входитъ въ число правъ и обязанностей земства. Но было бы, кажется, слишкомъ рискованно утверждать, что въ число этихъ правъ и обязанностей должна быть включена также и забота о поддержаніи боевой готовности государства...

Указанный вопросъ былъ уже возбужденъ въ нашей печати, но при этомъ ему была придана едва-ли правильная постановка. Одинъ изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“ указалъ на то, что земства не располагаютъ такими безличными капиталами, которые не имѣютъ своего прямого назначенія, вслѣдствіе чего жертвуемыя земскими собраніями на усиленіе флота суммы попадутъ въ раскладку и „окажется, что земства, вопреки земскому положенію, получаютъ не только право, но и обязанность ввести налогъ на нужды войны“. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію сотрудника московской газеты, „нельзя не сочувствовать благородному порыву патріотизма, охватившаго всѣ земскія собранія“, и въ виду этого „желательно было бы, чтобы правительство должнымъ образомъ разъяснило вышеуказанный вопросъ, дабы земства не находились въ недоумѣніи между своимъ патріотическимъ воодушевленіемъ и опасеніемъ нарушить прямыя указанія закона“ *). Какъ видно изъ приведеннаго, патріотически настроенныя „Моск. Вѣдомости“ желали лишь правительственнаго разъясненія о правѣ земскихъ собраній жертвовать земскія деньги на флотъ. Но и это скромное желаніе встрѣтило себѣ горячаго оппонента въ лицѣ еще болѣе патріотической газеты. „У всякаго ли—иронически спрашиваетъ „Н. Время“ — существуетъ право жертвовать на раненыхъ, на нужды арміи и флота? Казалось бы, такой вопросъ прямо неумѣстенъ, а между тѣмъ „Моск. Вѣдомости“ нашли возможнымъ его возбудить... Вооружась „буквой закона“, можно признать и чиновниковъ, собирающихъ въ своемъ кругу деньги на флотъ безъ надлежащаго разрѣшенія, бунтарями. Но кромѣ „буквы закона“ есть еще законъ сердца, который, если онъ подчасъ и въ разладѣ съ писаннымъ, всѣми, однако, признается какъ бы по молчаливому соглашенію“ **).

Не трудно видѣть, что въ приведенныхъ строкахъ „Н. Время“, какъ это нерѣдко съ нимъ случается, съ ловкостью привычнаго жонглера подмѣнило одинъ вопросъ другимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ первымъ. Несомнѣнно, у всякаго есть право жертвовать на что угодно свои собственныя деньги. Но столь же

*) „Моск. Вѣдомости“, 27 февр. 1904 г.

**) „Н. Время“, 29 февр. 1904 г.

несомнѣнно, что общественные уполномоченные, распоряжающіеся средствами, собираемыми съ мѣстнаго общества на опредѣленныя нужды, не могутъ по своему желанію расходовать эти средства на нужды совершенно иного характера. Въ силу этого теряетъ всякій смыслъ и аналогія между чиновниками, открывающими въ своей средѣ подписку на флотъ, и земскими гласными, жертвующими на ту же цѣль не свои личныя, а обще-земскія средства. Земское положеніе не предоставляетъ земскимъ собраніямъ права дѣлать ассигновки на организацію арміи и флота и такимъ путемъ облагать населеніе особымъ военнымъ налогомъ. Поскольку „Моск. Вѣдомости“ утверждаютъ это, онѣ безусловно правы. Но, какъ мы видѣли, московская газета не ограничивается этимъ утвержденіемъ, а высказываетъ еще пожеланіе, чтобы существующій порядокъ въ этомъ пунктѣ былъ измѣненъ и земству было дано отсутствующее теперь у него право. Присоединиться къ такому пожеланію было бы крайне трудно, хотя бы уже по тому одному, что на земствѣ и безъ того лежитъ много расходовъ, тогда какъ средства его очень ограничены. Но не легче было бы и согласиться съ возможностью замѣны въ дѣлѣ распоряженія общественными деньгами закона въ настоящемъ смыслѣ этого слова „закономъ сердца“. Подобная операція явилась бы крайне смѣлой и рискованной и вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно прибавить, очень мало говорила бы о дѣйствительномъ подъемѣ чувства среди ея участниковъ. Жертвовать „изъ ящичка“, какъ выражались герои Салтыкова, изъ общественныхъ суммъ, предназначенныхъ на цѣли, не имѣющія ничего общаго съ цѣлями пожертвованія, несомнѣнно, легче и удобнѣе, чѣмъ вынимать жертву непосредственно изъ своего кармана, но такой способъ пожертвованія нельзя, конечно, признать требующимъ большого энтузіазма. Въ противномъ случаѣ во главѣ всѣхъ современныхъ жертвователей пришлось бы поставить петербургскую купеческую управу, которая объявила, что она жертвуетъ на облегченіе участи раненыхъ 500.000 р., а затѣмъ переложила эту пожертвованную сумму на всѣхъ плательщиковъ промысловаго налога, установивъ для плательщиковъ перваго разряда взносъ въ 200 р., а для плательщиковъ второго разряда—въ 50 р. *). Законъ, правда, не предоставляетъ купеческой управѣ права обложенія столичнаго купечества дополнительными надбавками къ промысловому налогу, но она, очевидно, тоже руководилась въ этомъ случаѣ „закономъ сердца“. Въ свою очередь земскія собранія, утверждающія ассигновки земскихъ средствъ на усиленіе флота, идутъ по тому же самому пути, какой былъ проложенъ петербургской купеческой управой...

Пожертвованія, поступающія при такихъ условіяхъ, врядъ-ли могутъ служить свидѣтельствомъ искренняго энтузіазма и вполнѣ

*) „СПБ. Вѣдомости“, 17 февр. 1904 г.

сознательнаго отношенія къ событіямъ. Но значительная часть нашей прессы глядитъ на этотъ вопросъ иными глазами. Земскимъ пожертвованіямъ не только приписывается серьезное значеніе въ настоящемъ, но съ ними подчасъ связываются и чрезвычайно радужныя надежды на будущее. Особенно далеко идутъ въ этомъ направленіи „СПБ. Вѣдомости", за послѣднее время усердно старающіяся отдѣлить себя какою-то—трудно, впрочемъ, уловимою—гранью отъ другихъ охранительныхъ органовъ. „Зарево войны—говоритъ эта газета—внезапно и ярко освѣтило всевозможные углы нашей жизни. Мы жили молча, одиноко, вразбродъ и при полномъ отсутствіи настоящей общественной жизни не понимали ни себя, ни своихъ силъ... Долго, напримѣръ, твердили намъ, и не безъ извѣстнаго успѣха, что земство — болѣзнь и уродство народа, его пагуба и несчастье, что земство безмѣрно далеко отъ дѣйствительной жизни и занимается всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не прямымъ своимъ дѣломъ помощи сельскому населенію. Ни великолѣпная медицинская земская организація, ни колоссально растущая школьная сѣть, ни экономическія мѣропріятія земства не останавливали извѣтовъ". Но вспыхнула война и „теперь уже нѣтъ нужды ни опровергать, ни доказывать близость земства къ народу. Она ясна, очевидна до осязаемости: всѣ мы чувствуемъ, какъ земство дрожитъ одной дрожью съ народомъ. Словно тонкая нервная сѣть, всѣ наши уѣздныя и губернскія земства на общую боль сразу подали свой голосъ. Нѣтъ надобности перечислять тѣ безчисленныя телеграммы, въ которыхъ говорится о всеобщемъ національномъ подъемѣ земства, о нескончаемомъ потокѣ пожертвованій, о кипучей энергіи, охватившей всѣхъ земскихъ дѣятелей... И въ этихъ пожертвованіяхъ выразилось не только глубокое народное чувство, но и чрезвычайная широта земскаго пониманія государственной и народной нужды. Жертвуютъ на усиленіе флота, чувствуя потрясеніе національной чести, жертвуютъ на госпитали и Красный Крестъ, живо представляя себѣ лишенія, раны, болѣзни нашего главнаго защитника-солдата, жертвуютъ на санитарные отряды, жертвуютъ на обезпеченіе вдовъ и сиротъ павшихъ воиновъ, жертвуютъ, наконецъ, на помощь семьямъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, внезапно отозванныхъ военной грозой отъ мирной жизни. Возможна ли такая широкая отзывчивость и глубокое пониманіе всѣхъ оттѣнковъ народной нужды со стороны учрежденія беззаботнаго и далекаго отъ народной жизни? Черная пелена, закрывавшая земство, сдернута, и правительство ясно видитъ, какого неоцѣнимаго помощника въ лицѣ земства имѣетъ оно при настоящихъ необыкновенно осложнившихся заботахъ и трудахъ. Теперь уже нѣтъ препятствій, но, напротивъ, полная своевременная необходимость облегчить и упростить работу земства". И первымъ шагомъ къ такому облегченію, по словамъ газеты, могла бы быть

отмѣна закона о предѣльности земскаго обложенія, которая „была бы въ настоящую пору вполнѣ естественнымъ актомъ довѣрія правительства къ своему ближайшему, энергичному сотруднику". Ждать отмѣны закона о предѣльности земскаго обложенія, по мнѣнію оптимистически настроенной газеты, тѣмъ болѣе оснований, что земствамъ и въ дальнѣйшемъ нельзя будетъ остановиться въ своихъ пожертвованіяхъ на военныя нужды *). Но, исходя изъ такого аргумента, газета какъ будто забываетъ, что земству все же придется вернуться отъ этихъ пожертвованій къ тѣмъ заботамъ о медицинской организаціи и школьной сѣти, которыя, по свидѣтельству самой газеты, „не останавливали извѣтовъ" или, правильнѣе говоря, вызывали извѣты на земскія учрежденія. Съ другой стороны, авторы извѣтовъ на земство не думаютъ прекращать своей дѣятельности и въ настоящее время. Еще на дняхъ „Гражданинъ" утверждалъ, что „такое радикальное мѣропріятіе, какое примѣнено къ земству Тверской губерніи, не было бы нецѣлесообразнымъ и для многихъ другихъ земствъ". „По крайней мѣрѣ, — прибавлялъ журналъ—дѣятельность вятскаго и пермскаго едва-ли уступитъ тверскому, а во многихъ отношеніяхъ чуть-ли даже и не превзойдетъ его". Въ послѣднемъ же номерѣ своего журнала кн. Мещерскій уже прямо взываетъ о необходимости лишить утвержденія избраннаго предсѣдателя московской губернской земской управы **). Какъ видно, оптимистическія ожиданія, возложенныя газетою г. Столыпина на благотворное вліяніе русско-японской войны, не имѣютъ подъ собою твердой почвы и оказываются нѣсколько преждевременными.

Тѣмъ не менѣе подобныя ожиданія высказываются не только „Спб. Вѣдомостями", но и нѣкоторыми серьезными органами нашей прессы. Между прочимъ, любопытную тираду въ этомъ смыслѣ мы находимъ въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Европы". „Война", говоритъ журналъ, „вызвавшая подъемъ духа во всѣхъ слояхъ русскаго народа, раскрывшая всю глубину ихъ преданности государственному благу, должна—мы этому глубоко вѣримъ—разсѣять множество предубѣжденій, мѣшавшихъ широкому размаху творческой мысли. Крестьянство, изъ среды котораго, какъ и всегда, выйдетъ главная масса защитниковъ отечества, дождется, быть можетъ, довершенія дѣла, начатаго подъ вліяніемъ войны 1853—56 гг.; земство, вездѣ идущее на встрѣчу потребностямъ государства, докажетъ свои права на мѣсто, предназначенное ему въ эпоху великихъ реформъ; общество, добровольно раздѣляющее правительственную заботу, будетъ признано созрѣвшимъ и умственно, и нравственно. Съ такой надеждой легче переносить по-

*) „СПБ. Вѣдомости", 24 февр. 1904 г.
**) „Гражданинъ", 29 февр. и 7 марта 1904 г.

тери и жертвы, неразрывно связанныя съ войною"*). Нѣтъ сомнѣнія, съ надеждой легче жить, легче переносить жертвы и потери... Но самъ по себѣ фактъ войны и связанныхъ съ нею жертвъ не представляетъ никакихъ гарантій для того или иного направленія внутреннихъ дѣлъ страны. Это положеніе ясно само собою, но если бы оно нуждалось въ доказательствахъ, ихъ не такъ трудно было бы найти и въ современной дѣйствительности, создающейся уже подъ вліяніемъ военныхъ событій.

Въ началѣ войны въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, будто бы матери и сестрѣ одного изъ врачей евреевъ, отправившихся на Дальній Востокъ въ дѣйствующую армію, какъ лишившимся со времени отъѣзда главы семьи права жительства въ Кіевѣ, предложено было немедленно выѣхать въ черту осѣдлости. Вскорѣ, однако, это извѣстіе было опровергнуто и появилось сообщеніе, гласившее, что „такого случая въ Кіевѣ не было и онъ совершенно противорѣчилъ бы даннымъ по этому предмету распоряженіямъ" **). Вслѣдъ за тѣмъ были опубликованы и упомянутыя въ приведенномъ сообщеніи распоряженія. Какъ выяснилось изъ нихъ, полиціи предписано не выселять въ черту осѣдлости тѣхъ родственниковъ отправляющихся въ дѣйствующую армію врачей-евреевъ, которые раньше жили вмѣстѣ съ этими врачами, но одновременно слѣдить за тѣмъ, чтобы другіе родственники послѣднихъ, раньше жившіе въ чертѣ осѣдлости и не имѣющіе самостоятельнаго права проживать внѣ ея, не выѣзжали за ея предѣлы. Этимъ распоряженіемъ въ сущности до извѣстной степени отмѣняется то толкованіе дѣйствующаго закона, которое было дано въ сенатскихъ разъясненіяхъ послѣдняго времени и въ силу котораго право повсемѣстнаго жительства, пріобрѣтенное евреемъ по образованію, признавалось правомъ личнымъ, не сообщавшимся даже женѣ такого еврея, вынужденной съ отъѣздомъ мужа либо слѣдовать за нимъ, либо переѣзжать въ черту осѣдлости. Но указанная отмѣна является лишь временной и ограниченной, распространяясь только на семейства врачей-евреевъ, ѣдующихъ на войну...

Впрочемъ, и самъ врачъ-еврей легко можетъ оказаться въ положеніи, отличающемъ его отъ врачей-русскихъ. Одно время въ газетахъ появились сообщенія, будто въ разсылаемыхъ врачамъ приглашеніяхъ о поступленіи на службу въ общество Краснаго Креста, сказано, что старшимъ врачемъ въ организуемыхъ обществомъ отрядахъ можетъ быть только лицо православнаго исповѣданія. Когда эти сообщенія вызвали въ печати недоумѣвающіе комментаріи, исполнительная коммиссія Краснаго Креста поспѣшила опровергнуть газетное извѣстіе, удостовѣривъ, что „такое

---

*) „Вѣстникъ Европы", 1904 г., № 3, „Внутреннее обозрѣніе", с. 330.

**) „Русь", 14 февраля 1904 г.

распоряженіе ею никогда не было и не могло быть, по духу устава общества Краснаго Креста, сдѣлано". Очевидно, однако, провинціальная врачебная инспекція не была своевременно освѣдомлена о намѣреніяхъ исполнительной коммиссіи названнаго общества. По крайней мѣрѣ, одновременно съ приведеннымъ опроверженіемъ въ газетахъ былъ напечатанъ слѣдующій текстъ циркулярнаго отношенія врачебнаго отдѣленія минскаго губернскаго правленія отъ 16 февраля настоящаго года: „Виленское окружное военно-медицинское управленіе отношеніемъ отъ 13 февраля, за № 1581, увѣдомило, что въ не далекомъ будущемъ предположено сформировать въ г. Вильнѣ распоряженіемъ россійскаго общества Краснаго Креста врачебно-санитарный отрядъ для отправленія въ потребность войскъ Дальняго Востока. Въ составъ отряда войдутъ одинъ старшій и четыре младшихъ врача, при чемъ старшій и двое младшихъ врачей должны быть спеціалистами по хирургіи, а два другихъ младшихъ врача—терапевтами. Окладъ содержанія старшему врачу — 500 р., а младшимъ по 350 р. въ мѣсяцъ. Старшій врачъ долженъ быть обязательно православнаго вѣроисповѣданія, а младшіе могутъ быть православнаго, или лютеранскаго, или римско-католическаго" *). О врачахъ-евреяхъ въ этомъ циркулярѣ совершенно не упоминается, какъ будто присутствіе врача-еврея въ отрядѣ Краснаго Креста признается чѣмъ-то недопустимымъ. И, дѣйствительно, газеты сообщали о случаяхъ отказовъ врачамъ-евреямъ, предлагавшимъ свои услуги при формированіи лазаретовъ для дѣйствующей арміи. Въ Одессѣ, по словамъ газетъ, еврейки не были приняты Краснымъ Крестомъ на службу въ качествѣ сестеръ милосердія **). Въ Минскѣ на курсы Краснаго Креста для подготовленія сестеръ милосердія записалось было 30 еврeекъ, изъ которыхъ приняты были двѣ. Но и этимъ двумъ пришлось уйти, такъ какъ уже на третьей лекціи имъ было объяснено, что еврейки не могутъ быть сестрами милосердія ***). Неужели, однако, исповѣданіе еврейской религіи составляетъ столь непреодолимое препятствіе для допущенія человѣка къ уходу за ранеными и больными? И почему врачъ-еврей, призванный на службу, можетъ лѣчить солдатъ, а такой же врачъ, добровольно вызвавшійся ѣхать на войну, долженъ быть отвергнутъ? Можно надѣяться, правда, что эти вопросы въ свою очередь найдутъ правильное разрѣшеніе и вызываемое ими недоумѣніе будетъ разсѣяно. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ для большого и серьезнаго вопроса получится только частное рѣшеніе, вдобавокъ пріуроченное къ временнымъ условіямъ и уничтожающееся вмѣстѣ съ ихъ исчезновеніемъ. Не

*) „Спб. Вѣдомости", 27 февраля 1904 г.

**) „Восходъ", 1904 г., № 9.

***) „Од. Новости", 6 марта 1904 г.

самъ по себѣ подъемъ, вызываемый войною, и не можетъ дать ничего иного...

Въ нашей литературѣ есть такая группа писателей, которая проявляетъ подъемъ своего патріотическаго чувства, пребывая твердою въ убѣжденіи, что патріотизмъ обязываетъ заботиться не объ ослабленіи, хотя бы даже временномъ, различій племенъ, а о вящшемъ усиленіи этихъ различій, сопровождаемомъ разжиганіемъ національной вражды. Среди этой группы писателей въ послѣднее время особенно видное мѣсто занялъ подвизающійся на столбцахъ „Н. Времени" г. Меньшиковъ. Мнѣ уже случалось какъ-то писать о г. Меньшиковѣ и указывать, какая масса неистощимаго пустословія и холодной, но никакихъ границъ не знающей злобы скрывается въ сладкихъ рѣчахъ этого писателя съ тѣхъ поръ, какъ онъ акклиматизировался въ „Н. Времени". Съ началомъ русско японской войны для человѣконенавистническихъ разсужденій г. Меньшикова открылось широкое поприще, и онъ не замедлилъ выступить съ такими разсужденіями, переполненными необыкновенно характерною смѣсью удивительнаго пустословія съ необузданной злобой.

Прежде всего г. Меньшиковъ задумался надъ вопросомъ о томъ, благо или зло представляетъ собою война, и благополучно пришелъ къ „догадкѣ", что война должна быть благомъ. Для того, чтобы добраться до такой „догадки", онъ употребляетъ цѣлую кучу звонкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не говорящихъ словъ, но въ сущности весь ходъ его разсужденій необыкновенно простъ. Бываютъ люди, безсильные сколько-нибудь подняться мыслью надъ фактомъ и потому всегда готовые признать всякій существующій фактъ, съ которымъ ихъ столкнетъ жизнь. Такъ обстоитъ дѣло и съ г. Меньшиковымъ и именно такъ ведетъ онъ свое разсужденіе о войнѣ. „Не мнѣ—говоритъ онъ—входить въ замыслы природы, но разъ есть начало, поддерживающее вражду, я хотѣлъ бы понять, для чего оно? Для какой цѣли Небо терпитъ жгучую злобу, кровь и раздоръ? Я думаю, что борьба не существовала бы, если бы была только гибельна. Она давно въ этомъ случаѣ испепелила бы міръ. Слѣдуетъ допустить, что страшныя жертвы войны выкупаются какой-то огромной пользой, хотя бы для насъ неясной". Итакъ, разъ война существуетъ, разъ ее „терпитъ небо", то она уже не можетъ быть „только гибельной", а, очевидно, приноситъ пользу и даже „огромную пользу". Но вѣдь „небо терпитъ" и преступленіе, а, однако, это не помѣшало г. Меньшикову четыре мѣсяца тому назадъ требовать, чтобы всѣ преступники „были обезврежены съ тою же неумолимостью, съ какою мы преслѣдуемъ волковъ и чумныхъ бациллъ". Напрасно было бы, впрочемъ, обращаться къ г. Меньшикову съ этимъ напоминаніемъ. Оно нисколько не смутитъ его, такъ какъ

дѣло само по себѣ слишкомъ просто. Четыре мѣсяца тому назадъ г. Меньшиковъ защищалъ казнь и рекомендовалъ истреблять преступниковъ, какъ чумныхъ бациллъ. Теперь онъ защищаетъ войну и заодно готовъ защитить даже чуму. „Я не смѣю,—въ трогательномъ раздумьѣ говоритъ онъ—назвать даже холеру и чуму безсмысленными и совсѣмъ-таки ненужными въ общемъ хозяйствѣ природы". Это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно. Казни и война, чума и холера равно священны для г. Меньшикова. Одинъ только человѣкъ не заслужилъ любви этого любвеобильнаго сердца и подлежитъ истребленію.

Само собою разумѣется, разъ открывъ „огромную", хотя и неясную, пользу войны, г. Меньшиковъ не затруднился превратить эту неясную пользу въ совершенно ясную. „Миръ—говоритъ онъ—есть состояніе благословенное для тѣла народнаго, но для духа націй, для высшей индивидуальности массъ миръ гибеленъ". „Война вноситъ въ человѣчество раздоръ, нищету, злобу, но, можетъ быть, эти жесткіе элементы духа необходимы, подобно жесткой клѣтчаткѣ, для разграниченія національныхъ клѣтокъ, въ которыхъ только и возможна жизнь". „Космополитизмъ возможенъ въ мечтѣ, въ идеѣ", но такъ какъ безъ войны онъ сталъ бы возможенъ и въ дѣйствительности, то нужны войны, въ которыхъ отдѣльныя національности испытываютъ и закаляютъ свою жизнеспособность. Памятуя, однако, что и миръ—вещь хорошая, если не для духа, то для тѣла, г. Меньшиковъ нашелъ способъ сочетать закаливаніе національности съ спокойствіемъ мирныхъ гражданъ. Для этого онъ предложилъ самый простой планъ—излавливать всѣхъ босяковъ и вербовать ихъ на безсрочную службу въ арміи *). Не въ мѣру хитроумному публицисту, повидимому, не пришло даже въ голову, что въ этомъ случаѣ, согласно его же собственной мѣркѣ, наиболѣе жизнеспособной окажется та нація, у которой найдется больше всего босяковъ.

Но приведенными разсужденіями и планами г. Меньшиковъ еще не ограничился. Порѣшивъ съ вопросами о томъ, что такое война вообще и какъ слѣдуетъ ее вести, онъ привлекъ къ своему разсмотрѣнію новый вопросъ, почему собственно Японія воюетъ съ Россіей. И такъ какъ г. Меньшиковъ, въ числѣ прочихъ свойствъ Іудушки Головлева, унаслѣдовалъ и его необузданную фантазію и способность изъ всякой, даже совершенно миѳической, щепки съ удивительною кропотливостью строить цѣлый домъ, то разгадать поставленную самому себѣ загадку для него, понятное дѣло, не составило никакого труда. „Вся нынѣшняя война, намъ нагло навязанная,—рѣшительно заявилъ г. Меньшиковъ—есть чуть не прямое слѣдствіе еврейской агитаціи въ тѣхъ странахъ, гдѣ печать и биржа въ рукахъ евреевъ. Нѣтъ со-

*) „Н. Время", 25 января 1904 г.

мнѣнія, безъ обезпеченія Америки и Англіи Японія не сунулась бы съ нами въ войну, это же обезпеченіе вызвано настойчивымъ и яростнымъ походомъ противъ Россіи англо-американской печати. Кишиневскій погромъ, высылка Грагама (корреспондента „Times“), непринятіе американской ноты о евреяхъ—все это раздражило до крайности и внутреннее наше, и внѣшнее еврейство. Въ то время, какъ внутреннее плететъ политическую смуту, внѣшнее плело войну, и въ петлю послѣдней мы уже попались. Азіаты по крови, уроженцы ближняго Востока, евреи первый ударъ Россіи наносятъ изъ Азіи же, съ Востока дальняго. Цѣлые сто лѣтъ мы откладываемъ еврейскій вопросъ, и вотъ внутренняя зараза выступаетъ уже, какъ злокачественная наружная сыпь. Выходцы изъ Россіи собираютъ противъ насъ коалиціи, устраиваютъ нашимъ врагамъ займы, подносятъ японскому императору броненосецъ въ видѣ подарка“ *).

Ко многому притерпѣлась за послѣдніе годы наша литература, но все же и ей не часто доводилось созерцать такое счастливое сочетаніе легкомысленнаго пустословія и ядовитой злобы, какое умудрился создать г. Меньшиковъ въ приведенныхъ строкахъ. Я не стану говорить о злобѣ г. Меньшикова—она слишкомъ очевидна и слишкомъ грязна,– но на его пустословіи стоитъ на минуту остановиться. Г. Меньшиковъ—взрослый человѣкъ и хочетъ разговаривать со взрослыми людьми, но тѣмъ не менѣе онъ находитъ возможнымъ завѣрять своихъ собесѣдниковъ, что Англія и Америка подчинены евреямъ и творятъ ихъ волю въ вопросахъ международной политики. Но это еще самый невинный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый хитрый изъ тѣхъ пустяковъ, какіе преподноситъ г. Меньшиковъ своимъ читателямъ. Ни о какихъ коалиціяхъ противъ Россіи пока ничего не извѣстно, но г. Меньшиковь уже сообщаетъ, что евреи-выходцы изъ Россіи (какіе? уайтчепельскіе портные или нью-іоркскіе ремесленники?) „собираютъ противъ насъ коалицію“. Японія еще не заключала займа, а г. Меньшиковъ уже торопится извѣстить, что тѣ же евреи выходцы „устраиваютъ нашимъ врагамъ займы“. Промелькнула въ газетахъ нелѣпая басня о броненосцѣ, который будто бы собираются купить нѣкоторые американцы въ подарокъ Японіи,—г. Меньшиковъ и эту нелѣпую басню взваливаетъ на головы евреевъ и присоединяетъ къ собранной раньше кучѣ пустяковъ. Но куча все еще мала, домъ изъ миѳической щепки все еще не выстроенъ, и публицистъ, обладающій неугомонной и цѣпкой фантазіей Іудушки, вспоминаетъ, что евреи уроженцы Ближняго Востока, а ударъ Россіи нанесенъ на Дальнемъ Востокѣ. Вся связь между этими двумя фразами въ одномъ словѣ „востокъ“, которое вдобавокъ въ каждой изъ нихъ имѣетъ иное значеніе. Но г. Меньшикову только слова и нужны,

*) „Н. Время“, 14 февраля 1904 г.

мысли въ его работѣ—вещь лишняя. И вотъ куча готова, домъ изъ щепки выстроенъ.

Въ нормальныхъ условіяхъ жизни здоровые люди, встрѣчая подобныя кучи, торопятся пройти мимо нихъ. Но бываютъ, къ несчастью, такія условія времени и мѣста, при которыхъ даже и столь явно фантастическія сооруженія могутъ получить извѣстное значеніе. Въ виду этого удивительныя открытія г. Меньшикова не могли быть обойдены молчаливымъ пренебреженіемъ. Едва ли не первый обратилъ на нихъ вниманіе г. Амфитеатровъ и въ полной горячаго негодованія статьѣ, помѣщенной въ газетѣ „Русь", указалъ, что, взваливая на евреевъ вину русско-японской войны, г. Меньшиковъ пускаетъ въ обращеніе безсмысленную и грязную клевету, которая можетъ быть разсчитана развѣ лишь на возбужденіе новыхъ еврейскихъ погромовъ и которая становится особенно низкой, будучи распускаема въ тотъ моментъ, когда десятки тысячъ солдатъ-евреевъ стоятъ подъ русскимъ знаменемъ, готовясь проливать свою кровь рядомъ съ своими русскими товарищами.

Въ статьѣ г. Амфитеатрова не было недостатка ни въ живомъ и искреннемъ чувствѣ, ни въ убѣдительныхъ аргументахъ. Тѣмъ не менѣе, если онъ надѣялся своими указаніями повліять не только на читателей, но и на самого автора отмѣченной имъ клеветы, онъ жестоко ошибся. Г. Меньшиковъ прочно укрѣпился въ твердынѣ пустословія и сохранилъ всю бодрость духа. Правда, онъ попытался сбросить съ себя упрекъ въ клеветѣ на цѣлый народъ, упрекъ, тяжесть котораго оказалась понятной даже и для нововременскаго публициста. Въ своемъ стремленіи избавиться отъ этого упрека, г. Меньшиковъ рѣшился даже утверждать, будто г. Амфитеатровъ извращаетъ его слова и взводитъ на него „нелѣпую клевету" въ разжиганіи среди темныхъ массъ вражды къ евреямъ, тогда какъ онъ, г. Меньшиковъ, „любилъ и любитъ многихъ евреевъ". Но для доказательства этой любви г. Меньшиковъ не нашелъ ничего лучше, какъ повторить всѣ свои прежнія обвиненія, присоединивъ къ нимъ слѣдующія краснорѣчивыя строки: „Правъ ли я, однако, въ томъ, что евреи, раздраженные за кишеневскій погромъ, въ видѣ мести старались навлечь на насъ нынѣшнюю войну? Я счелъ бы прямо за счастье оказаться неправымъ и съ величайшей охотой извинился бы за ошибку. Но я рѣшительно не могу изъ тѣхъ наблюденій, какія мнѣ доступны, сдѣлать иного вывода, кромѣ единственнаго, какой сдѣлалъ". Такимъ образомъ все остается на своемъ мѣстѣ и, хотя г. Амфитеатровъ „оклеветалъ" г. Меньшикова, будто онъ обвиняетъ евреевъ въ возбужденіи русско-японской войны, но г. Меньшиковъ все-таки стоитъ на томъ „выводѣ", что войну съ Японіей навлекли на Россію евреи. Каковы „наблюденія", приведшія г. Меньшикова къ этому выводу, мы уже видѣли. Самъ же г. Мень-

шиковъ для поддержанія цѣнности этихъ „наблюденій“ прибѣгаетъ лишь къ одному пріему, осыпая усомнившагося въ нихъ оппонента всяческою бранью и усердно „священно-ябедничая“ на него, по мѣткому выраженію г. Амфитеатрова. „Г. Амфитеатровъ,—съ благочестивымъ сокрушеніемъ восклицаетъ, между прочимъ, кроткій нововременскій публицистъ,—точно по программѣ, вооружился за хулигановъ, нападающихъ на офицеровъ, ополчился за евреевъ, нападающихъ на Россію, вновь воспѣлъ г. Горькаго“ *). И, обвинивъ своего оппонента въ столь страшныхъ преступленіяхъ, г. Меньшиковъ готовъ думать, что тѣмъ самымъ онъ оправдалъ себя и доказалъ все, что требовалось доказать.

Съ своей стороны г. Амфитеатровъ склоненъ полагать, что эти неуклюжія и противорѣчивыя оправданія, то и дѣло переходящія въ неумную ябеду, представляютъ собою своеобразный результатъ стыда, который посѣтилъ-таки, наконецъ, г. Меньшикова **). Но, кажется, г. Амфитеатровъ ошибается и принимаетъ за растерянность лишь обычную способность г. Меньшикова: низать слова на слова безъ особенной заботы объ ихъ связи и смыслѣ. Стыдъ—великая сила, однако и ему трудно пробить ту броню лицемѣрнаго пустословія, какою защищенъ г. Меньшиковъ. Правда, иногда и такая броня пробивается. Іудушка Головлевъ въ концѣ-концовъ прозрѣлъ, но за то, прозрѣвъ, онъ не вынесъ ужаснаго зрѣлища собственнаго существованія и сбросилъ съ себя бремя самой жизни, отравленной человѣконенавистническимъ пустословіемъ. Ну, а г. Меньшиковъ благополучно пишетъ свои „письма къ ближнимъ“ и, надо полагать, напишетъ ихъ еще очень много. Тѣмъ не менѣе, мнѣ думается, для его писаній окончательно наступилъ критическій моментъ. Когда у писателя остается одинъ способъ изслѣдованія—клевета и одно орудіе полемики—ябеда, онъ перестаетъ быть писателемъ и переходитъ въ группу людей, профессія которыхъ лишь по недоразумѣнію можетъ быть отожествляема съ литературой. Г. Меньшиковъ рѣшительно перешагнулъ черезъ этотъ роковой порогъ и, какъ ни некрасиво это зрѣлище само по себѣ, въ немъ есть, по крайней мѣрѣ, та отрадная сторона, что оно полагаетъ конецъ всякимъ недоразумѣніямъ. Несомнѣнно, рѣчи г. Меньшикова и впредь будутъ переполнены елеемъ разныхъ хорошихъ словъ, но можно надѣяться, что этотъ елей уже не будетъ вводить въ заблужденіе даже наивныхъ читателей.

Въ заключеніе своей затянувшейся бесѣды о впечатлѣніяхъ текущаго дня, такъ или иначе связанныхъ съ литературой, я хо-

*) „Н. Время“, 29 февр. 1904 г.

**) „Русь“, 3 марта 1904 г.

тѣлъ бы подѣлиться съ читателями извѣстіемъ объ одномъ любопытномъ случаѣ вліянія печати на обывательскую жизнь. Не такъ давно въ газетѣ „Южная Россія“ было напечатано, за подписью г. Черняка, слѣдующее „письмо въ редакцію“:

„13 февраля, въ 11 час. дня, ко мнѣ, мирному обывателю м. „Новый Бугъ“, явился городовой и заявилъ, что ему приказано привести меня сейчасъ же въ сельское управленіе.

„Дѣлать было нечего, и я пошелъ. Едва показавшись въ дверяхъ, я услышалъ довольно грубый окрикъ старосты:

— „Ну, давайте рубль!

— „Что за рубль?—спросилъ я.

— „Да что онъ голову морочитъ! Не знаетъ, что за рубль! Штрафные!

„Тутъ только мнѣ вспомнилось, что годъ тому назадъ я былъ оштрафованъ въ рубль за просрочку паспорта. Такъ какъ у меня при себѣ не было денегъ, я попросилъ отсрочки до воскресенія или хотя бы на часъ, чтобы успѣть достать требуемый рубль. Староста не удостоилъ меня даже отвѣтомъ и только лаконически громовымъ голосомъ произнесъ:

— „Городовой, бери его!

„Сказавъ это, онъ удалился. Я не понялъ, что означаютъ эти слова, но городовой, видно, понялъ (это ему, вѣроятно, не впервые), взялъ меня за воротникъ и началъ тащить. Я пробовалъ было сопротивляться, но это было напрасно. Черезъ нѣсколько минутъ я очутился въ безпросвѣтной тьмѣ; меня обдавало чѣмъ-то неимовѣрно сырымъ, даже гнилымъ; даже вѣтеръ, сильно дувшій со всѣхъ сторонъ и пронизывавшій меня до костей, не помѣшалъ этому убійственному запаху. Понемногу я сталъ привыкать къ темнотѣ и ощупью добрался до стѣны, у которой надѣялся найти лавку, чтобы присѣсть. Разочарованный въ своей надеждѣ, я пробрался къ другимъ стѣнамъ, ища мѣста, на которое можно было бы хоть опереться. Но мои надежды оказались тщетными: всѣ стѣны были покрыты толстымъ слоемъ плѣсени; въ „камерѣ“ господствовалъ отвратительный запахъ. Долго стоялъ я посреди комнаты, даже не опираясь на что-либо. Я почувствовалъ невыразимую и нестерпимую боль въ ногахъ и во всѣхъ частяхъ тѣла отъ ужаснаго холода. Наконецъ, послѣ семичасового ожиданія я, обезсиленный, еле державшійся на ногахъ, увидѣлъ отворившуюся дверь, а въ ней городового. Въ эту минуту онъ показался мнѣ спасителемъ. Я готовъ былъ броситься къ его ногамъ и покрыть ихъ поцѣлуями, если бы не сердитый окрикъ:

— „Иди къ старостѣ!

„Я поплелся вслѣдъ за нимъ, еле передвигая ноги, и вошелъ въ комнату, въ которой былъ староста. При видѣ его кровь бросилась мнѣ въ лицо, но я удерживался и лишь спросилъ:

— „Позвольте спросить, по какому праву вы посадили меня въ этакую темницу?

— „Что? По какому праву?! Ты требуешь у меня правъ? Смотри мнѣ!!! Говори, говори еще, и я тебя посажу на 2 дня, а потомъ иди жалуйся!.. Я имѣю право засадить тебя и за то, что ты не снимаешь шапки при встрѣчѣ со мной. Ты лучше иди и, смотри, завтра принеси рубль.

„И вотъ, выйдя на свѣтъ Божій, я рѣшилъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателями „Южной Россіи“ и предложить имъ вопросъ:

— „Имѣетъ-ли староста право поступать такъ, какъ онъ поступилъ со мною? Если нѣтъ (въ чемъ я не сомнѣваюсь), то должно ли такое самоуправство остаться безнаказаннымъ?“ *).

---

*) Цитирую по „СПБ. Вѣдомостямъ“, 26 февр. 1904 г.

Прошло еще немного времени и въ той же самой газетѣ появилась такая корреспонденція изъ м. Новаго Буга:

„Злобою дня служитъ у насъ злополучная судьба г. Черняка, осмѣлившагося помѣстить въ „Южной Россіи“ письмо и выставить на свѣтъ дѣйствія старосты... Староста, прочитавъ это письмо и увидя свои дѣйствія выставленными на судъ общества, пришелъ въ ярость и, справедливо возмущенный этимъ „наглымъ“ преданіемъ гласности своего самоуправства, рѣшилъ отучить смѣльчака отъ подобныхъ попытокъ. Узрѣвъ въ этомъ поступкѣ Черняка и неповиновеніе начальству, онъ счелъ своей обязанностью, тѣмъ болѣе, пресѣчь заразу „вольнодумства“ въ началѣ. Тутъ-же были посланы двое полицейскихъ со строжайшимъ наказомъ: „взять его“. Когда его привели, ему торжественно объявили приговоръ: два дня ареста. И все это, не смотря на то, что арестованный, какъ ремесленникъ, принадлежитъ къ мѣщанскому обществу и, слѣдовательно, не подлежитъ власти мѣстнаго старосты. Все населеніе, ждавшее, что съ появленіемъ письма Черняка на страницахъ „Южной Россіи“ староста хоть немного устыдится своихъ дѣйствій и имъ легче будетъ вздохнуть, поражено этимъ новымъ проявленіемъ произвола нашего властителя. Всѣ интересуются исходомъ дѣла. Боятся, чтобы произволъ старосты, отрывающаго обывателей отъ мирнаго труда и распоряжающагося судьбою лицъ, не принадлежащихъ къ мѣстному крестьянскому обществу и не подлежащихъ такимъ образомъ его суду, не былъ оставленъ безъ послѣдствій. Дѣлу намѣреваются дать ходъ“ *).

Изложенные факты, конечно, не составляютъ сколько-нибудь крупнаго событія, но, тѣмъ не менѣе, за ними нельзя отрицать нѣкотораго интереса, и при томъ не только частнаго. На первый взглядъ эти факты рисуютъ роль печати въ обывательской жизни не въ особенно привлекательномъ видѣ. Все вліяніе печати, къ которой обыватель обратился за защитой отъ произвола, сказалось, повидимому, лишь въ томъ, что она навлекла на этого обывателя новое насиліе. Но правъ ли былъ бы обыватель, если бы онъ разсудилъ такимъ образомъ и совершенно разочаровался въ печати? Думается, двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Печать въ дѣлѣ г. Черняка и старосты м. Новаго Буга сдѣлала свое дѣло. Она ознакомила общество съ фактомъ беззаконнаго насилія, фактомъ, настолько элементарнымъ и очевиднымъ, что для него не нужны были никакіе комментаріи и разъясненія...

---

*) Цитирую по „СПБ. Вѣдомостямъ“, 1 марта 1904 г.

II.

За послѣдній мѣсяцъ состоялся рядъ правительственныхъ распоряженій, касающихся охраны порядка въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи. Приводимъ здѣсь важнѣйшія изъ этихъ распоряженій.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано: „Министръ внутреннихъ дѣлъ 9 февраля 1904 г. донесъ Правительствующему Сенату, для распубликованія, что Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ увѣдомилъ военнаго министра, что во исполненіе высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 24 января 1904 г., крѣпости Портъ-Артуръ и Владивостокъ и мѣстности, состоящія въ пользованіи китайской восточной дороги, объявлены имъ съ 28-го того же января на военномъ положеніи“.

Въ той же газетѣ напечатано: „Министръ внутреннихъ дѣлъ 9 февраля 1904 г. донесъ Правительствующему Сенату, для распубликованія, что исполняющій должность приамурскаго гененалъ—губернатора телеграммой отъ 1 февраля 1904 г. довелъ до его министра, свѣдѣнія, что, на основаніи предоставленнаго ему Намѣстникомъ Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ права, городъ Благовѣщенскъ, Амурской области, объявленъ имъ того же числа въ положеніи усиленной охраны“.

Въ той же газетѣ напечатано: „Министръ внутреннихъ дѣлъ 9 февраля 1904 г. донесъ Правительствующему Сенату, для распубликованія, что телеграммой отъ 6 февраля 1904 г. Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ увѣдомилъ его, министра, что, по обстоятельствамъ военнаго времени, Забайкальская область объявлена имъ того же числа на военномъ положеніи“.

Въ „Новомъ Краѣ“ отъ 6 февраля напечатанъ, между прочимъ, слѣдующій приказъ коменданта крѣпости Портъ-Артура за № 73: „До свѣдѣнія моего дошло, что въ гарнизонномъ собраніи гг. офицеры занимаются совершенно не своими дѣлами: вкривь и вкось обсуждаютъ военныя событія, собираютъ разные нелѣпые слухи, Богъ знаетъ откуда ими набранные. Дѣло офицера—хорошенько подумать и обсудить, какъ бы лучше выполнить данное приказаніе или распоряженіе, а не осуждать дѣйствія высшихъ начальниковъ. Такіе господа крайне вредны и я, разумѣется, буду ихъ карать по силѣ данной мнѣ власти. И. д. коменданта ген.-лейтенантъ Стессель“.

7 февраля состоялся именной высочайшій указъ Правительствующему Сенату слѣдующаго содержанія:

„Для полнаго обезпеченія правильнаго и безостановочнаго движенія поѣздовъ на Самаро-Златоустовской и Сибирской же-

лѣзныхъ дорогахъ признали Мы необходимымъ: объявить на военномъ положеніи названныя дороги въ предѣлахъ полосы ихъ отчужденія, возложить на командующихъ войсками казанскаго и сибирскаго военныхъ округовъ по принадлежности, въ полосѣ отчужденія сихъ дорогъ, обезпеченіе государственнаго порядка и общее руководство мѣрами и средствами охраны; предоставить для сего командующимъ войсками названныхъ округовъ права командующаго арміей и подчинить имъ жандармскія полицейскія управленія названныхъ дорогъ.

„Объ исполненіи сихъ мѣръ Мы повелѣли указомъ Нашимъ, сего числа даннымъ военному министру.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе".

Вслѣдъ за тѣмъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" было напечатано:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 13 февраля 1904 г. высочайше соизволилъ на предоставленіе иркутскому военному и степному генералъ-губернаторамъ, а также томскому и тобольскому губернаторамъ, на время военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ, слѣдующихъ полномочій по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія: 1) издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушеній общественнаго порядка и государственной безопасности, и устанавливать за нарушеніе сихъ постановленій взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или штрафа въ 500 р.; 2) разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніи изданныхъ ими обязательныхъ постановленій, съ присвоеніемъ названнымъ генералъ-губернаторамъ права уполномочивать подчиненныхъ имъ начальниковъ губерній и областей на разрѣшеніе этихъ дѣлъ,—и 3) воспрещать отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ или же въ предѣлахъ всей подвѣдомственной территоріи, съ тѣмъ, чтобы о каждой такой мѣрѣ сообщалось министру внутреннихъ дѣлъ съ объясненіемъ причинъ, побудившихъ къ принятію оной.

„Независимо того, Его Императорскому Величеству благоугодно было присвоить, на указанное выше время, степному генералъ-губернатору право передавать дѣла о возстаніи и вооруженномъ сопротивленіи властямъ на разсмотрѣніе военнаго суда для сужденія обвиняемыхъ по законамъ военнаго времени, съ тѣмъ, чтобы лицамъ симъ, коль скоро означенныя преступленія сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на таковое, нанесеніемъ увѣчій, ранъ и тяжкихъ побоевъ или поджогомъ, опредѣлялось наказаніе, предусмотрѣнное ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ, а тобольскому и томскому губернаторамъ предоставить на то же время входить къ министру внутреннихъ дѣлъ съ

представленіями о необходимости передачи на разсмотрѣніе военнаго суда могущихъ возникнуть въ предѣлахъ ввѣренныхъ имъ губерній означеннаго рода дѣлъ, министра же уполномочить давать такое направленіе симъ дѣламъ безъ предварительнаго о томъ сношенія съ министрами юстиціи и военнымъ".

Въ той же газетѣ напечатано: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 2 февраля 1904 г. всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: 1) предоставить отбывающимъ гласный надзоръ полиціи по дѣламъ политическимъ — поступать съ разрѣшенія подлежащей власти рядовыми въ войска дѣйствующей арміи; 2) уполномочить министра внутреннихъ дѣлъ давать это разрѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по соглашенію съ министромъ юстиціи въ отношеніи отбывающихъ надзоръ полиціи по высочайшимъ повелѣніямъ, а въ отношеніи подчиненныхъ этому надзору по постановленіямъ его, министра внутреннихъ дѣлъ, единолично и 3) прекращать въ отношеніи сихъ лицъ гласный полицейскій надзоръ со всѣми его послѣдствіями".

Какъ сообщаетъ „Правительственный Вѣстникъ", 1 декабря 1903 г. получило Высочайшее утвержденіе слѣдующее мнѣніе Государственнаго Совѣта:

„Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о порядкѣ удаленія порочныхъ инородцевъ областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской, мнѣніемъ положилъ:

„Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній постановить:

„1) Въ случаѣ значительнаго усиленія въ той или другой мѣстности областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской слѣдующихъ преступленій: сопротивленія правительственнымъ властямъ, убійствъ, разбоевъ, грабежей, скотокрадства и пристанодержательства, степному и туркестанскому генералъ-губернаторамъ, по принадлежности, предоставляется тѣхъ изъ инородцевъ, которые, по имѣющимся у мѣстной административной власти достовѣрнымъ свѣдѣніямъ объ участіи ихъ въ означенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, оказываются вредными для общественнаго порядка и безопасности,—удалять изъ ихъ мѣстопребыванія въ мѣстность, избранную для сего—степнымъ генералъ-губернаторомъ въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ ему областей, а туркестанскимъ—въ предѣлахъ Семирѣченской области, съ воспрещеніемъ всякой изъ этой мѣстности отлучки въ теченіе опредѣленнаго срока не свыше, однако, пяти лѣтъ. О каждомъ такомъ распоряженіи степной или туркестанскій генералъ-губернаторъ доводитъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ или военнаго,

по принадлежности, съ подробнымъ объясненіемъ причинъ, побудившихъ его принять эту мѣру.

„2) На сихъ же основаніяхъ (ст. 1) предоставляется: степному генералъ-губернатору удалять порочныхъ инородцевъ изъ Акмолинской и Семипалатинской областей въ Семирѣченскую, а туркестанскому — изъ сей послѣдней въ первыя двѣ, съ тѣмъ, чтобы мѣстности, въ предѣлахъ упомянутыхъ областей, въ которыя могутъ быть направляемы означенные инородцы, назначались по взаимному соглашенію обоихъ генералъ-губернаторовъ“.

Въ „Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ приказъ военнаго губернатора Забайкальской области, излагающій слѣдующее:

„Агинскіе буряты въ телеграммѣ въ 230 словъ, поданной на станціи Оловянной 8 января сего года, адресованной „Всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ“ и полученной въ Царскомъ Селѣ того же числа, изложили слѣдующее: „Среди насъ, агинскихъ бурятъ, крутой мѣрой съ перваго января вводится новое положеніе по управленію, для насъ, забайкальскихъ кочевниковъ, чуждое по особенностямъ жизни, противное дарованной свободѣ вѣротерпимости, вредное экономическому благосостоянію номадовъ и вообще, окончательно уничтожающее драгоцѣннѣйшую для насъ національную самобытность малозамѣтнаго въ имперіи бурятскаго племени; вотъ почему мы всѣ, отъ стара до мала, всѣхъ возрастовъ, полудикіе, но глубоко преданные Царю и отечеству кочевники, возбужденные безпримѣрнымъ страданіемъ, осмѣливаемся, въ первый и послѣдній разъ, отъ имени сорокатысячнаго населенія обратиться къ щедрой милости Твоей, любвеобильная Царица земная, съ задушевной просьбой взглянуть на насъ окомъ милосердія и заступиться, какъ мать за малыхъ дѣтей, пріостановить введеніе названнаго временнаго положенія для агинскихъ кочевыхъ бурятъ. Грѣшно скрывать, что принимаемая мѣра правительства, по ограниченному нашему разумѣнію, признается посягательствомъ противъ вѣрноподданническаго, исконнаго нашего чувства преданности. Въ крайнемъ случаѣ также пріемлемъ дерзость просить ходатайствовать предъ боготворимымъ Царемъ нашимъ о разрѣшеніи намъ выселиться за границу, въ Монголію. На всѣ наши сердечныя мольбы уповаемъ ожидать Всемилостивѣйшую резолюцію, какъ утреннюю зарю, чрезъ Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ“. Слѣдуютъ подписи. На телеграмму эту 3 февраля „по Высочайшему повелѣнію“, получено военнымъ губернаторомъ Забайкальской области ген.-лейт. Надаровымъ отъ главноуправляющаго канцеляріей Его Императорскаго Величества по принятію прошеній слѣдующее распоряженіе: „Государь Им-

ператоръ, по Всеподданнѣйшемъ докладѣ мною телеграммы названныхъ инородцевъ, въ 15 день сего января, Высочайше повелѣть соизволилъ изложенныя въ ней ходатайства отклонить. Монаршую волю сію имѣю честь сообщить вашему превосходительству для объявленія просителямъ подъ росписки, которыя прошу оставить при дѣлахъ вашей канцеляріи. Препровождаемую при семъ телеграмму упомянутыхъ бурятъ, по миновапіи въ ней надобности, благоволите возвратить въ канцелярію Его Величества". Слѣдуютъ подписи главноуправляющаго, шталмейстера барона Будберга и управляющаго дѣлами канцеляріи" *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ „Забайк. Обл. Вѣдомостей", военнымъ губернаторомъ области было получено оффиціальное увѣдомленіе петербургскаго градоначальника, что подстрекатели бурятъ къ непринятію реформы ихъ управленія и суда, два агинскихъ инородца Дамдины Бадмаевы, высланы изъ Петербурга этапнымъ порядкомъ въ Читу въ распоряженіе губернатора **). Какъ сообщила та же газета, военный губернаторъ Забайкальской области, въ силу Высочайше предоставленной ему власти, опредѣлилъ: инородцевъ Агинской волости Бато Цыренъ, Базарова, Балдана Базарова, Дамдина Бадмаема (ламу) и Цырена Жабъ Очирова за подстрекательство инородцевъ къ непринятію реформы управленія и суда выслать въ Баргузинскій уѣздъ, въ Верхнеангарское общество, сорокомъ на пять лѣтъ каждаго ***). Сверхъ того въ „Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ" были напечатаны слѣдующіе приказы военнаго губернатора области: 1) „въ силу высочайше предоставленной мнѣ власти, я, постановленіями моими отъ 17 и 23 января с. г., опредѣлилъ: 1) инородцевъ Агинской области Дамдина Бадмаева, второго Дамдина Бадмаева и Сыренжана Очирова, назначенныхъ—первый судьей, второй—кандидатомъ къ судьямъ и третій—булучнымъ старостою, какъ отказавшихся отъ вступленія въ должности, подвергнуть аресту при читинской тюрьмѣ на три мѣсяца каждаго, и 2) инородца той же волости Дамдина Парпоіева за подстрекательство инородцевъ къ непринятію введенной реформы выслать въ Баргузинскій уѣздъ, въ Верхнеангарское общество, срокомъ на два года"; 2) „въ силу высочайше предоставленной мнѣ власти, я, постановленіями моими отъ 6 февраля с. г., опредѣлилъ инородцевъ: бывшаго ширетуя Агинскаго дацана Галсанъ Чойдокъ Сундарова и Кужелтаевской волости: бывшаго выборнаго Дамдинова и назначенныхъ на должности, но отказавшихся отъ вступленія въ нихъ: помощника старшины Тучинъ Санжіева, судей Найданъ Лыкшитова и Буда Сынгіева, кандидата судьи Барасъ Ир-

*) Цитирую по „Руси" 23 февр. 1904 г.
**) Цитирую по „Руси", 28 февр. 1904 г.
***) Цитирую по „Н. Времени", 24 февр. 1904 г.

дыніева, булучныхъ старостъ: Банзаракша Балдоржіева, Дорижапъ Юмова, Сынгіева, Лудунъ Рабнанова и Гонбожапъ Тыгултурова и кандидата по старостѣ Бато Бадмаева за подстрекательство инородцевъ къ непринятію введенной реформы выслать въ Баргузинскій уѣздъ, Верхнеудинское общество, срокомъ на пять лѣтъ каждаго; 3) „въ силу высочайше предоставленной мнѣ власти, я, постановленіями моими отъ 9 и 10 февраля с. г., опредѣлилъ: 1) инородцевъ Кубдинской волости Цыренъ Жапъ Мункуева, Цыаена Бадмаева и Хама Гармаева, назначенныхъ на должности булучныхъ старостъ названной волости, но отказавшихся отъ вступленія въ нихъ, подвергнуть аресту при читинской тюрьмѣ на три мѣсяца каждаго; 2) инородцевъ Галзотской волости: бывшаго и. д. главнаго тайши Ирдыни Вамбопыренова, Мунку Бадмаева, Хохуной Базырова, Бадма Цымпылова, Аюша Манкуева, Дашей Жигмытова, Рынчикъ Цыбакова, Базыръ Ашурова, Тыхедей Бадмаева, Оспеника Жана, Бандья Дашіева, Нанзадъ Бадмаева, Буда Базырова, Оспеника Баянтой Арьяева, Жамсарана Ирдыніева и Харгаитской волости бывшаго родового голову Доржи Холтуева за подстрекательство инородцевъ къ непринятію введенной реформы выслать въ Баргузинскій уѣздъ, Верхнеангарское общество, срокомъ на пять лѣтъ каждаго“ *).

Приказомъ приамурскаго генералъ-губернатора отъ 10 февраля сего года, какъ сообщаютъ „Забайкальскія Областныя Вѣдомости“, мѣстности, въ которыхъ расположены кочевья и селенія инородцевъ бывшихъ хоринскаго, селенгинскаго, агинскаго, баргузинскаго вѣдомствъ и управъ онгоценской, кужертаевской и цонгольской, а нынѣ волостей хаоцайской, кубдутской, галзотской, харганатской, ходайской, гочитской, бодончутской, чикойской, селенгинской, оронзойской, агинской, цугольской, улюнской, гаргинской, онгоцонской и кужертаевской, объявлены въ положеніи усиленной охраны **).

Послѣ того въ „Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“ былъ напечатанъ слѣдующій приказъ военнаго губернатора Забайкальской области: „Вслѣдствіе принятія всѣми инородцами агинскаго вѣдомства Высочайше дарованной имъ реформы, я, въ отмѣну приказа своего отъ 6-го февраля, на основаніи приказа Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ отъ 30 минувшаго января, бывшаго ширетуя Агинскаго дацана Сундурова возстановляю въ духовномъ званіи ширетуя, съ отмѣною ссылки его въ Баргузинскій уѣздъ ***).

---

*) Цитирую по „Спб. Вѣдомостямъ, 16 февр. „Руси“, 28 февр. и „Вост. Обозрѣнію“, 20 февр. 1904 г.

**) Цитирую по „Вост. Обозрѣнію“, 20 февр. 1904 г.

***) Цитирую по „Руси“, 9 марта 1904 г.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатаны слѣдующія высочайшія повелѣнія:

„Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ представленіи своемъ въ комитетъ министровъ отъ 29 ноября 1903 г., за № 1137, полагалъ: состоящія по Высочайшему повелѣнію 20 декабря 1902 г. въ положеніи усиленной охраны мѣстности имперіи: губерніи Виленскую и Саратовскую, уѣзды: Полтавскій, Константиноградскій, Переяславскій, Лубенскій и Кременчугскій Полтавской губерніи, и города: Могилевъ, Гомель, Могилевской губерніи, Минскъ, Бѣлостокъ, Гродненской губерніи, Нижній-Новгородъ, Юрьевъ, Лифляндской губерніи, Томскъ, Саратовъ и Полтаву—оставить въ томъ же исключительномъ положеніи еще на одинъ годъ, а именно, по 1-е декабря 1904 г. Комитетъ министровъ полагалъ: представленіе министра внутреннихъ дѣлъ по сему дѣлу утвердить. Государь Императоръ, 13 декабря 1903 года, на положеніе комитета Высочайше соизволилъ“.

„Министръ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше испрашивалъ собственноручннаго Его Императорскаго Величества утвержденія Высочайше словесно предоставленнаго, 25-го августа 1903 года, виленскому, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору права издавать въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности, и налагать за нарушенія означенныхъ постановленій, въ административномъ порядкѣ, взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 рублей. Государь Императоръ, 29-го января 1904 г., Высочайше на сіе соизволилъ“.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано: „назначается членъ отъ министерства инутреннихъ дѣлъ въ тарифномъ комитетѣ министерства финансовъ ст. сов. Засядко—предсѣдателемъ тверской губернской земской управы на текущее трехлѣтіе съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ихъ должностяхъ“. Одновременно членами тверской губернской управы назначены отставной капитанъ Гаслеръ и коллежскій ассессоръ Пономаревъ.

Въ концѣ февраля, какъ сообщаютъ газеты, выѣхали изъ Кашина въ Торжокъ дворяне-землевладѣльцы Кашинскаго уѣзда Д. П. Дубасовъ, В. П. Кисловскій и кн. А. В. Оболенскій, назначенные—первый предсѣдателемъ, а два другіе—членами новоторжской уѣздной земской управы. Такъ какъ г. Дубасовъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ предсѣдателемъ кашинской уѣздной земской управы и предводителемъ дворянства Кашинскаго уѣзда, то онъ, по словамъ газетъ, будетъ ежемѣсячно пріѣзжать въ Кашинъ

дней на пять, а остальное время будетъ проводить въ Торжкѣ *).

Въ „Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ опубликовано слѣдующее обязательное постановленіе уфимскаго губернатора: „Въ виду наблюдающагося въ послѣднее время въ городахъ, заводахъ и селеніяхъ Уфимской губерніи неодобрительнаго поведенія мѣстныхъ жителей, преимущественно рабочаго класса,—доходящаго до буйствъ, дракъ и всякаго рода безчинствъ, кончающихся нанесеніемъ тяжелыхъ ранъ и даже нерѣдко убійствами огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ и другими предметами, ношеніе при себѣ которыхъ вошло у этихъ людей въ обыкновеніе, я нахожу необходимымъ, въ устраненіе изложенныхъ явленій, объявить къ исполненію слѣдующія правила“. Затѣмъ идетъ воспрещеніе ношенія оружія, запрещеніе сходбищъ и собраній, вмѣшательства въ дѣйствія полиціи и т. д. **).

Въ Одессѣ и. д. градоначальника Нейдгартъ, въ цѣляхъ охраненія общественнаго порядка и спокойствія, 4 февраля призналъ необходимымъ издать, на основаніи ст. 15-й и пп. 1-го и 2-го ст. 16-й положенія объ усиленной охранѣ, обязательное постановленіе, воспрещающее въ частныхъ квартирахъ и другихъ помѣщеніяхъ всякія сходбища и собранія, устраиваемыя въ цѣляхъ, противныхъ общественному порядку и государственной безопасности ***).

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ напечатано: „Разсмотрѣвъ представленныя и. об. одесскаго полицеймейстера свѣдѣнія о нарушеніи мѣщаниномъ Владиміромъ Жаботинскимъ дѣйствующаго въ одесскомъ градоначальствѣ обязательнаго постановленія, изданнаго 4-го марта 1902 года, о воспрещеніи сходбищъ, г. одесскій градоначальникъ, принявъ во вниманіе нѣкоторыя смягчающія вину Жаботинскаго обстоятельства, на основаніи ст. 15 полож. объ усиленной охранѣ, 13 сего февраля постановилъ: названнаго Жаботинскаго за то, что дозволилъ себѣ вмѣшиваться въ распоряженія бывшаго въ нарядѣ въ театрѣ Сибирякова пристава Бульварнаго участка Панасика и своимъ вызывающимъ поведеніемъ, хотя и невольно, но собралъ публику и возбуждалъ ее противъ распоряженій полиціи, подвергнуть аресту на 10 сутокъ“ ****).

Въ той же газетѣ напечатано: „г. одесскій градоначальникъ постановилъ: 1) мѣщ. Соломона Розенталя за то, что не подчинился требованію полиціи удалиться съ Куликова поля, гдѣ 11

---

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 28 февр. 1904 г.
**) Цитирую по „Од. Новостямъ“, 7 марта 1904 г.
***) „Р. Вѣдомости“, 11 февр. 1904 г.
****) Цитирую по „Кіевск. Откликамъ“, 17 февр. 1904 г.

сего февраля происходило строевое ученіе юнкеровъ, и даже вступилъ въ пререканіе съ городовымъ, подвергнуть аресту на двѣ недѣли; 2) мѣщ. Михаила Кулишенко, кр. Ивана Мазура и неизвѣстнаго званія Ивана Сапожникова за то, что своимъ вызывающимъ поведеніемъ собрали 19 сего февраля на Балковской улицѣ толпу и при возстановленіи полиціей порядка дозволили себѣ нанести побои городовому, подвергнуть аресту на три мѣсяца каждаго, 3) уроженца Бричанъ Александра Фаерштейна и урож. Екатеринослава Глѣба Успенскаго за то, что, участвуя въ собравшейся 19 сего февраля на Херсонской улицѣ толпѣ, не только сами не удалились по первому же требованію полиціи, но и возбуждали другихъ къ оказанію сопротивленія власти, подвергнуть аресту: Фаерштейна на двѣ недѣли, а Успенскаго на два мѣсяца; 4) Александра Златопольскаго и дворянина Николая Клебера за то, что, участвуя въ собравшейся 20 сего февраля на Преображенской улицѣ толпѣ, не только сами не удалились по первому требованію полиціи, но возбуждали другихъ къ оказанію сопротивленія власти, подвергнуть аресту: Златопольскаго на три, а Клебера на два мѣсяца" *).

Въ той же газетѣ напечатано: „разсмотрѣвъ представленныя и. об. одесскаго полицеймейстера свѣдѣнія о нарушеніи дв. Жадовскимъ дѣйствующаго въ градоначальствѣ обязательнаго постановленія отъ 4 марта 1904 г. о воспрещеніи сходбищъ, одесскій градоначальникъ, на основаніи ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, 28 февраля постановилъ: названнаго Жадовскаго за то, что своимъ вызывающимъ поведеніемъ собралъ на Херсонской улицѣ толпу, подвергнуть аресту на 3 мѣсяца". Другимъ постановленіемъ одесскій градоначальникъ приказалъ городового Бѣлоусова, у котораго при возстановленіи полиціей 19 февраля порядка на улицѣ была вырвана шашка, за допущеніе вырвать у себя шашку арестовать на трое сутокъ. **).

Въ той же газетѣ напечатаны слѣдующія постановленія: 1) „разсмотрѣвъ представленныя и. об. старшаго инспектора типографій свѣдѣнія объ уклоненіи содержателя типографіи мѣщ. И. Копельмана отъ исполненія законоположеній о печати, одесскій градоначальникъ, въ снисхожденіе къ изъявленному Копельманомъ согласію уплачивать рабочимъ за время закрытія типографіи, постановилъ: содержимую Копельманомъ по Троицкой ул. въ д. № 26 типографію, по неблагонадежности ея владѣльца и, между прочимъ, за то, что выпустилъ изъ типографіи произведеніе печати безъ представленія, вопреки 41 ст. уст. о ценз., въ полицейскую цензуру, закрыть на одну недѣлю"; 2) „одесскій градоначальникъ, на основаніи п. 3 ст. 16 положенія объ усиленной

---

*) Цитирую по „Од. Новостямъ", 25 февр. 1904 г.

**) Цитирую по „Праву," 1904 г., № 10.

охранѣ, 28 февраля постановилъ: содержимое кр. Капрюхинымъ въ домѣ № 15 по Косвенной улицѣ трактирное заведеніе, по неблагонадежности его владѣльца и, между прочимъ, за то, что Капрюхинъ допустилъ въ трактирѣ сходку подозрительныхъ лицъ, закрыть на два мѣсяца". *)

Въ „Русскомъ Инвалидѣ" напечатанъ слѣдующій приказъ по войскамъ виленскаго военнаго округа командующаго войсками генерала-отъ-инфантеріи Гриппенберга:

„Въ Двинскѣ 29-го января, въ 11 час. вечера, въ 7-ю роту 97-го пѣхотнаго Лифляндскаго полка явился полицейскій чиновникъ и обратился къ временно исполняющему должность фельдфебеля сверхсрочному старшему унтеръ-офицеру Конохову, съ просьбой оказать немедленное содѣйствіе къ задержанію злоумышленниковъ во время ихъ сходки въ частномъ домѣ противъ казармъ. Унтеръ-офицеръ Коноховъ, сообразивъ, что на испрошеніе установленнымъ порядкомъ разрѣшенія потребуется столько времени, что сходка успѣетъ разойтись, не медля ни минуты, вывелъ шесть нижнихъ чиновъ своей роты по указанію чиновника къ мѣсту сборища, гдѣ совмѣстно съ городовыми задержалъ 12 человѣкъ евреевъ съ обличающими ихъ въ политической неблагонадежности вещественными доказательствами. За выказанную унтеръ-офицеромъ Коноховымъ разумную самостоятельность и распорядительность объявляю ему мое спасибо и предписываю выдать ему въ награду изъ экстраординарныхъ суммъ 10 руб." **)

Изъ г. Илимска (Иркутской губерніи) пишутъ въ „Восточное Обозрѣніе": „На дняхъ въ нашемъ городѣ было объявлено слѣдующее „обязательное постановленіе": „Объявляю, что всякій встрѣченный мною послѣ девяти часовъ вечера на улицѣ молодой человѣкъ будетъ подвергнутъ аресту при полиціи. Сходбища и собранія, именуемыя „вечерками", строго воспрещаются по той причинѣ, что на нихъ могутъ попытаться проникнуть и молодые люди, и быть такимъ образомъ поставленными въ необходимость возвращаться поздно ночью домой". Была-ли при этомъ произнесена ссылка на какія-нибудь статьи Свода Законовъ, мы, къ сожалѣнію, узнать не могли. Обязательное постановленіе это по городу Илимску объявлено 6 декабря мѣстной полиціей илимской молодежи, собранной ради этого случая въ зданіи городского управленія. Вызвано оно совершенной здѣсь на дняхъ у мѣстныхъ мѣщанъ кражей двухъ дугъ и еще, кажется, чего-то. Сейчасъ же по объявленіи постановленіе это вошло въ законную силу и проводится теперь въ жизнь со всяческой неукоснительностью" ***).

Въ свою очередь „Уральской жизни" сообщаютъ изъ Алапаевска

*) Цитирую по „Праву," 1904 г., №№ 9 и 10.
**) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ," 3 марта 1904 г.
***) „Вост. Обозрѣніе", 1 января 1904 г.

(Пермской губерніи): „Мѣстный становой приставъ разослалъ волостнымъ старшинамъ распоряженіе, чтобы они объявили сельской полиціи, что всякія отлучки изъ своего селенія, безъ разрѣшенія пристава, полицейскимъ воспрещаются. Затѣмъ въ томъ же циркулярѣ для поддержанія въ селеніяхъ порядка и тишины, нарушаемыхъ буйствомъ молодежи, предлагается объявить на сходахъ и просить постановить приговоры о томъ, чтобы родители воспрещали дѣтямъ отлучаться вечеромъ изъ дома: 14-лѣтнимъ и старше—зимою позже 8-ми, а лѣтомъ 10-ти часовъ, моложе 14-ти лѣтъ — зимою позже 5-ти, а лѣтомъ — 8-ми часовъ. Точно такъ же не позволять устройства „вечерокъ“ во время „помочей“ и, вообще не допускать собраній молодежи, особенно дѣвицъ и парней вмѣстѣ“ *).

Въ г. Бѣлостокѣ было произведено покушеніе на жизнь мѣстнаго полицеймейстера, которое слѣдующимъ образомъ описывается въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“: „Въ воскресенье 22 февраля, подъ вечеръ, по Николаевской улицѣ направлялась къ мѣстному католическому кладбищу похоронная процессія съ гробомъ рабочаго, причемъ среди провожавшихъ гробъ чинами полиціи были замѣчены нѣкоторые безпорядки. Чины полиціи немедленно приняли мѣры къ прекращенію безпорядковъ и разсѣяли собравшуюся толпу, которая, разбѣгаясь въ разныя стороны, осыпала полицейскихъ камнями. Тогда было потребовано полицейское подкрѣпленіе, а также дано знать о случившемся полицеймейстеру Пеленкину. Послѣдній тотчасъ же явился въ сопровожденіи своего помощника и потребовалъ, чтобы всѣ посторонція лица, столпившіяся возлѣ похоронной процессіи, разошлись. Въ отвѣтъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, направленныхъ въ чиновъ полиціи и толпа стала поспѣшно разбѣгаться. Процессія находилась уже на переѣздѣ Полѣсскаго вокзала. Здѣсь одинъ юноша, лѣтъ 20, какъ послѣ выяснилось, по профессіи кожевенникъ, произвелъ въ Пеленкина два выстрѣла на разстояніи шаговъ 30-ти. Замѣтивъ злоумышленника, Пеленкинъ вмѣстѣ съ помощникомъ Полховскимъ сѣли въ пролетку и направились за преступникомъ. Послѣдній несся со всѣхъ ногъ, стараясь скрыться отъ преслѣдованія, но всѣ его попытки оказались тщетными и онъ былъ настигнутъ на Марковой горѣ. Полицеймейстеръ ударомъ кулака сшибъ его съ ногъ, арестовалъ и самъ доставилъ въ полицейское управленіе“ **).

---

*) Цитирую по „Нижегор. Листку“, 18 февр. 1904 г.
**) Цитирую по „Праву“, 1904 г., № 10.

Въ теченіе минувшаго мѣсяца въ газетахъ былоо публиковано также нѣсколько сообщеній о судебныхъ процессахъ, имѣющихъ отношеніе къ охранѣ порядка.

Въ г. Владимірѣ 18 февраля выѣздная сессія московской судебной палаты окончила слушаніемъ дѣло о безпорядкахъ на заводѣ Баташева. Палата отвергла обвиненіе по ст. 269[1] ул. о нак. Изъ 17 человѣкъ подсудимыхъ 5 оправданы, 12 осуждены по 1 ч. ст. 1621 на срокъ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ *).

Въ Уфѣ съ 23 по 30 января слушалось въ судебной палатѣ дѣло по обвиненію въ вооруженномъ возстаніи противъ установленныхъ правительствомъ властей въ г. Златоустѣ 12 и 13 марта 1903 г. По распоряженію министра юстиціи дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, причемъ въ залу засѣданія были допущены чины судебнаго вѣдомства, нарядъ полиціи и губернаторъ. Согласно резолюціи, объявленной при открытыхъ дверяхъ, 29 подсудимыхъ были оправданы и 5 приговорены къ наказаніямъ, простирающимся отъ одного мѣсяца ареста до трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія **).

Въ Воронежѣ 24 и 25 февраля особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты разсматривалось дѣло о крестьянахъ села Малой Приваловки Воронежскаго уѣзда, И. М. Париновѣ (онъ же Котовъ), С. М. Панинѣ, О. Г. Бородинѣ и другихъ, въ числѣ 17 человѣкъ, обвинявшихся по 272 ст. ул. о наказ. въ сопротивленіи властямъ и угрозахъ, заставившихъ власти отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, при чемъ доступъ въ залъ суда былъ закрытъ даже чинамъ судебнаго вѣдомства и присяжнымъ повѣреннымъ. Палата приговорила подсудимыхъ къ тюремному заключенію на сроки отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ ***).

Въ Тифлисѣ 18 февраля первымъ уголовнымъ департаментомъ тифлисской судебной палаты, подъ предсѣдательствомъ сенатора г. Враскаго, слушалось дѣло о безпорядкахъ на ст. Михайлово, закавказскихъ жел. дорогъ, имѣвшихъ мѣсто 14 іюня 1901 г. Тифлисскій окружный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, изъ 15 человѣкъ, преданныхъ суду, призналъ виновными только 12, изъ которыхъ 8 человѣкъ приговорилъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, къ отдачѣ въ исправительныя арестанскія отдѣленія на сроки $2^1/_2$ и $1^1/_2$ г., а 4-хъ—къ тюремному заключенію на $1^1/_2$ года. Тифлисская судебная палата, послѣ продолжительнаго совѣщанія, объявила приговоръ, которымъ обвиняемые Ждановъ и Самхарадзе, приговоренные окружнымъ судомъ къ исправительнымъ арестанскимъ

*) „Право", 1904 г., № 9.

**) „Р. Вѣдомости", 1 февр. 1904 г.

***) „Курьеръ". Цитирую по „Руси", 6 марта 1904 г.

отдѣленіямъ на 2½ года, оправданы, Сухіевъ, приговоренный къ тюремному заключенію на 1½ мѣсяца, и Гудадзе, оправданный окружнымъ судомъ,—по протесту товарища прокурора,—приговорены къ 3-мѣсячному тюремному заключенію, а въ отношеніи остальныхъ подсудимыхъ приговоръ тифлисскаго окружного суда утвержденъ безъ измѣненія *).

24 февраля тѣмъ же департаментомъ тифлисской судебной палаты слушалось дѣло по обвиненію 9 рабочихъ тифлисскихъ мастерскихъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ въ томъ, что они вмѣстѣ съ другими, слѣдствіемъ необнаруженными лицами, приняли участіе въ безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто 16-го іюня прошлаго 1903 года, и оказали сопротивленіе полиціи. Приговоромъ суда изъ девяти обвиняемыхъ были признаны виновными лишь Ив. Манджгаладзе, Алекс. Кахадзе и Мих. Ботковели и приговорены: первые двое — къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестанскія отдѣленія на 1 годъ каждый, а Ботковели — безъ лишенія правъ къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ. По протесту прокурора окружнаго суда въ отношеніи шести подсудимыхъ, оправданныхъ судомъ, и по жалобѣ другихъ обвиняемыхъ на приговоръ суда дѣло перешло на разсмотрѣніе палаты. Палата замѣнила наказанія подсудимымъ: Манджгаладзе и Кахадзе—двухмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, подсудимому Мих. Ботковели—арестомъ при полиціи на двѣ недѣли и приговорила подсудимыхъ Селивана и Павла Стуруа къ аресту при полиціи на двѣ недѣли каждаго. Въ отношеніи же 4-хъ остальныхъ подсудимыхъ, оправданныхъ окружнымъ судомъ, палата утвердила приговоръ суда **).

Въ „Финляндской Газетѣ“ напечатано: „Императорскій финляндскій сенатъ, въ силу Высочайше предоставленной ему власти, выслушавъ предложеніе финляндскаго генералъ-губернатора о порядкѣ выдачи заграничныхъ паспортовъ въ дополненіе къ установленнымъ предписаніемъ сената 27-го іюня 1888 года правиламъ, постановилъ: 1) при ходатайствѣ о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ достигшія призывного возраста лица обязаны представлять свидѣтельства объ отбытіи ими воинской повинности. 2) Недостигшія призывного возраста прилагаютъ къ прошенію о выдачѣ имъ заграничнаго паспорта метрическое о своемъ рожденіи свидѣтельство. Такимъ лицамъ паспорта могутъ быть выдаваемы лишь до достиженія ими призывного возраста. 3) Загра-

*) „Новое Обозрѣніе“. Цитирую по „Спб. Вѣдомостямъ“, 25 февраля 1904 года.

**) „Новое Обозрѣніе“. Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 2 марта 1904 г.

ничный паспортъ выдается губернаторомъ или другимъ на то уполномоченнымъ лицомъ не иначе, какъ по представленіи просителемъ свидѣтельства отъ мѣстной полиціи о неимѣніи препятствій къ отъѣзду за границу. 4) Передъ каждымъ отъѣздомъ за границу по долгосрочному паспорту отъѣзжающій обязанъ предъявлять свой паспортъ мѣстной полицейской власти, которая наложеніемъ штемпеля удостовѣряетъ о неимѣніи препятствій къ отъѣзду за границу. Полиція удостовѣряется въ самоличности предъявившаго паспортъ. 5) На пограничномъ пунктѣ морской или сухопутной границы у отъѣзжающихъ и возвращающихся подлежащими полицейскими властями, при содѣйствіи таможенныхъ чиновъ, производится провѣрка паспортовъ. Въ удостовѣреніе таковой на паспорта накладываются штемпеля съ обозначеніемъ пограничнаго пункта и времени выѣзда или возвращенія изъ-за границы. 6) Полицейскія власти, обязанныя на границѣ провѣрять паспорта, отмѣчаютъ въ особыхъ книгахъ званіе, имя и фамилію получившаго паспортъ, время его выѣзда или возвращенія изъ-за границы, номеръ паспорта, время выдачи и срокъ, на который послѣдній былъ выданъ. 7) Форма паспортныхъ бланковъ устанавливается распоряженіемъ генералъ-губернатора. Выдача заграничныхъ паспортовъ производится губернаторами, а также и другими должностными лицами, особо на то уполномоченными Императорскимъ финляндскимъ сенатомъ, по представленіямъ подлежащихъ губернаторовъ".

Въ той-же газетѣ напечатано: „Государь Императоръ 8-го (21) января сего года всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, тавастгусскаго губернатора генералъ-лейтенанта Сверчкова, съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи и съ пожалованіемъ изъ финляндскихъ казенныхъ суммъ пенсіи въ размѣрѣ 10.000 марокъ въ годъ.

„Государь Императоръ 8 (21) января сего года Высочайше соизволилъ на назначеніе состоящаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, въ судебномъ департаментѣ правительствующаго сената, чиновника особыхъ порученій 5 класса при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Папкова—тавастгусскимъ губернаторомъ".

III.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени февральской нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

6-го марта 1904 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Орловскій Вѣстникъ" на четыре мѣсяца".

Командующимъ войсками туркестанскаго военнаго округа изданъ слѣдующій приказъ, напечатанный въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“: „Приказы, въ которыхъ военнослужащимъ объявляются въ установленномъ порядкѣ порицанія за служебныя упущенія, помѣщаются иногда въ газетахъ „Туркестанскія Вѣдомости“, „Закаспійское Обозрѣніе“ и „Асхабадъ“ съ полною постановкою не только названій частей войскъ, но и фамилій лицъ, подвергшихся порицанію. Статьею 33-й устава дисциплинарнаго указаны въ точности виды наказаній, налагаемыхъ на военнослужащихъ, а по статьѣ 64-й того же устава всякое взысканіе, наложенное на офицера, подлежитъ объявленію предписаніемъ или приказомъ только по части. Непредусмотрѣнное закономъ оглашеніе взысканія во всеобщее свѣдѣніе въ печати является, такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ превышеніемъ власти, отъ котораго и предлагаю воздерживаться подлежащимъ начальствующимъ лицамъ, не разрѣшая печатать въ газетахъ подобные приказы“.

Въ Финляндіи, по сообщенію „Финляндской Газеты“, финляндскимъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати приняты въ послѣднее время слѣдующія мѣры: 1) изданіе выходящей въ г. Улеаборгѣ газеты „Louhi“ пріостановлено на одинъ мѣсяцъ за помѣщенную въ № 154 отъ 31 декабря 1903 г. статью подъ заглавіемъ: „Kulunutvuosi“ (Минувшій годъ); 2) изданіе выходящей въ г. Гельсингфорсѣ газеты П. И. Велехти пріостановлено на одинъ мѣсяцъ за помѣщеніе въ № отъ 11 февраля Высочайшаго манифеста отъ 27 января и въ № отъ 14 февраля того же манифеста съ произвольнымъ сокращеніемъ высочайшаго титула“.

Сверхъ того въ „Финляндской газетѣ“ напечатано:

„Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы на все время войны всѣ извѣстія и статьи въ повременныхъ изданіяхъ, касающіяся военныхъ приготовленій, передвиженія нашихъ войскъ и дѣйствій нашей арміи и флота, подлежали предварительному разсмотрѣнію компетентныхъ военныхъ властей въ видахъ ограниченія возможности появленія въ повременной печати завѣдомо ложныхъ извѣстій съ театра войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ цѣляхъ доставленія населенію края свѣдѣній, сравнительно болѣе отвѣчающихъ дѣйствительному положенію дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Финляндскій генералъ-губернаторъ призналъ необходимымъ установить, примѣняясь къ существующимъ на сей предметъ правиламъ, слѣдующій порядокъ. На время войны всѣ извѣстія и статьи въ видѣ телеграммъ, предназначаемыя для помѣщеній въ газетахъ, со всѣми ихъ прибавленіями, не исключая летучихъ листковъ, и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, касающіяся военныхъ приготовленій, расположенія и передвиженія русскихъ войскъ и флота, а также и дѣйствій нашихъ вооруженныхъ силъ, подлежатъ сверхъ общей цензуры предварительному разсмотрѣнію военныхъ властей. Освобождены отъ военной цен-

зуры: 1) всѣ военныя телеграммы „Россійскаго“ и „Торгово-Телеграфнаго Агентствъ“, а также заимствованныя изъ русскихъ газетъ, въ особенности изъ „Правит. Вѣстника“, „Русскаго Инвалида“, „Кронштадтскаго Вѣстника“, „Финляндской Газеты“ и обѣихъ оффиціальныхъ газетъ, издаваемыхъ на финскомъ и шведскомъ языкахъ при Императорскомъ финляндскомъ сенатѣ; 2) статьи и извѣстія, относящіяся до войны, позаимствованныя изъ русскихъ газетъ вообще и въ частности изъ перечисленныхъ изданій, а также почерпнутыя изъ мѣстныхъ органовъ печати, прошедшихъ военную цензуру, но съ обязательнымъ указаніемъ источника позаимствованія; 3) военныя извѣстія изъ иностранныхъ источниковъ, пропущенныхъ общею цензурой, печатаются на общихъ основаніяхъ, но непремѣнно подъ особою рубрикой и съ указаніемъ источника. Право пропуска военныхъ сообщеній и статей возложено въ Гельсингфорсѣ на особую комиссію изъ трехъ лицъ, а въ городахъ Выборгѣ, Тавастгустѣ и Николайстадѣ—на особо назначенныхъ военныхъ цензоровъ, которымъ въ случаѣ недоразумѣній предоставлено обращаться за предписаніями и указаніями въ упомянутую гельсингфорскую военно-цензурную комиссію или въ штабъ военнаго округа. Порядокъ представленія статей и извѣстій военнаго характера на разрѣшеніе военныхъ цензоровъ намѣченъ въ духѣ наименьшаго стѣсненія редакцій повременныхъ изданій“.

В. Мякотинъ.

Телеграммы и письма,

полученныя послѣ кончины Н. К. Михайловскаго его семьей и редакціей «Русскаго Богатства».

Изъ *Кременчуга*: „Кременчугское юношество, присоединяясь къ глубокой скорби интеллигентнаго общества, выражаетъ редакціи журнала „Русское Богатство“ свое глубокое сочувствіе по поводу кончины великаго учителя, Николая Константиновича Михайловскаго, столь неутомимо стоявшаго „на славномъ посту“, являвшагося въ продолженіе всей своей литературной и общественной дѣятельности яркимъ выразителемъ прогрессивныхъ идей русскаго общества и отражавшаго въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ всѣ выдающіяся теченія русской общественной жизни. Мы надѣемся, что ученіе великаго борца за истину и справедливость найдетъ много вѣрныхъ послѣдователей среди молодого поколѣнія, которое горячо откликнется на его могучій призывъ:

„служеніе народу“. Глубокіе и искренніе почитатели великаго учителя“ (*36 подписей*).

Изъ *Бендеръ*: „Позвольте, при посредствѣ вашего журнала, выразить глубокое сожалѣніе по поводу кончины великаго публициста Н. К. Михайловскаго“. *Бессарабскіе статистики.*

Изъ *Витебска:* „Присоединяемся къ скорби о тяжелой утратѣ, постигшей „Русское Богатство“, а съ нимъ—все русское общество, потерявшее въ лицѣ Николая Константиновича своего дорогого учителя и неустаннаго борца за лучшіе идеалы Россіи“. *Почитающіе гимназисты.*

Изъ *Семипалатинска:* „Пораженные неожиданной кончиной Николая Константиновича Михайловскаго, просимъ редакцію принять отъ насъ выраженіе глубокой скорби по поводу тяжелой утраты, понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ почившаго, имя котораго, какъ носителя вѣчно высокихъ идеаловъ правды-истины и правды-справедливости, не умретъ въ исторіи русскаго народа“ (*50 подписей*).

Изъ *Семипалатинска*: „Совѣтъ общества попеченія о начальномъ образованіи глубоко скорбитъ по поводу неожиданной кончины Николая Константиновича Михайловскаго“. *Предсѣдатель совѣта Орефьевъ.*

Изъ *Батума*: „Съ большою душевною болью я прочиталъ, что не стало редактора журнала, который за послѣднее время служилъ мнѣ путеводною звѣздою среди тѣхъ необыкновенно тяжелыхъ и сумбурныхъ условій жизни, которыя приходится переживать всякому искреннему русскому человѣку. Даже не вѣрится, что нѣтъ человѣка, который еще вчера такъ смѣло бичевалъ малѣйшее проявленіе лжи и въ то же время всю мощь своего ума направлялъ на раскрытіе правды-истины. Тяжко и обидно потерять такого человѣка именно теперь, когда мы всѣ такъ нуждаемся въ моральномъ руководителѣ... Впрочемъ, онъ умеръ, но не умретъ то, чему онъ училъ и проповѣдывалъ. Онъ сдѣлалъ слишкомъ много, чтобы его скоро забыть. Да и намъ ли забыть дорогія имена Гл. Успенскаго и Михайловскаго, когда мы всѣмъ лучшимъ обязаны почти исключительно имъ“. *Огорченный читатель.*

Изъ *Буя*: „Дошла и до насъ, живущихъ въ медвѣжьемъ углу, скорбная вѣсть о внезапной кончинѣ Николая Константиновича Михайловскаго. Считаю святымъ долгомъ выразить редакціи „Русскаго Богатства“ свое искреннее сочувствіе въ постигшемъ ее горѣ, лишившейся столь дорогого и любимаго писателя. Еще болѣе онъ дорогъ и милъ тѣмъ, кто видѣлъ въ немъ своего учителя и свѣточа въ переживаемомъ Россіей мракѣ... Но будемъ вѣрить, что духъ его будетъ съ нами, и отъ всей души пожелаемъ ему вѣчной памяти!“ Подписчикъ *В. И. Б.*

Изъ *Армавира*: „Тяжелую утрату понесла редакція вашего

журнала со смертью Николая Константиновича. Рѣдѣютъ ряды бойцовъ за правду-справедливость, сходятъ со сцены старые вожди. Недавно еще похоронили Гл. И. Успенскаго, теперь умеръ его ближайшій другъ. Вѣрьте: осиротѣло не только „Русское Богатство“, тяжелую утрату понесло и все русское общество, особенно униженные и оскорбленные этого общества,—„русская бѣднота“... Но вѣрьте также, что съ гибелью вождя не погибло дѣло его: много его сыновѣ духовныхъ и почитателей разбросано по лицу русской земли, и мысли учителя для нея не останутся втунѣ“. *Медяникъ*.

Изъ *Тифлиса*: „Внезапная смерть дорогого и глубокоуважаемаго Николая Константиновича сильно поразила и насъ, живущихъ на далекой окраинѣ Россіи. Съ именемъ этого славнаго борца за идею связано много воспоминаній у каждаго интеллигентнаго читателя. Въ дни юности нашей онъ увлекалъ насъ своимъ правдивымъ словомъ, поучалъ насъ искать, находить и любить правду, а позже, въ тяжелые дни оскудѣнія мысли, въ дни литературнаго хулиганства, проповѣдующаго человѣконенавистничество, мы всегда мысленно переносились туда, на сѣверъ, и ждали живого слова этого геніальнаго проповѣдника завѣтовъ славныхъ 60-хъ годовъ,—и слово это утѣшало, ободряло насъ.

Послѣ того, какъ постепенно угасали свѣточи русской мысли, когда не стало Салтыкова, Шелгунова и др.; когда на своемъ огнѣ сгорѣлъ нашъ незабвенный страдалецъ, Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, мы знали, что остался у насъ еще Николай Константиновичъ, который своимъ прошлымъ, своей долголѣтней, плодотворной работой сковалъ и укрѣпилъ цѣпь, связывающую свое прошлое съ нашимъ настоящимъ; въ каждое звено этой цѣпи онъ вкладывалъ живую мысль, каждое звено ея было согрѣто святымъ огнемъ, и мы, обыкновенные смертные, держась за конецъ этой цѣпи, шли, то спотыкаясь, то падая; но насъ всегда укрѣпляла вѣра въ крѣпость ея. Хотѣлось бы долго еще жить съ этой вѣрой, хотѣлось бы думать о возвратѣ лучшихъ дней, но... оборвалась цѣпь, и стало пусто и жутко кругомъ!.. Нѣтъ больше любимца нашего, нѣтъ вѣчно молодого, вѣчно смѣлаго и правдиваго Николая Константиновича!“ *Н. М. Кара-Мурза*.

Изъ *Харбина*: „Только сегодня мы узнали о тяжелой потерѣ, которую понесли русское общество и литература въ лицѣ умершаго Николая Константиновича. Глубоко скорбя вмѣстѣ со всею мыслящей Россіей объ утратѣ великаго критика и мыслителя, утѣшаемъ себя мыслью, что плоды, имъ посѣянные, не погибнутъ и возрастутъ пышнымъ цвѣтомъ на пользу дорогой отчизны“. *(9 подписей)*.

Изъ *Балашова*: „Сегодня получили мы ошеломляющее извѣстіе о смерти Николая Константиновича... Какъ не хотѣлось вѣрить этому! Вѣдь случаются же въ газетахъ невѣрныя сообщенія, бы-

ваютъ потомъ поправки, опроверженія?.. Но опроверженія нѣтъ и, видно, не будетъ! Какая тяжкая, невознаградимая утрата для Россіи, какое громадное несчастіе для всего русскаго общества! Нѣтъ больше дорогого, незабвеннаго учителя нашего... Милый, дорогой Николай Константиновичъ! Сколько насъ, маленькихъ людей, въ темныхъ уголкахъ нашего отечества, прислушивалось къ твоему честному голосу! Какъ могуче воздѣйствовало на насъ каждое слово твое! Кого будемъ слушать? Кому вѣрить? Какъ боимся мы, что темныя силы въ русской литературѣ воспрянутъ теперь, расправятъ свои крылья... Миръ праху твоему, честный боецъ за правду-справедливость!.. Мы не находимъ слова утѣшенія для дорогой осиротѣлой редакціи... Не находимъ, потому что сами нуждаемся въ немъ!“ Народные учителя (*4 подписи*).

Изъ *Майкопа*: „Глубоко скорбимъ о незамѣнимой утратѣ, постигшей русскую общественную мысль и жизнь въ лицѣ неожиданно умершаго Николая Константиновича; оплакиваемъ кончину учителя и руководителя ряда поколѣній, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ стоявшаго на славномъ посту передового борца и гражданина и сохранившаго до послѣдней минуты юношескую бодрость духа и вѣру въ торжество правды-истины и правды-справедливости“. Почитатели покойнаго (*87 подписей*).

Изъ *Оренбурга*: „Оренбургская группа почитателей, раздѣляя со всей мыслящей Россіей скорбь величайшей утраты въ лицѣ скончавшагося „на славномъ посту“ незабвеннаго Николая Константиновича Михайловскаго, шлетъ редакціи „Русскаго Богатства“ выраженіе своего глубокаго горя и пожеланіе хранить завѣты борца за „правду-истину и правду-справедливость“. Пусть свѣтъ его во тьмѣ свѣтитъ и тьма не обоятъ его!“

Изъ *Армянска*: „Шлемъ выраженіе глубокой скорби по поводу громадной утраты, понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ скончавшагося Николая Константиновича, великаго борца за прогрессъ, личность и гуманность. Мы говоримъ вслѣдъ ему: Per aspera ad astra!“ (*7 подписей*).

Изъ *Омска*: „Пораженные неожиданной кончиной Николая Константиновича, учителя-борца за воплощеніе идеаловъ правды-справедливости, друзья-читатели выражаютъ глубокую свою скорбь“ (*7 подписей*).

Изъ *Геленджика*: „Только узналъ въ глуши о смерти Николая Константиновича, о глубокой горести редакціи и семьи покойнаго. Сочувствія и пожеланія широкаго распространенія завѣтныхъ идей незабвеннаго Николая Константиновича“. *Щербина*.

Изъ *Хони*: „Въ Хонскомъ соборѣ сегодня въ присутствіи почитателей покойнаго Николая Константиновича Михайловскаго, въ теченіе сорока лѣтъ съ честью несшаго знамя борца за правду-справедливость, отслужена панихида“.

Изъ *Минусинска*: „Духовно осиротѣлые, оплакиваемъ вмѣстѣ

съ вами, братья по горю, утрату русской жизни и литературы. Сплотимся тѣснѣе для храненія завѣта Николая Константиновича: стоять на стражѣ правъ человѣческой личности" *(14 подписей).*

Изъ *Батума*: „Сегодня въ присутствіи интеллигенціи, учащихъ и учащихся отслужена панихида по дорогомъ Николаѣ Константиновичѣ Михайловскомъ". *Данильянцъ.*

Изъ *Астрахани*: „Глубоко огорченные незамѣнимой утратой, смертью дорогого учителя, шлемъ товарищамъ его привѣтъ, призываемъ продолжать дѣло, которому покойный Николай Константиновичъ отдалъ лучшія силы, твердо стоя на славномъ посту".

Изъ *Кутаиса* „Кутаисская губернская интеллигенція глубоко скорбитъ о незамѣнимой утратѣ дорогого Николая Константиновича Михайловскаго, воспитавшаго рядъ поколѣній на идеяхъ человѣчности".

Изъ *Дерпта*: „Неожиданная смерть Николая Константиновича является невознаградимой потерей для всего русскаго общества и печати. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу крупный общественный дѣятель и еще болѣе крупный литературный работникъ. Русская печать со временемъ оцѣнитъ всю тяжесть этой потери и укажетъ, какое громадное вліяніе оказывали труды Николая Константиновича на мысль русской интеллигенціи: слишкомъ свѣжа еще его могила, чтобы сдѣлать это сейчасъ. Одно только можно сказать, что для многихъ и очень многихъ Николай Константиновичъ былъ учителемъ жизни и по его сочиненіямъ учились смѣло смотрѣть въ глаза правдѣ-истинѣ и осуществлять въ жизни правду-справедливость. Для насъ (маленькаго студенческаго кружка въ Дерптѣ) тяжесть потери Николая Константиновича увеличивается еще и тѣмъ, что покойный Николай Константиновичъ состоялъ съ 1895 года почетнымъ членомъ нашего общества, и это еще болѣе скрѣпляло ту духовную нить, которая связывала тѣсно Николая Константиновича со всей читающей и учащейся русской молодежью. Теперь эта нить прервалась...

Общество русскихъ студентовъ въ Дерптѣ проситъ васъ принять это письмо, какъ выраженіе глубокаго соболѣзнованія постигшему васъ горю". Предсѣдатель Общества *Петръ Яковенко.*

Изъ *Москвы*: „Студенты-медики третьяго курса Московскаго унивирситета спѣшатъ выразить свою искреннюю скорбь объ утратѣ, въ лицѣ высокочтимаго Николая Константиновича, истиннаго интеллигента, благороднаго выразителя идеаловъ русской общественности и носителя въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ лучшихъ мыслей и чувствъ русскаго юношества".

Изъ *Дрездена*: „Русскій студенческій литературно-научный кружокъ „Russia" при дрезденскомъ Политехникумѣ раздѣляетъ съ вами и со всѣмъ русскимъ обществомъ чувства глубокой скорби въ тяжелой утратѣ, понесенной нашей родиной въ лицѣ Николая

Константиновича Михайловскаго. У только что закрывшейся могилы считаемъ своимъ долгомъ выразить нашу горячую признательность умершему, который всегда будилъ въ русской учащейся молодежи стремленія къ „правдѣ-истинѣ“ и „къ правдѣ-справедливости“. Не въ одномъ изъ насъ покойный Николай Константиновичъ своимъ яркимъ словомъ заложилъ основы общественныхъ чувствъ и соціальнаго міросозерцанія; до конца дней своихъ покойный не переставалъ чутко слѣдить за ходомъ нашего общественнаго развитія и смѣной нашихъ теоретическихъ и практическихъ идеаловъ. Вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ будемъ мы глубоко чтить память покойнаго, имя котораго такими крупными буквами уже вырѣзано на страницахъ нашей литературы и общественности“. Предсѣдатель *Д. Голенеровъ*; Секретарь *Ар. Сыромятниковъ*.

Изъ *Краснопавловки*: „Выражаю свое искреннее соболѣзнованіе о кончинѣ Николая Константиновича Михайловскаго“. *А. П. Захарченко*.

Изъ *Нижняго-Новгорода*: „Собраніе секціи гигіены, воспитанія и образованія выражаетъ редакціи глубокое сожалѣніе о потерѣ въ лицѣ Николая Константиновича Михайловскаго незабвеннаго литературнаго и общественнаго дѣятеля, поборника долгу народу“. Предсѣдатель секціи *Граціановъ*.

Изъ *Семипалатинска*: „Глубоко потрясены внезапной смертью Николая Константиновича Михайловскаго. Какой свѣтильникъ разума угасъ! Какое сердце биться перестало!“. Священникъ *Герасимовъ*. Лѣсничій *Меллеръ*.

Изъ *Елисаветполя:* „Сегодня отслужена панихида по Михайловскому. Объятые глубокой скорбью, не находимъ словъ для выраженія соболѣзнованія по поводу незамѣнимой утраты въ лицѣ Николая Константиновича. Свѣтлые завѣты его останутся неизгладимыми въ нашихъ сердцахъ. Миръ праху борца истины, поставившаго себѣ нерукотворный памятникъ!“. *Почитатели*.

Изъ *Варшавы*: „Группа лаборантовъ и ассистентовъ Варшавскаго университета выражаетъ редакціи „Русскаго Богатства“ свое глубокое соболѣзнованіе по поводу утраты ею столь выдающагося редактора и сотрудника, какимъ былъ безвременно умершій Николай Константиновичъ Михайловскій, этотъ блестящій писатель и безукоризненный представитель лучшихъ стремленій всей мыслящей Россіи. Вмѣстѣ съ остальными почитателями покойнаго они скорбятъ о той тяжелой потерѣ, которую понесла Россія со смертью столь стойкаго и талантливаго борца за принципы истины, свободы и человѣчности“.

Изъ *Суджи:* „Суджанское общество содѣйствія народному образованію оплакиваетъ вмѣстѣ со всей мыслящей частью русскаго общества незамѣнимую потерю писателя-гуманиста, болѣе

40 лѣтъ безсмѣнно стоявшаго на почетной стражѣ русской общественности, свѣтлыхъ идеаловъ правды-справедливости".

Изъ *Хотина*: „Пораженная безвременной кончиной незабвеннаго Николая Константиновича Михайловскаго, Общественная библіотека выражаетъ чувство искренняго соболѣзнованія вамъ и семьѣ глубокочтимаго писателя". *Правленіе.*

Изъ *Пензы*: „Примите выраженіе сочувствія по поводу смерт талантливѣйшаго писателя, идеальнаго человѣка и гражданина Николая Константиновича Михайловскаго". Земскіе врачи: *Масловская*, *Марковъ*.

Изъ *Бронницъ*: „Земскіе врачи Бронницкаго уѣзда, впервые послѣ 28 января собравшись вмѣстѣ, выражаютъ свою глубокую скорбь по случаю кончины Николая Константиновича Михайловскаго, великаго борца за индивидуальность, за умственное и нравственное оздоровленіе русскаго общества, — кончины, особенно чувствительной въ настоящее смутное время" (*10 подписей*).

Изъ *Петровско-Разумовскаго*: „Русская молодежь, собравшаяся въ Московскомъ сельско-хозяйственнаго институтѣ, выражаетъ свою искреннюю печаль, вызванную преждевременной кончиной горячаго борца за правду-истину, правду-справедливость".

Изъ *Юрьева*: „Пораженные вѣстью о внезапной кончинѣ Николая Константиновича, мы хотѣли бы подѣлиться съ осиротѣвшей семьей-редакціей „Русскаго Богатства" чувствомъ жгучей скорби, которую вызвала въ насъ смерть крупнаго писателя, крупнаго общественнаго дѣятеля и большого человѣка... Мы хотѣли бы сказать этой честной и дружной семьѣ, что не мирится съ мыслью о смерти Николая Константиновича наша любовь къ нему,—горячая, искренняя любовь, потому что онъ былъ однимъ изъ немногихъ свѣточей „правды-истины" и „правды-справедливости", про которые мы говоримъ: „а все-таки... все-таки впереди огни"..., которые тѣмъ ярче горятъ, указывая намъ путь, чѣмъ темнѣе становится ночь, и въ тяжелыя времена, когда безсильно падаетъ и стонетъ все вокругъ, смѣло зовутъ насъ впередъ и впередъ!.. Мы хотѣли бы воскликнуть со всей мыслящей интеллигентной Россіей: „Не говорите намъ: онъ умеръ! Онъ — живетъ", потому-что мы, какъ и она, горячо вѣримъ, что слово его переживетъ много будущихъ поколѣній и имя его, имя нашего вождя и учителя, украшенное благодарной памятью учениковъ, будетъ произноситься съ такой же гордостью и съ такой же любовью, съ какой любовью и скорбью оно произносится нами теперь"... Группа *студентовъ Юрьевскаго университета.*

Изъ *Москвы:* „Общество взаимопомощи студентовъ-естественниковъ при Московскомъ университетѣ выражаетъ редактору и сотрудникамъ „Русскаго Богатства" свое искреннее соболѣзнованіе о потерѣ Николая Константиновича Михайловскаго, какъ

ыдающагося соціолога нашихъ дней, властителя думъ молодого поколѣнія, сильнаго и смѣлаго борца идей 60-хъ годовъ, сумѣвшаго мужественно простоять на славномъ посту болѣе 40 лѣтъ, и талантливаго руководителя передового журнала, до конца дней защищавшаго учащуюся молодежь".

Изъ *Пензы*. „Позвольте въ этотъ скорбный часъ выразить волнующія насъ всѣхъ чувства. Мы поражены въ самое сердце, мы подавлены извѣстіемъ о смерти дорогого, незабвеннаго нашего учителя Н. К. Михайловскаго. Вѣчная память о немъ будетъ жить въ сердцахъ благодарной русской молодежи, которую онъ долго велъ по пути правды, справедливости и добра". *Пензенская чащаяся молодежь.*

Изъ *Смоленска*: „Группа смолянъ, собравшись впервые послѣ неожиданной смерти многоуважаемаго Николая Константиновича, неутомимаго борца за права личности и протестанта противъ всякаго насилія и произвола, выражаетъ свою глубокую скорбь по поводу понесенной русскимъ народомъ тяжелой утраты" (*27 подписей*).

Изъ *Холмогоръ*: „Мы очень удручены извѣстіемъ о смерти Николая Константиновича Михайловскаго, борца за свободу личности, неустанно пробуждавшаго русское общественное самосознаніе" (*17 подписей*).

Изъ *Екатеринодара*: „Интеллигентное общество города Екатеринодара глубоко скорбитъ о смерти знаменитаго критика и публициста Николая Константиновича Михайловскаго, могучаго борца за права и свободу личности, и твердо вѣритъ, что воспитанныя имъ поколѣнія достойно будутъ служить тѣмъ идеямъ, которымъ такъ славно служилъ покойный" (*65 подписей*).

Изъ *Воронежа*: „Умеръ Михайловскій!.. Чуждо и странно звучатъ эти слова для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ русскую литературу и въ теченіе долгихъ лѣтъ привыкъ видѣть „на славномъ посту" ея—энергическій обликъ Николая Константиновича, въ которомъ русская интеллигенція цѣнила не только оригинальнаго мыслителя и соціолога, но также и стойкаго борца за свободу и справедливость. Умеръ Михайловскій, и странно думать, что мѣсто его осталось пустымъ; что русскій читатель никогда больше не услышитъ его смѣлаго голоса, который вливалъ бодрость и силу въ сердца его многочисленныхъ друзей и котораго, какъ огня, боялись его многочисленные противники. Для русскаго общества Михайловскій былъ не учителемъ только: онъ былъ кормчимъ, и въ самыя тяжкія времена смуты умовъ, безнадежнаго унынія, онъ одинъ указывалъ вѣрный путь и всѣхъ растерянныхъ и заблудившихся велъ къ одной великой цѣли—правдѣ и свободѣ. Его свѣтлый всеобъемлющій умъ никогда не измѣнялъ ему; его острое перо не уставало безпощадно казнить все лживое, продажное, пресмыкающееся... Смерть его — утрата незамѣнимая, и теперь,

когда его уже нѣтъ, невольно заползаетъ въ душу страхъ, что въ жизни и литературѣ, на стражѣ которыхъ стоялъ покойный, снова торжествующе зашипятъ продажныя рептиліи; высоко поднимутъ голову лживо-елейные Іудушки, и ядъ человѣконенавистничества, предательства широкой волной разольется по лицу земли русской. Но Михайловскій умеръ не весь: богатое наслѣдіе оставилъ онъ русскому народу, и глубокая скорбь, вызванная его кончиной, смягчается увѣренностью въ томъ, что, если нѣтъ Михайловскаго, какъ человѣка, то духъ его, его завѣты остались жить и будутъ жить, и что побѣда принадлежитъ не тьмѣ, а свѣту, носителемъ и хранителемъ котораго былъ Николай Константиновичъ. Въ этой увѣренности мы, нижеподписавшіеся, свидѣтельствуя редакціи „Русскаго Богатства" свою душевную скорбь, въ то же время выражаемъ надежду, что она останется вѣрна духу и завѣтамъ своего незабвеннаго руководителя и вдохновителя Николая Константиновича Михайловскаго, у свѣжей могилы котораго невольно вспоминаются слова поэта:

„Счастливъ, кто тѣломъ легъ своимъ,
Судьбой преслѣдуемъ неправой,
Воздвигъ ступень ко граду славы
Великодушно онъ другимъ...
. . . .
Друзья, сплотимся жъ въ общемъ дѣлѣ,
Въ взаимномъ счастьѣ наши цѣли,
Единствомъ сильны мы..." (*84 подписи*).

Изъ *Костромы*: „Выражая высокочтимой редакціи и семьѣ писателей „Русскаго Богатства" свое глубокое сочувствіе по поводу понесенной утраты въ лицѣ усопшаго дорогого писателя Николая Константиновича Михайловскаго, мы въ то же время утѣшаемъ себя мыслью, что постъ славнаго и мощнаго борца за правду-справедливость, какимъ былъ Николай Константиновичъ, найдетъ себѣ достойнаго замѣстителя изъ лицъ, стоящихъ у знамени, высоко-поднятаго „Русскимъ Богатствомъ" *(21 подпись)*.

Изъ *Перми*: „Пораженные неожиданной кончиной великаго русскаго публициста-философа, незабвеннаго писателя-друга, Николая Константиновича Михайловскаго, мы, его читатели-друзья, присоединяемся къ общему горю всего образованнаго общества, глубоко скорбимъ о безвременной утратѣ властителя нашихъ думъ, учителя и вождя русской передовой мысли, борца за индивидуальность, глашатая правды-истины и правды-справедливости. Въ насъ, пермякахъ, будетъ всегда жива память о тѣхъ пріятныхъ дняхъ (20—23 іюня 1901 года), когда Николай Константиновичъ посѣтилъ Пермь, провелъ это время среди представителей пермскаго общества—его интеллигенціи и учащейся молодежи, навсегда запечатлѣвъ среди насъ свой благородный образъ.

Присоединяясь въ выраженіи своей глубочайшей скорби ко всему

передовому русскому обществу, чтущему въ покойномъ писателѣ неутомимаго защитника правды-истины и безстрашнаго борца за правду-справедливость, мы просимъ редакцію „Русскаго Богатства“ не отказать передать о нашемъ глубокомъ сочувствіи семьѣ покойнаго и возложить на его безвременную могилу нашъ вѣнокъ со словами: „отъ пермяковъ—властителю думъ, учителю и вождю Николаю Константиновичу Михайловскому“, а посылаемую лепту положить въ основаніе стипендіи имени Н. К. Михайловскаго въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга“ (*153 подписи*) *).

Изъ *Бѣлорѣцкаго завода*: „Позвольте мнѣ заявить передъ вами, читателю малограмотному, мое сердечное, глубокое и нелицемѣрное сожалѣніе по поводу кончины Николая Константиновича Михайловскаго. Къ сожалѣнію моему, я не способенъ изложить свои мысли на бумагѣ, хотя желалъ бы сказать многое объ этомъ умершемъ дорогомъ и миломъ человѣкѣ“. *Михаилъ Неудачинъ*.

Изъ *Петербурга*: „Кружокъ студентовъ-технологовъ по изученію и разработкѣ технико-санитарныхъ вопросовъ фабрично-заводскаго быта приноситъ уважаемой редакціи „Русскаго Богатства“ свое искреннѣйшее сожалѣніе и сочувствіе по случаю кончины Николая Константиновича. Не стало того, къ чьему голосу прислушивалась вся мыслящая Россія, и не услышитъ она болѣе его чуткаго отклика на жгучіе вопросы дня. Но долго еще борецъ за человѣческую личность, за великую гармонію правды-истины и правды-справедливости будетъ жить въ душахъ тѣхъ, кому дорогъ прогрессъ человѣка, и возбуждать на неустанную борьбу съ темными силами, стоящими на пути его развитія. Да почерпнетъ и уважаемая редакція въ томъ единодушномъ сочувствіи, которое она нашла въ русскомъ обществѣ, особенно въ русской молодежи, новыя силы, чтобы высоко держать знамя борьбы за лучшее будущее“. Предсѣдатель *д-ръ Д. Никольскій*.

Изъ *Симбирска*: „Исполненные глубокой скорби, члены Симбирскаго семейно-педагогическаго кружка выражаютъ редакціи свое искреннее сожалѣніе по поводу кончины Н. К. Михайловскаго, неутомимаго борца за правду-истину и правду-справедливость“. Предсѣдатель совѣта *Жиркевичъ*.

Изъ *Двинска*: „Изъ глубины наболѣвшей души приношу семьѣ Н. К. Михайловскаго и „Русскому Богатству“ горячее соболѣзнованіе въ тяжелой, незамѣнимой утратѣ стойкаго, неутомимаго борца за права человѣка, рѣдкаго по дарованію писателя и журналиста Николая Константиновича, неустанно будившаго мысль русскаго интеллигента и воодушевлявшаго на борьбу за великое дѣло любви и правды“. Другъ-читатель *В. Куницынъ*.

Изъ *Томска*: „Учащіе Томскаго технологическаго института,

*) См. отчетъ конторы редакціи въ № 2 „Русскаго Богатства“.

глубоко скорбя о невознаградимой утратѣ выдающагося философа-критика, проповѣдника правды и справедливости, просятъ принять и передать также семьѣ Николая Константиновича искреннее сочувствіе" (*22 подписи*).

Изъ *Нохтуйска:* „Глубоко потрясенные смертью дорогого писателя-друга, шлемъ сочувственный привѣтъ редакціи. Михайловскаго не стало, но живы и будутъ жить его идеи" (*8 подписей*).

Изъ *Петербурга*: „Общее собраніе Невскаго общества устройства народныхъ развлеченій, по докладу члена комитета Общества, доктора Д. П. Никольскаго, о смерти Н. К. Михайловскаго, почтивъ память покойнаго вставаніемъ, постановило выразить редакціи журнала „Русское Богатство" свое глубокое соболѣзнованіе въ постигшемъ какъ редакцію, такъ и все русское общество горѣ". Предсѣдатель комитета *И. П. Варгунинъ*.

Изъ *г. Коломны*: „Правленіе Коломенской Общественной библіотеки имени И. И. Лажечникова выражаетъ свое глубочайшее сожалѣніе по поводу горестной утраты, понесенной вашимъ журналомъ, русскимъ обществомъ и отечественной литературой въ лицѣ скончавшагося Николая Константиновича Михайловскаго". Предсѣдатель *М. Лозовскій*. Секретарь *Гр. Соколовъ*.

Изъ *Калуги*: „Спѣшу выразить редакціи журнала „Русское Богатство" свое сожалѣніе о смерти Николая Константиновича Михайловскаго. Когда я прочелъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" объ его смерти, я былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ..." *Н. Покровскій*.

Изъ *Гомеля*: „Глубоко скорблю о кончинѣ великаго учителя, бросавшаго, гдѣ только могъ, искры правды". *Моисей Фридманъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отъ редакціи.

Ближайшіе сотрудники и друзья, а также сыновья Николая Константиновича Михайловскаго озабочены собраніемъ его писемъ и другихъ матеріаловъ для біографіи. Въ этомъ дѣлѣ они разсчитываютъ на содѣйствіе всѣхъ, кому дорога память покойнаго, и въ особенности тѣхъ, кто состоялъ съ нимъ въ личныхъ отношеніяхъ и перепискѣ. Содѣйствіе это можетъ быть оказано

сообщеніемъ личныхъ воспоминаній и особенно присылкой писемъ Николая Константиновича (по адресу: *Петербургъ, Баскова ул., д. № 9*, въ редакцію журнала „Русское Богатство“). На оборотѣ писемъ или на особыхъ листкахъ, приложенныхъ къ нимъ, слѣдуетъ обозначать:

а) Кому и когда они адресованы и кому принадлежатъ въ настоящее время (имя, фамилія и адресъ владѣльца).

б) Уступаетъ ли ихъ владѣлецъ въ распоряженіе редакціи и сыновей Николая Константиновича или желаетъ сохранить право собственности за собою. Въ первомъ случаѣ будутъ приняты всѣ мѣры для бережнаго сохраненія драгоцѣнныхъ документовъ; во второмъ — по снятіи копій оригиналы будутъ возвращены владѣльцамъ.

в) Если владѣлецъ писемъ пожелаетъ изъять отъ оглашенія нѣкоторыя мѣста или даже цѣлыя письма, которыя, однако, могутъ дать цѣнныя указанія для біографовъ, то это слѣдуетъ точно обозначить, и желаніе владѣльцевъ писемъ будетъ удовлетворено во всей полнотѣ.

г) Желательны также поясненія обстоятельствъ, вызвавшихъ переписку, если это не ясно изъ самаго текста.

Редакція „Русскаго Богатства“ проситъ также редакціи всѣхъ повременныхъ изданій, въ которыхъ появились или появятся статьи, посвященныя памяти и литературно-общественной дѣятельности Николая Константиновича Михайловскаго, присылать экземпляры этихъ статей, а въ случаяхъ, когда это почему-нибудь оказалось бы затруднительнымъ,—хотя бы точныя указанія изданій и номеровъ, гдѣ статьи или замѣтки были напечатаны.

Ближайшіе друзья, сотрудники и сыновья Николая Константиновича впередъ приносятъ искреннюю благодарность лицамъ, которыя окажутъ содѣйствіе въ исполненіи этого долга передъ памятью всѣмъ намъ дорогого писателя и человѣка, а также редакціямъ тѣхъ изданій, которыя благоволятъ перепечатать это обращеніе.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ брошюровщика И. К. Константинова—10 р.; Ю. и В.—15 р.; Л. Н. Стахевичъ—10 р.; Н. Н. Богоявленской—10 р.; С. П. Грибоѣдовой—3 руб.; Н. Ѳ. Анненскаго—50 руб.; Н. Е. Кудрина—25 руб.; Діонео—25 руб.; А. П. Плетнева—100 р.; Е. Н. Чирикова—50 р.; Н. М. Могилянскаго—15 р.; Е. В. Брунстъ—10 р.; Л. С. Зака—5 руб.; М. А. Кроля—5 р.; В. Ѳ. Смолича, изъ м. Чернобыль—3 р.; Г. Д. Тетеревятникова, изъ Ростова на Дону—2 р.; А. И. Гуковскаго, изъ Архангельска—10 р.; И. М. Карпова, изъ Сулина—5 р.; А. А. Великопольскаго, изъ Рыбинска—3 р.; В. С. Крестинской, изъ Сосницы—4 руб.; подписчика „Русскаго Богатства“ № 2435, со ст. Буцинъ—5 р.; А. и И. Фондаминскихъ, изъ Флоренціи—1 р. 87 к. (5 лиръ); Е. И. Чернобаева—4 р.

Итого . . . 370 р. 87 к.

А всего съ прежде поступившими 1.409 р. 22 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ кружка для совмѣстныхъ чтеній—28 р.; черезъ В. В. Водовозова, изъ Кіева (болѣе 116 лицъ)—157 р. 15 к.; *) отъ И. М. Карпова, изъ Сулина—5 р.; подписчика „Русскаго Богатства“ № 2435, со ст. Буцинъ—1 руб.; В. С. Крестинской, изъ Сосницы—4 р.; В. А. Мякотина, изъ Валдая—50 р.; М. В. Брамсона, изъ Вильны—25 р.; К. Ѳ. Грачева, изъ Москвы—3 р.; С*** семинаристовъ—3 р.; Л. М. Мельникова, изъ Ейска—3 р.; А. М. Волкова, изъ Костромы, при письмѣ за 21 подписью—10 р. 25 к.; В. К. Ванина, изъ Казани—3 р.; Я. Т. Дуновича, изъ Лодзи—22 р. 50 к.

Итого . . . 314 р. 90 „

А всего съ прежде поступившими 480 р. 90 „

Въ капиталъ имени **Николая Константиновича Михайловскаго** при „Литературномъ Фондѣ“:

Отъ Л. Н. Жебунева, изъ Кіева—5 р.; г.г. Ліокумовичей и Александрова, изъ Мозыря—46 р.

Итого . . . 51 р. — к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ А. А. Киселя, изъ Москвы—25 р.

Итого . . . 25 р. — к.

---

*) Въ редакцію присланъ подробный отчетъ пожертвованій, но, по недостатку мѣста, не можетъ быть напечатанъ.

На библіотеку имени **Николая Константиновича Михайловскаго**:

Отъ студентовъ Петербургскаго Технологическаго Института—36 р. 25 к.; подписчика „Русскаго Богатства" № 767, изъ Срѣтенска—5 р.

Итого . . . 41 р. 25 к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.:

Отъ подписчика „Русскаго Богатства" № 2435, со ст. Буцинъ—1 р.; Л М. Мельникова, изъ Ейска—3 р.; И. И. Котляревскаго—10 р.; подписчика „Русскаго Богатства" № 767, изъ Срѣтенска—5 р.

Итого . . . 19 р. 76 к.

А всего съ прежде поступившими 3.539 р. 76 к.

Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую Губернскую Земскую Управу.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова**:

Отъ И. К. Кузьменко, изъ Уфы—2 р.; И. И. Котляревскаго—7 руб.; подписчика „Русскаго Богатства № 767, изъ Срѣтенска—5 р.

Итого . . . 14 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 297 р. 85 к.

На образованіе стипендіи имени **Влад. Гал. Короленко**:

Отъ подписчика „Русскаго Богатства" № 2435, со ст. Буцинъ—1 руб.; подписчика „Русскато Богатства № 767, изъ Срѣтенска—5 р.

Итого . . . 6 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 48 р. — к.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Дозв. ценз. Спб., 22 марта 1904 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 000